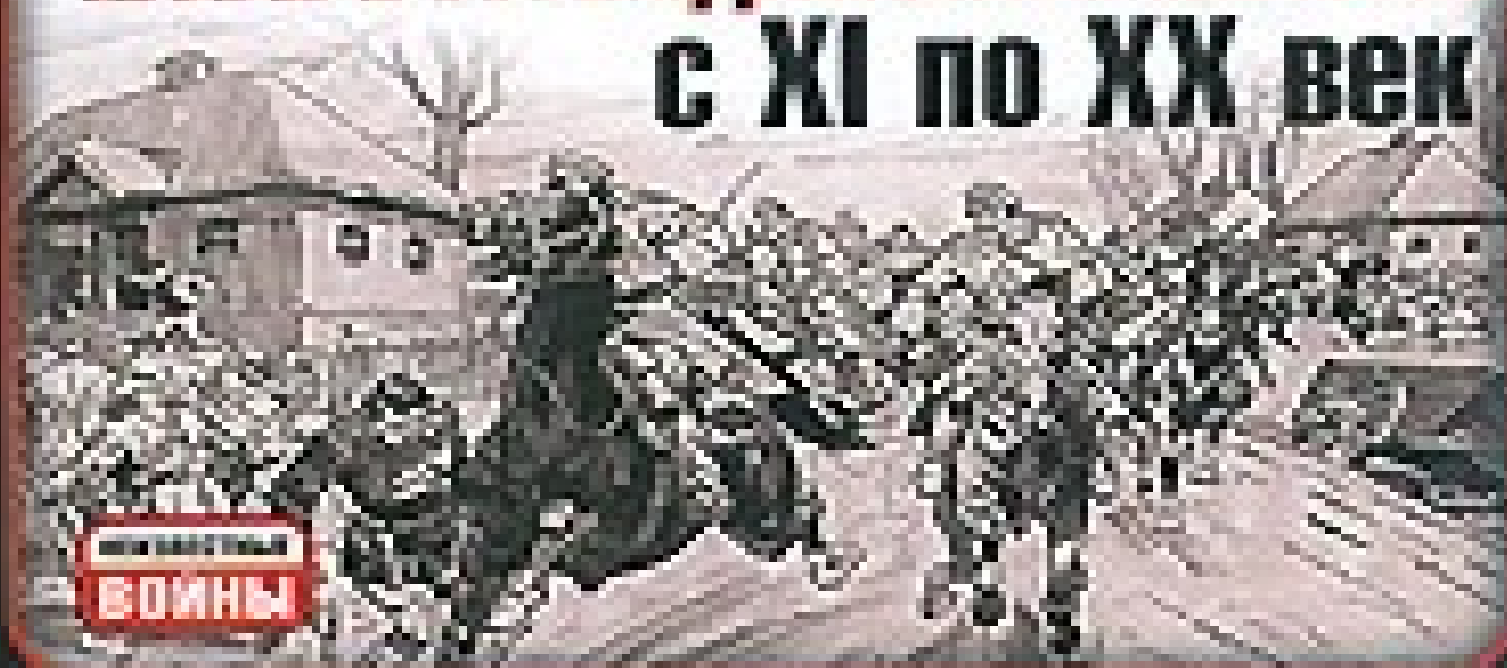

А.Б. ШИРОКОРАД

НАША ВЕЛИКАЯ МИФОЛОГИЯ

ЧЕТЫРЕ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙНЫ с XI по XX век

ВОЙНЫ

Annotation

Термин «гражданская война» у российского читателя ассоциируется исключительно с событиями 1917–1920 годов. Однако на Руси было еще три кровопролитных гражданских войны: конфликт между сыновьями Владимира Красное Солнышко в начале XI века, война потомков Дмитрия Донского в середине XV века и Великая Смута в начале XVII века.

Каждая из них длилась несколько лет, приводила к огромным жертвам и разрушениям, зачастую сопровождалась иностранной интервенцией.

Исследованию этих гражданских войн и посвящена данная книга.

- [Раздел I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
- [Раздел II](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
- [Раздел III](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
- [Раздел IV](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
- [Заключение](#)
- [Приложение](#)
- [Список использованной литературы](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)

- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)

- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)

- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)

Раздел I

Война между сыновьями Владимира Красное Солнышко

Глава 1

Сколько было сыновей у князя Владимира

Со времени пришествия варягов в 862 г. борьба за власть на Руси сводилась к убийству конкурентов. При этом соперникам удавалось избегать полномасштабных боевых действий.

Согласно «Повести временных лет», во времена Рюрика в Киеве правили два варяга – Аскольд и Дир. В 882 г. Олег собрал войско из варягов и славян и двинулся из Новгорода на ладьях на юг. Как сказано в летописи, «приде к Смоленску и прия град и посади муж свои, оттуда поиде вниз и взя Любеч, посади муж свои». Перевести это, видимо, следует так: Смоленск сдался Олегу без боя, а Любеч пришлось штурмовать, и в обоих городах Олег оставил свои гарнизоны.

Подплывая к Киеву, Олег велел замаскировать свои ладьи под купеческие суда. Часть воинов изображала гребцов, а большинство легло на дно ладей. Ладьи пристали у Угорской горы, оттуда Олег послал гонцов сказать киевским князьям, что они варяги-купцы и плывут из Новгорода в Константинополь. Аскольд и Дир с небольшой свитой вышли из города для осмотра товаров. Когда они подошли к ладьям, оттуда выскочили варяги и убили обоих князей. После этого Киев без сопротивления сдался Олегу.

Однако есть все основания полагать, что летописец или последующие переписчики оговорили князя Олега, который на самом деле убил не двух, а одного киевского князя. Арабский историк IX в. Аль Накуби упоминает о князе русов Аскольде аль-Дире. Так что Дир – это прозвище Аскольда. В переводе с готского *Dyr*, *Djur* означает «зверь». Косвенным подтверждением того, что Аскольд и Дир были одним лицом, служат сведения византийцев и русских летописцев о деятельности Аскольда, о том, что Аскольд крестился в Византии и получил христианское имя Николай, о его погребении, возведении княгиней Ольгой храма Святого Николая над могилой Аскольда и т. д. О Дире же нет упоминаний вообще, кроме самого факта его убийства на берегу Днепра.

В Киеве начал править Олег, а затем сын Рюрика Игорь. У сына Игоря Святослава произошла какая-то неясная история с братом Улебом. Кончилась она тем, что Святослав убил брата.

В 977 г. сыновья киевского князя Святослава поссорились. Ярополк стал княжить в Киеве, а Владимир бежал в Швецию. В 980 г. Владимир вернулся на Русь с варяжской дружиной, захватил Новгород и начал

готовиться к походу на Киев. По пути он захватил Полоцк, убил тамошнего князя Рогволода и насильно взял в жены его дочь Рогнеду. Откуда взялся Рогволод – установить вряд ли удастся. Многие историки считают, что он был варягом и «пришел из-за моря», другие же считают Рогволода потомком местных князьков, правивших Полоцком еще до Олега.

Из Полоцка Владимир двинулся с большим войском на Ярополка. Владимир понимал, что взять хорошо укрепленный Киев будет нелегко. Тогда воеводы Владимира подкупили главного киевского воеводу, некоего Блуда. Якобы Владимир велел сказать ему: «Помоги мне. Если я убью брата, то ты будешь мне вместо отца и получишь от меня большую честь».

Блуду удалось уговорить Ярополка капитулировать и прийти к брату со словами: «Что мне дашь, то я и возьму». Ярополк с небольшой свитой пошел в княжеский терем в Киеве. По пути любимый дружинник Варяжко уговаривал Ярополка: «Не ходи, князь, убьют тебя. Беги лучше к печенегам и приведи от них войско». Но Ярополк не послушался и вошел в терем. Не успел князь войти в прихожую, как два варяга закололи его мечами, а Блуд держал двери, чтобы свита не могла помочь своему князю. Кстати, Варяжко с несколькими воинами проложили себе дорогу мечами и ушли к печенегам. Так Владимир стал властителем всей Руси.

Итак, мы видим, что за первые 150 лет правления Рюриковичей на Руси борьба за власть сводилась к убийствам конкурентов без развязывания гражданской войны. Обратим внимание, что исполнителями при устранении конкурентов были исключительно варяги. Это нам позже пригодится.

Еще в начале своего княжения Владимир попытался реформировать пантеон славянских богов и сделать язычество государственной религией. Потерпев в этом неудачу, князь в 988 г. принял христианство и, как утверждается, крестил Русь. Сам Владимир получил христианское имя Василий, однако и современники, и потомки помнили только его языческое имя. На самом деле христианизация Руси затянулась как минимум на два века. За крещение Руси князь Владимир был причислен к лику святых.

Увы, моральный облик святого братоубийцы был далек от идеала. В «Повести временных лет» о нем четко сказано: «Любил жен и всякий блуд». С.М. Соловьев писал: «Кроме пяти законных жен было у него 300 наложниц в Вышгороде,^[1] 300 в Белгороде, 200 в селе Берестове».

В русских источниках упоминаются следующие законные жены Владимира: скандинавка Ольга, полочанка Рогнеда, богемка Мальфреда, чешка Адиль, болгарка Милолика, гречанка Предлава, византийка Анна и даже неизвестная дочь германского императора, на которой он якобы

женился после смерти Анны в 1011 г.

Еще более существенно разнится число сыновей любвеобильного князя. Никифоровская летопись, В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин называют десять, С.М. Соловьев – одиннадцать, Новгородский и Киевский своды – двенадцать, а родословная Екатерины II – тринадцать сыновей: Вышеслава, Изяслава, Всеволода, Вячеслава, Мстислава, Станислава, Бориса, Глеба, Судислава, Позвизда, Святополка, Ярослава, Святослава. А в Ипатьевской летописи упоминается еще и Олег.

Тут следует заметить, что помимо славянских имен дети Владимира имели и церковные имена. Так, Святополк был Петром, Ярослав – Георгием (Юрием), Борис – Романом, Глеб – Давидом.

В «Житии Бориса и Глеба» сказано: «Владимир имел 12 сыновей. Старший среди них – Вышеслав, после него – Изяслав, третий – Святополк, который и замыслил это злое убийство. Мать его, гречанка, прежде была монахиней, и брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены, и зачал от нее этого окаянного Святополка. Владимир же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женой. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев».

Этот разнобой связан с тем, что отечественные летописи почти полностью замалчивают события на Руси в последние 27 лет правления Владимира (988—1015 гг.). Казалось бы, все должно быть наоборот. С принятием христианства на Русь приезжают греческие священники и монахи и фиксируют в летописях славные деяния Владимира. Но, увы, об этом периоде историки располагают лишь отрывочными данными иностранцев. Создается впечатление, что кто-то после смерти Владимира уничтожил все, что касалось этих 27 лет, столь важных для нашей истории.

Где-то между 980-м и 986 годами Владимир разделил земли между сыновьями. Вышеслава он направил в Новгород, Изяслава – в Полоцк, Святополка – в Туров (в летописи указан Пинск), Ярослава – в Ростов. Следует заметить, что Владимир делал сыновей не независимыми правителями областей, а всего лишь своими наместниками.

Между 1001-м и 1010 годами умерли своей смертью два старших сына Владимира – Вышеслав и Изяслав. В 1010 г. Владимир производит второе распределение городов. В Новгород направлен из Ростова Ярослав, в Ростов якобы Борис из Муром, а на его место – Глеб, Святослав – к древлянам, Всеволод – во Владимир Волынский, Мстислав – в Тмутаракань (в Крыму). Полоцк же был оставлен за сыном умершего Изяслава Брячиславом.

В конце 1012 г. или в начале 1013 г. Святополк вместе с женой (дочерью польского короля Болеслава) и ее духовником Рейнберном Колобрежским оказывается в киевской темнице. Подробности ареста туровского князя летописцы до нас не донесли, что дало повод разыграться фантазии историков. Так, Ф.И. Успенский писал: «Епископ колобрежский [Рейнберн], сблизившись со Святополком, начал с ведома Болеслава подстрекать его к восстанию против Владимира... С этим восстанием связывались виды на отторжение России от союза с Востоком [Византией] и восточного православия».^[2]

В немецкой хронике Титмара Мерзебургского, умершего в 1018 г., говорится, что Болеслав, узнав о заточении дочери, спешно заключил союз с германским императором и, собрав польско-германское войско, двинулся на Русь. Болеслав взял Киев и освободил Святополка и его жену. При этом Титмар не говорит, на каких условиях был освобожден Святополк. По версии Титмара Святополк остался в Киеве и стал править вместе с отцом. Нам же остается только гадать, был ли Святополк при Владимире советником или, наоборот, Святополк правил страной от имени отца. Известно по крайней мере два типа монет, чеканившихся с именем Святополка.

Надо сказать, что перед смертью Владимира на Руси творился бардак или беспредел – кому как нравится. К примеру, после смерти в 1001 г. Изяслава Владимировича, посаженного отцом в Полоцке, полоцким князем-наместником был назначен не следующий по старшинству брат, как было принято тогда и в последующие 400 лет на Руси, а сын Изяслава юный Брячислав. Это свидетельствует о фактической независимости Полоцкого княжества от Киева. Затем и Ярослав Владимирович в Новгороде отказался платить дань Киеву. Там начинают готовиться к походу на Новгород. Но весной 1015 г. Владимир разболелся и 15 июля умер. Естественным возможным преемником Владимира был Святополк. Он был самый старший из сыновей Владимира, то есть законный наследник престола.

Глава 2

Кто убил Бориса и Глеба?

Сразу после смерти Владимира Красное Солнышко на Руси начинаются странные и таинственные события. И при проклятом царизме, и при развитом социализме, и при нынешней демократии наши историки, описывая дальнейшее, опирались исключительно на два древнерусских источника: «Повесть временных лет» и «Сказание о Борисе и Глебе».

Вопрос очень важный, и наберемся терпения, чтобы внимательно прочесть две длинные цитаты. Вот что говорится в «Повести временных лет»: «Когда Борис возвратился с войском назад, не найдя печенегов, пришла к нему весть: „Отец у тебя умер“. И плакался по отцу горько, потому что любим был отцом больше всех, и остановился, дойдя до Альты.

[3] Сказала же ему дружина отцовская: «Вот у тебя отцовская дружина и войско; пойдя, сядь в Киеве на отцовском столе». Он же отвечал: «Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот у меня будет вместо отца». Услышав это, воины разошлись от него. Остался Борис с несколькими отроками. Между тем Святополк задумал незаконное дело, воспринял мысль каинову и послал сказать Борису: «Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к тому владению, которое ты получил от отца», но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить. Святополк пришел ночью в Вышгород, тайно призвал Путшу и вышгородских мужей боярских и сказал им: «Преданы ли вы мне всем сердцем?» Отвечали же Путша с вышгородцами: «Согласны головы свои сложить за тебя». Тогда он сказал им: «Не говоря никому, ступайте и убейте брата моего Бориса»...

...Посланные же пришли на Альто ночью, и, когда подступили ближе, то услышали, что Борис поет заутреню: так как пришла ему уже весть, что собираются погубить его...». [4]

Борис молится и поет по очереди шестопсалмие, псалмы, канон и вновь молится.

«И, помолившись Богу, возлег на постель свою. И вот напали на него как звери дикие из-за шатра, и просунули в него копья и пронзили Бориса, а вместе с ним пронзили слугу его, который, защищая, прикрыл его своим телом». [5]

А вот версия «Сказания о Борисе и Глебе»: «Блаженный же Борис

возвратился и раскинул свой стан на Альте. И сказала ему дружина: „Пойди сядь в Киеве на отчий княжеский стол – ведь все воины в твоих руках“. Он же им отвечал: „Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старшего, которого чту я как отца“. Услышав это, воины разошлись, и остался он только с отроками своими. И был день субботний. В тоске и печали, с удрученным сердцем вошел он в шатер свой и заплакал в сокрушении сердечном, но, с душой просветленной, жалобно восклицая: „Не отвергай слез моих, Владыка, ибо уповаю я на тебя!“

...Посланные же Святополком пришли на Альту ночью, и подошли близко, и услышали голос блаженного страстотерпца, поющего на заутреню Псалтырь. И получил он уже весть о готовящемся убиении его. И начал петь: «Господи! Как умножились враги мои! Многие восстают на меня» – и остальные псалмы, до конца...

...И когда услышал он зловеющий шепот около шатра, то затрепетал, и потекли слезы из глаз его, и промолвил: «Слава тебе, Господи, за все, ибо удостоил меня зависти ради принять сию горькую смерть и претерпеть все ради любви к заповедям твоим»...

...И вдруг увидел устремившихся к шатру, блеск оружия и обнаженные мечи. И без жалости пронзено было честное и многомилостивое тело святого и блаженного Христова страстотерпца Бориса. Поразили его копьями окаянные: Путыша, Талец, Елович, Ляшко. Видя это, отрок его прикрыл собою тело блаженного, воскликнув: «Да не оставлю тебя, господин мой любимый, – где увядает красота тела твоего, тут и я сподоблюсь окончить жизнь свою!» Был же он родом венгр, по имени Георгий, и наградил его князь золотой гривной, и был любим Борисом безмерно. Тут и его пронзили...

...Блаженного же Бориса, обернув в шатер, положили на телегу и повезли. И, когда ехали бором, начал приподнимать он святую голову свою. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов, и те пронзили Бориса мечом в сердце. И так скончался и воспринял неувядаемый венец. И, принеся тело его, положили в Вышгороде, и погребли в земле у церкви святого Василия». [\[6\]](#)

А тем временем сам сатана начал подстрекать Святополка на новое преступление – убийство еще одного брата – Глеба Муромского. Святополк отправил гонца в Муром: «Приезжай поскорее сюда: отец тебя зовет, он очень болен». Глеб с малой дружиной немедленно отправляется в путь. Вблизи Смоленска его нагнал посланец Ярослава из Новгорода. «Не ходи, – велел сказать ему Ярослав, – отец умер, а брата твоего Святополк убил». Но Глеб почему-то упорно жаждет смерти и тоже безропотно ждет убийц.

Естественно, в конце концов и его зарезали.

За это двойное убийство наши историки называли Святополка Окаянным. Ну, убивать братьев потомству Рюрика было не привыкать. Святослав убил родного брата Улеба, а святой Владимир – Ярополка, так что Святополк лишь продолжил традиции отца и деда, которых, кстати, никто не называл «окаянными».

Другой вопрос – о мотивах убийства Бориса и Глеба. Мы уже знаем, что Владимир вел с Ярополком борьбу за Киев, а фактически за владение Русью, и убийством брата предотвратил большую войну. Владимир был узурпатор, а Ярополк – законный наследник престола. Оставить его в живых – постоянно иметь дамоклов меч над головой.

Святополк оказался совсем в другой ситуации. Полоцкое и Новгородское княжества отделяются от Киева и готовятся к войне с ним. Значительная часть князей Владимировичей (Мстислав – князь тмутараканский, Святослав – князь древлянский и Судислав – князь псковский) держат нейтралитет и не собираются подчиняться центральной власти. Лишь два младших по возрасту князя – Борис Ростовский и Глеб Муромский – заявляют, что готовы чтить Святополка «как отца своего».

Я не зря подчеркиваю, что Борис и Глеб были младшими братьями и им не светил киевский престол в случае гибели Святополка. По закону его должен был занять старший из братьев – Мстислав, Ярослав и т. д. Святополк же начинает свое правление с убийства... двух верных своих союзников. В выигрыше оказались лишь сепаратисты Ярослав и Брячислав, которые из мятежников превратились в мстителей за убиенных братьев. Создается впечатление, что Святополк тронулся головой.

Да и братья Борис и Глеб ведут себя как умалишенные или самоубийцы. С одной стороны, они не пытаются сопротивляться или бежать в Новгород, Полоцк, Тмутаракань или «за бугор», с другой – не пытаются объяснить с братом, рассказать ему, что тот окружен врагами и они его единственные верные вассалы.

К сожалению, наших дореволюционных, советских и демократических историков отличает неумение и нежелание разбираться в сложных и спорных ситуациях и тупая верность навешенным ярлыкам. Приклеили историческим персонажам этикетки «святой», «мудрый», и историки тысячу лет поют им осанну до очередного «высочайшего указания».

Церковь же в 1072 г. канонизировала братьев Бориса и Глеба, они стали первыми русскими святыми.

Здесь мне хочется сделать маленькое авторское отступление. В ряде книг я рассказывал без купюр о деятельности исторических лиц, после

причисленных к лику святых православной и католической церквями. Некоторые читатели считают это невежливым по отношению к соответствующим конфессиям. На мой взгляд, правдивое освещение истории – это долг автора перед читателем, и ни в коей мере не затрагивает ни символа веры, ни сами конфессии. При этом замечу, что и в самих руководствах церквей нет единства при канонизации тех или иных одиозных исторических деятелей.

Так, борьба за канонизацию Николая II и его жены длилась в церковных кругах свыше 10 лет. И, в конце концов, они были канонизированы, но не отдельно, а чохом вместе со многими другими историческими лицами, погибшими от рук большевиков. Надо ли объяснять, что значит такое объединение в отношении последнего русского императора?

Не менее 8 лет ряд служителей церкви добиваются канонизации Григория Распутина, но пока конца этого процесса совсем не видно.

Наконец, здравомыслящие иерархи как в русской православной церкви, так и в Риме стараются исправить ошибки своих предшественников. Так, католическая церковь признала неправомерность процессов над Галилеем и Джордано Бруно, извинилась перед православным духовенством и греческим народом за разгром крестоносцами Константинополя и т. д. Русская православная церковь еще со времен патриарха Никона деканонизировала десятки святых князей и других исторических лиц.

С другой стороны, пока нет примеров репрессий церковных властей против священнослужителей и мирян, не признающих святости тех или иных деятелей, например, того же Николая II. Так что даже в церковных кругах вопрос о святости многих лиц остается открытым.

Култ Бориса и Глеба прижился. На Руси народ любит праздники: атеисты пьют на Пасху, демократы – на 7 ноября и т. п. А для сильных мира сего новые святые стали прямо находкой. Это было мощное идеологическое оружие против любых конкурентов в борьбе за власть. Забавно, что события тысячелетней давности используются и сейчас в политических играх. Главы правительств возлагают цветы к памятнику Ярославу Мудрому в Киеве, а бывший секретарь обкома заложил в Москве храм Бориса и Глеба. Не удивлюсь, если вскоре «чудесным образом» найдутся останки Бориса и Глеба. Их утеряли после взятия Вышгорода татарами в 1240 г. Императрица Елизавета Петровна, а позже Александр I делали безрезультатные попытки найти мощи Бориса и Глеба. Но нет крепостей, которых бы не взяли большевики, хотя бы и бывшие – они

могут найти все, что угодно. Нашли же недавно останки московского князя Даниила Александровича, могила которого была утеряна еще в XIV в., нашли «останки царской семьи». А тут что – слабо?

Все бы было хорошо, но варяги, служившие у русских князей, имели дурную привычку рассказывать о своих походах скальдам – норманнским сказителям.

В Норвежском государственном архиве среди других древних текстов сохранилась «Сага об Эймунде». Эта рукопись, по мнению специалистов, датируется 1150–1200 годами.

В 1833 г. «Королевское общество северных антикваров» издало в Копенгагене малым тиражом (всего 70 экземпляров) «Сагу об Эймунде» на древнеисландском языке и в латинском переводе. Эймунд – праправнук норвежского короля Харальда Прекрасноволосого и командир отряда варягов, состоявших на службе у Ярослава Мудрого. Естественно, сага заинтересовала русских историков, и профессор Петербургского университета О.И. Сенковский переводит сагу на русский язык. Она привела достопочтенного историка в ужас.

Сага представляет собой незатейливое повествование о походах норвежского конунга Эймунда. Он с дружиной был среди варягов, нанятых Ярославом для борьбы с отцом. Эймунд потребовал у Ярослава (в «Саге» он фигурировал как Ярислейф, или Ярицлейв) платить каждому конунгу по эйриру серебра (около 30 граммов), а кормчим на кораблях – еще по половине эйрира плюс бесплатное питание. Ярослав начал торговаться, заявил, что денег у него нет. Тогда Эймунд предложил платить бобрами и соболями. На том и порешили.

Детали, приведенные в «Саге», свидетельствуют о ее древности и достоверности. С этим согласен даже составитель книги «Древняя Русь в свете зарубежных источников»: «Как видим, практически все упомянутые в договоре Эймунда с Ярислейфом реалии имеют точные соответствия в практике найма военных отрядов русскими князьями X – начала XI в., как она отражена в летописях. Вкупе с архаичной терминологией это дает основания считать, что описанные условия, на которых Эймунд служил на Руси, отнюдь не являются выдумкой человека, записавшего сагу в „Книге с Плоского острова“, и даже не подробностями, вымышленными рассказчиками истории Эймунда в “век саг”». ^[7]

«Сага об Эймунде» расставляет все точки над i. Ярослав из-за хлопот с женитьбой и набором наемников сумел выступить в поход из Новгорода лишь в конце лета 1016 г. Борис не ломал комедию с роспуском войска и ожиданием убийц, а, как и положено, встал на сторону старшего брата.

Мало того, Борис нанимает отряды печенегов. Вполне возможно, что тут ему помогло его восточное происхождение (по матери).

Борис (в «Саге» – Бурислейф, или Бурицлав^[8]) вместе со своей русской дружиной и печенегами идет навстречу войску Ярослава. В ноябре 1016 г. рати сошлись на берегу Днепра в районе города Любеча. Попробуем сравнить описания этой битвы в «Повести временных лет» и в «Саге».

«Повесть временных лет» рассказывает: «Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиною своею. Ярослав же наутро, приготовив дружину свою к бою, на рассвете переправился. И, высадившись на берег, они оттолкнули ладьи от берега и пошли в наступление, и сошлись обе стороны. Была битва жестокая, и не могли из-за озера печенеги прийти на помощь; и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили они [воины Святополка] на лед, и подломился под ними лед, и одолевать начал Ярослав. Увидев это, Святополк обратился в бегство».^[9]

Из приведенного текста видно, что войска Ярослава находились в более выгодном положении, у них была возможность переправиться на лодках. Воины же Святополка ступили на лед и начали проваливаться. Им некуда деваться, как будто сама природа зажала их между двух озер и рекой с обманчивым льдом.

А теперь процитирую «Сагу»: «Дело пошло так, как думал Эймунд, – Бурицлав выступил из своих владений против своего брата, и сошлись они там, где большой лес у реки, и поставили шатры, так что река была посередине; разница по силам была между ними невелика. У Эймунда и всех норманнов были свои шатры; четыре ночи они сидели спокойно – ни те, ни другие не готовились к бою. Тогда сказал Рагнар: „Чего мы ждем и что это значит, что мы сидим спокойно?“ Эймунд конунг отвечает: „Нашему конунгу рать наших недругов кажется слишком мала; его замыслы мало чего стоят“. После этого идут они к Ярицлейву конунгу и спрашивают, не собирается ли он начать бой. Конунг отвечает: „Мне кажется, войско у нас подобрано хорошее и большая сила и защита“. Эймунд конунг отвечает: „А мне кажется иначе, господин: когда мы пришли сюда, мне сначала казалось, что мало воинов в каждом шатре и стан только для виду устроен большой, а теперь уже не то – им приходится ставить еще шатры или жить снаружи, а у вас много войска разошлось домой по волостям, и ненадежно оно, господин“. Конунг спросил: „Что же теперь делать?“ Эймунд отвечает: „Теперь все гораздо хуже, чем раньше было; сидя здесь, мы упустили победу из рук, но мы, норманны, дело

делали: мы отвели вверх по реке все наши корабли с боевым снаряжением. Мы пойдем отсюда с нашей дружиной и зайдем им в тыл, а шатры пусть стоят пустыми, вы же с вашей дружиной как можно скорее готовьтесь к бою“. Так и было сделано; затрубили к бою, подняли знамена, и обе стороны стали готовиться к битве. Полки сошлись, и начался самый жестокий бой, и вскоре пало много людей. Эймунд и Рагнар предприняли сильный натиск на Бурицлава и напали на него в открытый щит. Был тогда жесточайший бой, и много людей погибло, и после этого был прорван строй Бурицлава, и люди его побежали. А Эймунд конунг прошел сквозь его рать и убил там много людей, что было бы долго писать все их имена. И бросилось войско бежать, так что не было сопротивления, и те, кто спаслись, бежали в леса и так остались в живых». ^[10]

Попробуем сравнить содержание этих источников. «Повесть временных лет» и «Сага» удивительно сходятся в деталях битвы у Любеча. Удивительно потому, что компиляция исключена, автор «Повести» не знал о «Саге», и наоборот. Есть только небольшое расхождение в дате сражения и принципиальное – в имени противника Ярослава. В «Повести» это Святополк, а в «Саге» – Борис-Бурислейф. Святополк в «Саге» вообще не упомянут. Это и понятно, «Сага» посвящена не гражданской войне на Руси, а действиям отдельного варяжского отряда, который не участвовал в битвах со Святополком.

Есть и еще один источник. Новгородский летописец освещал битву при Любече ближе к тексту «Саги», уточняя некоторые детали: новгородцы переправляются ночью, обвязывают головы белыми убрусами и побеждают Святополка на рассвете. Но, по мнению новгородского летописца, он бежит к печенегам.

Обратим внимание, согласно «Повести» Святополк бежит в Польшу, по Новгородской летописи Святополк бежит к печенегам, и, наконец, «Сага» утверждает, что Борис (Бурислейф) бежит к печенегам.

Единственным разумным объяснением этого противоречия является вариант, при котором Святополк не участвует в битве у Любеча, а бежал из Киева за помощью к своему тестю великому князю Болеславу, Борис же направился к своим друзьям печенегам. Через короткое время, опираясь на союзные войска, братья с запада и с востока атакуют Ярослава. Как видим, все братцы стоят друг друга: один привел варягов, другой – ляхов, третий – печенегов. Любопытно, что русские летописи представляют Святополка вездесущим – то он у поляков, то у печенегов. Что, он летал птицей через войска Ярослава?

Что касается Глеба, то он, по всей вероятности, был на стороне

Ярослава, но вскоре был убит своими подданными муромчанами. Из «Повести временных лет» известно, что еще при жизни Владимира Святого муромчане не пускали Глеба в город, а гражданская война совсем развязала им руки. В конце 1016 г. войско Ярослава заняло Киев.

«Сага об Эймунде» частично подтверждается, увы, и другими зарубежными источниками. Современник Владимира Красное Солнышко Титмар, епископ Мерзебурга, оставил нам «Хронику», где довольно подробно описаны события в Польше и на Руси. Позднейшие историки считали его «Хронику» весьма ценным и достоверным источником. Титмар продолжал работать над «Хроникой» до самой смерти, последовавшей 1 декабря 1018 г. Но в рассказе о гражданской войне на Руси он нигде не упоминает о таком ключевом моменте, как убийство Бориса и Глеба. Таким образом, по крайней мере до середины 1018 г. Борис был жив.

Более сложный вопрос с «Польской историей» Яна Длугоша (1415–1480 гг.). Он писал о событиях 450-летней давности, опираясь на разные, в том числе и неизвестные нам, источники. Согласно Длугошу, Святополк и Борис (!) сразу после смерти князя Владимира «вступают в битву с Ярославом и его народом. И Ярослав, побежденный со своими союзниками печенегами и варягами, бежит».^[11] Правда, дальше Длугош пытается пересказывать версию русских летописцев, что, мол, позже Борис и Святополк поссорились, и последний убил Бориса.

Но для нас важно именно начало гражданской войны. Ведь Длугош не придумал ее, а опирался на какие-то документы.

О событиях, происшедших в 1017 году, русские летописи пишут кратко и невнятно. «В год 6526 Ярослав пошел в Киев, и погорели церкви».^[12] Более загадочного сообщения в летописи нет. Во-первых, это повтор предыдущего сообщения о том, что после победы у Любеча Ярослав пришел в Киев. Во-вторых, совершенно непонятно, почему погорели церкви? Сведения других летописей о большом пожаре в городе, о нападении печенегов не раскрывают картины. Короче говоря, до сих пор причина большого пожара в Киеве неизвестна. Понять эту фразу можно только, если принять во внимание текст «Саги об Эймунде».

Варяги не называют ни город, ни дату, но описывают приготовления города к защите, сообщают о пребывании зимой Бурислейфа в Баярмии и о скором приходе его сюда, то есть туда, где жили в это время Ярослав и Эймунд. Все указывает на то, что это был Киев.

Эймунд занялся укреплением города – велел рубить деревья с ветками и ставить их на крепостные стены, чтобы таким образом создать помехи

печенежским стрелам. Вокруг наружной стены Эймунд велел выкопать огромный ров, заполнить его водой и замаскировать ветвями. Местом сражения конунг наметил два городских воротных сооружения. План его был таков: впустить печенегов, привыкших к бою в открытом поле, и перебить их в тесных городских улицах.

Накануне того дня, когда в Киеве ждали нападения врага, Эймунд велел всем женщинам надеть самые лучшие украшения и выйти на стены, как только появятся печенеги. По его замыслу, дорогие украшения и наряды на красивых улыбающихся женщинах должны были усыпить бдительность печенегов и заманить их в город. Так и случилось. Бурислейф с дружиной и печенегами, увидев спокойно гуляющих по городским стенам нарядных женщин, устремился к городу. Тут многие попадали в замаскированный ров и погибли.

Бурислейф заметил, что все ворота города закрыты, кроме двух, но к ним не так-то просто было подступиться. Ярислейф и Эймунд заняли оборону – каждый у своих ворот. И началась жестокая битва, шедшая с переменным успехом. В самый ответственный момент Ярислейф был ранен в ногу, и Эймунд поспешил ему на выручку. Но печенеги уже ворвались в город. Они грабили дворцы и церкви, захватывали богатую добычу и поджигали церкви.

Эймунд быстро собрал своих варягов и контратаковал противника, занятого грабежом. Знаменосец Бурислейфа был убит, знамя упало, и печенеги решили, что погиб их предводитель. Началось паническое бегство. Эймунд и его люди преследовали беглецов до самого леса.

Согласно «Повести временных лет», в 1018 г. Святополк вместе с Болеславом ходил из Польши походом на Русь. На самом деле все было несколько иначе. При захвате Киева в 1016 г. в руки Ярослава попала жена его брата Ярополка, дочь великого князя Болеслава.

Однако Болеслав был поглощен борьбой с немцами, и судьба дочери и зятя его мало волновала. Поэтому Болеслав решил немедленно завести дружбу с победителем. Мало того, вдовый Болеслав предложил Ярославу Владимировичу скрепить союз браком с его сестрой Предславой. Одновременно «с лисьим коварством» (по словам Титмара Мерзебургского) Болеслав вел переговоры и с германской знатью и тоже отправил сватов к Оде, дочери майсенского маркграфа Эккехарда в Саксонии.

Ярослав же, овладев Киевом, считал себя непобедимым и грубо отказал Болеславу в союзе, как в политическом, так и в брачном. Мало того, Ярослав в первой половине 1017 г. отправил послов к германскому императору Генриху II, чтобы заключить наступательный союз против

Польши. Генрих обрадовался русскому посольству, и в том же году была организована первая русско-германская коалиция против Польши. Кроме Руси и Германии в состав коалиции вошли чешский князь Олдржих и племя язычников лютичей.

Болеслав Храбрый решил бить врагов поодиночке. Войско его сына Мешко, будущего короля Мечеслава II (родился в 990 г., правил в 1025–1034 гг.), вторглось в Чехию и, пользуясь отсутствием Олдржиха, разорило страну.

Германо-чешское войско осадило польскую крепость Немч, но вскоре было вынуждено отступить в Чехию. 1 октября 1017 г. Болеслав предложил Генриху начать переговоры о мире и отправил послов в город Мерзебург, где находилась ставка императора. Переговоры затянулись, и лишь 30 января 1018 г. в городе Будишине (Баутцене) был подписан мир между Польшей и Германской империей. Польша получила земли, принадлежавшие ей еще до начала войны 1015–1017 гг.: Лужицкую марку и Мильско (земли мильчан). Однако если раньше Болеслав владел ими на правах имперского лена, то теперь они прямо включались в состав Польского государства.

Генрих дал согласие на брак Болеслава с Одой. Бракосочетание состоялось с фантастической для того времени быстротой – всего через четыре дня после заключения Будишинского мира.

Между тем в 1017 г. Ярослав с войском двинулся к Берестью (Бресту). При этом войско Ярослава прошло через земли древлян, князем которых был его брат Святослав, поставленный там еще Владимиром. Согласно «Повести временных лет», Святослав, узнав о гибели Бориса и Глеба, испугался Святополка и бежал в Венгрию. Святополк Окаянный послал за ним погоню, и Святослав был убит в Карпатских горах. Замечу, о Святославе говорится скороговоркой, нет никаких причитаний, как о Борисе и Глебе.

Летописная версия о гибели Святослава более чем неубедительна. Древлянский князь имел сильную дружину и ряд крепостей, но, испугавшись слухов об убийстве братьев, в панике бежит в Венгрию... Между тем в это время Святополк контролировал лишь район Киева. На него с ратью шел Ярослав, враждебный нейтралитет (как минимум) держали брат Мстислав Тмутараканьский и племянник Брячислав Полоцкий. Так что официальная версия русских и советских историков не имеет логического объяснения.

Если же принять свидетельство «Саги» и других источников, что убийство Бориса произошло уже после похода войска Ярослава Мудрого, а

не Святополка Окаянного (!),^[13] то и бежать ему пришлось не от слуха о мифическом убийстве Бориса, а от войска Ярослава. Вполне логично, что свирепый братец послал за беглецом погоню, которая настигла его в Карпатах и прикончила.

Итак, пройдя Древлянские земли, Ярослав подошел к Берестью. Город к 1015 г. входил в состав Туровского княжества, и там мог находиться как русский гарнизон, преданный Святополку, так и польское войско. Взял ли Ярослав Берестье или нет, неизвестно, но хронист Титмар Мерзебургский кратко написал, что Ярослав, «овладев городом, ничего [более] там не добился». Итак, войско Ярослава вернулось назад. Возможно, это было связано с прибытием печенегов, ведомых Борисом Владимировичем.

Летом 1017 г. Болеслав двинулся с войском навстречу Ярославу. Помимо поляков у него было 300 наемных немцев, 500 венгров и 1000 печенегов. С поляками шла и русская дружина Святополка.

Рати встретились 20 июля 1017 г. на Волыни на реке Буг. Два дня противники стояли друг против друга и начали обмениваться «любезностями». Ярослав велел передать польскому князю: «Пусть знает Болеслав, что он, как кабан, загнан в лужу моими псами и охотниками». На что Болеслав ответил: «Хорошо ты назвал меня свиньей в болотной луже, так как кровью охотников и псов твоих, то есть князей и рыцарей, я запачкаю ноги коней моих, а землю твою и города уничтожу, словно зверь небывалый».

На следующий день, 22 июля, воевода Ярослава некий Буда начал насмехаться над польским князем, крича ему: «Вот мы проткнем тебе палкою брюхо твое толстое!». ^[14] По словам летописца, Болеслав был крупным и толстым, так что с трудом мог сидеть на лошади. Он не вытерпел насмешки и сказал своим дружинникам: «Если вам это ничего, так я один погибну», сел на коня и бросился в реку. Войско поспешило за своим князем. Русские полки не ожидали такой внезапной атаки, растерялись и обратились в бегство.

Разгром был полный. По свидетельству Титмара Мерзебургского: «Тогда пало там бесчисленное множество бегущих». То же говорят и русские летописцы: «И иных множество победили, а тех, которых руками схватили, расточил Болеслав по ляхам». В числе погибших называют и воеводу Буды (Буду).

Сам Ярослав с четырьмя дружинниками убежал в Новгород. Там он решил бежать в Швецию. Но новгородцы во главе с посадником Константином, сыном Добрыни, «рассекли лады Ярослава, так говоря:

„Хотим и еще биться с Болеславом и со Святополком“. Начали деньги собирать: от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен. И привели варягов, и отдали им деньги, и собрал Ярослав воев многих».

Между тем бегство Ярослава открыло союзному войску Болеслава путь на Киев. Титмар Мерзебургский пишет: «Добившись желанного успеха, [Болеслав] преследовал разбитого врага, а жители повсюду встречали его с честью и большими дарами». Войско Болеслава шло через Владимир Волынский, Дорогобуж, Луцк и Белгород. Жители этих городов не оказывали сопротивления и признавали власть Святополка.

В начале августа 1018 г. поляки подошли к Киеву. Дружина Ярослава и наемники-варяги попытались оказать сопротивление. Но Болеслав не спешил со штурмом города, и вскоре защитники Киева сдались из-за нехватки продовольствия. Судя по всему, капитуляция была почетной.

14 августа союзники вошли в город. У собора Святой Софии (тогда еще деревянного) Болеслава и Святополка «с почестями, с мощами святых и прочим всевозможным благолепием» встретил киевский митрополит.

Польские хронисты утверждают, что великий князь Болеслав, вступив в завоеванный Киев, ударил мечом по Золотым воротам города. На вопрос, зачем он это сделал, Болеслав будто бы ответил «с язвительным смехом»: «Как в этот час меч мой поражает золотые ворота города, так следующей ночью будет обещана сестра самого трусливого из королей, который отказался выдать ее за меня замуж. Но она соединится с Болеславом не законным браком, а только один раз, как наложница, и этим будет отомщена обида, нанесенная нашему народу, а для русских это будет позором и бесчестьем».

В Великопольской хронике XIII–XIV вв. говорится: «Говорят, что ангел вручил ему [Болеславу] меч, которым он с помощью Бога побеждал своих противников. Этот меч и до сих пор находится в хранилище краковской церкви, и польские короли, направляясь на войну, всегда брали его с собой и с ним обычно одерживали триумфальные победы над врагами... Меч короля Болеслава... получил название „щербец“, так как он, Болеслав, придя на Русь по внушению ангела, первый ударил им в Золотые ворота, запиравшие город Киев на Руси, и при этом меч получил небольшое повреждение».

В руки Болеслава попали все женщины из семьи Ярослава – его «мачеха» (видимо, последняя, неизвестная русским источникам, жена князя Владимира Святого), жена и девять сестер. Титмар пишет: «На одной из них, которой он и раньше добивался [Предславе], незаконно, забыв о своей

супруге, женился старый распутник Болеслав». В Софийской Первой летописи говорится более определенно: «Болеслав положил себе на ложе Предславу, дочь Владимирову, сестру Ярославлю».

Между прочим, «мудрый» Ярослав еще до битвы на Буге отослал в Новгород захваченную в полон жену Святополка. Болеслав взял Предславу к себе в наложницы, а позже увез ее с собой. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

Видимо, Болеслав нарушил условия капитуляции Киева и вскоре отдал город на разграбление. Разделив добычу, наемники саксонцы, венгры и печенеги отправились восвояси. Сам же Болеслав с частью польского войска поехал в Киев, а остальная часть войска была размещена в ближайших городах. Польский князь явно не знал, что делать с Киевом. Он даже начал в Киеве чеканку серебряных монет, так называемых «русских денариев» с надписью кириллицей «Болеслав».

Но польский князь понимал, что удерживать Киев дольше будет невозможно. Он попытался даже вступить в переговоры с Ярославом, находившимся в Новгороде, и послал туда киевского митрополита. Поводом для серьезных переговоров стал вопрос об обмене дочери Болеслава и жены Святополка на жену Ярослава. Однако Ярослав не желал мириться в такой ситуации с Болеславом, кроме того, у него были весьма веские причины желать, чтобы жена его сгинула в польском плену.

Что же касается Святополка, то он не хотел ни мира с Ярославом, ни присоединения Киевской земли к Польше. В «Повести временных лет» говорится: «Болеслав же пребывал в Киеве, сидя [на престоле]; безумный же Святополк стал говорить: “Сколько есть ляхов по городам, избивайте их”». Киевлян и жителей других городов, оккупированных ляхами, долго уговаривать не пришлось. Почти синхронно началось изгнание поляков. Однако непонятным образом Болеславу удалось уйти из Киева с большей частью людей, а также с награбленными драгоценностями. Знатные русские пленники – бояре Ярослава, жены и сестры – были отправлены в Польшу, видимо, еще раньше. Болеславу удалось сохранить за собой и Червенские города, приобретенные еще князем Владимиром Святым.

После ухода поляков Святополк стал киевским князем и тоже начал чеканить собственную серебряную монету. А тем временем «мудрый» Ярослав счел себя холостым и послал сватов к шведскому королю Олафу I Шётконугу. Летом 1019 г. в Новгороде состоялось бракосочетание дочери Олафа Ингигерд, принявшей христианское имя Ирина, с «мудрым» Ярославом.

Тут русские и советские историки обычно ставят точку. А между тем

Ингигерд еще раньше была обещана конунгу Олаву Харальдссону, которого она безумно любила. В сборнике саг «Гнилая кожа» говорилось, что конунг Ярицлейф позвал Ингигерд в свои хоромы на пир и сказал: «Видала ли ты где-нибудь такую прекрасную палату и так хорошо убранную, где, во-первых, собралась бы такая дружина, а во-вторых, чтобы было в палате той такое богатое убранство?» Княгиня отвечала: «Господин, в этой палате хорошо, и редко где найдется такая же или большая красота, и сколько богатства в одном доме, и столько хороших вождей и храбрых мужей, но все-таки лучше та палата, где сидит Олав конунг, сын Харальда, хотя она стоит на одних столбах». Конунг рассердился на нее и сказал: «Обидны такие слова, и ты показываешь опять любовь свою к Олаву конунгу», – и ударил ее по щеке. Она сказала: «И все-таки между вами больше разницы, чем я могу, как подобает, сказать словами».^[15] И Ингигерд, разгневанная, ушла.

Возникает резонный вопрос: с какой стати шведский король решил испортить жизнь дочери и отдать ее за нелюбимого человека? А ведь в 1015 г. Ярослав был всего лишь новгородским князем и бунтовщиком... Ларчик открывается просто: Ингигерд получила в качестве свадебного дара Альдейгьюборг (Ладогу). Причем получила не «в кормление», как это было в Московской Руси. Например, вдовая царица Мария Нагая с сыном получили «в кормление» город Углич. Ингигерд получила Ладогу в полное владение. После ее смерти Ладога должна была остаться за ее шведскими наместниками, что, кстати, так и случилось.

Новый тесть отправил Ярославу сильную дружину. Ярослав, по данным «Саги об Эймунде», считал своим основным противником не Святополка, а Бурислейфа, то есть Бориса. И с ним удалось покончить весной 1019 г..^[16] Войско Ярослава двинулось к Киеву. Навстречу ему шел, по русской летописи, Святополк, а по «Саге» – Бурислейф (Борис). Последний провел несколько месяцев у печенегов и теперь вел печенежскую рать.

Эймунд правильно оценил ситуацию. Даже в случае поражения Борис через какое-то время вновь приведет печенегов. В такой ситуации Эймунд обратился к Ярислейфу: «Никогда не будет конца раздорам, пока вы оба живы». Ярослав оказался действительно «мудрым» и хитро ответил: «Я никого не буду винить, если он (Борис) будет убит».

Эймунд, его родственник Рагнар и десять варягов переоделись в купеческое платье и двинулись навстречу войску печенегов. Эймунд нашел близ реки Альты на дороге удобную для лагеря полянку. В центре полянки

был дуб. По приказу Эймунда варяги нагнули верхушку дуба и привязали к ней систему веревок, примитивную подъемную машину, замаскированную в ветвях. Как и предвидел Эймунд, печенеги остановились именно в этом месте. Под дубом был разбит большой княжеский шатер. В центре шатер поддерживал высокий шест, украшенный сверху золоченым шаром. Ночью шесть варягов остались стеречь лошадей, а остальные во главе с Эймундом направились к шатру. Печенеги были утомлены походом и изрядно выпили перед сном. Варяги беспрепятственно подошли к шатру, накинута на верхушку шеста петлю веревки, связанной с дубом. Ветка, удерживающая согнутую верхушку, была перерублена. Дерево распрямилось, сорвало шатер и отбросило его в сторону. Эймунд бросился к спящему князю, убил его копьем и быстро обезглавил. Прежде чем печенеги опомнились, варяги уже бежали к лошадям.

По прибытии в Киев Эймунд принес конунгу Ярислейфу голову Бурислейфа: «На! Вот тебе голова, господарь! Можешь ли ты ее узнать? Прикажи же прилично похоронить брата». (Сх. 3.)

Конунг Ярислейф отвечал: «Опрометчивое дело вы сделали, и на нас тяжко лежащее. Но вы же должны озаботиться и его погребением».

Эймунд решил вернуться за телом Бориса. Как он правильно рассчитал, печенеги ничего толком не поняли и были поражены смертью князя и исчезновением его головы. Ясно, что не обошлось без лукавого. Во всяком случае, они в панике бежали, оставив тело князя на поляне.

Варяги Эймунда обрядили тело князя, приложили к нему голову и похоронили.

После бегства печенежской рати Ярослав овладел Киевом. Святополку пришлось уносить ноги. «И во время бегства напал на него бес, и расслабил суставы его. Он не мог сидеть на коне, и несли его на носилках. Принесли его к Берестю, убегая с ним. Он же говорил: „Бегите бегом со мною, гонятся за нами“. Отроки же его посылали посмотреть: „Не гонятся ли кто за ними?“ И не было никого, кто бы гнался по их следам, и продолжали бежать с ним... Ему невыносимо было оставаться на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый Божиим гневом, и прибежал в пустынное место между Польшей и Чехией, и там кончил бесчестно жизнь свою. Праведный суд постиг его, неправедного, и после смерти он принял муки окаянного... посланная ему Богом смертельная рана безжалостно кинула его смерти, и по смерти он, связанный, терпит вечные муки. Стоит могила его на этом пустынном месте и до сего дня, и исходит из нее смрад жестокий».^[17]

Почти сразу после убийства Бориса Ярослав перестал платить

жалование отряду Эймунда. То ли жадность обуяла князя, то ли он хотел, чтобы нежелательные свидетели отправились домой или куда-нибудь в Византию. Но варяги – не шахтеры и не учителя, они не выходили на митинги с транспарантами: «Требуем выдать в ноябре зарплату за январь». Эймунд пошел к Ярославу и сказал: «Раз ты не хочешь нам платить, мы сделаем то, чего тебе менее всего хочется – уйдем к Вартилаву конунгу, брату твоему. А теперь будь здоров, господин». Варяги сели на ладьи и поплыли к Полоцку, где им щедро заплатил князь Брячислав (Вартилав).

Внук Владимира Святого Брячислав Изяславич держал нейтралитет в войне Ярослава с братьями. Его больше всего устраивало взаимное истощение сторон. Сам же Брячислав зарился на стратегические волокна на пути «из варяг в греки» в районе Усвята и Витебска, а в перспективе метил и на киевский престол.

Получив варяжскую дружину, Брячислав осмелел и в 1021 г. взял Новгород. Ярослав собрал войско и двинулся на племянника. Согласно русским летописям, в битве на реке Судомире^[18] полоцкая рать была наголову разбита, а Брячислав бежал в Полоцк. Вскоре Ярослав и Брячислав заключают мир. По его условиям Витебск и Усвят отходят к Брячиславу, как будто бы он победил на Судомире.

В «Саге об Эймунде» эти события изложены совсем по-другому. Битвы на Судомире не было вообще. Дружины Ярослава и Брячислава неделю стояли друг против друга, не начиная сечи. И тут опять решающую роль сыграл «спецназ» Эймунда. Группа варягов во главе с Эймундом ночью похитила жену Ярослава Ингигерд и доставила ее Брячиславу. После этого Ярославу пришлось заключить с племянником унижительный мир. Какая прекрасная тема для беллетриста – ради любимой жены князь отдает два города. Но наша повесть строго документальная, и мы должны верить только фактам, а они заставляют предположить, что Ярослав предпочел бы видеть жену убитой, нежели взятой в заложники. Ингигерд не была русской княгиней-затворницей XIV–XV вв. Наоборот, она была воительницей и дала бы много очков вперед какой-нибудь Жанне д'Арк.

Когда Эймунд уезжал от Ярослава к Брячиславу, Ингигерд пыталась убить конунга, и лишь случайность спасла его. Согласно саге, захват Ингигерд произошел ночью на дороге, по которой она куда-то скакала в сопровождении всего одного дружинника. В схватке под Ингигерд была ранена лошадь.

Мало того, в личном распоряжении Ингигерд с самого начала войны находился большой отряд варягов. В отличие от дружины Эймунда эти варяги вообще не подчинялись Ярославу. Нетрудно догадаться, что в такой

ситуации у Ярослава просто не было выбора.

Заклучив мир с племянником (Брячиславом Полоцким), Ярослав Мудрый решил разобраться с еще одним своим братом – Мстиславом Тмутараканьским. До этого Мстислав не принимал участия в войнах Ярослава с братьями. То ли он не хотел ввязываться в их свары, то ли его отвлекали непрерывные войны с хазарами, касогами и другими кочевыми племенами.

Летописи представляют нам Мстислава сказочным богатырем и опытным полководцем. Во время войны с касогами их князь богатырь Редедя предложил Мстиславу: «Зачем губить дружину, схватимся мы сами бороться, одолеешь ты, возьмешь мое имение, жену, детей и землю мою, я одолею, – возьму все твое». Мстислав убил Редедю и наложил дань на касогов.

Начало войны с Мстиславом было неудачно для Ярослава. В 1023 г. Мстислав осадил Киев, но не смог его взять и обосновался в Чернигове. Ярослав традиционно бежал в Новгород и отправил гонцов в Швецию за помощью. Вскоре из Швеции прибыла миротворческая миссия – конунг Якун Слепой (Одноглазый) с дружиной.

Ярослав и Якун двинулись к Чернигову. Войска братьев сразились у города Листвена (в начале XX в. Листвен был селом в 40 км от Чернигова). У Листвена Ярослав решил повторить тактический прием, принесший ему победу у Любеча семь лет назад. В середине войска он поставил свою ударную силу – дружину Якуна, а по краям – славянских дружинников. Но перед ним был не неопытный Борис, а хитрый Мстислав, который, наоборот, свою отборную дружину расположил на флангах, а в центр поставил недавно покоренных северян. Еще до рассвета рать Мстислава атаковала противника. Грозные варяги контратаковали северян и врубились клином в их ряды. Большая часть северян погибла, но остальные упорно сопротивлялись и убили немало варягов.

В это время конница Мстислава легко разбила на флангах Ярославовы дружины, а затем с тыла и флангов обрушилась на варягов. Не берусь судить, слышал ли Мстислав о Ганнибале, но Листвен оказался ничем не хуже Канн. Тут полегла и дружина Ярослава, и почти все варяги. Как сказано в летописи, днем Мстислав объехал поле битвы и сказал: «Как не порадоваться? Вот лежит северянин, вот варяг, а дружина моя цела».

Ярослав с Якуном бежали с поля боя. При этом Якун, чтобы не быть узнанным, сбросил свое золотое облачение – «луду». Ярослав добежал до Новгорода, а Якун перевел дух аж в Швеции.

После Листвена Мстислав мог легко овладеть и Киевом, и

Новгородом, но он поступил благородно, почти как в рыцарских романах. Мстислав отправил грамоту Ярославу: «Садись в своем Киеве, ты старший брат, а мне будет та сторона», то есть левый (восточный) берег Днепра. Но Ярослав не решился идти в Киев и держал там своих посадников, а сам жил в Новгороде. Только в 1025 г., собрав большое войско, Ярослав пришел в Киев и у Городца заключил мир с Мстиславом. Братья разделили Русскую землю по Днепру, как хотел Мстислав. Он взял себе восточную сторону с главным столом в Чернигове, а Ярослав – западную сторону с Киевом. «И начали жить мирно, в братолюбстве, перестала усобица и мятеж, и была тишина великая в Земле», – говорит летописец.

Между 1020-м и 1023 годами новгородцы за свою поддержку вытребовали у Ярослава особую грамоту (по другим источникам – «Правду», а говоря современным языком, конституцию). Текст Ярославовой грамоты до нас не дошел, ее уничтожили московские князья. Но из постоянных ссылок на нее в позднейших документах явствует, что грамота содержала налоговые льготы Новгороду, расширение прав народного собрания (веча) по сравнению с другими русскими городами, а также существенные ограничения власти киевского князя и его наместников в Новгороде.

Между тем Ладогой и прилегающей областью от имени княгини Ингигерд стал править ее родич ярл Рёгнвальд. Де-факто и де-юре эта область отпала от Киевской Руси. Рёгнвальд вскоре не только вышел из подчинения Ингигерд, но и сделал свою власть наследственной. После смерти Рёгнвальда Ладогой правил его первый сын Ульв, а затем второй сын Эйлив. Третьего же сына Рёгнвальда Стейнкиля в 1056 г. вызвали из Ладogi в Швецию, где он был избран королем и стал основателем новой шведской династии. Лишь в конце XI в. новгородцы сумели выгнать варягов из города Ладogi.

Глава 3

Рождение мифа

В 1036 г. Ярославу неожиданно крупно повезло – на охоте погиб богатырь Мстислав. У Мстислава был единственный сын Евстафий, но тот умер еще в 1032 г. В связи с этим земли Мстислава мирно отошли к Ярославу. Князь Ярослав, впоследствии прозванный Мудрым, ввел новый свод законов («Русскую правду»), строил города и церкви и даже выдал дочь Анну за французского короля Генриха I. В 1060 г. Анна овдовела и стала официальной регентшей при своем сыне, малолетнем короле Филиппе I, от имени которого она и правила Францией два года.

Сам Ярослав и его воеводы ходили походом на поляков, литву, в Византию и на чудь заволоцкую (то есть к устью Северной Двины).

В 1030 г. сам Ярослав Мудрый возглавил поход в Эстляндию. Там Ярослав основал город Юрьев. Город получил название в честь Ярослава, который помимо славянского имел и христианское имя Георгий, то есть Юрий. В 1224 г. датчане переименовали город в Дерпт, в 1893 г. император Александр III вернул городу историческое имя Юрьев, но в 1919 г. эстонские националисты переименовали его в Тарту. К концу правления Ярослава большая часть Эстляндии входила в состав Киевского государства.

20 февраля 1054 г. умер Ярослав Мудрый. Два его сына – Илья и Владимир – скончались еще при жизни отца, еще пять сыновей – Изяслав, Святослав, Всеволод, Игорь, Вячеслав – были уже в солидном возрасте. Наследовал отцу старший сын Изяслав. Ему же принадлежали Турово-Пинская земля и Новгород. Святослав, сидевший перед тем на Волыни, получил Чернигов, земли радимичей и вятичей, то есть всю Северную землю, Ростов, Суздаль, Белоозеро, верховья Волги и Тмутаракань. Всеволод получил Переяславль, Игорь – Волынь, а Вячеслав – Смоленск. Внук Ярослава, Ростислав Владимирович, сидел в «Червенских градах», в Галицкой земле. Теперь почти вся Русь принадлежала детям и многочисленным внукам Ярослава. Все остальные дети и внуки князя Владимира Святого умерли или были убиты.

Исключение представлял Судислав Владимирович, который долгие десятилетия провел в темнице, заключенный туда братом Ярославом. Изяслав Ярославич перевел дядю из тюрьмы в монастырь, где тот и умер в 1063 г. Да еще в Полоцке сидел правнук Владимира князь Всеслав

Брячиславич по прозвищу Чародей. В Полоцком княжестве власть стала наследственной – в 1044 г. умер Брячислав, и ему наследовал единственный сын Всеслав.

Ярославовы внуки начали усобицы еще в 1063–1064 гг. Но тут в их дела вмешался полоцкий Чародей, который в 1066 г. захватил Новгород. Тут дети и внуки Ярослава объединились и пошли ратью на обидчика. Им удалось взять штурмом город Минск, население которого было полностью перебито. Но в марте 1067 г. кровопролитная битва на реке Нимиге закончилась вничью. Как сказано в «Слове о полку Игореве»:

*У Немиги кровавые берега
не добром были посеяны —
посеяны костями русских сынов...*

В июле 1067 г. Изяслав, Святослав и Всеволод послали звать Всеслава к себе на переговоры, поцеловавши крест, что не сделают ему зла. Всеслав почему-то поверил им и не один, а с двумя сыновьями, без надлежащей охраны переплыл на челне Днепр. В ходе переговоров Изяслав приказал схватить Чародея с сыновьями. Вскоре их отправили в Киев и посадили в подземную тюрьму. Все прошло в лучших традициях «мудрого» Ярослава. Однако полоцких князей спасло появление половецкой орды. Навстречу им вышли три брата Ярославича. В сражении на реке Альте русские потерпели полное поражение.

Поражение переполнило чашу терпения киевлян, которым давно приелось правление «мудрого» Ярослава и его деток. На киевском торгу собралось вече, которое потребовало у князя Изяслава Ярославича раздать народу оружие для борьбы с половцами. Князь отказался. Тогда горожане осадили княжеский двор. Братьям Изяславу и Всеволоду Ярославичам ничего не оставалось, как бежать из Киева. Причем Изяслав боялся оставаться в пределах Руси и бежал в Польшу.

Киевляне освободили из тюрьмы полоцкого князя Всеслава Чародея и выбрали его князем киевским. Но усидеть на киевском престоле Всеславу удалось лишь 7 месяцев.

Весной 1069 г. к Киеву двинулось большое польское войско во главе с великим князем Болеславом II. Вел войско Изяслав Ярославич. Всеслав двинулся навстречу полякам, но у Белгорода, узнав о большом численном превосходстве врага, ушел со своей дружиной в Полоцк.

Киев был вынужден капитулировать перед поляками. В город вошел

карательный отряд во главе с Мстиславом – сыном Изяслава Ярославича. 70 горожан было казнено, несколько сотен ослеплено. Изяслав вновь оказался на киевском престоле. Однако после этого очередная гражданская война на Руси не только не затихла, но разгорелась с новой силой.

Изяслав с дружиной и поляками двинулся к Полоцку и захватил его. Всеслав Чародей, как всегда, сумел скрыться. Изяслав посадил наместником в Полоцке своего сына Мстислава, а после его смерти другого сына – Святополка.

Полоцк вернулся под власть Киева всего на четыре года. В 1074 г. Всеслав Чародей навсегда вернул себе Полоцкое княжество, а Святополк позорно бежал.

Тем временем Святослав и Всеволод Ярославичи начали войну за киевский престол со старшим братом Изяславом Ярославичем.

Как видим, Изяслав Ярославич, вернувшись в Киев, сидел на киевском престоле как на горячих углях. В довершение всего в 1071 г. в Киеве объявились волхвы, открыто проповедовавшие о грядущих вселенских катаклизмах. В такой ситуации экстренно требуется какой-либо крутой пропагандистский трюк.

И вот в 1072 г. Изяслав организывает торжественное действо – перенесение останков князей Бориса и Глеба в специально построенный каменный храм в Вышгороде близ Киева. Естественно, что около могил начинают твориться чудесные знамения и исцеления больных.

Любопытно, что в 1050 г., то есть еще при жизни Ярослава Мудрого, его внук, сын Изяслава, был назван Святополком. То есть в 1050 г. об истории Бориса и Глеба никто не помнил или не хотел вспоминать. Как мы помним, варяги убили Бориса тайно, и все они погибли или убыли на родину. За 50 лет в Киеве власть менялась насильственным путем раз двадцать, и у древних стариков в головах неизбежно перепутались многие события. Тем не менее даже из летописи видно, что канонизация прошла не совсем гладко. Так, при перезахоронении братьев глава русской церкви митрополит Георгий «бе бо нетверу верою к нима», то есть очень сильно сомневался, но «потом пал ниц». Первым внесли в храм Бориса в деревянном гробу, а вот с Глебом, которого несли в каменном гробу, вышла заминка. В летописи сказано: «...уже в дверях остановился гроб и не проходил. И повелели народу взывать: “Господи, помилуй”».

Мало того, митрополит Георгий вынул из каменного гроба правую руку Глеба и благословил ею стоявших рядом князей Изяслава и Всеволода Ярославичей. И только тогда гроб с телом Глеба прошел в церковь.

Интересно, зачем летописцу в краткое описание захоронения включать

эту деталь? Может, он хотел эзоповым языком сказать, что у Глеба были серьезные основания не лежать рядом с Борисом?

Возможно, у кого-то возникнет вопрос: а как народ воспринял в 1072 г. такую фальсификацию? Ведь должны же были старики помнить события 54-летней давности? Ну что ж, спросите у пожилых киевлян, кто из них в 1974 г. помнил все перипетии Гражданской войны, когда Киев в 1918–1920 гг. переходил из рук в руки столь же часто, как в 1015–1019 гг. Тем более что в «Саге об Эймунде» несколько раз говорится, что убийства Бориса никто не видел. Ну а кто помнил, того заставили молчать. Не зря же митрополит Георгий упорно не желал канонизировать Бориса.

Ряд церковных и светских авторов пишут, что сразу же после переноса мощей князей состоялась их канонизация. Тем не менее это не так. Первое упоминание о святом Борисе в древнерусских документах встречается после 1117 г. Как сказано в исследовании Н.И. Милютенко, «канонизация состоялась только 2 мая 1115 г., когда мощи святых были перенесены внуками Ярослава в пятиглавый каменный храм. Это подтверждает и месяцеслов Архангельского Евангелия (1092 г.), где тоже нет памяти Бориса и Глеба. Впервые 24 июля упомянуто в Евангелии, переписанном для Мстислава, сына Владимира Мономаха, в начале XII в.». ^[19]

Видимо, ежегодное поминание чтимых усопших постепенно превратилось в празднование памяти святых.

До перевода «Саги об Эймунде» на русский язык на нестыковки в летописи никто не обращал внимания. А вот потом наших историков начало буквально трясти. Закончив перевод «Саги», профессор О.И. Сенковский понял, что ее публикация может кончиться длительным путешествием на Соловки. Тогда он нашел неостроумный, но единственно возможный выход из положения – объявил Бурислейфа Святополком. Царское правительство этот подлог устраивал. А при советской власти шла борьба с норманнской теорией, и все, что связано с варягами, предавалось забвению.

Лишь с началом перестройки полемика об убийцах Бориса и Глеба вновь обострилась. В 1990 г. в Минске выпущена книга Г.М. Филиста «История „преступлений“ Святополка Окаянного» с анализом «Саги» и других русских и зарубежных источников, доказывающим, что Борис убит Ярославом. В 1994 г. в Москве выходит книга Т.Н. Джаксон «Исландские королевские саги в Восточной Европе». Эта дама, «не углубляясь в полемику», поддерживает версию Сенковского, мол, Бурислейф в «Саге» надо читать как Святополк, а не как Борис. Понятно, что с такими дамами вести полемику не следует, а лишь стоит задать один риторический вопрос:

а зачем писать 250-страничную книгу и посвящать в ней самому интересному и единственному политически злободневному вопросу два абзаца – менее половины страницы?

Официальные же историки заняли в споре нейтральную позицию. С одной стороны, аргументы сторонников «Саги» более чем убедительны, и оспаривать их при отсутствии официальной цензуры – рисковать подвергнуться всеобщему осмеянию, но и назвать Ярослава убийцей страшно – придется переписывать все учебники и вступать в конфликт с церковью. Поэтому до сих пор школьники зубрят по учебникам: Ярослав – Мудрый, Святополк – Окаянный. Увы, историческим штампам не страшны ни революции, ни смены экономических формаций.

Еще ранее, в 1986 г., А.С. Хорошев в книге «Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.)» на странице 23 подробно изложил версию «Сказания о Борисе и Глебе» и «Саги об Эймунде» и... блестяще уклонился от изложения собственного мнения по данному вопросу. Помните анекдот советского времени: «А вы имеете собственное мнение? – Мнение-то у меня имеется, но я с ним в корне не согласен».

Канонизация Бориса и Глеба не помогла Изяславу Ярославичу, через несколько месяцев он с сыновьями был вынужден вновь бежать в Польшу. На киевский престол сел его брат Святослав Ярославич. Но уособицы по-прежнему продолжались.

В 1097 г. в город Любеч на Днепре съехались внуки и правнуки Ярослава Мудрого «на устроение мира». После долгих споров князья пришли к соломонову решению: «Пусть каждое племя держит отчину свою». То есть официально было объявлено о распаде единого государства. Произошла констатация сложившегося порядка вещей. Замечу, что Всеслав Чародей не поехал на Любечский съезд – Полоцк и так принадлежал его династии.

В Любече, «уладившись», князья целовали крест: «Если теперь кто-нибудь из нас поднимется на другого, то мы все встанем на зачинщика и крест честной будет на него же». После этого князья поцеловались и разъехались по домам.

Но, увы, ничего не изменилось, и вновь начались междоусобные войны. Зато историки получили точку отсчета – Любечский съезд – для нового параграфа в учебнике «Феодальная раздробленность Руси».

Возможно, кто-то из читателей выразит удивление: зачем нам сейчас в начале бурного XXI в. копаться в делах тысячелетней давности – какой князь куда ходил, кого убил и т. д.?

Увы, волею наших правителей Борис, Глеб и Ярослав Мудрый стали

как бы нашими современниками. Мифы об этих трех князьях уже тысячу лет используют русские правители и церковь для борьбы со своими политическими противниками. По всей России воздвигнуты храмы в честь Бориса и Глеба, несколько провинциальных городов получили название Борисоглебск. Ну а ни в чем не повинный Святополк получил со временем прозвище Окаянный.

Но вот с Ярославом Мудрым ситуация несколько сложнее. Наиболее умные иерархи православной церкви, видимо, обладают сведениями о подлинной истории слишком «мудрого» Ярослава и не спешат провести его полную канонизацию. Хотя уже не один десяток русских князей причислены к сонму святых. Но, увы, в Святцах Русской православной церкви до сих пор нет Ярослава Мудрого. Другой вопрос, что в 2000 г. издательство «Спасский собор – “Держава”» выпустило анонимную (без имени автора или составителя) книгу «Русские святые воины», где приведен анонимный текст: «Святой благоверный Великий князь Ярослав Мудрый».

В начале марта 2004 г. Священный Синод Украинской православной церкви (подчиненной Московской патриархии) причислил Ярослава Мудрого к местночтимым святым. Он стал «небесным покровителем» государственных мужей, судей, прокуроров, ученых, учителей и студентов.

Что ж, князь, поднявший меч на своего отца, полжизни воевавший со своими братьями и племянником, убивший двух братьев (Бориса и Святослава), десятилетиями гноивший в одиночной камере невинного брата Судислава и т. д., и т. п. – достойный покровитель «государственных мужей» Кучмы, Ющенко, Тимошенко и К°, а также их судей и прокуроров.

Главное же, что первая русская гражданская война, развязанная слишком «мудрым» Ярославом, не только принесла великое разорение Руси, но и стала началом распада Древнерусского государства. Страна вступила в «эпоху феодальной раздробленности». Фальсификация истории и откровенная ложь были сильнейшим оружием византийских басилевсов и преданного им духовенства. Вместе с греческими попами наши князья получили это гнусное оружие. Теперь русской историей станут не деяния ее правителей, а мифотворчество ученых холопов.

Раздел II

Война потомков Дмитрия Донского

Глава 1

Накануне грозы

Чтобы понять причины и ход второй русской гражданской войны (1425–1453 гг.), нам надо сделать краткий исторический экскурс в систему престолонаследия князей Рюриковичей и разобраться с термином «татарское иго».

В домонгольский период на Руси господствовало так называемое «горизонтальное право» престолонаследия. Ну, к примеру, в Киеве правит старший брат Иван, в Смоленске – средний брат Федор, а в Вязьме – младший брат Александр. Вот Иван умирает, но киевский престол достается не его сыну Василию, а среднему брату Федору. Александр из Вязьмы переезжает в Смоленск, а старший сын покойного Василий едет в Вязьму.

Горизонтальная система имела немало преимуществ. Ведь среднее время жизни князей Рюриковичей колебалось между 30 и 40 годами, и естественно, 25—35-летний средний брат станет куда лучшим правителем, чем сын старшего брата.

С исторической точки зрения такое перемещение князей спланивало русский народ. Ведь князь из города в город переезжал не один, а с боярами, дружиной, чиновниками (тиунами), у которых, в свою очередь, были семьи. Практически все князья, правившие в Киеве в 1200–1250 гг., ранее княжили в Северо-Восточной Руси, Новгороде или Смоленске. Поэтому говорить о какой-то особой культуре или языке Малой или Белой Руси невозможно. Это – фантазии современных белорусских и украинских националистов.

Батыево нашествие нарушило политические связи между русскими княжествами. Множество русских князей погибло. Сыграл определенную роль в разрыве связей между Северо-Восточной и Юго-Западной Русью и Александр Невский. Он в 1248 г. в Орде получил ярлык на Киев, а его младший брат Андрей – на Владимир. Титул великий князь Киевский был, как минимум, не ниже великого князя Владимирского. Но Александр в Киев ехать не пожелал, а предпочел остаться на Севере и подсиживать брата Андрея. В последнем Александр преуспел, навел на Русь Неврюеву рать и сам стал великим князем Владимирским.^[20] А вот с Юго-Западной Русью с этого времени северные князья совсем утратили политические

связи. Хотя и Александр Невский, и его сын Даниил, и внук Иван Калита сохранили в своем титуле «великий князь Киевский».

Я умышленно подробно останавливаюсь на этом вопросе. Советские историки пошли на подлог и писали в учебниках, что юго-западные русские княжества были захвачены «польско-литовскими феодалами». На самом деле Александр Невский и его потомки сами оборвали связи с Юго-Западом, и лишь через 50—100 лет эти земли попали под власть литовских князей Гедиминовичей, а поляки пришли туда лишь во второй половине XVI в.

С начала XIV в. во всех крупных княжествах возникли собственные династии, и князей-чужаков туда не пускали, несмотря даже на старшинство рода. Крупные княжества стали в XIV в. именоваться Великими: Великое княжество Тверское, Великое княжество Московское, Великое княжество Рязанское, Великое княжество Смоленское и др.

Наследование в Великих княжествах шло, как и в старину, по горизонтальной линии, так и по вертикали – от отца к сыну. Причем передача власти нигде не была зафиксирована какими-либо письменными документами, за исключением завещаний (духовных грамот) князей.

Во Владимирском княжестве не было своей династии, поскольку им владел князь, назначенный Ордой, – московский, нижегородский или тверской. Великий князь Владимирский считался номинальным главой всех северо-западных русских княжеств.

С легкой руки царских, а затем и советских историков все русские князья XIV–XV вв. предстают перед нами правителями, предающими интересы родной земли в угоду своим амбициям и корыстным интересам. На их фоне контрастно выделяют династию московских князей – потомков Даниила Московского – собирателей русских земель. Православная церковь в 1990–2000 гг. канонизировала большую часть членов московской династии – Даниила Александровича, его сына Ивана Калиту и внука Дмитрия Донского.

Увы, ни одного документального подтверждения, что Иван Калита и его потомки до Василия II включительно мечтали о «великой России», попросту нет. Все они думали лишь о сиюминутных выгодах. Риторический вопрос, почему наши горе-историки и писатели хулят русских князей за то, что они не хотели оставлять земли своих дедов и идти добровольно в Московское княжество, а население их княжеств не желало помимо татарского ярма получить еще и московское. Вот, к примеру, некий Юрий Лощиц пишет: «Олег [Рязанский. – А.Ш.] способен был сузить зрение на какой-то одной точке, надолго забыть напрочь про все остальное,

про *русское целое*, которое больше Рязани, больше Москвы. Для него Москва, как и для многих его современников, все еще была *одним из русских княжеств*, ничем качественно от них не отличающимся. Ей просто везло и везет, но все это может сто раз измениться, вперед выступают другие, но и они возобладают лишь на время, условно, по указке ли Орды, по внутреннему ли согласию княжества-соседа». ^[21]

А вот пассаж о Господине Великом Новгороде: «Дань с них берут немалую? Та и со всех берут, даже с самых захудалых, безлапотных тверских да ростовских мужичишек. Разве то дань, что с новгородцев взимается? Они с каждой гривны огрызок за щеку прячут, сундуками все хоромы заставлены, так что и гостю ступить негде. И все недовольны Москвой. Да куда они денутся без Москвы-то в своем скудоумии? Сколько раз им Москва по первой же просьбе помощь посылала – от немца, от шведа, от той же Литвы, с которой нынче шушукаются... Нет, что ни говори, а легкомыслый народ новгородцы, заелись волей-то, упились ею как балованным медом, совесть свою с волховского моста на дно спустили... Ну так что ж! Не хотят по-доброму, можно и по-сильному». ^[22]

Ах, какие бескорыстные люди московские князья – защищают Новгород и Псков от врагов! Но почему же тогда, получив достойную плату за защиту, не откланяться, а надо обирать вольные города, а их население делать своими холопами? Такая защита сейчас зовется рэкетом. То, что Александр Невский один раз спас Псков от немцев, сейчас знает каждый школьник, а литовского князя Довмонта, десятки раз спасавшего Псков от врагов, знает лишь узкий круг историков. И это при том, что Александр Невский стал «казенным» святым – по указу московских князей, а потом Петра I, а вот Довмонт стал буквально народным святым, и чтят его простые люди без указаний сверху более пяти столетий. Вот, к примеру, в конце XVII в. казаков на Амуре окружило Богдыханово войско. Помолились казаки святому Довмонту и побили косоглазых.

Хорошую отповедь нашим лжеученым дал известный историк А.А. Зимин в книге «Витязь на распутье». Замечу, что написал он ее в разгар «застоя» в начале 1970-х гг. Писал, естественно, «в стол», и опубликована книга была лишь в 1991 г.

«Панегиристы разных родов внушали читателям, что все было ясно и предопределено. „Москве самим Богом было предназначено стать “третьим Римом”“, – говорили одни. „Москва стала основой собирания Руси в силу целого ряда объективных, благоприятных для нас причин“, – поучающе разъясняли другие.

О первых – что говорить! Хочешь верь, хочешь нет. А вот о вторых – стоит. При ближайшем рассмотрении все их доводы оказываются презумпциями, частично заимствованными из общих исторических теорий, выработанных на совсем ином (как правило, западноевропейском) материале. Главная из них заключается в том, что создание прочного политического объединения земель должно было произойти вследствие определенных экономических предпосылок – например, в результате роста торговых связей. Указывалось еще на благоприятное географическое положение Москвы, и, наконец, отмечалась роль московских князей в общенациональной борьбе с татарами. Эти два объяснения не соответствуют действительности. Никаких «удобных» путей в районе Москвы не существовало. Маленькая речушка Москва была всего-навсего внучкой-золушкой мощной Волги. Поэтому города на Волге (Галич, Ярославль, Кострома, Нижний) имели гораздо более удобное географическое (и торговое) положение.

М.К. Любавский писал, что древнейшее Московское княжество сложилось на территории, обладавшей «сравнительно скудными природными ресурсами. Здесь относительно мало было хлебородной земли – преимущественно на правой стороне р. Москвы; не было таких больших промысловых статей, какие были в других княжествах, – соляных источников, рыбных рек и озер, бортовых угодий и т. д.». Транзитная торговля (о роли которой писал В.О. Ключевский) едва ли могла захватить широкие массы местного населения, тем более что начала и концы путей, по которым она велась, не находились в руках московских князей. Москва, писал П.П. Смирнов, «как торговый пункт не обладал преимуществами в сравнении с такими городами, как Нижний Новгород или Тверь».

Не был Московский край и средоточием каких-либо промыслов...

Ну а Москва? В районах, прилегающих непосредственно к ней, не было никаких богатств – ни ископаемых, ни соляных колодезей, ни дремучих лесов. «В результате хищнического истребления лесов, – писал С.Б. Веселовский, – строевой лес в Подмосковье, главным образом сосна и ель, уже в первой половине XVI в. стал редкостью». Уже в 70-х годах XV в. появляются заповедные грамоты, запрещающие самовольную порубку леса.

Дорогостоящий пушной зверь был выбит. Только на юго-востоке Подмосковья сохранилась менее ценная белка. В первой четверти XV в. в последний раз в Подмосковье упоминаются бобры (на реке Воре). Поэтому зоркий наблюдатель начала XVI в. Сигизмунд Герберштейн писал, что «в Московской области нет... зверей (за исключением, однако, зайцев)».

Наиболее значительные места ловли рыбы располагались по крупным рекам, особенно по Волге, Шексне, Мологе, Двине, а также на озерах – Белоозере, Переславском, Ростовском, Галицком и др.

Москва не была и тем единственным райским уголком для тех, кто желал скрыться от ордынских набегов, приводивших к запустению целых районов страны (таких, как Рязань). Место было небезопасное: татары не раз подходили к Москве, Владимиру, Коломне и запросто «перелезали» через Оку. Гораздо спокойнее чувствовали себя жители более западных (Тверь) или северных (Новгород) земель».^[23]

Что же возвысило Москву? Совокупность случайных и закономерных факторов. Случайные факторы не стоит перечислять. Основных же закономерных фактора три: умелое использование московскими князьями «татарского батога»; приручение митрополитов и использование их в качестве тяжелой артиллерии в борьбе с конкурентами; и большая на порядок беспринципность и жестокость по сравнению с другими князьями.

К концу княжения Дмитрия Донского (1389 г.) Московское княжество поглотило Костромское, Стародубское, Белозерское и половину Ростовского княжества. Владимирское княжество и так принадлежало Москве, поскольку Дмитрий имел титул князя Владимирского. Стоит заметить, что все эти захваты и «купли» произошли с согласия золотоордынских ханов.

Независимым на Руси было лишь Смоленское княжество, которое с середины XIII в. не подчинялось владимирским князьям и не платило дань Орде (за исключением нескольких лет правления татарского «угодника» Федора Чермного). Тверское и Рязанское княжества, а также Новгородская и Псковская республики были номинально зависимы от Москвы.

В 1380 г. войско Дмитрия Донского и его вассалов разгромило хана Мамай на Куликовом поле. Тут стоит заметить, что на современников она произвела несравненно меньшее впечатление, чем на потомков, воспитанных на трудах Карамзина и Соловьева. Так, к примеру, Псковская летопись под 1380 годом кратко упоминает сражение на Куликовом поле в длинном списке житейских событий за год: 6 ладей на Чудском озере потопло и т. д.

Увы, хан Мамай был не полноправным правителем Золотой Орды, а лишь стороной в гражданской войне с ханом Тохтамышем. Так что сражение на Куликовом поле никак не могло «переломить хребет Золотой Орде».

В августе 1382 г. хан Тохтамыш с сильным войском подошел к Москве. Дмитрий Донской не пожелал защищать город и бежал в Кострому

«собирать рать», как пишут наши историки. Неужели сии ученые мужи не могут сделать хотя бы примерный расчет – пока князь бежал, пока собирал полки (в самой Костроме войск не было, да и край был малолюдный), пока полки вернутся в Москву – так Тохтамыш 10 раз уйти успеет. Неужели за годы учебы на истфаке, в аспирантуре и докторантуре нельзя научиться хотя бы грамотно врать?

Вся родня Дмитрия разбежалась, как тараканы. Я серьезно говорю: двоюродный брат Владимир Андреевич убежал в Волоколамск, его жена и мать – в Торжок, Евдокия, жена Донского, с детьми побежала за мужем в Кострому. Дало деру и духовное сословие – Герасим, владыка Коломенский, убежал аж в Новгород, а митрополит Киприан оказался в Твери, за что позже на него взъелся великий князь.^[24]

Защищать Москву из Литвы приехал князь Остей, внук Ольгерда. Однако татары хитростью сумели взять и сжечь Москву.

Весной 1383 г. в Орду к Тохтамышу отправилось из Москвы посольство, которое возглавил 11-летний княжич Василий, старший сын Дмитрия Донского. С собой послы взяли 8 тысяч рублей серебром. Тохтамыш деньги принял и взял в заложники Василия. Зато Дмитрий Донской вновь получил ярлык на Великое княжество Владимирское.

В конце 1385 г. четырнадцатилетнему княжичу Василию вместе с несколькими дружинниками удалось бежать из Сарая.

Как ни принижали большевики роль личности в истории, а ведь именно отдельные личности на столетия определяли развитие одной страны, а то и мира в целом! Одна меткая татарская стрела, выпущенная в спину княжича Василия Дмитриевича, в корне бы изменила русскую историю. Мы не получили бы двух слабых и тугоумных Василиев (I и II), управляемых московскими боярами, не было бы тридцатилетней кровавой гражданской войны на Руси. Московским князем стал бы Юрий Дмитриевич – храбрый воин, мудрый стратег и политик. С ордынской зависимостью было бы покончено в самом начале XV в. Но увы, увы...

А пока целый и невредимый Василий Дмитриевич драпает из Орды, причем, обманывая погоню, устремляется на юг, в Молдавию к воеводе Петру. А оттуда он попадает в Великое княжество Литовское ко двору Витовта. Мудрый князь познакомил свою четырнадцатилетнюю дочь Софью с княжичем. Как и вся литовская знать, княжна прекрасно владела русским языком и исповедовала православие.^[25]

После нескольких встреч юная пара решила обручиться. Витовт для порядка поломался, а затем уступил слезам дочери. Василий и Софья

обменялись перстнями и нательными крестиками, и наш княжич в теплых саях под эскортом литовских дружинников отправился домой. В Москву он прибыл 19 января 1388 г., а всего через 16 месяцев, 19 мая 1389 г., скончался великий князь Дмитрий Иванович.

В завещании он благословил своего старшего сына Василия на Великое княжение Владимирское, которое назвал своей отчиной. Донской уже не боится соперников для своего сына ни из Твери, ни из Суздаля. У Дмитрия Донского осталось еще пять сыновей: Юрий, Андрей, Петр, Иван и Константин.

Принципиально важным в завещании является передача власти в Москве и Великом княжестве Владимирском сыну Василию, а в случае смерти Василия – следующему сыну, Юрию. Позже историки объясняли это тем, что у Василия еще не было детей. Но Василию исполнилось всего 18 лет, и он был обручен с Софьей, дочкой князя Витовта. Что же, Дмитрий Донской заранее решил, что у молодых не будет детей, или он и его бояре были безграмотны и не могли написать в завещании, что престол переходит к старшему сыну Василия, а при отсутствии такового – к брату Юрию?

9 января 1391 г. в Успенском соборе митрополит Киприан обвенчал Софью и Василия. Любопытный момент: в 1386 г. Софья в Кракове на свадьбе Ягайло с Ядвигаой вместе с отцом перешла из православия в католичество.^[26] И сейчас в Москве ей вновь пришлось креститься, в результате чего она получила православное имя Анастасия. Тем не менее ее и в быту, и в официальных документах продолжали именовать Софьей.

18 мая 1395 г. у Василия I родился сын Юрий. За ним последовали Иван, Анна, Анастасия, Василиса, Мария, Даниил и Симеон. Однако сыновья Софьи оказались нежизнеспособными: Юрий прожил 5 лет, Даниил – 5 месяцев, а Симеон только 12 недель. Иван умер при невыясненных обстоятельствах в 1417 г. Дочери же все достигли совершеннолетия. Анна вышла замуж за наследника византийского престола, будущего императора Иоанна VIII Палеолога. (В 1417 г. она умерла, так и не дав империи наследника.) Анастасия вышла замуж за удельного киевского князя^[27] Александра Олелько, сына Владимира Ольгердовича. Василиса вышла за суздальского князя Александра Ивановича, Мария – за литовского князя Юрия Патрикеевича, служившего в Москве.

И вот 10 марта 1415 г. Софья родила последнего ребенка, названного Василием.

Софья одна, а затем и с детьми стала совершать частые вояжи к отцу.

Внешне это кажется вполне благопристойно – любящая дочь возит внуков к доброму дедушке. На самом же деле Софья получала конкретные инструкции от великого князя литовского.

У русских и литовцев за дочкой принято давать приданое, причем в средние века владетельные особы давали земли и крепости, но Софья за исключением какого-то барахла ничего не привезла в Москву. Наоборот, хитрый Витовт потребовал калым в виде Смоленска.

Независимое Смоленское княжество было надежным щитом для Северо-Восточной Руси и десятки раз в XIII–XIV вв. отражало нападения Литвы. Казалось бы, в интересах Москвы всеми силами поддерживать Смоленск. Но, увы, в Кремле правил не столько слабовольный и тугодумный Василий, сколько хитрая и наглая Софья.

Летом 1395 г. Витовт пригласил в гости смоленского князя Глеба Святославича и велел его заковать в цепи. 28 сентября 1395 г. Смоленск, оставшийся без князя, был обманом взят литовцами.

На воле остался брат смоленского князя Юрий Святославич, гостивший в то время у своего тестя Олега Ивановича Рязанского. Узнав о захвате Смоленска Витовтом, Юрий Святославич Смоленский и Олег Иванович с рязанской ратью вторглись в литовские пределы.

Московский же князь Василий I не только не помог смоленским князьям, а наоборот, в 1396 г. поехал в Смоленск на встречу с Витовтом. При въезде в Смоленск зять Витовта приказал салютовать из огромных картанов (пушек) в течение двух часов. В захваченном Смоленске родственнички отпраздновали Пасху.

Олег Рязанский в это время осадил литовский город Любутск, но Василий направил к Олегу посла, и тот, угрожая московской ратью, заставил рязанцев снять осаду.

Осенью 1396 г. Витовт с большим войском напал на Рязанскую землю. Как писал Д.И. Иловайский: «...предал ее опустошению; причем „литовцы сажали людей улицами и секли их мечами“. По выражению летописца, Витовт „пролил рязанскую кровь как воду“. После этих подвигов прямо из Рязанской земли он заехал к своему московскому зятю в Коломну, где пировал с ним несколько дней».^[28]

Интересно, как оценивают захват Смоленска литовцами и позицию Василия I наши официальные историки. Вот что, к примеру, пишет Л.Е. Морозова, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН: «...дружба между зятем и тестем окрепла. Вместе они совершали набеги на земли слишком свободолюбивых и независимых новгородцев, вместе боролись с коварным рязанским

князем Олегом, вместе после этого весело пировали в Коломне, в княжеской резиденции на излучине Москвы-реки и Оки».^[29] Какой «коварный» Олег Рязанский! Отражая постоянно нападения Москвы с севера и Орды с юга, он еще ухитрялся помогать Смоленску в борьбе с Литвой!

После смерти митрополита Киприана константинопольский патриарх Матвей 1 сентября 1408 г. поставил митрополитом киевским и всея Руси грека Фотия. 1 сентября 1409 г. Фотий прибыл в Киев, где и пробыл 7 месяцев. Там он сблизился с Витовтом.

Фотий хотел быть не московским митрополитом, а подлинным митрополитом всея Руси. Управлять митрополией только из Москвы или только из Киева означало стать на стороне Москвы или Литвы, поэтому Фотий стал «кочующим митрополитом». Пробыв несколько месяцев в Москве, в 1411–1412 гг. он совершил длительное турне по южным епархиям, посетив Киев, Галич, Луцк и т. д.

Глава 2

Юрий Галицкий

Василий I уже к 1423 г. предчувствовал приближение смерти и был крайне озабочен проблемой престолонаследия. Над ним дамокловым мечом висело завещание Дмитрия Донского, по которому, как мы знаем, Василию наследовал брат Юрий. Причем это была не прихоть Дмитрия, а норма древнерусского феодального права, существовавшего уже 600 лет.

Князю Юрию было 49 лет, и он показал себя опытным полководцем. Так, в 1392 г. он водил рати на Новгород и взял Торжок, в 1399 г. воевал в Булгарии и т. д.

К 1425 г. у Юрия Дмитриевича было четыре взрослых сына (20–25 лет): Василий Косой, Дмитрий Большой (Шемяка), Дмитрий Меньшой (Красный) и Иван. Таким образом, у Юрия Дмитриевича было кому продолжить династию и кому защищать княжество. Любопытно происхождение прозвища Шемяка. Судя по всему, оно происходит от слова «шеемяка», то есть силач, способный любому намять шею. Дмитрий Шемяка при небольшом росте (около 168 см) был крепкого телосложения и обладал большой физической силой.

Согласно духовному завещанию Дмитрия Донского, Юрий Дмитриевич в 1389 г. получил в удел города Звенигород, Рузу и Галич Мерьский (он же Костромской). Столицей своего удела Юрий сделал подмосковный Звенигород. Точное время его основания неизвестно, но, во всяком случае, он существовал к началу XIII в. и принадлежал черниговским князьям. В начале XIV в. Звенигород был захвачен московскими князьями.

В центре города находился мощный деревянный кремль. Толщина земляного вала превышала 4 м, а высота – 8 м. Огромная добыча, захваченная Юрием в болгарском походе, позволила ему начать большое каменное строительство в Звенигороде. Почти в самом центре кремля Юрием на рубеже XV в. был построен белокаменный Успенский собор на Городке. Тогда же собор был расписан группой мастеров с участием молодого Андрея Рублева и Даниила Черного. Рядом с Успенским собором, к юго-западу от него, была возведена княжеская резиденция, а по соседству, уже за пределами крепости, находился конюшенный двор.

В полутора километрах от города на левом берегу речки Сторожки, близ ее впадения в Москву-реку, в самом конце XIV в. был построен Савво-

Сторожевский монастырь, своим появлением обязанный бывшему игумену Троице-Сергиева монастыря Савве, которого Юрию удалось перезвать к себе. В течение семи или восьми лет он был первым игуменом основанной им обители. Большинство исследователей датой основания монастыря называют 1398 г. или 1399 г. В 1405 г. в монастыре строится белокаменный Рождественский собор.

Кто же мог противостоять Юрию Дмитриевичу после смерти великого князя Василия I? Семилетний сын Василия I Василий и два иностранца – грек Фотий и литовка Софья Витовтовна? На кого мог положиться Василий I? На Орду? Конечно, ее нельзя было сбрасывать со счетов, но «замятня» там продолжалась, с 1411 г. по 1420 г. в Орде сменилось 9 ханов, причем ханы Пулат и Джелла-эд-дин вступали на престол дважды. А в 1421 г. Золотая Орда распалась на Западную и Восточную части. Ханом Западной части стал в 1421 г. Улу-Мухаммед, а Восточной – Хаджи-Магоммед (Хаджи-Махмуд-хан). В 1423 г. Борак-хан разгромил войско Улу-Мухаммеда и захватил его владения. Улу-Мухаммед бежал в Литву и попросил помощи у Витовта.

По наущению жены Василий Дмитриевич в 1420 г. отправил к Витовту митрополита Фотия со своей духовной грамотой, в которой отдавал своего сына Василия под покровительство великого князя литовского. Замечу, что этим актом сын Дмитрия Донского делал вассалом великого князя литовского не только своего сына, но всю Владимиро-Суздальскую Русь. Таким образом, Василий I из ревности, а может, и ненависти к брату готов был поступиться независимостью Московского княжества.

Витовт, естественно, согласился. «А сразу за Фотием в Литву отправилась великая княгиня Софья Витовтовна, привезшая восьмилетнего Василия Васильевича на свидание с дедом в Смоленске. Очень вероятно, что именно тогда все еще находившийся в Литве (поскольку Борак доминировал в степи по меньшей мере до лета 1423 г.) хан Улу-Мухаммед и выдал на имя сына великого князя ярлык. Инициатива в этом, можно полагать, исходила от Витовта, желавшего таким образом еще более оградить владельческие права внука от возможных притязаний со стороны его дядьев с отцовской стороны».^[30]

В ночь на 27 февраля 1425 г. скончался Великий князь Московский. Буквально через несколько минут после смерти Василия I митрополит Фотий отправил в Звенигород к князю Юрию Дмитриевичу своего боярина Акинфа Ослебятева. Он должен был передать князю требование девятилетнего великого князя Василия II прибыть в столицу и присягнуть.

Князь Юрий немедленно начал собираться и вместе с дружиной

отправился в... Галич. Это был открытый вызов московской клике. «Клика» – это самое скромное название людям, правившим от имени девятилетнего ребенка: властолюбивой старухе, честолюбивому греку и кучке бояр, не желавших делиться своим положением и своими доходами с боярами князя Юрия.

Славный витязь Юрий Дмитриевич, став великим князем, немедленно бы покончил с татарским игом. И это не личное мнение автора. Тот же А.А. Горский писал: «...в Орде продолжалась борьба за власть между несколькими претендентами. Ни один из них не располагал серьезной военной силой: показательно, что Борак и Худайдат в период своего максимального могущества терпели поражения от относительно небольших литовско-русских воинских контингентов. Если бы в московских правящих кругах существовало стремление покончить с зависимостью от Орды, для этого был весьма подходящий с военно-политической точки зрения момент – средств для восстановления власти силой, как у Тохтамыша и Едигея, тогда не было».^[31]

Понятно, что Юрий Дмитриевич вовсе не мечтал стать холопом литовки и грека и тем более вассалом Витовта. Он бросил жребий. В Звенигороде рядом с Москвой оставаться было небезопасно, и он едет в Галич собирать войска. День отъезда князя Юрия из Звенигорода можно считать началом почти тридцатилетней гражданской войны. Но виновником ее был не Юрий, а корыстолюбивое московское боярство, которое ради тридцати сребреников готово было отдать Русь и Литве, и Орде, и хоть самому черту.

Однако весной 1425 г. к немедленному началу боевых действий обе стороны были явно не готовы. Поэтому Юрий Дмитриевич предложил Москве заключить перемирие до Петрова дня, то есть до 29 июня. Клика^[32] согласилась.

По мнению историка А.А. Зимина: «Уже весной князь Юрий „разослал по веси своей отчине, по всех людех своих“, и собрались „все к нему из всех градов его, и восхоте поити на великого князя“. Похоже, что решение принято было с учетом пожеланий всех собравшихся воинов князя Юрия. Созвано было что-то среднее между древнерусским вечем и московским земным собором».^[33]

А тем временем Софья Витовтовна и Фотий лихорадочно раздавали земли своим потенциальным союзникам. Дядя Василия II Константин получил в удел Ржеву, князю Петру Дмитриевичу дали в удел волости Шачебал и Ликурги (правда, тот передал их Константину Дмитриевичу).

Задоблив дядей и заполучив их дружины, клика нарушила перемирие и двинула войско на Кострому, намереваясь оттуда наступать далее на Галич. Юрий Дмитриевич решил, что деревянно-земляные укрепления Галича слабы, и ушел в Нижний Новгород.

Вслед за ним на Нижний двинулась и 25-тысячная московская рать во главе с князем Андреем Дмитриевичем. Однако по каким-то причинам до Нижнего войско не дошло и без боя вернулось назад. Софья и Фотий подозревали князя Андрея в сговоре с братом. Понятно, что сейчас причину неудачи похода установить невозможно.

В случае неудачи московского войска в дело вступает... совершенно правильно, замполит Фотий. На Рождество Иоанна Предтечи (24 июня) он прибыл в Ярославль, где отужинал у ярославского князя Ивана Васильевича. Затем Фотий отправился в Галич. Юрий, узнав, что к нему едет митрополит, вышел встречать его с детьми, боярами и лучшими людьми, собрал всю чернь из городов и деревень и поставил ее по горе так, что Фотий мог видеть большую толпу народа при въезде в город. Но Юрию не удалось испугать митрополита. Тот, лишь взглянув на толпы черни, сказал: «Сын князь Юрий! Не видывал я никогда столько народа в овечьей шерсти», тем самым говоря, что люди, одетые в сермяги, плохие ратники.

Начались переговоры. Митрополит настаивал на вечном мире, то есть чтобы Юрий навечно признал мальчишку своим господином. Галицкий же князь был согласен лишь на длительное перемирие. Фотий рассердился и уехал из Галича, не благословив ни князя, ни города, и вдруг после его отъезда в Галиче начался мор (чума?). Видимо, чуму в Галич занесла свита Фотия, благо, в Москве чума была, а в Галиче нет.^[34]

Князь Юрий испугался то ли чумы, то ли суеверных сограждан, сам поскакал за митрополитом, нагнал его и со слезами упросил вернуться в Галич. Фотий приехал в Галич, благословил народ, и мор пошел на спад, а Юрий пообещал митрополиту послать двух своих бояр в Москву. И действительно послал, те заключили мир на том условии, что Юрий не будет искать великого княжения сам, но хан кому даст великое княжение, тот и будет великим князем. Но на Орду Юрий Дмитриевич не надеялся, и клика также боялась слать туда мальчика.

Но мы увлеклись усами дяди и племянника и забыли об опекуне, которому Василий I поручил сына. Наш опекун решил пока не вмешиваться в разборку, а пограбить по мелочам в Псковских землях.

1 августа 1426 г. Витовт осадил крепость Опочку. В его войске, кроме литовцев, были наемники (немцы, чехи и волохи), а также татары из дружины свергнутого уже к тому времени золотоордынского хана Улу-

Мухаммеда. Два дня литовское войско безрезультатно простояло под стенами города, и тогда Витовт решил найти другое место в псковской обороне, которое можно было бы прорвать. 5 августа литовское войско подошло к Вороначу. Защитники крепости мужественно оборонялись три недели, несмотря на то, что литовцы использовали большие пушки. Под крепостью Котелно четыреста псковичей разбили семитысячный отряд литовцев и татар. Видимо, эти цифры не точны, но факт победы псковичей не вызывает сомнения. У крепостцы Велье жители города Острова уничтожили татарский отряд из сорока человек. Мужественно сражались и жители города Врева. Так что легкой прогулки у Витовта не вышло. Не поддержал литовского князя и Ливонский орден, державший во время этой войны нейтралитет. Дело кончилось уступкой Псковом, по московской летописи, трех тысяч рублей, а по тверской летописи – тысячи рублей за захваченных в плен псковичей.

Но вот 14 августа 1427 г. Витовт пишет магистру Ливонского ордена: «...как мы уже вам писали, наша дочь, великая княгиня московская, сама недавно была у нас и вместе со своим сыном, с землями и людьми отдалась под нашу защиту». Итак, наступил звездный час великого литовского князя – ему покорилась Москва!

Русские летописи подтверждают факт обращения Софьи Витовтовны и московских бояр к Витовту. С 25 декабря 1426 г. по 15 февраля 1427 г. у литовского князя находился с дипломатической миссией московский митрополит Фотий, а затем прибыли и Софья с Василием. Тем не менее эту постыдную историю постарались забыть как монархические, так и советские историки.

Вслед за малолеткой Василием II на поклон к Витовту кинулись удельные князья – вассалы и союзники Москвы. Вот, к примеру, договор рязанского князя Ивана Федоровича с великим князем литовским: «Я, князь великий Иван Федорович рязанский, добил челом господину государю своему, великому князю Витовту, отдался ему на службу: служить мне ему верно, без хитрости и быть с ним всегда заодно, а великому князю Витовту оборонять меня от всякого. Если будет от кого притеснение внуку его, великому князю Василию Васильевичу, и если велит мне великий князь Витовт, то по его приказанию я буду пособлять великому князю Василию на всякого и буду жить с ним по старине. Но если начнется ссора между великим князем Витовтом и внуком его великим князем Василием или родственниками последнего, то мне помогать на них великому князю Витовту без всякой хитрости».

Вслед за московским и рязанским князьями в начале августа 1427 г.

договор с Витовтом заключил и пронский князь Иван Владимирович. Согласно ему, князь «дался в службу» великому князю литовскому Витовту.

Дело в том, что рязанские земли почти ежегодно подвергались разорительным набегам татар, а оба московских Василия не только не помогали, но наоборот – вредили Рязани.

В том же 1427 г. великий тверской князь Борис Александрович стал вассалом Литвы. В договоре говорилось: «Господину, господарю моему, великому князю Витовту, са язъ... добиль есми челом, дался если ему на службу... А господину моему, деду, великому князю Витовту, меня, князя великого Бориса Александровича тверского боронити ото всякого, думаю и помощью. А в земли и в воды, и во все мое великое княженъе Тверское моему господину, деду, великому князю Витовту не вступаться».

Итак, Борис Тверской признал Витовта своим господином, что же касается «деда», то дед Бориса Иван Михайлович был первым браком женат на сестре Витовта, то есть Витовт приходился Борису двоюродным дедом.

В силу этого договора в июле 1428 г. Борис Александрович послал свои полки на помощь литовскому сюзерену в походе на Новгород.

Витовту удалось взять Себеж, но крепость Порхов оказала ожесточенное сопротивление литовцам. Они стреляли по крепости из пищалей, тюфяков и пушек. Ответным огнем осажденным удалось взорвать огромную литовскую пушку «Галка» и убить немца Николая, заведовавшего осадной артиллерией. В итоге Порхов взять не удалось. Витовт взял выкуп за пленных пять тысяч рублей с Новгорода и столько же с Порхова и на том отправился восвояси. По словам летописца, Витовт сказал новгородцам, принимая у них деньги: «Вот вам за то, что называли меня изменником и бражником».

Угроза похода Витовта на Галич произвела должное действие на Юрия Дмитриевича, и 11 марта 1428 г. между Москвой и Галичем был заключен мир, по которому 54-летний дядя признавал себя «младшим братом» 13-летнего племянника. Тем не менее договоренность о том, что князья должны жить в своих уделах по завещанию Дмитрия Донского, оставляла за князем Юрием возможность поставить перед ордынским ханом вопрос о судьбе великого княжения.

Старый Витовт был в зените славы. Единственное, чего ему не хватало, так это королевского титула! Ну чем он хуже своего брата Ягайло? И Витовт обратился к германскому императору Сигизмунду.

Коронация Витовта должна была состояться в 1430 г. в Вильно. Днем коронации назначили праздник Успения богородицы. Но так как посланцы

Сигизмунда не подвезли еще корону, коронацию перенесли на другой праздник – Рождество богородицы. В столице были собраны все вассалы великого князя литовского, среди которых были 15-летний внук Витовта Василий II, тверской князь Борис Александрович, рязанский князь Иван Федорович и другие. Понятно, что Юрий Дмитриевич Галицкий в эту компанию не входил.

Поляки знали о готовящейся коронации и расставили сторожевые посты по всей границе, чтобы не пропустить Сигизмундовых послов в Литву. На границе Саксонии и Пруссии схватили двух послов, Чигала и Рота, которые ехали к Витовту с известием, что корона уже отправлена, и с грамотами, по которым он получал право на королевский титул. За этими послами ехали другие, многочисленные знатные вельможи, везшие корону. На их перехват бросились трое польских вельмож с большим отрядом. Послы, узнав об этом, быстренько развернулись назад, к Сигизмунду.

Посланцы Сигизмунда убеждали Витовта венчаться короной, изготовленной в Вильно, поскольку это не мешает императору признать коронацию законной. Но Витовт колебался. 27 октября 1430 г. Витовт умер. Скорее всего причиной этому была старость, князю было уже 80 лет, хотя не исключено и отравление. Без особого преувеличения можно сказать, что смерть Витовта спасла Москву и всю Северо-Восточную Русь от включения в состав Великого княжества Литовского.

После смерти Витовта русские и литовские князья провозгласили великим князем литовским Свидригайло Ольгердовича, побратима и свояка Юрия Дмитриевича. Для начала новый князь занял литовские замки и привел к присяге их гарнизоны на свое имя, не упоминая Ягайло, тем обнаружив свое намерение отложиться от Польши. Надо ли говорить, что за этим последовала усобица между Ягайло и Свидригайло. Ляхам и литовцам стало не до Московской Руси. Смерть Витовта развязала руки Юрию Дмитриевичу Галицкому.

К тому же 2 июля 1431 г. умер главный кукловод Василия II митрополит Фотий. Шестнадцатилетний князь остался теперь под влиянием властной, злой, но не очень умной мамы.

Потеряв литовского опекуна, Василий II был вынужден обратиться за помощью в Орду, куда он и выехал 15 августа 1431 г. Свитой, да и самим князем Василием в Орде руководил его боярин Иван Дмитриевич Всеволожский. Узнав об отъезде Василия II в Орду, туда же 8 сентября выехал и Юрий Дмитриевич.

При дворе золотоордынского хана Улу-Мухаммеда шла ожесточенная грызня ордынских кланов. Юрий Дмитриевич вошел в доверие знатного и

могущественного мурзы Тегини, который обещал ему ярлык на Великое княжество Владимирское. По какой-то причине Тегиня и Юрий Дмитриевич отправились в путешествие в Крым, чем не преминул воспользоваться боярин Всеволожский. Он подольстился к другим мурзам, надавив на их самолюбие и ревность к могуществу Тегини. «Ваши просьбы, – говорил он им, – ничего не значат у хана, который не может выступить без Тегинина слова: по его слову дается великое княжение князю Юрию. Но если хан так сделает, послушавшись Тегини, то что будет с вами? Юрий будет великим князем в Москве, в Литве великим князем побратим его Свидригайло, а в Орде будет сильнее всех Тегиня».

По словам летописца, этими словами Всеволожский «уязвил сердца мурз как стрелою; все они стали бить челом хану за князя Василия и так настроили хана, что тот начал грозить Тегине смертью, если он вымолвит хоть слово за Юрия».

Весной 1432 г. в Орде прошел суд между дядей и племянником: Юрий основывал свои права на древнем родовом обычае, доказывал летописями и ссылался на завещание Дмитрия Донского. За Василия же говорил боярин Всеволожский. Он сказал хану: «Князь Юрий ищет великого княжения по завещанию отца своего, а князь Василий по твоей милости. Ты дал улус свой отцу его Василию Дмитриевичу, тот, основываясь на твоей милости, передал его сыну своему, который уже столько лет княжит и не свергнут тобою, следовательно, княжит по твоей же милости». Русский летописец явно смягчил слова Всеволожского. По болгарской летописи это звучит так: «От имени Василия Васильевича выступил боярин Иван Всеволожский. Обращаясь к хану, он сказал: “Царь верховный! Молю, да позволишь мне, смиренному холопу, говорить за моего юного князя. Юрий ищет великого княжения по древним правилам русским, а государь наш по твоей милости, ведая, что оно есть твой улус: отдашь его, кому хочешь. Один требует, другой молит. Что значат летописи и мертвые грамоты, где все зависит от воли царской?”».^[35]

И эта лесть, выражавшая полное презрение к старинным русским обычаям, произвела на хана свое действие. Он дал ярлык Василию и даже хотел заставить Юрия вести коня под племянником, но Василий сам не захотел нанести такой позор дяде. Юрию также был уступлен Дмитров – выморочный удел его брата Петра, умершего в 1428 г. Так закончился суд в Орде.

Как видим, бедный мальчик Вася был готов на все: стать служилым князем при короле Витовте или «улусником» полухана^[36] Улу-Мухаммеда.

Юрий Дмитриевич прибыл в новоприобретенный удел Дмитров, но советники отговорили его долго там находиться. Слишком близко от Москвы – налетят изгоном (то есть внезапно) московские воеводы. Галицкие бояре как в воду глядели. Как только Юрий уехал, на Дмитров внезапно напало московское войско и овладело городом.

В конце 1432 г. Софья Витовтовна решила женить семнадцатилетнего сына на княжне Марии Ярославне, дочери верейского князя Ярослава Владимировича (сына Владимира Андреевича Серпуховского) и Марии Голтыевой, внучке московского боярина Федора Кошки. Нетрудно догадаться, что Софью Витовтовну энергично поддерживал боярин Захарий Иванович Кошкин (внук Федора Кошки). Тем более что в борьбе за власть Кошкиным противостоял их враг боярин Иван Всеволожский, доставший Василию II ярлык у хана Улу-Мухаммеда. Всеволожский намеревался женить Василия II на своей дочери. Партия Кошкиных победила.

8 февраля 1433 г. состоялась пышная свадьба Василия II с Марией Ярославной. В Москву на торжества прибыли два сына Юрия Галицкого – Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Осторожный Юрий Дмитриевич остался в Галиче вместе с младшим сыном Дмитрием Красным. На свадьбе на Василии Косом был надет золотой пояс, украшенный драгоценными камнями («на чепех с камнем»).

Понять последующие события можно, лишь зная функции пояса в средневековой Руси. Пояс воспринимается нами сейчас как одна из самых обыденных, но скорее дополнительных деталей одежды. А когда-то все было совсем иначе. Женщина без пояса считалась символом разврата, а мужчина – бессилия. Распоясать человека значило обесчестить его. На Руси говорили, что «появление без шапки и босиком не удивит сторонних так, как появление без опояски». Пояса надевались не только поверх одежды, скрепляя ее элементы и образуя «пазуху», но и на голое тело. Препоясываться могли и туго, и свободно, и по центру живота, и сбоку («кособрюхо»). Все эти детали определяли возраст и социальное положение человека. Так, например, подпоясывающийся «под брюхо» заявлял окружающим о своем материальном благосостоянии. Считали, что, «не подпоясавшись, нельзя ни молиться, ни обедать, ни спать ложиться». Высшие должностные лица – князья, бояре, посадники – носили обычно пояса из золота. Иноземцы так и называли членов совета Новгородской республики – «золотые пояса». Пояса перечислялись в завещаниях князей как фамильные драгоценности. Так, у Ивана Калиты было десять таких поясов.

Московские бояре решили устроить провокацию, чтобы окончательно

уничтожить Ивана Дмитриевича Всеволожского. На свадебном пиру Захарий Иванович Кошкин внезапно «узнает» пояс на Василии Косом. Этот пояс якобы был дан в 1366 г. суздальским князем Дмитрием Константиновичем Дмитрию Донскому в приданое за дочерью Евдокией. А тысяцкий Василий Вельяминов подменил этот пояс другим, менее ценным, а настоящий отдал своему сыну Николаю. Позже Николай Вильяминов злополучный пояс также дал в приданое за дочерью, которая вышла за Ивана Дмитриевича Всеволожского. А Всеволожский, в свою очередь, дал пояс в приданое своей внучке, вышедшей за Василия Косого.

Замечу, что у бояр Кошкиных, равно как и у Софьи Витовтовны, были основания ненавидеть галицких князей не только в качестве претендентов на московский престол, но и как... торговых конкурентов. Самым дорогим товаром «повышенного спроса» на Руси была соль. Хитрая Софья в свое время выпросила у мужа Василия соляные варницы в Нерехте. Другой частью нерехтинских варниц владел... Захарий Иванович Кошкин. Крупнейшим же производителем соли в Северо-Восточной Руси был городок Соль Галичская в верховьях реки Костромы, принадлежавший князю Юрию Дмитриевичу.

Надо ли объяснять, что версия бояр Кошкиных о подмене пояса была смехотворна. Недаром историк С.Б. Веселовский назвал ее басней. В январе 1366 г. ни княжна Евдокия, ни ее свита не узрели подмены пояса. А спустя 67 лет Захарий Кошкин вдруг узнал пояс. Как мог Николай Вельяминов отдать пояс Ивану Всеволожскому в приданое, если Николай погиб в 1380 г., когда Ивану было менее десяти лет от роду. До сих пор сохранился документ, обличающий мошенника Кошкина. Это духовная грамота (завещание). Там Дмитрий Донской завещал своему сыну Юрию Галицкому «пояс золот с камнем, что ми дал отець мои, да другии пояс мои на чепех с камнем, а третей пояс ему же на синем ремени». А князь Юрий Дмитриевич завещал Василию Косому «пояс золот с камнем, на чепех, без ремени».

Таким образом, на Косом мог быть пояс Дмитрия Донского, но владел он им на законном основании, получив от отца.

Хитрый Захарий правильно рассчитал, что на пиру никто не вспомнит о грамотах, и властная и жадная Софья Витовтовна будет действовать решительно. Пьяная старуха подбежала к Косому и сорвала с него пояс. Братья Василий и Дмитрий не рискнули отбивать пояс силой, это значило быть немедленно убитыми. Они немедленно покинули пир и с охранявшими их дружинниками отправились к отцу в Галич.

Инцидент на свадьбе был страшным оскорблением по тем временам, и

по дороге братья в бешенстве отыгрались на городе Ярославле, принадлежавшем Москве. Московские воеводы разбежались, а городская казна была захвачена Юрьевичами.

История с поясом была последней каплей, переполнившей чашу терпения Юрия Галицкого. Он вспомнил все, и унижения от хана Улу-Мухаммеда, и захват города Дмитрова, и многое другое. Когда Косой и Шемяка въезжали в Галич, дружина отца уже готовилась к походу на Москву.

Василий II собрал большое войско, там была не только дружина, но и московское ополчение из «Москвы гостей и прочих». Рати сошлись 25 апреля 1433 г. на реке Клязьме в 20 верстах от Москвы.

Князь Юрий Галицкий и его сыновья были искусными воеводами. Да еще накануне битвы Василий II устроил пир, как писал А.А. Зимин – «москвичи в дым перепились». Рать Василия II была вдребезги разбита, а сам он, не дожидаясь конца сражения, бежал в Москву. Однако готовить оборону столицы молодой князь не стал, а, собрав казну, жену и мать, бежал в Тверь. Однако великий князь тверской Борис Александрович держал строгий нейтралитет в усобицах потомков Дмитрия Донского и посоветовал беглецам ехать дальше.

Тогда Василий с родней собрался сесть на струги и отправиться вниз по Волге в Кострому, а оттуда далее, до самого Сарая. Однако конная дружина Василия Косого сумела захватить Василия прежде, чем он добрался до стругов.

Замечу, что в соседних русских землях действия Юрия Дмитриевича рассматривались не как узурпация власти, а как восстановление нарушенной справедливости. Согласно Псковской летописи, князь Юрий Дмитриевич «седе на великом княжении во граде Москве во своем отчине».^[37]

Между тем Юрий Галицкий въехал в Москву и стал великим князем. Дядя поступил с захваченным племянником Василием II великодушно, дав ему в удел город Коломну.

Казалось, чем плохо восемнадцатилетнему выпивохе – красивый город на Оке, леса полны зверя (там и сейчас заповедники), да еще молодая жена. Но старомосковским боярам не понравилось быть на вторых ролях у великого князя Юрия Дмитриевича. Большинство из них, включая Кошкиных, отправились в Коломну подговорить Василия II выступить против дяди. Причем Юрий Дмитриевич не мешал отъезду бояр и служилых князей к племяннику. В итоге к Коломне были стянуты большие силы.

Есть версия, что бояре Василия Васильевича подкупили боярина Семена Федоровича Морозова, старого фаворита великого князя Юрия. В результате между Морозовым и сыновьями Юрия Дмитриевича возник конфликт. Они пеняли Морозову: «Ты учинил ту беду [мир с Василием II с передачей ему Коломны] отцу нашему и нам; издавна ели коломолник, а наш лиходеи, не дашь нам у отца нашего жити». В принципе братья были правы: своим «донкихотством» князь Юрий на долгие годы затянул гражданскую войну. Позже мы увидим, что Василий и его старший сын действовали совсем иными методами. Перепалка в сенях княжеского дворца в Кремле кончилась тем, что Василий Косой и Дмитрий Шемяка зарубили саблями боярина.

Юрий Дмитриевич разгневался на сыновей за убийство своего старого приятеля, и им ничего не оставалось, как покинуть Москву со своими боярами и дружинами. Таким образом, великий князь Юрий остался без союзников, а Василий II, наоборот, собрал большое войско.

В августе 1433 г., не дождавшись подхода войск племянника из Коломны, Юрий Дмитриевич покидает Москву и уезжает в Звенигород. Василий II вернулся в Москву и снова стал великим князем. Через месяц дядя с племянником заключили мир. Договор был составлен от имени великого князя и союзных с ним князей «гнезда Калиты» (Константина Дмитриевича, Ивана и Михаила Андреевичей и Василия Ярославича) с князем Юрием и Дмитрием Меньшим. Князь Юрий признавал старейшинство Василия II («имети ми тобя, великого князя, собе братом старейшим»). Князья обязались оказывать друг другу помощь в случае борьбы с каким-либо недругом. В конкретных условиях того времени это означало совместную борьбу с Василием Косым и Дмитрием Шемякой. Один из пунктов договора прямо запрещал галицкому князю помогать своим старшим сыновьям: «...детеи ми своих болших, князя Василья да князя Дмитрея, не приимати, и до своего жывота, ни моему сыну меншому, князю Дмитрию, не приимати их. А тебе их также не приимати».

В качестве компенсации за город Дмитров, отошедший к Василию, Юрий Дмитриевич получил Бежецкий Верх. Он обязался по-прежнему отправлять дань в великокняжескую казну для уплаты «ордынского выхода». Обязывался князь Юрий погасить задолженность за уплату Василием II «выхода» с его удела («а что еси платил в Орде за мою отчину, за Звенигород и за Галич, два выхода и с распанами, а о том ми с тобою разчестися, и чего ся не оточтусь, и мне то тебе подняти те выходы»). Василий II, со своей стороны, готов был заплатить долг князя Юрия гостям и суконникам (600 рублей), взятый, чтобы погасить задолженность Василия

Васильевича (ордынского долга неким купцам Резеп-Хозе и Абипу).

Помирившись с дядей, Василий II решил разделаться с двоюродными братьями и двинул большую рать на Кострому, где укрылись Косой и Шемяка. Главным воеводой был назначен Юрий Патрикеевич, сын литовского князя Патрикея Каримантовича, приехавшего на службу к Василию I еще в 1408 г. Как мы уже знаем, жена Юрия Патрикеевича Мария приходилась родной сестрой Василию II.

Войско Юрия Патрикеевича дошло до Костромы, но братья Юрьевичи отступили вниз по левому берегу Волги до устья реки Унжи, а затем пошли на север к Галичу.

Москвичи преследовали неприятеля и углубились в дремучие заволжские леса. Между тем к Юрьевичам присоединился отряд вятских ушкуйников. 23 сентября 1438 г. на берегу речки Кусь, правого притока реки Немды, дружины Шемяки и Косого вместе с ушкуйниками напали на московское войско и в скоротечном бою наголову разгромили его. Сам Юрий Патрикеевич был взят в плен.

Братья обратились к отцу с предложением опять идти на Москву, но Юрий Дмитриевич отказался. Дальнейшие боевые действия были бессмысленны, и братья вернулись зимовать в Кострому.

Дядя поступил благородно по отношению к племяннику. А вот московские бояре сумели уговорить Василия II внезапно напасть на Галич и захватить там Юрия Дмитриевича.

Для начала Василий II сорвал свой гнев за поражение на боярине И.Д. Всеволожском и приказал его ослепить. Затем он собрал войска всех союзников – Василия Ярославича Боровского и сыновей умершего незадолго перед тем Андрея Дмитриевича Можайского, Ивана и Михаила. Кроме того, конный отряд прислал к союзной Москве рязанский князь Иван Федорович. Войско возглавил сам Василий II.

Однако Юрий Дмитриевич заранее узнал о затее племянника. Он в очередной раз показал себя опытным полководцем. Защищать Галич он оставил Шемяку и Косого, а сам с основной частью сил форсированным маршем пошел на Белоозеро. Там Юрий Дмитриевич разгромил дружину Михаила Андреевича Можайского.

Василий II осадил Галич, но взять его так и не смог. С горя москвичи вдоволь пограбили и пожгли в Галичской земле, как было сказано в летописи, «много зла сотворив земле той». Но тут Юрий Дмитриевич с войском вернулся с Белого озера и, спустившись вниз по реке Обноре, занял позицию, угрожавшую коммуникациям москвичей. В результате этого маневра воеводам Василия II ничего не оставалось, как снять осаду с

Галича и двинуться восвояси.

Вернувшись в Галич и увидев, что натворил его племянник, Юрий Дмитриевич воспылал жаждой мщения. Он помирился с сыновьями, которые оказались прозорливее его.

В начале 1434 г. Юрий Дмитриевич с сыновьями и вятчанами двинулся в поход. Противники сошлись 20 марта 1434 г. у горы Святого Николая в Ростовской земле. Вместе с Василием II были Можайский князь Иван Андреевич и отряд рязанцев. В ходе жестокой сечи Юрий Дмитриевич наголову разбил москвичей и их союзников. Как и в предшествующих сражениях, Василий II бежал, не дождавшись конца боя. Он прибежал 1 апреля в Новгород, а Иван Можайский укрылся в Твери.

К этому времени в Новгороде служилым князем был Юрий, сын Семена (Лугвения) Ольгердовича. Новгородцы попросили Юрия избавиться от незваного гостя. 5 июня дружинники Юрия подъехали к стану Василия II. До применения силы дело не дошло, поскольку московские беглецы собрали пожитки и отправились в Тверь.

Юрий Дмитриевич послал в Тверь к Ивану Можайскому своего боярина Якова Жестова с предложением забыть старые обиды и ехать к нему. Иван Андреевич в тот же день выехал из Твери. Встреча Ивана Можайского и Юрия Дмитриевича состоялась в Троицком монастыре. Пробыв там два дня, новые союзники двинулись на Москву.

24 марта 1434 г., «в среду на страстной неделе», войско Юрия Дмитриевича подошло к Москве. Там находились жена и мать Василия II, а защитой города ведал воевода Роман Иванович Хромой.

Но осады как таковой не было. Галицкое войско и его союзники праздновали Пасху, то же самое происходило и в Москве. Великий князь Юрий Дмитриевич этим показал горожанам, что он прибыл не штурмовать вражеский город, а «в свою отчину».

И вот 31 марта, «в среду на Святой неделе», в Москве торжественно ударили в колокола. Ворота раскрылись, и народ радостно встретил дружину галицких князей. Воевода Роман Хромой поступил на службу к Юрию Дмитриевичу, а великие княгини Софья Витовтовна и Мария Ярославна под конвоем отправились в ссылку в Звенигород.

Итак, Юрий Дмитриевич вторично стал великим князем московским. Он начал энергично приводить в порядок разваленные Василием дела и укреплять единое государство. Даже ближайшие союзники Василия II спешили заключить с князем Юрием докончания и признать его старшинство на Руси. В вассальные отношения с ним вступили великий князь рязанский Иван Федорович и князья Иван и Михаил Андреевичи (можайский и

белозерский князя).

Иван Федорович обязывался «сложити» крестное целование к князю Василию Васильевичу и больше с ним не вступать ни в какие переговоры («не ссылатися»). Те же обязательства содержались и в dokonчании с князьями Андреевичами.

Юрий Дмитриевич решил перестроить всю систему взаимоотношений великого князя с союзниками и родичами. Отныне великий князь рязанский для московского князя становился «братаничем», то есть племянником, а не «братом младшим», то есть дистанция между ними увеличивалась. Иван и Михаил Андреевичи должны были теперь «иметь» великого князя московского «отцом», а тот обязывался их держать «в сыновстве». Это уже не отношения по типу «брат старейший» и «брат младший». Юрий Дмитриевич пытался сделать более решительный шаг к утверждению единодержавия по сравнению с Василием Васильевичем.

В том же направлении шла и монетная реформа, начатая князем Юрием. Теперь на монетах изображался всадник, поражающий змия, то есть Георгий Победоносец. Святой Георгий был патроном князя Юрия. Выпуск монет с изображением победоносного всадника говорил и о стремлении Юрия утвердить единодержавие, и о его решимости бороться с Ордой, поскольку змий символизировал Восток. Василий II, вернувшись к власти, сохранил на монетах изображение Георгия Победоносца.

Однако в ночь с 5 на 6 июня 1434 г. Юрий Дмитриевич внезапно умер. Вполне возможно, имело место отравление – любимый метод племянника Василия, но доподлинных подтверждений этому, увы, нет.

Историк А.А. Зимин писал о Юрии Дмитриевиче: «Князь Юрий Дмитриевич принадлежал к числу выдающихся политических деятелей первой трети XV в. Трезвый политический ум подсказывал ему решения, которые направлены были к укреплению единодержавия на Руси. Он понял, что опорой его на этом поприще наряду со служилым людом может быть русский город. Являясь наследником программы Дмитрия Донского, князь Юрий создавал, что только в борьбе с Ордой можно добиться создания мощного единого государства. Он умел идти на компромиссы, когда это вызывалось насущной политической необходимостью. Он сам покинул столицу Руси, когда убедился, что сложившаяся там обстановка не давала ему шансов на успех. И вместе с тем князь Юрий снова начал борьбу за великое княжение, как только сумел сплотить вокруг знамени Дмитрия Донского достаточно сил, чтобы нанести поражение Василию II.

На Русском Севере распространен был культ Георгия Победоносца, поражающего змия. В.Н. Лазарев, давая общую характеристику русской

живописи XV в., отметил: «Образ Георгия особенно почитался на Севере, в Новгородской, Двинской и Вятской областях. Здесь Георгию были посвящены многочисленные церкви; его воспевали в духовных стихах... Постепенно образ „Егория Храброго“... сделался одним из самых популярных тем новгородской иконописи». На Севере образ Георгия Победоносца мог ассоциироваться с князем Юрием, наследником славных традиций Дмитрия Донского, так же как змей – с ордынцами.

Умный политик, князь времени Предвозрождения, Юрий Дмитриевич был покровителем замечательных начинаний в русском искусстве, отмеченных гением Андрея Рублева. По рождению он должен был уступить великое княжение своему старшему брату, Василию, не обладавшему какими-либо особенными достоинствами. В решающую борьбу за власть князь Юрий вступил уже на закате своих дней. Смерть неожиданно оборвала его жизненный путь как раз тогда, когда он добился великого княжения и сложились условия, которые могли предотвратить дальнейшую братоубийственную войну. Завершение объединительного процесса русских земель могло быть куплено ценой меньших потерь, чем те, которыми заплатил народ после его кончины. Но история отнюдь не всегда выбирает прямые пути к прогрессу». ^[38]

Небезынтересна оценка главных действующих лиц гражданской войны и известным историком Николаем Борисовым: «Как и положено харизматическому лидеру, Юрий ощущал себя избранником небес. Его отношения с Богом выходили за рамки обычного ритуального благочестия. С ранней юности пленившись тихими речами радонежских старцев, князь всю жизнь жертвовал на храмы, чтил святыни, и главное – старался елико возможно избегать греха. Как и его великий отец, Юрий знал, что копьё святого Георгия может удержать не всякая рука...

Эпическая фигура Юрия Звенигородского исполнена шекспировского трагизма. Могучий разрушитель «рабского прошлого», он был обречен на гибель под колесами не менее рабского будущего. Времена благородных витязей, побеждающих дракона, но не способных победить собственную гордость, заканчивались. Приближались времена мирных холопов «государя всея Руси». И своевольный Юрий (а также и все ему подобные) неизбежно должен был быть признан «язвой общества».

Противник Юрия Звенигородского, Василий II был его полной противоположностью. Он был поздний ребенок. В год его появления на свет отцу исполнилось 44 года, а матери – немногим менее. Как все последыши, он, вероятно, был тщедушен и слабават здоровьем. Единственный наследник, он вырос в своих московских теремах под

усиленным надзором бабок и мамок, без шишек и синяков, но зато и без азартного духа потешных дворовых сражений. Сознание своей исключительности в сочетании с острым чувством физической неполноценности рано испортило его характер. В его поведении высокомерие смешивалось со склонностью к самоуничижению. Он трусил – и впадал в ярость от собственной трусости. Поэтому его героизм всегда носил несколько истерический характер.

Мать Василия, княгиня Софья, обучила его всем тонкостям придворных интриг, раскрыла перед ним все тайны восточноевропейских дворов. Ее холодная злоба порой пугала Василия не меньше, чем дикая сила звенигородского дядюшки Юрия. Ненависть к Юрию ему внушили с пеленок. В итоге он стал панически бояться его, хотя и старался скрыть страх под маской высокомерия». ^[39]

Но мы забыли бедного изгнанника Василия II. Тверской князь Борис Александрович продолжал держать твердый нейтралитет. Он не подписал договора с Юрием Дмитриевичем, но, с другой стороны, посоветовал Василию II ехать куда подальше. Василию бежать было некуда, в Литве его явно не ждали, и он отправился вниз по Волге-матушке через Кострому в Нижний Новгород. Оттуда оставался один путь – в Орду.

В Москве узнали о планах беглого великого князя, и к Нижнему отправился конный отряд во главе с Шемякой и Красным. Весть о смерти великого князя Юрия Дмитриевича застала Василия II и его спутников чуть ли не на пристани, готовившихся отплыть в Орду, а дружину галицких князей, ловивших Василия, – во Владимире.

Со смертью Юрия Дмитриевича закончился первый период Великой смуты. Надо ли говорить, что если бы Юрий Дмитриевич стал великим князем московским в 1425 г., то с зависимостью от Орды было бы покончено в год или два. И это не авторское предположение. Об этом писали многие историки. Однако никто не обратил внимания на то, что дальнейшая политика Софьи Витовтовны и московских бояр оказала огромное влияние на судьбу Великого княжества Литовского.

Мы уже знаем, что Софья в 1427 г. фактически отдала всю Русь под власть своего отца, но смерть Витовта кардинально изменила ситуацию. После смерти Витовта встал вопрос о его преемнике на великокняжеском престоле Русско-литовского государства и о дальнейшей судьбе унии с Польшей. Формально прежний великий князь, а теперь польский король Владислав II (Ягайло) мог претендовать на литовский престол. Но он не пошел на это в силу своего преклонного возраста, нерешительного характера, а также противодействия русских и литовских князей,

дороживших самостоятельностью своего государства.

Кроме польского короля оставались в живых еще два внука Гедемина – Свидригайло Ольгердович и Сигизмунд Кейстutowич. Кроме того, имелась еще большая компания правнуков Гедемина – внуков Ольгерда: удельные князья Корибутовичи, Лугвеневиичи, Владимировичи и др. Но о последних и говорить не стоило, поскольку они по степени родства и по политическому значению не могли сравниться со Свидригайло и Сигизмундом. Кроме того, они все были православными.

Формально и Свидригайло, и Сигизмунд были на 1430 г. католиками, но Свидригайло был женат на православной княжне и фактически был скорее православным, нежели католиком. Сигизмунд же гораздо больше был склонен к католицизму. Кстати, это и следует из имен, под которыми они вошли в историю. Свидригайло – это языческое литовское имя, позже он принял православие и стал Львом, затем перешел в католичество и стал Болеславом. Но польские историки, дабы подчеркнуть его нелояльность к католицизму, везде именовали его языческим литовским именем. А вот с Сигизмундом все было сделано наоборот. Его литовское языческое имя Шигитас было польскими историками навеки забыто, и он вошел в историю как Сигизмунд.

Ягайло отдал предпочтение своему родному брату Свидригайло и торжественно венчал его великокняжеской короной в кафедральном виленском соборе в присутствии съехавшихся со всей страны литовских и русских князей и бояр.

Для начала новый князь занял литовские крепости, кроме Вильно, и привел к присяге их гарнизоны на свое имя, не упоминая Ягайло, тем обнаружив свое намерение отложиться от Польши.

Отношения с Ягайло у Свидригайло еще более испортились после того, как поляки, узнав о смерти Витовта, захватили Подолию. В 1431 г. Ягайло приехал в Литву на охоту, что являлось лишь поводом, главной же его целью было примирение с братом.

Великий князь литовский Свидригайло поначалу обращался с братом-королем с большим почетом. Когда Свидригайло узнал о вероломном захвате поляками Подолии, он немедленно вызвал короля, охотившегося в пущах под Вильно. Как гласит «Хроника Быховца», Свидригайло с гневом сказал Ягайло: «“Милый брат, для чего ты держишь Подольскую землю, отчину той земли Литовской; верни ее мне, а если не хочешь вернуть ее мне, я тебя из Литвы не выпущу”. После этого князь Свидригайло схватил короля Ягайло и посадил под стражу».

Ягайло был вынужден заключить с братом договор, который

возвращал ему Подольские земли. Однако хитрые ляхи надули Свидригайло. В результате и в Литве началась большая смута. Поляки решили сделать великим князем литовским Сигизмунда. Надо отметить, что война в Великом княжестве Литовском шла не столько за то, кто будет великим литовским князем, сколько за то, каким государством станет Великое княжество Литовское. То есть пойдет ли Западная и Восточная Русь по пути создания независимого православного государства под названием Великое княжество Литовское или попадет под власть польских панов и ксендзов, стремившихся лишить людей их веры, языка, культуры и сделать из них «второсортных» поляков.

Казалось бы, в интересах великих московских князей, да и всех князей Северо-Восточной Руси было всеми силами поддержать Свидригайло. Но, увы, этого не произошло. Софья и московские бояре стали на сторону Сигизмунда. В свою очередь, Юрий Дмитриевич и его сыновья поддержали Свидригайло. Они послали ему на помощь какие-то силы, но, понятно, главная рать им требовалась в Москве. До нас дошло письмо великого князя литовского Свидригайло, отправленное 7 апреля 1434 г. из Вязьмы гроссмейстеру ордена: «...князь Юрий, великий князь Московский, и великий князь Василий, сын его брата, дрались с многочисленными силами и с ужасным упорством и ожесточением. Всевышний помог князю Юрию низложить врага своего, князя Василия, и разбить его воинство; завладеть городами, селами и всею его землею; взять в плен не токмо старую великую княгиню и супругу Василия, но и всех поднявших против него оружие и, наконец, изгнать самого Василия из его владений; князь же Юрий с давнего времени искренний и верный наш друг, обещал подать нам помощь и прислать к нам своего сына».^[40]

Как мы уже знаем, рязанский князь Иван Федорович пошел явно не в деда, по дурости начал поддерживать Василия II и тоже ввязался в литовские дела.

Лишь тверской князь Борис Александрович решительно поддержал Свидригайло. Их союз был скреплен династическим браком – в 1431/1432 г. Свидригайло женился на тверской княжне Анне, дочери покойного Ивана Ивановича, дяди Бориса Александровича.

Осенью 1432 г. Свидригайло собрал сорокатысячное войско^[41] и двинулся на Сигизмунда. К Свидригайло присоединилась дружина под командованием князя Ярослава Александровича, брата великого князя тверского. Русское (литовское и тверское) войско подошло на 10 верст до Вильно и стало в Ошмянах. 8 декабря 1433 г. состоялась битва между

Свидригайло и Сигизмундом. Несмотря на большой численный перевес, русские были разбиты. Тверской боярин Семен Зобин погиб, но князьям Ярославу и Свидригайло удалось бежать.

Тем не менее Свидригайло и не думал сдаваться. Зимой 1432/1433 г. он страшно опустошил окрестности Вильно. Летом 1433 г. Свидригайло стал снова собирать войска. На этот раз он получил помощь от Немецкого ордена, и тверской князь Борис Александрович послал ему свое войско. Гражданская война в Литве продолжалась.

Глава 3

Дмитрий Шемяка – последний русский витязь

Еще до второго вступления на великокняжеский престол (где-то между июлем 1432 г. и 25 апреля 1433 г.) Юрий Дмитриевич составил духовную грамоту. В ней он завещал Василию Косому Звенигород, Дмитрию Шемяке – Рузу, Дмитрию Меньшому – Галич и Вышгород. Совместно они должны были владеть жребием князя Юрия в Москве, Вяткой и Дмитровом. В семитысячный «выход» со Звенигорода шло 511 рублей, с Галича – 525 рублей. Перед смертью Юрий Дмитриевич так и не успел решить, кто будет новым великим князем московским.

Как мы уже знаем, в момент смерти Юрия Дмитриевича в Москве был его старший сын Василий Косой, а Шемяка и Красный гонялись за Василием II. Не мудрствуя лукаво, Косой объявил себя великим князем московским. Однако этому решительно воспротивились... его братья. Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный объявили Василию Косому: «Аще не восхоте Бог, да княжит отец наш, а тебя и сами не хотим».

Мотивы действия братьев мне абсолютно не ясны. Ряд серьезных историков, в том числе А.А. Зимин, считают, что они поступили в соответствии с нормами древнерусского права, соблюдением «княжеской чести» и т. д. А.А. Зимин писал: «Василий Косой преступил закон „гнезда Калиты“. Уже одно это могло вызвать негодование у его братьев. Но он выступил также и против того самого родового принципа наследования престола, за который боролись князь Юрий и его сыновья. Факт захвата престола Василием Косым превращал борьбу за „идею“, „принцип“, „наследие Дмитрия Донского“ в обыкновенный разбой. Права на великокняжеский престол, согласно толкованию духовной грамоты Дмитрия Донского галицкими князьями, отныне принадлежали Василию II».^[42]

На мой взгляд, несколько ближе к истине точка зрения Н.С. Борисова: «Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный менее всего хотели оказаться в подчинении у своего жестокого и властного брата. К делу примешивалась и острая жажда мести. Сложившаяся в момент кончины Юрия ситуация позволяла им наконец-то посчитаться с Василием Косым за давние обиды. Своего родного брата они ненавидели и боялись куда сильнее, чем двоюродного брата, Василия Васильевича. Этого последнего Юрьевичи

попросту презирали. Им казалось, что при необходимости они смогут расправиться с ним так же легко, как это делал их отец».^[43]

Хотя и это мнение достаточно схематично. Так или иначе, мы никогда не узнаем причин столь недальновидных поступков двух Дмитриев.

Узнав об оппозиции братьев к Василию Косому, Василий II пришел в неописуемый восторг. Естественно, что вопрос о поездке в Орду отпал. Вместо этого Василий II с несколькими спутниками едет во Владимир, где его ждут Шемяка и Красный со своими дружинами. Примирившиеся враги идут на Москву.

Василию Косому удалось просидеть на великокняжеском троне всего лишь месяц. Он не стал дожидаться войска братьев и бежал. «Побрав золото и серебро, казну отца своего, и градские запасы все», взяв в качестве заложницы Марию Голтыеву (мать жены Василия II), Василий Косой направился к Ржеве – в один из городов князя Юрия.

Таким образом, братья Дмитрий Юрьевичи буквально «за ручку» привели двадцатилетнего Василия II в Москву и посадили его на престол. Факт, который тщательно обходили московские дьяки и царские историки.

Естественно, что Василий щедро вознаграждал своих спасителей. Дмитрий Шемяка получил в дополнение к Рузе Углич и Ржеву, а Дмитрий Красный – к Галичу Бежецкий Верх. В докончании с двумя Юрьевичами (около 5 июня 1434 г. – 6 января 1435 г.) Василий II санкционировал их право на владение землями, завещанными им их отцом князем Юрием Дмитриевичем, а также подтвердил собственное им пожалование. Оно состояло из удела недавно умершего князя Константина Дмитриевича (Ржева и Углич) и Бежецкого Верха. «Бежичами» жаловался Дмитрий Меньшой «по старине», то есть на условиях «сместного» (совместного) владения с Великим Новгородом. Положение Вятки определялось распоряжением Юрия Дмитриевича («по отцу вашему последнему докончанию»), то есть Вятка должна была находиться в совместном владении Юрьевичей. В качестве компенсации за сожжение Галича зимой 1434 г. Василий II освободил этот город от уплаты «ордынского выхода» на три года («а галицкие ми выти не взяти в выход три годы»).

Между тем Василий Косой через Тверь бежал в Господин Великий Новгород, где он пробыл до октября 1434 г. Собрав войско, Косой двинулся в Бежецкий Верх, затем в вологодские земли, а оттуда – на Кострому. Пробыв несколько недель в Костроме, Косой двинулся на Москву.

6 января 1435 г., в самый праздник Богоявления, московское войско во главе с самим великим князем Василием II разгромило полки Василия Косого в кровопролитной битве на реке Которосль, между Ярославлем и

Ростовом. (Современный поселок Козьмодемьянск в 15 км южнее Ярославля.)

Юрий Косой с уцелевшими ратниками бежал в Кашин, то есть на территорию Тверского княжества. Согласно Тверской летописи: «Ко князю же Василию Юрьевичу в Кашинь присла князь великий Борисъ Александровичъ Тферской кони и порты и доспехъ, и собрася к нему дружины его 300 человек».^[44]

Таким образом, тверской князь впервые с 1425 г. нарушил свой нейтралитет по отношению к сваре между потомками Дмитрия Донского.

Василий II и его бояре не решились вторгнуться в пределы Тверского княжества. Вместо этого московская рать сосредоточилась в Вологде. Расчет был прост: рано или поздно Василий Юрьевич вынужден будет покинуть тверские земли и направиться в свой галицкий удел.

Так и оказалось. Войско Косого выступило из Кашина и скрылось в заснеженных лесах. Московские разведчики потеряли его. Косой по зимней дороге проделал путь более чем в 300 верст и внезапно напал на Вологду. Московское войско не успело оказать серьезное сопротивление нападавшим. Нападавшие повязали московских бояр Ф.М. Челядина, В.М. Шею (из рода Морозовых), А.Ф. Голтяева и других.

Ограбив Вологду, войско Косого двинулось в Заозерье «и, пришед, ста у Дмитрея Святаго на устьи». Речь идет о реке Устье. Князь Дмитрий Заозерский (союзный с Дмитрием Шемякой, а значит, в то время и с Василием II) не хотел пропустить Василия Косого в Новгород, но тот, «бив его», взял в плен его мать и сестру, а также «имение его все взяв». «... Много же людей заозерян на том бою избьено бысть», – отмечал летописец.

Затем Косой подошел к городу Устюг. Московский воевода служилый князь Глеб Иванович Оболенский приказал открыть ворота. Косой был рад новым союзникам. Упоенный победами в Вологде и в Заозерье, князь потерял бдительность. Между тем «начальные люди» Устюга решили убить Василия Косого на Пасху. По обычаю князь Василий шел во главе процессии – крестного хода вокруг храма, которым начиналась пасхальная заутреня. Это был самый благоприятный момент для внезапного нападения: князя окружали заговорщики, а его дружинники шли где-то позади. Но в последний момент кто-то из горожан предупредил Косого, и тот с дружинниками стал пробиваться через напавших на него устюжских ратников и вооруженных горожан. Зима в том году была холодная, и на Сухоне к 17 апреля ледоход еще не начался. Поэтому князю Василию и нескольким десяткам его дружинников удалось перебраться на другую сторону реки. Остальные дружинники были перебиты, а все пленные,

взятые в Вологде и в Заозерье, освобождены.

Тем не менее через пару недель Косой снова собрал войско и занял Кострому. На помощь к нему из Вятки подошли несколько сотен местных ушкуйников.

В конце мая 1435 г. московское войско подошло к Костроме и остановилось у Ипатьевского монастыря. Противников разделяла лишь река Кострома. Василий II помнил Вологду и не спешил начинать генеральное сражение, а вместо этого вступил в переговоры с кузеном. У Косого положение было более чем сложное, и он охотно согласился на «мирное докончание».

За отказ от претензий на великокняжеский престол Василий II пожаловал Василию Косому Дмитров, как это было в свое время с его отцом. Договор закрепляло соглашение великого князя с союзными ему Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным. Обе стороны обязались освободить пленных.

Докончание оказалось недолговременным. В Дмитрове Василий Юрьевич пробыл всего с месяц, а затем снова отправился в Кострому, послав великому князю «разметные грамоты». В чем была причина очередного конфликта между князьями, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. В Костроме Василий Юрьевич прожил до «зимнего пути». Когда установились холода, он вместе с вятчанами двинулся к Галичу. Удар и на этот раз был направлен по слабому звену великокняжеской коалиции: в Галиче находился союзный Василию II брат Василия Косого Дмитрий Меньшой.

Дмитрий Меньшой не отличался полководческим дарованием, а галичанам вовсе не хотелось воевать с Василием Дмитриевичем. В результате город был занят Косым без боя.

В первых числах ноября 1435 г. уже по снегу Василий Косой двинулся из Галича к Устюгу. В сложившейся ситуации взятие Устюга не имело серьезного стратегического значения, но Косой руководствовался исключительно жадной мщенью за подлое нападение и гибель друзей. В заговенье на Филиппов пост (15 ноября – 25 декабря) он вышел на реку Кичменгу и двинулся по реке Югу. Устюг был осажден 1 января 1436 г. Осада затянулась на девять недель.

По некоторым данным, устюжане заключили с Василием Косым условия почетной капитуляции, но князь нарушил их. Во всяком случае, город был взят и разграблен. Местный воевода Глеб Оболенский погиб при штурме, а представитель ростовского владыки Иев Булатов, один из организаторов пасхальной резни, был публично повешен. Казнили и других

участников нападения на дружину Косого.

Взятие Устюга серьезно напугало Василия II, и он начал собирать большое войско. Не доверяя своим воеводам, он назначил командовать войском литовского князя Ивана Дмитриевича Бабу Друцкого, который зимой 1435/1436 г. находился в Пскове.

Между тем Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный не участвовали в войне своего родного брата с двоюродным.

Зимой 1436 г. в Москву приехал Дмитрий Шемяка. Он пригласил Василия II к себе в Углич на свадьбу. Невестой Шемяки была дочь князя Дмитрия Васильевича Заозерского Софья. Как писал А.А. Зимин: «Вряд ли этот шаг означал попытку заманить великого князя в ловушку или устроить на свадьбе какой-либо скандал по образцу происшедшего в феврале 1433 г. Дмитрий Шемяка в это время воздерживался от поддержки своего старшего брата и, вероятно, пытался нормализовать свои отношения с Василием II. Однако Василий Васильевич иначе оценил его намерения и решил по-своему использовать предоставленную ему возможность. Он попросту „поймал“ князя Дмитрия и отправил его с приставом Иваном Старковым на Коломну».^[45] Везли Шемяку в оковах и лишь через несколько дней пребывания в Коломне его расковали.

Результатом этой подлоя, а главное, глупой акции стал переход дружины Шемяки на сторону Косого.

Решительная битва между двумя Василиями состоялась 14 мая 1436 г. в Ростовской земле на реке Черехе (между Волгой и селом Большим), у церкви Покрова в Скорятине (по другим сведениям – «в Ростовском Нализе»). Сначала враждующие стороны взяли перемирие до утра. Полки, распущенные Василием II, разъехались «вси кормов деля». Этим попытался воспользоваться Василий Косой. Нарушив достигнутое временное соглашение, он совершил дерзкий набег на лагерь великого князя. Однако «сторожа» предупредили Ивана Бабу Друцкого. Он сумел отбить атаку противника, а затем собрать все силы и нанести поражение войскам Косого. Сам Косой был лично схвачен Иваном Друцким.

Василия Косого доставили в Москву, где он и был ослеплен по приказу Василия II. Затем его в железках отвезли в заточенье в Вологду. Жестоко были наказаны и атаманы вятских ушкуйников. Один из них, Дятел, был повешен в Москве, а другого, Семена Жадовского, «в Переславли чернь мужики ослопы убили», то есть забили насмерть.

Замечу, что одной из причин поражения Косого было то, что он отпустил 400 ушкуйников вверх по Волге на Ярославль. Узнав о начале сражения, вятчане повернули обратно, но опоздали и не сумели помочь

своему князю и оставшейся с ним части ушкуйников.

Далее ушкуйники вновь отправились в Ярославль и там каким-то способом (все источники молчат об этом) сумели разгромить семитысячное московское войско, а его воеводу князя Александра Федоровича Брюхатого [46] взять в плен. Позже Брюхатый был доставлен в Вятку.

Расправившись с Косым, Василий II присоединил к своим владениям и его уделы: города Звенигород и Дмитров.

13 июня 1436 г. Василий II и Дмитрий Шемяка составили новое dokonчание. В обмен на свое освобождение Дмитрий Юрьевич признал себя «младшим братом» Василия Васильевича. Он подтвердил переход удела Василия Косого (Дмитров и Звенигород) Василию II. Удел Константина Дмитриевича (Ржева и Углич) остался по-прежнему за Дмитрием Шемякой и его братом Дмитрием Красным. Очевидно, были составлены договора Василия II и с другими его союзниками – князьями Иваном и Михаилом Андреевичами. В «прибавку» к своей отчине князь Иван Можайский получил Козельск и Лисин. Андреевичи, как и Дмитрий Юрьевич, признали Василия Васильевича «братом старейшим». Так Василий II юридически закрепил плоды своей победы над Василием Косым.

В войне между потомками Донского наступило почти пятилетнее перемирие. За эти годы в церковной истории произошло много важных событий, как, например, знаменитый Флорентийский собор, который должен был объединить православную и католическую церкви. Но это выходит за рамки работы, а интересующихся я отсылаю к своей книге «Куликовская битва и рождение Московской Руси».

Куда важнее для хода гражданской войны на Руси были дела ордынские. В 1437 г. в Золотой Орде началась война между ханом Улу-Мухаммедом (Улук-Мухуммедом) и Кичи-Мухаммедом, сыном Тимур-хана.

В начале 30-х годов XV в. орда Кичи-Мухаммеда кочевала в Средней Азии, а в начале 1437 г. он двинулся на северо-запад. Вскоре Кичи-Мухаммед захватил район низовий Волги, Дона и Днепра, некоторое время он контролировал и Крым.

Ряд эмиров Улу-Мухаммеда перебежали со своими дружинами к Кичи-Мухаммеду. Спасаясь от соперника, Улу-Мухаммед двинулся с ордой на север и занял район города Белева. Белев находился в верховьях Оки и в начале XIII в. входил в состав Черниговского княжества. После же развала Черниговского княжества в конце XIV в. Белевское княжество стало независимым. Первым князем белевским был Василий Романович. Его сын

Михаил бежал в 1407 г. в Москву после захвата княжества войсками Витовта.

Создание нового татарского государственного образования в непосредственной близости от Москвы вызвало ярость у великого князя Василия II и его бояр. Кроме того, московское правительство и само имело виды на Белевское княжество. Недаром сыновья изгнанного белевского князя Михаила Васильевича Федор и Василий^[47] паслись на московских хлебах.

В итоге на Белев было отправлено большое войско, в состав которого входили и дружины «молодших князей». Во главе войск были поставлены князья Дмитрий Юрьевич Шемяка и Дмитрий Юрьевич Красный. С ними великий князь послал и «прочих князей множество, с ними же многочисленнии полки».

Как утверждает великокняжеская летопись, братья Юрьевичи не преминули по дороге заняться грабежом – «все пограбиша у своего же православного христьянства, и мучаху людеи из добытка, и животину бьюще, назад себе отсылаху, а ни с чим же не разоидяхуся, все грабяху и неподобная и скверная сеяху».^[48]

Немногочисленные татарские полки под Белевом были разбиты и отброшены в город. Но закрепить этот успех русским войскам не удалось. Ворвавшиеся в Белев воеводы Петр Кузьминский и Семен Вольнец погибли. Наутро татары, «убоявся князей Руських, и нача ся давати им в всю волю их, и в закладе дети своя давати, и что где взяли, и не в великого князя отчине, полону, то все отдавали, и по тот день не чинити им пакости». Переговоры вели «зять зарев» Елбердей и князья Усеин Сараев и Сеунь-Хозя, а с русской стороны – В.И. Собакин и А.Ф. Голтыев.

Таким образом, Улу-Мухаммед готов был стать вассалом Василия II. Видимо, это было неплохое предложение для великого князя московского. Орда Улу-Мухаммеда могла стать хорошим подспорьем в борьбе с литвой, с галицкими князьями и с другими недругами Василия II.

Однако русские отвергли все предложения татар. Резонно предположить, что князья Юрьевичи не были заинтересованы в появлении сильного вассала у их потенциального противника. «Видевъше своих многое множество, а сих худое недостаточство», они решили окончательно добить врага.

5 декабря 1437 г. началось новое сражение, которое закончилось совсем не так, как виделось воеводам. Летописец с горечью писал: «... малое и худое оно безбожных воинство одолеша тмочисленным полком

нашим, несправедливо ходящим, прежде своих губящим». Старожилы рассказывали, что в разгроме русских войск был повинен мценский воевода Григорий Протасьев, состоявший на службе у великого князя литовского. Глубоко вдвинутый в Степь верховский город Мценск (на реке Зуше) часто подвергался нападениям ордынцев. Поэтому дурной мир с ними горожане предпочитали хорошей войне. Эти настроения сказались и на событиях под Мценском в 1437 г. Протасьев якобы «сотвори крамолу, хотяше бо лестию промеж их мир сотворити». Протасьев якобы заявил московским воеводам: «Великий князь мой [то есть литовский. – А.Ш.] прислал ко мне приказ, чтоб я не бился с ханом, а заключил с ним мир и распустил полки». Русские воеводы склонились было к его доводам, а Протасьев тем временем перешел на сторону противника и послал своего человека к Улу-Мухаммеду, подбивая его выступить против русских. Воспользовавшись мглой, ранним утром татары незаметно вышли из острога и ударили по русским полкам. Позже, в 1439 г., по приказу Василия II воевода Григорий Протасьев был ослеплен.

Результатом похода московского войска стало то, что Улу-Мухаммед осознал неудобства создания своего государства в верховьях Оки, где сходились интересы Москвы и Вильно. Кроме того, там не было исключено и нападение Кичи-Мухаммеда. В итоге Улу-Мухаммед двинулся на Нижний Новгород, а оттуда – на Булгары.

И русские, и ордынские источники сообщают о захвате Улу-Мухаммедом Нижнего Новгорода. Разница лишь в том, что русские летописи сообщают только об отдельных фактах пребывания Улу-Мухаммеда в Нижнем Новгороде, как, например, в 1445 г., а современные татарские авторы (Мифтахов, Муслимов и др.), основываясь на болгарских и ордынских летописях, считают, что татары Улу-Мухаммеда занимали Нижний Новгород с 1438 г. по 1445 г.

Занятие татарами Нижнего Новгорода прошло относительно мирно. Еще 15 августа 1389 г. татарский посол Шахмат сверг последнего нижегородского князя Бориса Константиновича и передал город Василию I. Московский князь не стал сажать служилых князей в Нижнем Новгороде, а держал там беспородных воевод. Население города не любило и не уважало их. Понятно, что особого желания умирать за Василия II у нижегородцев не было, и они открыли ворота Улу-Мухаммеду.

Татары согнали с вотчины шуйского князя Василия Юрьевича, правнука великого князя нижегородского Дмитрия Константиновича (годы правления 1359–1363). Он был вынужден бежать в Господин Великий Новгород. Новгородцы сделали его вторым служилым князем (первый был

литовский князь Иван Владимирович). В 1445 г. в ходе войны Новгорода с орденом Василий Юрьевич был воеводой в крепости Ям. Запомним этого князя, к нему мы вернемся через несколько страниц.

А мы возвратимся к Улу-Мухаммеду, который после занятия Нижегородского княжества отправился в Булгарию. Город Булгар был к тому времени разрушен, и Улу-Мухаммед идет к Казани. Здесь имеется в виду старая Казань, построенная еще во времена Батые и к этому времени влачившая жалкое существование.

Улу-Мухаммед строит рядом новую Казань, там, где она сейчас и находится.^[49] Как писал М.Г. Худяков: «Город [новая Казань. – А.Ш.]... расположен в 100 верстах от Булгара, вверх по течению Волги, в том самом месте, где река круто поворачивает на юг; угол, образуемый течением Волги – гора Услон, – находится как раз напротив Казани. Город расположен при впадении в Волгу р. Казанки, последнего из волжских притоков, имеющих меридиональное направление. Местоположение Казани менее выгодно, чем Булгара, стоящего близ самого слияния Волги и Камы, но природою Казань еще сильнее укреплена. Подобно Булгару, она расположена на левом, луговом берегу Волги, в значительном расстоянии от реки. Такое положение города составляло условие, чрезвычайно выгодное для его обороны, в особенности со стороны русских: неприятелю приходилось переплываться через Волгу и по болотистой низменности подступать к крепости, расположенной на высоком мысу. Наиболее укрепленная природою часть города обращена как раз в сторону русских, а тыловая, наиболее слабая, – в противоположную сторону, тогда как если бы Казань была расположена на правом, горном берегу реки Волги, ее тыл был бы обращен в сторону русских.

Утвердившись в Среднем Поволжье, хан Мухаммед решил восстановить господство свое над Россией и заставить московского великого князя платить дань по-прежнему ему, а не сарайскому хану Кичи-Мухаммеду».^[50]

В начале лета 1439 г. Улу-Мухаммед двинулся на Москву. По традиции потомков Калиты Василий II «отправился собирать полки за Волгу», видимо, в район Костромы. Защищать Москву великий князь оставил князя Юрия Патрикеевича. А 3 июля Улу-Мухаммед осадил Москву. Опять же по традиции отдельные татарские отряды пустошили московские княжества и доходили до границ Тверского княжества.

Улу-Мухаммед постоял под Москвой десять дней, но города взять не смог и двинулся назад. По пути он взял и сжег Коломну.

Любопытно, что болгарская летопись утверждает, что в поход на Москву Улу-Мухаммед отправился из Нижнего Новгорода, туда же он и вернулся обратно. [\[51\]](#)

В конце 1444 г. хан Улу-Мухаммед взял Муром. Причина этого похода была весьма прозаическая. Зима выдалась холодной, и татары уже совершенно объели окрестности Нижнего Новгорода. Узнав об этом, Василий II собрал большое войско и двинулся к Мурому. С ним шли князья Дмитрий Шемяка, Иван и Михаил Андреевичи и Василий Ярославич. Великий князь шел в поход «со всеми князи своими, и боляры, и воеводами, и со всеми людьми».

«Переднии полци» (воеводы), отправленные Василием II, побили татар и под Муромом, и «в Гороховце, и во всех инех местех». Основные же силы Улу-Мухаммеда отошли в Нижний Новгород. На этом кампания окончилась. Успокоенный легкой победой на востоке, Василий II поспешил вернуться через Суздаль и Владимир в Москву, куда он торжественно вступил 26 марта 1445 г.

Возможно, имело место и какое-то соглашение между Василием II и Улу-Мухаммедом. Я лично не люблю предположений, но в смуте XV века на Руси так много темных мест, благо наши дьяки и историки вдоволь постарались искромсать отечественную историю, что без предположений просто не обойтись. Во всяком случае, можно только московско-татарским договором объяснить поход московских воевод и двух татарских царевичей на земли Великого княжества Литовского, начатый еще в феврале – марте 1445 г. Союзники разорили Вязьму и Брянск и дошли почти до Смоленска. С богатой добычей и большим полоном они вернулись восвояси.

Великий князь литовский Казимир среагировал немедленно. Во главе литовского войска были поставлены ковенский староста Волимунт Судивой, виленский воевода маршалок Радзивилл Осикович, смоленский наместник Николай Немиров, полоцкий наместник Андрей Сакович и другие. Литовцы разорили Козельск, Верею, Калугу и Можайск. По новгородским сведениям, литовская рать «5 городов взя, и плени земли много и повева, и христьянству погибель велика бысть». Московские летописцы дают более точные сведения: против семи тысяч литовцев русские смогли выставить едва только сто можайчей, сто верейцев и 60 серпуховичей и боровичан. Воеводой у ратников князя Василия Ярославича был Жичев. Сопротивлялись они упорно. Так, под Козельском литовцы стояли целую неделю, но на реке Суходрев, притоке Угры, им удалось нанести поражение малочисленным войскам русских, хотя литовцы и потеряли убитыми 200 человек.

Среди погибших русских воевод был суздальский князь Андрей Васильевич Лугвица, служивший можайскому князю Ивану Андреевичу. Возглавлявший войска князя Михаила Андреевича Иван Федорович Судок Монастырев попал в плен. Затем он вернулся на Русь, служил Ивану Андреевичу и позднее вместе с ним бежал в Литву.

Трудно понять, зачем Василию II понадобилось нападать на Литву при полной неподготовленности западных рубежей Московского княжества к войне.

Стоит упомянуть и о походе в 1444 г. царевича Мустафы на Рязанские земли. Замечу, что сей царевич подчинялся не Улу-Мухаммеду, а сарайскому хану Кичи-Мухаммеду. Согласно летописи, он «повоевал волости и села рязанские и остановился в степи для продажи пленников, которых выкупали рязанцы. Когда пленные были все выкуплены, Мустафа пришел опять в Рязань, на этот раз уже с миром; хотелось ему зимовать в городе, потому что в степи не было никакой возможности оставаться: осенью вся степь погорела пожаром, а зима была лютая, с большими снегами и сильными вьюгами; от бескормицы лошади у татар перемерли. Когда в Москве узнали об этом, то великий князь отправил на Мустафу двоих воевод своих – князя Василия Оболенского и Андрея Голтяева с двором своим да мордву на лыжах. Московские воеводы нашли Мустафу под Переяславлем на речке Листани, потому что рязанцы выслали его из своего города. Несчастные татары, полузамерзшие, бесконные, не могшие владеть луками по причине сильного вихря, должны были выдержать нападение с трех сторон: от воевод московских, от мордвы и от казаков рязанских, которые упоминаются тут в первый раз. Несмотря на беспомощное состояние свое, татары резались крепко, по выражению летописца, живыми в руке не давались и были сломлены только превосходным числом неприятелей, причем сам Мустафа был убит».^[52]

Несколько слов стоит сказать и о взаимоотношениях Василия II с сыновьями Юрия Дмитриевича. В 1440 г. при весьма странных обстоятельствах в Галиче умер Дмитрий Красный. Прочитирую летопись в переложении Карамзина: «Меньший брат, Дмитрий, скоро умер в Галиче, достопамятный единственно наружной красотой и странными обстоятельствами своей кончины. Он лишился слуха, вкуса и сна; хотел причаститься Святых Таин и долго не мог, ибо кровь непрестанно лила у него из носу. Ему заткнули ноздри, чтобы дать причастие. Дмитрий успокоился, требовал пищи, вина; заснул – и казался мертвым. Бояре оплакали князя, закрыли одеялом, выпили по несколько стаканов крепкого меду и сами легли спать на лавках в той же горнице. Вдруг мнимый

мертвец скинул с себя одеяло и, не открывая глаз, начал петь стихиры. Все оцепенели от ужаса. Разнесся слух о сем чуде: дворец наполнился любопытными. Целые три дня князь пел и говорил о душеспасительных предметах, узнавал людей, но не слышал ничего, наконец действительно умер с именем Святого: ибо – как сказывают летописцы – тело его, через 23 дня открытое для погребения в московском соборе Архангела Михаила, казалось живым, без всяких знаков тления и синеты». ^[53]

Возможно, князь был отравлен, но почему-то наши археологи не спешат исследовать его останки, находящиеся в Архангельском соборе в Кремле рядом с могилой великого князя Юрия Дмитриевича.

Василий II сразу после смерти Дмитрия Красного захватил Бежецкий Верх – самый лакомый кусок из его удела.

Мало того, осенью 1441 г. Василий II попытался внезапно овладеть Угличем – столицей удела Дмитрия Шемяки. Однако московский дьяк Кулудар Ирежицкий отправил Дмитрию Юрьевичу грамоту с предупреждением. Тот немедля ускакал на запад с частью дружины. Василий II приказал несчастного дьяка забить до смерти кнутом «по станам вода». Но взять Углич московское войско так и не смогло.

После снятия осады с Углича туда вернулся Шемяка и начал собирать войско. К нему приехал удельный князь Иван Андреевич Можайский, в очередной раз обиженный московской кликой (Василием II, Софьей Витовтовной и К^о). Сия компания быстро осознала свою ошибку и послала грамоту Ивану Можайскому с предложением добавить в удел еще город Суздаль с окрестностями. От такого подношения Иван отказаться не мог и отправился в Москву. Но тут опять был допущен просчет – Суздаль находился в кормлении у литовского князя Александра Чарторижского (Чарторыского). Сей князь участвовал в убийстве великого князя литовского Сигизмунда и был вынужден бежать в Москву. Потеряв Суздаль, наш Гедиминович с горя отправился к Шемяке и стал одним из лучших воевод.

Шемяка и Чарторижский двинулись из Углича на Москву. По пути они заехали в Троицкий монастырь, игумен которого Зиновий решил взять на себя функции миротворца.

Посредничество игумена увенчалось успехом, и двоюродные братья заключили очередной мир. По его условиям Шемяка сохранял за собой Углич, Галич, Ржеву и Рузу. Земли, принадлежавшие сидевшему в заточении Василию Косому (Звенигород, Дмитров и Вятка), признавались владениями Василия II.

Василий II потребовал у Шемяки крупную сумму ордынской дани. «А

что, брате, еще в целовании [то есть в мире] будучи со мною, не додал ми еси въ выходы серебра и в ординские протори, и что есмь посылал киличеев [послов] своих ко царем к Кичи-Маметю и к Сиди-Ахметю, а то ти мне, брате, отдати по розочту, по сему нашему dokonчанью».^[54]

Любопытно, что трусливый Василий II одновременно платил дань сразу двум ханам – сарайскому Кичи-Мухаммеду и кочевавшему в причерноморских степях Сеим-Ахмету.^[55] Надо ли говорить, что это не понравилось Улу-Мухаммеду. Надо же – двум его конкурентам улусник Васька платит, а ему, самому ближнему хану – нет!

Весной 1445 г. Улу-Мухаммед отправил двух своих сыновей, Махмуда (в русских летописях Мамутяк или Махмутек) и Якуба, в поход на Москву. В июле им навстречу отправился и Василий II с московской ратью. По пути к нему присоединились вассальные князья Иван и Михаил Андреевичи и князь Василий Ярославич. Дмитрий Шемяка на этот раз не пришел.

Московское войско подошло к Суздалю и разбило лагерь на реке Каменке. 6 июля в стане началось движение – ратники одели доспехи, подняли знамена и выступили в поле. Но татар не было видно, и Василий Васильевич вернулся в лагерь и сел с князьями и боярами ужинать. Пили и гуляли долго, спать легли под утро. Великий князь проснулся поздно, отслушал заутреню и собрался было опять лечь спать, но тут разведка донесла, что татары переправляются через реку Нерль. Великий князь тут же послал поднимать войска, сам надел доспехи, поднял знамена и выступил в поле.

В битве у Спасо-Евфимьевского монастыря русские поначалу стали одолевать, татары отступили. Но многие русские, по словам летописца, «начаша избитых татар грабить». Этим воспользовался бек Кураиш, который завернул своих бежавших киргизов и контратаковал русских. Московская рать была вдребезги разбита. Василий II, его двоюродные братья Михаил Андреевич Верецкий и Иван Андреевич Можайский попали в плен и были отправлены в Казань.

Затем татары разграбили Суздаль и, перейдя через Клязьму, стали напротив Владимира, но штурмовать его не решились и отправились назад через Муром в Нижний Новгород.

Когда в Москве узнали о пленении Василия II, то «поднялся плач великий и рыдание многое». Но за этой бедой пришла и другая: ночью 14 июля «загорелась Москва и выгорела вся, не осталось ни одного дерева, а каменные церкви рассыпались и каменные стены попадали во многих

местах». Людей погибло много, по одним данным – 700 человек, по другим – гораздо больше, потому что из города мало кто бежал: боялись татар. Добра всякого сгорело множество, так как в Москве собрались жители других городов и окрестных сел и готовились к осаде.

Паника в Москве была пресечена приходом Дмитрия Шемяки, который взял власть в свои руки. Между тем Улу-Мухаммед отправил в Москву своего посла мурзу Бигича с поручением возвести на великокняжеский престол Шемяку. Дмитрий очень обрадовался, так как давно мечтал об этом. Вместе с Бигичем он отправил к хану своего посла Федора Дубинского, чтобы выразить Улу-Мухаммеду благодарность за оказанную честь. Бигич и Дубинский до Мурома ехали на лошадях, а там пересели на судно. Так пожелал Бигич: он хотел полюбоваться речными просторами Оки.

Но пока Бигич пьянствовал в Москве и путешествовал по Оке, хан Улу-Мухаммед был убит в Казани своим братом Кара Якубом. Дальнейшую историю З.З. Мифтахов описывает так: «После этого [убийства Улу-Мухаммеда. – А.Ш.] Кара Якуб освободил из тюрьмы Василия II, а также его двоюродного брата и бывших при них бояр. Первым делом великий князь отправил Андрея Плещеева в г. Переяславль, чтобы сообщить матери и жене о своем освобождении, а также о том, чтобы привезли выкуп в г. Курмыш. В деревне Иваново-Кислеево Плещеев встретил Плишко Образцова, который с лошадьми ожидал прибытия на судне Бигича и Дубинского. На берегу Оки, недалеко от переправы, между ними состоялся обмен информацией. Плещеев сообщил о том, что Василий II освобожден из плена, а Образцов – о том, что в Москве великим князем провозглашен Дмитрий Шемяка. Когда подплывшие на корабле мурза Бегич и посол Дубинский узнали о случившемся, то они вернулись в г. Муром, где Бигич был арестован сторонниками Василия II.

Тем временем Кара Якуб вместе с Василием и его приближенными прибыл в г. Курмыш, расположенный на берегу Оки. Здесь он стал ждать, когда привезут выкуп. В Казани Кара Якуб оставил своего племянника Якуба, перешедшего на его сторону, с 500 кыргызами, а также ногайского служилого князя Кильдибека с 2500 всадниками.

Якуб освободил из тюрьмы Гали-бия, который сразу стал претендовать на власть.

Когда Махмуд и Кураиш узнали о гибели Улу-Мохаммеда, то «были потрясены этим вероломством и изменой». В сопровождении тысячи кыргызов они прибыли в г. Курмыш. Здесь «между ними и злодеем произошел бой». Во время этого боя Кара Якуб «бросился на Махмудтека с

ножом, но тот опередил дядю» и ударом кинжала убил его. Так закончил свой жизненный путь братоубийца Кара Якуб».^[56]

Узнав об освобождении Василия II, Дмитрий Шемяка бежал из Москвы в Углич. А Василий тем временем добрался до Муром, а оттуда направился во Владимир. «И бысть радость велика всем градом Русским», – с умилением пишет московский летописец.

В Переяславле состоялась торжественная встреча великого князя. Туда загодя прибыли великие княгини Софья Витовтовна и Мария Ярославна с сыновьями Василия II Иваном и Юрием, а также весь великокняжеский двор. А на Дмитриев день, 26 октября, Василий прибыл в Москву.

Но к ужасу москвичей, великий князь приехал не один, его сопровождали 500 вооруженных татар, которые вели себя в Москве как в побежденном городе. В народе пошли толки, что де князь Василий за свое освобождение пообещал татарам фантастическую по тем временам сумму – 200 тысяч рублей, а также несколько русских городов, из которых он намеревался выгнать местных князей. Наши историки XIX—XX вв. задним числом будут утверждать, что это, мол, только сплетни, распускаемые врагами великого князя. Но каковы же подлинные условия договора – об этом наши мудрые профессора молчат.

Видимо, договор был столь скандален, что всю информацию о нем уничтожили или засекретили. Другой вопрос: когда это было сделано? В XV или в XIX в.? А может, подлинный договор и сейчас лежит в секретной части какого-нибудь архива? Ведь у нас и сейчас, в эпоху гласности и демократии, в секретных частях архивов лежат тысячи документов, возраст которых 100 и более лет.

В любом случае сумма выкупа за Василия II была огромная. Все простые воины, взятые в плен в Суздальской битве, и мирные жители, захваченные татарами, не возвратились, а были проданы в рабство. Мало того, Василий II начал передачу татарам русских городов, чего не было со времен Батыя. Впервые в истории Руси в наших городах татарским князьям было разрешено строить мечети.

Василий успел передать татарам лишь один русский город – Мещерский городок на Оке. Он перешел в потомственное владение Касиму, сыну Улу-Мухаммеда.

Позже наши историки будут нагло врать, что Василий II просто принял на службу татарского царевича Касима и дал ему в кормление Мещерский городок, как московские князья и ранее давали в кормление городки и села татарским и литовским князьям. Лживость последнего утверждения очевидна. Никогда и ни при каких обстоятельствах московские или иные

князья не позволяли литовским, татарским и иным служилым князьям строить на Руси латинские храмы, литовские языческие капища, мечети и т. д.

Василий за себя и своих потомков поклялся вечно платить дань царевичу Касиму и его потомкам. Как писал историк В.В. Похлебкин: «Дань Касимовским царевичам (ханам) зафиксирована в следующих документах:

А. Договор князей Ивана и Федора Васильевичей Рязанских от 19 августа 1496 г.

Б. Договор между сыновьями Ивана III Василием и Юрием от 16 июня 1504 г. и завещание Ивана III, составленное в 1594 г. (Собр. Гос. Грамот и договоров, ч. I, док. 144, с. 389–400, М., 1813 г.).

Более того – эта дань сохранялась даже при Иване IV Грозном чуть ли не после покорения Казани! (Последнее упоминание о ней относится к 12 марта 1553 г.!).^[57]

Вот, к примеру, завещание Ивана III (умер 27 октября 1505 г.): «В ордынские выходы: в Крым, Казань, Астрахань, Царевичев городок (Касимов), для других царей и царевичей, которые будут в Московской земле, на послов татарских назначена тысяча рублей в год: из этой суммы 717 рублей платит великий князь, остальное доплачивают удельные». ^[58]

Выходит, это дань. Таким образом, через 25 лет после освобождения от ига Русь платила дань Крыму, Казани, Астрахани и Царевичему городку (Касимову)! Риторический вопрос: если это не дань, а жалованье касимовского правителя, то тогда и казанские, и крымские ханы должны были состоять на службе московского князя.

Постыдные действия Василия II вызвали возмущение во всех слоях русского общества.

В начале февраля 1446 г. Василий II поехал замаливать грехи в Троицкий монастырь. В ночь на 12 февраля москвичи открыли ворота дружинам Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского. Им никто не сопротивлялся. Воины Шемяки схватили Софью Витовтовну и жену Василия Васильевича. Лишь детям великого князя удалось бежать в село Боярово (недалеко от Юрьева Польского), принадлежавшее князю Ивану Рязполовскому. Вместе с ними бежали бояре В.М. Шея Морозов и Ю.Ф. Кутузов.

Согласно летописи, Василий II 13 февраля служил обедню в монастыре, как вдруг в церковь вбежал рязанец Бунко и объявил, что Шемяка и Можайский идут на Василия ратью. Василий не поверил, потому

что Бунко незадолго до этого перешел от него к Шемяке. «Эти люди только смущают нас, – сказал великий князь, – может ли быть, чтобы братья пошли на меня, когда я с ними в крестном целовании?» После чего повелел выгнать Бунко из монастыря. Тем не менее Василий все-таки послал разведку к Радонежу (на гору), но дружинники Ивана Можайского заметили ее, не выдав себя.

Тогда Можайский велел собрать много саней и положить в них по два человека в доспехах, прикрыть их рогожами, а третьему велел идти сзади, как будто за возом. Таким образом дружина въехала на гору, ратники повыскакивали из возов и перехватывали сторожей Василия, которые по глубокому снегу не смогли убежать. После этого войско Можайского двинулось к монастырю.

Василий II увидел неприятелей, когда те скакали с Радонежской горы к селу Клементьевскому, и бросился на конюшенный двор. Но там не оказалось ни одной запряженной лошади. Тогда Василий побежал в монастырь, к Троицкой церкви, пономарь впустил его и запер дверь. В этот момент в монастырь въехала неприятельская дружина во главе с боярином Шемяки Никитой Константиновичем, который взлетел на коне даже на церковную лестницу.

Следом въехал в монастырь и сам князь Иван Можайский и стал спрашивать, где великий князь. Василий, услышав его голос, закричал из церкви: «Братья! Помилуйте меня! Позвольте мне остаться здесь, смотреть на образ Божий, пречистой богородицы, всех святых. Я не выйду из этого монастыря, постригусь здесь».

Василий много раз нарушал клятвы и договоры, и ему, естественно, никто не поверил. Его схватили и привезли в Москву. Ночью ему прочитали приговор: «Зачем навел татар на Русскую землю и города с волостями отдал им в кормление? Татар и речь их любишь сверх меры, а христиан томишь без милости; золото, серебро и всякое имение отдаешь татарам, наконец, зачем ослепил князя Василия Юрьевича?», а затем ослепили. После казни Василий II получил прозвище Темный. С помощью рязанского епископа Ионы Шемяка захватил и детей Василия II. Ослепленный великий князь с сыновьями был сослан в заточение в Углич.

Однако победу Шемяки можно без преувеличения назвать пирровой. Значительная часть московских бояр отказалась служить галицкому князю.

Победа Шемяки над Василием II вызвала явное неудовольствие у ордынских покровителей московского князя. И 17 апреля 1446 г., «на Великий день», казанские татары, простояв три дня под Устюгом, пошли на штурм. Они «приступили к городу, несучи на головах насад». Насады (лодьи)

должны были защищать татар от града камней, стрел и копий, которые сыпались на них с крепостных стен. Однако захватить Устюг татарам не удалось, и они отошли, получив с него «откуп, комейщину, за 11 000 денег и всякою рухлядью» (мехами). В Устюг меха поступали с Севера, а отсюда уже шли на рынки Новгорода, по Волге и в центр. На этот раз татары остались без полона.

Затем татары, миновав Галич, «приходили... на Кичменгу» и вверх по Югу через волок направились на Ветлугу, приток Волги. До Казани они плыли на плотах, «да в полоех тонули». Из отборного отряда «царева двора» численностью в 700 человек в Казань вернулось 40 человек.

Значительная часть сторонников Василия II бежала в Литву. Первым туда бежал боярин Федор Басенок с дружиной, затем – князь Василий Ярославич Серпуховской, которому Казимир IV дал «в вотчину» города Брянск, Гомель, Стародуб и Мстиславль. Брянск Василий Ярославич уступил князю С.И. Оболенскому и Федору Басенку.

На литовском порубежье находились татарские царевицы Бердедат Кудудатович, Касим и Якуб Мухаммедовичи, сохранявшие верность Василию II.

Экономика Владимиро-Суздальской Руси была доведена Василием II, как говорится, до ручки. Разруха заставила Дмитрия Шемяку провести денежную реформу. Князь дважды уменьшал вес монеты: первый раз до 0,54—0,5 г (по галицкой норме), а второй раз – до 0,39—0,4 г. На монетах Дмитрия Шемяки изображался всадник с копьем и буквами «Д.о.», что означало «Дмитрий-осподарь». Также помещал Шемяка на монетах надпись: «Осподарь всея земли Русской», твердо заявляя свое стремление к утверждению единодержавия на Руси. Выразительно было и второе изображение на монетах Дмитрия Юрьевича – князь на троне. Позднее опыт чеканки монет и их символика были использованы Василием II. Реформа первого «Государя русского» привела к существенному росту цен.

В сложившейся ситуации Шемяка решил примириться с Василием Темным. Вместе с несколькими церковными иерархами он поехал в Углич, где содержался в заключении Василий. Приехав туда, Шемяка выпустил Василия с детьми из заключения, покался и попросил у него прощения. Василий же, сознавая свою вину, говорил: «И не так еще мне надобно было пострадать за грехи мои и клятвопреступление перед вами, старшими братьями моими, и перед всем православным христианством, которое изгубил и еще изгубить хотел. Достоин был я и смертной казни, но ты, государь, показал ко мне милосердие, не погубил меня с моими беззакониями, дал мне время покаяться». Как говорил летописец: «Когда он

это говорил, слезы текли у него из глаз как ручьи; все присутствующие дивились такому смирению и умилению и плакали сами, на него глядя».

Дмитрий Шемяка в честь примирения с Василием закатил для него, его жены и детей большой пир, куда были приглашены все епископы, многие бояре и дети боярские. Василий получил богатые дары и Вологду в отчину, поклявшись Шемяке впредь не искать великого княжения.

Но Василий, естественно, и не собирался выполнять условия крестного целования и, освободившись, немедленно возобновил гражданскую войну. Помимо московского боярства у него нашлось еще несколько союзников. Так, тверской князь Борис Александрович первые годы гражданской войны держал нейтралитет, а в феврале 1446 г. поддержал Шемяку, испугавшись передачи Василием татарам русских городов.^[59] Но к 1447 г. тверской князь осознал, что его родной Твери куда большую угрозу представляет талантливый полководец «государь Дмитрий Юрьевич», чем слепой Василий, который и прежде-то был бездарным полководцем, зато отличным выпивохой. В 1447 г. состоялось обручение старшего^[60] сына Василия II Ивана и Марии, дочери Бориса Александровича Тверского. Свадьба состоялась в Москве позже, 4 августа 1452 г. Жениху в это время было 12 лет, а невесте – около 10.

Вот бы туда наших прокуроров, пересажали бы за соращение несовершеннолетних всех русских князей. Между прочим, Мария родила вполне здорового сына Ивана. Умерла Мария рано, в 1467 г., но не от раннего вступления в брак, а от «смертного зелья» – тело ее непомерно разбухло и т. д.

Тверской князь помог Василию Темному деньгами и войском, в том числе осадной артиллерией. Взамен Василий пообещал отдать Твери сильную крепость Ржеву. Много сделали для Василия и казанские татары. В конце 1446 г. войско Касима соединилось с войском Якуба, пришедшим из Казани.

Игумен Кириллова монастыря Трифон от лица церкви благословил Василия II на борьбу с Шемякой и взял на себя грех нарушения Василием Васильевичем крестного целования. «Еже еси целовал неволею» – так объяснил это кирилловский игумен. В 1448 г. в благодарность за поддержку в трудную минуту Василий II назначит Трифона архимандритом придворного Новоспасского монастыря.

Князя Василий Ярославич Серпуховской, трое Рязанских, Иван Стрига и Семен Оболенский собрали свои дружины в районе города Мстиславля и решили идти на помощь Василию II. Замечу, что дружины

этих князей были сформированы в основном на территории Великого княжества Литовского с согласия и с помощью великого князя литовского Казимира. Чтобы не допустить соединения войск Василия Серпуховского и Василия II, Дмитрий Шемяка и Иван Можайский вышли из Москвы с большой ратью и заняли район Волоколамска. Там они и простояли с 15 ноября по 25 декабря 1446 г. При этом подавляющее большинство московских ратников попросту дезертировало. Кто бежал в Тверь, кто – по домам. В итоге Дмитрий и Иван остались со своими дружинами – галицкой и можайской.

Тем временем конный отряд тверского князя Бориса Александровича и несколько десятков дружинников Василия II во главе с Плещеевым и Измайловым совершили смелый рейд на Москву. Ворота были открыты, этим воспользовались нападавшие и ворвались в город. Сопротивление тверичам и людям Плещеева было оказано слабое. В плен был взят наместник можайского князя Ивана Андреевича Василий Чешиха, а наместнику Шемяки Федору Галицкому удалось бежать. Чувствуя непрочность своего положения в Москве, Шемяка в самом начале боевых действий отослал в Галич жену Софью Дмитриевну и сына Ивана. Жители столицы были приведены к присяге на имя Василия II. На случай возможного нападения противника город начали спешно укреплять.

Одновременно с посылкой «изгонной рати» к Москве основные силы союзников двинулись к Волоколамску. Их вели сами великие князья Василий II и Борис Александрович.

В такой ситуации Дмитрию Шемяке ничего не оставалось, как уходить. Он отошел к Угличу, а затем по замерзшей Волге через Ярославль дошел до Костромы. Далее он двинулся по рекам Костроме и Вексе. В Чухломе Шемяка захватил старуху Софью Витовтовну и вместе с ней остановился в Каргополе.

Тверской князь Борис Александрович, дойдя с Василием II до городка Редена, узнал о бегстве Шемяки «в далняя части земли». Тогда он отпустил с великим князем московским своих воевод Бориса и Семена Захарьичей со «множеством» воинов, а сам «той же зимы восхоте поити ко граду Ржеве». Но ржевичи «не восхотеша отворяти» ворот своего города тверским воеводам Дмитрию Федоровичу и Григорию Никитичу. А инок Фома писал: «Град той аще ли мал, но тверд, а велми приправы градские на нем велми много». Тогда Борис Тверской послал в Ржеву своего боярина Константина Константиновича с предложением сдать город, но ржевичи не согласились. Тогда князь Борис направил подкрепление с воеводами Даниилом Григорьевичем и Карпом Федоровичем. Ржевичи зажгли посадки

и перешли к обороне. Осада Ржевы затянулась.

В это время московско-тверское войско осадило Углич. Несколько позже к Угличу подошли и сформированные в Литве войска служилых князей – сторонников Василия II. Наконец, к Угличу подтянулась и мощная тверская осадная артиллерия. Ею заведовал известный тверской пушкарь Микула Кречетников. Инок Фома писал о нем: «Таков беаше мастер, но яко и среди немец не обрести такова».

Деревянные стены Углича не выдержали огня тверских бомбард и пищалей, и в середине января 1447 г. город был взят. При штурме погиб известный воевода Василия II литвин Юшка Драница.

Сразу после взятия Углича «тверской наряд» вместе с Микулой Кречетниковым был направлен под Ржеву. Ржевичи упорно сопротивлялись в течение трех недель, несмотря на ожесточенный пушечный обстрел города. По словам инок Фомы, горожане, в свою очередь, «биаху овии пушками, а инии пращами, а друзии камене метяху, а овии стрелами, яко ж дождем пуцаху». Но тверской наряд оказался мощнее: «...толь бо грозно, но яко ж от великого того грому многим человеком падати». В конце концов под город пришел сам князь Борис Александрович, и весной 1447 г., «в Великое заговенье», Ржева сдалась на милость победителя.

Стремясь изолировать Шемяку от союзников, Василий II заключает окончание с бывшим его соратником можайским князем Иваном Андреевичем. Текст договора до нас не дошел. Но, судя по соглашениям великого князя с тем же Иваном Андреевичем от сентября 1447 г. и с серпуховским князем Василием Ярославичем начала 1447 г., Василию II за отказ Ивана Можайского от союза с Шемякой пришлось передать можайскому князю Бежецкий Верх, Лисин и половину Заозерья.

Сразу после взятия Углича войско Василия II вместе с тверскими воеводами двинулось по Волге к Ярославлю. Один маститый историк (не называю фамилию из этических соображений) писал: «...воины плыли в насадах, а кони шли берегом». Увы, в январе—феврале как раз кони шли по замерзшей Волге.

В Ярославле союзники соединились с татарским войском царевичей Касима и Якуба, сыновей Улу-Мухаммеда. Из Ярославля Василий II пишет Шемяке. В не слишком достоверном издании Л.Е. Морозовой без ссылок приводится цитата из грамоты Василия: «Брат Дмитрий! Какая тебе честь и хвала держать в неволе мать мою, а твою тетку? Ищи для меня более подходящую месть за то, что я сел на великое княжение и прогнал тебя».^[61]

На мой взгляд, в грамоте содержалось предложение о перемирии, а одним из условий его было освобождение старушки.

Шемяка согласился и отпустил свирепую бабку. Встреча ее со слепым сыном состоялась в Троицком монастыре, а затем они вместе отправились в Переяславль. Любопытно, что доставивший Софью Витовтовну боярин Михаил Сабуров (потомок мурзы Чета) обратно в Галич не вернулся, а остался служить Василию II.

Летом и осенью 1447 г. боярам Василия II удастся создать коалицию из служилых и независимых князей, направленную против Шемяки. 19 июня 1447 г. был заключен договор с князем Михаилом Андреевичем, по которому он жаловался половиной Заозерья («отчины заозерских князей половина») и сотней деревень из другой половины. Правда, часть их должна быть отписана на великого князя «против» переданной Михаилу Андреевичу половины Кубены. В сентябре 1447 г. было подписано dokonчание с князем Иваном Андреевичем, по которому вторая половина Заозерья отошла к нему.

Заозерье (за Белоозером) и Кубена (к северу и востоку от Кубенского озера) входили в состав Ярославского княжества и являлись «занозой», отделявшей великокняжескую Вологду от Новгорода. Последний ярославский князь, Александр Федорович Брюхатый, поддерживал Василия II, но во время войны его с Василием Косым в 1435 г. был взят вятчанами в плен и отправлен на Вятку. Где он находился в 1447 г., неизвестно. А его дядя Дмитрий Васильевич (младший брат его отца) княжил в Заозерье. На дочери князя Дмитрия Васильевича был женат Дмитрий Шемяка. Так что, отдавая Заозерье, Василий II ничего не терял.

20 июля 1447 г. Василий II вместе с князьями-союзниками Иваном и Михаилом Андреевичами и Василием Ярославичем заключили договор с великим князем рязанским Иваном Федоровичем. По этому договору Иван Рязанский признавал себя «младшим братом» великого князя московского и обязывался отныне «не приставать» к Литве и ходить ратью на «недруга» Василия Васильевича. В остальном же договор повторял старые dokonчания с Рязанью, в том числе dokonчание от 25 ноября 1402 г. Василия I с Федором Ольгердовичем и договор 1434 г. Юрия Дмитриевича с Иваном Федоровичем.

Летом 1447 г. Дмитрий Шемяка и Иван Андреевич Можайский попытались договориться с Василием II. Для этого они заключили перемирие с союзниками великого князя Михаилом Андреевичем и Василием Ярославичем и договорились, что эти князья выступят посредниками в переговорах с великим князем московским.

Перемирие с белозерским и серпуховским князьями было заключено, «уговев Петрова говенья неделю», то есть около 12 июня 1447 г. Перемирие

предусматривало прекращение военных действий галицкого и можайского князей с великим князем московским. Во время перемирия Дмитрий Шемяка и Иван Можайский обязывались не нападать ни на Василия II, ни на его союзников Михаила Андреевича и Василия Ярославича «и на царевичи, и на князей на ордынских, и на их татар не ити, и не изонити их», и не чинить «никоторые пакости» вотчине великого князя. Дмитрий Шемяка и Иван Можайский обязывались «любовь и докончанье взяти по старине» с Борисом Александровичем, так как он с Василием II был «один человек». Василий же Ярославич с Михаилом Андреевичем обещали похлопотать перед Василием II с тем, чтобы он заключил также мирное докончание с Дмитрием Юрьевичем и Иваном Андреевичем. Для этого Шемяка соглашался «отступиться» от Углича, Ржевы (уже им потерянной) и «Бежитцкие волости», а Иван Можайский отказывался от Козельска, Алексина и Лисина.

Летом 1447 г. Шемяка заключил с Василием II еще одно докончание. Текст договора не сохранился, но о некоторых его положениях можно судить по их изложению в декабрьском 1447 г. послании иерархов. Это докончание напоминало аналогичное докончание, которое в сентябре того же года заключил с Василием II Иван Можайский. Иван Андреевич, равно как и Шемяка, признавал Василия II «старейшим братом», обязывался «не канчивати ни с кем, ни сылатися» без ведома великого князя (в том числе «Орды не знати»). Василий II, со своей стороны, гарантировал галицкому и можайскому князьям владение их уделами и обязывался жить «по душевной грамоте деда нашего великого князя Дмитрея Ивановича», на чем всегда настаивали Юрий Дмитриевич и его сыновья.

Между тем Дмитрий Шемяка заключил союз с нижегородскими князьями. Мы помним, что в 1438–1445 гг. Нижний Новгород контролировали казанские татары (Улу-Мухаммед, сыновья и К°). Но в ответ на татарский набег 1446 г. Дмитрий Шемяка выбил татар из Нижнего Новгорода. Понятно, что этот вопрос наши историки обходят – мол, были татары, да все как-то сплыли...

А в начале 1447 г. Шемяка отобрал Суздаль у изменившего ему князя Ивана Можайского. После этого Дмитрий Юрьевич воссоздает Суздальско-Нижегородское Великое княжество. Во главе его были поставлены удельные шуйские князья Василий и Федор Юрьевичи, правнуки великого князя Дмитрия Константиновича Нижегородского.

Договор Дмитрия Шемяки с Василием и Федором Юрьевичами не содержал признания за ними полной независимости, но в делах, касавшихся непосредственно земель их княжества, они сохраняли

суверенные права. Используя терминологию dokonчаний своего отца, Дмитрий Юрьевич обязывался держать князя Василия своим «сыном», а князя Федора – «братаничем». Сын Шемяки Иван рассматривался в dokonчании «братом ровным» князю Василию и «старейшим братом» князю Федору.

Забегая вперед, скажу, что новые суздальско-нижегородские князья не сумели оказать достаточно эффективной поддержки Шемяке в борьбе с Василием Темным. В конце 40-х годов XV в. Василий Юрьевич умер и был похоронен в Архангельском соборе Нижегородского кремля. А Федору Юрьевичу в 50-х годах пришлось бежать от московских войск в Псков. Там он становится служилым князем и в 1464 г. защищает Псков от немцев. Наконец, в 1471 г. он едет в Москву на службу к Ивану III.

Замечу, что и сыновья Василия Юрьевича Василий Бледный и Михаил поступают на службу к московским князьям. Сын Василия Бледного Иван получает прозвище Скопа, от него пошел знаменитый княжеский род Скопиных-Шуйских. А вот сын Михаила Васильевича Андрей Честокол служил боярином у Василия III и Ивана IV, внук же Честокола Василий Иванович Шуйский в 1606 г. становится царем всея Руси.

Но вернемся к дипломатии Дмитрия Шемяки. Он в 1447 г. попытался было вступить в союз против Темного с Господином Великим Новгородом. Но у республики в тот момент назревал очередной конфликт с Ливонским орденом и союзной с ним Швецией. Поэтому новгородцы отказали Шемяке и продолжали держать нейтралитет в войне.

Оказавшись в сложном положении, Шемяка был вынужден изменить свою антитатарскую политику и отправить посла в Казань к местному хану Мамутеку (Махшутеку), старшему сыну Улу-Мухаммеда. При этом, несмотря на договор с Василием II, Дмитрий Юрьевич категорически отказался платить дань хану Седи-Ахмету: «От царя Седи-Яхмата пришли к брату твоему старейшему великому князю его послы, и он к тебе посылал просити, что ся тебе имае дати с своей отчины в те в татарские просторы; и ты не дал ничего, а не заучи царя Седи-Яхмата царем».

Мне лично трудно понять, зачем Москве понадобилось платить дань Седи-Ахмету, кочевавшему в то время в Подолии и воевавшему с польским королем Казимиром IV.

А тем временем Василий II подготовил «идеологическую диверсию» против Дмитрия Шемяки. Предоставлю слово А.А. Зимину: «29 декабря 1447 г. высшие иерархи русской церкви (включая рязанского епископа Иону), явно по прямому указанию Василия II и его окружения, составляют послание Дмитрию Шемяке. В нем они перечисляют „вины“ и

„неисправления“ мятежного князя, в первую очередь нарушение галицким князем последнего dokonчания с Василием Васильевичем. Прежде всего, пишут они, обращаясь к Шемяке, „ты на него (Василия II) добываясь, а христианство православное до конца губя, ссылаешься с иноверци, с поганьством и с иными со многими землями, а хотя его и самого конечно погубити и его детки, и все православное христианство раздрушити“. Иерархи утверждают, что Дмитрий Шемяка пытается „подбить“ на выступление против великого князя соседей: „...всюды во христианство, так и в бессерменство, к Новугороду к Великому посылаешь, ко князю Ивану Андреевичю посылаешь, к вятчанам посылаешь“.

Касаясь деликатного вопроса о татарах на Руси, иерархи от имени великого князя обещали, что, как только Шемяка «управится... во всем чисто по крестному целованию», Василий II тотчас «татар из земли вон отошлет».^[62]

Из грамоты иерархов следует, что нанятые Василием II татарские отряды рыщут по всему Московскому княжеству и изрядно надоели как знати, так и черни. Так, в 1446–1447 гг. по приказу Василия II войско царевичей Касима и Якуба стояло в Костроме, защищая ее от Шемяки. Надо ли говорить, во что обошлась горожанам и окрестным крестьянам эта «защита».

В конце послания иерархи призывали Шемяку подчиниться воле великого князя и покаяться. Они-де били челом перед великим князем, и Василий II готов «жаловати... по старине» Шемяку, если тот «о всем... управливаться срок, по Крещеньи две недели». И если в этот срок Шемяка не выполнит предъявленные ему требования, то иерархи угрожали ему отлучением от церкви: «...ино то не мы тебе учиним, но сам на себе наложиш тягость церковную духовную».

Пока иерархи писали послание Шемяке, Мамутек в Филиппово заговенье (15 ноября – 25 декабря) 1447 г. выступил на Владимир, Муром и другие города. На перехват татар была послана московская рать. Татары решили не принимать боя и благополучно ушли с добычей и полоном. Клевреты Василия II, как тогдашние, так и современные, пытались приписать действия Мамутека проискам Шемяки. Но никаких доказательств у них нет. С точки зрения элементарной логики грабительский набег татар в любом случае ничего не мог дать Шемяке.

В 1448 г. боевых действий не было, за исключением того, что Ярославко, воевода князя Ивана Бельского (вассала Казимира IV), захватил Ржеву.

Дело это было совсем нетрудное, поскольку горожане не желали

драться за тверского князя.

В том же 1448 г. в московской тюрьме умер давно забытый всеми ослепленный князь Василий Косой. Соблюдая «политес», Василий II разрешил похоронить двоюродного брата в Архангельском соборе Кремля рядом с отцом и старшим братом (Дмитрием Красным).

В декабре 1448 г. в Москву съехались владыки, возглавлявшие крупнейшие епархии, – Ефрем Ростовский, Авраамий Суздальский, Варлаам Коломенский и Питирим Пермский. Это были те самые ручные иерархи, которые год назад послали гневную грамоту Шемяке. Теперь Василий II и его бояре поручили им избрать митрополитом рязанского архиепископа Иону. Новгородский архиепископ Евфимий и тверской владыка Илья не явились, но прислали грамоты с согласием на избрание Ионы. 15 декабря 1448 г., в воскресенье, состоялась официальная церемония избрания Ионы первым русским автокефальным митрополитом.

Любопытно, что в грамоте об избрании Ионы впервые восьмилетний княжич Иван назван великим князем московским. Слепой великий князь делал все возможное, чтобы закрепить на престоле свою династию. Отсюда и эта довольно глупая затея. Кстати, и Иван III до самой своей смерти в 1505 г. будет величать своего наследника великим князем московским. Таким образом, на Руси 57 лет будет сразу по два великих князя московских.

Иона сразу же начал отрабатывать свой хлеб и отправил по епархиям «филиппику» против Шемяки: «Ведаете, сынове, что как ся стало от князя Дмитриа Юрьевича, коликое лиха и запустения земли нашей починилося и крови христианьской пролилося множество». Митрополит писал, что князь Дмитрий, «в познание пришед, да своему брату старейшему великому князю добил челом и животворящий крест целовал... и не одинова, да и грамоту на себе сам написал своею волею таковоу, что ему было по то место лиха никакова не думати, ни починати... на великого князя» под угрозой отлучения от церкви.

На сторону Москвы в конце 1448 г. перешел князь суздальский Василий Бледный, получивший в удел Суздаль после смерти отца Василия Юрьевича. Их dokonчание состоялось между 15 декабря 1448 г. и 22 июня 1449 г. Оно укрепляло позиции Василия Васильевича, так как суздальский князь обязывался «не приставати» к Дмитрию Юрьевичу или какому-либо еще «недругу» великого князя. Судя по договору, Нижний Новгород еще находился под властью Федора Юрьевича, союзника Шемяки.

Дальнейшей целью договора была подготовка юридического прикрытия к захвату суздальских и нижегородских земель. Василий

Васильевич обязывался вернуть все старые ярлыки на Суздаль, и Нижний, «и на все Новгородское княжение» и «не имати» новых ярлыков. Если же ордынский царь такие ярлыки пришлет, то их следовало передать Василию II.

В конце 1448 г. Казимир собрал большое войско для похода на Тверь. В довершение всего 25 апреля 1449 г. в Твери случился грандиозный пожар. В итоге великий князь тверской Борис Александрович уже не мог оказать помощь Василию Темному.

Этим воспользовался Шемяка, подошедший 13 апреля 1449 г. к Костроме. Город защищали два видных воеводы Василия – князь И.В. Стрига Оболенский и боярин Ф.В. Басенок. А рядом стояла орда касимовских ханов. Взять Кострому галичанам не удалось. А тут еще подошло к Волге войско Василия Темного.

Оба войска сошлись у села Рудина под Ярославлем. Но до битвы дело не дошло. Московские бояре предпочли действовать «не наступательно, не оборонительно, а подкупательно».

Вместе с войском Шемяки стояла дружина Ивана Андреевича Можайского, в который раз поменявшего ориентацию (политическую, разумеется). Московские бояре отправили к Ивану его родного брата Михаила Андреевича Верейского. После недолгих переговоров Иван Андреевич «добил челом» Василию II и получил за это от великого князя Бежецкий Верх.

Дмитрий Шемяка, оставшись без союзника, предпочел не вступать в сражение с Василием II и, «взяв перемирие» с ним, вернулся в Галич. Докончание Василия II с Шемякой до нас не дошло. В очередной раз обратим внимание, что в XIV–XVII вв. в Москве «терялись» в основном те документы, которые в большей или меньшей степени компрометировали московских владык.

В Литве в это время тоже шла гражданская война, главными действующими лицами которой были король и великий князь литовский Казимир и принц Михаил, сын короля Сигизмунда. Воспользовавшись литовскими неурядицами, Василий II вступил в переговоры с Казимиром.

В результате 31 августа 1449 г. был заключен договор между королем Казимиром IV и великим князем Василием II и его братьями Иваном Андреевичем, Михаилом Андреевичем и Василием Ярославичем. Василий Темный обязался жить с Казимиром в мире и согласии и действовать везде заодно, «хотеть добра ему и его земле везде, где бы ни было». Те же обязательства взял на себя и Казимир. Казимир обязывался не принимать к себе Дмитрия Шемяку, а Василий – Михаила Сигизмундовича. В случае

нападения татар князя и воеводы литовские и московские обязались, сославшись друг с другом, обороняться заодно.

Договор предусматривал возможности перехода на литовскую службу великого князя рязанского Ивана Федоровича.

Казимир IV дал обязательство «не вступамися» в Великий Новгород и Псков, а также в новгородские и псковские места. Реально это означало отказ Великого княжества Литовского от претензий на политическое господство в Пскове и Новгороде. Этот отказ сохранял силу даже в том случае, если сами новгородцы и псковичи будут «се... давати» Казимиру IV (тот все равно не должен был принимать их под свое покровительство). Если в чем-либо новгородцы или псковичи «зъгрубят» Казимиру IV, то великий князь литовский мог разбирать дело, лишь «обослав» с Василием II. Великий князь московский опасался, что Казимир IV вознамерится посягнуть на Новгород или Псков, ссылаясь на «грубость» новгородцев и псковичей. Поэтому решение конфликтных случаев должно было проходить под контролем московского государя.

Договор обязывал Казимира IV не вступать в новгородские и псковские «в земли и в воды» и тем самым предусматривал недопустимость в дальнейшем каких-либо территориальных претензий литовского великого князя к новгородцам и псковичам.

В 1449 г. татары хана Седи-Ахмета совершили набег на западную часть Московского княжества. Они опустошили берега реки Пахры. Навстречу татарам Седи-Ахмета из Звенигорода (подмосковного) вышел татарский отряд Касима. В летописи говорилось: «И с коими стретился [Касим] тех бил и полон отымал; они же, видев то, бежаша назад». На самом же деле татарам Седи-Ахмета удалось увести большое количество пленных, в том числе и несколько боярын, живших летом в своих подмосковных вотчинах. Среди них оказалась и княгиня Мария, жена князя Василия Ивановича Оболенского – любимого воеводы Василия II.

Для нас же этот сравнительно небольшой набег интересен числом городов, отданных Василием II в кормление татарам. Я уже говорил о Мещерском городке (Касимове) и Костроме. Звенигород был захвачен Василием II в конце 1436 г. после победы над Василием Косым. В конце 1446 г. Василий II передал Звенигород и окрестные места татарским царевичам – сыновьям Улу-Мухаммеда. Вот почему царевич Касим кинулся бить соплеменников, защищая свои владения.

Видимо, татары хозяйничали в Звенигороде до 1454–1455 г., когда Василий II отдал Звенигород в удел князю Василию Ярославичу Серпуховскому.

Осенью 1449 г. Василий II решает внезапно напасть на Галич и покончить с Шемякой. Но у князя Дмитрия Юрьевича хватало доброхотов в Москве, и он узнал о нападении раньше, чем московская рать двинулась в поход. Для начала Шемяка лично отвез жену и малолетнего сына Ивана в Господин Великий Новгород, а сам вернулся в Галич. Оттуда он с большей частью дружины выступил к Вологде.

Об уходе Шемяки из Галича Василий II узнал в Костроме, где сосредоточилось московское войско. Теперь великий князь решает идти не в Галич, а в северные костромские волости Иледам и Обнору, чтобы оттуда двинуться навстречу Шемяке в Вологду. Когда великокняжеское войско дошло до церкви Святого Николы на Обноре, стало известно, что Шемяка повернул к Галичу. Тогда Василий II двинулся вдоль реки Обноры вниз, затем вдоль реки Костромы вверх и остановился неподалеку от устья Вёксы у Железного Борока в Иоанно-Предтеченском (Железноборковском) монастыре. Здесь великому князю донесли, что Шемяка уже давно в Галиче и собрал там большое войско, «а город крепит и пушки готовит, и рать пешая у него, а сам перед городом стоит со всею силою». Тогда Василий II назначил князя В.И. Стригу Оболенского главным воеводой и отправил его под Галич «со всею силою своею». С ним он отпустил и «прочих князей и воевод многое множество, потом же и царевичей отпустил и всех князей с ними».

27 января 1450 г. войско Стриги Оболенского подошло к Галичу. Шемяка со своими силами расположился на горе под городом. Московское войско подошло к горе со стороны озера, и ратники начали взбираться на гору. Из города по нападавшим началась стрельба из пушек, тюфяков и самострелов, но из-за большой дальности стрельбы «не убиша никого же». В рукопашном бою победила московская рать. Москвичи «многих избиша, а лутчих всех руками яша, а сам князь едва убежа, а пешую рать мало не всю избиша, а город затворился».

Промосковские летописцы пишут о храбрых воеводах Василия II, а на самом деле исход сражения решила конница царевича Касима, разгромившая правый фланг галичан.

Часть разбитого галицкого войска укрылась в городе, а часть во главе с Дмитрием Шемякой ушла «неведомо куда». И лишь через два месяца Шемяка прибыл в Господин Великий Новгород.

Получив известие о победе, Василий II из Борока пошел к Галичу. Узнав о его приходе, горожане «предашася ему. Он же град омирив и наместники своя посади по всеи отчине той». Великокняжеский наместник был посажен также и в Угличе. На Масленой неделе, 9—15 февраля,

Василий II вернулся в Москву.

В Новгороде Шемяка был встречен с большим почетом. Характерная деталь: сразу после его прибытия архиепископ Евфимий приказал начать ремонт детинца (новгородского кремля). Тем не менее, поднять Господин Великий Новгород на открытую войну с Москвой было нереально. Однако у «золотых поясов» (новгородских бояр) был еще один очень простой выход – без особой огласки снабдить Шемяку достаточными средствами для найма ратников. Их можно было набрать среди русских подданных в Литве, шведов, немцев и т. д. При достаточно хорошем финансировании блестящий галицкий полководец мог воевать с Москвой десятилетиями.

Замечу, что полная победа Дмитрия Юрьевича вовсе не нужна была Господину Великому Новгороду. Наоборот, энергичный полководец и политик на московском престоле был республике куда опаснее, чем слепой Василий и выжившая из ума его мать. Но длительная «замятня» в Московском княжестве давала шанс Новгороду уцелеть. Тем более что если не дать деньги Шемяке, их силой возьмет Василий Темный. В 1442 г. он требовал с Новгорода 8 тысяч, через 5 лет – еще 15 тысяч и т. д. (Суммы огромные для того времени!)

Но новгородские бояре в очередной раз проявили недалекость (за что и жестоко поплатились через 20 лет) и не оказали помощи Шемяке в необходимом объеме.

В то же время великий князь тверской Борис Александрович договорился с Василием II о совместном походе на Господин Великий Новгород. Тверские князья не менее московских издавна зарились на земли и богатства республики. Для новгородцев особую опасность представляла мощная тверская осадная артиллерия.

В такой ситуации «золотые пояса» посоветовали Шемяке уехать куда подальше. Князь последовал их совету и отправился на Двину, где на насадах и ушкуях спустился вниз и 29 июня 1450 г. под колокольный звон вошел в Устюг. Горожане принесли присягу Дмитрию Юрьевичу. Но нашлось и несколько сторонников Василия Темного, которые решили повторить «пасхальный подвиг» 1435 г. – застать врасплох дружину Шемяки и перебить ее, как это было сделано с дружиной Василия Косого. Но заговор был своевременно раскрыт, и заговорщиков побросали в реку Сухону, «вяжучи камение великое на шею им».

После захвата Устюга Шемяка призвал вогуличей и вятчан «грабити» великокняжеские волости, имелась в виду Вычегодско-Вымская земля. «Наущением Шемяки» вятчане приходили «на Сысолу, на Вычегду, на Вымь, погосты пожгли, храмы святей грабили». Подошли они и к центру

Вычегодско-Вымской земли городу Усть-Выму, но взять его так и не смогли и вернулись на Вятку. Шемяка же пошел на Вятку и, «воивав» ее, вернулся в Устюг, где жил «2 годы неполны», то есть примерно до начала 1452 г.

Как писал А.А. Зимин: «Сохранились глухие известия, что около 1450–1451 гг. Дмитрия Шемяку отлучают от церкви и составляют по этому случаю „проклятую грамоту“. О том, что подобную „проклятую грамоту“ подписал пермский епископ Питирим в 1447 г., сообщает вымский летописец. Дата этой записи ошибочна, да и сам факт вызывает сомнения. В послании новгородскому архиепископу Евфимию митрополит Иона даже в сентябре 1452 г. писал, что Шемяка „сам себе от христианства отлучил“. Об отлучении его церковным собором митрополит не говорит».^[63]

О церковном проклятии, которое кончится канонизацией Шемяки через два века, мы еще поговорим, а пока попробуем запомнить сей факт.

Относительная пассивность Василия II в 1450–1452 гг. в войне с Шемякой отчасти объясняется занятостью литовскими и татарскими делами.

В 1450 г. ставка Михаила Сигизмундовича была в Клецке. Там он предложил каким-то князьям Воложским убить великого князя Казимира на охоте.

И вот, когда Казимир со свитой отправился на охоту, князья Воложские с пятьюстами всадниками поехали ловить самого великого князя. Однако один из загонщиков увидел вооруженных всадников и предупредил Казимира. Тот бросился бежать в замок Троки. Немедленно из Трок выехала дружина главного литовского воеводы Яна Гаштольда. Вскоре все пять князей Воложских были пойманы и казнены в Троках.

Узнав о казни Воложских, Михаил Сигизмундович бросил Клецк и бежал в удаленный от Вильно Брянск. Далее я процитирую «Хронику Быховца»: «И находясь в Брянске, собрал там немалое войско и с помощью Москвы пошел и захватил город Киев. И князь великий Казимир, собрав силы свои литовские, спешно послал своего дядьку Ивана Гаштольда. Он же прибыл туда и города Киев и Брянск возвратил Великому княжеству. А Михайлушко [Михаил Сигизмундович. – А.Ш.], услышав, что идет войско литовское, испугался и побегал из тех городов в Москву. И когда был он в одном монастыре и слушал обедню, игумен, который не любил его, дал ему в причастии лютую отраву ядовитую. Он это причастие быстро принял и проглотил и здесь же пал и подох».

Похоже, что Василий II отправил войско на помощь Михаилу, но после поражения решил спрятать концы в воду. По этому поводу А.А. Зимин писал: «Польский хронист середины XV в. Ян Длугош отметил, что

„Михайлушко“ отравлен был ядом, данным ему, „как утверждают, великим князем московским“. Смерть Михаила Сигизмундовича исследователи относят к 1451 г. Опыт расправы с ним пригодился вскоре, когда Василию II представилась возможность покончить со своим недругом Дмитрием Шемякой».^[64]

В 1450 г. состоялся очередной набег татар. На сей раз шел «Малымбердей улан и иные с ним князи со многими татары». Наши «поганые», то есть царевич Касим с компанией, объединились с коломенскими воеводами и прогнали «поганных» хана Седи-Ахмета. Согласно русским летописям, татары были разбиты у реки Битюг,^[65] но скорее всего они ушли до подхода сил противника.

В следующем, 1451 г. состоялся куда более крупный татарский набег. Из степи шло войско царевича Мазовши (Махмуда, сына Кичи-Мухаммеда). Василий II поначалу вышел с войском к Оке у Коломны, но позже испугался и убежал в Москву, оставив за себя Ивана Звенигородского, которому приказал воспрепятствовать переправе татар через Оку. Но Звенигородский тоже испугался и вернулся в Москву, но другим путем, а не прямо за великим князем.

Между тем Василий Темный, пробыв Петров день в Москве, бежал с сыном Иваном за Волгу (традиционно в район Костромы). Остальные же члены великокняжеской семьи и митрополит Иона остались в столице. Согласно московской летописи, «татары подошли к Оке, думая, что на берегу стоит русская рать, и не видя никого, послали сторожей на другую сторону реки, посмотреть, не скрылись ли русские где в засаде. Сторожа обыскиали всюду и возвратились к своим с вестью, что нет нигде никого. Тогда татары переправились через Оку и без остановки устремились к Москве и подошли к ней 2 июля. В один час зажжены были все посады, время было сухое, и пламя объяло город со всех сторон, церкви загорелись, и от дыма нельзя было ничего видеть; несмотря на то, осажденные отбили приступ у всех ворот. Когда посады сгорели, то москвичам стало легче от огня и дыма, и они начали выходить из города и биться с татарами; в сумерки враг отступил». Утром татар уже не было.

Софья Витовтовна немедленно послала грамоту сыну. Гонец нагнал Василия II и Ивана, когда те переправлялись через Волгу, недалеко от устья реки Дубны. Беглецы немедленно повернули обратно. Въехав в Москву 8 июля, Темный утешал народ, говоря: «Эта беда на вас ради моих грехов; но вы не унывайте, ставьте хоромы по своим местам, а я рад вас жаловать и льготу давать».

1 января 1452 г. московское войско во главе с Василием II и двенадцатилетним Иваном (оба, как мы знаем, носили титулы великих князей) покинуло столицу и пошло на север. 6 января оно уже было в Троице, а далее двинулось на Ярославль.

В Ярославле московское войско разделилось. Одна часть под формальным руководством Ивана должна была покарать кокшаров (жителей плодородной Устюжской волости по реке Кокшенге^[66]), а вторая часть во главе с Василием II двинулась к Костроме. Таким образом, московские воеводы хотели взять Устюг, где по их предположениям находился Шемяка, в клещи.

Н.С. Борисов писал: «В Костроме к Василию Темному явился служилый татарский царевич Ягуп, сын Улу-Мухаммеда. Ему велено было идти на север, к Устюгу, и поступить под начало княжича Ивана». ^[67] На самом деле оный Ягуп (Якуб) уже много лет правил Костромой и окрестными землями.

Узнав о подходе московских ратей, Шемяка сжег посады Устюга, оставил в городе своего наместника Ивана Киселева и ушел на Двину. Здесь он «застави двинян... полити (палить?) пониже города Орлеца». Орлец находился недалеко от устья Двины, южнее Холмогор. В погоню за Шемякой кинулись великокняжеские воеводы «с силою, Югом мимо Устюг», не задержавшись ни на один день под городом.

А тем временем княжич Иван и татарский царевич Якуб на реке Кокшенге расправились с кокшарами, «градкы их поимаша, а землю всю поплениша и в полон поведоша». По Устюжской летописи, путь их пролегал с Андреевых селищ и Галишны на реку Городишну, приток Сухоны, далее на Сухону, Селенгу и, наконец, на Кокшенгу (ее верховья близки к Сухоне). Здесь Иван Васильевич «город Кокшенской взял, а кокшаров секл множество». Великокняжеская рать дошла до устья Ваги и Осинова Поля и вернулась «со многим пленом и великою корыстью».

Таким образом, кампания 1452 г. была бездарно проиграна московскими воеводами. Две огромные рати ничего не добились, кроме избиения и ограбления мирного населения на Сухоне, Кокшенге и в других местах.

Глава 4

Преступление Василия II раскрывает... МВД

После падения Устюга Дмитрий Шемяка несколько месяцев находился в районе реки Двины. А тем временем новгородцы весной 1452 г., «в Великое говенье», во главе с князем Чарторыским совершили поход на можайского князя Ивана Андреевича, еще в 1449 г. ставшего союзником Василия II. Иван Можайский, узнав о походе новгородцев, бежал из своего удела, а новгородцы «много волостей великого князя воеваша и пожгоша и полону много приведоша». Великокняжеские волости летописец упоминает не случайно. За переход на свою сторону Василий II пожаловал Ивану Можайскому в 1449 г. Бежецкий Верх. Теперь же, считая Бежицы своей волостью, подлежащей совместному управлению с великим князем (а великим князем новгородцы считали не только Василия II, но и Дмитрия Шемяку), новгородцы только восстановили справедливость, выгнав захватчика.

В 1452 г. князь Александр Чарторыский женился на дочери Дмитрия Шемяки. Свадьба состоялась в Новгороде, но сам Шемяка в это время был с дружиной в далеком Заволочье. Вымская летопись сообщает, что в 1452 г. он «поимал» пермского епископа Питирима, направлявшегося в Москву, и бросил его в темницу.

Когда точно Дмитрий Шемяка вернулся из Заволочья в Новгород, неизвестно. Но уже 10 сентября 1452 г. он совершил набег на Кашин. Возможно, Шемяка собирался пробиться к Ржеве, которую считал своей вотчиной, хотя в ней уже с 1449 г. сидели наместники великого князя тверского Бориса. Кашин взять не удалось, и Шемяке пришлось ограничиться сожжением посада и ограблением окрестностей.

Воеводы тверского князя Бориса Александровича князя Андрей и Михаил Дмитриевичи отправились в погоню за войском Дмитрия Юрьевича, но так и не смогли догнать его. Шемяка ушел в Заволочье, а зимой 1452/1453 г. вернулся в Новгород.

Василий II не рискнул послать войско на Новгород, чтобы захватить Шемяку. Уже много столетий русские и даже литовские князья, потерпевшие неудачу в усобицах, приезжали в Господин Великий Новгород и находили там приют. Причем Новгород ни разу не выдавал изгнанников и даже не мешал их свободе передвижения – они могли покидать республику и возвращаться.

Конечно, московским боярам было плевать на вековые неписанные законы Руси. Но войны и грабежи татар, приведенных Василием II, окончательно разорили Московское княжество. А богатая республика имела храброго и опытного полководца, и поход на Новгород мог обернуться полным разгромом и даже приходом Шемяки в Москву.

За неимением лучшего в дело пустили митрополита Иону. Сохранились два послания, направленные в это время Ионой в Новгород и касавшиеся непосредственно Дмитрия Шемяки. В одном из них (точно датировать это послание не удастся) Иона писал новгородскому архиепископу Евфимию, что уже неоднократно посылал ему своих послов с грамотами и речами. Новгородцы и князь Дмитрий должны были по «опасным грамотам» прислать своих послов, последний «с чистым покаянием», «без лукавства». Новгород и Псков посылали уже своих послов, «но прислали ни с чем», да и князь Дмитрий «прислал своего боярина Ивана Новосильцева... ни с чем». Он к тому же «грамоты посылает тайно, а с великою высостию: о своем преступлении и о своей вине ни единого слова пригодного не приказал». Василий II милостиво пожаловал Новгород, «полон их к ним велел отпущати, и без окупа». А князю Дмитрию следует «бити челом, с покаянием, от чиста сердца». Митрополит надеялся также, что для продолжения переговоров из Новгорода приедут новые послы.

Во втором послании, скорее всего от 29 сентября 1452 г., Иона писал Евфимию, что до него дошли его «речи». В них Евфимий писал: «...будто яз посылаю к тебе и пишу о князи Дмитреи Юрьевичи, а называя его сыном». Но посмотри в ту посланную мной грамоту, ведь в ней «не велю с ним ни пити, ни ести? Занеже сам себе от христианства отлучил... (пропуск в рукописи) своему брату старейшему великому князю Василию Васильевичу, а еще он же, своею волею, какую великую церковную тягость на себе положил и неблагословение всего великого Божия священства, да и грамоту на себе написал, что ему потом брату своему старейшему великому князю и всему христианству лиха никакого не хотети, ни починати; да то все изменил».

Евфимий писал митрополиту Ионе, что прежде князья приезжали в Новгород «и честь им въздавали по силе», а митрополиты таких грамот, как Иона «с тягостию», не присылали. Но ведь тогда и князья такого лиха не чинили, как Шемяка, возражал ему Иона. Князь Дмитрий ведь «княгиню свою, и дети, и весь свой кош оставя в вас в Великом Новегороде, да, от вас ходя в великое княжение, христианство губил». Митрополит писал, чтобы Евфимий с посадником, тысяцким и Великим Новгородом послали «с

челобитьем и со всею управою» к Василию II, и обещал за них «печаловаться».

Как видим, «идеологическая атака» не удалась. Тогда Василий II решил покончить с соперником иным образом. В Новгород отправился посол дьяк Василия Степан Бородатый с большой суммой денег и «лютым зельем». Ему удалось подкупить боярина Шемяки Ивана Котова, а тот, в свою очередь, подкупил повара, служившего Шемяке. И прозвище-то было у повара вполне подходящее – Поганка. И вот Поганка поднес князю яд «в куряти». Дмитрий болел 12 дней и 17 июля 1453 г. скончался.

23 июля, в понедельник, Василий II в Москве в церкви Бориса и Глеба, «что на рву», слушал вечерню, а 24 июля был день поминаения блаженных страстотерпцев князей Бориса и Глеба, которые стали жертвами убийц, подосланных братом («приятное» совпадение для Василия II и его бояр). Прямо в церковь ворвался гонец из Новгорода и сообщил великому князю о смерти Шемяки. Василий впал в неприличную радость. Гонец, а им оказался подьячий Василий Беда, был немедленно пожалован в дьяки. Позже дьяк Беда стал доверенным лицом Василия II и составителем его завещания.

Митрополит Иона, бывший соратник Шемяки, а теперь верой и правдой служивший Василию, запретил поминать отравленного князя. В ответ игумен Боровского монастыря Пафнутий самого Иону не велел именовать митрополитом.

Тогда Иона послал в Боровский монастырь митрополита и бояр с дружинниками, которые доставили Пафнутия в Москву. Там митрополит на игумена «страшную брань положил». Пафнутий же продолжал стоять на своем и очутился в железках в монастырской тюрьме. Однако эта расправа вызвала возмущение большей части духовенства. И, как сказано в летописи, «...митрополит смирился и сам пред Пафнотием повинился и мир дав ему и дарова его и отпусти его с миром о Христе Исусе. И Пафнотей до конца поминавал князя Дмитрея».

Известен и еще один случай неподчинения церковных иерархов Василию II. Так, узнав об отравлении Шемяки, троицкий игумен Мартиниан публично наложил на Василия строгую епитимью (церковное наказание). Неизвестно, стал ли Темный выполнять епитимью, но с 3 июля 1453 г. великий князь перестал называть в своих грамотах троицкого игумена по имени. А летом 1454 г. Мартиниана заставили покинуть Троицу и уйти в Феропонтов монастырь на Белое озеро. На его место был назначен троицкий старец Вассиан Рыло. Позже Мартиниан Белозерский был причислен к лику святых так же, как и Пафнутий Боровский.

Через несколько месяцев после смерти Дмитрия Шемяки в Боровский монастырь явился его убийца (бывший повар Поганка), постригшийся в монахи. Пафнутий, узнав об этом, изобличил его перед всей братией и отказался принять в своей обители.

Любопытно, что приключения храброго князя Дмитрия Юрьевича не кончились его смертью. Перенесемся в 1614 год в Новгород. На Руси заканчивалось Смутное время. Поляки были выбиты из Москвы, но в Новгороде еще хозяйничали шведы. Шведские солдаты грабили Юрьев монастырь в 20 верстах от Новгорода. Кому-то пришла мысль вскрыть гробницы в древнем Георгиевском соборе. В большинстве могил лежали лишь рассыпавшиеся кости, но, подняв очередную надгробную плиту, шведы остолбенели – там лежал... живой человек. Через несколько секунд испуг солдат прошел – это был мертвец. Он был одет в роскошные княжеские одежды, которые здорово истлели от времени, но сам труп не подвергся тлению. Шведы забрали все драгоценности, а тело поставили у церковной стены «яко живо». Шведский командир расценил это как курьез и звал сослуживцев в церковь, как в кунсткамеру.

Слух об этом дошел до новгородского митрополита Исидора, и тот обратился к шведскому главнокомандующему Якобу Делагарди^[68] с просьбой отдать нетленное тело. Дела к тому времени у шведов пошли неважно, и ссориться из-за пустяков с митрополитом Делагарди не захотел. Тело перенесли в Софийский собор в новгородском кремле. Не мудрствуя лукаво, Исидор признал тело за нетленные мощи князя Федора Ярославича, который княжил в Новгороде с 1228 по 1233 г. Мощи были торжественно захоронены в Софийском соборе.

Канонизация всех русских правителей от князей Бориса и Глеба до императора Николая II имела политическую подоплеку. Само собой, не обошлось без политики и на сей раз. Исидор устроил антишведскую демонстрацию. Ведь князь Федор был старшим братом князя Александра Ярославича Невского.

На верующих должно было произвести впечатление хорошее состояние трупа: в начале XVII в. Федор выглядел как живой. Ведь православная церковь всегда видела в нетлении святых «особый дар Божий и видимое свидетельство их славы». Со временем князь Федор Ярославич из местного святого превратился в общерусского. Ежегодно 5 июня (18 июня по новому стилю) православная церковь отмечала день благоверного князя Федора Ярославича. В начале XIX в. на деньги Д.С. Яковлевой (урожденной княжны Баратаевой) была сделана серебряная рака, в которую положили тело святого Федора.

Материалисты-большевики в борьбе с православной церковью решили показать населению, что на самом деле представляют собой «нетленные мощи». В 1919–1920 гг. они публично вскрыли десятки могил и показали, что подавляющее большинство нетленных мощей является подделкой монахов. В 1919 г. была вскрыта и рака святого князя Федора Ярославича. Там большевики обнаружили не «живого человека», а мумию. Тело сильно пострадало в 1614 г., когда оно слишком долго находилось на открытом воздухе. Тем не менее и мумия очень озадачила «активистов-безбожников» – ведь в остальных могилах лежали только истлевшие кости. Было решено тщательно исследовать останки князя Федора и дать научное объяснение этому феномену.

Исследование мумии было закончено лишь в 1930-х гг. известным антропологом В.В. Гинзбургом. Исследование дало сенсационные результаты. Тело принадлежало мужчине в возрасте около 40 лет. Гинзбург, в отличие от митрополита Исидора, знал, что князь Федор умер в возрасте 14–15 лет. Читатель спросит, как мог княжить в Новгороде ребенок? Дело в том, что новгородцы сами просили великого князя Ярослава Всеволодовича дать им в князья старшего сына. Приезд Федора означал, что теперь Великий Новгород находится под защитой Ярослава. Князь Федор приехал не один, а с дружиной «кованой рати».

Изучение летописей дало сенсационный результат – неизвестные останки могли принадлежать только великому князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке, скончавшемуся в лето 6961 года, то есть в 1453 г. Дело в том, что Шемяка в 1446 г. был собором русской церкви предан анафеме. Собор отлучил его «от бога, от церкви божией» и предал проклятию.

Так почему же тело князя, преданного анафеме, стало нетленным и как он оказался «святым Федором»?

Шведы в 1614 г. сняли и перепутали все надгробные плиты, а митрополита Исидора устраивали лишь мощи князя Федора Ярославича. Всего в Георгиевском соборе были захоронены четыре князя: Шемяка, Федор и двое малолетних детей – Изяслав и Ростислав, родившиеся в 1190 и 1193 годах и умершие в возрасте 8 и 5 лет соответственно. По логике Исидора святым мог оказаться лишь князь Федор Ярославич.

Но почему же останки трех князей, трех монахов и княгини Феодосии, захороненных в соборе, истлели, а труп Шемяки в 1614 г. выглядел как живой? С 1 по 28 октября 1987 г. химическое отделение Бюро судебно-медицинской экспертизы ГУЗМ Министерства здравоохранения РСФСР провело исследование останков Шемяки по поводу обнаружения мышьяка, ртути, сурьмы и свинца, а также установления возможности наступления

смерти в результате отравления. «При исследовании печени, почки, мышцы груди, содержимого брюшной полости (пыли) и кости обнаружены следы мышьяка».

Количество соединений мышьяка в почке составило значительную цифру – 0,21 мг (естественный фон по мышьяку в человеческом организме составляет лишь сотые миллиграмма – от 0,01 до 0,08).

Данные исследования предполагают возможность наступления смерти в результате развития желудочно-кишечной формы отравления соединениями мышьяка. «Для данной формы отравления характерно резкое обезвоживание организма, обусловленное обильной потерей воды и как следствие – выведение большей части яда. Резкое обезвоживание организма в период, предшествующий смерти, значительно способствует мумификации трупа. Смерть при желудочно-кишечной форме отравления наступает в срок до двух недель».

Прошу прощения у читателя за цитирование скучного акта экспертизы. А, попросту говоря, данные экспертизы сошлись с данными новгородской летописи. Итак, виновность Василия II и его бояр в совершении преступления официально доказана. Заодно же выяснено происхождение мощей «князя Федора».

А куда же делись останки настоящего Федора Ярославича? В 1945–1946 гг. археолог А.Л. Монгайт обнаружил в северо-западной части паперти так называемое «погребение № 7». Там найден костяк подростка возраста около 14 лет, останки находились в деревянном гробу. Погребение имело вид позднейшего перезахоронения. Это и были останки брата Александра Невского.

Сейчас (по крайней мере три года назад) останки Дмитрия Шемяки находятся в запасниках Софийского собора в Новгороде. С 1991 г. наше правительство чересчур много времени уделяет гробокопательству. Неизвестно, чьи кости были захоронены в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге, якобы они принадлежали членам семьи Николая II. Уже 17 лет политиками и СМИ будируются варианты перезахоронения Ленина и разорения некрополя у Кремлевской стены. Наконец, огромные средства пошли на перезахоронение Марии Федоровны, жены императора Александра III. Эта женщина была хорошей супругой Александру III и не лезла ни в какие государственные дела, за что ей большое спасибо от русского народа. Но не лучше ли ей остаться в родной Дании рядом с отцом, матерью и другими родственниками?

Но почему останки «последнего русского витязя» Дмитрия Юрьевича Шемяки должны валяться где-то в складском помещении собора? Почему

его нельзя похоронить в Архангельском соборе Кремля рядом с его отцом великим князем Юрием Дмитриевичем и братьями Дмитрием Красным и Василием Косым?

Да и вообще, не пора ли восстановить справедливость в отечественной истории и «дать всем сестрам по серьгам»? Где-то в 8-9-м классе я прочитал огромный пятитомный труд В.И. Язвицкого «Иван III – Государь Всея Руси», и уже тогда меня тошнило от мерзкого вранья и тенденциозности романа, написанного по политическому заказу сильных мира сего.

Сейчас у нас вроде бы наступила эпоха гласности, но по-прежнему в школьных и университетских учебниках истории великий князь Юрий Дмитриевич и его сыновья поливаются грязью, но восхваляется Василий Темный и его свирепый сын.

Первым, кто отдал должное Дмитрию Юрьевичу Шемяке, стал А.А. Зимин. В своей предсмертной работе «Витязь на распутье» он решительно порвал с царским и советским мифотворчеством и даже со своими взглядами молодых лет. Он писал: «Князь Дмитрий Юрьевич Шемяка обладал качествами незаурядного правителя. Беда его состояла в том, что он во многом обгонял свое время, которое никогда не прощает тем, кто пытается заглянуть в будущее. Продолжая дело Дмитрия Донского и своего отца, Дмитрий Юрьевич сделал все, что было в его силах, чтобы объединить русские земли и нанести решительный удар ордынским царям...

...История ничего не прощает неудачникам. Поэтому она нарисовала портрет Шемяки с помощью его злейших врагов, исходя из результатов его деятельности последних лет, забыв, что опыт борьбы галицкого князя за единство Руси, против татарского ига позднее был широко использован именно теми, кто не жалел сил для очернения Шемяки». ^[69]

Естественно, что книга Зимина увидела свет только в ходе «перестройки» в 1991 г. Но, увы, сейчас наметился откат к старым мифам. Так, тот же Н.С. Борисов, один из мэтров МГУ, пишет: «Однако Василий II, при всех его недостатках, имел одно неоспоримое достоинство. Как правитель он олицетворял Порядок. За спиной же мятежного Галичанина вставал темный хаос...». ^[70]

Итак, смелый воевода и мудрый политик толкал Русь в «темный хаос». Ну а во что ввергли страну Василий II, Софья Витовтовна и К°? Не удалось отдать Русь королю Витовту, так они отдали ее на разграбление татарам. Или татарские «царевичи», вступая в союз с Василием II, переставали быть

дикими грабителями и становились пай-мальчиками? Московские дьяки, а позже и официальные историки вымарали из летописей и грамот все, что связано с татарской оккупацией Руси в 40-х – 50-х гг. XV в. Но мы знаем, как татары вели себя в остальных набегах, и можем представить, что они творили в Мещерском Городке, Звенигороде, Костроме и Галиче. От Василия Васильевича и его властолюбивой матушки Русь пострадала больше, чем от Батые.

Глава 5

Рождение царства или ханства?

Покончив с Шемякой, Василий II и его сын соправитель Иван III решили расправиться с нейтралами и союзниками, которые слишком поздно примкнули к ним. С 1456 г. настала участь тех, кто был верен Василию II с 1425 г. Первой жертвой стал князь Василий Ярославич Серпуховской. За ним последовал Михаил Андреевич Верейский. Любопытно, что Верея была отдана на «прокормление» татарским царевичам. В Верее еще в XIX в. была большая татарская слобода. Улицу Татарскую большевики переименовали лишь в 1920-х годах.

И пошло-поехало. Иван III вместе со своим свирепым сыном Василием III и еще более свирепым внуком Иваном IV вырезали всех без исключения потомков Ивана Калиты. Это и станет одной из важнейших причин третьей русской гражданской войны.

Гражданская война 1425–1453 гг. превратила Русь из европейского государства в азиатское ханство. В самом деле, способы правления Дмитрия Донского и Василия I и отношения их с вассальными князьями мало отличались от таковых в тогдашних Франции и Германии. А великий князь Василий III уже мог публично бить сапогом и стегать плетью бояр и князей в Думе, называя их холопами. И ладно если бы дело шло о мятеже, предательстве и т. д. Дело было в ерундовых поступках, и назавтра побитый князь или боярин шел не на плаху, а на свое место в Думе. Риторический вопрос: можно ли было представить такую ситуацию при французском королевском дворе в XVI в. или при русских княжеских дворах с IX до середины XV в.?

Представим себе фантастический вариант – русский князь-вассал шлет грамоту своему сюзерену и подписывается: твой холоп Ивашка, Федька, Бориска или Дмитрешка... Ну, например, Можайский князь смоленскому, или кашинский князь тверскому, или серпуховской князь московскому и т. д. Да это дикость, бред! Все окружающие решили бы, что князь «Дмитрешка» спятил. Такого не могло быть и во Франции от Хлодвига до революции 1789 г.

А вот у нас это было нормой со времен Ивана III и до Екатерины II. Методы правления русских князей стали весьма похожи на правление золотоордынских ханов, персидских шахов и турецких султанов.

Почему-то никто из царских и советских историков не обратил

внимания на происхождение титула московских владык. Откуда взялся титул «князь» – понятно, он был у поляков и у других европейских народов, так, у скандинавов он звучал как конунг (кёниг). А вот Иван III и его потомки восхотели быть *царями*. Откуда сей титул? Почему не стать королем, как во всей Западной Европе, да и в Польше? Вот тот же Витовт мечтал стать королем. Да и наш русский князь Даниил Галицкий стал королем. Ну, в конце концов, можно было назвать себя императором, как в Византии.

В русских же источниках XIV–XVI вв. царями называли лишь ордынских ханов. Причем даже после 1480 г. Иван III и Василий III именовали царями казанских, крымских и даже... касимовских ханов.

В Москве, видимо, испытывали большое почтение, вплоть до раболепства, перед татарскими царями. Тут я говорю не столько об Иване Калите, сколько о Василии III и Иване IV.

Любопытный пример: при взятии Казани по приказу царя Ивана были вырезаны все мужчины-татары, а женщины и дети обращены в рабство. Аналогия с Батыем и Тимуром напрашивается сама собой. Однако дикая расправа с мирным населением у Ивана IV сочеталась с доброжелательным отношением к казанским ханам. Юный хан Утямыш Гирей 8 января 1553 г. был крещен в Чудовом монастыре и получил имя Александр. Иван Грозный повелел ему жить в царском дворце. Однако Александр умер 11 июня 1566 г. в возрасте 20 лет. Причем умер своей смертью и не в опале. Хан Ядыгер 26 февраля 1553 г. тоже принял крещение и получил имя Симеон. Иван Грозный дал ему богатый двор в Москве, в документах он числился «царем Симеоном». Умер он своей смертью 26 августа 1565 г. и был погребен в Благовещенской церкви Чудова монастыря. Из казанских ханов Шах-Али оказался единственным, кто сохранил свою веру. Он длительное время был ханом касимовским и умер там 20 апреля 1567 г.

Гуляя по Московскому Кремлю, заглянем в Архангельский собор – место захоронения московских владык. С 1340 по 1730 г. там погребли 54 человека, начиная от Ивана Калиты и кончая императором Петром II (внук Петра Великого). Среди захоронений нет ни суздальских, ни рязанских, ни других князей Рюриковичей, нет даже литовских Гедеминичей, многие из которых верно служили московским князьям. Все усопшие только из рода Калиты.

Исключение представляют лишь казанские ханы – царевич Петр и казанский царь Александр. Царевич Петр – это татарский хан Кудайкул (Худай-Кул), родной брат хана Мухаммеда-Эмина. В декабре 1505 г. его крестили, и он стал царевичем Петром, а через месяц его женили на

четырнадцатилетней княжне Евдокии, дочери Ивана III.

Утямыш Гирей (да, да, из крымских Гиреев) еще в младенчестве был провозглашен казанским ханом, а при крещении, как уже говорилось, он получил имя Александр.

Никаких особых заслуг перед Москвой эти татарские ханы не имели. И не было никаких политических мотивов для их захоронения в Архангельском соборе. Попросту московским владыкам было лестно лежать рядом с татарскими царями, а заодно и подчеркивалась преемственность власти.

В 1547 г. из Казани прибыли служить в Москву 76 татарских князей. К 1551 г. в Москве уже находилось более 500 князей и мурз с родственниками, бежавшими из Казани в разное время. Шах-Али, позднее правитель Касимова, в 1552 г. увел с собой в Москву 70 князей, угланов и мурз, а во второй раз – еще 84 князя и мурзы.

Была ли надобность в таком числе ханов и мурз в Москве в XVI в.? Еще полбеда, когда в XIV в. московский князь принимал на службу татарского мурзу с отрядом хорошо подготовленных и экипированных воинов. Но тут мурзы приглашались без дружины. Наоборот, им отдавали под командование отряды русских воинов, а в кормление давались русские деревни и даже небольшие города.

Замечу, что в XVI в. татарские царевичи и мурзы могли командовать лишь отрядами иррегулярной конницы, поскольку к тому времени и татарские Орды, и Московское государство существенно отстали в военном деле от Европы. К примеру, на Западе уже появились полки регулярного строя. Это уже начинали понимать и в Москве, и техническими специалистами – пушкарями, саперами и др. – нанимали не татар, а немцев.^[71]

Царевичи и мурзы нужны были Ивану III, его сыну и внуку исключительно как верные сатрапы, а также в качестве противовеса служилым князьям Рюриковичам. И, разумеется, в качестве примера, как нужно лизать сапоги московского хана. Кстати, Иван III любил, чтобы его называли ханом.

В октябре 1575 г. царь Иван IV устроил очередной фарс – отрекся от престола, а на трон посадил крещеного татарина Симеона Бекбулатовича, потомка касимовских ханов. Иван IV, юродствуя, затем писал челобитные новому «правителю»: «Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси Иванец Васильев с своими детишками с Ыванцом да с Федорцом челом бьют: что еси государь милость показал». Оперетта продолжалась 11 месяцев, после чего Иван «учинил» Симеона великим

князем тверским. После этого Симеон не играл никакой роли в жизни Московского государства, хотя и имел большое состояние.

Все это еще раз показывает нам, насколько «татаризировался» менталитет мышления наших царей. Крылатая фраза «поскребите русского, и вы обнаружите татарина», на мой взгляд, не имеет отношения к русскому народу, но она прекрасно подходит ко всем нашим правителям от Ивана III до Николая II, исключение представляет только Екатерина Великая.

Несколько упрощая картину, можно сказать, что в Западной Европе всегда, а на Руси до XIV в. имело место внутрисословное равенство, то есть смерд равен другому смерду, бюргер равен другому бюргеру, князь равен другому князю, а великий князь (король) – лишь первый среди равных.

Советские историки обожали загонять историю в прокрустово ложе марксистских схем. Так, установление власти московских князей на Руси именовалось переходом от феодальной раздробленности к централизованному государству.

Но это лишь формальная сторона. На самом деле абсолютизм, скажем, во Франции имел мало общего с русским деспотизмом. Во Франции даже в самый разгул абсолютизма при Людовиках XIII и XIV имелась «система сдержек и противовесов» власти короля. Это была и католическая церковь, это была власть герцогов и принцев – родственников короля, это был общегосударственный (парижский) парламент, а также парламенты провинций французского королевства.

Наконец, не стоит забывать и о простых горожанах. Марксисты превозносят роль народа, но в Москве «народ безмолвствовал» веками, за исключением трех случаев – Смутного времени, «разинщины» и «пугачевщины». И то в двух последних случаях заводчиками бунтов были казаки, которых считать русским народом можно было лишь условно.

Во Франции же горожане исправно платили определенные законом королевские налоги. Но как только какой-нибудь Людовик незаконно повышал их на пару сантимов, то лавочник закрывал свое заведение и лез в погреб за мушкетом. А наутро Их Величество изволили видеть дворец, окруженный баррикадами.

Возможно, выводы автора покажутся кому-то слишком резкими. Увы, я не изобрел велосипеда, а эти выводы новы только для отечественного читателя, который десятилетиями потреблял лишь информацию, которую ему позволял потреблять всемогущий Главлит.

А вот одна из распространенных западных точек зрения на отечественное самодержавие: «В наиболее простом виде самодержавие –

это система власти, при которой царю подчиняются его „рабы“, в число которых входит служилая аристократия – закрытая социальная группа, обладающая монополией на принуждение остальной части населения. Отличие самодержавия от европейского политического строя заключается в том, что в государствах типа Англии, Франции и Пруссии власть была разделена между несколькими социальными группами: духовенством, горожанами, дворянством. Часто это оформлялось в системе представительских учреждений парламентского типа.

В Московии же вся политическая власть концентрировалась в руках правящего класса, причем он не имел серьезных конкурентов: церковь являлась своего рода «госдепартаментом», а экономические силы горожан и купечества были слишком слабы, чтобы играть какую-то политическую роль. Права сословий не были узаконены. Земский собор так и не стал учреждением, через которое элита могла советоваться с обществом». ^[72]

Примерно то же писал и русский князь Рюрикович Петр Владимирович Долгоруков, прямой потомок князя Михаила Черниговского: «Под влиянием татарского ига форма правления приняла характер самого абсолютного и варварского деспотизма... Татарское иго приучило представителей власти, особенно русских государей, смотреть на народ, как на стадо, которым они имели полное право свободно и безотчетно распоряжаться». ^[73]

Князь Долгоруков неоднократно называл Романовых монголо-германской Голштейн-Готторпской династией.

В странах Европы в X–XVIII вв. под самодержавием, то есть абсолютной властью монарха, подразумевалось то, что монарх волен издавать законы по своему усмотрению, а затем править согласно им, а в России цари плевать хотели на свои же собственные законы. Это касается и Ивана Грозного, и Николая II.

И дело не столько в жестоких репрессиях против инакомыслящих, которые были свойственны всем русским царям, сколько в отсутствии каких-то, хотя бы неписаных правил в поведении царей.

Традиционный пример: царь Николай I, подавив восстание декабристов, повесил пятерых зачинщиков и сослал до 200 участников восстания в Сибирь. Вполне допускаю, что в случае военного мятежа в 1825 г. в Англии или во Франции было бы расстреляно или гильотинировано не 5, а 50 или 500 офицеров. Но ни одной жене мятежника не пришлось бы просить разрешения у властей переселиться, скажем, из Парижа в Марсель – поближе к месту заключения мужа. А у нас

разрешение на переезд жен декабристов из одной точки империи в другую давал лично Николай I. Он же составил перечень имущества, которое декабристки могли взять с собой в дорогу, включая нижнее белье. Представьте себе на секунду французского короля или британского премьера, занятого столь важным государственным делом.

А Николай I был еще не самым глупым нашим царем. Возьмем Николая II, он лично перлюстрировал переписку всех своих родственников и министров. Без его разрешения не мог состояться ни один брак не только родственников, но и министров, и даже гвардейских офицеров.

Вместо того чтобы заниматься государственными делами, Николай II влезал в самые ерундовые вопросы. Вот, к примеру, вдова генерала в Нижнем Новгороде решила на свои средства открыть богадельню на 6 (шесть!) коек. Как вы думаете, чье разрешение на это потребовалось? Районного врача и исправника? Не угадали. Губернатора? Нет. Потребовалось Высочайшее соизволение самого Николая II. Недаром же Лев Толстой еще в начале царствования Николая II сравнивал его методы правления с методами кокандского хана.

И в Орде, и на Руси с XV в. царил ничем не ограниченный произвол. Единственным ограничением его было дурное исполнение приказов царя или... удавка.

А серьезно, при отсутствии «системы сдержек и противовесов» иного быть и не может. Вспомним, сколько золотоордынских ханов умерли насильственной смертью. В России же умели хранить тайны, и историки долгие десятилетия спорят о причинах смерти Ивана Грозного и Петра Великого. Были ли это естественные причины или сыграли свою роль яд и подушка?

Раздел III

Великая Смута

Глава 1

Воцарение Бориса Годунова

Историю Смутного времени обычно начинают с 15 мая 1591 г. В жаркий субботний полдень было особенно тихо в древнем городе Угличе. Обедня началась в 10 часов утра^[74] и в двенадцатом часу закончилась, и горожане разошлись по домам.

Так же тихо было и в угличском деревянном кремле. Бывшая царица Мария Нагая вместе с сыном Димитрием отстояла обедню в Спасо-Преображенском соборе,^[75] а затем Мария с сыном и придворными пошла в каменный дворец. Там царевичу Димитрию «платьецо переменили», и он отправился играть во двор в глухой угол кремля, примерно в 30 метрах от дворцового крыльца.

Почти в полдень в кремле ударили в набат. Сбежавшиеся горожане увидели бездыханное тело царевича с раной на горле. Мария и ее братья натравили народ на городскую администрацию, благо Дьячья изба находилась в нескольких десятках метров от дворца царевича. Началась расправа...

За два века ожесточенных споров историки и литераторы так и не пришли к единому мнению о том, что произошло 15 мая 1591 г. Подавляющее большинство их разделяет три версии.

Согласно первой версии царевич Димитрий был зарезан убийцами, нанятыми Борисом Годуновым. По второй версии он зарезался сам в припадке эпилепсии. По третьей версии семейство Нагих заранее узнало об опасности, грозящей Димитрию, и заменило царевича другим мальчиком.

Начнем с последней версии. В маленьком Угличе чуть ли не все горожане знали в лицо царевича. Читателю нет нужды напоминать, что представители знати всегда занимали привилегированное положение в церквях на службах, во всевозможных церковных и светских шествиях, праздниках и т. п. Наконец, как могли обознаться многочисленные мамки, няньки, мальчишки – товарищи по играм, дворяне, представители городской администрации, видевшие труп младенца? А следственная комиссия из Москвы? Они что, тоже не осматривали труп убитого?

Бредовость третьей версии очевидна. Мало того, что реализация ее была технически невозможна, даже идея подмены не могла прийти в головы Нагих. И дело не в том, что это семейство отличала скудость

умственных способностей. Предположим, у Нагих нашлись умнейшие советники, так разве они не продумали бы последствий подмены? Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что после убийства подставного ребенка последует ссылка или заточение Нагих. А как потом доказать, что царевич истинный? Ведь тогда московские правители могли без проблем объявить его самозванцем и посадить на кол без лишних разговоров.

Оппоненты могут возразить, мол, в 1605 г. вся Россия поверила в чудесное спасение царевича Дмитрия. По сему поводу хорошо сказал современник польский канцлер Ян Замойский: «Зарезали и не посмотрели кого, это что, Плавтова комедия?»

Несколько более правдоподобна первая версия об убийстве царевича. Согласно ей злодей Годунов замыслил убить Дмитрия. Тут мы предоставим слово историку С.М. Соловьеву: «Сначала хотели отравить Дмитрия: давали ему яд в пищу и питье, но понапрасну. Тогда Борис призвал родственников своих, Годуновых, людей близких, окольного Клешнина и других, и объявил им, что отравой действовать нельзя, надобно употребить другие средства. Один из Годуновых, Григорий Васильевич, не хотел дать своего согласия на злое дело, и его больше не призывали на совет и чуждались. Другие советники Борисовы выбрали двух людей, по их мнению, способных на дело, – Владимира Загрязского и Никифора Чепчюгова; но они отреклись. Борис был в большом горе, что дело не дается; его утешил Клешнин. „Не печалься, – говорил он ему, – у меня много родных и друзей, желание твое будет исполнено“. И точно, Клешнин отыскал человека, который взялся исполнить дело: то был дьяк Михайла Битяговский. С Битяговским отправили в Углич сына его Данилу, племянника Никиту Качалова, сына мамки Дмитриевой, Осипа Волохова; этим людям поручено было заведовать всем в городе. Царица Марья заметила враждебные замыслы Битяговского с товарищами и стала беречь царевича, никуда от себя из хором не отпускала. Но 15 мая, в полдень, она почему-то осталась в хоромы, и мамка Волохова, бывшая в заговоре, повела ребенка на двор, куда сошла за ними и кормилица, напрасно уговаривавшая мамку не водить ребенка. На крыльце уже дожидались убийцы; Осип Волохов, взявши Дмитрия за руку, сказал: „Это у тебя, государь, новое ожерелье?“ Ребенок поднял голову и отвечал: „Нет, старое“. В эту минуту сверкнул нож; но убийца кольнул только в шею, не успев захватить гортани, и убежал; Дмитрий упал, кормилица пала на него, чтобы защитить, и начала кричать; тогда Данила Битяговский с Качаловым, избивши ее до полусмерти, отняли у нее ребенка и дорезали.

Тут выбежала мать и начала кричать. На дворе не было никого, все родственники ее разошлись по домам; но соборный пономарь, видевший с колокольни убийство, заперся и начал бить в колокол; народ сбежался на двор и, узнавши о преступлении, умертвил старого Битяговского и троих убийц; всего погибло 12 человек. Тело Дмитрия положили в гроб и вынесли в соборную церковь Преображения, а к царю послали гонца с вестью об убийстве брата. Гонца привели к Борису; тот велел взять у него грамоту, написал другую, что Дмитрий сам зарезался, по небрежению Нагих, и велел эту грамоту подать царю; Федор долго плакал. Для сыску про дело и для погребения Дмитрия посланы были в Углич князь Василий Иванович Шуйский, окольный Андрей Клешнин, дьяк Елизар Вылузгин и крутицкий митрополит Геласий. Посланные осмотрели тело, погребли его и стали расспрашивать угличан, как, по небрежению Нагих, закололся царевич? Им отвечали, что царевич был убит своими рабами – Битяговским с товарищами – по приказанию Бориса Годунова и его советников. Но, приехавши в Москву, Шуйский с товарищами сказали царю, что Дмитрий закололся сам. Нагих привезли в Москву и пытали крепко; у пытки был сам Годунов с боярами и Клешным; но с пытки Нагие говорили, что царевич убит. Царицу Марью постригли в монахини и заточили в Выксинскую пустынь за Белоозеро; Нагих всех разослали по городам, по тюрьмам; угличан – одних казнили смертью, иным резали языки, рассылали по тюрьмам, много людей свели в Сибирь и населили ими город Пелым, и с того времени Углич запустел».^[76]

Итак, если верить этой версии, Борис Годунов вовлек в заговор не менее двадцати человек, причем заранее было ясно, что кто бы ни убил Дмитрия, то подозрение падет именно на них. Их допросят с пристрастием, и они расскажут все, что знают. То есть заранее было ясно, что скрыть преступление не удастся. Причем заметим, что Борис в 1591 г. не был неограниченным диктатором. Он был правителем в государстве, главой которого все-таки оставался царь Федор. Сторонники Годуновых имели сильное влияние в Боярской думе, но не составляли и трети ее состава. Вся знать, от опальных князей Шуйских до временных союзников Годунова Романовых, была рада любому поводу, чтобы свалить Бориса. А тут организация убийства царевича!

Но тут Годунова спасают... Нагие! Во все времена лиц, покушавшихся на владетельных особ, любой ценой старались взять живыми для допроса. А тут убивают безоружных несопротивляющихся людей. А братья Нагие, которые вроде бы больше всех должны быть заинтересованы найти подлинных убийц, приказывают убить простых исполнителей, то есть

спрятать концы в воду. XVI век – жестокий век, а Нагие не такие люди, чтобы дать легко умереть своим врагам. Если у Нагих было хоть малейшее основание считать Битяговского с компанией убийцами, почему бы их не пытать – и компромат можно получить, и мучениями врагов насладиться. Итак, предположив, что Димитрий действительно убит Битяговским и компанией, мы неизбежно приходим к выводу, что братья Нагие искусно заматали следы, то есть к абсурду.

Примитивная версия убийства Димитрия по приказу Годунова уже 150 лет эксплуатируется драматургами и художниками. Тут и пушкинский «Борис Годунов»; «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис» А.К. Толстого, вплоть до современных картин Ильи Глазунова. Зарезанный царевич и терзаемый муками раскаяния убийца – тема, щекочущая нервы обывателя.

Если верить рассказам противников Годунова, в России с 1584 по 1603 г. никто из знатных людей не умер своей смертью. Все они, от Ивана Грозного до Ирины, вдовы царя Федора, были убиты Борисом Годуновым.

Мастистым ученым не приходит в голову, что в 1591 г. Годунову не было необходимости идти на чрезвычайные меры. Ведь царю Федору было всего 34 года. Вспомним, что у деда Федора Василия III наследник родился в 55 лет, а второй сын – в 57 лет. В том же году царица Ирина забеременела. Но, увы, в 1592 г. родилась девочка Федосья, да и та прожила всего два года. Любопытно, что в смерти племянницы враги также обвинили Годунова.

Но предположим, Борису приспичило покончить с Димитрием. Так надо ли было выдумывать опереточное убийство? Не проще было бы обратиться к традиционным методам Московского государства, которыми пользовались Василий II, Иван III, Василий III и Иван IV? Нагих обвинили бы в государственной измене, в колдовстве и т. п., отдалили бы от них Димитрия и поместили бы его в надежное место под опеку надежных людей. А там он через несколько месяцев тихо отдал бы Богу душу, как это делали многие десятки удельных князей, включая маленьких детей. Причем в каждом таком случае никаких народных возмущений не наблюдалось.

Отсюда наиболее правдоподобной представляется вторая версия о самоубийстве царевича. Дело в том, что Димитрий страдал эпилепсией. Как позже утверждали многочисленные свидетели, «и презже тово... на нем [царевиче] была ж та болезнь по месяцем беспрестанно». Сильный припадок был у Димитрия за месяц до его смерти. Как показала мамка Волохова, перед «великим днем» Димитрий в припадке «объел руки Ондрееве дочке Нагова, одва у него... отнели». Андрей Нагой также

подтвердил это, сказав, что царевич «ныне в великое говенье у дочери его руки переел», и раньше «руки едал» и у него, и у жильцов, и у постельниц: царевича «как станут держать, и он в те поры ест в нецывенье, за что попадетца». То же показала и вдова Битяговского: «...многожды бывало, как ево [Димитрия] станет бити тот недуг и станут ево держати Ондрей Нагой и кормилицы и боярони и он... им руки кусал или за что ухватит зубом, то отъест».

Последний приступ эпилепсии у Димитрия продолжался уже несколько дней. Начался он во вторник, к четвергу царевичу «маленко стало полехче», и мать взяла его к обедне, а потом отпустила на двор погулять. По показаниям мамки, в субботу Димитрий во второй раз вышел на прогулку, и тут у него начался новый приступ.

Отметим и еще одну важную деталь. Димитрий обожал играть ножами и игрушечными саблями.

У Димитрия с малых лет было предрасположение к жестокости. Он очень любил смотреть, как резали быков или баранов. Однажды зимой, играя со своими сверстниками, царевич велел слепить двадцать «снежных баб» и, дав им имена московских бояр, с криком «Вот что вам будет, когда я буду царствовать!» разбил им головы саблей. Любимой забавой малыша было, ловко орудуя сабелькой или маленькой железной палицей, убивать кур и гусей.

15 мая царевич вместе с другими детьми играл в тычку. Правила игры несложные – надо взять за острие лезвием вверх нож и метнуть в очерченный на земле круг. Внезапно с Димитрием, державшим нож, случился приступ эпилепсии – «падучей болезни». Мальчик упал на нож и уколол горло. На шее непосредственно под кожным покровом находятся сонная артерия и ярёмная вена. При повреждении любого из этих сосудов смертельный исход неизбежен. Не исключен был и другой вариант – известно много случаев, когда больной во время приступов эпилепсии («эпилептических сумерек») кидался с ножом на близких или предпринимал попытку суицида. Произошла заурядная бытовая драма, подобные случаи сейчас не попадают на страницы даже бульварной прессы.

Естественно, что очевидцы не смогли определить, в какой момент царевич ранил себя – при падении или когда бился в конвульсиях на земле. Достоверно знали лишь одно – Димитрий ранил себя в горло. Отсюда и разноречивые показания. Мальчики говорили, что Димитрий «набросился на нож», а мамка Василиса Волохова утверждала, что «бросило его о землю, и тут царевич сам себя поколол в горло». Кроме них смерть царевича издали

видел стряпчий Семейка Юдин. Он не разглядел деталей, но подтвердил, что царевич закололся сам.

На крик прибежала мать – царица Марья. Она не стала слушать объяснения Волоховой, а схватила полено и стала бить ее, приговаривая, что Димитрия зарезали Василисин сын Осип вместе с Данилой Битяговским и Никитой Качаловым. Потом царица велела своему брату Григорию Нагому бить Василису, и тот забил ее до полусмерти.

Странно, царица Марья трапезничала, ничего не видела, а, увидев тело сына, сразу назвала имена трех убийц. Откуда такая информация? Тогда зачем она оставила сына под присмотром матери предполагаемого убийцы?

Увы, все дело обстоит гораздо проще. По прибытии в Углич семейство Нагих стало обирать город. Для пресечения злоупотреблений Боярская дума направила в Углич свою администрацию, во главе которой стоял дьяк Михайла Битяговский. Семейство Нагих утратило право бесконтрольно распоряжаться доходами со своего удела и стало получать деньги «на обиход» из царской казны. Это, естественно, навлекло на дьяка ненависть семейства Нагих. Позже уцелевшие чины администрации заявили следственной комиссии, что Михаил Нагой постоянно «прашивал сверх государева указу денег ис казны», а Битяговский «ему отказывал», в результате чего между ними вспыхивали частые ссоры. Последняя стычка между Битяговским и Нагим произошла утром 15 мая. Понятно, что при виде окровавленного сына Марья инстинктивно произнесла имена ненавистного дьяка и его родни, добавив к ним мамку Волохову, не углядевшую за ребенком.

Мария Нагая приказала церковному сторожу Максиму Кузнецову ударить в колокола в церкви Спаса. Набат поднял на ноги весь город. Вокруг мертвого царевича собралась толпа. Через некоторое время появились и дядья царевича Михаил и Григорий Нагие. Оба братца были навеселе, причем Михаил плохо закусил, ибо потом свидетели показывали, что он «мертв пьян был».

В момент гибели Димитрия его «убийцы» Битяговские всей семьей обедали у себя дома. Мало того, за столом с ними сидел поп Богдан, который был духовником Григория Нагого. На следствии Богдан изо всех сил выгораживал царицу и ее братьев. Но он простосердечно подтвердил перед комиссией Шуйского, что, когда ударили в набат, был в доме Битяговских и сидел за одним столом с дьяком и его сыном. Так что у Битяговских было стопроцентное алиби.

Услышав набат, Михайла Битяговский выскочил из-за стола, сел на коня и поскакал в кремль. Там он увидел толпу, избивавшую Василису

Волохову и ее сына Осипа. Битяговский прикрикнул на толпу, а затем принялся уговаривать Нагого, чтобы «он, Михайла, унял шум и дурна которого не зделал».

Предположим на секунду, что Битяговский пусть не участник убийства, но осведомлен о заговоре. Зачем тогда ему останавливать самосуд? Забьют до смерти Волоховых, и концы в воду. Я уж не говорю, что Михайла Битяговский мог бы в день убийства оказаться в отъезде – на охоте или на ревизии окрестных сел.

Битяговский с Качаловым не дали разъяренной толпе забить Волоховых до смерти, чем окончательно взбесили Марию Нагую и ее братьев. Нагие натравили толпу на Битяговских. Те вынуждены были бежать и укрылись в главном административном здании Углича – Дьячьей избе. Однако чернь взяла штурмом Дьячью избу, убила дьяка, его сына и несколько холопов Битяговских.

Но Нагим этого показалось мало, и они направили толпу на разгром подворья Битяговских. Подворье было разграблено, убийцы «питье из погреба в бочках выпив, и бочки кололи». Жену Михайлы Битяговского, «ободрав, нагу и простоволосу поволокли» с детьми к кремлю. Туда же привели и Осипа Волохова, которого отыскиали в доме Битяговских.

В самый разгар событий в кремль прибыли архимандрит Феодорит и игумен Савватий. В тот день они оба служили обедню в одном монастыре. Феодорит и Савватий попытались остановить самосуд. Они «ухватили» жену Битяговского с дочерьми «и отняли их и убить не дали».

Феодорит и Савватий видели в церкви рядом с телом царевича «за столпом» Осипа Волохова, сильно израненного. Но они не смогли, а скорее всего не захотели спасти Осипа. Зато Василиса Волохова отчаянно боролась за жизнь сына. Она просила Марию Нагую «дати ей сыск праведной». Но царица была неумолима. Едва только Савватий и Феодорит вышли из церкви, она выдала Осипа на расправу толпе, сказав: «То деи убоица царевича». Обратим внимание, что убийство Осипа Волохова произошло через несколько часов после того, как Марья Нагая увидела труп сына. И за это время ни она, ни ее братья не задумались о том, чтобы учинить «сыск праведной». А ведь Осип по версии Нагих и был убийцей царевича. Если бы Осип убил Дмитрия, то его ожидали бы жесточайшие пытки, а затем мучительная казнь. Это было прекрасно известно как Марье Нагой, так и Василисе Волоховой. Если бы Осип был убийцей, то мать обрекала на дикие муки не только его, но и саму себя. В средние века известны десятки случаев, когда матери подкупали палачей и других людей, чтобы те быстро убили их сына и тем самым избавили его от

квалифицированной казни. А тут все наоборот – концы в воду прячет Мария Нагая с братцами.

Позже противники Годунова будут утверждать, что Василису Волохову направил в Углич Борис Годунов. Это подхватят падкие до сенсаций писатели. Вспомним драму А.К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». На самом же деле Волохова много лет служила постельницей при Иване Грозном – ведала бельем в царской опочивальне. Она пользовалась полным доверием подозрительного царя. После смерти Грозного Василиса осталась при его вдове. Уже в Угличе Василиса выдала свою дочь замуж за Никиту Качалова, племянника ненавистного царице дьяка Михайлы Битяговского. Мария Нагая сочла это предательством, и Василиса из любимиц превратилась в предмет ненависти царицы.

Всего 15 мая по приказу Нагих толпа линчевала пятнадцать человек. Трупы их были брошены в ров у стен углического кремля. На третий день в Углич должна была прибыть следственная комиссия из Москвы. Лишь теперь до Нагих дошло, что за убийства придется отвечать. Ночью накануне приезда комиссии Михаил Нагой и его сторонник в администрации приказчик Русин Раков решили сфабриковать улики, свидетельствовавшие о виновности убитых. В этом им помогали слуга Григория Наемого Борис Афанасьев и холоп Михаила Наемого Тимофей. В частности, Тимофей принес живую курицу и зарезал ее. Кровью курицы были измазаны несколько длинных ногойских ножей и железных палиц, которые Русин Раков отнес в ров и положил на трупы Битяговских и их сторонников.

Руководить следствием в Угличе Боярская дума, а не один Борис Годунов, назначила Василия Ивановича Шуйского. К этому времени он был возвращен из ссылки^[77] и занял свое место в Боярской думе. Позже ряд историков и особенно писателей будут утверждать, что-де Шуйский стал зависимым клиентом, чуть ли не агентом Годунова. На самом деле Василий Иванович Шуйский был самым хитрым и изворотливым из бояр Шуйских. Ни о какой рабской зависимости Василия Шуйского от Годунова не могло быть и речи. Хотя с братьев Василия Шуйского и не была снята опала, они сохранили большинство своих вотчин. Богатейшими вотчинниками и членами думы оставались Скопины-Шуйские, которых опала вообще не коснулась. В такой ситуации расправа Годунова над руководителем следственной комиссии Василием Шуйским могла стоять Борису головы.

Замечу, что выбор Боярской думы был обусловлен не только знатностью Василия Шуйского, но и тем, что он до своей опалы в 1587 г. был начальником Судного приказа, то есть, говоря современным языком,

что-то вроде генерального прокурора страны. Кому, как не ему, было поручить вести столь важное дело.

От церковных властей в состав комиссии вошел митрополит крутицкий Геласий. Заметим, что Годунова безоговорочно поддерживал патриарх Иов, но в церковных верхах была сильна оппозиция Годуновым. Мы увидим, что она сохранится, даже когда Борис станет царем. Никому из противников Годуновых не пришло в голову обвинять Геласия в прислужничестве Борису Годунову.

Важную роль в комиссии играли окольный Андрей Петрович Клешнин и думный дьяк Елизар Вылузгин. Клешнин действительно поддерживал хорошие отношения с Годуновым, но, что гораздо более важно, он был зятем Михаила Нагого. Елизар Вылузгин заведовал Поместным приказом и среди приказных чиновников занимал одно из первых мест. В Угличе он имел в своем распоряжении штат подъячих, на которых и лежала вся практическая организация следствия. Члены комиссии принадлежали к различным придворным группировкам. Все они шпионили друг за другом, пристально следили за всеми действиями своих «коллег», чтобы использовать в своих интересах любую малейшую их оплошность. Таким образом, утверждение, что-де все члены комиссии были приверженцами Годунова, является досужим вымыслом.

Ряд историков XIX в., пристрастно относившихся к Годунову, выступали с утверждением, что дошедшее до нас следственное дело о смерти царевича представляет собой подделку. Сразу же бросались в глаза следы поспешной обработки «углицкого дела». Кто-то разрезал и переклеивал листы, придавая им неправильный порядок. Начало вообще исчезло.

Реконструировать следственное дело взялся его издатель В.К. Клейн. Он обратил внимание на ржавые пятна, покрывавшие многие страницы. Пятна были различной величины, но имели одинаковую конфигурацию. Это дало основание Клейну предположить, что документ пострадал от влаги еще в то время, когда хранился в архиве свернутым в свиток. Больше всего пострадали наружные листы, ближе к центру размер пятен уменьшался, а внутренние листы были и вовсе чистыми, так как влага туда не проникла. Учитывая размеры пятен, Клейн уложил разрезанные листы в нужном порядке, и сразу появился связный и полный текст. Отсутствовали лишь первые листы, которые, очевидно, намокли больше всего и затем просто отвалились. В средние века на Руси принято было рукописи скатывать в свитки, и последние листы оказывались наружными. В «углицком деле» почему-то, наоборот, наружными были первые листы. Это

и неудивительно. Ведь чтобы прочитать свиток, его надо было перемотать, чтобы начало оказалось снаружи. И в архивах рукописи всегда хранились уже подготовленными для чтения, то есть перемотанными. Это и объясняет, почему подмокли именно первые листы, а не последние. Во времена царствования Петра I архивы перешли на новую систему хранения документов. Большие и неудобные для чтения свитки архивариусы перекомпоновывали в тетради. Они-то и разрезали углическое дело на отдельные листы, которые потом оказались перепутанными.

Есть мнение, что сохранившееся углическое дело – это беловик, составленный в Москве канцелярией Бориса Годунова, а черновики допросов, написанные в Угличе, не дошли до наших дней. Палеографическое исследование рукописи опровергает эту версию. «Углицкое дело» написано многими писцами, можно выделить шесть основных почерков писцов. Кроме того, в тексте документа имеется не менее двадцати подписей свидетелей из Углича. Все подписи строго индивидуализированы и отражают степень грамотности писавших. Не могли же все эти свидетели приехать из Углича в Москву, чтобы подписать беловик.

По прибытии в Углич комиссия подробно опросила сотни людей. Первым делом члены комиссии тщательно осмотрели трупы царевича Димитрия и жертв самосуда Нагих. Естественно, ни у кого не возникло и тени сомнения, что погиб именно царевич Димитрий, а не какой-то другой мальчик. Отпевание царевича вел лично митрополит Геласий в присутствии других членов комиссии.

Окровавленные ножи и палицы на трупах Битяговских с товарищами, естественно, не смогли обмануть комиссию. Мало того, приказчик Русин Раков струсил и рассказал Василию Шуйскому о том, как в ночь перед приездом комиссии по приказу Нагих он отнес в ров и бросил на трупы измазанное куриной кровью оружие. Михаил Нагой не хотел в этом сознаваться, но был изобличен. На очной ставке с Раковым холоп Нагого Тимофей подтвердил показания приказчика и рассказал, что сам принес курицу и зарезал ее в чулане. Григорий Нагой не стал заператься, а сразу признался, что взял ногойский нож у себя дома, а также принимал участие в изготовлении других «улик».

Допрос главных свидетелей окончательно разрушил версию о преднамеренном убийстве царевича Димитрия.

Трагедия произошла ясным солнечным днем на глазах у многих людей. Комиссии не составило труда установить все имена непосредственных свидетелей происшедшего. Василию Шуйскому давали

показания мамка Волохова, кормилица Арина Тучкова, постельница Мария Колобова и четыре мальчика, игравшие с царевичем в тычку. Самое большое значение следователи придавали показаниям мальчиков, так как те ближе всего находились к царевичу. Следователи дважды сформулировали один и тот же вопрос, чтобы добиться точного ответа. Сперва они спросили: «Хто в те поры за царевичем были». Мальчики ответили, что «были за царевичем в те поры только они четыре человека да кормилица да постельница». После этого члены комиссии спросили прямо в лоб: Осип Волохов и Данило Битяговский «в те поры за царевичем были ли?» Все четыре мальчика ответили отрицательно. Мальчики точно и живо описали, что произошло на их глазах: «Играл-де царевич в тычку ножиком с ними на заднем дворе и пришла на него болезнь – падучей недуг – и набросился на нож».

Может быть, мальчики сочинили всю эту историю о припадке царевича в угоду Шуйскому, не испугавшись гнева своей государыни – Марии Нагой? Это опровергается показаниями взрослых свидетелей.

Трое дворцовых служителей Марии Нагой – подключники Ларионов, Иванов и Гнидин – дали следующие показания: когда царица села обедать, они стояли «в верху за поставцом, ажно деи бежит в верх жилец Петрушка Колобов, а говорит: тешился деи царевич с нами на дворе в тычку ножом и пришла деи на него немочь падучая, да в ту пору, как ево било, покололся ножом, сам и оттого и умер».

Петрушка Колобов был старшим из четверых мальчиков, игравших с царевичем. Он повторил следственной комиссии то, что сказал подключникам через несколько минут после смерти царевича.

Показания Петрушки Колобова и остальных мальчиков подтвердили Мария Колобова, мамка Волохова и кормилица Арина Тучкова. Кормилица особенно убивалась о царевиче. В присутствии царицы Марии и Василия Шуйского она назвала себя виновницей несчастья: «Она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная... и он ножом покололся...». Кормилица была любимицей царицы Марии. Не ее, а Василису Волохову царица била поленом над трупом сына, хотя обе были виноваты одинаково, обе недосмотрели за ребенком.

Смерть царевича своими глазами видели семь человек. Позже отыскался и восьмой свидетель.

На допросе приказного Протопопова следователи установили, что он впервые услышал о смерти царевича от ключника Тулубеева, причем ключник рассказал о происшествии со всеми подробностями. Вызвали Тулубеева. Он сослался на стряпчего Юдина. Им устроили очную ставку, и

дело сразу прояснилось. В полдень 15 мая Юдин стоял в верхних покоях «у поставца» и смотрел в окно, как мальчики играют в тычку. Трагедия произошла на его глазах. По словам Юдина, царевич играл во дворе в тычку и накололся на нож, и Юдин сам это видел. Потом он рассказал все увиденное своим приятелям. Но он знал, что царица Мария настаивала на убийстве, и поэтому счел благоразумным уклониться от дачи показаний.

Показания всех главных свидетелей «углицкого дела» совпадают по существу, но индивидуальны по словесному выражению. Это доказывает их достоверность. Совсем другое впечатление вызывают показания второстепенных свидетелей, которых оказалось более сотни. Уж очень их показания стереотипны. Если несколько лиц пользуются одними и теми же оборотами, то сразу же возникает подозрение в ложности их показаний. Но появление штампов в следственном деле также можно объяснить. Допрос основных свидетелей, видевших трагедию собственными глазами, позволил нарисовать достаточно точную картину происшедшего. Остальные же свидетели знали о смерти царевича с чужих слов и не могли добавить ничего нового. Эти второстепенные свидетели в основном были дворовыми людьми – неграмотными, некультурными и косноязычными. Чтобы добиться от них вразумительных ответов, надо было потратить уйму времени. Но времени было мало, и поэтому члены комиссии фиксировали ответы второстепенных свидетелей с помощью стереотипа, заключенного в самом вопросе. В те времена в приказной практике такой прием использовался очень часто.

Ряд историков утверждает, что все свидетельские показания были получены под действием угроз. Факт жестоких преследований жителей Углича засвидетельствован многими источниками. Но репрессии на самом деле имели место не в дни работы следственной комиссии Шуйского, а много месяцев спустя. Комиссия же не преследовала своих свидетелей. Исключение составил лишь один случай, зафиксированный в следственных материалах. «У распросу на дворе перед князем Василием» слуга Битяговского «изымал» царицына конюха и обвинил его в краже вещей дьяка Битяговского. Эти обвинения подтвердились, и конюха с сыном взяли под стражу. На том и закончились все репрессии угличан в дни следствия.

Нарисованная следствием картина гибели царевича Димитрия была на редкость полна и достоверна. Расследование практически не оставило места для неясных вопросов.

Наши историки традиционно опускают факт осмотра комиссией тела убитого царевича. А между прочим, члены комиссии сразу же по прибытии в Углич 19 мая первым делом отправились в Спасо-Преображенский собор.

Их сопровождали мать, родные царевича и «все добрые граждане». Нагие подсустились и подложили на тело Димитрия окровавленный нож. Василий Шуйский лично, в присутствии десятков людей, собравшихся в соборе, брезгливо отложив нож в сторону, внимательно рассматривал лицо ребенка, а затем его рану на гортани.

В субботу 22 мая в Спасо-Преображенском соборе митрополит Геласий совершил отпевание и со всеми подобающими царевичу почестями предал его тело погребению в этом же храме, который еще в удельное время служил усыпальницей углических князей.

Обратим внимание, труп ребенка восемь дней лежал на открытом воздухе, а это по новому стилю с 25 мая по 1 июня, причем, по данным следственного дела, погода была жаркая, вскрытия тела и бальзамирования не проводилось. Риторический вопрос: что будет с трупом за восемь дней? Теперь предположим, что тело царевича пусть не благоухало, но по крайней мере не воняло. Это, естественно, должно было заинтересовать и Геласия, и местное духовенство и найти какое-то отражение в следствии. Но, увы, тело разлагалось самым естественным образом.

Результаты следствия в Угличе были рассмотрены 2 июня 1591 г. на церковном соборе в Москве. Собор единодушно утвердил приговор: «...царевницу Дмитрею смерть учинилась божьим судом».

На основании патриаршего приговора царь Федор приказал схватить Нагих и угличан, «которые в деле объявились», и доставить их в Москву.

Собственно на этом углическая история и закончилась. О смерти царевича Димитрия все забыли, тем более что в сентябре 1591 г. царица Ирина вновь понесла. На сей раз ей удалось доносить ребенка. Если бы ей удалось родить здорового сына, то об инциденте в Угличе в многотомной «Истории России» Соловьева остался бы один абзац. Но, увы, 26 мая 1592 г. у царя Федора родилась дочь, названная Федосьей. Она часто болела и умерла 25 января 1594 г. Через несколько лет и ее сделают жертвой «коварного» Бориса.

6 января 1598 г. умер царь Федор Иоаннович – последний правитель из рода Ивана Калиты. Государство Российское оказалось без легитимного наследника.

На Руси в X—XIV вв. подобный династический кризис решился бы просто. Престол перешел бы к наиболее знатному князю Рюриковичу – вассалу московского князя. Точно так же поступили бы во Франции, Испании и в других странах Западной Европы.

Но в Московском государстве князья Рюриковичи и Гедиминовичи за сто с лишним лет перестали быть вассалами и соратниками великого князя

московского, а стали его холопами. Даже находившиеся в фаворе внуки и правнуки удельных князей при Василии III и Иване Грозном, подписывая грамоты, уничижительно коверкали свои имена. Дмитрий подписывался Дмитришкой или Митькой, Федор – Федькой, Василий – Васьком и т. д.

Естественно, что к 1598 г. народ считал Митек и Васьков царскими холопами, хоть и высокопоставленными и богатыми.

В итоге главными претендентами на престол стали двое абсолютно нелегитимных и один абсолютно легитимный персонаж, причем в жилах всех троих не было ни одной капли крови Рюриковичей.^[78]

Законным претендентом был татарин... нет, большинство читателей угадало неправильно, не Годунов, а государь великий князь всея Руси Симеон Бекбулатович. В октябре 1575 г. царь Иван IV устроил очередной фарс – отрекся от престола, а на трон посадил крещеного татарина Симеона Бекбулатовича, потомка касимовских ханов. Иван IV, юродствуя, затем писал челобитные новому «правителю»: «Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси Иванец Васильев с своими детишками с Ыванцом да с Федорцом челом бьют: что еси государь милость показал». Оперетта продолжалась 11 месяцев, после чего Иван «учинил» Симеона великим князем тверским. После этого Симеон не играл никакой роли в жизни Московского государства, хотя и имел большое состояние.

Нелегитимными кандидатами были Борис Годунов и Федор Романов.

Как только царь Федор испустил дух, всем стало не до него. У всех на устах был один вопрос: «Кто?»

Понятно, что Симеон Бекбулатович, живший в тиши в селе Кушалино под Тверью, мало подходил на роль государя всея Руси. Тем не менее он нашел поддержку среди ряда бояр и князей. Дело в том, что именно ничтожество Симеона было привлекательно для некоторых князей и выходцев из старомосковского боярства. Не следует забывать, что рядом была Речь Посполитая, где польские магнаты имели огромную власть и были почти независимы от короля.

В первые же дни после смерти царя Федора патриарх Иов проявил неожиданную для себя активность. Иов оперативно пишет «Повесть о честнем житии царя и великого князя Федора Иоанновича всея Руси». Это не обычное житие, а программный политический документ. В нем Иов открыто заявил, что фактическим правителем при царе Федоре был Борис Годунов: «Был тот Борис Федорович зело преизрядной мудростью украшен, и саном более всех, и благим разумом превосходя. И пречестным его правительством благочестивая царская держава в мире и в тишине цвела. И многое тщание показал по благочестии, и великий подвиг

совершил о исправлении богохранимой царской державы, яко и самому благочестивому царю... дивиться превысокой его мудрости, и храбрости, и мужеству».

Избрание Бориса Годунова на царство довольно подробно изложено нашими историками. Тут нужно отметить очень важную деталь. Как официальные царские, так и либерально-демократические историки XIX в. по разным причинам преувеличивали значение Земских соборов конца XVI – начала XVII в. Первые доказывали, что избрание царей Земским собором выражало волю народа, мечтавшего о самодержавном государе, а вторые, наоборот, доказывали, что, мол, издревле верховная власть на Руси принадлежала Земским соборам. Последнее утверждение хорошо вписывалось в программу либералов конца XIX – начала XX в. о созыве Земского собора с целью введения конституции в России.

В результате приход к власти Годунова у нас ассоциируется с собором 1590 г. и с персонажами пушкинской драмы, мажущими себе глаза луком, дабы поэффектнее поплакать на лугу у Новодевичьего монастыря. При этом напрочь забывается роль стрельецких полков в избрании новой династии. А ведь недаром мудрый Мао говорил: «Винтовка рождает власть». Так вот, московские бердыши и пищали были целиком на стороне Бориса. Тот еще при царе Федоре назначил главой стрельецких приказов своего троюродного брата Ивана Васильевича Годунова. Начальниками («головами») всех пяти московских стрельецких полков (всего около 10 тысяч ратников) были назначены верные Годуновым люди. Естественно, что стрельцы были надежной опорой Годуновых. Другой вопрос, что у него хватило ума и выдержки не только не применять силу, но и даже не грозить ею. Тем не менее стрельецкие полки за спиной Годунова были, как любил говорить Нельсон: «Fleet in being», то есть «само существование флота является решающим фактором в конфликте».

Большинство служилого дворянства и гражданской администрации также было на стороне Годуновых. Последние много лет бесконтрольно управляли приказами и ведали, как сейчас говорят, кадровой политикой. От Годуновых зависело назначение дворянина на службу, присвоение очередного звания, пожалование поместьями и вотчинами и т. д.

Только благодаря позиции московских стрельцов и служилого дворянства борьба за власть после смерти Федора обошлась без крови.

Однако оппозиция Борису была достаточно сильной. Мы привыкли к марксистским догмам о классовой борьбе, роли народных масс и т. д. Увы, сии догмы абсолютно не применимы к событиям 1598 года. Социальные программы Бориса Годунова и его противников не имели различий, а

точнее, ни та, ни другая сторона не предлагала народу никаких изменений в жизни. Беднейшие слои населения сами по себе не были заинтересованы в борьбе за престол. А оппозиция Годунову состояла из титулованной и старомосковской знати, небольшого числа представителей администрации во главе с дьяками Щелкаловыми и части московского духовенства, недовольной Иовом. Соответственно, за представителями знатных родов стояли их дворяне, боевые холопы и различная челядь. Оппозиция привлекала в свои ряды простых граждан подкупом, а также распространением различных слухов, компрометирующих Годуновых. Об убийстве царевича Димитрия пока еще и речи не было, зато всюду мулсировался слух об отравлении Борисом царя Федора.

Союз Годуновых и Романовых, возникший в борьбе с Шуйскими, фактически распался. Часть Романовых сомкнулась с оппозицией Борису, но старательно держалась в тени. Сторонники Романовых распускали слухи о том, что-де Федор на смертном одре завещал престол Федору Никитичу Романову. Однако эта версия была столь далека от истины, что в 1598 г. ни сами Романовы, ни кто-нибудь из оппозиции не рискнули высказать ее где-либо публично. Эта «липа» предназначалась лишь для недалеких и неинформированных людей, говоря языком того времени, для черни.

И дело не в том, что оппозиция боялась сказать о завещании царя Федора. В московских теремах в лицо Борису князья и бояре говорили и не такое. Просто тут было легко уличить оппонента во лжи. А вот спустя 15 лет, когда большинство ведущих политиков уже умерло, а у народа в голове все перемешалось, об этой «липе» заговорили публично.

Забыв старые обиды, Богдан Бельский вместе с Федором Ивановичем Мстиславским, при поддержке Романовых, выступил с предложением посадить на трон «царя» Симеона Бекбулатовича. Кстати, сей «царь» был женат на Настасье Ивановне Мстиславской, родной сестре Федора Ивановича. Но, как уже говорилось, эта кандидатура была более чем спорной, и от нее пришлось отказаться. Себя же Федор Никитич Романов предложить не рискнул, а других кандидатов попросту не было.

Кто-то из оппозиции выдвинул идею о передаче всей полноты власти Боярской думе. Сразу же после отъезда царицы Ирины в монастырь дьяк Василий Щелкалов вышел к собравшемуся в Кремле народу и потребовал присяги Боярской думе, но услышал в ответ: «Не знаем ни князей, ни бояр, знаем только царицу». Когда же дьяк объявил, что царица в монастыре, то раздались голоса: «Да здравствует Борис Федорович!» Вот здесь мы в первый раз слышим глас народа. Население Москвы категорически против

боярской власти, которая неизбежно приведет к анархии и междоусобице.

Историки могут сколько угодно долго спорить о деталях избрания Бориса царем, но ясно одно – его избрали по воле всей России. Пусть Годунов не был Рюриковичем, пускай у него не было таланта полководца, пусть он был суеверным и лживым, но ему не было альтернативы. Желать боярского правления или опереточного татарина могли только корыстные люди. А избрание Годунова обеспечивало еще и безударный переход власти. Ведь власть переходила не от одного правителя к другому, а просто менялся титул правителя с сохранением всех его функций.

1 сентября 1598 г., на Новый год, Борис венчался на царство. В своей речи, произнесенной по этому случаю патриарху, Борис сказал, что покойный царь Федор приказал патриарху, духовенству, боярам и всему народу избрать кого Бог благословит на царство и что царица Ирина приказала то же самое, «и по божиим неизреченным судьбам и по великой его милости избрал ты, святой патриарх, и прочие, меня, Бориса».

Борис, принимая благословение от патриарха, громко сказал ему: «Отче великий патриарх Иов! Бог свидетель, что не будет в моем царстве бедного человека! – и, тряся ворот своей рубашки, продолжал: И эту последнюю рубашку разделю со всеми!»

Очень любопытен текст присяги новому царю. Присягнувший по ней, между прочим, клялся: «Мне, мимо государя своего царя Бориса Федоровича, его царицы, их детей и тех детей, которых им вперед Бог даст, царя Симеона Бекбулатова и его детей и никого другого на Московское государство не хотеть, не думать, не мыслить, не семьиться, не дружиться, не ссылаться с царем Симеоном, ни грамотами, ни словом не приказывать на всякое лихо. А кто мне станет об этом говорить или кто с кем станет о том думать, чтоб царя Симеона или другого кого на Московское государство посадить, и я об этом узнаю, то мне такого человека схватить и привести к государю».

Над текстом присяги вдоволь поёрничали, и, надо сказать, не без оснований, наши историки от Соловьева до Скрынникова. Малодушные, мелочность, подозрительность и суеверие Бориса буквально бросаются в глаза при чтении присяги. Даже шутовскому царю Симеону сколько места отведено. Но вот почему-то ни один наш историк, писавший о присяге, не обратил внимания на отсутствие в ней имени Федора Никитича или других братьев Романовых. В самом деле, Симеон оказывается претендентом на престол, а они – нет? Присяга является убедительным документом в пользу того, что в 1598 г. не только не было никаких притязаний на престол со стороны Романовых, но и Борис Годунов не рассматривал всерьез

возможности появления их. Иначе это было бы отражено в присяге.

В ходе междоусобицы 1598 г. братья Романовы ни разу прямо не выступили ни на стороне Годунова, ни против него. Анализ ситуации позволяет сделать вывод, что Романовы стояли за спинами оппозиции, не давая ни одного повода Борису для обвинения во враждебных намерениях.

Несколько слов стоит сказать о взаимоотношениях России с Польшей. 6 января 1582 г., то есть еще при Иване Грозном, был подписан русско-польский Запольский мирный договор. Назван договор по деревне Запольский Ям, где должен был произойти съезд послов. На самом же деле договор был подписан в деревне Киверова Гора в пятнадцати верстах от Запольского Яма. Подробный рассказ об этом договоре и предшествующих событиях Ливонской войны выходит за рамки данного повествования. Я лишь отмечу нюансы, касающиеся титула московского царя. Сей спорный вопрос стороны решили весьма оригинально. В русском экземпляре договора за царем сохранялся титул «царя», то есть императора (цесаря), в польском же он не упоминается. В русском экземпляре царь именовался также «властитель Ливонский и Смоленский», а в польском «властителем Ливонским» именовался польский король, а титул «Смоленский» не принадлежал никому.

Срок действия договора первоначально считался 10 лет. 10 января 1591 г. в Москве был подписан новый договор о перемирии (мире) между Россией и Польшей на 12 лет, считая с 15 августа 1591 г.

11 марта 1601 г. в Москве было подписано новое соглашение о перемирии на 20 лет, считая с 15 августа 1602 г. С польской стороны соглашение в Москве подписал канцлер и великий гетман литовский Лев Иванович Сапега, с русской – боярин Михаил Глебович Салтыков. 7 января 1602 г. в Вильне король Сигизмунд III ратифицировал договор. Царь Борис сделал это еще раньше.

Таким образом, с польским королем не было войны с 1582 г. (стычки с частными армиями пограничных феодалов не в счет), и аж до 1622 г. вроде бы ничего не предвещало войны.

Глава 2

Заговор бояр Романовых

Казалось бы, разумная внешняя и внутренняя политика Годунова должна была обеспечить стабильность в обществе, но случилось совсем наоборот. Как титулованная знать, так и беспородные бояре – все рвались к власти. Перед Иваном Грозным все трепетали. Внуки удельных князей Рюриковичей и Гедиминовичей вели себя перед царем как кролик перед удавом. Это было явление не политическое, а скорее медицинское – паралич воли сопровождался рядом других психических заболеваний. Ведь за долгое царствование Ивана никто даже не пытался убить кровавого тирана. Спасаясь от опричного террора, бежали буквально единицы. Верность присяге, крестному целованию? Нет, это чушь! Посадив на престол шутовского царя Симеона, Иван формально освободил всех подданных от присяги. Но паралич воли продолжался – потомки викингов и не шевельнулись. Жертвы покорно шли на плаху и садились на кол, «распевая каноны Иисусу».

А вот в условиях стабильности и безопасности многие князья и бояре распоясались. Кое-кто начал считать царя Бориса ровней и примерял на себя шапку Мономаха.

Борис, как правило, был в курсе происков своих врагов. Он создал разветвленную систему сыска. Позже московский летописец отметил, что дьявол «вложил Борису мысль все знать, что ни делается в Московском государстве; думал он об этом много, как бы и от кого все узнавать, и остановился на том, что, кроме холопей боярских, узнавать не от кого». Надо ли говорить, что доносы посыпались как из рога изобилия.

Центром антигодуновской пропаганды стал придворный Чудов монастырь в Кремле. Патриарх Иов допек многих умных и честолюбивых духовных лиц. А избавиться от него без свержения Бориса было нельзя. Эти церковники не могли не вступить в связь с мощным боярским кланом, соперничающим с кланом Годуновых. И таким кланом стали Романовы.

За два последних столетия наши историки до предела мифологизировали роль Романовых в Смутное время. На фоне злодея и неврастеника Бориса Годунова, отпетых негодяев Гришки Отрепьева и Тушинского вора перед нами предстает доброе патриархальное семейство Романовых. Романовы-де имели самые большие права на престол, но им чуждо стремление к власти, они далеки от политических интриг. И вот за

эту доброту и бескорыстность все правители, начиная с царя Бориса и кончая Тушинским вором, всячески мучают праведное семейство. Наконец храбрый воевода освобождает Москву от злых иноземцев, и весь народ, начиная с самого воеводы и кончая простым казаком, молит юного ангелоподобного отрока стать царем московским. Надо ли говорить, что тут не обошлось без вмешательства небесных сил. Отрок и его мать долго отказываются, они, мол, никогда и не думали, чтобы Миша мог стать царем.

Миф о Романовых нашел отражение даже в пушкинском «Борисе Годунове». Там дворянин Афанасий Пушкин говорит Рюриковичу Шуйскому:

*«Знатнейшие меж нами рода – где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?»*

Шуйский: *«Ты прав, Пушкин».*

Ну ладно, что князья Сицкие и Шестуновы уже три года, как прощены и исправно служат Борису, поэт мог и не знать, но чтобы Шуйский – потомок Андрея Ярославича и ненавистник выскочек Романовых признал их «знатнейшими меж нами» и «отечества надеждой»? Это уже топорная лесть, граничащая с издевательством над семейством Романовых.

Пушкин писал П.А. Вяземскому сразу после окончания «Годунова»: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию – навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!»

На самом деле Романовы были до неприличия беспородны. 550 лет Русью правили князья – потомки варяжского князя Рюрика. Власть Рюриковичей наследовалась двумя способами: по горизонтали – старшему в роду, и по вертикали – от отца к сыну. В XV в. окончательно утвердился второй способ наследования. Но всегда наследование шло исключительно по мужской линии. Князья обычно вступали в брак с княжнами из соседних княжеств, иногда с боярскими дочерьми, были браки с половецкими, а потом и татарскими княжнами. Боярская дочь, став женой Рюриковича, получала титул княгини, но никогда ни при каких обстоятельствах ее родичи не становились князьями и уж подавно не могли претендовать на княжеский престол. То же самое можно сказать о половецких и татарских князьях (ханах).

Семейство Романовых считало своим прародителем Андрея Кобылу – дружинника московского князя Симеона Гордого. Историкам о Кобыле известен лишь один факт, что он вместе с Алексеем Босоволоковым ездил в Тверь за невестой для Симеона. Предполагается, подчеркиваю, предполагается, поскольку неоспоримых доказательств нет, что Кобыла отличался большой плодовитостью. Позже ему приписали 5 сыновей, 14 внуков и 25 правнуков, но никаких достоверных документов на сей счет нет. Не только Романовы, но и десятки известных дворянских фамилий считали Кобылу своим предком. Среди них Бутурлины, Челядины, Пушкины, Свибловы и другие.

Потомки Кобылы – Кошкины (4 поколения), Захарьины (2 поколения) – постоянно были рядом с московскими князьями, но всегда на вторых ролях. Ни громких побед, ни больших опал. Кошкины и Захарьины преуспевали лишь в накоплении богатств. Самым прибыльным промыслом в средние века на Руси была добыча и продажа соли. В начале XV в. Кошкиным удалось стать владельцами самых крупных варниц в Нерехте.

В 1547 г. Романовы (они тогда назывались еще Захарьиными) породнились с родом Ивана Калиты. Царь Иван IV, еще не Грозный, женился на шестнадцатилетней Анастасии, дочери умершего четыре года назад окольничего Романа Захарьевича.

Брак Ивана IV с Анастасией Романовной не представлял ничего экстраординарного в истории России. Подавляющее большинство жен московских князей были дочерьми бояр или даже дворян. Да и у самого Ивана Грозного было семь жен и, соответственно, куча родни по женской линии, начиная с Романовых (Захарьиных) и кончая Нагими.

За тринадцать лет жизни с царем Иваном Анастасия Романовна родила шестерых детей: Анну (родилась 18 августа 1549 г., умерла в августе 1550 г.), Марию (родилась 17 марта 1551 г., умерла в младенчестве), Димитрия (родился 11 октября 1552 г., умер в июне 1553 г.), Иоанна (родился 28 марта 1554 г., убит отцом 19 ноября 1582 г.), Евдокию (родилась 26 февраля 1554 г., умерла в 1558 г.) и будущего царя Федора (родился 11 мая 1557 г., умер 7 января 1598 г.).

Сама Анастасия умерла 7 августа 1560 г. сравнительно молодой, ей было около тридцати лет, что дало повод многим современникам и потомкам предполагать отравление царицы.

18 марта 1584 г. внезапно умирает царь Иван. К этому времени все мужское потомство Захарьиных и Яковлевых или перемерло, или было казнено царем. В живых остался лишь Никита Романович Захарьин и его дети, которых по деду стали называть Романовыми.

Никита Романович оказался самым плодовитым в роду Захарьиных. От двух жен – Варвары Ивановны Ховриной и Евдокии Александровны Горбатой-Шуйской – он имел пятерых сыновей и пятерых дочерей (Федора, Михаила, Александра, Василия, Ивана, Анну, Евфимию, Ульяну, Марфу и Ирину). Из них только Ульяна умерла в младенчестве. В 1565 г. старшая дочь Анна была выдана замуж за князя Ивана Федоровича Троекурова. Рюриковичи Троекуровы вели свой род от ярославских удельных князей.

Иван и Анна Троекуровы нажили двоих детей – Бориса и Марину. 6 декабря 1586 г. Анна Никитична умерла, а И.Ф. Троекуров взял новую жену – Вассу Ивановну.

Дочь Евфимию Никита Романович выдал за князя Ивана Васильевича Сицкого.

Марфа стала женой Бориса Камбулатовича Черкасского. Он был сыном кабардинского владетеля Камбулата – родного брата Темрюка, отца Марии – второй жены Ивана Грозного. Два сына Камбулата – мурзы Хокяг и Хорошай – приехали на службу в Москву, крестились и получили имена Гавриил и Борис Камбулатовичи. В 1592 г. Борис становится боярином. У Марфы Никитичны и Бориса Камбулатовича было трое детей – Иван, Ирина и Ксения. Иван при царе Михаиле стал боярином, Ирина выдана за боярина Федора Ивановича Шереметева, а Ксения – за Ивана Дмитриевича Колычева.

Младшая дочь Никиты Романовича Ирина вышла замуж за боярина Ивана Ивановича Годунова. Потомства у них не было.

Наиболее выдающейся личностью из большой семьи Никиты Романовича стал его старший сын Федор. Он был красив и статен. Он, по-видимому, первым из московской знати стал брить бороду и носить короткую прическу. О щегольстве Федора и умении одеваться иностранные послы говорили, что если московский портной хотел похвалить свою работу заказчику, то он говорил: «Вы теперь одеты как Федор Никитич». В 1586 г. Федор прямо из рынд прыгнул в бояре.

Федор Никитич оказался плодовит: с 1592 по 1599 г. у него родилось шесть детей, но выжили лишь двое – Татьяна и Михаил, а остальные умерли в младенчестве (Борис в 1593 г., Никита в 1593 г., Лев в 1597 г. и Иван в 1599 г.). Позже Татьяна выйдет замуж за князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского, а Михаил, родившийся 12 июля 1596 г., станет царем.

Романовы не поддержали Бориса в самые трудные для него дни. Видимо, Романовы участвовали в попытке возведения на престол низложенного царя Симеона Бекбулатовича и в других интригах против

Бориса, но никакими достоверными данными на этот счет историки не располагают.

Не было претензий к Романовым и у новоизбранного царя Бориса. Мало того, в сентябре 1598 г. царь Борис пожаловал боярство Александру Никитичу Романову, а также романовской родне Михаилу Петровичу Катыреву-Ростовскому и князю Василию Казы Кардануковичу Черкасскому. Формально Романовым не на что было жаловаться, и мирное сосуществование Романовых и Годуновых длилось до 1600 г.

В конце 1599 г. – начале 1600 г. Борис Годунов тяжело заболел. К осени 1600 г. состояние здоровья царя настолько ухудшилось, что он не мог принимать иностранных послов и даже самостоятельно передвигаться – в церковь его носили на носилках.

Братья Романовы решили, что настал их час, и начали подготовку к перевороту. Из многочисленных романовских вотчин в Москву стали прибывать дворяне и боевые холопы. Несколько сот вооруженных людей сосредоточилось на Варварке в усадьбе Федора Никитича. Среди них был и молодой дворянин Юрий Богданович Отрепьев.

Однако спецслужба Бориса не дремала. По приказу царя в ночь на 26 октября 1600 г. несколько сот стрельцов начали штурм усадьбы на Варварке. Десятки сторонников Романовых были убиты при штурме, а многие казнены без суда и следствия.

Обвинение Романовых в организации государственного переворота Годунову было нецелесообразно, поскольку это произвело бы невыгодное для новой династии впечатление как внутри страны, так и за границей. Поэтому Романовым было поставлено в вину колдовство. Братья Никитичи были отданы на суд Боярской думы. Титулованная знать Рюриковичи и Гедиминовичи ненавидели безродных выскочек, как Годуновых, так и Романовых. Надо ли говорить, что сочувствия в думе Романовы не нашли.

Колдовские процессы над знатью в Западной Европе обычно кончались кострами и лишь в единичных случаях плахами и виселицами. Однако Годунов поступил с Романовыми относительно мягко. Федора Никитича Романова постригли в монахи под именем Филарета и послали в Антониев Сийский монастырь. Его жену Ксению Ивановну также постригли под именем Марфы и сослали в один из заонежских погостов. Ее мать сослали в монастырь в Чебоксары. Александра Никитича Романова сослали к Белому морю в Усолье-Луду, Михаила Никитича – в Пермь, Ивана Никитича – в Пелым, Василия Никитича – в Яренск, сестру их с мужем Борисом Черкасским и детьми Федора Никитича, пятилетним Михаилом и его сестрой Татьяной, с их теткой Настасьей Никитичной и с

женой Александра Никитича сослали на Белоозеро. Князя Ивана Борисовича Черкасского – на Вятку в Малмыж, князя Ивана Сицкого – в Кожеозерский монастырь, других Сицких, Шастуновых, Репниных и Карповых разослали по разным дальним городам.

Первые слухи о живом царевице Дмитриии появляются одновременно с опалой бояр Романовых. Допустим пока, что это простое совпадение, и подумаем, кто мог быть инициатором этой затеи. Простые крестьяне, задавленные гнетом господ и лишенные права ухода от них, в Юрьев день стали мечтать о царе-освободителе и выдумали воскресение царевицы Дмитриии? Нет, это слишком хорошая сказка, она вполне подходит для историка-народника XIX в., но не для крестьянина начала XVII в. На Руси с IX по XVI в. и слухом не слыхивали о самозванцах. И приписывать самозванческую интригу неграмотным крестьянам просто смешно.

А теперь обратимся на Запад. Молодой португальский король Себастьян Сокровенный отправился в 1578 г. завоевывать Северную Африку и без вести пропал в сражении. Король не успел оставить потомства, зато после его исчезновения в Португалии появилась масса самозванцев Лжесебастьянов. Кстати, папа Климент VIII на полях донесения от 1 ноября 1603 г., извещавшего его о появлении Дмитриии, написал: «Португальские штучки». Одновременно в Молдавии прекратилась династия Богданников и тоже появилось немало самозванцев. То, что для Руси было в диковинку, в Европе давно стало нормой.

Мы можем только гадать об имени сценариста Великой смуты, но достоверно можно сказать, что это был не крестьянин или посадский человек, а интеллектual XVII в. Он мог быть боярином или дворянином, исполнявшим роль советника при большом боярине, а скорее всего это было лицо духовное. В любом случае это был москвич, близкий ко двору и хорошо знавший тайные механизмы власти. Можно предположить, что через иностранцев и чиновников Посольского приказа сей «интеллектual» знал о событиях в Португалии и Молдавии.

Заметим, что слух в конце 1600 г. – начале 1601 г. ходил не по низам, а по верхам. О нем уже знали иностранцы, но ничего не знали в провинциальных городках, не говоря уже о селах. Таким образом, пропаганда велась крайне грамотно. Синхронно пошел и «девятый вал» дезинформации о Борисе Годунове, что тот-де всех поизвел, кого мог – поубивал, а царя Симеона колдовством зрения лишил. Столь же синхронно появились различные байки о хороших боярах Романовых, «сродниках» царя Федора. Не буду утомлять читателя их пересказом, а интересующихся отправлю к исследованиям по средневековой русской литературе и эпосу.

Замечу лишь одно, сей народный фольклор касался только Романовых. Нет ни песен, ни сказок про Шуйских, Мстиславских, Оболенских и про другие древние княжеские рода. Неужели нужно пояснять, что режиссер у этого спектакля был один и тот же, как, впрочем, и заказчики. Итак, царь – изверг на троне, хорошие бояре в опале, а где-то скитается восемнадцатилетний сын Ивана Грозного. Естественно, спасенный Димитрий не мог не явиться, даром, что ли, велась вся кампания.

И вот в 1602 г. в Польше объявился долгожданный царевич Димитрий.

О личности самозванца спор идет уже 400 лет. Версий на сей счет имеется три: самозванец был настоящим царевичем, самозванец был Юрием Отрепьевым, и самозванец не был ни тем, ни другим. Любопытно, что сторонники последней версии не могут даже предположительно указать на конкретное историческое лицо, ставшее самозванцем. Их аргументы сводятся к критике первых двух версий, после чего методом исключения делается вывод – «откуда следует, что Лжедмитрием был кто-то другой».

Версия же о чудесном спасении царевича очень нравится сентиментальным дамам и мужчинам-образованцам. Этой версии посвящено уже не менее двух десятков душещипательных романов, и нет сомнения, что появятся и новые шедевры. Версии спасения Димитрия одна фантастичнее другой. Некоторым же «историкам» мало традиционной сказки о чудесном спасении, и они идут дальше. Так, Лжедмитрий действительно оказывается царевичем Димитрием, но не сыном Ивана Грозного, а его племянником. Далее следует драматический рассказ, как Соломония Сабурова родила в монастыре сына от Василия III. А вот внук Соломонии и Василия Димитрий и стал самозванцем.

Были и попытки комбинировать первую и вторую версии. В этом варианте в 1602 г. в Польшу, а затем в Италию бежал-де настоящий сын Грозного, но затем он умер на чужбине, а его имя принял Григорий (Юрий Отрепьев).

Я умышленно не привожу названий этих «исторических трудов», не желая делать им рекламу. Полемизировать же с ними просто смешно. Любой нормальный человек до самой смерти помнит события, происходившие с ним в возрасте четырех – восьми лет, причем часто запоминает мелкие детали, забытые его взрослыми родственниками. Самозванец же о своей жизни в Угличе рассказывал хуже, чем сын лейтенанта Шмидта Шура Балаганов о восстании на «Очакове». В частности, он утверждал, что убийство в Угличе случилось ночью. О том же, что происходило с ним с 8 до 19 лет, он отделялся общими фразами,

что его-де приютили и воспитали какие-то хорошие люди. Ну, допустим, в Польше он мог опасаться за жизнь своих покровителей, оставшихся в России под властью Годунова. Зато, взойдя на московский трон, его первым желанием стало бы найти этих «благодетелей», показать их народу и примерно наградить. Причем дело тут не в благодарности, доказательство чудесного спасения в Москве было вопросом жизни или смерти Лжедмитрия. Наконец, неопровержимый довод дает медицина – эпилепсия никогда не проходит сама по себе и не лечится даже современными средствами. А Лжедмитрий никогда не страдал припадками эпилепсии, и у него не хватило ума их имитировать.

Практически все серьезные историки приняли вторую версию и отождествляют Лжедмитрия с иноком Григорием, в миру Юрием Богдановичем Отрепьевым. Он происходил из дворянского рода Нелидовых. В 70-х годах XIV века на службу к московскому князю Дмитрию Ивановичу из Польши прибыл шляхтич Владислав Нелидов (Неледзевский). В 1380 г. он участвовал в Куликовской битве. Потомки этого Владислава стали зваться Нелидовыми. Род был в общем-то захудалым. Автору удалось найти в летописях лишь одно упоминание о Нелидовых. В 1472 г. великий князь Иван III послал воеводу князя Федора Пестрого наказать жителей Пермского края «за их неисправление». Одним из отрядов в этой войне и командовал Нелидов.

Часть Нелидовых поселилась в Галиче, а часть – в Угличе. Один из представителей рода Нелидовых, Данила Борисович, в 1497 г. получил прозвище Отрепьев. Его потомки и стали носить эту фамилию.

Согласно «Тысячной книге» 1550 г. на царской службе состояли пять Отрепьевых. Из них в Боровске сыновья боярские «Третьяк, да Игнатий, да Иван Ивановы дети Отрепьева, Третьяков сын Замятня». В Переславле-Залесском служил стрелецкий сотник Смирной-Отрепьев. Его сын Богдан тоже дослужился до чина стрелецкого сотника. Но его погубил буйный нрав. Он напился в Немецкой слободе в Москве, где иноземцы свободно торговали вином, и в пьяной драке был зарезан каким-то литовцем. Так Юшка остался сиротой, воспитала его мать.

Едва оперившийся Юрий поступил на службу к Михаилу Никитичу Романову. Выбор Юшки не был случайным – детство он провел в имении дворян Отрепьевых на берегах реки Монзы, притоке Костромы. Рядом, менее чем в десяти верстах, была знаменитая костромская вотчина боярина Федора Никитича – село Домнино. Вскоре Отрепьев поселился в Москве на подворье Романовых на Варварке. Позже патриарх Иов говорил, что Отрепьев «жил у Романовых во дворе и заворовался, спасаясь от смертной

казни, постригся в чернецы». «Вор» в те времена было более широким понятием, включавшим в себя и государственную измену. Так против кого «заворовался» Юшка? Если против своих благодетелей Романовых – так ему нужно было идти не в монастырь, а во дворец к Борису с доносом. Значит, «заворовался» он все-таки против царя. Или он был посвящен в заговор Романовых, или как минимум активно участвовал в бою с царскими стрельцами. В любом случае ему грозила смертная казнь. Борис по конъюнктурным соображениям был снисходителен к боярам, но беспощадно казнил провинившуюся челядь. Спасая свою жизнь, Юшка принял постриг и стал смиренным чернецом Григорием. Некоторое время Григорий скитался по монастырям. Так, известно о его пребывании в суздальском Спасо-Ефимьевом монастыре и монастыре Ивана Предтечи в Галичском уезде.

Через некоторое время чернец Григорий оказывается в привилегированном Чудовом монастыре. Монастырь находился на территории Московского Кремля, и поступление в него обычно сопровождалось крупными денежными вкладами. О приеме Григория просил архимандрита Пафнутия протопоп кремлевского царского Успенского собора^[79] Ефимий. Как видим, влиятельные церковные деятели просят за монашка, бегущего из одного монастыря в другой, бывшего государственного преступника.

Первое время Григорий жил в келье своего родственника Григория Елизария Замятни (внука Третьяка Отрепьева). Всего до побега Григорий провел в Чудовом монастыре около года. В келье Замятни он пробыл совсем недолго. Архимандрит Пафнутий вскоре отличил его и перевел в свою келью. По представлению архимандрита Григорий был рукоположен патриархом в дьяконы. Вскоре Иов приближает к себе Григория. В покоях патриарха Отрепьев «сотворил святым» каноны. Григорий даже сопровождал патриарха на заседаниях Боярской думы. Такой фантастический взлет всего за год! И время было не Ивана Грозного или Петра Великого. При Годунове головокружительные карьеры не делались. И при такой карьере вдруг удариться в бега?! А главное, как двадцатилетний парень без чьей-либо поддержки вдруг объявил себя царевичем? До этого на Руси со времен Рюрика не было ни одного самозванца. Престиж царя был очень высок. Менталитет того времени не мог и мысли такой допустить у простого чернеца.

Наши дореволюционные и советские историки крайне мало интересовались, кто же стоял за спиной Григория. И в этом в значительной мере виноват Пушкин, точнее, не Пушкин, а царская цензура. Как у

Александра Сергеевича решается основной вопрос драмы – решение монаха Григория стать самозванцем? Вот сцена «Келья в Чудовом монастыре». Отец Пимен рассказывает чернецу Григорию антигодуновскую версию убийства царевича Дмитрия. И все... Следующая сцена – «Палаты патриарха». Там игумен Чудова монастыря докладывает патриарху о побеге чернеца Григория, назвавшегося царевичем Дмитрием.

Можно ли поверить, что восемнадцатилетний мальчишка, выслушав рассказ Пимена, сам рискнет на такое? И дело совсем не в неизбежности наказания – дыба и раскаленные клещи на допросе, а затем четвертование или кол. Дело в другом – Гришка стал первым в истории России самозванцем. И одному юнцу в одночасье дойти до этого было невозможно. Психология русского феодального общества начала XVII в. не могла этого допустить. Тут нужен изощренный зрелый ум. Так кто же подал идею Гришке? До 1824 г. эту тему никто не поднимал. А Пушкин? Сейчас вряд ли удастся выяснить, знал ли Пушкин что-то, не вошедшее в историю Карамзина, или его озарила гениальная догадка.

Но начнем по порядку. Пушкин приступил к работе над «Борисом Годуновым» в ноябре 1824 г. К концу декабря – началу января он дошел до сцены в Чудовом монастыре и остановился. Пушкинисты утверждают, что он занялся четвертой главой «Онегина». Возможно, это и так, а скорее – не сходились концы с концами у «Годунова». Но в апреле 1825 г. Пушкин возвращается к «Годунову» и одним духом пишет сцены «Келья в Чудовом монастыре» и «Ограда монастырская». Позвольте, возмутится внимательный читатель, какая еще «Ограда монастырская», да нет такой сцены в пьесе. Совершенно верно, нет, но Пушкин ее написал. Сцена короткая, на две страницы, а по времени исполнения на 3–5 минут. Там Гришка беседует со «злым чернецом». И сей «злой чернец» предлагает Гришке стать самозванцем. До Гришки доходит лишь со второго раза, но он соглашается: «Решено! Я Дмитрий, я царевич». Чернец: «Дай мне руку: будешь царь». Обратим внимание на последнюю фразу – это так-то важно говорит простой чернец?! Ох, он совсем не простой, сей «злой чернец».

Сцена «Ограда монастырская» имела взрывной характер. Она не только прямо обвиняла духовенство в организации смуты, но поднимала опасный вопрос – кто еще стоял за спиной самозванца. Поэтому Жуковский, готовивший к публикации в 1830 г. первые сцены «Бориса Годунова», не дожидаясь запрета цензуры, сам выкинул сцену «Ограда монастырская». Опубликована эта сцена была лишь в 1833 г. в немецком журнале, издававшемся в Дерпте.

На поиски «злого чернеца» я потратил более 5 лет. Им оказался сам

архимандрит Чудова монастыря Пафнутий.

Очень странно, что все наши историки прошли мимо ключевой фигуры Смутного времени. А церковные власти сделали все, чтобы вычеркнуть имя «злого инока» Пафнутия из церковной и светской истории. Так, в огромном труде «История русской церкви», написанном митрополитом Макарием, в VI томе, посвященном Смутному времени, о Пафнутии упоминается вскользь всего два раза в двух строчках. Причем последний раз сказано с явной злобой: «...как и когда он умер и где погребен неизвестно».

Мне удалось найти сведения о Пафнутии в житиях святых Никодима, Адриана и Ферапонта Монзенского.

Итак, вернемся в 1593 год. Жили-были в Троицком Павло-Обнорском монастыре два приятеля инока Адриан и Пафнутий. Им явился, каждому отдельно, во сне неизвестный инок и повелел основать обитель на берегу лесистой реки Монзы при впадении ее в Кострому, а настоятелем обители должен был стать старец Адриан. Причем явившийся прибавил, что место это будет указано чудом и на нем явится святой. Так и случилось: когда там воздвигли часовню, то в ней получили исцеление два отрока. А отцы их рассказали, что каждому из них явился во сне неизвестный инок и сказал, что сын его будет исцелен в обители старца Адриана. В это время старец Пафнутий был назначен настоятелем Чудова монастыря в Москве.

Создается впечатление, что текст жития подвергся основательной цензуре. Зачем сразу двум старцам «является» один и тот же сон? Понятно, если бы они стали вместе строить на Монзе монастырь, но ведь Пафнутий выбывает из игры. Его кто-то назначает, и неизвестно за что, архимандритом придворного Чудова монастыря в Москве! Видимо, Пафнутию приснился другой куда более чудесный сон, но позже кто-то изъясил сей сон из рукописи.

Обратим внимание на географию. Река Обнора, где находился Павло-Обнорский монастырь, и река Монза, где Адриан основал новый монастырь, – правые притоки реки Костромы и расположены почти рядом. Итак, район реки Монзы – это вотчины бояр Романовых, имение дворян Отрепьевых и место иноческого послушания Пафнутия. Уж что-то не верится, что это простое совпадение. Практически невероятно, чтобы бояре Романовы не посещали соседний Павло-Обнорский монастырь. Зато очень странно, что, став царем, туда навещался Михаил Романов. Видимо, что-то сильно связывало это семейство с монастырем на Обноре.

Нетрудно догадаться, что в Чудов монастырь Пафнутий попал по протекции своих соседей Романовых. 1593–1594 гг. – время тесного

альянса Романовых и Годуновых. Кстати, и патриарх Иов благоволил тогда к Романовым. Ведь с 1575 по 1581 г. Иов был архимандритом Новоспасского монастыря, который давно уже существовал под патронатом Романовых и служил их родовой усыпальницей. Только таким способом ничем не прославившемуся иноку захолустного монастыря удалось попасть в Кремль.

Почти сразу после возведения Пафнутия в сан архимандрита к нему в Чудов монастырь явился кузнец Никита. И Пафнутий, «испытав терпение и смирение Никиты посредством различных послушаний», сделал его своим келейником. Осенью 1595 г. послушник Никита был пострижен в монахи под именем Никодима. Запомним это имя, к нему мы позже вернемся.

Итак, именно в келье архимандрита Пафнутия долгое время жил чернец Григорий. И вряд ли архимандрит допустил бы, чтобы его воспитанник попал под влияние другого чудовского «злого чернеца».

Возникает естественный вопрос: мог ли Пафнутий действовать один, без сговора со светскими лицами? Ответ очевиден. И это были люди романовского круга. И если братья Никитичи сидели под крепким караулом, то в Москве находилась их многочисленная родня, в том числе по женской линии, их служилые дворяне и прочая клиентура.

Не исключено и участие в заговоре, причем на самой ранней стадии, и поляков. Под большим подозрением оказывается канцлер и великий гетман литовский Лев Сапега. Первый раз он приезжал послом в Москву еще в царствование Федора Иоанновича. Еще тогда он писал гетману Кристофу Радзивиллу, что разные его информаторы сходятся в одном: большая часть думных бояр и воевод стоит за Романова; меньшие чины, особенно стрельцы и чернь, поддерживают Годунова. Второй раз Лев Сапега прибыл в Москву 16 октября 1600 г. и уехал почти через год, в августе 1601 г. Через десять дней после приезда Сапега и другие члены посольства были свидетелями ночного штурма царскими стрельцами романовского подворья. В посольском дневнике, а также в донесении королю Сигизмунду Сапега и его товарищи весьма положительно отзываются о братьях Никитичах, называя их «кровными родственниками умершего великого князя». (Ляхи не признавали царский титул Федора.)

Сапега уехал из Москвы крайне озлобленным на царя Бориса. Позже в Вильне Сапега перед русскими послами, приехавшими на ратификацию, говорил королю Сигизмунду: «Как приехал я в Москву, и мы государских очей не видали шесть недель, а как были на посольстве, то мы после того не видали государских очей 18 недель, потом от думных бояр слышали мы много слов гордых, все вытягивали они у нас царский титул. Я им говорил

так же, как и теперь говорю, что нам от государя нашего наказа о царском титуле на перемирие нет, а на dokonчанье наказ королевский был о царском титуле, если бы государь ваш по тем по всем статьям, которые мы дали боярам, согласился». То есть Сапега начал торговаться, мы, мол, признаем Бориса царем, а вы, мол, признайте Сигизмунда шведским королем. На что московские послы резонно отвечали: «Вы говорите, что государь ваш короновался шведскою короною, но великому государю нашему про шведское коронованье государя вашего никакого ведома не бывало... Нам лишь ведомо, что государь ваш Жигимонт король ходил в Швецию и над ним в Шведской земле невзгода приключилась. Если бы государь ваш короновался шведскою короною, то он прислал бы объявить об этом царскому величеству и сам был бы на Шведском королевстве, а не Арцы-Карло (герцог Карл). Теперь на Шведском королевстве Арцы-Карлус, и Жигимонту королю до Шведского королевства дела нет, и вам о шведском титуле праздных слов говорить и писать нечего».

Это был страшный удар по самолюбию короля и королевского посла. После прибытия Гришки Отрепьева в Польшу Лев Сапега стал одним из наиболее активных его покровителей. Таким образом, есть большая вероятность того, что Сапега стал соучастником заговора Пафнутия и романовской клиентуры. Об этом предположительно писал Д. Лавров: «В это время польским послом в Москве был Лев Сапега, и Отрепьев, состоя при патриархе, мог войти в сношение с ним и убедиться, что в Польше можно найти себе поддержку».^[80] То же утверждает в 1996 г. и Д. Евдокимов.^[81]

Наличие треугольника Пафнутий – Романовы – Сапега сразу же снимает все загадки и противоречия в истории самозванческой интриги.

Главным действующим лицом страшной драмы, потрясшей Русское государство, стал не Годунов, якобы доведший страну до кризиса, не бояре, затаившие на него злобу, и тем более не чудовский чернец Григорий, а ляхи.

Предположим, что Отрепьев бежал бы не на запад, а на север к шведам или на юг к турецкому султану или персидскому шаху. В любом случае он стал бы лишь мелкой разменной монетой в политической игре правителей означенных стран. В худшем случае Отрепьев был бы выдан Годунову и кончил жизнь в Москве на колу, в лучшем – жил бы припеваючи во дворце или замке под крепким караулом и периодически вытаскивался бы на свет божий, дабы немного пошантажировать москвитов.

Именно поляки устроили разорение государства Российского,

сопоставимое разве что с нашествием Батыя. В советских учебниках истории все объяснялось просто и ясно. В XIV–XV вв. польско-литовские феодалы захватили западные и юго-западные русские земли, а в 1605 г. устроили интервенцию в Московскую Русь, взяв с собой за компанию шведов. Увы, эта версия годилась лишь для школьников, думавших не столько о Смутном времени, сколько о времени, оставшемся до перемены. Анализа же причин «польско-шведской интервенции» отечественная историография дать не сумела.

Польша в XVI–XVIII вв. не являлась государством в современном понимании этого слова. Это был конгломерат владений польских и литовских магнатов под номинальной властью короля. Власть короля была пожизненной, но нового короля выбирали сами магнаты. Магнаты содержали частные армии и постоянно вели войны между собой, а периодами – с собственным королем и соседними странами.

Увы, я нисколько не преувеличиваю. Вот только два примера. Через 40 лет после описываемых событий восстание Хмельницкого начнется с того, что шляхтич Чаплинский силой отнял у чигиринского сотника любовницу и десять копен сена. Богдан схватился за саблю... и пошло-поехало.

А вот более близкий пример. В конце XVI в. семейство князей Вишневецких захватило довольно большие территории вдоль обоих берегов реки Сули в Заднепровье. В 1590 г. польский сейм признал законными приобретения Вишневецких, но московское правительство часть земель считало своими. Между Польшей и Россией был «вечный» мир, но Вишневецкий плевал равно как на Краков, так и на Москву, продолжая захват спорных земель. Самые крупные инциденты случились на Северщине из-за городков Прилуки и Сиетино. Московское правительство утверждало, что эти городки издавна «тянули» к Чернигову и что «Вишневецкие воровством своим в нашем господарстве в Северской земли Прилуцкое и Сиетино городище осваивают». В конце концов, в 1603 г. Борис Годунов велел сжечь спорные городки. Люди Вишневецкого оказали сопротивление. С обеих сторон были убитые и раненые.

Вооруженные стычки из-за спорных земель могли привести и к более крупному военному столкновению. Именно эта перспектива и привела Отрепьева в Брачин – вотчину Вишневецких. По планам Гришки Вишневецкий должен помочь ему втянуть в военные действия против Московского государства татар и запорожцев.

Царь Борис обещал князю Вишневецкому щедрую награду за выдачу «вора», но получил отказ. Тогда Вишневецкий, опасаясь того, что Борис применит силу, отвез Отрепьева подальше от границы в городок Вишневец.

7 октября 1603 г. Адам Вишневецкий пишет коронному гетману и великому канцлеру Польши Яну Замойскому о появлении царевича Димитрия, и бродяга становится для панов законным претендентом на престол.

Для Отрепьева самой трудной частью авантюры было признание его польскими магнатами. Вторая же фаза – сбор частных армий польских магнатов для вторжения в Россию – особой сложности не представляла.

Константин Вишневецкий (двоюродный брат Адама Вишневецкого) познакомил Лжедмитрия со своим тестем сандомирским воеводой Юрием Мнишком. Проходимец и авантюрист Мнишек буквально ухватился за самозванца. В дело пошла и дочь Мнишка Марина.

Как писал С.М. Соловьев, «Мнишек собрал для будущего зятя 1600 человек всякого сброда в польских владениях, но подобных людей было много в степях и украинах...».^[82] Цитата приведена умышленно, дабы автора не заподозрили в предвзятости. Первоначально местом сбора частной армии Мнишка был Самбор, но затем ее передислоцировали в окрестности Львова. Естественно, что это «рыцарство» начало грабить львовских обывателей, несколько горожан было убито. В Краков из Львова посыпались жалобы на бесчинства «рыцарства». Но король Сигизмунд вел двойную игру, и пока воинство Мнишка оставалось во Львове, король оставлял без ответа жалобы местного населения на грабежи и насилия. Папский нунций Рангони получил при дворе достоверную информацию о том, что королевский гонец имел инструкцию не спешить с доставкой указа во Львов.

Любопытно, что польские историки оправдывают поход этого сброда на Москву. Тот же Казимир Валишевский писал: «В оправдание Польши надлежит принимать в соображение то обстоятельство, что Московия семнадцатого века считалась здесь страной дикой и, следовательно, открытой для таких предприятий насильственного поселения против воли туземцев; этот исконный обычай сохранился еще в европейских нравах, и частный почин если и не получал более или менее официальной поддержки заинтересованных правительств, всегда пользовался широкой снисходительностью».^[83]

Таким образом, с польской точки зрения сей поход был лишь экспедицией в страну диких туземцев.

Глава 3

«Частные армии» идут на Москву

13 октября 1604 г. войско самозванца переправилось за Днепр и стало медленно продвигаться к ближайшей русской крепости Моравску (Монастырскому острогу).

Отряд казачьего атамана Белешко скрытно через дремучий лес подошел к пограничной малой крепости Моравск и выслал парламентаря. Казак подъехал к стене крепости и на конце сабли передал жителям письмо «царевича». На словах он передал, что идет сам Димитрий с огромными силами. Застигнутый врасплох воевода Б. Лодыгин попытался организовать сопротивление. Однако служилые взбунтовались, связали воеводу Лодыгина и стрелецкого голову Толочанова. Трофеями казаков стали семь пушек и двадцать затинных пищалей. Сам же «Димитрий» с основными силами прибыл к Моравску лишь 21 октября.

Под стенами Чернигова самозванца поначалу встретили пушечной пальбой. Но вскоре и там произошел бунт, воевода князь И.А. Татев был схвачен и передан самозванцу. В Чернигове было захвачено 27 крепостных орудий. Бытует мнение, что и в Чернигове, и в Моравске бунтовали простые жители, так писали все, начиная с Пушкина и кончая Скрынниковым. Их, видимо, смутила фраза из «Сказания о Гришке Отрепьеве» (XVII в.): «...смутишася черные люди и перевязаша воевод...». Так там «черные люди», это не пахотные крестьяне или посадские, а «черные люди», то есть негодяи. Население этих пограничных городков было невелико по сравнению с их гарнизонами, состоявшими из профессионалов. Еще раз повторю, эти ратники чуть ли не каждый год отбивали набеги татар и частных польских армий. Так что маловероятно, что простым жителям удалось обезоружить гарнизоны Моравска и Чернигова.

Поляки и казаки, войдя в Чернигов, разграбили его. Лжедмитрий публично стыдил грабителей и грозил им смертью, но дальше ругани дело не пошло. Знатный дворянин Н.С. Воронцов-Вельяминов наотрез отказался признать самозванца своим государем. Отрепьев приказал убить его. Эта казнь запугала взятых в плен дворян. Воеводы Б.П. Татев, Г.П. Шаховский и другие поспешно присягнули Лжедмитрию.

На помощь Чернигову поспешил отряд русских войск под командованием воеводы Петра Федоровича Басманова. В пятнадцати

верстах от Чернигова Басманов узнал о его сдаче и отступил в Новгород Северский. В течение недели Басманов готовил крепость к обороне. Местных служилых людей в городе было немного: 104 сына боярских, 103 казака, 95 стрельцов и пушкарей. У Басманова тоже был небольшой отряд, и он запросил подкрепления из близлежащих крепостей. Прибыли еще 59 дворян из Брянска, 363 стрельца из Москвы и 237 казаков из Кром, Белева и Трубчевска. Всего в Новгороде Северском было собрано около полутора тысяч человек, умевших пользоваться оружием. Эта цифра хорошо иллюстрирует беспечность царя и его воевод, проворонивших вторжение самозванца.

11 ноября 1604 г. войско Лжедмитрия подошло к Новгороду Северскому. Самозванец послал поляков-парламентеров с предложением сдаться. На это со стен закричали: «А, блядские дети! Приехали на наши деньги с вором!» Как видим, русские ратники имели хорошее представление о качественном составе и о целях польского «рыцарства».

13 ноября поляки попытались захватить крепость, но были отбиты, потеряв пятьдесят человек. В ночь с 17 на 18 ноября последовал новый штурм. Поляки безуспешно пытались поджечь деревянные стены крепости, но это им не удалось. Штурм был отбит с большими потерями. Любопытно, что Казимир Валишевский пишет по сему поводу: «Польские гусары не могли справиться с защищенными артиллерией фортами». Видимо, деревянный тын показался доблестным гусарам мощным каменным фортом.

После неудачного приступа «рыцарство» взбунтовалось, собрало коло и потребовало для объяснений царевича. Разгневанный Лжедмитрий начал укорять поляков: «Я думал больше о поляках, а теперь вижу, что они такие же люди, как и другие». «Рыцарство» отвечало ему: «Мы не имеем обязанности брать городов приступом, однако не отказываемся и от этого, пробей только отверстие в стене».

Польские отряды уже собрались покинуть Лжедмитрия, как пришла весть о сдаче самозванцу Путивля. Путивль был ключевым пунктом обороны Черниговской земли и единственным из северских городов, имевшим каменную крепость. Однако гарнизон Путивля не захотел воевать. Воевода князь Василий Рубец-Мосальский был связан и приведен к царевичу. По дороге князь оценил ситуацию, при встрече «узнал» царевича и присягнул ему. Впоследствии Рубец-Мосальский стал одним из приближенных самозванца. В Путивле сторонники самозванца захватили большие денежные суммы (казну), отпущенные Москвой на строительство крепостей и жалованье служилых людей всей Черниговской земли.

За Путивлем последовал Рыльск. 23 ноября служилые люди взбунтовались и арестовали воеводу А. Загряжского. Одновременно взбунтовался Курск, где были арестованы воевода князь Г.Б. Роща-Долгоруков и стрелецкий голова Я. Змеев. Оба были доставлены к самозванцу, признали его и вскоре были назначены воеводами в Рыльск.

Советские историки старательно подгоняли действия служилых людей в этих городах, то есть чисто военные бунты, под классовую борьбу. Так, историк И.М. Складар писал, что «уже осенью 1604 г. лозунг борьбы „за царя Дмитрия“ оказался тесно связанным с призывами к истреблению бояр и дворян». Но факты не подтверждают этот вывод. Бунтовщики нападали на воевод, московских стрельцов и всех тех, кто выступал против «добротого» царя, но как только конкретные бояре и дворяне переходили на сторону Лжедмитрия, бунтовщики не только прекращали враждебное к ним отношение, но и безропотно поступали под их начало.

1 декабря на сторону самозванца перешла маленькая, но имевшая большое стратегическое значение крепостца Кромы, расположенная на московской дороге в сорока верстах от Орла. В Орле находился небольшой гарнизон под началом осадного головы Петра Крюкова. По его просьбе в Орел были присланы дворяне и дети боярские из Козельска, Белева и Мещевска, несшие годовую службу в Белгороде. Командование над отрядом, собравшимся в Орле, принял стрелецкий голова Григорий Иванович Микулин. (Кстати, личность довольно известная, в 1600 г. он ездил послом в Лондон.) Отряд сторонников самозванца приблизился к Орлу, но высланная оттуда дворянская сотня наголову разгромила «воров».

Лишь когда пришли первые известия о вторжении войска самозванца, царь Борис приказал собрать в течение двух недель, к 28 октября, дворянское ополчение. Приказ был повторен трижды, но выполнить его не удалось. Основными причинами этого стали осенняя распутица и нежелание дворян ехать на службу. Борису пришлось применить строгие меры к дворянам, уклонявшимся от службы. Некоторых доставили под стражей, у других описали поместья, третьих наказали батогами. Наконец, к 12 ноября дворянское ополчение собралось в Москве. Заметим, что из этого факта нельзя сделать однозначный вывод об оппозиционности русского дворянства к царю Борису. Спору нет, Борис был не самый популярный правитель в России. Но при сборах дворянского ополчения и до, и после 1604 г. дворян-«отказчиков» всегда хватало. В качестве примера скажем, что последний представитель рода Годуновых, сведения о котором найдены мной, Дмитрий Иванович Годунов, уже в начале царствования Петра I был за неявку в полк лишен чина и переписан в звенигородские

помещики.

Массовая же неявка в призыв 1604 г. была обусловлена и спецификой похода. Нет, конечно, не тем, что дворяне не хотели биться против «истинного царевича», да большинству было плевать на него. А вот сражаться с голозадым воинством – что с «рыцарством», что с нищей шляхтой, что с казаками и со служилыми из пограничных городков – явно не подарок! Заведомо не будет ни славы, ни добычи. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что в случае похода на Польшу, да еще в союзе со Швецией, явка дворян была бы по крайней мере выше средней, поскольку и в Гродно, и в Минске, да и в любой панской усадьбе «контрибуции» нашлось бы более чем достаточно.

Наши историки до сих пор не могут толком ответить на вопрос – почему беглый монах с четырьмя-пятью тысячами разношерстного войска мог успешно воевать с лучшими воеводами и огромными ратями Московского государства? Болтовня о том, что народ-де не любил царя Бориса, не мог простить ему отмены Юрьева дня, надеялся на доброго царя Дмитрия и т. д., право, несерьезна. Она годна лишь для сентиментальных девиц да интеллигентов-образованцев, охотно распевающих: «...кавалергарда век недолог...», но не представляющих, чем кавалергард отличается, к примеру, от гусара. На самом деле никого из народа, то есть крестьян, посадских и т. п., кого современные историки понимают под народом, ни в войске самозванца, ни у царских воевод не было. И там, и там воевали профессионалы – дворяне, боевые холопы, стрельцы, гусары, казаки и др.

Династию Годуновых погубила недооценка противника и полнейшая безграмотность в стратегии войны, как царя, так и его воевод.

Посмотрим на карту. Кратчайший путь из Польши в Москву лежит через Смоленск, Вязьму и Можайск. Ареной всех предшествующих русско-польских войн традиционно была Смоленская земля. По этому маршруту в 1609 г. двинулся на Русь король Сигизмунд, в 1610 г. – Жолкевский, в 1611 г. – Ходкевич, в 1618 г. – королевич Владислав, а в 1812 г. – Наполеон.

Однако в 1604 г. Лжедмитрий и Мнишек пошли кружным путем через Чернигов и Новгород Северский, то есть на 300–350 километров южнее, чем это обычно делали завоеватели, шедшие с запада на Москву. Сделано это было не случайно. На берегах Десны и Сейма еще со времен Ивана III строились многочисленные крепости и остроги, предназначенные для защиты южного «подбрюшья» России как от поляков, так и от крымских татар. Естественно, что сидеть в маленьких гарнизонах было скучно, шансов на чины и награды было мало. Туда отправляли опальных и

проштрафившихся дворян и стрельцов. Дисциплина в крепостях и острогах была низкая, жалованья на жизнь не хватало, и служилые люди часто промышляли разбоем. Появление царевича Димитрия для большей части служилых было манной небесной. А серьезно, каким другим способом они могли получить богатство, чины, покинуть остроги, вокруг которых постоянно рыщут злые татары и не менее злые ляхи, и переселиться в хоромы в Москве?

Находясь в четырехугольнике Чернигов – Стародуб – Кромы – Рыльск, самозванец мог спокойно проигрывать сражения, нести сколь угодно большие потери и... продолжать войну до бесконечности. Ведь оружие и порох Лжедмитрий свободно получал из Польши, оттуда же шли толпы грабителей-шляхтичей. С Дона и Днепра к Лжедмитрию шли казаки. Наконец, в упомянутом четырехугольнике хватало и охотников до приключений из русских служилых.

Русскому командованию вести борьбу с самозванцем в этом четырехугольнике было абсолютно бесперспективно. Но не будем корить Бориса Годунова за невежество в военной стратегии, когда подобные глупости совершали и наши маршалы в Афганистане и Чечне. Российские политики и военные, видимо, физически не способны понять, что не всегда ответный удар целесообразно наносить в том же месте и теми же средствами, что и агрессор. Во многих случаях куда эффективнее нанесение асимметричного контрудара.

Такая возможность у Годунова была. В феврале 1605 г. герцог Карл Зюдерманландский (правитель Швеции, с марта 1607 г. – король Карл IX) предложил царю Борису наступательный союз против Польши. Годунову надо было опередить герцога Зюдерманландского и заключить со Швецией союз еще в 1604 г. При этом ни под каким видом не следовало пускать шведские войска в Россию, как это сделал позже Василий Шуйский. Шведы давно зарились на Лифляндию, Курляндию и другие земли, принадлежавшие Речи Посполитой. И для наступления у шведов был превосходный плацдарм в Эстляндии. Кроме того, шведы имели сильный флот, который мог произвести десант в любой точке польского побережья.

Царь Борис же, выставив небольшой заслон против Лжедмитрия, мог бы с основными силами идти из Смоленска на Оршу, Минск, Гродно и далее... Разгром Польши был бы неизбежен. Минусом этого предприятия было бы серьезное усиление шведского королевства, что было бы нежелательно, но вполне терпимо, так как шведы никогда не собирались идти на Москву, да и Швеция, став протестантской страной, из орудия папской экспансии на Восток давно уже превратилась в непримиримого

врага католицизма. Плюсом было бы приобретение пограничных земель Речи Посполитой, заселенных русскими православными людьми. А голова Отрепьева стала бы мелкой разменной монетой в переговорах победителей и побежденных.

И это не фантазии автора, а объективная реалья. Вторжение поляков в Россию и глупость Бориса отсрочили польско-шведскую войну до 1621 г. В 1621 г. шведский король Густав появился с флотом в устье Западной Двины и высадил двадцатитысячный десант.

Увы, Годунов не нанес ответного удара Польше, а пытался усовестить короля и панов, отправляя к ним послов всех рангов. Так, к примеру, русский посол Постник Огарев вручил королю Сигизмунду грамоту: «В нашем государстве объявился вор расстрига, а прежде он был дьяконом в Чудове монастыре и у тамошнего архимандрита в келейниках, из Чудова был взят к патриарху для письма, а когда он был в миру, то отца своего не слушался, впал в ересь, разбивал, крал, играл в кости, пил, несколько раз убегал от отца своего и наконец постригся в монахи, не оставши от своего прежнего воровства, от чернокнижества и вызывания духов нечистых. Когда это воровство в нем было найдено, то патриарх с освященным собором осудили его на вечное заточение в Кириллов Белозерский монастырь; но он с товарищами своими, попом Варлаамом и клирошанином Мисаилом Повадиным, ушел в Литву. И мы дивимся, каким обычаем такого вора в ваших государствах приняли и поверили ему, не пославши к нам за верными вестями. Хотя бы тот вор и подлинно был князь Димитрий Углицкий, из мертвых воскрешенный, то он не от законной, от седьмой жены».

Годунов требовал, чтобы король велел казнить Отрепьева и его советников. Огареву от имени короля объявили, что Димитрий не получает никакой помощи от польского правительства, и помощники его будут наказаны. Поляки ответили вежливо, но сами смеялись над дуростью московитов.

От большой стратегии и политики вернемся к полю брани. Годунов вручил командование армией Дмитрию Ивановичу Шуйскому, одному из самых бездарных московских воевод. Войско двинулось к Брянску, где простояло около трех недель. Брянское стояние надоело Борису, и Шуйский был заменен на князя Федора Ивановича Мстиславского, столь же знатного и бестолкового воеводу.

18 декабря армия Мстиславского подошла к Новгороду Северскому и простояла в полном бездействии три дня. Воспользовавшись этим, солдаты Мнишка напали на татарский отряд из состава сторожевого полка и

разгромили его.

20 декабря противники выстроились на поле друг против друга, но до сражения дело не дошло, обошлось все мелкими стычками. Лжедмитрий старался оттянуть начало решительной битвы переговорами, и это ему удавалось, так как Мстиславский тоже не торопился, он ждал подкреплений, хотя у Мстиславского было от 40 до 50 тысяч человек, а у самозванца – не более 15 тысяч.

21 декабря Лжедмитрий атаковал царское войско. Сражение началось стремительной атакой польских гусар на правом фланге войск Мстиславского. Полк правой руки, не получив помощи от других полков, в беспорядке отступил. Одна из польских гусарских рот, следуя за отступающими, неожиданно оказалась в расположении большого полка около ставки Мстиславского. Там стоял большой золотой стяг, укрепленный на нескольких повозках. Гусары подрубили древко, захватили стяг, сбросили с коня Мстиславского, ранив его при этом в голову. На выручку воеводе кинулись русские дворяне и стрельцы. Часть гусар была убита, остальные, во главе с капитаном Домарацким, взяты в плен. После ранения Мстиславского командование русским войском взяли на себя воеводы Д.И. Шуйский, В.В. Голицын и А.А. Телятевский. Но они не сумели использовать свое численное преимущество и отдали приказ войску отойти.

Лжедмитрий мог праздновать победу. По польским источникам, поляки потеряли убитыми около 120 человек, а русские – до 4 тысяч человек. Хвастливые поляки приписали успех исключительно себе. Они, видимо, в число убитых не включили казаков и русских сторонников самозванца.

После сражения «рыцарство» потребовало у Лжедмитрия денег. Царское войско отступило в полном порядке, и трофеев практически не было. В Северной земле все, что можно было разграбить, ляхи давно уже разграбили. Пуще всего бесчинствовала рота капитана Фредрова. Выборные из этой роты пришли к самозванцу и заявили: «Дай только нам, а другим не давай: другие смотрят на нас и останутся, если мы останемся». Лжедмитрий поверил и дал денег одной роте. Но утаить это от остального войска не удалось, и ситуация еще больше накалилась.

1 января 1605 г. в лагере самозванца вспыхнул открытый мятеж. «Рыцарство» бросилось грабить обозы. Они хватали все, что попадало под руку, – продовольствие, снаряжение, различный скарб. Мнишек попытался остановить грабеж, но следующей ночью мятеж вспыхнул с новой силой. Поляки решили покинуть самозванца. Лжедмитрий ездил по всем ротам,

уговаривал «рыцарство» остаться, но в ответ слышал только оскорбления. Один поляк сказал ему: «Дай бог, чтоб посадили тебя на кол». Лжедмитрий дал ему за это в зубы, но этим только распалил поляков, которые стащили с него шубу. Шубу эту потом русские приверженцы самозванца вынуждены были выкупить у поляков.

4 января главнокомандующий Юрий Мнишек покинул лагерь самозванца с большей частью поляков. Формально Мнишек заявил, что едет на сейм в Краков. С Лжедмитрием осталось только полторы тысячи поляков, которые вместо Мнишка выбрали гетманом Дворжицкого. Но вскоре в войско самозванца прибыло большое пополнение – двенадцать тысяч малороссийских казаков.

Лжедмитрий был вынужден снять осаду с Новгорода Северского и двинулся к Севску, который он занял без боя.

Несмотря на бездарные действия русских воевод под Новгородом Северским, царь Борис не только не наложил на них опалу, а, наоборот, щедро наградил.

Защитник Новгорода Северского Басманов был вызван в Москву, где его торжественно встретил сам царь. Басманов получил боярство, большое поместье, две тысячи рублей и много ценных подарков.

На помощь страдавшему от ран Мстиславскому царь послал князя Василия Ивановича Шуйского. Кстати, по получении вестей о появлении самозванца в русских пределах он вышел на Лобное место в Москве и торжественно свидетельствовал, что истинный царевич закололся и был погребен им, Шуйским, в Угличе.

20 января 1605 г. русское войско стало лагерем в большом комарицком селе Добрыничи недалеко от Чемлыжского острожка, где находилась ставка Лжедмитрия.

Узнав о подходе русских, самозванец решил немедленно атаковать их. На рассвете 21 января польская кавалерия начала сражение. Дворжицкому удалось потеснить полк правой руки, которым командовал князь Шуйский. Затем польская конница повернула к центру русского войска, где нарвалась на пушки, московских стрельцов и немцев-наемников, которыми командовали капитаны Маржерет и Розен. Позже поляки утверждали, что по ним был дан залп из двенадцати тысяч пищалей. Так или иначе, но польская конница и казаки обратились в паническое бегство. Лишь пассивность русских воевод, не сумевших организовать преследование врага, предотвратила полное уничтожение всего войска самозванца.

Тем не менее, согласно разрядной записи, на поле боя было найдено и захоронено 11,5 тысячи трупов. Большинство из них (около семи тысяч)

были «черкасы», то есть малороссийские казаки. Победителям досталось двенадцать знамен и штандартов и вся артиллерия – тридцать пушек. Русским воеводам удалось захватить несколько тысяч пленных. Всех пленных поляков увезли в Москву, зато казаки всех мастей и русские изменники были повешены.

После сражения Лжедмитрий ускорил с небольшой свитой в Рыльск. Оттуда Отрепьев намеревался бежать в Польшу. Но теперь он оказался во власти своих русских сторонников, которых никто не ждал «за бугром» и которым уже нечего было терять. Тем не менее Отрепьеву удалось покинуть Рыльск. Для защиты города он оставил местному воеводе князю Г.В. Долгорукову несколько казачьих и стрелецких сотен.

У правительственных войск был многократный перевес над защитниками Рыльска, но взять город они не смогли. Две недели царские воеводы бомбардировали город, пытаясь поджечь деревянные стены крепости. Но пушкари на городских стенах не давали осаждающим подойти близко к крепости. Штурм также не удался, и на следующий день Мстиславский велел отступать к Севску.

Как только русское войско отошло от Рыльска, жители города сделали вылазку и разгромили арьергард, отступавший в последнюю очередь. Им досталось большое количество имущества, которое Мстиславский не успел вывезти из лагеря.

Эта война зимой, среди заснеженных лесов и полей, была непривычна для дворянского ополчения. Русская армия действовала в местности, охваченной восстанием, среди враждебно настроенного населения, которое отбивало обозы с продовольствием, создавало трудности с заготовкой провианта и фуража. Все это усугубляло и без того трудное положение армии, которая после трехмесячной кампании стала быстро таять. Дворяне дезертировали, разъезжаясь по своим поместьям.

В окрестностях Рыльска русская армия, лишенная надежных коммуникаций, оказалась в полукольце крепостей, занятых неприятелем. На севере сторонники самозванца удерживали Кромы, на юге – Путивль, на западе – Чернигов. В таких условиях воеводы Мстиславский, Шуйские и Голицын решили вывести армию из охваченной восстанием местности и распустить ратных людей на отдых до новой летней кампании.

Царь Борис, разгневанный отступлением армии от Рыльска, послал к войскам окольного П.Н. Шереметева и думного дьяка Афанасия Власьева с наказом: «...пенять и расспрашивать, для чего от Рыльска отошли». Царь строжайше запретил воеводам распускать армию на отдых, что вызвало недовольство в полках.

В такой ситуации особое значение приобрела маленькая крепостца Кромы, оказавшаяся в тылу правительственной армии. Городок Кромы был построен московскими воеводами в 1595 г. Крепостца господствовала над левым берегом реки Кромы. Город окружали болота, через которые проходила всего одна дорога. Сам город с посадом был укреплен по образцу московских крепостей: снаружи высокий и широкий земляной вал, а внутри такая же бревенчатая стена с башнями и бойницами. Гарнизон состоял из двухсот стрельцов и небольшого отряда казаков. Командовал крепостцой Григорий Ананфиев. Однако перед началом осады в Кромы прибыл атаман Корела с четырьмя сотнями донских казаков.

Правительственные войска Шереметева в течение нескольких месяцев безуспешно осаждали Кромы. Не помогли и несколько осадных орудий, доставленных под Кромы в конце февраля. С некоторой долей упрощения можно сказать, что с февраля 1605 г. война с самозванцем из маневренной перешла в позиционную. Царские войска оказались в положении мужика, поймавшего медведя, но не имевшего сил его вытащить из берлоги.

Развязка наступила в результате случайности или козней московских бояр. 13 апреля 1605 г. царь Борис внезапно умер или был отравлен.

Глава 4

Император Лжедмитрий I

7 мая 1605 г. в лагере правительственных войск под Кромами вспыхнул мятеж. На помощь мятежникам подошли войска самозванца. Некоторое число дворян и простых ратников бежало в Москву, остальные присягнули самозванцу.

Первым делом Лжедмитрий распустил царское войско. Значительная часть дворян и простых ратников колебалась в своем выборе, а может, они попросту испугались. Иметь такое войско было слишком опасно. Да и сами дворяне и ратники давно мечтали разойтись по домам. Из самых ревностных сторонников самозванца, бывших в царском войске, сформировали особый отряд. Командовать отрядом Лжедмитрий поручил Борису Михайловичу Лыкову.

В середине мая 1605 г. Лжедмитрий прибыл в Орел. Затем самозванец двинулся к Москве. Его сопровождало около тысячи поляков и около двух тысяч запорожских казаков и конных русских ратников. По дороге из Орла в Москву население радостно встречало Отрепьева. Лишь гарнизоны Калуги и Серпухова оказали некоторое сопротивление. Тем не менее самозванец двигался к Москве крайне медленно.

По приказу царя Федора Москва стала готовиться к обороне. На стенах Белого и Земляного города устанавливались пушки.

31 мая в Москве произошел переворот. Федор Годунов с семьей были заключены под стражу, а затем убиты. В живых осталась лишь дочь царя Бориса красавица Ксения. Патриарх Иов был низложен и сослан в Старицкий Успенский монастырь.

20 июня 1605 г. по Коломенской дороге Гришка Отрепьев со своим войском прибыл в Москву. Новому царю потребовался и новый патриарх. Царь Димитрий постановил собрать Священный собор. Собравшись в Успенском соборе Кремля, иерархи православной церкви единогласно выбрали патриархом рязанского архиепископа Игнатия, грека, бывшего раньше архиепископом на Кипре и пришедшего в Россию в царствование Федора Иоанновича. Игнатий был первым русским иерархом, признавшим самозванца. Игнатий был также единственным архиепископом, прибывшим в Тулу встречать «истинного царя».

24 июня Игнатия возвели в патриархи. Обратим внимание на даты. Царь повелел собрать собор 21 июня, а через три дня патриарх был избран.

Надо ли говорить, что этот «собор» представлял не русскую православную церковь, а иерархов Москвы и ее окрестностей.

Говоря о церковной политике царя Димитрия, стоит заметить, что он вернул в Москву сосланного Борисом архимандрита Чудова монастыря Пафнутия и сделал его митрополитом крутицким (саарским), вторым лицом после патриарха в церковной иерархии. Так Гришка отблагодарил своего чудовского покровителя. Зато поставленный Борисом архимандрит Чудова монастыря был отправлен в ссылку.

Бесследно исчезли также несколько иноков Чудова монастыря. Понятно, что имена их всех и судьбу установить сейчас невозможно. Но уже знакомый нам монах Никодим, постриженный в Чудовом монастыре в октябре 1595 г., сразу же бежал из монастыря. Монах бежал через непроходимые леса на север – в Богоявленский монастырь, что стоял в 11 верстах от города Онеги и прозывался Кожеезерским (в современном произношении – Кожеозерским). Странное название этого монастыря объяснялось тем, что он стоял на берегу озера, очертания которого напоминали расстеленную шкуру (или, как говорили тогда, «кожу»).

Монастырь, стоявший на берегу Кожеозера, был настоящей «пустыней», окруженной дремучими лесами. Даже сейчас он считается самым труднодоступным из всех существующих обителей. Добраться туда можно только пешком по лесной тропе. Что же говорить о далеком XVII в., когда один-одинешенек брел туда по лесным чащобам преподобный Никодим!..

Что заставило старца бежать? Ведь он был любимцем Пафнутия, но не бежал, когда царь Борис сместил и сослал его покровителя. А вот теперь, когда Пафнутий стал вторым лицом в церковной иерархии, ударился в бег. Ответ может быть один – он узнал в царевице инока Григория и решил спасти свою жизнь.

17 июля 1605 г. в десяти верстах от Москвы царь Димитрий встретился с «матерью» – царицей Марфой. В тексте присяги и других официальных документах ее именовали царицей, хотя инокиня Марфа, как, впрочем, любая другая монахиня (или монах), не могла быть светским правителем. Хотя два сапога – пара. Беглый монах нетерпеливо ждал из монастыря беглую монахиню.

Встреча двух расстриг была очень хорошо отрежиссирована. Она состоялась на поле, где собралось несколько тысяч людей. Обливаясь слезами на большой дороге (Ярославском шоссе), «мать» и «сын» бросились в объятия друг друга. Затем сладкая парочка отправилась в шатер, где некоторое время они беседовали наедине. Выйдя из шатра,

«царица» села в карету и медленно поехала к Москве. Ее «сын» шел пешком рядом с каретой.

30 июля состоялась коронация Димитрия. После коронации самозванцу настал черед платить самым большим кредиторам – польскому королю и Юрию Мнишку. Но самоуверенный авантюрист не терял присутствия духа. Мало того, он первым из русских правителей принял императорский титул. Теперь в официальных обращениях Отрепьев именовал себя так: «Мы, наияснейший и непобедимый самодержец, великий государь Цесарь», или «Мы, непобедимейший монарх божьей милостью император и великий князь всея России и многих земель государь и царь самодержец и прочая, и прочая, и прочая». Увы, самозванный император не мог по латыни написать свой титул без грамматических ошибок.

Но у «непобедимого кесаря» были и отечественные кредиторы.

Говоря о событиях в Москве, мы почти упустили из виду главных зачинщиков Смуты – бояр Романовых. К октябрю 1604 г. все Романовы, за исключением Филарета, оказались на свободе. Кто состоял на царской службе, а кто вольготно жил в своих поместьях. В частности, восьмилетний Михаил Федорович жил в селе Клин в вотчине отца. Его опекали тетки – Марфа Никитична, вдова Бориса Камбулатовича Черкасского и вдова Александра Никитича Романова. Вместе с Михаилом жила и его сестра Татьяна. Надо ли говорить, что эта дамская компания тряслась над мальчиком и воспитала из него не рыцаря, а слабовольного и капризного барчука.

Сам же монах Филарет, в миру Федор Никитич Романов, тихо поживал в Антониев-Сийском монастыре. Этот монастырь был основан в 1520 г. преподобным Антонием на реке Сие, притоке Северной Двины, в 90 верстах от города Холмогоры. Это был один из самых богатых северных монастырей России.

В монастыре за Филаретом наблюдал пристав Богдан Воейков, который регулярно слал в Москву отчеты о поведении опального инокa.

Филарет вел себя довольно тихо, конфликты с приставом Воейковым носили мелкий, чисто бытовой характер. Так, к примеру, Филарет поселил у себя в келье какого-то парнишку. Пристав донес царю. Борис указал: «Малому у него в келье быть не вели, вели с ним жить в келье старцу, в котором бы воровства никакого не чаять».

В итоге из кельи Филарета «малого» вытурили, а вместо него поселили старца Иринарха, чтобы тот приглядывал за ссыльным. Надо ли говорить, что новый сосед-старец не понравился Филарету, и, видимо, от некоторых

утех с «малым» пришлось отказаться. Тем не менее вел себя Филарет тихо и богобоязненно.

Но вот до Антониев-Сийского монастыря дошли слухи о походе Лжедмитрия на Москву, и смиренный инок Филарет буквально начинает скакать от радости.

В начале 1605 г. пристав Воейков шлет несколько доносов в Москву о бесчинствах Филарета и жалобы на игумена монастыря Иону, который смотрит на них сквозь пальцы.

В марте 1605 г. царь Борис делает игумену Ионе строгое внушение: «Писал к нам Богдан Воейков, что рассказывали ему старец Иринарх и старец Леонид: 3 февраля ночью старец Филарет старца Иринарха бранил, с посохом к нему прискакивал, из кельи его выслал вон и в келью ему к себе и за собою ходить никуда не велел. А живет старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское житье, про птиц ловчих и про собак, как он в мире жил, и к старцам жесток, старцы приходят к Воейкову на старца Филарета всегда с жалобою, бранит он их и бить хочет, и говорит им: “Увидите, каков я вперед буду!”».

Обратим внимание на фразу Филарета: «Увидите, каков я вперед буду!» Кем же видит себя смиренный монах – царем или патриархом? Да и откуда такая спесь взялась? Ну, допустим, услышал он об успехах самозванца, так что же из того? Ну, придет Лжедмитрий, какой-нибудь Стенька или Емелька, и станет бояр вешать да топить, не вникая в их свары и обиды. Тут Филарет выдает себя с головой. Он прекрасно знает, что идет на Москву не просто его бывший холоп Юшка, а его «изделие». Другой вопрос, что он недооценивает польское влияние. У его «изделия» теперь совсем другие кукловоды.

20 июня 1605 г. Лжедмитрий I торжественно въезжает в столицу и сразу же призывает найти и вернуть в Москву своих бывших хозяев.

В начале июля 1605 г. в Антониев-Сийский монастырь прибыли посланцы самозванца и с торжеством повезли Филарета в Москву.

В Москве Романовы получили щедрые награды. С скромный инок Филарет возведен в сан ростовского митрополита, а прежний ростовский митрополит Кирилл Завидов был без объяснения причин попросту согнан с кафедры. Причем нет никаких сведений, что Кирилл мог чем-то прогневать самозванца. За что же такая милость простому монаху? За то, что он с начала 1605 г. перестал вообще ходить на службы? Неужто за познания в ловчих птицах и собаках?

Димитрий дал третий по значимости чин в церковной иерархии Филарету. Сделать монаха сразу патриархом было бы слишком, да и на том

месте уже сидел послушный Игнатий. А крутицким митрополитом стал, как мы уже знаем, старый знакомый Гришки Пафнутий.

Младший брат Филарета, Иван Никитич Романов, получил боярство. Не был обойден и единственный сын Филарета – девятилетний Миша Романов стал стольником. Замечу, что возведение даже двадцатилетнего князя Рюриковича в чин стольника на Руси было событием экстраординарным.

Даже тела умерших в ссылке Никитичей по царскому указу были выкопаны, доставлены в Москву и торжественно перезахоронены в Новоспасском монастыре.

Многие наши историки утверждают, что Лжедмитрий пожаловал Романовых как своих родственников, чтобы таким образом подтвердить свою легитимность. Такой взгляд не выдерживает критики. Ну, во-первых, настоящему Димитрию Романовы и родственниками не были. Попробуйте в русском языке найти степень родства Федора Никитича и Димитрия Ивановича! Мало того, именно царь Федор, сын Анастасии Романовой, упрятал Димитрия со всей родней в ссылку в Углич, а бояре Романовы во главе с Федором Никитичем с большим усердием помогали царю. Да и не в этом дело. Зачем самозванцу лишний раз напоминать народу, что есть живые родственники царя Федора, которые за неимением лучшего могут стать претендентами на престол? Увы, на этот вопрос ни один наш историк дать ответа не может.

Мало того. Зачем давать Романовым власть и вотчины? Неужели самозванец так глуп, что думает, что гордый и честолюбивый Федор Никитич станет его верным холопом? А ведь чины и вотчины могли так пригодиться польским и русским сторонникам Лжедмитрия. Вот они бы и стали навсегда преданными холопами царя Димитрия I.

Наконец, чем черт не шутит, ведь Романовы могли и опознать Юшку Отрепьева, который пять лет назад жил у них на подворье.

Из всего этого можно сделать лишь один логичный вывод – бояре Романовы были в сговоре с заговорщиками церковными, главой которых был Пафнутий. Теперь Отрепьеву пришлось платить по счетам. Был ли удовлетворен наградами честолюбец Федор Никитич? Конечно, нет, но качать права было рано. Пока Романовы рассматривали полученные чины, вотчины и другие блага как промежуточную ступеньку для дальнейшего подъема вверх. Теперь Федору и Ивану Никитичам казалось, что еще чуть-чуть, и московский трон станет собственностью их семейства.

2 мая 1606 г. в Москву прибывает невеста Димитрия Марина Мнишек. Ее сопровождали послы-шляхи, их оруженосцы и слуги, всего около двух

тысяч человек. Свадьба царя и поведение молодых возмутили московских дворян и духовенство.

Ряд историков утверждает, что народ любил царя Димитрия. Начнем с того, что реакция толпы на явление царя или вождя крайне обманчива. Вот, например, какие огромные толпы восторженных людей собирались по ходу путешествия Николая II с семьей по романовским местам в честь трехсотлетия династии. А через четыре года вся страна ликовала, узнав об отречении царя. Предположим, что в 1913 г. в Кострому приехал не православный царь с семейством, а, скажем, персидский шах с гаремом из трехсот красавиц, одетых в абсолютно прозрачную ткань. Так что, народу на пристани собралось бы меньше? В 1799 г. по пути в Париж Бонапарта встречали восторженные толпы, но когда адъютант Жюно обратил внимание на них генерала, тот ответил: «Еще больше народа собралось бы смотреть, как меня повезут на казнь».

Московский люд собирался глазеть на забавы нового царя, как на шоу, и соответственно к Димитрию и относился. Не следует забывать, что за несколько месяцев своего правления Лжедмитрий растратил большую часть казны Московского государства, которая собиралась много веков. Надо ли говорить, что большая часть денег, розданных царем своим польским и русским сторонникам, оседала у московского населения – торговцев, шинкарей, девиц из Лоскутного ряда и т. д. Ясно, что поддержка этой части населения вряд ли могла удержать самозванца на престоле.

Сразу после приезда Марины Василий Шуйский организывает настоящий заговор. Во главе заговора становятся он сам, Василий Васильевич Голицын и Иван Семенович Куракин. К ним присоединяется и крутицкий митрополит Пафнутий. Для сохранения единства, необходимого в таком деле, бояре решили первым делом убить расстригу, «а кто после него будет из них царем, тот не должен никому мстить за прежние досады, но по общему совету управлять Российским царством». К заговорщикам примкнуло несколько десятков московских дворян и купцов.

Готовясь к войне с Турцией,^[84] самозванец выслал на южную границу войско под началом Шереметева. Одновременно в Москву были вызваны новгородские дворяне, расположившиеся лагерем в миле от города. Их численность, по Соловьеву, составляла семнадцать тысяч, по Скрынникову – одна-две тысячи человек. Особого значения это не имеет, поскольку и тысячи ратников хватило бы для государственного переворота. Заговорщикам удалось привлечь новгородцев на свою сторону.

В светлую ночь с 16 на 17 мая 1606 г. бояре-заговорщики впустили в город около тысячи новгородских дворян и боевых холопов. На подворье

Шуйских собралось около двухсот вооруженных москвичей, в основном дворян. С подворья они направились на Красную площадь. Около четырех часов утра ударили в колокол на Ильинке, у Ильи Пророка, на Новгородском дворе, и разом заговорили все московские колокола. Толпы народа, вооруженные чем попало, хлынули на Красную площадь. Там уже сидели на конях около двухсот бояр и дворян в полном вооружении.

Дворяне-заговорщики объявили народу, что «литва бьет бояр, хочет убить и царя». Толпа бросилась громить дворы, где жили поляки. Между тем Шуйский во главе двух сотен всадников въехал в Кремль через Спасские ворота, держа в одной руке крест, в другой – меч. Подъехав к Успенскому собору, он сошел с лошади, приложился к образу Владимирской богородицы и сказал людям, его окружившим: «Во имя божие идите на злого еретика». Толпы двинулись ко дворцу.

Заговорщики убили Дмитрия и охранявшего его Петра Басманова. Операция была проведена вполне грамотно. Заметим, что Василию Ивановичу потребовалось куда больше ума и хладнокровия после убийства самозванца, нежели на начальной стадии переворота. Шуйский всеми силами хотел избежать конфликта с Польшей, поэтому его первоочередной задачей было спасение Марины Мнишек и ее фрейлин, а главное, польских послов.

По всей Москве горожане громили дома, где жили поляки. Позже поляки распустили слухи, что их было убито свыше двух тысяч человек. На самом деле было убито двадцать знатных шляхтичей, около четырехсот их слуг и оруженосцев, а также аббат Помаский. В ходе схваток с поляками были убиты свыше трехсот русских. Избиения поляков продолжались около семи часов и закончились за час до полудня.

После убийства самозванца в Москве наступило безвластие. Теперь на престол могли претендовать десятки князей Рюриковичей и Гедиминовичей. Формально главными претендентами были бояре Василий Шуйский, Федор Мстиславский и Василий Голицын. Последние двое были потомками литовского князя Гедимины. Дед Федора Ивановича Мстиславского князь Федор Михайлович Мстиславский переселился в Москву из Литвы в 1526 г. и стал боярином Василия III.

Предки Василия Васильевича Голицына служили еще Дмитрию Донскому. Фамилию роду дал Михаил Иванович Булгаков-Голица, боярин Василия III. Любопытный момент – все три претендента на престол не имели мужского потомства или их дети умерли в младенчестве.

Романовы, естественно, тоже рвались к власти, но их положение было сложным.

Во-первых, героями восстания против самозванца были Василий Шуйский и Василий Голицын, а не Романовы. Иван Никитич Романов подъехал к Кремлю лишь через два часа после убийства Отрепьева и присоединился к победителям, а Филарет весь день 17 мая из дома носа не показывал и никого не принимал.

Во-вторых, Федор Никитич Романов был монахом Филаретом и по церковным и светским законам не мог занять престол. Конечно, можно было объявить акт пострижения насильственным и фиктивным, но народ бы этого не понял и вряд ли захотел менять расстригу Гришку на расстригу Филарета. Михаилу же Федоровичу, хоть он и числился стольником, было только 10 лет от роду.

Наиболее подходящим кандидатом на московский престол из всего клана Романовых был Иван Никитич, произведенный в 1605 г. в бояре Отрепьевым. Однако Иван Никитич не пользовался особой популярностью ни в среде знати, ни среди простых людей. Мало того, сам Филарет был против передачи престола брату Ивану. Так что в мае 1606 г. у клана Романовых шансов на престол было очень мало.

В России при возникновении проблем с наследованием престола после смерти Ивана Грозного или Федора Иоанновича созывался Земский собор, который и избирал царя. Но теперь Шуйские решили обойтись без собора. Предыдущие соборы собирались в присутствии патриарха и в спокойное время. Сейчас же в стране царила смута. На юго-западе России ходили слухи, что Димитрий спасся, что где-то на Дону гулял казак Илейка, принявший имя царевича Петра, сына царя Федора Иоанновича. Патриарха русская церковь не имела, а точнее, имела сразу двух незаконно свергнутых патриархов – Иова и Игнатия. Последний через несколько часов после убийства Отрепьева был лишен сана и заточен в Чудов монастырь.

Был и субъективный момент – еще до созыва соборов Федор Иоаннович и Борис Годунов имели твердое большинство делегатов. А в мае 1606 г. Василий Шуйский был заметно сильнее других претендентов, но все вместе остальные претенденты могли составить подавляющее большинство на соборе и еще неизвестно кого выбрать.

Посему сторонники Шуйского уговорили Василия Ивановича занять престол, так сказать, явочным порядком. Просто пойти и сесть на пустующий трон.

18 мая Голицын, Куракин, Мстиславский и другие конкуренты Шуйского решили собрать на следующий день рано утром народ на Красной площади и выбрать патриарха, а затем для избрания царя провести Земский собор под его руководством. Нетрудно предположить, что

патриархом должен был стать Филарет.

В ночь с 18 на 19 мая на подворье у Шуйских собрались их сторонники. Из бояр были только трое Шуйских, а также М.В. Скопин-Шуйский. Присутствовали несколько окольных, думных дворян и купцов, а также хорошо нам знакомый профессиональный заговорщик крутицкий митрополит Пафнутий. Видимо, мы никогда не узнаем, что заставило Пафнутия порвать с Отрепьевым и Романовыми и перейти на сторону Шуйского.

Ночью были составлены два документа: крестоцеловальная запись князя Василия Шуйского и другая, «по которой записи целовали бояре и вся земля». Интересно, что в отличие от всех других претендентов на царский престол – Годунова, Отрепьева и Романова – составители записи посчитали излишним доказывать родство Василия Шуйского с родом Ивана Калиты. После ста лет холопства у московского трона Шуйские впервые вспомнили о своем происхождении.

В 6 часов утра 19 мая на Красной площади собралась огромная толпа. Бояре – конкуренты Шуйского – вышли на площадь и предложили избрать патриарха, который должен был стоять во главе временного правления и разослать грамоты для созыва советных людей из городов. Однако Шуйские успели подготовить свою команду. Сотни людей одновременно закричали, что царь нужнее патриарха, а царем должен быть князь Василий Иванович Шуйский, «не хотим никаких советов, где Москва, там и все государство. Шуйский – страдалец за православную веру» и т. д.

Толпа, ведомая сторонниками Шуйских, вошла в Кремль. Откуда-то появился и сам князь Василий. Шуйского ввели в Успенский собор, где митрополит Пафнутий нарек его на царство.

Глава 5

Тушинский вор против Василия Шуйского

Новому царю срочно потребовался и новый патриарх. Вполне логично было вернуть в патриархи Иова, находившегося в Старице. Но против кандидатуры Иова решительно выступили Шуйские, которые имели с ним давние счеты. Первоначально Шуйские хотели пропихнуть в патриархи Пафнутия, но это была столь одиозная личность, что против него ополчилось большинство бояр и высшее духовенство. Недовольные Шуйским бояре и иерархи церкви решили возвести в сан патриарха митрополита Филарета. Почему-то никого не смущало, что всего лишь год назад он был простым монахом и в делах религии себя вообще никак не проявил. В вопросе с патриархом царю Василию пришлось уступить. Филарет был объявлен патриархом, об этом даже сообщили польским послам.

Но тут хитроумный Василий Иванович разыграл блестящую комбинацию. Он предложил канонизировать царевича Димитрия. За что можно канонизировать больного и озлобленного ребенка? – спросит читатель. А за что канонизировали первых русских святых – князей Бориса и Глеба? Те тоже ничего ни плохого, ни хорошего в своей жизни не успели сделать. Но, видимо, кому-то помешали, и их тоже зарезали при таинственных обстоятельствах. По одной версии, это сделал их брат Святополк, а по другой – опять же их братец Ярослав. А потом внуку Ярослава потребовались святые, чтобы сделать одного деда Мудрым, а другого – Окаянным.

Предложив канонизировать Димитрия и перенести его останки из Углича в Москву, царь Василий одним выстрелом убивал трех зайцев. Во-первых, согласно христианским верованиям, самоубийцу, даже невольного, нельзя сделать святым, поэтому всем придется признать, что Димитрий был зарезан, и этим скомпрометировать Годунова. Во-вторых, торжественное перезахоронение останков царевича, по мнению Шуйского, должно было покончить со слухами, что Димитрий жив. В-третьих, такое важное мероприятие было поручено патриарху Филарету. Филарет должен был привезти прах царевича в Москву. Затем у гроба произойдут великие чудеса, и церковь объявит Димитрия святым. И вот тогда произойдет официальное возведение Филарета в патриархи и венчание на царство Шуйского.

Итак, царь Василий решил на время убрать Филарета из Москвы. Как ни странно, это совпадало и с желанием самого Филарета, поскольку тот хотел иметь алиби. Шуйский и Романов стояли друг друга. Шуйский хотел возвести на патриарший престол архиепископа Гермогена, за которым в Казань был послан гонец еще 19 мая. Филарет же, со своей стороны, вкуче с Ф.И. Мстиславским готовил государственный переворот в Москве, имевший целью свержение царя Василия.

В заговоре против Шуйского участвовали многие представители знати. Естественно, что никаких протоколов заседаний они не вели, и конечная цель переворота – возведение на престол своего царя – вызывает у современных историков споры. По одной версии, на престол должен был взойти кто-то из клана Романовых, по другой – Ф.И. Мстиславский, а третья версия была компромиссной – на престол должен был вернуться шутовской царь Симеон Бекбулатович, жена которого была родной сестрой Ф.И. Мстиславского.

Итак, Филарет отправился в Углич. А в воскресенье, 25 мая, в Москве начался бунт. По официальной версии, царь шел к обедне и внезапно увидел большую толпу, идущую ко дворцу. Толпа была настроена агрессивно, слышались оскорбительные выкрики по адресу Шуйского. Как писал очевидец Жак Маржерет, если бы Шуйский продолжал идти к храму, то его ждала бы та же участь, что и Димитрия. Но царь Василий быстро ретировался во дворец. Там он с плачем обратился к окружившим его боярам, что нет нужды затевать бунт, что если хотят от него избавиться, то, избрав его царем, могут и низложить его, если он им негоден, и что он оставит престол без сопротивления. Потом, отдав боярам царский посох и шапку Мономаха, Шуйский продолжал: «Если так, выбирайте, кого хотите». Бояре растерялись, и никто не решился дотронуться до царских регалий. Растерянность можно объяснить и тем, что среди присутствующих бояр не было главного заговорщика, который в тот момент занимался гробокопательством в Угличе.

Так или иначе, но бояре безмолвствовали. Тогда царь Василий поднял посох, надел шапку и приказал наказывать виновных. Возражать ему никто не посмел. Стрельцы разогнали толпу, схватив пятерых крикунов. Их объявили зачинщиками и подвергли на площади торговой казни – нещадно выдрали кнутом. Учинить расправу над самими заговорщиками царю помешала Боярская дума, и Шуйскому пришлось ограничиться полумерами.

А между тем патриарх Филарет обрел в Угличе мощи царевича Димитрия. При вскрытии могилы Димитрия по Преображенскому собору

распространилось «необычайное благовоние». Мощи царевича оказались нетленными – в гробу лежал свежий труп ребенка.

Эксгумация в Преображенском соборе убедила далеко не всех. Пошли слухи, что Филарет купил у стрельца сына, которого зарезали, а затем положили в гроб вместо останков царевича. Причем стрельцова сына звали Романом.

Торжественная процессия с нетленными мощами Дмитрия медленно двинулась к Москве.

3 июля вблизи села Тайнинского состоялась встреча процессии с царем Василием и боярами, которые шли пешком, чтобы встретить за городом мощи настоящего сына Ивана Грозного. За царем и боярами следовали духовенство и толпы горожан. Затем произошла сцена, достойная кисти самого великого художника. Гроб был открыт, и инокиня Марфа увидела... свежий труп. Бывшая царица должна была опознать своего сына, как она год назад «опознала» живого Дмитрия на том же самом месте. Марфа, выдавая виды, тут от ужаса не сумела произнести ни слова. Теперь ей придется плакать над гробом чужого ребенка, а прах ее единственного сына выброшен и уничтожен.

Но мы забыли о Филарете, и это неудивительно, о нем забыли все. «Мавр сделал свое дело» – привез мощи, «мавр должен уйти». При встрече в Тайнинском Филарет остоленел не менее Марфы. Та увидела чужой труп, а он... патриарха. Да, да! Вместе с царем шел и патриарх Гермоген. Правда, он еще не был возведен в сан собором и формально являлся кандидатом в патриархи. Но это были пустые формальности, и в ряде документов при захоронении мощей Дмитрия Гермоген фигурирует как патриарх.

На нового патриарха, твердого в вере и большого патриота земли Русской, царь Василий вполне мог положиться, а Филарету предложил малой скоростью ехать в свою ростовскую митрополию – он ведь по-прежнему митрополит ростовский.

Итак, ценой больших усилий царю Василию удалось укрепить свою власть в столице. Совсем иначе дела складывались в провинции. Жители юго-западных городов – Путивля, Чернигова, Кром и других – наотрез отказались присягать новому царю. Там правили воеводы – сторонники Лжедмитрия.

По всей стране распространялись слухи, что Дмитрий не был убит в Москве, а скрылся и вот-вот объявится.

17 мая 1606 г., когда заговорщики были заняты истреблением самозванца и поляков, один из убийц Федора Годунова, Михаил Молчанов,

успел выбраться из дворца и покинуть Москву. В сопровождении двоих поляков Молчанов двинулся к литовской границе, распуская по дороге слухи, что он царь Димитрий, что он спасся, а вместо него заговорщики по ошибке убили другого человека.

Василий Шуйский сделал огромную глупость, расписав сподвижников Гришки Отрепьева воеводами по дальним городам. Того же князя Григория Петровича Шаховского он поставил воеводой в Путивле – шуку бросили в реку. Новый воевода немедленно объявил жителям Путивля, что царь Димитрий жив и находится в Польше. Шаховской во время переворота выкрал в Кремле государственную печать и, используя ее, рассылал грамоты по городам, поднимая народ за «царя Димитрия». И на эту роль Шаховскому сгодился бы любой другой самозванец. Он начал переписку с польскими панами, которые также искали кандидата на роль царя Димитрия.

Тут всплывает довольно любопытный персонаж – Иван Исаевич Болотников, служивший когда-то боевым холопом у князя А.А. Телятевского. В Польше в городе Самборе Болотников встречается с Михаилом Молчановым. Последний убедил Болотникова, что Лжедмитрий I жив, и отправил с письмом от «царя Димитрия» в Путивль к Шаховскому.

Шаховской в Путивле с нетерпением ждал «царя Димитрия», готовый принять любого самозванца. Но вместо него приехал «царский гетман» Иван Болотников. Шаховской объявил его главным воеводой еще не существующего самозванца. У Болотникова в Путивле собралось до десяти тысяч войска из служилых и посадских людей, крестьян и казаков, и даже небольшой отряд поляков под командой ротмистра Павла Хмелевского.

Вскоре в Путивль прибывает и «царевич Петр»^[85] с войском. «Царевич» становится союзником Болотникова, но каждый командует своим войском самостоятельно.

С осени 1606 г. по 10 октября 1607 г. царь Василий, то есть Русское государство, ведет кровопролитную войну с «гетманом Болотниковым». Любопытно, что в течение почти восьмидесяти лет советские историки изымали все, что связано с Болотниковым, из раздела, где говорится о Смутном времени и Лжедмитрии II, и переносили в раздел «Крестьянская война под руководством И.И. Болотникова». На самом деле Болотников был таким же «воровским» воеводой, как и «царевич Петр», атаман Иван Заруцкий и другие им подобные. Его методы ведения войны и поведение во взятых городах мало отличались от действий других воевод Лжедмитрия II.

Важно отметить, что параллельно с войной с Болотниковым царю Василию в 1606–1607 гг. в других регионах России пришлось бороться с

мятежами, никак не связанными с Болотниковым.

Восстания против царя Шуйского поздней осенью 1606 г. охватили район Нижнего Новгорода по обеим сторонам Волги и Оки. Причем восстания эти не были скоординированы, а их вожди преследовали различные цели. Так, на Волге действовали шайки мордвинов неких Москова и Вокорлина. В городке Царевококшайске поднял мятеж местный стрелецкий голова Иван Борисович Доможиров. Его отряд осадил Нижний Новгород. К Доможирову присоединился и князь Иван Дмитриевич Болховский. Однако сам Нижний Новгород остался верным царю, а его жителям удалось отсидеться от «воров» в осаде.

В Вятской и Пермской областях был сорван сбор ополчения, а царским чиновникам, приехавшим за этим, пришлось убираться несолоно хлебавши.

В Астрахани восстание против Шуйского поднял сам главный воевода астраханский князь Иван Дмитриевич Хворостин. Здесь на защиту царя выступили простые люди во главе с дьяком Афанасием Карповым. Но люди воеводы побили их, а дьяка со товарищи сбросили с раската (с крепостной башни). Позже, правда, Хворостин принес повинную царю, и тот простил его. В 1608 г. мы видим князя в Москве, плетущего интриги в пользу Тушинского вора.

Но ряд областей Русского государства все же остался верен царю. Так, в Твери архиепископ Феокист собрал духовенство, приказных людей, детей боярских, торговых и посадских людей и укрепил их в верности к Шуйскому. И когда в Тверском уезде появился отряд сторонников Лжедмитрия I, тверчане наголову разбили его. Кроме того, отряд тверских ратников был отправлен в Москву в помощь царю Василию.

Жители Смоленска и окрестностей за десятки лет на своей шкуре испытали «гуманизм» польских и литовских панов. Там и мыслить не хотели ни о каких самозванцах. В Смоленске из местных дворян и ратных людей было собрано большое войско. Воеводой выбрали дворянина Григория Полтева. Заметим, Полтева не назначил царь или местный воевода, а выбрали, поскольку сбор войска прошел добровольно и в инициативном порядке. Смоляне двинулись к Москве, по пути очистив от «воров» (шаек крестьян и казаков) районы Дорогобужа и Вязьмы. Дорогобужские, вяземские и серпейские служилые люди соединились со смолянами и к 15 ноября 1606 г. подошли к Можайску. Туда же пришел воевода Колычев, успевший очистить от «воров» Волоколамск.

Пока Шуйский воевал с Болотниковым, «ворам» удалось-таки найти самозванца. В конце мая 1607 г. в городе Стародубе объявился «царь

Димитрий», которого историки позже назовут Лжедмитрием II или Тушинским вором. В Стародуб к самозванцу стали стекаться русские ратные люди, крестьяне и посадские. Но в отличие от войска Болотникова ударную силу войска Лжедмитрия II составляли поляки. В Стародубе впервые всплывает казачий атаман Иван Заруцкий, бывший до этого в войске Болотникова, но не игравший там особой роли.

В сентябре 1607 г. Лжедмитрий II двинулся в поход. В Брянске его встретили колокольным звоном, а все население вышло навстречу. Зато Козельск пришлось брать штурмом.

В апреле 1608 г. войско нового самозванца разгромило царские полки под Болховом. Виновниками поражения были двое бездарей – воеводы Дмитрий Иванович Шуйский и Василий Васильевич Голицын. Замечу, что оба тоже имели виды на московский престол.

После Болхова Лжедмитрий II двинулся прямо на Москву. Калуга, Можайск и Звенигород без боя открыли ему свои ворота.

Шуйский срочно собрал новое войско и отправил его навстречу самозванцу. Командование им царь поручил своему родственнику Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому и Ивану Никитичу Романову.

Царские полки заняли позицию на речке Незнани между городами Подольском и Звенигородом. На поиск переправы были направлены разъезды, которые донесли, что «вор поиде под Москву не тою дорогою». Гетман Рожинский обходил их справа, идя из Звенигорода на Вязьму в направлении Москвы. Одновременно в войске была обнаружена измена. Как говорится в летописи, в полках «нача быти шатость: хотяху царю Василью изменить князь Иван Катырев, да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними».

Обратим внимание – во главе заговора стояли в основном родственники Романовых. Иван Федорович Троекуров был женат на Анне Никитичне Романовой, а Иван Михайлович Катырев-Ростовский – на Татьяне Федоровне Романовой. Надо ли говорить, что в случае успеха заговора Иван Никитич Романов не остался бы в стороне.

Из-за «шатости» царь Василий приказал войску срочно отступить к Москве. В итоге рядом с Москвой образовалась новая столица – Тушино, а самозванец вошел в историю под именем Тушинский вор.

В сентябре 1608 г. Петр Сапега с большим отрядом тушинцев взял без боя Переяславль, жители которого присягнули Тушинскому вору. Затем Сапега двинулся к Ростову.

К тому времени Ростов не был укреплен, и горожане решили покинуть его и уходить к Ярославлю под защиту его мощных стен. Однако жесткий

митрополит Филарет категорически воспротивился этому. Уже потом задним числом церковные историки приписали ему слова: «Если и убиты будем ими, и мы от Бога венцы примем мученические... Многие муки претерплю, а дома Пречистой Богородицы и ростовских чудотворцев не покину». Но наш любитель ловчих птиц никогда не отличался ни фатализмом, ни желанием принять мученический венец.

Все стало на свои места после занятия беззащитного Ростова поляками и их русскими союзниками из Переяславля. Пан Сапега в простых санях доставил митрополита в Тушино, что дало повод позднейшим историкам утверждать, что Филарет был увезен насильственно. Но пленных казнят, заключают под стражу, меняют, отдают за выкуп, а не делают главой церкви. Так что не был Филарет пленником.

Митрополиту ростовскому устроили торжественную встречу в Тушине. Лжедмитрий произвел Филарета в патриархи. Тот стал вершить богослужения в Тушине и рассылать по всей России грамоты с призывами покориться царю Димитрию, а под грамотами подписывался: «Великий Господин, преосвященный Филарет, митрополит ростовский и ярославский, нареченный патриарх московский и всея Руси».

Вслед за Филаретом в Тушино перебежала и его родня по женской линии – Сицкие и Черкасские. В Тушине оказался даже Иван Иванович Годунов. Родственник убийцы едет каяться к спасенному царевичу? Ни в коем разе! И.И. Годунов – муж Ирины Никитичны Романовой, едет к ее брату Федору Никитичу. Заодно И.И. Годунов уговорил присягнуть самозванцу и жителей Владимира, где царь Василий поставил его воеводой. Романовы стали, без сомнения, самым сильным русским кланом в Тушине.

Не в силах самостоятельно справиться с тушинцами и ляхами из частных армий, царь Василий решил обратиться за помощью к Швеции. Как уже говорилось, наиболее выгодным для России было бы вторжение Швеции в Лифляндию и дальнейшее продвижение внутрь Польши. Кстати, после окончания русской смуты, в 1621 г., шведы так и поступили. Но Шуйский думал не о государственных интересах, а о своей собственной шкуре. Ему нужны были шведские наемники в Москве, и немедленно.

Весной 1609 г. шведское войско подошло к Новгороду. Отряд шведов под командованием Горна и отряд русских под командованием Чоглокова 25 апреля наголову разбили большой отряд тушинского воеводы Кернозицкого, состоявший из запорожцев. В течение нескольких дней от тушинцев были очищены Торопец, Торжок, Порхов и Орешек. Скопин-Шуйский направил большой отряд под начальством Мещерского под

Псков, но тот не смог взять город и отступил. (Сх. 4.)

10 мая 1609 г. Скопин-Шуйский с русско-шведским войском двинулся из Новгорода к Москве. В Торжке он соединился со смоленским ополчением. Под Тверью Скопин наголову разгромил поляков и тушинцев пана Зборовского.

Русские отряды из войска Скопина заняли Переславль-Залесский. Другие войска, верные Шуйскому, без боя вошли в Муром и штурмом взяли Касимов.

Вступление шведских войск в русские пределы дало повод Сигизмунду III начать войну против России.

В письме испанскому королю Сигизмунд заявил, что предпринял он московскую войну, во-первых, для отмщения за недавние обиды, за нарушение народного права, потом, чтобы дать силу своим наследственным правам на московский престол, ибо предок его Ягайло был сыном русской княжны и женат также на русской княжне, наконец, чтоб возвратить области, отнятые у его предков московскими князьями. Таким образом, с самого начала Сигизмунд и не думал делать московским царем королевича Владислава, а сам хотел занять московский престол.

19 сентября 1609 г. коронное войско Льва Сапегу подошло к Смоленску. Через несколько дней туда прибыл и сам король. Всего под Смоленском собралось регулярных польских войск – 5 тысяч пехоты и 12 тысяч конницы. Причем ядро королевского войска состояло из немецких наемников под командованием Теодора Дингофа и Урзенберга. Кроме того, было около 10 тысяч малороссийских казаков и неопределенное число литовских татар. Читатель помнит, что с 1605 г. русские воевали только с частными армиями польских феодалов.

Смоленск был хорошо укреплен, его защищало около трехсот орудий. Осада крепости затянулась на много месяцев.

Вторжение королевских войск в Россию вызвало панику в Тушине. Польские паны не знали, что им делать, то ли вставать под знамена Сигизмунда, то ли воевать с ним.

К этому времени Тушинский вор фактически стал пленником поляков. Царские конюшни круглосуточно охраняли польские жолнеры. Лошади могли быть выданы самозванцу лишь с санкции Рожинского. На карту была поставлена жизнь «царя». Ведь в случае присоединения командующего поляками гетмана Рожинского к королю Тушинский вор стал бы всем помехой.

27 декабря Лжедмитрий спросил Рожинского, о чем идут переговоры с королевскими послами. Гетман, будучи нетрезв, отвечал ему: «А тебе что за

дело, зачем комиссары приехали ко мне? Черт знает, кто ты таков? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видим». Пьяный Рожинский пригрозил даже побить «царя». Тогда Лжедмитрий решил во что бы то ни стало бежать из Тушина и в тот же день вечером, переодевшись в крестьянскую одежду, сел в навозные сани и уехал в Калугу вдвоем со своим шутком Кошелевым.

После бегства самозванца Рожинскому с поляками больше ничего не оставалось, как вступить в соглашение с королем. Куда больше проблем возникло у русских тушинцев. Двинуться вслед за Лжедмитрием они не могли – поляки не пускали, да и шансов на успех у Тушинского вора почти не было. Бежать к Шуйскому тоже было не резон. Царь охотно принимал перебежчиков, когда Тушинский вор был в силе, а сейчас он мог и наказать беглецов. Русским тушинцам, как и польским, оставался один выход – вступить в соглашение с королевскими послами.

Послы предложили русским собраться по польскому обычаю в коло. Туда явились патриарх Филарет с духовенством, Заруцкий с ратными людьми, Салтыков с думными людьми и придворными.

Посол Стадницкий рассказал «о добрых намерениях короля относительно Московского государства». Русские тушинцы согласились отдаться под покровительство польского короля и направили ему грамоту: «Мы, Филарет патриарх московский и всея Руси, и архиепископы, и епископы и весь освященный собор, слыша его королевского величества о святой нашей православной вере раденье и о христианском освобождении подвиг, бога молим и челом бьем. А мы, бояре, окольничие и т. д., его королевской милости челом бьем и на преславном Московском государстве его королевское величество и его потомство милостивыми господалями видеть хотим».

Из этой грамоты следовало, что Филарет по-прежнему считает себя законным патриархом и призывает короля стать правителем Московского государства.

Обратим внимание читателя на принципиальную разницу между приглашением на престол королевича Владислава и короля Сигизмунда. В первом случае государство Московское получало нового государя, а во втором оно в том или ином виде объединялось с Польшей. Объединение с Польшей под властью короля-католика неизбежно привело бы к полонизации страны, католическая или по крайней мере униатская церковь стала бы главенствующей. С Московской Русью произошло бы то, что поляки сделали с Малой и Белой Русью. Владислав же мог принять православную веру и стать независимым от Польши и отца монархом. Так,

за 12 лет до этого Генрих Наваррский, заявив, что «Париж стоит мессы», перешел в католичество и стал королем Франции Генрихом IV.

В ночь на 11 февраля 1610 г. из Тушина бежала Марина Мнишек. Она была беременна от Тушинского вора, но это не помешало ей скакать на коне, переодетой казаком. С ней бежали только горничная Варвара Казаковская и паж Иван Плещеев-Глазун.

Интересно, что Марина поначалу побежала не в Калугу, а в противоположную сторону – в Дмитров, где с польским войском стоял Петр Сапега. Последний 12 января 1610 г. вынужден был снять осаду Троицкого монастыря и занял Дмитров.

С Сапегой Марине не удалось договориться, тот упорно не хотел соединяться с Лжедмитрием II. Кроме того, в феврале к Дмитрову подошло русско-шведское войско. Самозваной царице пришлось бежать в Калугу, где ее с помпой встретил «любимый муж».

Бегство «царицы» Марины стало катализатором развала «воровской столицы». Казаки^[86] разбежались кто куда, часть ушла в Калугу, а остальные рассеялись по стране шайками грабителей. Последними в начале марта 1610 г. ушли поляки Рожинского. Покидая Тушино, Рожинский велел сжечь «воровскую столицу». Из именитых русских тушинцев часть поехала каяться к царю Василию, а другая часть во главе с патриархом Филаретом в обозе Рожинского двинулась под Смоленск к королю. Однако далеко уехать им не удалось. У Волоколамского монастыря их настиг русско-шведский отряд. Из полутора тысяч поляков и казаков спаслось только триста человек. В числе трофеев русских войск оказался и самозванный патриарх Филарет.

В июне 1610 г. Филарет был доставлен в Москву. Но вместо застенка он попал в родовые хоромы в Китай-городе. Царю Василию не до Романовых – его власть висит на волоске.

События развивались стремительно. 23 июня 1610 г. Дмитрий Шуйский и Делагарди были разбиты польскими войсками у Клушина. А между тем Тушинский вор собрал силы и двинулся из Калуги к Москве.

В Москве против царя был составлен заговор, во главе которого стояли князья Федор Иванович Мстиславский и Василий Васильевич Голицын. Разумеется, дело не обошлось без Романовых – Филарета и Ивана Никитича и их множественной родни. Тушинские самозванные бояре во главе с Дмитрием Трубецким вошли в контакт с заговорщиками. Они прекрасно понимали, что московская знать не собирается менять Василия Шуйского на Тушинского вора, и предложили «нулевой» вариант, по которому тушинцы устраняют Лжедмитрия II, а московские бояре – царя

Василия. А далее совместно будут выбирать нового царя. Москвичи согласились. 17 июля царь Василий и его брат Дмитрий были арестованы. Через два дня над свергнутым царем был совершен насильственный обряд пострижения в монахи.

Еще 17 июля Захар Ляпунов и группа дворян стали требовать «князя Василия Васильевича Голицына на государстве поставить». Тут впервые всплыли Романовы и предложили возвести на престол четырнадцатилетнего Михаила Федоровича, сына Филарета. Однако большинство бояр не устраивал ни тот, ни другой. В конце концов Боярская дума постановила отменить выборы царя до сбора в Москве представителей «всей земли».

По старой традиции Боярская дума создала нечто типа политбюро для управления страной. В его состав вошли Федор Мстиславский, Иван Воротынский, Василий Голицын, Иван Романов, Федор Шереметев, Андрей Трубецкой и Борис Лыков. В народе это правительство прозвали Семибоярщиной. От населения потребовали даже принести особую присягу Семибоярщине.

Однако у Семибоярщины не только не было сил править страной, но даже защитить столицу от Тушинского вора. И они призвали в Москву королевские войска. 27 августа москвичи торжественно присягнули королевичу Владиславу. Среди целовавших крест были Филарет и его сын Михаил, что дало повод через четверть века польскому королю Владиславу IV спрашивать у русских послов о здоровье «нашего подданного Михаила Романова».

Семибоярщина отправила под Смоленск к королю Сигизмунду большое посольство. Его возглавили князь Василий Голицын и митрополит ростовский Филарет (тот временно забыл о своем патриаршестве).

Увы, все мечты московских бояр о ручном короле Владиславе были химерой. Сигизмунду Владислав нужен был как дымовая завеса, чтобы самому овладеть московским престолом. Условия бояр были хороши, логичны и справедливы, но за ними не было «больших батальонов», как говорил Бонапарт. Со стороны Сигизмунда была большая ложь и вероломство, но «батальоны» у него имелись. Точнее, он считал, что они есть. Переговоры под Смоленском, естественно, зашли в тупик. Король не соглашался на переход сына в православие и вообще не хотел отпускать его в Москву.

Значительную часть войска Тушинского вора составляли татары. Тем не менее Лжедмитрий совершил грубую ошибку, приказав утопить касимовского хана Ураз Махмета в Оке. Татары решили отомстить и во

время охоты убили самозванца.

Теперь воровское войско лишилось знамени. Тушинские бояре князь Григорий Шаховской и атаман Иван Заруцкий решили бежать из Калуги, но казаки удержали их силой. Через несколько дней Марина Мнишек родила сына. По «деду» его называли Иваном. Казаки немедленно провозгласили его царем. Петр Сапега предложил Марине с ребенком перейти под его покровительство, но она высокомерно отказалась. Марина хотела быть только московской царицей или никем. За неимением нового «Димитрия» Марина затащила к себе в постель казака Заруцкого, который таким образом из пленника превратился в вождя тушинцев.

В январе 1611 г. рязанский дворянин Прокопий Ляпунов разослал по русским городам грамоты, в которых призывал собрать войска и идти на Москву выбивать оттуда поляков.

Идти на Москву с одними рязанцами, да еще имея в тылу остатки тушинского воинства, было опасно. И Прокопий Ляпунов делает удачный тактический ход. Он вступает в союз с этим воинством. Увы, этот тактический успех приведет первое ополчение к стратегической неудаче и будет стоить жизни самому Прокопию. В феврале 1611 г. Прокопий отправляет в Калугу своего племянника Федора Ляпунова. Переговоры Федора с тушинцами приносят успех. Новые союзники выработали общий план действий: «приговор всей земле: сходиться в дву городех, на Коломне да в Серпухов». В Коломне должны были собраться городские дружины из Рязани, с нижней Оки и с Клязьмы, а в Серпухове – старые тушинские отряды из Калуги, Тулы и северских городов.

Так начало формироваться земское ополчение, которое позже получило название первого ополчения. Помимо рязанцев Ляпунова к ополчению примкнули жители Муромы во главе с князем Литвиновым-Мосальским, Суздаля с воеводой Артемием Измайловым, из Вологды и поморских земель с воеводой Нащекиным, из Галицкой земли с воеводой Мансуровым, из Ярославля и Костромы с воеводой Волынским и князем Волконским и другие.

Тем не менее этих ратников Ляпунову показалось мало, и он рьяно стал собирать под свои знамена всякий сброд. Ляпунов писал: «А которые казаки с Волги и из иных мест придут к нам к Москве в помощь, и им будет все жалованье и порох и свинец. А которые боярские люди, и крепостные и старинные, и те б шли безо всякого сумненья и боязни: всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам, и грамоты, им от бояр и воевод и ото всей земли приговору своего дадут».

Таким образом, в первом ополчении наряду с профессиональными

военными – дворянами, боевыми холопами, стрельцами – были и казаки, последние составляли большинство. Причем большинство казаков в первом ополчении были не донцами или запорожцами, а местными казаками – из крестьян, посадских людей, опустившихся дворян и различных деклассированных элементов. Как ни странно, в нашей исторической литературе подобные казаки не получили никакого названия. Большинство авторов называло их просто казаками, а советские историки там, где им виделась антифеодалная направленность действий казаков, называли их «восставшими крестьянами» и т. п. В годы же Смуты современники именовали таких казаков «ворами», причем тут имелись в виду не только разбои, но и антигосударственная деятельность. Поэтому я рискну ввести новый термин – «воровские казаки».

Воровские казаки в бою были куда менее дисциплинированы, чем донцы или запорожцы. Они существенно хуже владели оружием и не знали тактики.

Воровские казаки представляли для Московского государства особую опасность. Донцы или запорожцы могли за плату выполнить определенную боевую задачу, ну, естественно, пограбить в меру сил, получить обещанное жалованье и с песнями отправиться на Дон или в Сечь. У воровских же казаков не было Сечи, для них Смута была источником существования. Конец Смуты означал если не ответственность за совершенные преступления, то по крайней мере возвращение к прежней жизни. А никто из «воров» не желал пахать, заниматься ремеслом или мелкой торговлей. Вот такое воинство и собрал Ляпунов на свою голову и на беду государству Московскому.

Ополчение Ляпунова медленно двигалось к столице, а в самой Москве среди жителей росла ненависть к полякам. Ляхи опасались, что москвичи при подходе Ляпунова поднимут восстание в городе, и 17 марта 1611 г. сами спровоцировали мятеж.

В уличных боях с поляками отличился воевода князь Д.М. Пожарский. Однако он был тяжело ранен и увезен из Москвы в беспамятном состоянии. Бояре, сидевшие в Кремле, надоумили поляков поджечь Земляной город. Позже участник боя польский поручик Москевич писал: «...пламя охватило дома и, раздуваемое жестоким ветром, гнало русских, а мы потихоньку подвигались за ними, беспрестанно усиливая огонь, и только вечером возвратились в крепость [Кремль]. Уже вся столица пылала; пожар был так лют, что ночью в Кремле было светло, как в самый ясный день, а горевшие дома имели такой страшный вид и такое испускали зловоние, что Москву можно было уподобить только аду, как его описывают».

24 марта 1611 г. к Москве подошло ополчение Ляпунова. Собственно, в Москве остались нетронутыми огнем только Кремль и Белый город, где засел польский гарнизон. Остальная часть столицы представляла собой сплошное пожарище. Ополченцы расположились близ Симонова монастыря, обставив себя вокруг гуляй-городами, то есть укреплениями из телег и различных деревянных заграждений. Организовать полную блокаду поляков в Москве Ляпунов не сумел. В Кремль периодически прорывались отряды королевских войск и обозы с продовольствием.

3 июня 1611 г. пал Смоленск. А 22 июня воровские казаки подняли мятеж в первом ополчении под Москвой. Прокопий Ляпунов был убит, а командование ополчением перешло к «тушинскому боярину» Трубецкому и атаману Заруцкому. Сей атаман, как шулер, держал в рукаве козырную карту – в Коломне у него тайно жила любовница Марина Мнишек с «воренком» Иваном.

Казалось, что окончательная победа польских войск – дело времени. Наступил самый критический момент в войне.

Глава 6

Минин и Пожарский

История создания второго ополчения «гражданином Мининым и князем Пожарским» известна каждому со школьной скамьи. Оба героя относятся к весьма немногочисленной категории исторических персонажей, которые и при проклятом царизме, и при развитом социализме, и при недоразвитой демократии оценивались только положительно. Исключение представляют лишь первые годы советской власти, когда историки школы профессора Покровского именовали их ставленниками нижегородской буржуазии. Боюсь, кто-то из читателей поморщится: чего уж там повторять всем известные азы нашей истории.

Увы, портрет князя Дмитрия Михайловича Пожарково-Стародубского царские и советские сказочники исказили до неузнаваемости. Делалось это с разными целями, а результат получился один. Из Пожарского сделали незнатного дворянина, храброго и талантливое воеводу, но слабого политика, начисто лишённого честолюбия. Вообще этакий исправный служака-бессребреник – совершил подвиг, откланялся и отошел в сторону. Реальный же князь Пожарский ничего не имел общего с таким персонажем.

К началу XVI в. князья Пожарские по богатству существенно уступали Романовым, но по знатности рода ни Романовы, ни Годуновы не годились им в подметки. Пожарскому не было нужды вписывать в родословную бродячих немцев («пришел из прусс») или татарских мурз, приезжающих на Русь основать православный монастырь («Сказание о Чете»). Не было нужды князьям Пожарским прилепляться к знатным родам по женской линии. Родословная Пожарских идет по мужской линии от великого князя Всеволода Большое Гнездо (1154–1212 гг.). И ни у одного историка не было и тени сомнения в истинности ее.

В 1238 г. великий князь Ярослав Всеволодович дал в удел своему брату Ивану Всеволодовичу город Стародуб на Клязьме с областью. С конца XVI в. Стародуб стал терять свое значение, и к началу XIX в. это уже было село Клязьменский Городок Ковровского уезда Владимирской губернии.

Стародубское удельное княжество было сравнительно невелико, но занимало стратегическое положение между Владимирским и Нижегородским княжествами. Кстати, и село Мугреево входило в состав Стародубского княжества.

Иван Всеволодович стал родоначальником династии независимых стародубских князей. Один из них, Андрей Федорович Стародубский, отличился в Куликовской битве. Второй сын Андрея Федоровича, Василий, получил в удел волость с городом Пожар (Погара)^[87] в составе Стародубского княжества. По названию этого города князь Василий Андреевич и его потомки получили прозвище князей Пожарских. В начале XV в. стародубские князья становятся вассалами Москвы, но сохраняют свой удел.

Князья Пожарские верой и правдой служили московским правителям. Согласно записи в «Тысячной книге» за 1550 г., на царской службе состояли тринадцать стародубских князей: «Князь Ондрей да князь Федор княж Ивановы дети Татева. Князь Иван да Петр княж Борисовы дети Ромодановского. Князь Василей княж Иванов сын Ковров. Князь Иван Чорной да князь Петр княж Васильевы дети Пожарского. Князь Тимофей княж Федоров сын Пожарского. Князь Федор да Иван княж Ондреевы дети Большога Гундорова. Княж Федоров сын Данила. Князь Федор да Иван княж Ивановы дети Третьякова Пожарского».

Иван Федорович Пожарский был убит под Казанью в 1552 г. Отец нашего героя стольник Михаил Федорович Пожарский отличился при взятии Казани и в Ливонской войне. Но в марте 1566 г. Иван Грозный согнал со своих уделов всех потомков стародубских князей. Причем беда эта приключилась не по их вине, а из-за «хитрых» интриг психически нездорового царя. Решив расправиться со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Старицким, царь поменял ему удел, чтобы оторвать его от родных корней, лишить его верного дворянства и т. д. Взамен Владимиру было дано Стародубское княжество. Стародубских же князей скопом отправили в Казань и Свияжск. Среди них оказались Андрей Иванович Ряполовский, Никита Михайлович Сорока Стародубский, Федор Иванович Пожарский (дед героя) и другие.

Высылка стародубских князей была не только частью интриги Грозного против брата, но и элементом колонизации Казанского края. Наши историки привыкли говорить о покорении Казани в 1552 г. На самом деле еще многие годы в Казанском крае шла жестокая борьба татарского населения против русских. Стародубские князья приехали не одни, а со своими дружинами и дворней. Они получили довольно приличные вотчины и второстепенные должности в администрации Казанского края. К примеру, Михаил Борисович Пожарский был назначен воеводой в Свияжск. Стародубские князья беспощадно подавляли восстания татар и внесли большой вклад в колонизацию края.

С 80-х годов XVI в. часть вотчин в бывшем Стародубском княжестве постепенно была возвращена законным владельцам. Но «казанское сидение» нанесло серьезный урон князьям Пожарским в служебно-местническом отношении. Их оттеснили старые княжеские роды и новое «боярство», выдвинувшееся в царствование Грозного. Таким образом, Пожарские, бывшие в XIV – начале XVI в. одним из знатных родов Рюриковичей, были оттеснены на периферию, что дало повод советским именитым историкам называть их «захудалым родом».

Дмитрий Михайлович Пожарский родился 1 ноября 1578 г. в Казанском крае. Но юность его прошла недалеко от Суздаля в родовом гнезде – селе Мугрееве у реки Лух. Дмитрий стал вторым ребенком в семье, у него были старшая сестра Дарья и младший брат Василий. В 1587 г. скончался отец Михаил Федорович, и все заботы о семье пришлось взять на себя матери Марии (Ефросинье) Федоровне, урожденной Беклемышевой.

В конце 80-х гг. XVI в. Мария Пожарская переезжает в Москву. Она поселилась в своем деревянном доме на Сретенке напротив церкви Введения, близ Кузнецкого моста и недалеко от Пушечного двора. Причина переезда была проста – Дарья была на шесть лет старше Дмитрия, и ее, подобно пушкинской Татьяне Лариной, повезли на «ярмарку невест» в Москву. Там ее быстро выдали за князя Никиту Андреевича Хованского.

В 1593 г. пятнадцатилетний Дмитрий Михайлович Пожарский впервые прибыл на дворянский смотр. Борису Годунову не за что было гневаться на князей Пожарских, да и на другие рода стародубских князей. С другой стороны, они не оказали особых услуг Борису, да и сам правитель предпочитал последовательное присвоение чинов служилым людям. В результате Дмитрий Михайлович был оставлен при царском дворе, ему присвоили звание рынды, а через пару лет – стряпчего.

В 1602 г. царь Борис пожаловал в стольники Дмитрия Михайловича и Ивана Петровича Пожарских. Для двадцатичетырехлетнего князя Дмитрия это считалось неплохим началом карьеры. После всех конфискаций 60—70-х годов XVI в. Дмитрий Пожарский был не богат, но и не беден. В 1587 г. Дмитрий Михайлович Пожарский передал монастырю «по приказу отца своего» одну из стародубских вотчин – село Три Дворища. Тем не менее за ним осталась Мугреевская вотчина близ Стародуба. Ему же принадлежали отцовские вотчины – село Медведково на реке Яузе, села Лучинское и Бодалово в Юрьевском уезде. От отца и деда Дмитрию Михайловичу досталось и приданое его матери Марии (Ефросиньи) Беклемышевой село Берсенево Клинского уезда и село Лукерьино-Фомино Коломенского уезда,

а также приданое его бабки Берсеновой село Марчукино Коломенского уезда.

Об участии Пожарского в войне с Лжедмитрием I документальных данных нет. Скорее всего он оставался в Москве при особе государя. Вместе со всеми москвичами Дмитрий Михайлович целовал крест царю Димитрию и остался стольником при его дворе.

В ночь на 17 мая 1606 г. Пожарский оказался в отъезде. Он был в родовом имении Мугреево и, соответственно, не участвовал в перевороте Василия Шуйского. Дмитрию Михайловичу как-то фантастически везло, а может, наоборот, не везло, и он всегда оставался в стороне от всех переворотов. И новый царь его не наградил и не наказал. Василий Шуйский произвел «перебор» стольников, в ходе которого свыше ста человек были лишены этого звания. Пожарский же по-прежнему остался «вечным» стольником.

В конце 1607 г. под Москвой Пожарский многократно участвовал в боях с войском Ивана Болотникова. В июне 1608 г. Пожарский отличился при защите Москвы от войск Тушинского вора. Именно его конный отряд в ночь на 4 июня остановил поляков Рожинского на Ваганьковском поле.

В июле 1608 г. Пожарский впервые был назначен воеводой и стал командовать отдельным отрядом. В то время шла непрерывная борьба царских войск и Тушинского вора за контроль над коммуникациями. Воровские воеводы попытались оседлать Коломенскую дорогу и перенаправить поток хлеба из южных областей из Москвы в Тушино. Результатом действий тушинцев стало новое резкое вздорожание хлеба в Москве, стоимость четверти^[88] ржи достигала семи рублей.

Воевода Пожарский приказал атаковать «литовских людей» у села Высоцкого (сейчас это город Егорьевск). Тушинцы были наголову разбиты и бежали, оставив Пожарскому обоз – «многую казну и запасы». При этом Пожарский поссорился с коломенским воеводой Иваном Пушкиным, который предпочел отсидеться в остроге и отказался дать ратников в помощь Пожарскому. В итоге через несколько недель после сражения Пожарскому пришлось судиться у царя Василия с нахально заместничавшим Иваном Пушкиным. Род Пушкиных имел столь же липовую родословную, что и Романовы, а потянули на князя Рюриковича. Естественно, что царь отклонил их претензии, но драть их батогом, как в те времена было положено за оное преступление, не стал из-за шаткости своего положения.

Пожарского же царь пожаловал поместьем в Суздальском уезде, центром которого было большое село Нижний Ландех. В жалованной

грамоте говорилось: «Князь Дмитрий Михайлович, будучи в Москве в осаде, против врагов стоял крепко и мужественно, и к царю Василию и к Московскому государству многую службу и дородство показал, голод и во всем оскудение и всякую осадную нужду терпел многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо безо всякие шатости».

Осенью 1608 г. тушинцы вновь взяли под контроль Коломенскую дорогу. Во главе их был атаман Сальков. Сальков и компания именовали себя казаками, но и он сам, и его отряд состоял из крестьян, бросивших свои семьи и занявшихся разбоем. Против Салькова царь Василий отправил отряд во главе с князем Мосальским. Но Сальков разгромил его. Неудачей закончился и поход на «воров» отряда думного дворянина Сукина. Тогда царь Василий отправил на Салькова Пожарского. Воевода стремительно атаковал «воров» у Владимирской дороги на реке Пехорке. Тушинцы были вдребезги разбиты, подавляющее большинство их было убито на месте. После битвы у Салькова осталось только тридцать человек. На четвертый день потрясенный атаман явился в Москву к царю Василию с повинной.

В 1609 г. царь назначил Пожарского воеводой в Зарайск. Город имел большое стратегическое значение. В Зарайске Пожарский узнает о поражении русских под Клушино. Вскоре в Зарайск Прокопий Ляпунов прислал своего племянника Федора Ляпунова уговаривать Пожарского подняться против Василия Шуйского. Дмитрий Михайлович категорически отверг это предложение.

Через несколько недель на сторону Тушинского вора переметнулись жители Коломны и Каширы. Заволновалось и население Зарайска. Всем городом они пришли к воеводе просить его целовать крест «настоящему царю Дмитрию Ивановичу». Пожарский отказался и с несколькими ратниками заперся в зарайском кремле. Никольский протопоп Дмитрий ходил по стенам кремля и увещевал ратников умереть за православную веру.

Грозные речи воеводы, молитвы протопопа и крепостные пушки, направленные на город, произвели должное впечатление на обывателей. Дело кончилось уговором воеводы с горожанами: «Будет на Московском государстве по-старому царь Василий, то ему и служить, а будет кто другой, и тому также служить». Уговор был скреплен крестным целованием.

Восстановив в Зарайске спокойствие, Пожарский отправил отряд ратников в Коломну и выбил оттуда сторонников Тушинского вора.

Во время свержения Василия Шуйского и начала правления

Семибоярщины Пожарский безвыездно находился в Зарайске и его окрестностях. Пожарский отказался целовать крест королевичу Владиславу и выжидал дальнейшее развитие событий. Прокопий Ляпунов из Рязани начал рассылать грамоты с призывами собрать ополчение и идти на Москву. Теперь царь Василий отрекся от престола, и свободный от присяги Дмитрий Михайлович со спокойной совестью поддержал Ляпунова.

Сигизмунд решил уничтожить Ляпунова и специально для этого направил на Рязанщину большой отряд поляков и запорожских казаков во главе с воеводой Исаком Сунбуловым. Известие о приближении Сунбулова застало Прокопия Ляпунова в его поместье, и он успел укрыться в деревянной крепости городка Пронска. Ратников в Пронске было мало, и Ляпунов разослал по окрестным городам отчаянные письма о помощи. Первым к Пронску двинулся Пожарский со своими зарайскими ратниками. По пути к ним присоединились отряды из Коломны. Узнав о прибытии войск Пожарского, поляки и казаки бежали из-под Пронска.

Через некоторое время Сунбулову удалось собрать свое воинство, и он решил отомстить Пожарскому, вернувшемуся из Пронска в Зарайск. Ночью запорожцы попытались внезапно захватить зарайский кремль (острог), но были отбиты. А на рассвете Пожарский устроил вылазку. Казаки в панике бежали и больше не показывались у Зарайска.

Обеспечив безопасность своего города, Пожарский смог отправиться в Рязань к Ляпунову. Там они договорились, что Ляпунов с ополчением двинется к Москве, а Пожарский поднимет восстание в самом городе. Для этого Пожарский и отправился в столицу.

Тяжелораненый Дмитрий Пожарский несколько недель лежал у монахов в Троице-Сергиевом монастыре, а затем отправился долечиваться в свою вотчину Мугреево.

Летом—осенью 1611 г. монахи Троице-Сергиева монастыря рассылали по городам грамоты, поднимая народ на борьбу с поляками и их пособниками. Это был поистине крик отчаяния.

Троицкие грамоты публично зачитывались на площадях и в церквях русских городов. Так было и в Нижнем Новгороде. Там их зачитал в Спасо-Преображенском соборе протопоп Савва Ефимьев. Чтение грамот закончилось горестными восклицаниями людей и вопросами: «Что же нам делать?» И тут раздался громкий голос: «Ополчаться!» Это сказал земской староста Кузьма Минин Сухорук.

До нас дошли лишь скудные сведения о жизни Кузьмы Минина до 1612 г. Ко времени выступления в Спасо-Преображенском соборе ему было около 50 лет.

Кузьма родился в многодетной семье балахнинского соледобытчика Мины Анкудинова. У Кузьмы было два старших брата – Федор и Иван, и два младших – Сергей и Бессон. Переезжая в Нижний Новгород, Мина Анкудинов, вероятно, оставил старшим сыновьям Федору и Ивану все хозяйство, принадлежавшее ему в Балахне. Историк Игорь Александрович Кирьянов нашел в синоднике Спасо-Преображенского собора несколько упоминаний о Федоре Минине, где он именуется то Федькою Мининым, то Федором, то Федькою Мининым сыном Анкудиновым.

Судя по ссылке Писцовой книги 1674–1676 гг. на Писцовую книгу Балахны 1628 г., Федор Минин был совладельцем четырех рассольных труб, включая варницы Прибыток и Каменку, совместно с братом Иваном владел варницами Новик и Налет, двумя лавками в Большом ряду, двумя лавочными местами в Рыбном и Щепетильном ряду на балахнинском торге. А в трубах Каменка, Лунитская, Большая золотуха и Пospelовская за ними было 875 бадей рассола.

Все это позволяет сделать однозначный вывод об огромном богатстве Мининых. Но самое интересное, что совладельцем принадлежавшей Федору Минину рассольной трубы Лунитская был... Дмитрий Михайлович Пожарский! Так что, прежде чем стать товарищами по второму ополчению, Минин и Пожарский были товарищами в добыче и продаже соли.

Предложение Минина «ополчаться» решительно поддержал протопоп Спасо-Преображенского собора Савва Ефимьев. Однако объявились и оппоненты. Когда Минин заявил: «Сами мы не искусны в ратном деле, так станем кличь кликать по вольных служилых людей», то посылались вопросы: «А казны нам откуда взять служилым людям?» Минин отвечал: «Я убогий с товарищами своими, всех нас 2500 человек, а денег у нас в сборе 1700 рублей; брали третью деньгу: у меня было 300 рублей, и я 100 рублей в сборные деньги принес; то же и вы все сделайте». «Будь так, будь так!» – закричали в ответ. Начали сбор денег. Пришла вдова и сказала: «Осталась я после мужа бездетна, и есть у меня 12 тысяч рублей, 10 тысяч отдаю в сбор, а 2 тысячи оставлю себе». Кто не хотел давать деньги добровольно, у того брали силой.

Кузьма Минин оказался прекрасным организатором и, как сейчас говорят, «крепким хозяйственником». Но стать главой ополчения ему не позволяло происхождение и незнание ратного дела. Ополчению нужен был вождь. Старый нижегородский воевода Александр Репнин пошел было в первое ополчение, но там себя ничем не проявил, а после убийства Ляпунова купил себе у Заруцкого воеводство в Свияжске.

Минин предложил пригласить воеводой Дмитрия Михайловича

Пожарского. Как воевода Пожарский не проиграл ни одной битвы. Как стольник Пожарский ни разу не нарушил верность царю. Он был предан последовательно Борису Годунову, Лжедмитрию I и Василию Шуйскому, пока их смерть или отречение не освобождали его от присяги. Пожарский не присягал ни Тушинскому, ни Псковскому^[89] вора, равно как и королю Сигизмунду, и королевичу Владиславу.

Очень важно было и то, что Пожарский находился рядом с Нижним в селе Мугрееве. Наконец, не последнюю роль сыграло и личное знакомство Кузьмы Минина с князем.

По призыву Минина и Ефимьева горожане единодушно решили позвать на воеводство князя Пожарского. Несколько раз посылали нижегородцы гонцов к князю Пожарскому с просьбой возглавить ополчение, но он отвечал отказом. Это было связано, с одной стороны, с этикетом – на Руси не было принято соглашаться с первого раза (вспомним, как отказывался от престола Годунов, и далее мы узнаем, как ломал комедию Михаил Романов), а с другой стороны, Дмитрий Михайлович хотел таким способом вытребовать себе большую власть.

Наконец, в Мугреево было отправлено большое посольство во главе с архимандритом Печерского монастыря Феодосием. Там же был соратник воеводы сын боярский Ждан Петрович Болтин и богатые нижегородские купцы. Тут Пожарский вынужден был согласиться и сказал: «Рад я вашему совету, готов хотя сейчас ехать, но выберите прежде из посадских людей, кому со мною у такого великого дела быть и казну собирать». Послы сказали, что в Нижнем Новгороде такого человека нет, на что Пожарский ответил: «Есть у вас Кузьма Минин, бывал он человек служилый, ему это дело за обычай».

Денег на ополчение нижегородцы собрали довольно много. Но профессиональных военных почти не было. До Смуты в Нижнем Новгороде находилось свыше трехсот служилых людей (дворян, детей боярских и боевых холопов), а сейчас их осталось менее пятидесяти. Зато недалеко, в Арзамасском уезде, пребывало свыше двух тысяч дворян из Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы. Смоленские дворяне были с детства привычны к оружию. И это не традиционное преувеличение. Русский царь и польский король могли десятилетиями быть в мире, но ни одного года не обходилось без нападения грабителей-шляхтичей на пограничные смоленские земли.

Еще до вторжения в Россию армии Сигизмунда царь Василий велел смоленским служилым людям отправиться на помощь Михаилу Скопину-Шуйскому. После разгрома русских войск у Клушина смоляне остались без

командования и без средств, поскольку в их имениях уже бесчинствовало польское коронное войско.

В Мугреево к Пожарскому начали съезжаться смоляне. Князь двинулся в Нижний Новгород уже в сопровождении нескольких сотен дворян, по пути к нему присоединилось еще несколько отрядов. В Нижний Новгород торжественно вошло уже целое войско, причем войско профессиональное, состоящее из дворян и их боевых холопов. Все горожане высыпали на улицы встречать славного воеводу.

Пожарский и Минин разослали по русским городам грамоты. Содержание грамот было фактически манифестом второго ополчения. Минин и Пожарский открыто заявили всей стране, что они не только хотят избавить Русь от поляков и литовцев, а также от Марины и ее «воренка», но и наведут в стране порядок – «никакого дурна никому делать не дадим». Хотя Заруцкий и Трубецкой не были поименно названы, ни у кого не было сомнения, как к ним относятся вожди второго ополчения. Как писал историк С.М. Соловьев, это было «движение чисто земское, направленное столько же, если еще не больше, против казаков, сколько против польских и литовских людей».

Нижегородские грамоты произвели большой эффект по всей стране. В Нижний чуть ли не ежедневно приходили отряды из Коломны, Рязани, с юго-запада Руси и из сибирских городов. К ополчению присоединилась и часть московских стрельцов, разосланных по городам Семибоярщиной. В ополчение со своими дружинами пришли и родственники Дмитрия Михайловича – Дмитрий Лопата, Иван и Роман Пожарские, дети Петра Тимофеевича Щепы-Пожарского.

В Нижнем Новгороде у Благовещенской слободы был устроен пушечный двор, где к весне 1612 г. отлили первые пушки. Богатые купцы Никитовы, Лыткины, Доцанниковы и другие передали Минину несколько тысяч рублей. Одни только промышленники Строгановы дали на ополчение 4660 рублей.

До января 1612 г. воевода Пожарский прославился знанием тактики и личной храбростью. Возглавив ополчение, он с первых дней показал себя незаурядным стратегом и искусным политиком. Кузьма Минин во всем безоговорочно поддерживал воеводу. Оба вождя понимали, что идти прямо к Москве на соединение с Заруцким и Трубецким – это повторить судьбу Ляпунова и погубить второе ополчение.

В январе 1612 г. Пожарский объявил, что нижегородская рать пойдет на выручку Суздалю, осажденному польскими отрядами. В дальнейшем князь предполагал сделать Суздаль местом сбора ополчения со всей

страны. Мало того, в Суздале предполагался созыв Земского собора, на котором были бы представлены все русские земли. Земский собор должен был решить вопрос об избрании царя: «Как будем все понизовые и верховые города в сходе вместе, мы всею землей выберем на Московское государство государя, кого нам Бог даст».

Пожарский правильно оценил ситуацию. Война Нижегородского ополчения с поляками – это элемент бесперспективной гражданской войны, так как за ополчением стоит лишь земская власть Нижнего Новгорода. А когда за ополчением будет стоять государственный аппарат во главе с царем и патриархом, произойдет коренной перелом в мышлении всего народа. Царь же должен быть избран Земским собором представителями всех городов Руси, а не пьяными казаками, выдвинувшими уже десятка два самозванцев. Понятно, что на Земском соборе, проходящем под охраной ополчения Пожарского, и речи не будет о псковском Лжедмитрии или «воренке» Марины Мнишек. Теоретически могли быть рассмотрены лишь два варианта: избрание заморского королевича и выборы князя Рюриковича. Первый вариант был маловероятен – уж очень всем памятен случай с королевичем Владиславом. А если выбирать своего, русского, то кого? Шуйские в польской темнице, Голицыны, Мстиславские, Романовы также в руках поляков, и те их даже на собор не выпустят. Тушинский боярин Трубецкой силен лишь в окружении казаков, о нем и речи не будет. Таким образом, решение собора нетрудно предугадать.

Это прекрасно понимали и в подмосковном казачьем лагере. Реакция последовала незамедлительно. На Суздаль были срочно брошены казачьи отряды атаманов Андрея и Ивана Просовецких. Польские войска отошли без боя, и Суздаль был занят казаками. Таким образом, прямой путь Пожарскому к Москве был закрыт. Конечно, дворянское ополчение без труда могло выбить казаков из Суздаля, но начинать войну с первым ополчением было нецелесообразно в военном, а главное, в политическом отношении. Поэтому Пожарский решил двинуть рать в обход Москвы по Волге.

Узнав о намерении Пожарского двинуть войско на Москву в обход, Трубецкой и Заруцкий решили опередить его и захватить Ярославль, тем самым преградить путь Пожарскому по Волге и отрезать ополчение от русского Севера. К Ярославлю с атаманом Андреем Просовецким двинулся большой отряд воровских казаков.

Пожарский среагировал немедленно и выслал к Ярославлю мобильный отряд под началом Дмитрия Петровича Лопаты-Пожарского. Основные же силы ополчения торжественно двинулись в поход из Нижнего

Новгорода в день начала Великого поста 23 февраля 1612 г. В Балахне, первом городе на пути ополчения, жители хлебом-солью встретили Пожарского, а местный воевода Матвей Плещеев присоединился к ополченцам.

Плещеев был «липовым боярином», получившим сей чин у Тушинского вора. Позже он пошел в первое ополчение, но после убийства Ляпунова покинул его. Под Москвой Плещеев вдоволь насмотрелся на казацкие бесчинства и безоговорочно встал на сторону Минина и Пожарского.

Так же встречали ополчение жители Городца, Кинешмы и других городов. Лишь в Костроме воевода Иван Шереметев, сторонник Владислава, не пожелал впустить в город ополчение. Но жители ударили в набат и связали воеводу. Вошедшему в Кострому Пожарскому пришлось спасать Шереметева, которого горожане хотели казнить. По просьбе костромичей Пожарский назначил им нового воеводу, князя Романа Ивановича Гагарина, который несколько недель до этого уже воеводствовал в Костроме. Гагарин отличился в войне с Болотниковым, однако потом переметнулся к Лжедмитрию II в Тушино. «Воровские» нравы его не устроили, и Гагарин вернулся к Шуйскому, который был вынужден прощать всех перебежчиков. Зато Гагарин одним из первых отозвался на призыв Минина и вступил в ополчение.

В Ярославле власть была в руках престарелого боярина Андрея Куракина и дьяка Михаила Данилова. К ним присоединился приехавший из первого ополчения стольник Василий Бутурлин. Весть о присяге первого ополчения Псковскому вору и прибытие отряда Лопаты произвели должное впечатление на Куракина, и он счел за лучшее присоединиться к Пожарскому. Таким образом, Ярославль без боя перешел в руки второго ополчения. В первых числах апреля 1612 г. основные силы ополчения под колокольный звон вступили в Ярославль.

Занятие Ярославля произвело большое впечатление на города Поволжья. Даже казанская администрация была вынуждена признать власть Минина и Пожарского и отправить к ним большой отряд ратников.

4 апреля 1612 г. в Ярославль пришла грамота из Троице-Сергиева монастыря. Из нее воеводы узнали, что поляки уморили голодом в Кремле патриарха Гермогена. Кроме того, архимандрит Дионисий и Аврасий Палицын писали: «...соберитесь в одно место, где Бог благословит» и выберите царя. А где может Бог благословить, указано ниже: «...поспешите придти к нам в Троицкий монастырь». Понятно, что монастырское начальство крайне обеспокоено, как бы Земский собор не собрался в

Ярославле и не выбрал бы царя без них. А Дионисий и Палицын очень хотели провести собор в Троице-Сергиевом монастыре. Там вполне могло случиться и чудо – явился бы Сергей Радонежский и указал бы достойного кандидата на престол. Кроме того, у монахов были вполне земные аргументы: крепкие стены и большие пушки Троицы. Наконец, недалеко было и первое ополчение, и троицкие монахи надеялись контролировать ситуацию, играя на противоречиях руководителей ополчения. Надо ли говорить, что Минин и Пожарский не попались в ловушку для дураков. Они и не подумали идти в Троицу, а призыв монахов выбрать «пастыря» использовали в своих грамотах, рассылаемых по стране.

7 апреля из Ярославля по городам пошли грамоты, где говорилось: «Бояре и окольные, и Дмитрий Пожарский, и стольники и дворяне большие и стряпчие, и жильцы, и головы, и дворяне, и дети боярские всех городов, и Казанского государства князя, мурзы и татары, и разных городов стрельцы, пушкарники и всякие служилые и жилацкие люди челом бьют. По умножению грехов всего православного христианства, Бог навел неутолимый гнев на землю нашу: в первых прекратил благородный корень царского поколения (далее следовало перечисление бедствий Смутного времени до убийства Ляпунова и последовавшего за этим буйства казаков). Из-под Москвы князь Дмитрий Трубецкой да Иван Заруцкий, и атаманы и казаки к нам и по всем городам писали, что они целовали крест без совета всей земли государя не выбирать, псковскому вору, Марине и сыну ее не служить, а теперь целовали крест вору Сидорке [Псковскому вору. – А.Ш.], желая бояр, дворян и всех лучших людей обить, именье их разграбить и владеть по своему воровскому казацкому обычаю. Как сатана омрачил очи их! При них калужский их царь убит и безглавлен лежал всем напоказ шесть недель, об этом они из Калуги в Москву и по всем городам писали! Теперь мы все православные христиане общим советом, согласились со всею землею, обет богу и души свои дали на том, что нам их воровскому царю Сидорке и Марине с сыном не служить и против польских и литовских людей стоять в крепости неподвижно. И вам, господа, пожаловать, советовать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разоренье быть небезгосударным, выбрать бы нам общим советом государя, чтоб от таких находящих бед без государя Московское государство до конца не разорилось. Сами, господа, знаете, как нам теперь без государя против общих врагов, польских, литовских и немецких людей и русских воров, которые новую кровь начинают, стоять? И как нам без государя о великих государственных и земских делах с окрестными государями ссылатся? И как государству нашему вперед

стоять крепко и неподвижно? Так по всемирному своему совету пожаловать бы вам, прислать к нам в Ярославль из всяких чинов людей человека по два, и с ними совет свой отписать, за своими руками. Да отписать бы вам от себя под Москву в полки, чтоб они от вора Сидорки отстали, и с нами и со всею землею розни не чинили. В Нижнем Новгороде гости и все земские посадские люди, не пощадя своего имения, дворян и детей боярских снабдили денежным жалованьем, а теперь из всех городов приезжают к нам служилые люди, бьют челом всей земле о жалованье, а дать им нечего. Так вам бы, господа, прислать к нам в Ярославль денежную казну ратным людям на жалованье».

Надо ли говорить, что если бы Минину и Пожарскому удалось собрать собор в Ярославле, то все девять добрых молодцев-подписантов стали лишь хорошей декорацией для единственной кандидатуры на престол – Дмитрия Михайловича Пожарского.

Созыв собора в обстановке смуты и хаоса – дело не недель, а долгих месяцев. Поэтому в Ярославле, не дожидаясь собора, было создано земское правительство, управляющее уже большей частью России. В Ярославле возникли учреждения типа министерств – Поместный приказ, Монастырский приказ, Разрядный приказ, Казанский дворец, Новгородская четверть и другие, то есть все учреждения, существовавшие при Иване Грозном и Борисе Годунове. В Ярославле был устроен Денежный двор, и началась чеканка монеты. Земское правительство вступает в переговоры с зарубежными странами.

Значительную роль в правительстве играл Кузьма Минин. Нижегородский мещанин получил необычный и внушительный титул – «Выборный всею землей человек». Минин даже обзавелся собственной печатью, на которой была изображена фигура античного героя, сидящего в кресле и держащего в правой руке чашу. Рядом с креслом стояла амфора. Все это символизировало смысл деятельности Минина – собрание и хранение государственной казны.

Разумеется, кроме светской власти должна быть власть и духовная. Для созыва Большого собора нужно было время, а пока был создан Духовный совет, во главе которого был поставлен бывший ростовский митрополит Кирилл. Тот самый Кирилл, которого без особых оснований сместил с митрополии Гришка Отрепьев, дабы поставить туда своего благодетеля Филарета Романова.

Ярославское правительство учредило и новый государственный герб, на котором был изображен лев. На большой дворцовой печати были изображены два льва, стоящие на задних лапах. При желании введение

нового герба можно объяснить тем, что все самозванцы выступали под знаменами с двуглавым орлом, гербом Русского государства еще со времен Ивана III. Но, с другой стороны, новый государственный герб был уж очень похож на герб князя Пожарского, где были изображены два рыкающих льва. Да и сам Пожарский теперь именовался «Воевода и князь Дмитрий Михайлович Пожарково-Стародубский».

В отношении первого ополчения Минин и Пожарский вели гибкую политику, благодаря которой удалось избежать не только войны, но даже и официального разрыва между ополчениями. Однако по всей стране рассылались грамоты с обличениями руководителей первого ополчения. С некоторой долей упрощения ситуации это можно представить так: Минин и Пожарский признавали власть первого ополчения только под Москвой и больше нигде. В места, находившиеся под контролем Трубецкого и Заруцкого, посылались отряды дворян, которые выдавливали оттуда казаков, а кое-где и выбивали силой.

В апреле 1612 г. к Суздалью подошел отряд князя Романа Петровича Пожарского, и атаману Просовецкому пришлось уносить ноги. В мае воевода Иван Наумов подошел к Переславлю-Залесскому, и казаки снова бежали без выстрела. В том же мае князь Дмитрий Черкасский выбил казаков из Углича. Четыре атамана сразу перешли на его сторону, но к остальным пришлось применить силу.

Чтобы очистить путь на север, Дмитрий Пожарский отправил в Пошехонье отряд Лопаты-Пожарского. Воровские казаки были выбиты из Пошехонья. Их атаман Василий Толстой бежал в Кашин, где засел воевода первого ополчения Дмитрий Черкасский. Не долго поразмыслив, Черкасский перешел на сторону Пожарского.

Торжок и Владимир также подчинились «Совету всей земли», созданному в Ярославле.

Считая себя правителем государства, Пожарский взял в свои руки все внешнеполитические дела. Воевода прекрасно понимал, что у второго ополчения нет сил для одновременной войны с поляками и шведами, и решил выиграть время, вступив в переговоры со Швецией. Для этого 13 мая 1612 г. в Новгород был послан Степан Татищев с грамотами от Минина и Пожарского к митрополиту Исидору, новгородскому воеводе князю Ивану Большому Никитичу Одоевскому и шведскому воеводе Якобу Делагарди.

Пожарский намекнул шведам, что при выборах царя может быть рассмотрена кандидатура принца Карла-Филиппа, брата нового шведского короля Густава II Адольфа.

В середине июня 1612 г. в Ярославль прибыл проездом возвращавшийся с персидским посольством от шаха Абасса посол австрийского императора Рудольфа II Юсуф Григорович. Он был принят Пожарским. В ходе светской беседы всплыл как-то сам собой вопрос о кандидатуре на московский престол императорского брата эрцгерцога Максимилиана. Документально неизвестно, кто первым «сказал мяу» про Максимилиана, но вряд ли это мог сделать посол, не имевший на то санкции императора и отсутствовавший в Вене несколько лет.

Пожарский заявил Григоровичу, что русские Максимилиана «примут с великой радостью», и предложил императору заключить военный союз против Польши. Знаменитый историк С.М. Соловьев с иронией писал о дипломатической деятельности Пожарского: «Вожди ополчения по неопытности своей думали, что Австрия теперь захочет быть благодарною, поможет Московскому государству в его нужде».^[90]

Теперь эти высказывания повторяет каждый, кто пишет о Пожарском, да еще и не ставит кавычек. На самом деле воевода не был столь наивен. Заметим, что австрийские императоры издавна добивались союза с Россией против Польши. В 1514 г. император Священной Римской (Австрийской) империи Максимилиан I предложил Василию III частичный раздел Польши между Австрией и Московией так, чтобы к Австрии отошла Силезия, а к Московии – Киев с областью. Это было первое по времени предложение такого рода. Позднее они повторялись периодически. Так, к примеру, в 1572 г. император Максимилиан II обратился к Ивану Грозному с предложением устроить полный раздел Польши. При этом Великую Польшу, Мазовию, Куявию и Силезию присоединить к Австрийской империи, а Литву и ее земли (Белую и Малую Русь и Подляшье) – к Московскому царству.

Итак, Пожарский пытался устроить Польше войну на два фронта (как в 1939 г.!) при довольно большой вероятности успеха. Однако по ряду причин, в том числе из-за турецкой угрозы, Рудольф II не выступил против Польши. Однако сам факт ведения переговоров ярославского правительства с австрийским императором был замечен в Польше и стал серьезным аргументом у радных панов против продолжения королевской войны с Россией.

А внутри страны толки о брате шведского короля и брате императора Священной Римской империи создавали Пожарскому большой пропагандистский эффект. Ну, предположим, собрали вожди ополчения в Ярославле собор представителей всех русских городов, а кандидатура одна – стольник Пожарский. А других нет, слишком незнатны и мало известны в

стране его соратники, собравшиеся под знаменем второго ополчения. И получилось бы, что Пожарский избрал сам себя. А тут лучшие в Европе кандидаты – эрцгерцог и принц. Другой вопрос, если собор обнаружит у каждого из них принципиальные недостатки. Ну, тогда простите, по всей Европе искали, ничего лучшего не нашли, больше некому царем быть, как Дмитрию Михайловичу.

Казалось, еще немного, и Земский собор изберет славного воеводу царем, а митрополита Кирилла – патриархом. Со Смутой было бы покончено в течение нескольких месяцев. Вся история государства Российского могла пойти по другому пути.

Однако судьба распорядилась совсем иначе. В июле 1612 г. войско гетмана Ходкевича двинулось на Москву. Перед Пожарским и Мининым возникла роковая дилемма – идти к Москве означало своими руками погубить план спасения государства, который был уже на грани успеха. Под Москвой волей-неволей придется сотрудничать с первым ополчением, признать его легитимность и делить плоды победы. А то, что собой представляла публика из первого ополчения, Пожарский и Минин знали не понаслышке. Не было никакого сомнения, что воровские казаки и впредь будут источником смут и потрясений. Но, с другой стороны, стоять в Ярославле и ждать, пока Ходкевич разгонит казаков и деблокирует войско Гонсевского, тоже было нельзя. Это скомпрометирует второе ополчение и особенно его вождей. Узнав о походе Ходкевича, многие казачьи атаманы из подмосковного лагеря писали слезные грамоты к Пожарскому с просьбой о помощи.

С аналогичной просьбой к Пожарскому обратились монахи Троице-Сергиева монастыря. В Ярославль срочно выехал келарь Авраамий Палицын, который долго уговаривал Пожарского и Минина.

Из двух зол пришлось выбирать меньшее, и Пожарский приказал готовиться к походу на Москву.

Однако Пожарского в первом ополчении ждали не все. «Боярин» Заруцкий люто ненавидел прославленного воеводу. По его указанию в Ярославль отправились двое казаков – Обреска и Степан. Там им удалось вовлечь в заговор смолян Ивана Доводчинова и Шанду, а также рязанца Семена Хвалова. Последний был боевым холопом князя Пожарского. Заговорщики решили убить Пожарского, когда он будет осматривать новые пушки на центральной площади Ярославля. В тесноте казак Степан попытался ударить князя ножом в живот, но промахнулся и попал в бедро стоявшего рядом ополченца Романа. Степана схватили, и на пытке он назвал своих товарищей, которые также во всем признались. Преступники

были заключены в тюрьму. Позже часть из них отправили в Москву на «обличенье». Там они во всем покаялись и были прощены по просьбе Пожарского.

Понятно, с каким чувством после всего происшедшего Пожарский и ополченцы выступали в поход на Москву, где вместо союзников их ждали убийцы. Но откладывать поход было нельзя – приходили тревожные вести о приближении к Москве войска Ходкевича. Пожарский отправил передовые полки. Первым полком командовали воеводы Михаил Самсонович Дмитриев и Федор Васильевич Левашов. Этот полк должен был подойти к Москве и, не входя в стан Трубецкого и Заруцкого, поставить себе особый острожек у Петровских ворот. Вторым полком командовали Дмитрий Петрович Лопата-Пожарский и дьяк Семен Самсонов. Этот полк должен был стать у Тверских ворот. Была еще одна причина спешить к Москве – надо было спасти дворян и детей боярских, все еще остававшихся в первом ополчении, от казацкой расправы.

Атаман Заруцкий решил преградить путь второму ополчению. Он отправил несколько тысяч казаков на перехват полка Лопаты-Пожарского. Однако после короткого боя дворянская конница разогнала воровских казаков.

Одновременно Заруцкий вступил в переговоры с гетманом Ходкевичем, войско которого остановилось у села Рогачево. Об этом стало известно в первом ополчении, и Заруцкий вместе с 2500 казаками в ночь на 28 июля бежал по Коломенской дороге. В Коломне жила Марина Мнишек с сыном. Заруцкий забрал их с собой, разграбил Коломну и ушел на Рязанщину, где обосновался в городе Михайлове.

Вечером 18 августа 1612 г. ополчение Пожарского, не доходя пяти верст до Москвы, остановилось на реке Яузе. К Арбатским воротам были посланы разведчики, которым поручалось найти удобные места для устройства стана.

В течение ночи Трубецкой отправил несколько гонцов к Пожарскому с предложением приехать в стан первого ополчения для переговоров. Но соратники Пожарского хорошо помнили убийство Ляпунова и отвечали: «Отнюдь не бывать тому, чтоб нам стать вместе с казаками». На следующее утро, когда ополчение подошло ближе к Москве, Трубецкой сам прискакал к авангарду войска Пожарского и в личной беседе просил Дмитрия Михайловича встать вместе в одном остроге у Яузских ворот, но ответ был прежний: «Отнюдь нам вместе с казаками не стаивать».

В итоге второе ополчение заняло позиции в Белом городе от северных Петровских ворот до Чертольских (Кропоткинских) ворот. Первое же

ополчение по-прежнему занимало южную и юго-восточную части Москвы.

Вечером 21 августа войско гетмана Ходкевича стало на Поклонной горе. Силы второго ополчения составляли немногим более десяти тысяч, а у Трубецкого осталось не более трех-четырёх тысяч казаков, которые были сосредоточены в районе Крымского двора, где сейчас находится Октябрьская площадь, а также за рекой Яузой. Пожарский опасался, что если Ходкевич решит ударить по войску Трубецкого, то казаки долго не продержатся. Поэтому он приказал пятистам конным дворянам переправиться на правый берег Москвы-реки и занять позицию недалеко от табора первого ополчения.

На рассвете 22 августа гетман форсировал Москву-реку у Новодевичьего монастыря. Конница Пожарского контратаковала поляков. Некоторое время встречный бой кавалерийских лав шел с переменным успехом. Но вскоре подошла немецкая пехота, служившая у Ходкевича, и русская конница отступила.

После полудня гетман ввел в бой все свои силы. Но ополчение Пожарского заняло оборону вдоль остатков укреплений Белого города между Тверскими и Арбатскими воротами и упорно сопротивлялось. Осажденные в Кремле поляки пошли на вылазку из Алексеевских и Чертольских ворот Кремля. По приказу Пожарского против них был брошен свежий полк стрельцов. Поляки понесли большие потери и бежали под защиту стен Кремля.

Битва продолжалась уже семь часов. Между тем войско Трубецкого на другом берегу Москвы-реки оставалось в бездействии. Казаки спокойно наблюдали за боем и кричали: «Богаты дворяне пришли из Ярославля, отстоятся и одни от гетмана». Отряд же, посланный Пожарским к Трубецкому, пошел на выручку своих. Трубецкой не хотел их отпускать, но отряд быстро переправился через реку. Этому примеру последовали и некоторые из казаков – атаманы Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов и Марко Козлов, крича Трубецкому: «От вашей ссоры Московскому государству и ратным людям пагуба становится!»

Поляки обожают лихие конные атаки, но удар с тыла быстро обращает их в бегство. Так было и в сентябре 1739 г., и при Суворове, так же дело кончилось и 22 августа 1612 г. Поляки ретировались к Поклонной горе.

Однако хитрый гетман задумал провести ночью четыреста возов с продовольствием в Кремль. Шестьсот конных поляков сопровождали возы, а вел их русский стольник Григорий Орлов, сумевший пробиться к гетману из Кремля. Полякам удалось пройти мимо воинства Трубецкого и благополучно войти в Кремль. Правда, С.М. Соловьев утверждал, что в

Кремль благополучно вошел лишь конвой, а обозы достались русским.

23 августа Ходкевич стоял на Поклонной горе без движения. Поляки из Кремля сделали небольшую вылазку.

На рассвете 24 августа Ходкевич двинулся на Трубецкого. Пожарский не решился переправить все свои войска через Москву-реку на помощь Трубецкому, в этом случае поляки легко захватили бы западную и юго-западную части Белого города. Поэтому он приказал переправиться через реку полкам воевод Лопаты-Пожарского и Туренина, которые ранее занимали позиции на северном фланге от Никитских до Петровских ворот Белого города. Воеводы стали на правом фланге (у Крымского брода) и успешно отразили нападение поляков. Однако казаки Трубецкого не выдержали удара в районе Серпуховских ворот и обратились в бегство. После упорного пятичасового боя поляки прорвались к берегу Москвы-реки напротив собора Василия Блаженного. Большая толпа казаков вообще отказалась драться, заявив: «Они [то есть дворяне Пожарского. – А.Ш.] богаты и ничего не хотят делать, мы наги и голодны, и одни бьемся; так не выйдем же теперь на бой никогда».

Минин послал за келарем Троице-Сергиева монастыря Авраамием Палицыным, имевшим большое влияние на казаков. Палицыну с большим трудом удалось уговорить казаков продолжить бой. Следует отметить, что Ходкевич не сумел воспользоваться моментом, поскольку он попытался провести свой обоз с продовольствием в Кремль, но сотни повозок создали пробки в тесных и кривых улицах Замоскворечья.

Затем Палицын переправился через Москву-реку и направился в табор к казакам, расположенный у Яузских ворот. Там казаки преспокойно пьянствовали и играли в зернь. Палицын их уговорил, видимо, рассказав о каком-то чуде Сергия Радонежского. Во всяком случае, казаки с криком: «Сергиев! Сергиев!» в конном строю переправились через Москву-реку в Замоскворечье и ударили в правый фланг поляков.

Дело шло к вечеру, но битва по-прежнему шла с переменным успехом. Чтобы переломить ситуацию, Пожарский дал Кузьме Минину три сотни отборных дворян и приказал атаковать конную и пешую польские роты, стоявшие у Красных ворот. Поляки, увидев русскую конницу, бросились бежать, не приняв боя. Увидев бегущих, начали отступать и соседние роты. В свою очередь, казаки и стрельцы Пожарского перешли в наступление в Замоскворечье. Бросив обоз, Ходкевич отступил, всеми силами стараясь сохранить боеспособность хотя бы части своих войск. Первоначально поляки отошли к Донскому монастырю, а глубокой ночью перешли на Воробьевы горы. Там гетман простоял два дня. В Кремль Ходкевич послал

лазутчика с грамотой, в которой просил осажденных подождать три недели, после чего обещал вернуться с большим войском. Свой уход гетман оправдывал большими потерями, у него-де осталось всего четыреста человек конницы (о пехоте там не говорилось). После чего остатки войска Ходкевича двинулись на запад по Смоленской дороге. Русские их не преследовали.

Глава 7

Освобождение Москвы

Поражение Ходкевича не сплотило ополчения, а наоборот, начались новые ссоры. Боярин Трубецкой требовал подчинения от Пожарского и Минина. Они-де должны были являться к нему в стан за приказаниями. Ведь князь Пожарский не бегал за боярством в Тушино и так и остался стольником. Те же помнили Ляпунова, да и не собирались подчиняться проходимцу.

В начале сентября среди казаков пошли разговоры, что надо уезжать из-под Москвы и отправляться гулять по северным русским городам. Заводчики кричали, что казаки голодны, раздеты и разуты и не могут стоять в осаде, а под Москвой пусть богатые дворяне остаются.

Если бы воровские казаки провалились в тартарары, Минин и Пожарский, наверное, перекрестились бы, но допустить разорения северных городов они не могли.

Воспользовавшись конфликтом между Пожарским и Трубецким, отдельные воеводы решили вообще никому не подчиняться. Так, 12 сентября князь Василий Тютякин привел из Одоева триста всадников и расположился отдельным лагерем, эдаким независимым полевым командиром.

Дело решил уладить троицкий архимандрит Дионисий. Он созвал монахов для совета: что делать? Денег в монастыре нет, нечего послать казакам, как их упросить остаться под Москвой? Решили послать казакам в заклад в тысячу рублей на короткое время церковные сокровища, ризы, стихари, епитрахили саженные и написали казакам грамоту. Расчет Дионисия оказался правильным: суеверные казаки не решились брать в заклад церковные вещи. Два атамана отвезли утварь обратно в монастырь и дали монахам грамоту, в которой клятвенно обещали все претерпеть, но не уйти от Москвы.

В свою очередь, воеводы договорились встречаться на нейтральной территории на реке Неглинной.

В районе Пушечного двора, в Егорьевском монастыре и у церкви Всех святых на Кулишках были построены осадные батареи, которые открыли круглосуточный огонь калеными ядрами и мортирными бомбами по Кремлю и Китай-городу. 20 сентября от каленых ядер начался сильный пожар, сгорело три дома во дворе князя Мстиславского, полякам с большим

трудом удалось погасить огонь.

Пожарский и Трубецкой договорились перегородить Замоскворецкий полуостров глубоким рвом и палисадом от одного берега Москвы-реки до другого, чтобы исключить возможность провоза продовольствия полякам. Оба воеводы попеременно, день и ночь, следили за работами.

15 сентября Пожарский послал в Кремль грамоту с предложением почетной капитуляции: «...которые из вас захотят в свою землю, тех отпустим без всякой зацепки, а которые захотят Московскому государству служить, тех пожалуем по достоинству...»

21 сентября был получен ответ: «От полковника Мозырского, хорунжего Осипа Будилы, трокского конюшего Эразма Стравинского, от ротмистров, поручиков и всего рыцарства, находящегося в московской столице, князю Дмитрию Пожарскому. Мать наша отчизна, дав нам в руки рыцарское ремесло, научила нас также тому, чтобы мы прежде всего боялись Бога, а затем имели к нашему государю и отчизне верность, были честными... Письму твоему, Пожарский, которое мало достойно того, чтобы его слушали наши шляхетские уши, мы не удивились... Мы хорошо знаем вашу доблесть и мужество; ни у какого народа таких мы не видели, как у вас, в делах рыцарских вы хуже всех классов народа других государств и монархий. Мужеству вы подобны ослу или байбаку, который, не имея никакой защиты, принужден держаться норы... Впредь не пишите к нам ваших московских сумасбродств, – мы их уже хорошо знаем».

Это поляки, разграбившие Москву и пол-России, пишут про «честность»! Паны рокошане разглагольствуют о верности королю. Вот как только «ослы и байбаки» загнали поляков в Кремль и накостыляли Ходкевичу?! В таких случаях на Украине о поляках говорили: «Всравшись орет – наша берет!»

А между тем доблестное рыцарство страшно голодало и начало в буквальном смысле поедать друг друга.

Некоторые историки обвиняют Сигизмунда в том, что он бросил московский гарнизон на произвол судьбы. Король действительно совершил много тактических и стратегических ошибок, главной из которых было столь долгое «сиденье» под Смоленском. Осенью же 1612 г. он делал все, что мог. Но у короля опять не было денег. Он не заплатил польскому рыцарству за три летних месяца, и оно разъехалось по домам, забыв о своих коллегах в Москве. В итоге Сигизмунду пришлось отправиться в поход лишь с отрядом иностранных наемников и несколькими эскадронами гусар из своей гвардии. Король двинулся из Смоленска на Москву через так называемые «царские ворота». Однако перед королем «царские ворота»

сорвались с петель и загородили дорогу войскам. Королю пришлось выбираться из Смоленска окольным путем. Дорогой к королю присоединился Адам Жолкевский, племянник гетмана, со своей частной армией в 1200 всадников. Король с войском прибыл в Вязьму в самом конце октября. Но к этому времени уже произошла развязка затянувшейся драмы.

По приказу князя Пожарского у Пушечного двора (близ этого места в XX в. была построена гостиница «Москва») была устроена большая осадная батарея, которая открыла с 24 сентября интенсивный огонь по Кремлю. 3 октября открыла огонь осадная батарея, построенная первым ополчением у Никольских ворот.

21 октября поляки предложили русским начать переговоры и прислали к Пожарскому полковника Будилу. Однако переговоры затянулись, рыцарство требовало почетной капитуляции, то есть выпуска поляков из Кремля с оружием и т. п. Пожарский же был согласен лишь на безоговорочную капитуляцию.

Казаки узнали о переговорах и решили, что их лишают части добычи. 22 октября без команды главных воевод они бросились к стенам Китай-города. Поляки не ожидали нападения и растерялись. Казаки ворвались в Китай-город и выбили из него ляхов. Среди убитых были знатные паны Серадский, Быковский, Тваржинский и другие.

Потеря Китай-города несколько сбила спесь с поляков. Они вновь запросили переговоров. На сей раз переговоры велись у самой кремлевской стены. Поляков представлял полковник Струсь, а бояр, сидевших в Кремле, – князь Мстиславский, со стороны осаждающих были Пожарский и Трубецкой.

В начале переговоров бывший глава Боярской думы Мстиславский покаялся и бил челом «всей земле», а конкретно Пожарскому и Трубецкому. Для начала поляки попросили разрешения покинуть Кремль всем русским женщинам. Русские воеводы согласились.

Вышедшие из Кремля боярыни и княгини пытались унести с собой драгоценности. Казаки хотели ограбить их, но Пожарский с дворянами отконвоировал женщин в свой лагерь.

Наиболее серьезный исследователь Смутного времени советский историк Р.Г. Скрынников писал по поводу переговоров Пожарского с поляками: «После трехдневных переговоров земские вожди и боярское правительство заключили договор и скрепили его присягой. Бояре получили гарантию того, что им будут сохранены их родовые наследственные земли. Сделав уступку знати, вожди ополчения добились

огромного политического выигрыша. Боярская дума, имевшая значение высшего органа монархии, согласилась аннулировать присягу Владиславу и порвать всякие отношения с Сигизмундом III. Земские воеводы молчаливо поддержали ложь, будто „литва“ держала бояр в неволе во все время осады Москвы». [\[91\]](#)

Такой вывод маститого ученого, многие десятилетия занимавшегося историей Руси XVI – начала XVII в., представляется мне, мягко выражаясь, странным. О каком «огромном политическом выигрыше» могла идти речь? Какой такой «высший орган монархии» мог быть? Де-юре Боярская дума была совещательным органом при московских князьях, которые начиная с Ивана IV именовали себя царями. В Боярскую думу наряду с князьями Рюриковичами московские князья включали и безродных лиц, оказавших им различные услуги, в том числе и весьма сомнительные. Теперь род Ивана Калиты пресекался, и правителем России с точки зрения феодального права должен был стать князь Рюрикович, а не потомок беспородных бояр – холопов московских князей. Так несколько десятилетий назад во Франции сделали королем Генриха IV. Пусть он был гугенот, пусть владения его родителей были ничтожны, но он был королевской крови! Феодальное право было основано на прямом родстве по отцовской линии, и никакое иное родство или богатство не принималось в расчет.

Иван Грозный несколько десятилетий правил, игнорируя Боярскую думу, а подчас и издеваясь над ней. За годы Смуты Боярская дума полностью себя скомпрометировала. Да и что такое боярство? Это чин, присваиваемый законным правителем страны. К 1612 г. в России практически не осталось бояр, которым этот чин присвоил Иван Грозный. Кому-то дал боярство Борис Годунов, кому-то – Лжедмитрий I, кому-то – Василий Шуйский, а кому-то – Тушинский вор. Все они Боярской думой были признаны незаконными правителями. Тогда, соответственно, и все боярские чины получены незаконно. Разве генерал царской армии сохранял свои чины при переходе в Красную Армию? Я уж не говорю о генералах из власовской армии.

Рассмотрим ситуацию де-факто. Боярин – это соратник князя, приводящий в случае опасности князю свою дружину «конно людно и оружно». Но в октябре 1612 г. у сидевшей в Москве знати не было никаких дружин, и они никого не представляли. Наоборот, большие батальоны были у Пожарского, а у Трубецкого были куда меньше.

На мой взгляд, Пожарский допустил роковую ошибку, признав бояр «пленниками ляхов». Пожарский сам, своими руками вытащил их из дерьма, вернул им вотчины, сохранил их драгоценности. И вот через

несколько месяцев, вернув себе власть в вотчинах, воссоздав дружины, эти ничтожества вновь стали настоящими боярами. Так появилась третья сила (кроме первого и второго ополчений).

Пожарский мог отдать бояр под суд, лишив их боярства и вотчин. А их земли и другое имущество следовало раздать освободителям Москвы – дворянам Пожарского и казакам. Надо ли говорить, что в этот момент князь Дмитрий стал бы кумиром подавляющего большинства казаков. А каждому, кто пожалел бы бояр и стал бы противиться секвестру, казаки просто перерезали бы глотку. Первое ополчение сразу прекратило бы свое существование. И совсем нетрудно угадать, кто был бы избран царем на соборе 1613 года.

Был и другой путь. Пожарский мог намекнуть своим людям, чтобы те не очень мешали казакам нападать на бояр, выходящих из Кремля, а при необходимости даже помогли устроить самосуд. В этом случае «этикет» был бы соблюден, а последствия были бы те же, что и в первом варианте. Известны многочисленные случаи, когда на великих полководцев и государственных деятелей находило некое «затмение», и они совершали непростительные ошибки. Видимо, так произошло и с Пожарским.

И вот 26 октября (3 ноября по новому стилю) открылись Троицкие ворота Кремля и на Каменный мост вышли бояре и другие москвичи, сидевшие в осаде вместе с поляками. Впереди процессии шел Федор Иванович Мстиславский, за ним – Иван Михайлович Воротынский, Иван Никитич Романов с племянником Михаилом и его матерью Марфой.

Казаки попытались напасть и как минимум ограбить бояр, но Пожарский с дворянами силой оружия удержали казаков и заставили убраться в их табор.

Собственно, эта сцена стала хрестоматийной, и ее повторяют один в один все наши историки. Однако все историки по незнанию или иному умыслу забывают, что на следующий день из Спасских ворот Кремля вышел крестный ход православного духовенства, сидевшего в осаде вместе с поляками.

Впереди в сопровождении кучки монахов шел седой иерарх с крестом. Это был «черный кардинал» Смутного времени – крутицкий митрополит Пафнутий. За ним шли галасунский (архангельский) архиепископ Арсений и кремлевское духовенство.

Обратим внимание, что Пафнутий и другие духовные лица, видимо, ожидали резню на Каменном мосту и пошли отдельно от бояр.

В тот же день, 27 октября (4 ноября), произошла капитуляция польского гарнизона. Принимал капитуляцию Кузьма Минин. Часть

пленных во главе с полковником Струсем отдали Трубецкому, а остальных с полковником Будилой – второму ополчению. Казаки перебили большую часть доставшихся им поляков. Уцелевших поляков Пожарский и Трубецкой разослали по городам: в Нижний Новгород, Балахну, Галич, Ярославль и другие.

Глава 8

Тайны Земского собора 1612 года

Освобождение Москвы и отступление короля Сигизмунда дало возможность московскому правительству заняться созывом собора для избрания царя. В ноябре 1612 г. по всем городам были разосланы грамоты с приказом выслать выборных людей в Москву. В грамотах говорилось: «Москва от польских и литовских людей очищена, церкви божии в прежнюю лепоту облеклись и Божие имя славится в них по-прежнему; но без государя Московскому государству стоять нельзя, печься об нем и людьми божиими промышлять некому, без государя вдосталь Московское государство разорят все: без государя государство ничем не стоит и воровскими заводами на многие части разделяется и воровство много множится».

Заседания собора начались 6 декабря 1612 г., хотя к тому времени в Москву прибыли лишь немногие выборные. Ход же заседаний собора уже три столетия вызывает споры историков. Официальные царские историки описывали елейную историю, как весь собор, умиляясь, избрал на царство Михаила Романова. Любые иные версии в XIX в. грозили Сибирью. В XX в. у историков-монархистов в эмиграции не было цензуры, но они так соскучились по сусальным картинкам «а-ля святая Русь», что с восторгом повторяли сказки XIX в.

Что же касается «прогрессивных» историков конца XIX – начала XX в., то их в основном мало интересовали подробности собора. В своих политических интересах они выпячивали сам факт созыва собора и то, что царь Михаил обещал править, в дальнейшем опираясь на волю последующих соборов. Таким образом обосновывалась утопическая идея проведения государственных соборов в России второй половины XIX – начала XX в.

Официальная версия событий хорошо изложена у Соловьева: «Прежде всего стали рассуждать о том, выбирать из иностранных королевских домов, или своего природного русского, и порешили „литовского и шведского короля и их детей и иных немецких вер и некоторых государств иноязычных не христианской веры греческого закона на Владимирское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ее на государство не хотеть, потому что польского и немецкого короля видели на себе неправду и крестное преступление и мирное нарушение: литовский король

Великий Новгород взял обманом“. Стали выбирать своих: тут начались козни, смуты и волнения; всякий хотел по своей мысли делать, всякий хотел своего, некоторые хотели и сами престола, подкупали и засылали; образовывали стороны, но ни одна из них не брала верх. Однажды, говорит хронограф, какой-то дворянин из Галича принес на собор письменное мнение, в котором говорилось, что ближе всех по родству с прежними царями был Михаил Федорович Романов, его и надобно избрать в цари. Раздались голоса недовольных: „Кто принес такую грамоту, кто, откуда?“ В то время выходит донской атаман и также подает письменное мнение. „Что это ты подал, атаман?“ – спросил его князь Дмитрий Михайлович Пожарский. „О природном царе Михаиле Федоровиче“, – отвечал атаман. Одинаковое мнение, поданное дворянином и донским атаманом, решило дело: Михаил Федорович был провозглашен царем».

Русские самодержцы были вольны уничтожать свои архивы и насиловать своих историков. Но существуют и архивы других государств. Вот, к примеру, протоколы допроса стольника Ивана Чепчугова и дворян Н. Пушкина и Ф. Дурова, попавших в 1614 г. в плен к шведам. Пленников допрашивали каждого в отдельности, поочередно, и их рассказы о казацком перевороте совпали между собой во всех деталях: «Казаки и чернь не отходили от Кремля, пока дума и земские чины в тот же день не присягнули Михаилу Романову».

Подобное говорили и дворяне, попавшие в плен к полякам. Польский канцлер Лев Сапега прямо заявил пленному Филарету Романову: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки».

13 апреля 1613 г. шведский разведчик доносил из Москвы, что казаки избрали Михаила Романова против воли бояр, принудив Пожарского и Трубецкого дать согласие после осады их дворов. Французский капитан Маржерет, служивший в России со времен Годунова, в 1613 г. в письме к английскому королю Якову I подчеркивал, что казаки выбрали «этого ребенка», чтобы манипулировать им.

Наши церковные историки постарались «умертвить» Пафнутия еще в 1611 г. Но, на их беду, он был жив. Это обнаружено одним из лучших историков русской церкви профессором богословия Антоном Картуковым, который, находясь с 1919 г. в Париже, несколько десятилетий посвятил истории православной церкви и выпустил многотомный труд.

После смерти патриарха Гермогена митрополит крутицкий стал первым лицом в русской церковной иерархии. Он-то и руководил собором в первые месяцы. Лезть самому в патриархи ему не позволяли ни состояние здоровья, ни его прежние похождения. Естественно, Пафнутий не мог

простить Пожарскому его попытку сделать Исайю митрополитом крутицким. И ему ничего не оставалось делать, как примкнуть к своим давним покровителям – Романовым. Перед самым приездом Михаила Романова в Москву Пафнутий умер, и встретил претендента на престол уже казанский митрополит Ефрем.

Фактически в Москве и не было правомочного Земского собора. По официальной версии, 14 апреля 1613 г. собор постановил составить утвержденную грамоту об избрании царем Михаила Романова. Об этой грамоте хорошо сказал профессор Р.Г. Скрынников: «За образец дьяки взяли годуновскую грамоту. Нимало не заботясь об истине, они списывали ее целыми страницами, вкладывали в уста Михаила слова Бориса к собору, заставляли иноку Марфу Романову повторять речи иноки Александры Годуновой. Сцену народного избрания Бориса на Новодевичьем поле они воспроизвели целиком, перенесли ее под стены Ипатьевского монастыря. Обосновывая права Романовых на трон, дьяки утверждали, будто царь Федор перед кончиной завещал корону братаничу Федору Романову. Старая ложь возведена была теперь в ранг официальной доктрины».^[92]

Чтобы убедиться, что избирательная грамота является фальшивкой, достаточно взглянуть на подписи под ней. Грамота помечена маем 1613 г., но в грамоте боярами названы Дмитрий Пожарский, И.Б. Черкасский, И.Н. Одоевский и Б.М. Салтыков, а между тем первые два получили боярство 11 июля 1613 г., а два последних – в декабре 1613 г. Формально грамоту подписали представители от 50 городов и уездов, многие города подписаны одним человеком, хорошо еще, если дворянином, а то и посадским человеком. Кузьма Минин – исключение в XVII в., в то время ни один город не послал бы от себя выбирать царя одного посадского человека.

Попробуем на секунду задуматься, как могли выбрать на престол в такой сложный момент 16-летнего юношу? Мне могут возразить, что Александр Невский разбил шведов на Неве, будучи 19 лет от роду, а через два года побил немцев на Чудском озере. На том же озере дрался и его младший брат Андрей, которому было 12–14 лет. И не просто дрался, а командовал собственной суздальской дружиной, которая, по некоторым данным, и решила исход битвы. Младший лейтенант Буона-Парте в 16–17 лет писал трактаты по баллистике и штудировал кодекс Юстиниана. Но Михаил Романов не был ни Александром Невским, ни Бонапартом. Свои детские и отроческие годы он провел в ссылке в глухом селе в окружении двух теток, не считая крестьян. Потом Гришка Отрепьев вызвал девятилетнего отрока в Москву и произвел в стольники. Но и это ничего не изменило. Последние семь лет он безвылазно провел в Москве на своем

подворье. Неужто почти за четыре века десятки ученых, изучавших Смутное время, не смогли найти не только ни одного поступка, но и ни одного слова, произнесенного стольником Михаилом Романовым. Увы, это был недалекий мальчик, который наблюдал за ходом российской истории из окна своего терема и покидал его, лишь отправляясь в церковь, и в редких случаях для присутствия на официальных церемониях. Эдакая помесь русского недоросля Митрофанушки с Пу-И – последним императором Поднебесной империи.

Да представьте себе 15-летнего Д'Артаньяна, Де Бражелона или Петю Ростова. Мог ли кто-нибудь из них, находясь в осажденном городе да еще имея звание, соответствующее полковнику или даже генерал-майору, не взять в руки саблю?

К тридцати годам Михаил был настолько серьезно болен, что не мог даже самостоятельно передвигаться, но в молодости он был достаточно крепок и силен, так что в двадцать лет он увлекался охотой на лосей и на медведей.

Михаил присягал королевичу Владиславу, так почему же ему, как верному подданному, не встать под знамена своего сюзерена? Почему на лихом коне не рвануться с польскими хоругвями навстречу гетману Ходкевичу? Не позволяют убеждения? Так беги же с острой саблей к Пожарскому! Благо перебежчики, как русские, так и поляки, приходили в лагерь второго ополчения чуть ли не ежедневно. Не пускала мама, не пускали тетушки и нянечки – сиди, Миша, дома, читай псалтырь, дави мух на окнах или иными боярскими делами занимайся.

Так может быть, избрание царем столь ничтожной личности было вызвано интересами большой политики? Как раз наоборот. Избрание Михаила ставило Россию в крайне неблагоприятное положение. Ведь Михаил юридически был подданным королевича Владислава в отличие от Пожарского, Трубецкого и ряда других князей Рюриковичей и Гедиминовичей. В плену у поляков был митрополит Филарет – отец Михаила, что, естественно, давало большой политический козырь полякам в борьбе с Москвой. Наконец, избрание царем Михаила надолго лишило Россию главного духовного вождя – патриарха, поскольку Михаил и его мать желали в патриархи только Филарета. И это при том, что у Владислава в кармане был патриарх Игнатий, принявший уже тем временем унию.

О праве крови я уже говорил. В течение 700 лет даже в самом захудалом русском княжестве правили только природные князья Рюриковичи, а в Малой и Белой Руси – Гедиминовичи. Первым исключением стал Борис Годунов, да и то если забыть его происхождение

от чингизида Чета. Вторым исключением стал Михаил Романов. Это дало право любому князю Рюриковичу утверждать, что у него больше прав на престол, чем у династии Романовых. По этому поводу любили шутить вождь русских анархистов Петр Кропоткин и диссидент князь Петр Долгоруков, оба князья Рюриковичи по происхождению, утверждавшие, что у них более прав на корону, чем у царей династии Романовых.

А был ли в 1613 г. альтернативный кандидат на престол?

К власти рвался Гедеминович Дмитрий Трубецкой. Но он был слабый политик и бездарный воевода. Если дворянство считало его казацким боярином, то казаки издевались и презирали его.

Боярин Федор Мстиславский «с товарищи» был изгнан вождями ополчения из Москвы и даже не участвовал в соборе.

Интересно, что в документах начала XVII в. имеются намеки на то, что царства добивался и Иван Никитич Романов. Но, как уже говорилось, главой клана был Филарет, а он недолго любил своего брата Ивана. Видимо, родня не поддержала Ивана Никитича.

Как дореволюционные, так и советские историки утверждают, что Дмитрий Пожарский стоял в стороне от избирательной кампании начала 1613 г. Тем не менее уже после воцарения Михаила Романова Пожарского обвинили, что он истратил 20 тысяч рублей «докупаясь государству». Справедливость обвинения сейчас уже нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Но трудно предположить, что лучший русский полководец и серьезный политик мог безразлично относиться к выдвижению шведского королевича или шестнадцатилетнего мальчишки, да еще из семейства, которое с 1600 г. участвовало во всех интригах и поддерживало всех самозванцев. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что самым оптимальным выходом из Смуты было бы избрание государем славного воеводы, освободившего Москву и вдобавок прямого Рюриковича.

Однако против Пожарского сплотились все – и Пафнутий, и московские бояре, отсиживавшиеся в Кремле с поляками, и Трубецкой, и казаки. Серьезной ошибкой Пожарского был фактический роспуск дворянских полков второго ополчения. Часть дворян рати ушла на запад воевать с королем, а большая часть разъехалась по своим вотчинам. Причина – голод, царивший в Москве зимой 1612/1613 г. Известны случаи даже смерти от голода дворян-ополченцев. Зато в Москве и Подмоскovie остались толпы казаков, по разным сведениям их было от десяти до сорока тысяч. В Москве за Яузой возник целый казацкий город – Казачья слобода. Было и еще несколько казацких таборов под Москвой. Еще раз повторю: казаков не донских, не запорожских, а местных – московских, костромских,

брянских и т. д. Это были бывшие простые крестьяне, холопы, посадские люди. Возвращаться к прежним занятиям они не желали.

В конце октября 1612 г. Пожарский и Трубецкой решили рассчитаться с казаками. В ходе «разбора» было отобрано одиннадцать тысяч «лучших и старших казаков», которым раздали захваченные в Москве вещи, оружие и деньги (по 8 рублей на человека). Нескольким тысячам воровских казаков, входящих в различные никому не подчинявшиеся отряды, позволили строиться и заводить хозяйство в Москве и других городах, не платя два года налогов и долгов. Однако, как писал Авраамий Палицын, «Казацкого же чина воинство многочисленно тогда бысть, и в прелесть велику горше прежнего впадоша, вдавшееся блуду, питею и зерни, и пропивши и проигравши все свои имениа». То есть за несколько дней все было пропито, проиграно и прогуляно с девицами из Лоскутного ряда. Казаки опять остались без средств. За годы Смуты они отвыкли работать, а жили разбоем и пожалованиями самозванцев. Пожарского и его дворянскую рать они люто ненавидели. Приход к власти Пожарского или даже шведского королевича для местных казаков был бы катастрофой. Например, донские казаки могли получить обильное царское жалованье и с песнями уйти в свои станицы. А местным воровским казакам куда идти? Да и наследили они изрядно – не было города или деревни, где бы воровские казаки не грабили бы, не насиловали, не убивали.

Могли ли воровские казаки остаться безучастными к избранию царя? С установлением сильной власти уже не удастся грабить, а придется отвечать за содеянное. Поэтому пропаганда сторонников Романовых была для казаков поистине благой вестью. Ведь это свои люди, с которыми подавляющее большинство казаков неоднократно общалось в Тушине. Как мог Михаил Романов укорять казаков за преступления на службе у Тушинского вора? Да вместе же служили вору и выполняли приказы твоего папаши тушинского патриарха и твоих родственников тушинских бояр.

Пятьсот вооруженных казаков, сломав двери, ворвались к крутицкому митрополиту Ионе, исполнявшему в то время обязанности местоблюстителя патриарха, – «Дай нам, митрополит, царя!» Дворец Пожарского и Трубецкого был окружен сотнями казаков. Фактически в феврале 1613 г. произошел государственный переворот – воровские казаки силой поставили царем Михаила Романова. Разумеется, в последующие 300 лет правления Романовых любые документы о «февральской революции 1613 г.» тщательно изымались и уничтожались, а взамен придумывались сусальные сказочки типа приведенной выше сказочки С.М. Соловьева.

Замечу, что версию о казачьем перевороте поддерживал не только

Скрынников, но и известный специалист по истории России XVI–XVII вв. А.Л. Станиславский. В его монографии «Гражданская война в России XVII в.» глава, посвященная избранию царя, называется «Михаил Романов – казачий ставленник».

После победы сторонников Романовых возник весьма забавный вопрос: а где же сами Романовы? Иван Никитич торчал под боком и все время твердил, прозрачно намекая на себя, что Романовы знатны и в родстве с царями, но Михаил-де слишком молод и неопытен и т. д. и т. п. Но его, как уже говорилось, всерьез не приняли.

На поиски Михаила Романова и его матери была снаряжена большая экспедиция под руководством архиепископа рязанского Феодорита и родственника Михаила Федора Ивановича Шереметева. В наказе послам говорилось: «Ехать к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси в Ярославль или где он государь будет». Посланцы, уведомив новоизбранного царя и его мать об избрании, должны были сказать Михаилу: «Всяких чинов всякие люди бьют челом, чтоб тебе, великому государю, умилься над остатком рода христианского... и пожаловать бы тебе, великому государю, ехать на свой царский престол в Москву...» В заключении наказа говорилось: «Если государь не пожелает, станет отказываться или начнет размышлять, то бить челом и умолять его всякими обычаями, чтоб милость показал, был государем царем и ехал в Москву вскоре: такое великое божие дело сделалось не от людей и не его государским хотеньем, по избранью бог учинил его государем. А если государь станет рассуждать об отце своем митрополите Филарете, что он теперь в Литве и ему на Московском государстве быть нельзя для того, чтоб отцу его за то какого зла не сделали, то бить челом и говорить, чтоб он государь про то не размышлял: бояре и вся земля посылают к литовскому королю, за отца его дают на обмен литовских многих лучших людей».

Послы отправились из Москвы 2 марта 1613 г. А еще ранее, 25 февраля, по русским городам были разосланы грамоты с известием об избрании Михаила: «И вам бы, господа, за государево многолетие петь молебны и быть с нами под одним кровом и державою и под высокою рукою христианского государя, царя Михаила Федоровича. А мы, всякие люди Московского государства от мала до велика и из городов выборные и невыборные люди, все обрадовались сердечною радостью, что у всех людей одна мысль в сердце вместилась – быть государем царем блаженной памяти великого государя Федора Ивановича племяннику, Михаилу Федоровичу. Бог его, государя на такой великий царский престол избрал не по чьему-либо заводу, избрал его мимо всех людей, по своей неизреченной

милости. Всем людям о его избрании бог в сердце вложил одну мысль и утверждение».

Как видим, не прошло и двух недель после переворота, как началась мифологизация «февральской революции». Михаил чудесным образом стал племянником царя Федора, а бог лично «мимо всех людей» выдвинул кандидатуру племянника в цари.

Присяга в большинстве областей России последовала быстро и без осложнений. Первыми присягнули 4 марта жители Переяславля-Рязанского.

Наконец пришло в Москву сообщение от посольства, посланного на поиски Михаила. Михаила с матерью обнаружили в Костроме в Ипатьевском монастыре.

13 марта 1613 г. посольство прибыло в Кострому, а на следующий день отправилось в Ипатьевский монастырь. Для этого следовало лишь перейти по льду реку Кострому. Михаил и Марфа долго ломали комедию, но потом согласились ехать в Москву.

2 мая 1613 г. царь Михаил торжественно въехал в Москву. Михаил с матерью отстояли молебен в Успенском соборе, после чего Михаил допустил всех к своей руке.

Венчание Михаила на царство состоялось 11 июля 1613 г. Накануне торжественного дня, с вечера, в Успенском и других соборах, а также во всех столичных монастырях и церквях были отправлены всенощные бдения. На рассвете 11 июля начался звон кремлевских колоколов, который не прекращался до самого прибытия царя в Успенский собор.

Перед венчанием Михаил пожаловал в бояре стольников князей Пожарского и Черкасского. Во время коронации боярин князь Мстиславский осыпал Михаила золотыми монетами, боярин Иван Никитич Романов держал шапку Мономаха, боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой – скипетр, боярин князь Пожарский – державу. Венчал Михаила за неимением патриарха казанский митрополит Ефрем.

История царствования Михаила Федоровича – тема отдельного большого исследования. Я лишь останавлиюсь на нескольких аспектах, связанных с историей Смутного времени.

Михаил, вернувшись в Москву в мае 1613 г., нашел уже нормально функционирующий государственный аппарат. Основные приказы (министерства) были воссозданы Мининым и Пожарским еще летом 1612 г. в Ярославле. Зимой 1612/1613 г. аппарат был существенно усилен чиновниками, съехавшимися в Москву.

Боярскую думу по-прежнему возглавлял князь Федор Иванович

Мстиславский. Он был именованным представителем боярства, ибо по-прежнему писалось: «Бояре – князь Ф.И. Мстиславский с товарищи». Важную роль играл в думе и князь Иван Михайлович Воротынский. Но, увы, оба были абсолютно тупы в военном деле и весьма посредственные администраторы. Оба были в солидном возрасте и слабы здоровьем. Мстиславский умер в 1622 г., а Воротынский – в 1617-м.

Мстиславский и Воротынский удержались у власти исключительно в силу слабости царя, который принципиально был против выдвижения умных и энергичных государственных деятелей. Царя Михаила монархические историки называют Кротким. Естественно, что наименование дано на эзоповом языке, поскольку назвать кротким человека, отправившего на виселицу четырехлетнего ребенка, довольно сложно. «Кротость» на эзоповом языке означала «слабость ума». Семнадцать лет, проведенных за бабскими юбками, и не могли дать другого результата. За царя фактически правили его мать инокиня Марфа и его родня – Салтыковы. Замечу, что дядя царя Иван Никитич Романов занимал третье место после Мстиславского и Воротынского, но Марфа относилась к нему весьма настороженно, и его роль в управлении государством была крайне мала.

Управление государством инокиней резко нарушало писанные и неписанные светские и церковные законы. Но возражать этому никто не смел, поскольку Смута надоела всем классам населения России, за исключением разве что воровских казаков. Здоровый организм выздоравливает сам по себе, без врача или при враче, который не особенно вредит пациенту. Приблизительно такая ситуация сложилась и в России в 1613–1620 гг. И если бы «кроткого» Михаила заменили матерчатой куклой, в истории России мало что изменилось бы.

С избранием Михаила царем гражданская война на Руси не закончилась. На юге царские рати воевали с казаками Заруцкого, на западе – с поляками, на севере – со шведами. А по всей стране шныряли отряды казаков и остатки частных армий польских магнатов. Так, казачьи отряды неоднократно подходили к Москве, разбивали свои станы в Ростокино, у Донского монастыря и т. д. С большим трудом царским воеводам удавалось защитить столицу и отогнать «воров».

Польский отряд Александра Лисовского совершил рейд вокруг Москвы радиусом 200–300 км. Лисовский был смел и хитер. Его отряд состоял из отборных конников, которые сами себя именовали «лисовчиками». Лисовский действовал по типовому принципу всех грабителей, хорошо озвученному Шамилем Басаевым: «Набег – отход,

набег – отход».

В апреле 1617 г. коронное войско под командованием королевича Владислава выступило из Варшавы. 18 октября 1617 г. Владислав торжественно вступил в Вязьму. Поляки попытались внезапно овладеть Можайском, но получили отпор. Можайские воеводы Федор Бутурлин и Данила Леонтьев заперлись в городе и решили стоять насмерть. Поляки были вынуждены зазимовать в Вязьме. А летом следующего, 1618 года Владислав начал новый поход на Москву. С юго-запада ему на помощь шел малороссийский гетман Петр Конашевич Сагайдачный. 17 сентября королевич занял город Звенигород, а 20-го стал лагерем в знаменитом Тушине. Сагайдачный подошел тем временем к Донскому монастырю и через два дня соединился с поляками.

В ночь на 1 октября 1618 г. поляки начали штурм Москвы. Кавалер Мальтийского ордена Адам Новодворский сделал пролом в стене Земляного города и дошел до Арбатских ворот. Но из ворот выскочили русские. Тридцать поляков было убито на месте и около ста ранено. Ранен был и сам Новодворский. Уцелевшие поляки бежали. Штурм был отбит и в других местах.

20 октября на реке Пресне недалеко от стен Земляного города начались переговоры русских и польских представителей. Обе стороны вели переговоры, не слезая с лошадей. Теперь поляки и не поминали о воцарении в Москве Владислава, речь шла в основном о городах, уступаемых Польше, и сроках перемирия. И русские, и ляхи не собирались уступать. Последующие съезды 23 и 25 октября также ничего не дали.

Между тем наступили холода. Владислав с войском оставил Тушино и двинулся по Переяславской дороге к Троице-Сергиеву монастырю. Гетман Сагайдачный двинулся на юг. Он сжег посады Серпухова и Калуги, но взять оба города не сумел. Из Калуги Сагайдачный отправился в Киев, где объявил себя гетманом Украины.

Подойдя к Троицкому монастырю, поляки попытались взять его штурмом, но были встречены интенсивным артиллерийским огнем. Владислав приказал отступить на 12 верст от монастыря и разбить лагерь у села Рогачева. Королевич отправил отряды поляков грабить галицкие, костромские, ярославские, пошехонские и белозерские места, но в Белозерском уезде поляки были настигнуты воеводой князем Григорием Тюфякиным и побиты.

В конце ноября в селе Деулине, принадлежавшем Троице-Сергиеву монастырю и находившемся в трех верстах от него, возобновились русско-польские переговоры. Объективно время работало на Москву – вторая

зимовка могла стать роковой для польского войска. К тому же пришлось бы зимовать не в городе Вязьме, а почти в чистом поле, и расстояние до польской границы было в два раза большим. Но тут определенное влияние на русских послов оказали субъективные факторы. В дела посольские вмешалось руководство Троицкого монастыря, которого мало интересовала судьба юго-западных русских городов, но зато рьяно требовалось снятие польской блокады с монастыря любой ценой. А главное, Михаилу Романову и его матери во что бы то ни стало хотелось видеть Филарета в Москве.

В итоге 1 декабря 1618 г. в Деулине было подписано перемирие сроком на 14 лет и 6 месяцев, то есть до 3 января 1632 г. По условиям перемирия полякам передавались уже захваченные ими города Смоленск, Белый, Рославль, Дорогобуж, Серпейск, Трубчевск, Новгород Северский с округами по обе стороны Десны, а также Чернигов с областью. Мало того, к ним переходил и ряд городов, контролируемых русскими войсками, среди которых были Стародуб, Перемышль, Почеп, Невель, Себеж, Красный, Торопец, Велиж с их округами и уездами. Причем крепости отдавались вместе с пушками и «пушечными запасами». Эти территории враг получал вместе с населением. Право уехать в Россию имели дворяне со служилыми людьми, духовенство и купцы. Крестьяне и горожане должны были принудительно оставаться на своих местах.

Царь Михаил отказывался от титула «князя Ливонского, Смоленского и Черниговского» и предоставлял эти титулы королю Польши.

В свою очередь, поляки обещали вернуть захваченных русских послов во главе с Филаретом. Польский король Сигизмунд отказывался от титула «царя Руси» («великого князя Русского»). России возвращалась икона святого Николая Можайского, захваченная поляками и вывезенная ими в 1611 г. в Польшу.

Заключить такой позорный мир в то время, когда у поляков не было ни одного шанса взять Москву и были все шансы потерять армию от голода и холода (вспомним 1812 год!), мог только сумасшедший или преступник. Но Мишенька Романов так давно не видел папочку!

А между тем имелся еще и внешнеполитический фактор, складывавшийся явно не в пользу поляков. Московский Посольский приказ не мог не знать о кризисе отношений Речи Посполитой с Турцией и Швецией. В 1618 г. на турецкий престол вступил Осман II. Молодой султан немедленно начал подготовку к походу на Польшу. В 1621 г. большая армия перешла Днестр, но в битве у Хотина польские и запорожские войска под командованием королевича Владислава нанесли ей поражение.

В том же 1621 г. шведский флот вошел в устье Западной Двины и высадил двадцатитысячный десант, предводительствуемый королем Густавом II Адольфом. Война со шведами длилась восемь лет. 16 сентября 1629 г. было подписано перемирие, по которому Сигизмунд III наконец-то отказался от шведской короны. Ему пришлось признать Густава II не только королем Швеции, но и правителем Лифляндии, Эльбинга, Мемеля, Пиллау и Браунсберга.

В 1618 г. началась знаменитая Тридцатилетняя война, в которую немедленно вмешался король Сигизмунд III. Риторический вопрос: что произошло бы, если бы Владислав с коронным войском увяз в русских лесах?..

Глава 9

Итоги Великой смуты

Поход пана Ходкевича сорвал гениальные стратегические планы Дмитрия Пожарского. Капитуляция поляков в Кремле была лишь эпизодом в русско-польской войне, которая продолжалась еще 7 лет и закончилась позорным для нас Деулинским перемирием. В России был славный воевода – прямой потомок Рюрика, а вместо него выбрали в цари безродного юнца, который ни до этого, ни потом ничем не проявил себя в ратных делах. В конце концов можно было найти любого самого тупого двадцатилетнего оболтуса Рюриковича, который не удосужился целовать крест Владиславу и не имел отца в польском плену. Повторяю, любой бездельник был бы лучше Михаила. Увы, история не имеет сослагательного наклонения, но очевидно, что в этом случае Россия имела бы сейчас совсем другую границу с Украиной, по крайней мере ту, что была при Иване Грозном.

Дождемся 2012 года и увидим, как наши писатели и художники, унюхав социальный заказ, начнут в прозе и на холсте, и даже на телеэкранах изображать сусальные сцены: благостного, но очень умного Михаила; храброго, но придурковатого Пожарского; мудрого спасителя отечества Филарета и т. д.

А как же быть с «черным кардиналом» Пафнутием? Да не было его вообще в природе, поскольку он никак не уместается в сказочку о Смутном времени!

Но Смутное время – не сказка, и хеппи энда не было. Наоборот, главные зачинщики Смуты и «тушинские воры» сумели овладеть российским престолом.

Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой. Еще одно подтверждение этого мы увидим довольно скоро. Зачем учить историю? Для изучения истории XX в. достаточно «Московской саги» и «Деточек Арбата». Ну а Смутное время ждет своих «саг» и «деточек Федора Никитича».

Именно поэтому придворные дьяки, а затем и «благонамеренные историки» из кожи вон лезли, чтобы мы никогда не узнали правды о великой гражданской войне начала XVIII в.

Испокон веков на Руси после какого-либо, даже второразрядного бедствия, например, пожара в Москве, начинался розыск (следствие) с участием светских и духовных властей. Результаты его публично

объявлялись народу. Вспомним, насколько тщательно был проведен розыск в Угличе в связи со смертью царевича Дмитрия.^[93]

Ну а такое бедствие, как Смута, не было достойно розыска?

В 1613–1618 гг. подобный розыск имел не только историческое, но и большое политическое значение. Были живы и находились в юрисдикции московских властей родственники Григория Отрепьева, Марина Мнишек, чудовские монахи, монах Варлаам, бежавший с Отрепьевым в Литву, и, наконец, Иван Никитич Романов и многочисленные родственники Романовых по женской линии, которые видели Юшку Отрепьева на романовском подворье и затем на московском престоле.

Но именно этого и боялся новый царь. Посему было сделано все, чтобы скрыть правду о событиях Смутного времени. Вместо этого началась тотальная мифологизация русской истории.

Повторенные тысячу раз переплетения мифов стали у нас «исторической правдой». Миф о невинном отроке царевиче Дмитрии перекликается с мифом о злодее царе Борисе. С ним связан миф о безвинных мучениях в ссылке семейства Романовых и т. д. Самое забавное, что большая часть этих мифов оказалась в школьных учебниках по истории издания 2000–2007 гг.

Раздел IV

Революция и Гражданская война 1917– 1921 годов

Глава 1

«Россия, которую мы потеряли»

В четвертой и последней гражданской войне нас больше интересует не общий ход войны, а причины падения самодержавия и возникновения войны. Главное же в разделе – ответ на вопрос: почему победили именно большевики?

Что же представляла собой Российская империя к началу XX в.? 70 лет советские историки вещали об ужасах самодержавия. Ну а с 1991 г. демократические историки, писатели и журналисты льют слезы умиления о «России, которую мы потеряли». Причем обе стороны приводят неопровержимые аргументы, обосновывая свою позицию.

Те же демократы утверждают, что Россия была самой богатой по полезным ископаемым державой, с трудолюбивым населением, предприимчивым купечеством. Темпы роста валового продукта и народонаселения были рекордными в Европе, да и русские писатели, ученые-теоретики и инженеры шли «вперед планеты всей». Самое интересное, что все вышесказанное – святая правда. Но тут сразу возникает крайне неприятный вопрос: почему в столь процветающей державе за неделю рухнуло самодержавие и весь государственный аппарат; почему к власти пришли крайне левые элементы и почему страну охватила тотальная гражданская война?

Вот тут-то «демократы» начинают извиваться и невнятно лопотать о неизвестно откуда взявшихся сотнях тысяч злодеев-большевиков, получивших от кайзера огромные деньги, на которые и погубили «святую Русь».

Разобраться во всем происшедшем мы можем лишь поняв, что в здоровом организме государства Российского начал разлагаться головной мозг – самодержавная система управления. Причем тут я говорю исключительно о самодержавии Голштейн-Готторпов, принявших фамилию Романовых.

Сразу же после Великой французской революции 1789 г. вся Европа пошла по пути быстрого или медленного демонтажа феодальных порядков и пришла к капитализму.

Александр I и Николай I всячески пытались законсервировать наше феодальное государство азиатского типа. После тяжелого поражения в Крымской войне Александр II решил вступить на путь реформ. Но эти

реформы были, мягко говоря, половинчатые, я бы сказал, что они коснулись лишь 25 процентов жизни нашего общества. А говоря грубо, Россия оказалась в модной шляпе и при галстукe, но без порток!

Нет, нет, я нисколько не преувеличиваю! Ну, возьмем, к примеру, отмену крепостного права. Вроде бы крестьяне стали свободными. Но их оставили без земли. Хочешь – по-прежнему гни спину на помещика, хочешь – подымай с голоду. В чем-то даже стало хуже. Раньше помещик защищал своих крестьян от произвола чиновников или других помещиков, да и обязан был кормить своих крестьян в случае сильного неурожая и т. д. А теперь барину было на все наплевать: сдохнут – найдет других батраков.

Хорошо, но ведь с 1861 г. крестьянин был лично свободен. Сел на телегу с добром, а то и просто взял котомку на плечо и пошел искать лучшую долю. Благо Россия-матушка была необъятна. Захотел – отправился в Прибалтику, на Дальний Восток, в Среднюю Азию и т. д. Не тут-то было! Царское правительство допускало, а в отдельных случаях и поощряло переселенчество, но в крайне узких рамках – сотни людей, может быть, нескольких тысяч в год. А ведь могли пойти и миллионы. Причем министры и сановники не стеснялись называть причину запрета миграции крестьян – резко увеличивалась стоимость труда батраков.

Либералы и революционеры до 1917 г., говоря о положении крестьянства, концентрировали все внимание на его страданиях и бедности и не упоминали государственной выгоды. А ведь сохранение помещичьего землевладения после отмены крепостного права вело к развалу сельского хозяйства империи.

Спору нет, десятки помещиков (вспомним того же Левина в «Анне Карениной») делали сельскохозяйственное производство смыслом своей жизни, покупали за границей машины и удобрения, вводили передовые технологии, разводили племенной скот, создавали агропромышленные предприятия. Но, увы, таких помещиков было ничтожно мало! Основная же масса помещиков считала свои земли лишь источником дохода и не участвовала в управлении сельскохозяйственным процессом, предоставляя это делать наемным управляющим. Те воровали по мере возможности. Халтурили и воровали и батраки.

В результате Россия, с одной стороны, по-прежнему кормила Европу хлебом, постепенно вытесняясь США, Канадой и Аргентиной, а с другой стороны, большая часть помещичьих имений была в долгах, заложенными и перезаложенными. Царское правительство через Дворянский банк и иные учреждения постоянно финансово подпитывало помещиков. Кроме того, ежегодно десятки помещиков-аристократов, как находившихся на службе,

так и не служивших вообще, обращались к царю или царице за помощью и получали круглые суммы в тысячи, а то и в десятки тысяч рублей в виде единовременных пособий.

Еще большей бедой для нашей страны стало ограничение переселенческой политики. Вспомним, что все наши правители от Ивана III до Екатерины II регулярно организовывали добровольно-принудительные переселения десятков тысяч, а то и сотен тысяч людей. И без такой переселенческой политики не было бы создано Русское государство.

Вот, к примеру, Дальний Восток был присоединен к России в 1860 г. Но, увы, за 45 лет при наших царях его так и не удалось заселить. Отсутствие достаточного количества населения на Дальнем Востоке стало одной из причин поражения России в войне с Японией в 1904–1905 гг.

К 1917 г. в Прибалтике русское население составляло 4–8 %, на Кавказе и в Средней Азии – менее 1 %, я уж не говорю о Финляндии и Польше. Три узколобых Александра и два Николая не понимали, что кучка националистов при первом же ослаблении России сможет поднять эти регионы на борьбу за отделение от России, а противостоять им на местах будет никому.

В России в конце XIX – начале XX в. наблюдался экономический бум. Так, в 1913 г. прирост промышленности, включая легкую, составил 11,9 %. Обуховский сталелитейный завод в Петербурге был в состоянии производить самые мощные пушки калибра до 406 мм включительно. Когда на заводе ввели в строй огромный паровой молот, сейсмическая станция в Ревеле зафиксировала землетрясение в районе Петербурга.

Верфи в Петербурге и Николаеве строили броненосцы, а затем и дредноуты, не уступавшие по водоизмещению их британским и германским аналогам.

Тем не менее нет оснований проливать слезы по поводу России, которую мы потеряли. Вот пример. Обуховский или Металлический заводы изготовили десятки 305-мм башенных установок для наших кораблей. Но электрические приводы к ним заказывали во Франции или Германии; муфты Дженни, то есть устройства для плавной наводки орудия, – в США; шары, на которых вращалась артустановка, – в Швеции, Германии и т. д.; дальномеры и другие приборы управления стрельбой – в Англии, Франции и Германии.

Главная же беда была в полнейшей некомпетентности наших адмиралов. Обуховский завод с 1895 г. изготавливал лучшую в мире 305/45-мм пушку, которая могла стрелять старым снарядом недальнобойной формы на 25 км. Но наши адмиралы на учениях предпочитали стрелять на

дистанцию 4 км. Мало того, по их указанию угол возвышения орудий был ограничен 15 %. И потребовалась революция, чтобы большевики задрали стволы пушек под 45 % и получили дальность те же 25 км, а введя обтекаемый снаряд (образца 1928 г.) – все 30 км.

Обуховский завод еще в конце XIX в. освоил выпуск 37-мм и 47-мм автоматических пушек Максима. И вот Военное и Морское ведомства отказались от них из-за слишком большой скорострельности. Вспомнили об автоматических пушках лишь в 1914 г.

В системе управления обороной империи были лица, даже по закону не подчиненные Военному ведомству и Морскому министерству (или управлению министерствами). Это были генерал-фельдцейхмейстер и генерал-адмирал. Они не подчинялись непосредственно министрам, но и министры не подчинялись им. К примеру, права генерал-адмирала определялись положениями от 1855, 1860, 1867, 1885 гг. и т. д. То положения генерал-адмирала разграничивались с управлением Морским министерством, то управление Морского министерства подчинялось генерал-адмиралу. Где находилась линия разграничения их полномочий – никто толком не знал. Очевидно лишь одно: генерал-адмирал и генерал-фельдцейхмейстер – две самые хлебные должности в империи, через них проходили все заказы для армии и флота от пушек и броненосцев до седел и кортиков.

Нетрудно догадаться, кто занимал эти должности. При Екатерине Великой генерал-адмиралом был наследник цесаревич Павел. Хотя, надо честно сказать, наломать дров на сем поприще ему мешала сама мать вначале с Потемкиным, а потом с Платоном Zubовым. Дальше должность генерал-адмирала занимали царские братья. В наследство от отца Николаю II достался генерал-адмирал родной дядя Алексей Александрович (1850–1908 гг.).

Генерал-фельдцейхмейстерами в галантном XVIII в. были фавориты императриц и их братья – П. Шувалов, Г. Орлов и П. Zubов.

В первой четверти XIX в. хлебная должность генерал-фельдцейхмейстера уже не уходит из дома Романовых. В 1852 г. Николай I назначает генерал-фельдцейхмейстером своего двадцатилетнего сына Михаила. В 1862 г. великий князь Михаил Николаевич назначается наместником царя на Кавказе. В этой должности он находится до 1881 г. и ухитряется руководить русской артиллерией из Тифлиса (и это при отсутствии железнодорожного сообщения между Тифлисом и Петербургом). Но, вернувшись в 1881 г. в столицу, Михаил Николаевич там долго не засиживается, а большую часть времени проводит во Франции на

Лазурном берегу. С 1903 г. и до самой своей смерти в 1909 г. он безвылазно живет в Каннах, по-прежнему исполняя роль генерал-фельдцейхмейстера.

С началом царствования Николая II артиллерийские дела постепенно прибирает к рукам сын великого князя Михаила Николаевича Сергей. Николай II производит его в генерал-инспекторы артиллерии, но фактически его полномочия оказались больше, чем у генерал-фельдцейхмейстера.

Роли великих князей Алексея Александровича и Сергея Михайловича в русской истории настолько схожи, что у неискушенного читателя легко может возникнуть мысль о тенденциозности автора. В самом деле, и Алексей, и Сергей очень мало смыслили в военном деле, особенно в материальной части. Тот же Алексей особенно и не стеснялся своей безграмотности. При докладе начальника морской академии А. Епанича об отчислении ряда офицеров Алексей заявил: «Неужели из-за того, что эти офицеры не имеют установленных баллов, их надо отчислить из академии? Вот я никаких этих девиаций, навигаций и прочих не знаю, а я генерал-адмирал». Оба давали отчет о своих делах только царю. Любую критику их деятельности со стороны подчиненных в печати или даже в частных разговорах можно было подвести под статью об оскорблении императорской фамилии.

За время нахождения в должности как Алексей, так и Сергей большую часть времени провели... во Франции. Оба великих князя были крайне любвеобильны, и о них ходили одинаковые анекдоты, распространяемые не эсерами и большевиками, а их августейшими родственниками и придворными. «Жизнь Алексея занимали верткие дамы и неповоротливые броненосцы» и «Мы имеем прекрасный балет и отвратительную артиллерию». Последняя фраза относилась к Сергею, который кроме сухопутной артиллерии руководил Театральным обществом и Императорским русским балетом. Благодаря Алексею и Сергею балерины стали бедствием русской армии и флота.

Вдоволь порезвившись в молодые годы, оба ловеласа стали верными любовниками и завели себе по балеринке: Алексей – француженку Элизу Балетту, а Сергей – польку Матильду Кшесинскую. Собственно, ничего экстраординарного в этом не были, так как Императорский балет давно стал коллективным гаремом семейства Романовых. Большинство связей с балеринами было случайными, но некоторые великие князья заводили от балерин большие «внебрачные» семьи: Константин Николаевич с балериной Анной Кузнецовой, Николай Николаевич (старший) с балериной Екатериной Числовой и т. п. Без всякого сомнения, для современных

историков Балетта и Кшесинская затерялись бы в веселой компании кузнецовых и числовых, если бы не непомерная жадность этих «штучек». А что тут, собственно, такого, спросит неискушенный читатель, великие князья были богатейшими людьми России, и почему они не могли позволить себе достойно содержать «штучки»?

Увы, в конце XIX в. семейство Романовых отличалось патологической скупостью. Это вам не женское правление XVIII в. Александр III неоднократно приказывал «из экономии» перелицовывать себе форменные штаны. Николай II после многомесячного знакомства с Распутиным впервые дал ему 20 (двадцать!) рублей. Старец презрительно отказался и больше ни копейки не получил от царской четы.

Нетрудно догадаться, что источником благосостояния Кшесинской и Балетты был огромный военный бюджет России. И полбеда, если бы оба великих князя просто воровали из ассигнований на оборону. Беда была в том, что выбор образцов военной техники, заказ ее, строительство портов, крепостей, железных дорог и т. п. определялись не потребностями обороны страны, а степенью выгоды того или иного заказа для пары ловеласов и их «штучек».

Великий князь Сергей Михайлович и его метресса Кшесинская вместе с руководством завода Шнейдер во Франции и Путиловского завода в России организовали преступное сообщество. Формально продолжали устраиваться конкурсы на выбор вооружений среди иностранных и русских заводов, но заказы неизменно отдавали фирме Шнейдер, хотя ее изделия всегда (!) были хуже орудий Круппа.

Мало того, при подписании заказа фирма Шнейдер ставила России кабальные условия – ее орудия будут производиться в России только на Путиловском заводе. Замечу, что орудия в XIX—XX вв. производились исключительно на казенных заводах, но с 1895 г. к ним присоединился и частный Путиловский завод.

Путиловский завод в 1906–1914 гг. получил почти 80 % заказов Военного ведомства. Обуховский завод это почти не задело – там хватало и морских заказов. Зато второй по мощности артиллерийский завод России – Мотовилихинский (Пермский) – с 1905 по 1914 г. не получил ни одного заказа на артиллерийские орудия. Завод спасло от голодного бунта наличие у рабочих больших приусадебных участков.

Путиловский завод, выполняя волю французских хозяев, худо-бедно изготовил лишь половину из заказанных полевых пушек, но умышленно не сдал ни одного тяжелого орудия к 1 января 1915 г. В результате командование русской армии буквально заставило царя национализировать

завод.

В царской России рядом уживались либеральные учреждения, введенные Александром II, с элементами средневековья. Так, в России существовал довольно либеральный суд присяжных, куда более прогрессивный и справедливый, нежели наше «басманное правосудие» начала XXI в. Но за политические преступления судил военный суд, Особое присутствие Сената и т. д. То есть был не суд, а тайная внесудебная расправа. За несогласие с официальной православной церковью, ну, к примеру, за несколько иную трактовку религиозной литературы, переход в иную конфессию и т. д. человек мог на много лет, а то и пожизненно оказаться в монастырской тюрьме где-нибудь на Соловках, Валааме или в Суздале. Там людей содержали как в тюрьмах инквизиции в XV–XVI вв.

Наконец, губернатор мог без суда и следствия выслать в места не столь отдаленные любого неугодного человека. При этом среди сосланных «политических» обычно было менее 5 %. То прима гастролирующего театра откажется переспать с губернатором – наутро высылался весь театр. То, наоборот, аристократ соблазнит мещанскую или купеческую дочь, а затем решит на ней жениться. Влиятельные родственники пожалуются губернатору, и вот бедная девица со всем своим семейством отправляется в долгий путь...

Ялтинский генерал-губернатор Думбадзе, к примеру, запретил по всему Крыму женщинам купаться без купальников, даже в самых безлюдных местах. Дамы, нарушившие сей запрет, и мужчины, оказавшиеся неподалеку (а вдруг они подсматривали...), без суда и следствия высылались из Крыма. Замечу, что к 1905 г. купальные костюмы в России имели менее 0,01 % всех женщин. А тот же Николай II постоянно купался голышом и даже был заснят на киноплёнку в оном виде. Да и дамам в купальниках^[94] нужно было держать ухо востро на ялтинских пляжах. Выйдя из воды, дама должна была быстро идти в кабинку и там переодеться в «цивильный вид». А если дама на берегу на пару минут засмотрится на кавалеров или на проходящий пароход, то ей грозили штраф и высылка из Крыма.

Зимой 1908/1909 г. на Думбадзе было совершено покушение. «Неизвестный» стрелял в него на улице и скрылся затем в саду прилегавшего дома, перепрыгнув через забор. Думбадзе вызвал войска, оцепил дом и арестовал всех его обитателей, а затем приказал снести сам дом с лица земли артиллерийским огнем. Приказ был исполнен...

...Домовладелец принес жалобу в сенат... Никаких доказательств его причастности к покушению, конечно, не имелось. Террорист успел

скрыться и не был пойман. В уничтоженном доме он не жил и очевидно совсем случайно выбрал это место для своего покушения».^[95]

Когда царю доложили о деяниях бравого градоначальника, он сказал: «Если бы у меня в те годы было несколько таких людей, как полковник Думбадзе, все пошло бы по-иному».^[96]

Подобные примеры можно приводить до бесконечности. В результате большинство образованных людей империи желали видеть страну республикой или по крайней мере конституционной монархией.

К концу XIX в. незаконченность реформ Александра II давала о себе знать повсеместно – Россия была похожа на человека, больного двумя десятками болезней, каждая из которых могла свести его в могилу. Ситуацию могли спасти новый Петр или новая Екатерина, но вместо них на престоле оказался Николай II.

Из дневника цесаревича Николая 27 сентября 1894 г.: «Утром пили кофе, вместо прогулки дрались с Ники^[97] каштанами, сначала перед домом, а кончили на крыше. В 2 часа отправились верхом к водопаду; влезали выше второй площадки. Опоздали к чаю. Сандро и Ксения обедали у себя – провели вечер без них!»

28 сентября: «День был хороший, ветер стихал, хотя пароходы в море здорово качало. После завтрака отправились верхом за Папа и Мама, Ксенией и Сандро в Массандру. Управляющий Шелухин угостил нас земляникой и персиками, орехами и каштанами. Получил два письма от милой дорогой Аликс».

29 сентября: «Утро было ясное, но к полудню небо затянуло тучами, хотя было совершенно тепло. Опять дрался с Ники шишками на крыше».^[98]

Итак, на первом этаже старого Ливадийского дворца в муках умирает самодержец всея Руси, а на крыше 26-летний гвардейский полковник Ники кидается шишками с подобным же обалдуюм.

Один шалопай Ники уедет в Грецию, где безбедно проживет в принцах аж до 1938 г., а наш шалопай через три недели станет императором Николаем II.

До самой смерти отца Ники не прикасался к государственным бумагам. Мария Федоровна читала за мужа доклады и подписывала их. Но потом и Ники пришлось принимать доклады, что для нового царя было очень тягостным.

Некоторые современные писатели оправдывают поведение Николая II в первые годы его царствования молодостью, неопытностью. Тот же А.

Боханов утверждает: «А кто был готов к царской роли?» Пардон, Николай II вступил на престол в 26 с половиной лет. В этом возрасте Александр Македонский покорил почти все страны античного мира, Александр Невский побил шведов и немцев, Александр I благодаря своему уму сумел избавить страну от деспотии и сам успешно вышел из весьма щекотливого положения с убийством Павла I. Петр I закончил азовские походы, строил флот и успел провести многие реформы.

Петр, Екатерина, Наполеон, да все выдающиеся монархи всегда оказывались готовыми к принятию престола.

Ну а если на престол всходит человек с ограниченными умственными способностями? На этот случай еще Пушкин дал отменный совет: «Так если невозможно тебе скорей домой убраться осторожно... хоть умного себе возьми секретаря».

Ведь в конце концов при весьма недалекой Елизавете русские войска разбили Фридриха Великого и взяли Берлин. А Франция стала лидером в европейской политике при слабовольном и неумном Людовике XIII, которому и Елизавета, и Николай II могли дать сто очков вперед. Ведь короля делает свита, а иногда всего один человек из свиты, особенно когда он кардинал Ришелье.

Свита знаменитых монархов сама становится знаменитой в истории, вспомним «Екатерининских орлов», «птенцов гнезда Петрова», «когорту Бонапарта».

Увы, Николай II больше всего боялся своей свиты. Да, да, больше, чем немцев, японцев, большевиков, эсеров и Льва Толстого, вместе взятых.

Жизнь императора в основном состояла из развлечений. Зимний дворец по-прежнему считался основной царской резиденцией, но последний император там никогда не жил, предпочитая Петергоф или Царское Село. Да и там он жил не в больших дворцах, а в удаленных строениях – в Александровском дворце в Царском Селе или в «Нижней даче» в Петергофе. Чтобы добраться туда и обратно, у министров уходил целый день.

При этом Николай не любил и эти апартаменты. В начале марта он отправлялся с семейством в Ливадию, откуда, отметив Пасху, в мае возвращался в Петербург. Но в июне—июле император путешествовал на яхте «Штандарт» в финских шхерах, а в конце июля – начале августа он охотился в Беловежской пуще. В середине же августа царский и свитский поезда уже вновь катили в любимый Ливадийский дворец. И лишь в конце ноября – середине декабря самодержец возвращался в северную столицу.

А кто же управлял страной? Часть министров тоже ездила с царем в

Ливадию, а часть оставалась в Петербурге. На «Штандарт» Николай брал министров очень редко. Так что летом Россией вообще никто не управлял. Радиопередатчик на «Штандарте» установили после русско-японской войны, но радиопередачи в России начали шифровать лишь после 1 августа 1914 г., да и то весьма простыми кодами.

Посмотрим дневник царя за сентябрь 1914 года. 1 сентября: «Вечером наклеивал фотографии в альбом». И так почти каждый вечер, до 16 сентября, царь отдавал расклейке фотографий: «Вечером окончил наклейку фотографий в альбом». Несколько дней наклейке мешали важные дела. 5 сентября: «Вечером имели утешение побеседовать с Григорием с 9.45 до 11.30». 14 сентября: «Вечером долго ждали приезда Григория. Долго посидели с ним». Прямо подмывает полностью привести дневник с 1 по 16 сентября 1914 г. – еще дневные длительные прогулки пешком, а потом, 1 и 2 сентября, на шарабанчике в Баболове, 3 сентября – поездка к матери на Елагин остров, 4-го – после гулянья катание с сыном на лошади, 5-го – то же самое, 6-го – только гулял, а дальше пошел дождь. Зато отыгрался 9 сентября – «днем катался с дочерьми на велосипеде. Потом погулял и ездил на байдарке»^[99] и т. д. Добавим еще визиты «августейшей» родни. А ведь это было начало Первой мировой войны! О ней – ни слова! И это вождь нации? Это верховный главнокомандующий?

Сейчас куча борзописцев тужится доказать, что Николай II желал постепенных реформ, которые-де ему мешали проводить революционеры и придворные сплетники.

Увы, у Николая II не было никаких планов вообще, ни либеральных, ни реакционных. Была единственная идея – сохранение собственной власти любой ценой. Все же реформы – от созыва думы до создания батальонной артиллерии – достигались лишь большой кровью. Но кровью пока не царя и его близких, а кровью русских людей – солдат, жандармов и революционеров на полях Маньчжурии, Восточной Пруссии и на баррикадах Пресни. Любые самые малые реформы проводились после полного краха старых законов, указов и уставов.

Ни в экономике, ни в военном деле, ни в области общественных отношений за 23 года царствования нигде нет определенной линии, даже негативной. Везде метания, зигзаги, шаг вперед – два шага назад. Такая анархия вовсе не свойственна самодержавной монархии вообще или русской в частности. Петр I, Екатерина II, Александр I, Николай I, Александры II и III – у всех были определенные планы, своя направляющая во внутренней и внешней политике.

Николай II не сумел дать России даже нормального наследника

престола. С 1895 по 1901 г. у него рождаются подряд только дочери. В результате этого Россия уже в 1900 г. оказалась на грани гражданской войны.

Осенью 1900 г. Николай II традиционно находился на отдыхе в своем имении Ливадия под Ялтой. Внезапно царю стало плохо. Лейб-медик, престарелый Гирш, поставил диагноз – инфлюэнца (то есть простуда или грипп). Однако царю становилось все хуже. Вызванный из Петербурга профессор Военно-медицинской академии Попов изменил диагноз на брюшной тиф. С 1 по 28 ноября царь находился в тяжелейшем состоянии. Врачи не исключали летальный исход.

Императрица-мать в это время гостила у родных в Дании. Узнав о болезни сына, Мария Федоровна срочно отправила несколько телеграмм в Ливадию царице Александре Федоровне с предложением пригласить лучших европейских врачей к сыну и просила сообщить, когда ей лучше приехать. Александра сухо отклонила оба предложения. Присутствие в Ливадии императрицы-матери и свидетелей-иностранцев не входило в планы Аликс.

Естественно, что возник вопрос о преемнике Николая. Согласно российским законам о престолонаследии, право наследования предоставлялось только мужчинам, а женщины могли взойти на трон лишь после смерти всех мужчин из августейшей фамилии Романовых.

У Николая II же были только дочери, и законным наследником являлся его брат цесаревич Михаил Александрович. Однако царь ненавидел брата, хотя внешне соблюдал приличия. Михаил не был допущен к государственному управлению. Ему дали под начало эскадрон гвардейской кавалерии – командуй своими кирасирами и ни во что не лезь. Затем Михаила «повысили» – дали гусарский полк в глуши за 700 верст от Петербурга.

Ряд министров и генералов во главе с военным министром Куропаткиным (будущим «маньчжурским героем») начали подготовку к государственному перевороту. В случае смерти Николая они собирались возвести на престол пятилетнюю дочь Татьяну, а царица становилась регентшей. Однако премьер-министр Витте отказался присоединиться к заговору, за что заслужил пожизненную ненависть царицы. Михаила любила гвардия, да и вся Россия от аристократов до социалистов слишком хорошо знала прелести женского правления в XVIII в., и страна вряд ли тихо приняла бы на престол пятилетнюю девицу. Россия оказалась на пороге гражданской войны еще в 1900 г.!

Наконец в 1904 г. рождается наследник Алексей. Но, увы, мальчик

болен неизлечимой болезнью – гемофилией. Любой порез, удар, даже небольшой ушиб может стать для него летальным. Алексей за первые 12 лет своей жизни несколько раз оказывался в критической ситуации между жизнью и смертью. Периодически на несколько недель он терял способность передвигаться самостоятельно, и его носили на руках. Риторический вопрос: мог ли Алексей самодержавно управлять Россией?

Анна Иоанновна и Елизавета Петровна делали наследниками своих племянников. В начале XX в. в семействе Романовых имелось два десятка крепких молодцов 20–30 лет. Наконец, Николай мог усыновить и родного племянника – сына сестры Ксении и приятеля детских игр Сандро (великого князя Алексея Михайловича, внука императора Николая I).

Вместо этого Николай II засекретил все связанное с болезнью наследника, а лучшим другом императорской четы стал сибирский мужик Григорий Распутин. Сейчас поклонники Николая II во главе с Бохановым пытаются нам доказать, что Гришка лишь останавливал кровотечение и успокаивал несчастного Алексея. Предположим, что это так. Тогда кто бы сейчас помнил о Распутине? Он просто затерялся бы среди юродивых и авантюристов, окружавших царскую чету, Папюса, Матрены Босоножки, Митьки Козельского и т. п.

Распутин был малограмотен. Он ничего не понимал ни в политике, ни в военном деле и даже не пытался изучить их. Тем не менее только за полтора года (1915–1916 гг.) Александра письменно передала Николаю 150 рекомендаций, предупреждений и прямых указаний Распутина. В 1920-х годах переписка царской семьи была опубликована, и подлинность ее не вызывает сомнений у историков.

Александра требует от Николая: «Слушайся нашего Друга, верь Ему...» «Бог недаром послал Его нам, только мы должны больше обращать внимание на Его слова, они не говорят на ветер. Как важно для нас иметь не только Его молитвы, но и советы». «Думай больше о Григории, мой дорогой... Каждый раз, когда ты стоишь перед трудным решением, проси Его походатайствовать за тебя перед богом, дабы бог наставил тебя на путь истинный...» «Не слушайся других, слушайся только нашего Друга». «Григорий просил этого не делать – все делается наперекор Его желаниям, и мое сердце обливается кровью от страха и тревоги»... «Надо делать всегда то, что Он говорит, Его слово имеет глубокое значение»... «Наш друг за тебя, значит, все будет хорошо»... «Я знаю, что будет фатальным для нас и для страны, если Его желания не будут исполняться...» «Кто не выказывает послушания божьему человеку, не может ни в чем преуспеть, и мысли его не могут быть правильными».

«Дорогой мой ангел, я очень хотела бы задать тебе много-много вопросов, касающихся твоих планов относительно Румынии. Все это крайне интересует нашего Друга» (7 ноября 1915 г.).

«А теперь совершенно конфиденциально... Если в этот момент, когда начнется наше наступление, немцы через Румынию нанесут удар в наш тыл, какими силами тыл будет прикрываться? Будет ли послана гвардия к югу от группы Келлера и для защиты направления на Одессу?.. И если немцы пробьются через Румынию и обрушатся на наш левый фланг, какие будут силы, способные защитить нашу границу?.. А какие существуют у нас теперь на Кавказе планы после того, как взят Эрзерум?.. Извини меня, если надоедаю тебе, но такие вопросы как-то сами собой лезут в голову... Интересно было бы знать, годится ли противогазная маска Алека?» (4 февраля 1916 г.)

«Григорий кашляет и волнуется в связи с положением вокруг греческого вопроса... Очень встревожен и просит тебя (в связи с создавшимся положением) послать телеграмму сербскому королю; к существу же дела – прилагаю Его бумажку, по которой ты и составишь свою телеграмму: смысл ее изложи своими словами»

(6 ноября 1915 г.).

«А сейчас Он считает, что было бы целесообразно не слишком настойчиво наступать на западном участке фронта... Можно вести наступление очертя голову и в два месяца закончить войну, но в таком случае будут принесены в жертву тысячи людей, если же проявить терпение, тоже дойдешь до цели, не пролив при этом так много крови» (лето 1916 г.).

Николай спешит докладывать царице и Другу:

«Теперь на фронте временное затишье, которое прекратится только числа 7-го; гвардия тоже должна принять участие, потому что пора прорвать неприятельскую линию и взять Ковель» (2 июля 1916 г.).

«Завтра начинается наше второе наступление вдоль всего Брусиловского фронта. Гвардия продвигается к Ковелю»^[100] (14 июля 1916 г.).

Думаю, примеров более чем достаточно. Теперь начнем с чисто формальной стороны. О чем думал царь, направляя жене сверхсекретную информацию? Ведь разведка немцев могла перехватить ее. Да и зачем испытывать терпение собственных сановников и генералов? Ведь ни для кого не было секретом, что родной брат царицы Эрни, с которым до войны она постоянно находилась в переписке, в войну стал одним из руководителей германского генштаба.

А вообще, что понимает в «греческом вопросе», в устройстве противогаза системы Алека и т. п. вся честная компания в составе Саны, Ани Вырубовой и Григория? А вот германскую разведку безумно интересовало, может ли защитить противогаз Алека от фосгена или иприта, удобно ли его ношение, какое время может провести в нем солдат.

А что касается планов продвижения русских войск после взятия Эрзерума, то за них много тысяч долларов отвалила бы любая разведка мира. Причем англичане и французы заплатили бы гораздо больше, чем немцы или турки. Благо тут была замешана не столько военная стратегия, сколько послевоенная политика. Одно дело, если Кавказская армия пойдет в Месопотамию на соединение с англичанами, и совсем другое, если двинется к Черноморским проливам.

Давайте теперь представим малограмотного мужика из далекого сибирского села Покровское. Да на фига, простите за выражение, ему «планы относительно Румынии»? Как он мог составлять телеграмму сербскому королю? Он достиг положения у престола своими мистическими пророчествами, лечением наследника и царицы, а возможно, своей мужской силой. Более высокого положения ему не достичь никакими советами по военному делу, внешней политике и экономике. Умные или бездарные его советы в любом случае вызовут лишь озлобление генералов и сановников. Григорий Ефимович был достаточно умен, чтобы не понимать этого, и все-таки полез с советами. Почему? Ведь пара безграмотных советов серьезно подорвет его влияние на царскую чету. Но Распутин лезет буквально во все дырки и вопреки здравому смыслу дает дельные советы. Сейчас промонархистские историки любят превозносить отдельные факты, когда царь не послушал Распутина. Но им хорошо ответила сама царица в 1916 г.: «Когда Он советует воздержаться от какого-либо действия и Его не слушаются, позднее всегда убеждаются, что Он был прав».

Как такое могло случиться? Или нужно признать, что Распутин был каким-то сверхъестественным существом, через которое царю передавалась информация от какого-либо божества, инопланетян, дьявола и прочая. При исключении этого варианта автоматически следует второй – у Гришки были опытные кукловоды.

Царь вверг империю в Первую мировую войну. Ради чего? Ради братьев-славян, которые к тому времени уже десятки раз предали Россию?

Какие у России могли быть цели в войне? Отнять у Германии и Австро-Венгрии часть их земель, населенных поляками? Нам что, своих буйных панов не хватало? Да лучше бы их всех отдать Вильгельму II!

Единственной достойной целью в войне могли быть Черноморские проливы. Однако ни французы, ни англичане не собирались отдавать проливы России. Самым разумным было бы не вмешиваться в войну, а, как гласит китайская пословица, «залезть на гору и смотреть, как дерутся в долине тигры», а затем уже заявиться в Константинополь. В конце концов, можно было отсидеться в пассивной обороне, благо Николай I, Александр II и Александр III создали самую мощную в мире систему обороны на западе империи, состоявшую из трех линий крепостей. Николаю II надо было лишь модернизировать ее и в соответствии с изменением тактики боя в начале XX в. соединить эти крепости линией укреплений, создав несколько рядов укрепрайонов.

А Николай II... фактически разоружил западные крепости. В 1911 г. в России была вообще упразднена тяжелая (осадная) артиллерия. Воссоздать ее планировалось к... 1921 году (!), а перевооружить крепости новыми орудиями к... 1930 году (!).

Эмигрантским историкам в 20-х годах XX в. был нужен миф о том, что «большевики украли у России победу в Первой мировой войне». Сейчас этот миф уже стал краеугольным камнем писаний либеральных историков. Как не вспомнить доктора Геббельса: «Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой».

Вот, к примеру, некий О.Г. Гончаренко утверждает: «Общеизвестно, что русская армия к началу 1917 года была в состоянии активного перевооружения и реорганизации... Уровень внутренней организации и переизбыток вооружений, в том числе и новейших, не позволял сомневаться в успехе кампании 1917 года и даже в успешном окончании войны в том же году. Немаловажное место в этих планах отводилось новым видам оружия и снаряжения. В Англии и Франции русскими военными агентами организовывалась закупка танков, а российская промышленность готовилась к выпуску отечественных образцов – одноместного легкого „вездехода“, танка Рыбинского завода и оригинального танка Лебедеенко...

Федотовским автоматом планировалось вооружить отдельные отряды стрелков в строевых частях, а также особые русские ударные части».^[101]

Вот так! «Общеизвестно», и всё тут! А вот я один об этом не знаю. Зато знаю, что на Западном фронте при наступлении по фронту 10 км союзники в 1917–1918 гг. сосредоточивали тысячи тяжелых орудий и сотни танков. А в России тяжелых орудий было менее ста. У союзников имелось несколько сот мощных железнодорожных артиллерийских установок, а у нас – целых две! Но, увы, обе эти 10-дюймовые пушки были неисправны.

Танков в России вообще не было. Единственный опытный образец

танка Н. Лебеде́нко был испытан в районе Дмитрова и сразу же завяз в грязи. Вытащить его оттуда не было никакой возможности. На том же месте его и разобрали в 1923 г. Любопытно, что на наш танк был поставлен двигатель мощностью 200 л. с. со сбитого «Цепелина». О таких мощных двигателях наша промышленность в 1915–1920 гг. не могла и мечтать.

Разговоры о покупке французских танков «Рено» действительно велись. Но Франция не собиралась помогать России в производстве танков. К октябрю 1917 г. союзники не прислали даже чертежи танков, ограничившись рисунками общего вида.

Ну а хваленая автоматическая винтовка Федотова не могла получить широкого распространения в русской армии уже потому, что она была рассчитана на 6,5-мм японский патрон. В 1923 г. эту винтовку (автомат) запустили в малую серию, но в следующем году производство прекратили. «Испытание автоматов в войсках показало, что это оружие слишком нежно для боевой службы, и в случаях запыления и загрязнения автоматы отказывают в действии».^[102]

В странах Антанты и в Германии были запущены в массовое производство ручные и крупнокалиберные (12,7—13,1-мм) пулеметы, а в Германии даже приняли на вооружение двухствольный авиационный пулемет системы Гаста, опередивший отечественное оружие на 40 (!) лет. В царской России не производилось ни крупнокалиберных, ни ручных пулеметов. Да что пулеметы! Даже пистолетов у нас не выпускали, а только один револьвер «наган». В 1900–1914 гг. русские офицеры за свой счет покупали «маузеры», «люггеры», «браунинги» и другие пистолеты германского, бельгийского и американского производства.

Германия в 1918 и 1945 гг. и СССР в 1991 г. оставили огромный задел в разработках новейших систем вооружений, которого хватило как минимум на двадцать лет. Царская Россия не оставила СССР ни одного перспективного образца вооружения. Всё без исключения – моторы, танки, пушки,^[103] пулеметы, самолеты, корабли, подводные лодки – пришлось создавать заново.

Таким образом, если бы не было ни Февральской, ни Октябрьской революции, то все равно никакой победы в войне у России быть не могло. Победили бы только союзники. А они уже с 1915 г. планировали расчленение России. Отделению подлежали Финляндия, Прибалтика, Привисленский край, а если повезет, то и Украина, и Кавказ.

Я внимательно изучил переписку Николая II с Александрой Федоровной. Там много говорится о текущих делах, но ничего о

перспективе. У «высочайших» корреспондентов просто не было никаких идей, касающихся будущего устройства страны. Я нашел лишь два исключения.

8 января 1916 г. Александра Федоровна писала царю о планах арестов и ссылок в Сибирь: «По окончании войны тебе надо будет произвести расправу».^[104] Любопытно, что в данном случае речь шла не о революционерах, а о сановниках и генералах.

Второй пассаж нашел в письме от 26 апреля 1916 г.: «Н.П. [кто такой, установить не удалось. – А.Ш.] сказал мне в разговоре о предложении (вероятно, какого-нибудь банкира, но, по-моему, оно превосходно) сделать немного попозже внутренний заем на миллиард, на постройку железных дорог, в которых мы сильно нуждаемся. Он будет покрыт почти сразу, так как банкиры и купцы, страшно разбогатевшие теперь, сразу же дадут крупные суммы – ведь они понимают выгоду.

Таким образом, найдется работа для наших *запасных*, когда они вернутся с войны, и это задержит их возвращение в свои деревни, где скоро начнется недовольство – надо предупредить истории и волнения, заранее придумав им занятие, а за деньги они будут рады работать... Согласен ли ты с этим? Мы с тобой уже думали об этом, помнишь?».^[105]

Итак, за победу в войне народ вместо «земли и воли» должен был получить добровольно-принудительные работы на строительстве железных дорог.

Царь уже в 1914–1917 гг. страдал сильными болями в сердце. Какое в итоге получила бы Россия правительство? Самодержавного гемофилика Алексея в компании матери, старца Григория и Анны Вырубовой?

Глава 2

Гражданская война без белых и красных

Кто и когда начал Гражданскую войну? Советские историки утверждают, что ее начали контрреволюционеры и интервенты, а белые эмигранты и демократы, в свою очередь, винят кровожадных большевиков. Достаточно много расхождений и в датах начала войны. Одни привязывают эту дату к мятежу генерала Каледина, другие – к мятежу чехословацкого корпуса.

Я же беру солидный том энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР», изданной в 1983 г., и во вступительной статье читаю: «Гражданская война как явление, как форма классовой борьбы имела место с октября 1917 по октябрь 1922, но время с лета 1918 до конца 1920, когда интервенция и Гражданская война слились в единое целое и военный вопрос выступал „как главный, коренной вопрос революции“ (Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 14), Ленин определял как период Гражданской войны в истории Советского государства».^[106] Не знаю, кому как, но мне сие утверждение кажется косноязычным и бестолковым.

Лично я датирую начало Гражданской войны отречением Николая II. Предвижу вопросы: что, автор откопал какие-то неизвестные ранее документы или выдумал новую теорию «а-ля Фоменко»? Нет, ни то, ни другое. Просто автор не связан ни партийными, ни корпоративными интересами ни с одним из политических движений и предпочитает называть исторические явления своими именами. Понятно, что март 1917 г. не устраивает ни коммунистов, ни демократов. Ведь, по их обоюдному мнению, суть Гражданской войны – это конфликт белых и красных, а тут Гражданская война начинается и без белых, и без красных – обидно и досадно. Ну что ж, теперь мы знаем, что подобное бывало и раньше. В гражданскую войну 1604–1618 гг. те же шведы и польские королевские войска вошли в Россию спустя пять лет после начала войны.

Уже 1 марта (по старому стилю) 1917 г. в Кронштадте начались дикие расправы над офицерами, а в ночь со 2 на 3 марта это повторилось на кораблях, стоявших в военно-морской базе Гельсингфорс. 4 марта в Гельсингфорсе матросы убили командующего Балтийским флотом вице-адмирала А.И. Непенина.

Обратим внимание: за что матросы убивали офицеров и адмиралов? За

то, что они пытались защитить царский режим? Нет. Только из-за десятилетиями накопившейся ненависти к «золотопогонникам». Это была уже не революция, а самая настоящая война.

Другой вопрос, что расправы над офицерами распространялись по России медленно. Так, на Черном море убийства офицеров начались лишь осенью 1917 г., зато по массовости и жестокости они намного превысили деяния братвы в Кронштадте и Гельсингфорсе.

Однако небоеспособным Черноморский флот стал уже в конце лета 1917 г. Характерный пример – на эсминце «Жаркий» в начале июня команда отказалась выполнять приказы командира Г.М. Веселого. А комиссия ЦИК предложила миноносцу «Жаркий»... «прекратить кампанию», то есть встать на прикол в Севастополе и более не участвовать в боевых действиях. 7 июля команда крейсера «Память Меркурия» отказалась выполнять приказ командования, а 29 июля то же произошло на эсминце «Поспешный». Да и на кораблях, участвовавших в боевых действиях, дисциплина стала понятием относительным.

27 июля миноносец «Гневный» возвратился в Севастополь с захваченной турецкой лайбой, груженной маслинами, орехами и табаком. Команда отказалась сдать груз в распоряжение Севастопольского Совета и сама распродала его прямо на площади Нахимова. Такого отродясь не бывало в Российском флоте. Даже греческие корсары в 1788–1791 гг. отдавали половину добычи адмиралу Ушакову.

А балтийские братишки обсуждали вопрос, надо ли идти на помощь защитникам Моонзундского архипелага. При голосовании мнения кардинально разделились – на одних кораблях единогласно за, на других – единогласно против. Причем на решения команд влияли не активность большевиков или эсеров, а величина осадки их корабля. Мог он пройти Ирбенский пролив – команда голосовала против, не мог – ура, вперед, разобьем немцев!

Летом 1917 г. лишь отдельные армейские части и корабли сохранили относительную боеспособность и могли вести активные действия. Остальная же масса войск воевать не желала и практически не подчинялась командирам, как старым, так и назначенным Временным правительством.

Летом 1917 г. начались повсеместные поджоги и грабежи дворянских усадеб, а также самозахват помещичьих и монастырских земель. Непонятно, почему совковые историки аналогичные действия во времена Разина или Пугачева называли крестьянской или гражданской войной, а в 1917 г. вроде бы были гражданский мир и благодать.

Временное правительство не могло решить аграрный вопрос.

Немедленно дать землю крестьянам? Министры-масоны боялись обидеть помещиков. Послать в деревню карательные отряды огнем и мечом навести порядок? Тоже нельзя, нет частей, способных выполнить этот приказ. Единственный выход – пообещать, что вот, мол, в конце года соберем Учредительное собрание, оно и решит вопрос о земле. Но сеять надо весной. А кто будет сеять, бороться и т. д., когда не известно, кому достанется урожай осенью?

Продовольственный кризис начался еще в конце 1915 г. и летом 1917 г. резко усилился. В Петрограде и Москве выдачу хлеба по карточкам сократили вдвое – до 300 граммов. Исчезли из свободной продажи мясо, молоко, масло, сахар, крупы.

Временное правительство вело себя точно так же, как французская Директория накануне своего падения, – раздавала удары то налево, то направо.

Реакцией на продовольственный кризис и поражения на фронте стал солдатский мятеж в Петрограде 3–6 июля 1917 г. Большевики активно подстрекали солдат к выступлению. Но основным мотивом мятежников было нежелание идти на фронт. С началом мятежа Керенский срочно уехал в Ставку, где заручился поддержкой генералитета и вызвал с фронта войска для ликвидации мятежа.

5–6 июля мятеж был подавлен. Временное правительство начало репрессии против большевиков. 5 июля была разгромлена редакция «Правды», 6 июля отдан приказ об аресте Ленина.

Июльский кризис сильно укрепил позиции Керенского, Некрасова и К^о. 8 июля премьер-министр князь Г.Е. Львов подал в отставку, а его место занял Керенский, который заодно сохранил за собой портфели военного и морского министров. Разумеется, за провал июньского наступления отвечать должны были генералы. 19 июля с поста главнокомандующего был снят Брусилов, а на его место был назначен Корнилов.

Следующий удар Керенский решил нанести направо. Он договорился с Корниловым нанести удар по Советам. 25 августа (7 сентября) 1917 г. Корнилов двинул войска на Петроград. Но тут Керенский объявил его мятежником, который хочет свергнуть демократическое правительство и восстановить монархию. Тем временем большевикам и эсерам удалось распропагандировать части, задействованные Корниловым. 31 августа (13 сентября) считается днем окончательного подавления «корниловского мятежа».

И советские, и эмигрантские историки основное внимание уделяли событиям в Петрограде и Москве, а между тем гражданская война уже

вовсю шла на окраинах.

Так, Финский сейм 5 (18) июля 1917 г. принял «Закон о власти», ограничивавший компетенцию Временного правительства вопросами военной и внешней политики. Буржуазия и националисты приступили к созданию вооруженных штурмовых отрядов, получивших название шюцкор (от шведского слова Skyddskar – охранный корпус). Забавно, что в этом вопросе немцы отстали от финнов на 16 лет. У них Schutzstaffeln – охранные отряды (сокращенно – SS) появились только в 1934 г.

Еще дальше дело пошло на Украине. Там буквально через неделю после свержения царизма образовалось троевластие – исполнительный комитет Временного правительства, Киевский Совет рабочих и крестьянских депутатов и Центральная Рада.

19 апреля 1917 г. в Киеве открылся Украинский национальный конгресс, на который съехались 900 депутатов со всей Украины. На конгрессе были избраны 150 делегатов в Центральную Раду. Профессора М.С. Грушевского избрали председателем Рады.

Замечу, что Грушевский – масон высокого градуса, состоял в нескольких ложах, часто по делам ложи контактировал с «братом» А.Ф. Керенским. Увы, и Симон Васильевич Петлюра – тоже масон, один из руководителей ложи «Андрей Первозванный», в которую входил и Павел Петрович Скоропадский.

23 июня 1917 г. Рада издала свой первый Универсал:

«Народ украинский! Народ крестьян, рабочих, трудящегося люда!

Волей своей ты поставил нас, Украинскую Центральную Раду, на страже прав и вольностей Украинской Земли...

Пусть будет Украина свободной. Не отделяясь от всей России, не порывая с державой Российской, пусть народ украинский на своей земле имеет право сам устраивать свою жизнь. Пусть порядок и устройство в Украине дает избранное всенародным, равным, прямым и тайным голосованием Всенародное Украинское Собрание (Сейм). Все законы, которые должны дать тот порядок здесь у нас, на Украине, имеет право издавать только Украинское Собрание.

А те законы, которые должны давать порядок по всей Российской державе, должны издаваться во Всероссийском парламенте.

Никто лучше нас не может знать, что нам нужно и какие законы для нас лучшие.

Никто лучше наших крестьян не может знать, как распоряжаться своей землей. И потому мы хотим, чтобы после того, как по всей России будут конфискованы все помещичьи, казенные, царские, монастырские и иные

земли в собственность народов, когда будет издан об этом закон на Всероссийском Учредительном Собрании, право распоряжения нашими украинскими землями, право пользования ими принадлежало только нам самим, нашему Украинскому Собранию (Сейму)». ^[107]

Який гарный набор слов, вроде все будет хорошо. А на самом деле – смесь вранья и несуразиц.

Начну с того, кто такой «народ украинский». До 1917 г. термина «народ украинский» не было ни в одной энциклопедии. Так что любой честный политик для начала сформулировал бы понятия «народ украинский» и «Земля украинская». Надо ли говорить, что радные жулики сознательно отказались от четких формулировок.

Центральную Раду выбирал не народ, а несколько сот функционеров украинской партии социалистов-федералистов, украинской социал-демократической партии, украинской партии социалистов-революционеров и ряда совсем малых объединений. К 1917 г. все эти партии состояли из нескольких десятков, в лучшем случае сотен членов. Замечу, что перечисленные партии не были частями общеимперских партий социал-демократов, социал-революционеров и др. Это были автономные группировки, руководимые, как правило, масонами. Главой Генерального Секретариата (Совета Министров) стал масон В.К. Винниченко. Замом (товарищем) масона Грушевского в Раде был А. Ниховский, тоже из ложи «Великий Восток Народов России». Замечу, что когда в 1910 г. обсуждалось название ложи, то Грушевский не захотел, чтобы в названии упоминалось слово «Россия», поскольку такого государства вообще быть не должно, и масоны решили назвать ложу «Великий Восток Народов России». Таким образом, братья каменщики Керенский, Некрасов, Грушевский и К° уже заранее предполагали развал государства Российского.

Но вернемся к первому Универсалу. По мысли его создателей, на Украине должны были действовать только законы, изданные местным Сеймом. А при чем тут «Всероссийский Парламент»?

Самым важным вопросом для крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения Великороссии и Малороссии, был земельный вопрос. И что же предложили самостийники? Ждать, пока в России будет создано Учредительное собрание, принят закон о земле, наконец, фактически «будут конфискованы все помещичьи... земли», и только тогда наша Рада возьмется за передачу земель крестьянам на Украине. Блеск! Вроде бы братья масоны и обещают крестьянам землю, а на самом деле подсовывают фигу!

А когда «селяне» с топорами спросят, где же обещанная земля, то уж

и ответ готов: виноваты злыдни-москали, никак не решат сей вопрос. Бей кацапов!

Естественно, киевские масоны прекрасно знали, что их петроградские братья во Временном правительстве не желают давать землю крестьянам и будут тянуть резину до последнего.

Как же реагировало Временное правительство на действия Центральной Рады? С одной стороны, признать фактическое отделение Украины для «временных» означало подписать себе смертный приговор. С другой стороны, как не порадеть братьям по ложе! В Киев выяснять отношения едет А.Ф. Керенский. Замечу, в ложе «Великий Восток» он занимался координацией деятельности столичных и киевских масонов и по делам ложи ездил в Киев в 1913, 1915 и 1916 гг.

После переговоров с Центральной Радой Керенский признал право Генерального Секретариата управлять пятью украинскими губерниями – Киевской, Полтавской, Подольской, Волынской и Черниговской.

С лета 1917 г. на Украине началось формирование национальных украинских частей. Шло оно в основном двумя способами. Во-первых, из частей царской армии с высоким процентом малороссов изгонялись этнические русские, а во-вторых, происходило формирование новых частей «вольных казаков», «гайдамаков», «сичевых стрельцов» и т. д.

25 марта в Симферополе в торжественной обстановке открылся съезд мусульман Крыма. На съезде был создан Крымский мусульманский исполнительный комитет (КМИК), в состав которого вошли Челеби Челебиев (избран также комиссаром духовного правления и Таврическим муфтием), Джафар Сайдамет, А. Озенбашлы, С. Меметов и другие, в основном члены национальных татарских партий крайне левого и к тому же сепаратистского направления.

В течение весны 1917 г. почти во всех крымских городах и частях расквартированной в Крыму 38-й запасной пехотной бригады были созданы национальные мусульманские комитеты – филиалы Крымского мусульманского исполнительного комитета.

18 мая 1917 г. КМИК и организованный в его составе военный комитет, возглавляемый подполковником 32-го запасного пехотного полка Алиевым, постановили создать из солдат – крымских татар отдельные воинские части и перевести в Крым запасной эскадрон Крымского конного полка, подчинив его КМИКу.

38-я запасная пехотная бригада, состоявшая из 32-го, 33-го и 34-го полков, бригадной школы прапорщиков, находившейся в Симферополе, 35-го полка, расквартированного в Феодосии, и ряда других более мелких

подразделений, насчитывала более 20 тысяч солдат-запасников из Таврической губернии и Украины. Крымские татары составляли в этой бригаде довольно большой процент.

В июле 1917 г. большинство татар из 38-й бригады вышли из повиновения командования. Они заняли под казармы Татарскую учительскую школу и ряд других зданий в Симферополе. Татарские подразделения демонстративно маршировали по городу. Любопытно, что Керенский сообщил по телефону Крымскому мусульманскому военному комитету, что он ничего не имеет против формирования татарских частей.

Иностранец, приехавший в Севастополь осенью 1917 г., решил бы, что в бухту вошли флоты как минимум четырех стран: одни корабли еще стояли под Андреевскими флагами, другие – под красными, третьи подняли «жовто-блакитные» самостийной Украины, четвертые – черные флаги анархистов.

К осени 1917 г. у азербайджанцев, армян, грузин, абхазов и других народов Кавказа создаются десятки «незаконных вооруженных формирований». Пока идут отдельные стычки и грабежи. Но все готовы к большой войне.

Подобное происходило и в других частях бывшей Российской империи. Гражданская война уже шла к 25 октября (7 ноября) 1917 г.

Вспомним, что войну России турецкий султан объявил в сентябре 1768 г., а первая стычка русских и турок произошла у Хотина в конце апреля 1769 г. Но пока никому из историков не приходило в голову считать началом войны апрель 1769 г. Но в нашем случае и белые, и красные начало войны привязывают к перевороту большевиков и к мятежам белых в 1918 г.

Попробуем в общем оценить действия Временного правительства в марте—октябре 1917 г. Оно не смогло предложить России ничего, кроме уничтожения аппарата управления страной, доставшегося от царизма, и предоставления «свобод», а точнее, права на анархию. Министры-масоны не могли решить земельный вопрос и предотвратить продовольственный кризис. Временное правительство не сумело не только начать успешного наступления против немцев, но и даже предотвратить развал и самовольную демобилизацию армии. Русское офицерство в большинстве своем презирало «временных» с самого начала, а осенью 1917 г. вообще отказалось поддерживать правительство.

Наконец, Временное правительство не смогло решить национальный вопрос и в то же время не препятствовало созданию национальных правительств и вооруженных формирований в Финляндии, на Украине,

Кавказе и в других регионах.

Предположим фантастический вариант: большевики в октябре 1917 г. взяли да и разъехались из Петрограда, кто в Сибирь, кто в Цюрих и т. п. Неужели Гражданская война немедленно бы прекратилась? Крестьяне бы мирно отдали помещичьи земли и имущество? «Самостийники» от Финляндии до Средней Азии тихо распустили бы свои «правительства» и вооруженные силы?

Увы, нет! По всей бывшей империи все равно пошла бы война за передел собственности, за создание независимых государств и за установление своих границ, выгодных националистам. А Октябрьская революция создала лишь новый вектор в Гражданской войне.

Глава 3

Юнкера и казаки

С 1991 г. демократы и коммунисты ломают копья, как называть события 25 октября 1917 г. в Петрограде – большевистским переворотом или Великой Октябрьской социалистической революцией. По-моему, совершенно правы... обе стороны.

Начнем с того, что Великая Октябрьская революция не была ни октябрьской, ни великой, ни революцией. Для доказательства первого достаточно заглянуть в календарь, а для доказательства второго и третьего утверждений – в труды Ленина и других большевиков за 1917–1920 гг. Первые месяцы и даже годы в разговорах между собой да и в открытых статьях они называли события 7 ноября (25 октября по старому стилю) исключительно октябрьским переворотом. Великая революция – это уже эпитеты партийных пропагандистов в последующие годы. Не было ни залпа крейсера «Аврора» по Зимнему дворцу, не было и самого штурма Зимнего. Возьмем пухлый том энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция».^[108] Там в большой статье «Зимний» не указывается число жертв при «штурме Зимнего». Прямо как и нынешние властители, объявившие, что после взятия Дома Советов 4 октября 1993 г. в здании не было обнаружено ни одного трупа. Налицо одинаковая ложь, только с различными целями – в 1917 г. стеснялись, что убитых было несколько человек, а по некоторым данным вообще никто не убит, а в 1993 г. – наоборот. В октябре 1917 г. по Зимнему был сделан один холостой выстрел «Авроры» и 2 (два!) боевых выстрела из орудий Петропавловской крепости, зато в октябре 1993 г. по Белому дому было выпущено несколько тысяч снарядов калибра от 30 до 125 мм включительно.

Зимний практически никто не защищал. Около двух тысяч юнкеров и рота женского батальона были вызваны к Зимнему обманом – одних позвали нести караульную службу, других – грузить дрова. Увидев, что дело пахнет не дровами, а керосином, почти все юнкера и дамы мирно разошлись, революционные солдаты и матросы им не препятствовали. Далее солдаты и матросы, для приличия немного постреляв, в основном в потолок, заняли дворец и арестовали министров Временного правительства.

То же, что нам многократно показывало советское, а сейчас

«общественное» телевидение, является не документальной хроникой взятия Зимнего, а кадрами художественного фильма «Октябрь», снятого много лет спустя.

Чтобы сохранить объективность, скажем, что воинство с обеих сторон было опереточным. С одной мальчишки – вчерашние гимназисты да барышни, а с другой – солдаты резервных гвардейских полков (Павловского и Кексгольмского), которые до смерти боялись попасть на настоящий фронт и со страху примкнули к революции еще в феврале 1917 г. Окажись у Временного правительства хотя бы один боевой пехотный полк и пара гаубичных батарей – с большевиками было бы покончено в 24 часа.

А может, Временное правительство не хотело кровопролития? Надо отдать должное А.Ф. Керенскому, который был хорошо осведомлен о намерениях большевиков и 24–25 октября (6–7 ноября) буквально метался по Петрограду в поисках поддержки. Но, увы, «Совет казачьих войск решительно выступил за невмешательство казаков в борьбу Временного правительства с большевиками», «штаб петроградского военного округа с совершенным бездумием, не проявляя никакой деятельности, следит за происходящими событиями».^[109] Таким образом, и казаки, и офицерство просто послали Александра Федоровича на известное число букв.

С горя премьер кидается к коллегам социалистам, как никак, к октябрю 1917 г. Временное правительство было «однородным социалистическим» (то есть состояло исключительно из социалистов, а то, что большинство из них было масонами, – предмет отдельного разговора). «Я решил привлечь партийные военные организации партии социал-революционеров», но «партийная боевая сила не только не появилась в штабе, но и в городе-то не проявили никакой деятельности».^[110] Попросту говоря, интеллигенты-социалисты (меньшевики и правые эсеры), между февралем и маем организовывавшие многочисленные боевые дружины, с большим удовольствием маршировали по Невскому с красными бантами на груди и «трехлинейками» на плече. Но вот в ночь с 6 на 7 ноября все эти грозные боевики похрапывали на перинах, когда большевики разгоняли их социалистических министров.

Боюсь, что уже читатель-патриот побагровел: автор ёрничает, издевается над русской историей! Успокойтесь, у них за бугром все было гораздо хуже, чем у нас. Вот, к примеру, 14 июля 1789 г. в Бастилии гарнизон состоял из 95 инвалидов и 30 швейцарцев, пушки были сняты со стен, а амбразуры заколочены. В крепости томилось 7 заключенных

(четверо сидело за подлоги, двое сумасшедших и один развратник-садист). На требование сдать крепость комендант Де Лонэ предложил вожакам восстания отобедать с ним и мирно решить все проблемы. Подъемный мост был опущен. Толпа ворвалась в Бастилию. Комендант, четверо офицеров и трое инвалидов были зверски убиты. Революционеры, воткнув головы убитых на пики, гордо двинулись по Парижу. Таким образом, если штурм Зимнего был веселой опереттой, то взятие Бастилии представляло довольно отвратительное зрелище.

Но вот парадокс – французы уже 208 лет ежегодно с большой помпой отмечают взятие Бастилии, 14 июля – это главный государственный праздник Франции. Впрочем, этот парадокс легко объясним. Штурмы Зимнего и Бастилии – сами по себе явления незначительные, но они стали вехами великих процессов, которые потрясли весь мир. Действительно, с 1789 г. и с 1917 г. история всего человечества лет на 70 определялась в основном тем, что происходило во Франции или России. А посмотрим на современную Францию, сколько в ней осталось от 1500 лет правления королей и сколько от 25 лет революции и империи? Именно за 25 лет Франция стала тем государством, которое мы знаем. Гимн, флаг, территориальное деление на департаменты, система управления на местах, орден «Почетного легиона», банки, уголовный и гражданский кодексы Наполеона и т. п. А главное, собственность – революция дала крестьянам землю дворян и церковников, и никто позже не посмел ее отнять.

Французские солдаты, маршировавшие по улицам Рима, Каира, Вены, Берлина, Мадрида, Варшавы и Москвы, оказали большее влияние на самосознание французского народа, чем все деяния французских королей. Франция стала нацией к 1814 г.

Что же дала революция России? Пусть об этом судит читатель сам, хотя, наверное, лучший вердикт вынесут наши правнуки, жаль только, что мы его никогда не узнаем.

Термин «большевики взяли (или узурпировали) власть» в корне неверен. Большевики нашли власть затоптанной в грязь, вынули, отмыли и начали ею пользоваться «всерьез и надолго».

Интересный момент: Керенскому и большинству министров Временного правительства удалось удрать от большевиков «за бугор». Казалось бы, почему там сразу же не организовать «правительство в изгнании», а позже пробраться в расположение одной из белых армий в Архангельск, Екатеринослав или Омск? Увы, ни за рубежом, ни внутри страны «временных» никто не ждал. Они оказались никому не нужными эмигрантами, их время закончилось 25 октября 1917 г.

Формально главной задачей Временного правительства было создание Учредительного собрания. Положение о выборах в Учредительное собрание, утвержденное Временным правительством, предусматривало пропорциональную систему выборов, основанную на всеобщем избирательном праве. Подготовка к выборам затянулась, и их провели уже после захвата власти большевиками. Большевики сделали все, чтобы повлиять на результаты выборов, вплоть до ареста эсеров и кадетов – членов избиркома. Тем не менее места в Учредительном собрании распределились следующим образом: большевики – 175 мест, левые эсеры – 40, меньшевики – 15, правые эсеры – 370, народные социалисты – 2, кадеты – 17, независимый – 1, националисты-инородцы – 86. Таким образом, большевики имели 175 мест из 715. Даже если прибавить 40 левых эсеров, все равно это полный провал.

Казалось, большевикам ничего не остается делать, как тихо уйти в оппозицию, сменить вождей, откорректировать партийные программы и т. д. А большевики вместо этого берут власть и строят свое социалистическое государство, не считаясь ни с кем. Опять парадокс? Может, виновата загадочная славянская душа? Ничуть нет. Демократия, видимо, оптимальный способ управления обществом, и она зародилась у десятков племен и народностей независимо друг от друга. У скандинавов собирався тинг, в Афинах – народное собрание, на северной Руси – вече, у запорожцев – рада, у донских казаков – круг. Эти собрания выбирали правителей, решали основные проблемы государства. Но в собрании участвовали только полноценные горожане, викинги, казаки, которых лично волновала обсуждаемая проблема. Любая попытка искажения результатов голосования могла кончиться печально для мошенников – с моста да в Волхов. Большинство представляло собой силу.

Другая ситуация возникла в Риме к началу I в. до н. э. Римский гражданин уже не ассоциировался с воином (воевали наемники), а большинство голосовавших были люмпенами, ждавшими от кандидатов в консулы хлеба и зрелищ. В таких условиях победителем неизбежно становился тот, у кого больше денег и кто больше может потешить толпу. Разумеется, не всем искателям власти это нравилось. В итоге исход выборов решили легионы, перешедшие Рубикон, при полном безразличии избирателей-люмпенов.

Конечно, прямые аналогии между Римом I в. до н. э. и Россией в 1917 г. проводить нельзя. И все же, и все же...

Куда, спрашивается, делись в 1918–1920 гг. избиратели, голосовавшие за правых социалистов и кадетов, ведь их было в два с лишним раза

больше, чем тех, кто голосовал за большевиков? Где были рати правых эсеров, в каких сражениях они участвовали? Откуда взялись белые армии? Ведь в Учредительное собрание не было избрано ни одного черносотенца, русского националиста (зато инородцев-националистов были десятки), монархиста или просто патриота – защитника единой и неделимой России.

Выборы в Учредительное собрание были классическим образцом не демократии, а плутократии. Причем речь идет не о фальсификациях в подсчете голосов, допущенных большевиками, что, кстати, не так уж много им дало, а о явно жульнической подготовке к выборам. Можно ли заранее предсказать результаты выборов, если подавляющее большинство средств массовой информации настойчиво рекламирует одну партию или блок и лживо дискредитирует конкурентов? А с марта по октябрь 1917 г. тиражи пропагандистских изданий правых социалистов и либералов раз в 100 превышали тиражи большевиков. Патриоты и монархисты вообще были объявлены врагами революции и загнаны в подполье. Заставить голосовать нужным образом наиболее темную, инертную и безразличную к политике часть населения очень просто. Достаточно выставить «харизматического» лидера, подкупить СМИ, нанять побольше драматических актеришек, эстрадных див – и вперед, на выборы! «Эх, ах! Какой умный вид у Милюкова!», «Ах, какой душка Александр Федорович, как идет ему зеленый френч».

«Болото» своими голосами может привести к власти кого угодно, хоть Бабу Ягу. Но оно никогда не станет защищать с оружием в руках выбранную власть, а лишь погасит свет и плотнее запрет двери, услышав пальбу на улицах.

Учредительное собрание было очень похоже на Временное правительство. И там, и там сидели никого не представлявшие политики, которые не знали, куда вести страну. Разгон «Учредилки» прошел до неприличия скучно – не было ни штурма, ни даже перестрелки. Вошел пьяный матрос и сказал: «Караул устал». «Учредилка» тихо скончалась, никто по ней не рыдал.

Большевики оказались единственной в России партией, программа которой была близка и понятна народу: земля – крестьянам, мир – народам, заводы – рабочим.

Война осточертела всем, и 95 % населения не видели в ней смысла. Крестьяне, естественно, хотели получить помещичьи и церковные земли. Мало того, они уже захватили значительную часть этих земель, спалили тысячи дворянских усадеб и «приватизировали» найденное в них имущество. Помимо всего прочего, крестьяне получили индульгенцию за

кражу чужого имущества и насилия над дворянами и управляющими имений.

Русская интеллигенция со времен Некрасова и Тургенева создала негативный облик помещика. Причем это было сделано так умело, что даже у некоторой части дворянства возник комплекс вины перед крестьянством. Толстой, Горький, Чехов и десятки других талантливых авторов создали не менее отрицательный образ купца Тит Титыча, Лопахина и других – неправдою разбогатевшего хама.

В результате большинство горожан, ничего не получивших от советской власти, а то и что-то потерявших, не только не сочувствовали «капиталистам и помещикам», но даже испытывали «чувство глубокого удовлетворения» от экспроприации большевиками их богатств.

Что же касается передачи заводов рабочим, то тут следует уточнить, о каких заводах идет речь. Сейчас у нас стало модным превозносить умных и предприимчивых капиталистов конца XIX – начала XX в. – Мамонтовых, Третьяковых, Рябушинских, Морозовых и т. д. Но все они сделали свои капиталы в легкой промышленности. А кто же строил корабли и делал пушки? Обуховский завод, Адмиралтейская верфь, Ижорский завод, арсеналы Военного ведомства: Петербургский, Московский, Брянский, Киевский; созвездие заводов Горного ведомства в Карелии, Сибири и на Урале, а также десятки других казенных предприятий.

В царствование Александра II произошла денационализация ряда казенных заводов. Так, например, был передан в частные руки Севастопольский морской завод. Но при Александре III этот завод пришлось национализировать. Был национализирован и Обуховский завод. Многие заводы и транспортные организации были вроде бы и частные, но фактически контролировались государством, руководство их назначалось министром, а то и самим царем. Само собой, им шли и ежегодные казенные субсидии. В качестве примеров приведу Санкт-Петербургский Металлический завод, пароходные общества «Добровольный флот» и «Кавказ и Меркурий».

Все пушки от Павла I до Николая II изготовлялись на казенных заводах. Исключение с 1890 по 1915 г. представлял Путиловский завод. Но, увы, как уже говорилось, сей завод расцветал лишь благодаря преступному сообществу великого князя Сергея Михайловича и фирмы Шнейдер.

Автор не собирается оспаривать преимущества рыночной экономики в целом. Так, при строительстве военных и торговых судов царские казенные заводы и верфи выполняли заказы в 2–5 раз дольше и существенно дороже по сравнению с предприятиями Круппа, Армстронга, Виккерса и т. д. Но с

частными русскими заводами все обстояло как раз наоборот.

Я несколько лет проработал в Военно-историческом архиве, Архиве народного хозяйства им. Плеханова, Военно-морском архиве, архиве Артиллерийского музея и видел десятки пухлых томов с перепиской, где Военное ведомство буквально выбивало из частных заводов орудийные лафеты по просроченным на много лет контрактам. (Пушки, как я уже говорил, делали казенные заводы, а заказы на лафеты иногда давали заводам Привисленского края и Прибалтики.) Часто дело кончалось тем, что следовало указание начальства простить долги частникам. Вот, например, Ижорский казенный завод изготавливал корабельную броню по цене 4 руб. 40 коп. за пуд, а Морское министерство отдало заказ Мариупольскому частному заводу по цене 9 руб. 90 коп. за пуд (газета «Утро России» за 26 сентября 1906 г.). И это при лучшем качестве ижорской брони! Государственный контролер обратил внимание на такую крупную разницу в цене. Но из министерства был получен ответ, что «заказ уже состоялся и не может быть отменен».

В начале 1920-х гг. заместитель начальника ГАУ генерал Барсуков и известный оружейник Федоров провели независимо друг от друга исследования по стоимости боеприпасов и стрелкового оружия, поставленных русской армии в 1914–1917 гг., и выяснилось, что цены на одинаковые изделия у казенных заводов были в 1,5–3 раза ниже, чем у частных.

Как я уже говорил, пушки делали казенные заводы, а вот для окопной войны потребовалось новое оружие – минометы и бомбометы. Причем фронт требовал десятки тысяч таких систем. Поэтому большинство заказов на них отдали иностранным и частным русским фирмам. В результате ГАУ приняло все системы, изготовленные нашими казенными заводами и полученные из Англии и Франции. Но 90 % минометов частных заводов браковалось и оседало на складах.

Без преувеличения можно сказать, что если бы тяжелая промышленность России была рыночного типа, то гренадеры кайзера уже осенью 1914 г. прошли бы церемониальным маршем по Невскому проспекту и Красной площади.

А большевики немного слукавили – они предприятия тяжелой промышленности не отнимали у капиталистов и не передавали рабочим, а изъяли их у Морского министерства, Военного министерства и Горного ведомства и передали различным трестам, а позже Наркоматам, то есть сменили бюрократов и вывески.

Без всякого сомнения, экспроприация земли, заводов и фабрик где-

нибудь в США, Франции или Англии вызвала бы шок у 99 % населения. А в связи с вышесказанным население России в целом отнеслось к национализации положительно.

Советские историки позже введут термин «триумфальное шествие советской власти». И это в основном соответствует действительности.

Действительно, к концу января 1918 г. в большинстве городов и плотно заселенных районов^[111] победила советская власть. Большевики захватили районы с великорусским населением без войны, имели место лишь небольшие стычки.

Наиболее интенсивные боестолкновения произошли в Москве с 27 октября (9 ноября) по 3 (16) ноября 1917 г. Советские историки описывали героизм красногвардейцев, а сейчас демократы восхищаются героизмом юнкеров – «последних рыцарей России». Зато и те и другие всячески преувеличивают численность сторон и разрушения в городе.

Заявить, что всего в Москве с обеих сторон действовало от силы тысяч восемь человек, крайне обидно и для красных, и для белых. Так, энциклопедия «Великая Октябрьская социалистическая революция» утверждает, что «...из-за нехватки оружия из 30-тысячной солдатской массы (примерная численность запасных пехотных полков) немедленно могло выступить не более 5–6 тыс. человек».^[112] Это у полков-то регулярной армии не было оружия? Да они просто не желали воевать.

Командующий войсками Московского военного округа полковник К.И. Рябцов обратился за помощью к бывшим в Москве юнкерам Александровского и Алексеевского военных училищ и шести школам прапорщиков. Две школы заявили о своем нейтралитете, а остальным «последним рыцарям» очень захотелось поиграть в индейцев. Кроме того, советские историки упоминают о «буржуазных отрядах домовых охраны». Действительно, во многих кварталах больших домов была создана домовая охрана, вооруженная берданками и «наганами». Понятно, что считать ее серьезной боевой силой нельзя, даже если собрать воедино. На самом деле к юнкерам примкнуло от силы несколько десятков «домовых охранников».

Стоит заметить, что в конце октября в Москве находилось 60—100 тысяч офицеров бывшей царской армии, но к Рябцову примкнули не тысячи и даже не сотни, а лишь десятки офицеров из этих 60—100 тысяч.

Современные историки любят смаковать обстрел Кремля из «гигантских французских орудий», установленных на Воробьевых горах. И в самом деле, батарея из 155-мм и 120-мм французских пушек обр. 1878 г. вела огонь по Кремлю. Эти древние пушки нам продали французы в 1915–

1916 гг. Для использования на фронте пушки не годились, да и были они неисправны. Их с трудом отремонтировали в мастерских «Мостяжарта». Кстати, эти «гигантские пушки» любой может увидеть во дворах Государственного центрального музея современной истории России и Центрального музея Вооруженных Сил в Москве.

Боеспособный гарнизон из советских, германских или японских солдат продержался бы в Кремле хоть целый год под огнем этих «экспонатов». Однако юнкера сдались и были распущены по домам.

Серьезное сопротивление «триумфальному шествию советской власти» в Великороссии оказало лишь казачество. К октябрю 1917 г. было 13 казачьих войск: Донское, Кубанское, Оренбургское, Забайкальское, Терское, Сибирское, Уральское, Амурское, Семиреченское, Астраханское, Уссурийское, Енисейское, Иркутское, а также Якутский казачий полк. Казачество насчитывало более 4,4 млн. человек и в Первую мировую войну выставило под ружье около 300 тысяч человек.

Казачество издавна обладало рядом существенных преимуществ перед «пришлыми», то есть великороссами, приехавшими в казачьи области, и местными инородцами. Декреты советской власти равняли в правах все группы местного населения. Это, а также пропаганда антисоветски настроенных офицеров и духовенства привели к казачьим восстаниям против большевиков.

Уже 25 октября (7 ноября) 1917 г. атаман Донского казачества А.М. Каледин^[113] отказался подчиняться советской власти. Власть в Донской области перешла к «Войсковому правительству». На Дон к Каледину стали прибывать антисоветски настроенные офицеры и лидеры центристских и правых партий П.Н. Милюков, П.Б. Струве, М.В. Родзянко и др. Большая часть казачества не желала участвовать в большой Гражданской войне, однако всем импонировал старый казацкий обычай: «С Дона выдачи нету».

2 (15) ноября 1917 г. в Новочеркасск прибыл генерал Алексеев, который начал собирать вокруг себя офицеров, составивших позже ядро Добровольческой армии.

2 (15) декабря 1917 г. войска Каледина захватили Ростов. Однако на стороне красных было подавляющее численное превосходство. Красные части со всех сторон окружили Донскую область.

25 декабря 1917 г. (7 января 1918 г.) советские войска начали наступление от Горловки (отряд Р.Ф. Сиверса), Луганска (отряд Ю.В. Саблина), на миллеровском направлении (отряд Г.К. Петрова), от станции Тихорецкая (отряды А.И. Автономова). 28 января (10 февраля) советские войска (группировка Сиверса) заняли Таганрог и продолжили с боями

наступление на Ростов.

Большинство казаков (всего войско Донское к октябрю 1917 г. насчитывало 1,5 млн. человек) не поддержали Каледина. 29 января (11 февраля) 1918 г. Каледин собрал «донское правительство» и предложил сложить полномочия. В тот же день атаман Каледин застрелился. Генералы Алексеев и Корнилов с офицерскими частями оставили Дон и начали отход на Кубань.

Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска полковник А.И. Дутов^[114] также не признал советской власти. К октябрю 1917 г. численность Оренбургского казачьего войска составляла около 533 тыс. человек. В ночь на 15 (28) ноября казаки арестовали членов Оренбургского совета и упразднили Временный Революционный комитет.

Сразу же у Дутова, как и у Каледина, возникла та же проблема – пассивность большей части казачества. По советским данным, под началом Дутова оказалось около 7 тыс. человек, а на самом деле – вполовину меньше. Тем не менее к январю 1918 г. казаки Дутова заняли Челябинск, Троицк, Верхнеуральск, нарушили железнодорожное сообщение между центром России, Южной Сибирью и Средней Азией.

Советское правительство приняло энергичные меры для подавления мятежа оренбургских казаков. Из Петрограда на Южный Урал был переброшен сводный Советский летучий отряд революционных солдат 17-го Сибирского полка и балтийских моряков под командованием мичмана С.Д. Павлова. На борьбу с дутовским мятежом были направлены красногвардейские отряды Самары (В.К. Блюхер), Екатеринбурга (П.З. Ермаков), Перми (А.Л. Борчанинов), Уфы, Бузулука, Москвы и других городов.

16 (29) января 1918 г. казаки были разбиты под Каргалой, а 18 (31) января красногвардейцы заняли Оренбург. После этого часть офицеров, юнкеров и казаков под командованием генерал-майора К.М. Слесарева ушла к уральским казакам, а сам атаман Дутов отступил к Верхнеуральску.

В конце февраля – в марте 1918 г. началось восстание оренбургских казаков против советской власти. 4 (17) апреля повстанцы взяли Оренбург. Однако через несколько дней отряды Блюхера выбили дутовцев из города. Дутов увел остатки своих сторонников в Тургайские степи.

Как видим, сопротивление советской власти в конце 1917 г. – начале 1918 г. оказала лишь небольшая часть казачества. Куда большую опасность представляли националисты всех мастей на окраинах империи.

Глава 4

Самостийники

Сразу же после большевистского переворота лидеры националистов повсеместно заявили о нелегальности советской власти и незаконности ее декретов. Увы, события 25 октября в Петрограде были не причиной, а лишь поводом для отделения от России. Не было бы этого повода, нашелся бы другой. Замечу, что большинство лидеров самостийников до 1917 г. сами придерживались радикальных социалистических взглядов. Тот же Юзеф Пилсудский в свое время проходил по делу «второго 1 марта» вместе с Александром Ульяновым. Одного повесили, а второго, к сожалению, нет.

Симон Петлюра вместе с В.К. Винниченко руководил украинской социал-демократической рабочей партией.

8 ноября (по новому стилю) 1917 г. Центральная Рада отказалась признать большевистское правительство в Петрограде.

10 ноября отряды киевских рабочих и революционных солдат подняли восстание в Киеве против командования штаба Киевского военного округа, поддерживавшего правительство Керенского. В ходе боев за Киев Центральная Рада первоначально держала нейтралитет. После трехдневных боев штаб Киевского военного округа и часть офицеров и юнкеров бежали из города на Дон. Тем временем Центральная Рада подтянула верные ей войска и подавила восстание.

20 ноября Центральная Рада издала третий Универсал, в котором провозгласила образование Украинской Народной Республики (УНР). Однако большевикам удалось взять власть в Харькове, Донбассе и Криворожье.

20 ноября 1917 г. мы справедливо можем назвать днем начала Второй Руины. На Украине началась война всех против всех. В общих чертах положение на Украине мало отличалось от ситуации в середине XVII в.

Центральная Рада не пользовалась достаточной поддержкой населения и не могла противостоять большевикам, и, как гетманщина XVII века, призвала иностранные войска. А по всей Украине с осени 1917 г. начали формироваться большие и малые банды. Их атаманы утверждали, что борются за права «угнетенного селянства», и делились частью добычи с местным населением. Нравится ли современным историкам или нет, но большинство «селянства» поддерживало бандитов, прятало их и награбленное имущество, а главное, постоянно пополняло ряды бандитов.

К 15 (28) января 1918 г. Красная Армия подошла к Киеву со стороны Дарницы. Рабочие оружейного завода «Арсенал» подняли восстание. При приближении большевиков В.К. Винниченко и члены его кабинета трусили, подали в отставку и вместе с М.С. Грушевским бежали из Киева. Власть захватили два студента – Голубович, который сделался главой «правительства», и Ковенко, ставший комендантом Киева. Они в течение почти двух недель довольно активно защищали Киев, но когда убедились в бессмысленности дальнейшего сопротивления, сели в автомобили и укатили в Житомир.

Германия находилась в тисках блокады Антанты, и ей срочно требовалось продовольствие, которое можно было найти на Украине. Поэтому германское правительство не могло допустить перехода Украины под власть большевиков. 27 января (9 февраля) 1918 г. Германия и Австро-Венгрия подписали с правительством Центральной Рады мирный договор. От имени Рады подпись поставил какой-то студент Севрук.

Согласно этому договору, Центральная Рада обязалась поставить Германии и Австро-Венгрии до 31 июля 1918 г. 60 млн. пудов хлеба, 3 млн. пудов живого веса рогатого скота, 400 млн. штук яиц, сотни тысяч пудов сала, масла, сахара и других продуктов.

Германские войска двинулись к Киеву, а австрийские – к Одессе. Мониторы и канонерские лодки австрийской Дунайской флотилии пришли в Одессу и попытались подняться вверх по Днепру, но не сумели пройти пороги.

16 февраля (1 марта) первый батальон саксонской пехоты появился на Киевском вокзале. Давняя мечта австрийских и германских политиков осуществилась:

*Од Києва до Берліна
Простяглася Україна.*

В Киеве обосновалась главная квартира германского командования во главе с генерал-фельдмаршалом Германом фон Эйхгорном. Вслед за саксонской пехотой в Киеве объявилось и самостоятельное правительство Голубинского.

Но, увы, немцы быстро убедились, что Рада ничего не представляет. По данным германского штаба, войска Украинской Народной Республики насчитывали лишь «две тысячи бывших солдат и офицеров, безработных и авантюристов». Как писал А. Царинный: «...все в Малороссии прекрасно

знали, что украинское войско – это действительно миф, сочиненный для удовольствия „щирых“ украинских шовинистов, так как нельзя же серьезно называть войском появившиеся впереди немцев кучки глупых людей в шапках со свесившимися на спину красными шлыками, в театральных костюмах, в каких щеголяли в исторических пьесах из жизни старой Малороссии корифеи малорусской сцены Кропивницкий или Тобилевич-Садовский, и в широких поясах, из-за которых торчали чуть ли не аршинные кривые кинжалы. Появление украинских гайдамаков – это была шутовская интермедия в тяжелой кровавой драме мировой войны и „русской“ революции, но никоим образом не один из ее важных актов».^[115]

Красная Армия на Украине была куда более боеспособной и многочисленной, но все равно не могла противостоять германо-австрийским частям. Мало того, Советская Россия по рукам и ногам была связана Брестским миром и не могла открыто вести боевые действия на Украине. Поэтому местные левые с согласия Москвы создали ряд полунезависимых республик: Донецко-Криворожскую Советскую республику (ДКСР), Одесскую Советскую республику, Таврическую Советскую республику и Донскую Советскую республику.

К лету 1918 г. германо-австрийские интервенты оккупировали Украину, Крым, Донскую область, часть Таманского полуострова, часть Воронежской и Курской губерний. На востоке оккупационная зона ограничивалась линией Батайск – Дон – Северный Донец – Дёгтево – Осиновка – Новобелая – Валуйки – Грушевка – Белгород – Суджа – Рыльск. В «сферу влияния» Австро-Венгрии (по соглашению от 29 марта 1918 г. между Берлином и Веной) входили часть Волынской, Подольская, Херсонская и Екатеринославская губернии. (Управление и эксплуатация угольных и горнорудных районов здесь были совместными.) Николаев, Мариуполь и Ростов-на-Дону занимали смешанные части (германское командование в Николаеве и Ростове-на-Дону, австро-венгерское – в Мариуполе). Остальные губернии Украины, Крыма, а также Таганрог оккупировали германские войска. Железнодорожный и водный транспорт на всей оккупированной территории ставился под контроль германского командования.

Вскоре германские оккупационные власти решили заменить Центральную Раду более эффективным «туземным» правительством. Генерал-фельдмаршал Эйхгорн решил дать Украине... гетмана. Кстати, это слово было вполне понятно и немцам, поскольку происходило от германского слова гауптман (Hauptmann) – начальник. На должность гауптмана Эйхгорн предложил генерал-лейтенанта Павла Петровича

Скоропадского. Тот происходил по прямой линии от Василия Ильича Скоропадского, родного брата бездетного гетмана Левобережья Ивана Ильича Скоропадского (1708–1722). Павел Петрович владел богатейшими имениями в Полтавской и Черниговской губерниях. Кроме всего прочего он был еще и масоном высокого градуса и ранее пребывал в тех же ложах, что и Грушевский и Петлюра.

Избрание гауптмана, пардон, гетмана состоялось 29 апреля 1918 г. в цирке Крутикова на Николаевской улице в Киеве. Режиссером представления был тот же Эйхгорн. В цирке были собраны «хлеборобы-собственники». Несколько «хлеборобов» выступили с речами, требуя спасти Украину от хаоса, а сделать это может только гаупт... то есть гетман. И тут в одной из лож цирка появился одетый казаком Скоропадский. «Хлеборобы» дружно «прокричали его гетманом».

А Центральная Рада была без единого выстрела разогнана германским караулом. Ни один человек на всей Украине не встал на ее защиту. Началась эпоха новой гетманщины, или, как шутили киевляне, «гетманшафт». Сам гетман поселился в доме киевского генерал-губернатора. Любопытная деталь: под кабинетом гетмана на втором этаже находилось помещение германского караула. Так что Павел Петрович Скоропадский сидел на германских штыках не только в переносном, но и в прямом смысле.

Скоропадский немедленно «сменил вывеску на лавочке». Ему как-то неудобно было быть гетманом «Украинской Народной Республики», и название это было заменено на «Украинскую державу». Срочно была набрана сердючная дивизия для охраны особы гетмана, дивизия генерала Патнева (в Харькове), 1-я пехотная дивизия, сформированная австрийцами из военнопленных во Владимире Волынском, а также несколько «охранных» и пограничных сотен. Кроме того, гетман начал формировать и отряды из белых офицеров.

Оккупационные германо-австрийские войска приняли решительные меры для наведения порядка на Украине. Немедленно были возвращены помещикам захваченные крестьянами земли, скот и инвентарь. Карательные отряды проводили массовые расстрелы. Однако эти меры не успокоили население, а лишь только озлобили его. Именно при гетмане резко возросла активность банд по сравнению с временами Центральной Рады.

Банда, или лучше сказать армия, батьки Махно действовала на огромном пространстве современной Украины от Лозовой до Бердянска, Мариуполя и Таганрога и от Луганска и Гришина до Екатеринослава,

Александровска и Мелитополя. Большую известность получили банды Зеленого, Струка, Соколовского и Тютюнина, атаманши Маруси и др.

В конце октября – начале ноября (по старому стилю) 1917 г. советская власть победила на всей неоккупированной части Белоруссии. (Линия фронта проходила в 80 км западнее Минска.)

19—21 ноября 1917 г. в Минске состоялся съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Западной области, которая была создана (с центром в Минске) еще в мае 1917 г. на съезде Советов Минской, Витебской, Могилевской и части Виленской губерний.

Из 560 делегатов съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 460 поддерживали большевиков. Они одобрили декреты советской власти о мире и земле и потребовали безоговорочного подчинения советской власти служащих и чиновников старых государственных учреждений.

26 ноября 1917 г. был создан Совет народных комиссаров области и фронта. Его председателем стал большевик К. Ландер. В конце 1917 – начале 1918 г. были сформированы уездные органы власти – Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В январе – марте 1918 г. в основном было завершено создание и волостных Советов. А все органы Временного правительства (городские думы, земские управы) при этом ликвидировались.

Серьезную проблему для большевиков и мирного населения создало присутствие на территории Белоруссии 1-го польского корпуса легионеров, который был сформирован по указанию Керенского в июле 1917 г. В его составе были три пехотные дивизии, конные и артиллерийские части, всего до 26 тыс. человек. С августа 1917 г. корпусом командовал генерал-лейтенант Юзеф Довбор-Муснинский.

Польский корпус грабил местное население, проводил карательные операции по жалобам польских помещиков.

21 января (3 февраля) 1918 г. командующий Западным фронтом А.Ф. Мясников (Мясникян) отдал приказ о расформировании польского корпуса и демобилизации его личного состава. Генерал Довбор-Муснинский отказался повиноваться, что во всех странах мира считалось военным мятежом.

В ночь на 31 января (13 февраля) революционные войска разбили 1-ю Польскую дивизию и заняли Рогачев. 2-я и 3-я Польские дивизии к середине февраля 1918 г. после упорных боев отступили в направлении Бобруйска и Слуцка. Но 18 февраля, нарушив условия Брестского перемирия, начали наступление австро-германские войска. Воспользовавшись этим, мятежники при участии отрядов Белорусской

Рады в ночь с 19 на 20 февраля овладели Минском, а 21 февраля в город вступили немецкие войска.

Польские части по соглашению с германским командованием оставались в Белоруссии в качестве оккупационных войск. В мае 1918 г. Польский корпус был расформирован немецким командованием.

С приходом немцев в Минске буржуазные ^[116] националисты во главе с И. Воронко создали самозванное правительство – Народный секретариат Белоруссии.

Отношения белорусских «самостийников» с германским командованием были весьма сложными. Ведь вообще оккупация Белоруссии официально считалась как бы взятием земель в залог до окончания выплаты Советской Россией контрибуций, определенных Брестским договором. А как брать в залог то, что не принадлежит должнику? Поэтому официального признания самозванное правительство не получило, однако во многих хозяйственных и административных вопросах оккупационные власти сотрудничали с ним.

В марте 1918 г. националисты созвали Всебелорусский съезд. Естественно, «всебелорусским» он физически не мог быть. Немцы стояли на линии Орша – Могилев – Гомель, и Восточная Белоруссия была в составе Советской России. А что касается недовольных в Западной Белоруссии, то об этом свидетельствует создание немцами концлагерей, в которых содержалось 3600 человек.

9 марта съезд провозгласил Белорусскую Народную Республику (БНР), а свой исполнительный комитет назвал радой БНР. 25 марта 3-й Уставной грамотой БНР объявлялась «независимым и свободным государством». Все прежние государственные связи, позволявшие «чужому правительству подписывать за Белоруссию трактат в Бресте», считались утратившими силу. А 28 апреля на заседании Народного секретариата были утверждены государственные символы Белоруссии – бело-красно-белый флаг и герб «Погоня».

Германское правительство не восприняло всерьез эти игры. Оно лишь согласилось на национальное представительство при немецкой оккупационной администрации и на некоторые второстепенные функции. На посланные в Берлин три грамоты рейхсканцлер сообщил Народному секретариату, что Германия рассматривает Белоруссию как «часть Советской России».

Вскоре у Рады появился конкурент – в Минске образовалось Белорусское народное правительство (БНП) во главе с Р. Скимунтом, А. Алексюком, ксендзом Гандлевским, Ф. Верниковским и другими.

Не дремали и большевики – в оккупированной части Белоруссии ширилось партизанское движение. А в апреле 1918 г. в Смоленске собрался 2-й съезд Советов Западной области. Он принял декларацию, обращенную к белорусским рабочим и крестьянам, в которой заклеил исходивший от Рады «дьявольский план представительства трудящихся масс», «позорные замыслы и действия буржуазных наймитов». Съезд заявил, что «Белорусская рада представляет собой группу самозванцев, а не народных представителей».

Несколько слов стоит сказать и о ситуации в Крыму. В Киеве на заседании «генерального секретариата» было официально заявлено: «Морской секретариат должен руководить Черноморским флотом, который будет охранять берег Украинской республики и тех держав, которые имеют с нею границу по берегу Черного моря. Содержание флота должны взять на себя все те державы, интересы которых он охраняет. Для этой цели достаточно двух броненосцев и флотилии миноносцев с командой 10–12 тыс. матросов. Прочие корабли демобилизовать и перевести в государственный торговый флот, развитие которого находится в ближайших интересах Украинской республики».^[117]

29 декабря 1917 г. Центральная Рада принимает Универсал, по которому Черноморский флот объявляется флотом УНР, все военные и транспортные корабли обязаны поднять флаги республики. Генеральному секретариату международных дел поручалось довести содержание документа до сведения всех государств.

В связи с провозглашением независимости Крыма беглая Рада отправила в Севастополь директиву: «Предупреждаем организации и начальников украинского флота в Севастополе, что все сношения с представителями чужеземных держав, как с Россией, так и с другими, будут преследоваться отныне как государственная измена».^[118]

Но из далекого Киева, а тем более с Волыни Центральная Рада могла лишь слать универсалы в Крым. Зато татары собрали 26 ноября 1917 г. курултай, который объявил себя учредительным собранием Крыма и даже сформировал Национальное правительство, более известное под именем Директории (не путать с украинской Директорией).

Татарское правительство возглавил Ч. Челебиев, а директором по военным и внешним делам стал Джафер Сайдамет. 21–22 декабря все части Крымской конной бригады и полк «Уриет», согласно приказу Крымского штаба № 6, в торжественной обстановке были приведены к присяге «на защиту основных законов Курултая».

У татар не было командующего войсками, который был бы военным специалистом и имел хоть какой-то политический вес. Посему они предложили принять начальство над татарским воинством... барону П.Н. Врангелю. Собственно, ничего удивительного в этом не было. Объявил же себя другой немецкий барон, генерал-лейтенант Унгерн фон Штернберг монгольским ханом, наследником Чингисхана, так почему бы генерал-майору фон Врангелю не стать наследником Гиреев? Однако Петр Николаевич благоразумно отказался. Далее он выждал несколько месяцев, а затем вступил в Добровольческую армию.

В 20-х числах декабря татарские подразделения начали разоружать все войска, находившиеся на полуострове и не подчинившиеся курултаю.

Татарские отряды 23 декабря вошли в Евпаторию и после короткой перестрелки разоружили находившиеся там части, в том числе Киевскую школу летчиков-наблюдателей, школу стрельбы по воздушному флоту и 1-ю Украинскую казачью батарею.

9 января 1918 г. татарские подразделения у железнодорожной станции Бахчисарай разоружили эшелон с семьями матросами Черноморского флота. Эти матросы демобилизовались, то есть без всякой санкции сверху захватили в Севастополе эшелон, естественно, не забыв взять с собой трехлинейки и «максимы». Они собирались проехать через Бахчисарай и Симферополь и далее за Перекоп.

Татар тоже можно понять. Пропускать через город такую массу пьяных, никому не подчиненных и хорошо вооруженных людей было крайне опасно.

Понятно, что разоружение «братишек» у Бахчисарая вызвало взрыв возмущения у моряков в Севастополе. Но это было еще полбеда. Воодушевленные легким успехом в Евпатории, татары двинулись на Севастополь. Через два часа после разоружения семисот матросов татарские части – 2-й конный полк и две роты полка «Уриет» – перешли границу Севастопольского крепостного района у села Дуванкой и попытались захватить Камышловский железнодорожный мост. Мост охраняла дружина рабочих Севморзавода. Вскоре на помощь к ним из города пришел отряд красногвардейцев. Совместными усилиями им удалось отбить атаку татар.

10 января татары выбили отряд матросов из имения графа Мордвинова. Матросы отошли за реку Качу, а затем, после часовой перестрелки, погрузились в железнодорожный эшелон и убыли в Севастополь.

Лишь тогда севастопольские большевики и анархисты осознали, что

надо экстренно спасать ситуацию. Срочно был создан Военно-революционный штаб и сформированы десантные отряды из моряков. Присутствие кораблей Черноморского флота решило все дело.

31 января гидрокрейсер «Румыния»,^[119] а также вооруженные транспорты «Трувор», «Данай» и «Геркулес» вышли с десантом из Севастополя в Евпаторию. Десанту матросов без особого труда удалось выбить татар из Евпатории.

Кроме Евпатории, матросы Черноморского флота высадились в Ялте и Феодосии. Особенно упорные бои шли в районе Ялты, где войска курултая были поддержаны боевиками мусульманской организации «Тан». Руководил татарами полковник Е.И. Достовалов. Ялта два раза переходила из рук в руки. Окончательно большевики захватили ее лишь 15 января, а переодевшийся в штатское Достовалов бежал в Симферополь.

13 января моряки штурмом овладели Бахчисараем и двинулись к Симферополю. Войска курултая начали разбегаться. При подходе красных к Симферополю на татарские части напали учебная команда 33-го запасного полка и боевая дружина завода «Анатра».

Город был взят почти без боя. У красных при занятии Симферополя был убит один человек, в татарских войсках – один офицер и трое рядовых. Тем не менее большевики начали массовые расстрелы в городе, коснувшиеся в первую очередь лидеров татарских националистов и офицеров старой русской армии, как помогавших татарам, так и просто подвернувшихся под руку. Среди расстрелянных татар стоит отметить Ч. Челеблева, штаб-ротмистра Биарсланова Осман бея, подполковника Алиева, прапорщика Седи-Амет Сулейман Батбуртлы. А Джаферу Сайдамету удалось скрыться. Итак, в середине января 1918 г. весь Крым стал советским.

А теперь перейдем к делам кавказским. С лета 1917 г. начался развал Кавказской армии. Пехотные части самовольно покидали позиции и отправлялись в тыл. Казачьи части организованно уходили на Кубань и Терек. После Октябрьской революции развал армии резко усиливается.

2 (15) ноября 1917 г. Бакинский совет взял власть в городе и образовал первую в Закавказье Советскую республику. 25 апреля 1918 г. Бакинский совет создал «орган пролетарской диктатуры» в Азербайджане – Совет народных комиссаров (СНК) под руководством С.Г. Шаумяна.

15 (28) ноября 1917 г. меньшевиками, эсерами, дашнаками и мусаватистами в Тифлисе создается Закавказский комиссариат. Фактически это было националистическое правительство Закавказья (Азербайджана, Армении и Грузии). Закавказский комиссариат приступил к разоружению

пробольшевистски настроенных частей Кавказской армии.

5 (18) декабря 1917 г. в городке Эрзинджан в Анатолии было подписано перемирие между русскими и турками. При этом турецкое командование обязалось заставить курдов выполнять договор. В случае враждебных действий курдов русские войска имели право поступать с ними как с разбойниками.

29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.) Совнарком Советской России опубликовал, в свою очередь, за подписью Ленина «Декрет о Турецкой Армении», в котором провозглашалось право Западной Армении на автономию: «Совет Народных Комиссаров объявляет армянскому народу, что Рабочее и Крестьянское Правительство России поддерживает право армян оккупированной Россией турецкой Армении на свободное самоопределение вплоть до полной независимости». В том же декрете устанавливался ряд гарантий для нормализации обстановки, например: вывод российских войск и формирование армянского ополчения, свободное возвращение в Турецкую Армению беженцев и лиц, изгнанных турецким правительством, установление границ демократически избранными представителями армянского народа. Наконец, Степан Шаумян был назначен чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа.

Однако 3 марта 1918 г. Советская Россия была вынуждена заключить с Германией «препохабнейший» Брестский мир. Статья 4 мирного договора гласила: «Россия сделает все, что в ее силах, чтобы обеспечить скорый вывод войск из западных провинций Анатолии и их возвращение Турции. Ардаган, Карс и Батум будут незамедлительно освобождены от российских войск». В этом договоре Армения ни разу не упоминалась.

Закавказский сейм не признал Брестский договор и направил на имя Совнаркома в Петроград телеграмму, извещавшую, что «он не признает Брестский мир, так как Закавказье никогда не признавало большевистской власти и Совета Народных Комиссаров». Турция, основываясь на статьях Брестского договора, предъявила ультиматум Закавказскому сейму о немедленном очищении Карса, Батума и Ардагана. В этих условиях 14 марта 1918 г. в Трабзоне открылась мирная конференция между Турцией и Закавказьем.

В феврале 1918 г. Закавказский сейм принял решение сформировать Грузинский, Армянский, Мусульманский и Русский корпуса, а также Греческую дивизию. Однако это решение осталось на бумаге. Грузинский корпус вообще не был создан, мусульманские отряды перешли на сторону турок. В Закавказье оказалось множество русских офицеров, гимназистов, казаков и т. д., которые хотели и могли воевать с турками. Но сейм позже

запретил создание Русского корпуса. Единственной боеспособной частью стал Армянский корпус. Причем его ударной силой стал отряд Андраника Сасунского, сформированный в начале 1918 г. в Александрополе.

Во время трабзонских переговоров военные действия продолжались. Русских солдат к этому времени в Карской области практически не осталось, а фронт держали 20–30 тысяч армянских добровольцев под командованием генерала Назарбеяна.

Силы были неравны, и 30 января турки заняли Эрзинджан, 4 февраля – Байбурт, 8 февраля – Мемахатун, 29 февраля – Эрзерум, а в марте ими была захвачена вся турецкая территория, занятая русскими в Первую мировую войну.

И тут председатель Закавказского правительства А. Чхенкели отдал приказ генералу Назарбеяну отступить.

15 апреля турецкие войска без боя заняли Батум, а 25 апреля Карс. Армянские войска могли удерживать самую мощную на Ближнем Востоке крепость как минимум несколько месяцев. Но из-за преступного приказа они покинули Карс. Туркам досталось около 600 исправных русских орудий, десятки тысяч винтовок, десятки автомобилей, склады, забитые боеприпасами и обмундированием. В Карсе турки устроили массовые грабежи среди мирного населения и резню армян.

Однако 24 мая 1918 г. у Сардарапата армянская армия наносит поражение туркам и спасает свою столицу Ереван. Решающую роль в разгроме турок сыграл генерал Андраник Сасунский.

Любопытно, что продвижению турецких войск на Кавказе препятствовала... Германия. В планы немцев не входило уступать бакинскую нефть и чиагурский марганец Турции.

29 апреля 1918 г. немцы заняли Севастополь. Русский Черноморский флот частично был затоплен у Новороссийска, а большей частью захвачен немцами в своей главной базе. Черное море с этого момента стало германско-турецким озером.

15 мая в порт Поти прибыли германские транспорты, с которых высадился десант. К началу лета отряд немцев был введен даже в Тифлис.

27 апреля 1918 г. Германия принудила Турцию заключить секретное соглашение в Константинополе о разделе сфер влияния. Турции отводилась юго-западная часть Грузии и почти вся Армения, а остальная часть Закавказья доставалась Германии.

Лоскутная Закавказская демократическая федеративная республика (ЗДФР) 8 июня 1918 г. официально прекратила свое существование. 8 июня образовалась Грузинская республика, 9 июня – Азербайджанская

республика и 10 июня – Армянская республика.

4 июня 1918 г. в Батуме Турция подписала с Армянской и Грузинской республиками договоры «о мире и дружбе», по которым к Турции кроме Карской, Ардаганской и Батумской областей отходили: от Грузии Ахалкалакский уезд и часть Ахалцихского уезда; от Армении Сурмалинский уезд и части Александропольского, Шарурского, Эчмиадзинского и Эриванского уездов. Турецкие войска получили право беспрепятственных железнодорожных перевозок.

28 мая правительство Грузии было признано Германией, и в Поти подписали шесть договоров, по которым Германия получала монопольное право на эксплуатацию экономических ресурсов Грузии, а порт Поти и железная дорога поступали под контроль германского командования.

10 июня германские войска вошли в Тифлис, к 15 июня там их было уже около 5 тысяч. Германские гарнизоны разместились в Кутаиси, Гори, Сигнахе, Самтреди, Новосенаки, Очамчире и в других населенных пунктах. В Поти дислоцировались войска с артиллерией (свыше 10 тысяч человек). Всего в Грузии германских войск было (включая военнопленных и мобилизованных немецких колонистов) около 30 тысяч человек. Командовал ими генерал-майор Ф. Кресс фон Крессенштейн.

Германские интервенты взяли под контроль почту, телеграф, банки, военные и финансовые ведомства. К грузинской армии были прикреплены германские инструкторы.

По договорам с грузинским правительством от 12 июля Германия получала в эксплуатацию Чиатурские марганцевые рудники на 30 лет, порт Поти – на 60 лет, железную дорогу Шорапан – Чиатура – Сачхере – на 40 лет.

До 1918 г. граница Кутаисской губернии на севере шла не по реке Псоу, где позже проходила граница Грузинской ССР, а чуть севернее реки Бзыбь, то есть между Гагрой и Пицундой. Новоявленным тбилисским правителям это не понравилось, и грузинские войска двинулись на север и даже захватили Туапсе. Но там 1-я колонна красной Таманской армии разоружила грузинскую дивизию и захватила 16 пушек и 10 пулеметов. Этот эпизод отражен в романе Серафимовича «Железный поток».

Красные, пробыв несколько дней в Туапсе, ушли в Армавир. А 8 сентября 1918 г. в Туапсе вошли части Добровольческой армии. После этого Тифлис пошел на переговоры с командованием Добровольческой армии, которые состоялись 25–26 сентября в Екатеринодаре и были совершенно бесплодными. Белые без обиняков потребовали от грузин убираться вон и очистить территорию по реку Бзыбь. Так как грузины не

соглашались, командование Добрармии 26 сентября прервало «переговорный процесс», и отряды белых заняли Лазаревскую (ныне на севере Большого Сочи).

Конфликт начал затягиваться, а белые не имели возможности выставить крупные силы против грузин в разгар борьбы с красными.

Грузинское командование тоже не решалось на крупное наступление, а лишь помогало деньгами и оружием бандам «зеленых», действующим в тылу белых.

Разбив красных в начале 1919 г. на Северном Кавказе, Добрармия приступила к зачистке Черноморского побережья от «зеленых» и грузин. В районе Гагр шли ожесточенные бои. Однако вмешались англичане и заставили Деникина прекратить наступление. Демаркационная линия между белыми и грузинами была определена южнее Адлера, в районе которого устанавливалась «нейтральная зона».

В 1921 г. в Лондоне вышла книга Бехофера «В деникинской России». Ее автор писал: «Свободное и независимое социал-демократическое государство Грузии всегда останется в моей памяти как классический пример империалистической малой национальности и по отношению к захватам территорий вне своих пределов, и по отношению к бюрократической тирании внутри государства. Шовинизм его превосходит всякие пределы».

Внутри республики начались остервенелые гонения на все русское: увольнения с работы, лишение избирательных прав, аресты, выселения. Дошло до того, что созданный в 1918 г. Русский национальный Совет организовал русский корпус, целью которого было защитить русских крестьян от истребления.

Уже в июне 1918 г. восстали осетины и грузины Цхинвали, поднялись жители Абхазии, опрометчиво подписавшие договор с Грузией, когда к ним подходили большевики. Теперь они просили Добровольческую армию избавить их от грузин.

Разговор с восставшими у грузинских властей был коротким. «Казаки этого отряда (отряд Мазниева, направленный на усмирение восстания в Абхазии) врывались в мирные абхазские деревни, забирая все мало-мальски ценное, совершая насилия над женщинами. Другая часть этого отряда... была занята разрушением бомбами домов тех лиц, на которых кто-либо доносил. Аналогичные же насилия были произведены в Гудаутском уезде. Начальник грузинского отряда, поручик Купуня, бывший пристав города Поти, избил целый сход в селении Ацы, заставив всех лечь под пулеметный огонь, и прошелся затем по их спинам, нанося

удары шашкой плашмя; затем приказал сходу собраться в кучу, верхом во весь карьер врезался в толпу, нанося побои кнутом...». Это из доклада абхазских меньшевиков, единомышленников грузинского правительства, то есть ни в коей степени не может быть большевистской пропагандой.

От Грузии перейдем к ситуации в Бакинской губернии. 31 октября (13 ноября) 1917 г. Бакинский Совет рабочих и солдатских депутатов первым в Закавказье вынес постановление о переходе всей полноты власти к Совету. 2 (15) ноября вся власть в Баку перешла к Совету. 30 марта (по новому стилю) 1918 г. мусаватисты подняли в Баку вооруженный мятеж против Совета. Три дня в Баку шли бои. На стороне Совета действовала и Каспийская флотилия. Канонерские лодки «Карс» и «Ардаган» вели интенсивный огонь по мятежникам.

25 апреля 1918 г. на заседании Бакинского Совета под председательством П.А. Джапаридзе было принято решение о создании Бакинского Совета Народных Комиссаров – высшего органа Советской власти в Бакинском районе.

В июне 1918 г. Бакинский Совнарком издал декреты о национализации нефтяной промышленности и Каспийского торгового флота. Был введен 8-часовой рабочий день, повышена зарплата рабочим, созданы народный университет и школы для взрослых.

Советские войска заняли Кубу и Дербент, с боем взяли Ленкорань и рассеяли банды ханши Талышинской. В результате ожесточенных боев была занята Шемаха, а затем и весь Шемахинский уезд.

В мае 1918 г. 13 тысяч турок при 40 орудиях вместе с 5 тысячами мусаватистов при 10 орудиях двинулись на Баку. Столицу Азербайджана обороняли пробольшевистские силы СНК (18 тысяч человек, 19 орудий, 3 бронепоезда). В июне 1918 г. из Советской России в Баку прибыли 4 броневика, 13 самолетов, а в следующем месяце – 800 человек при 6 орудиях. Однако моральный дух защитников Бакинской коммуны был весьма слаб. 20 июля турки без боя заняли Шемаху. Сравнительно небольшая большевистская прослойка в Баку оказалась в сложной ситуации. С одной стороны, у большевиков не хватало сил для отражения турецкого наступления, а с другой – они формально не имели права сражаться с немцами в силу Брестского мира. Большинству же населения Баку не улыбалось увидеть турок на улицах города. Поэтому Бакинский Совет принял решение позвать на помощь английские войска, которые к тому времени уже находились на севере Персии.

31 июля Совет Народных Комиссаров сложил свои полномочия. Власть в Баку перешла в руки правоэсеровско-меньшевистско-дашнакского

блока, сформировавшего 1 августа правительством «Диктатуры Центрокаспия и Президиума Временного Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов».

К тому времени англичане заняли южное побережье Каспийского моря и приступили к формированию военной флотилии в персидском порту Энзели. Командовал английскими морскими силами командор Норрис. Задача создания флотилии на Каспии для англичан облегчалась наличием британской военной флотилии на реке Тигр. Перевезти на Каспий канонерские лодки они, естественно, не могли, зато сняли с них морские орудия калибра 152, 120, 102, 76 и 47 мм.

Англичане захватили в Энзели несколько русских торговых судов и приступили к их вооружению. Команды поначалу были смешанные – русская вольнонаемная команда и английские расчеты орудий. Командовали всеми судами английские офицеры, на второстепенные должности брали и русских морских офицеров.

4 августа в Баку высадился британский отряд, прибывший на военном транспорте из Энзели.

После перехода власти к «Диктатуре Центрокаспия» оставшиеся верными Советской власти подразделения были стянуты на Петровскую площадь в Баку, превращенную большевиками в военный лагерь. Войска же «Диктатуры Центрокаспия», состоящие в основном из армянских национальных частей, с каждым днем теряли свою боеспособность, усиливалось дезертирство и мародерство. Ввиду того, что шансов на успешный политический или военный контрпереворот, изгнание англичан и удержание фронта практически не было, общегородская партийная конференция большевиков, состоявшаяся 12 августа, приняла решение эвакуировать остатки советских войск в Астрахань.

17 августа 1918 г. главнокомандующий британскими войсками генерал Денстервиль и штаб командора Норриса на пароходах «Президент Крюгер» и «Орел» отправились в Баку. Перед выходом на «Крюгере» англичане поставили четыре 102-мм сухопутные пушки.

Уже при подходе к Баку был слышен отдаленный гул артиллерийской стрельбы. Город был обложен войсками турецкого генерала Нури-паши. В это время суда бывшей царской Каспийской флотилии обстреливали турецкие войска в районе Петровска (с 1922 г. Махачкала). Только канонерка «Ардаган» стояла в Баку и лишь изредка выходила обстреливать турецкие позиции.

15 сентября 1918 г. турецко-мусаватистские войска почти без боя заняли Баку. Англичане и руководство «Центрокаспия» бежали на судах

Каспийской флотилии сначала в Петровск, а затем в Энзели. Турки и местные татары три дня грабили Баку, при этом было убито около 30 тысяч мирных жителей.

Пока в Баку правил Совет, самозванное мусаватистское правительство (Временный национальный Совет) заседало в Тифлисе, где оно 28 мая 1918 г. провозгласило Азербайджан независимым государством.

4 июня 1918 г. в Батуме между делегациями Азербайджана и Турции был заключен договор о мире и дружбе Азербайджанской Республики и Османской Турции. Согласно статье Батумского договора, Турция, выполняя свои союзнические обязательства перед Азербайджанским государством, 5 июня 1918 г. ввела в Гянджу (Елизаветполь) части 5-й турецкой дивизии под командованием Мюрсель-паши. 6 июня в Гянджу из Иранского Азербайджана прибыл семитысячный отряд Назим-паши. Азербайджанское правительство с помощью турецких офицеров, еще до этого времени находившихся в Гяндже под командованием Нури-паши, смогло в короткий срок сформировать Особый Азербайджанский корпус, объединенный с турецкими войсками в Кавказскую исламскую армию. Общая численность этой армии достигала 20 тысяч человек.

Мусаватистское правительство 16 июня 1918 г. переехало из Тифлиса в Гянджу, а 17 сентября – в оккупированный турками Баку.

5 октября 1918 г. Совет Министров Азербайджанской республики принял постановление о денационализации нефтяной промышленности, согласно которому нефтяные промыслы и заводы, корабли Каспийского торгового флота возвращались нефтяным фирмам и судовладельцам. Важным шагом правительства в аграрном вопросе была отмена декрета Баксовнаркома о земле. Земля признавалась нерушимой собственностью землевладельца.

Однако к этому времени песенка османов – покровителей мусаватистов была спета. После захвата 15 сентября Баку советское правительство разорвало Брестский договор в части, касающейся Турции.

19 октября турецкий кабинет министров во главе с великим визирем Талаат-пашой, военным визирем Энвер-пашой и морским министром Джемаль-пашой ушел в отставку в полном составе. Новое турецкое правительство обратилось к Антанте с просьбой о перемирии.

27 октября начались мирные переговоры с Антантой. Они проходили в порту Мудрос на острове Лемнос. Вел переговоры командующий британским Средиземноморским флотом вице-адмирал С. Калторп. 30 октября 1918 г. в Мудросе на борту английского броненосца «Агамемнон» была подписана капитуляция Турции. Формально она имела вид

перемирия.

В первой статье предусматривалось открытие Черноморских проливов для Антанты. Суда Антанты могли свободно проходить в обе стороны и выходить в Черное море. По статьям 6, 9 и 12 все военно-экономические и стратегические центры страны подлежали оккупации Антантой. В статье 5 предусматривалась демобилизация всей турецкой армии, а контингент, могущий обеспечить хотя бы как факт суверенитет Турции, подлежал особому определению.

Антанта отказалась признавать какие-либо государственные образования, созданные с участием турок на Кавказе.

По Мудросскому перемирию Турция вывела свои войска из Закавказья, а мусаватистское правительство вновь драпануло в Гянджу. 17 ноября 1918 г. в Баку опять вошли англичане во главе с генералом В. Томсоном, объявившим себя военным губернатором Баку. Ф.П. Коккерель был назначен комиссаром полиции союзных держав в Баку, майор Браун стал управляющим транспортом Каспийского флота. Общая численность союзных войск в Баку составила 5 тысяч солдат.

Глава 5

Начало интервенции

Разбираясь в кавказских делах, нам пришлось забежать вперед, а теперь вернемся к первым дням после октябрьского переворота (а хотите, революции).

9 (22) ноября 1917 г. в 4 ч. 30 мин. утра советское правительство обратилось с воззванием о необходимости немедленного фактического прекращения войны и предложило начать братание и переговоры о прекращении огня на отдельных участках германского фронта самим солдатским комитетам.

Советское правительство дважды – 8 (21) и 15 (28) ноября – обращалось к союзникам – Англии, Франции и США – с предложением совместно приступить к переговорам о мире с Германией. Однако союзники решительно отказались пойти на прекращение войны, равно как и иметь дело с советским правительством. Тогда Совнарком 13 (26) ноября 1917 г. был вынужден обратиться с предложением о мире к правительству Германии.

Одновременно начались два процесса – перемирия (братания) между русскими и германскими частями, заключаемое в инициативном порядке, и переговоры о перемирии на больших участках фронта, шедшие под контролем и руководством центрального советского правительства.

21 ноября (4 декабря) 1917 г. на железнодорожной станции Сола (линия Молодечно – Вильно) было заключено перемирие между русскими армиями Западного фронта и германским командованием на срок с 23 ноября (6 декабря) до 4 (17) декабря 1917 г. Договор действовал на линии фронта от местечка Видзы (Латвия) до реки Припяти (Волынь).

13 ноября (по новому стилю) советские представители вступили в переговоры с немцами о заключении большого перемирия. После долгих и сложных переговоров 3 марта 1918 г. (по новому стилю) был подписан Брест-Литовский мирный договор.

Согласно договору, Россия должна была провести полную демобилизацию армии (бывшей царской армии, а также Красной Армии) и полное разминирование своей части Черного и Балтийского морей.

Россия уступала Германии области, лежащие западнее линии Брест-Литовск – Каменец – Литовск – Пружаны – Зельва – Мосты – Орле-Докудова – Дзевенишки – западнее Слободки – Гервяты – Михалишки –

восточнее Свенцяны – Маленгяны – Дрисвяты – Друя и далее по течению Западной Двины до Огер, – и, оставляя Ригу к западу, линия границы выходила к Рижскому заливу, проходя по нему в северном направлении между материком и Моозундским архипелагом и к выходу из Финского залива, остававшегося целиком к востоку от разграничительной линии.

Россия возвращала Турции округа Ардаган, Карс и Батум, отзывала свои войска из всех частей Восточной Анатолии.

Россия обязалась немедленно заключить мир с Украинской Народной Республикой и признать ее мирный договор с Германией и ее союзниками.

Финляндия и Аландские острова также очищались от русских войск. Аланды должны были быть демилитаризованы при первой возможности.

Увы, Брестский мир не только не спас Россию от иностранной интервенции, но и стал катализатором ее начала.

Мало кто знает, что первыми интервенцию в России начали... шведы. С началом Первой мировой войны русские войска построили мощные береговые батареи на Аландских островах. Однако к февралю 1918 г. часть личного состава на Аландах дезертировала, а остальные были демобилизованы.

15 февраля 1918 г. к острову Аланд подошел отряд шведских кораблей. Шведы предъявили русским войскам ультиматум – до 6 часов утра 18 февраля эвакуировать с Аланда все русские войска на шведских судах в Ревель. Все военное имущество оставить на месте, за исключением «одной винтовки на человека».

Не помогло и вмешательство русского консула в Швеции Вацлава Воровского. В конце концов военное имущество пришлось отдать шведам и белофиннам. Особую ценность представляли береговые батареи Або-Аландской позиции.

Уже в январе 1918 г. в Васе появились десятки шведских офицеров, обучавших белофиннов. Причем многие из них, не стесняясь, ходили по улицам в шведских мундирах.

Внимательный читатель наверняка задаст вопрос: а на каком основании эскадра нейтральной Швеции могла войти в российские территориальные воды и предъявлять ультиматум русскому командованию? А на каком основании английские мониторы шли по Северной Двине на Котлас, австрийские мониторы поднимались по Днепру, японские корабли пришли во Владивосток и на Камчатку? Когда государство больно и его вооруженные силы не могут дать сдачи, то охотников пограбить всегда найдется с лихвой. А чем, собственно, шведы хуже немцев, англичан или японцев?

Шведское правительство желало аннексировать Аланды, но тут вмешались немцы и потребовали убираться с островов.

28 февраля 1918 г. из Данцига вышла в море эскадра контр-адмирала Мейра в составе однотипных дредноутов «Вестфален», «Рейнланд» и «Позен» (водоизмещение 18900 тонн; вооружение: двенадцать 280/45-мм и двенадцать 150/45-мм пушек), нескольких крейсеров и тральщиков, конвоировавших семнадцать транспортов с войсками. 5 марта эскадра встала на якорь у местечка Экерэ (в западной части Аландских островов). При подходе к Аландским островам германский ледокол «Гинденбург» погиб на mine.

Немцы высадили десант на острова, но к материковой части Финляндии немецкие корабли подойти не сумели из-за толстого льда.

С улучшением ледовой обстановки немцы начали вторжение в Финляндию. В ночь на 3 апреля к полуострову Ганге подошла эскадра в составе 30 боевых кораблей и транспортов, впереди шли ледокол и десять тральщиков. Немцы высадили десант и захватили город Ганге. Четыре русские подводные лодки IV дивизиона (АГ-11, АГ-12, АГ-13 и АГ-14) были взорваны экипажами. По приказу командира команда русской береговой батареи в Хесте-Бюссе взорвала орудия, за что впоследствии в Гельсингфорсе немцы предали членов команды военно-полевому суду.

Затем германские войска двинулись по направлению к городу Тавастусу, взяв по дороге город Экнес.

Тем временем командование Балтийского флота спешно уводило корабли из Гельсингфорса. Первый отряд вышел 12 марта 1918 г. В его составе была бригада линкоров-дредноутов «Петропавловск», «Севастополь», «Гангут», «Полтава» и крейсеров «Рюрик», «Богатырь» и «Адмирал Макаров» в сопровождении ледоколов «Ермак» и «Волынец». Через пять дней все они благополучно пришли в Кронштадт.

Немцы не возражали против ухода русских кораблей в Кронштадт. Зато белофинны и в первую очередь сам Маннергейм делали все, чтобы захватить корабли в Гельсингфорсе.

29 марта «Ермак» вышел из Кронштадта в Гельсингфорс за новой партией кораблей. Однако он был обстрелян береговой батареей с острова Лавенсаари, которая накануне была захвачена белофиннами. Затем «Ермак» был атакован захваченным финнами ледоколом «Тармо». «Ермак» был вынужден вернуться в Кронштадт.

Уход русских судов из Гельсингфорса продолжался до 12 апреля 1918 г. В Гельсингфорсе осталось 37 русских судов под военным флагом, 10 – под флагом Красного Креста и 38 – под коммерческим флагом.

С утра 12 апреля в Гельсингфорсе начались перестрелки между отрядами белых и красных финнов. К полудню германские войска вошли в предместья города.

13 апреля на рейд Гельсингфорса вошел отряд германских тральщиков и открыл артиллерийский огонь по городу. Вслед за тральщиками на рейд вошел германский броненосец береговой обороны «Беовульф» и начал стрелять из 240/35-мм пушек. Вечером 12 апреля и в ночь на 13 апреля немцы высадили в Гельсингфорсе большой десант.

Красная гвардия отчаянно сопротивлялась немцам, но к вечеру 13 апреля большая часть зданий, занятая красногвардейцами, была взята. Моряки Балтийского флота соблюдали полнейший нейтралитет.

13 апреля на внутренний рейд Гельсингфорса в дополнение к «Беовульфу» вошли дредноуты «Вестфален» и «Позен».

В тот же день, несмотря на протесты русского командования, немцы заняли Свеаборгскую крепость.

Германские войска заняли южную часть Финляндии и помогли белофиннам выиграть войну с красными финнами. Любопытный момент: первые концлагеря были созданы на нашей территории не большевиками, а белофиннами в апреле 1918 г. Туда были отправлены все красные финны и сочувствующие им, кого миновали массовые расстрелы.

Все без исключения «самостийники», разрывавшие на части бывшую Российскую империю, требовали не только «незалежности» для территорий, населенных «своей» нацией, но и кучу чужих земель. Это касается и поляков, и малороссов, и даже финнов. Маннергейм заявил о необходимости создания Великой Финляндии, в состав которой должны были войти русская Карелия, Кольский полуостров, а также часть Архангельской губернии.^[120] Слова у генерала не расходились с делом, и в эти области вторглись отряды белофиннов, что, кстати, в известной степени спровоцировало высадку войск Антанты в Мурманске и Архангельске.

Интервенция англичан на севере России началась совсем не так, как преподносили ее 70 лет советские историки. В ходе Первой мировой войны через Архангельск и Мурманск из Англии и Франции в Россию шел основной поток оружия и военных материалов. Однако царское правительство не сумело наладить нормальное функционирование железных дорог в военное время. Поэтому в районе портов скопилось огромное количество оружия, различной техники и продовольствия. Так, только в Архангельске было складировано 12 тыс. тонн боеприпасов, 200 тыс. тонн цветных металлов, огромное количество орудий, автомобилей, обмундирования и т. д.

В начале 1918 г. свыше полутора тысяч вооруженных финнов вторглись в Северную Карелию и начали движение к городу Кемь, чтобы перерезать мурманскую железную дорогу.

18 марта в поселке Ухта, занятом финскими войсками, собрался «Временный Комитет по Восточной Карелии», принявший постановление о присоединении Восточной Карелии к Финляндии.

Целью финского вторжения в Карелию и на Кольский полуостров были не только территориальные приобретения, но и захват оружия, продовольствия и различного ценного оборудования, доставленного союзниками в 1915–1918 гг. 8 апреля белофинны уже вели бои на окраинах Кеми.

Для защиты подданных стран Антанты и доставляемых в Россию грузов 7 марта 1918 г. в Мурманск прибыл британский крейсер «Кохран» («Cochrane», водоизмещение 13550 т; вооружение: шесть 234-мм, четыре 190-мм и двадцать четыре 47-мм орудия), а 19 марта прибыл французский крейсер «Amiral Aube».

В конце апреля 1918 г. крупный отряд белофиннов на лыжах двинулся к порту Печенга. По просьбе Мурманского Совета рабочих и солдатских депутатов английский адмирал Кемп приказал посадить отряд русских красногвардейцев на крейсер «Кохран».

3 мая «Кохран» прибыл в Печенгу, где высадил красногвардейцев. В помощь им капитан крейсера «Фарм» направил отряд английских матросов под командованием капитана 2 ранга Скотта.

Первое нападение на Печенгу было произведено финнами 10 мая. Основные же силы финнов атаковали союзников 12 мая. Однако совместными усилиями английским матросам и красногвардейцам (в большинстве своем матросам с крейсера «Аскольд») удалось рассеять и отогнать финнов.

В начале апреля союзное командование послало французский крейсер «Amiral Aube» в Кандалакшу для помощи советским силам в отражении предполагаемого набега финнов. Но крейсер не смог пройти через лед в горле Белого моря. Тогда в Кандалакшу по железной дороге выслали 150 британских морских пехотинцев. Финны решили не связываться с англичанами, и нападение на Кандалакшу было отменено. Таким образом, местным русским властям с помощью англичан и французов удалось отстоять от финнов Кольский полуостров.

Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что местное население, включая большинство членов местных совдепов, видело в англичанах не только защитников от финнов, но и кормильцев (они привезли

продовольствие). Петроград был далеко, железные дороги работали из рук вон плохо, а Ленин и Троцкий в угоду немцам слали отчаянные телеграммы мурманскому и архангельскому совдепам с требованием полного разрыва с англичанами. В итоге в августе 1918 г. где мирным путем, а где после небольших перестрелок власть на Севере перешла в руки противников советской власти, поддерживаемых англичанами.

2 августа 1918 г. в Архангельске было создано «Верховное управление Северной области». Правительство представляло собой коалицию эсеров, народных социалистов и кадетов. Председателем его стал известный еще с 70-х годов XIX в. народник, а с 1904 г. эсер И.В. Чайковский (1850–1926). [121] 28 сентября это правительство было расформировано и получило название «Временное правительство Северной области» во главе с тем же Чайковским.

Осенью 1918 г. союзники высадили в Архангельске две английские пехотные бригады, полк американской пехоты и французский батальон.

Дальний Восток и Сибирь издавна привлекали правящие круги Англии, Франции, США и Японии. Вялотекущая Гражданская война в России в марте – сентябре 1917 г. давала им определенные шансы поставить под свой контроль эти богатые регионы.

11 (24) ноября 1917 г. во Владивосток прибыл американский крейсер «Бруклин», а в конце декабря 1917 г. – начале января 1918 г. на Владивостокский рейд пришли японские крейсеры «Ивами» и «Асахи» и английский крейсер «Суффолк».

В ночь на 5 апреля 1918 г. «группа неустановленных лиц» напала на владивостокское отделение японской торговой фирмы «Исидо». Через несколько часов с японских судов были высажены две роты десантников. Англичане решили не отставать и в тот же день, 5 апреля, высадили полуроту своей морской пехоты.

Самураи не остались в долгу и 6 апреля высадили еще 250 матросов.

Глава 6

Чехословацкий мятеж и его последствия

С начала 1918 г. по приказу Ленина из Петрограда в волжские города отправляются отряды революционных матросов Балтийского флота. Так, в середине января прибывший в Казань отряд матросов организовал «1-й социалистический отряд моряков».

24 марта в Самару прибыли два железнодорожных эшелона с имуществом балтийского отряда гидроавиации, 400 моряков и 4 броневедомости. Через три дня в Самару прибыл еще эшелон со 120 моряками и четырьмя гидросамолетами.

Зачем же большевикам потребовались морские силы на Волге? Увы, для войны с собственным крестьянством. В начале 1918 г. управделами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич обратился к Ленину с просьбой «одним словом выразить, за что мы сейчас боремся». Владимир Ильич, не задумываясь ни на секунду, ответил: «Хлеб!»

Революционные матросы, солдаты и рабочие были посланы на Волгу и Каму силой отбирать зерно у крестьянства. Вопрос о хлебе очень деликатный. Дело в том, что крестьяне уже в 1915 г. из-за инфляции рубля и сужения потока товаров из города начали прятать зерно «до лучших времен». Действительно, какой смысл отдавать зерно по строго фиксированным ценам за «деревянные»^[122] рубли, на которые практически нечего было купить? Между тем если зерно умело хранить, то оно может лежать несколько лет. Наконец, его можно пустить на самогон или на корм скоту и птице.

А с другой стороны, без хлеба не могут существовать ни армия, ни промышленность, ни население крупных городов. Ни Николай II, ни его малокомпетентные министры и генералы не смогли решить хлебную проблему.

Замечу, что в 1796–1815 гг. в ходе непрерывных войн русский мужик исправно кормил и армию, и страну. Не будем спорить, что было тут главным фактором – воля и принуждение помещика или понимание того, что надо побить супостата. Я лично уверен, что преобладало первое, но повторяю, не будем спорить.

А вот в 1914–1918 гг. немецкий крестьянин отдавал 80–90 % произведенного продукта и делал это в основном сознательно.

В Первую мировую войну вся наша интеллигенция от кадетов до эсеров была твердо убеждена, что крестьянин не дает хлеб из-за неправильной земельной политики и других грехов самодержавия.

После отречения Николая II рухнул миф русской интеллигенции о добром и справедливом мужике, изнывающим под ярмом царизма.

Мужик не повез хлеб в город ни после февраля 1917 г., когда пало самодержавие, ни после октября, когда большевики дали ему землю. Мужик начал еще тщательнее прятать зерно. И большевики решили взять зерно силой. При этом рухнул еще один миф, на сей раз социал-демократический, о революционном пролетариате «с горячим сердцем и чистыми руками». Пролетарии, посланные в деревню за хлебом, начали грабить, убивать и насиловать.

Детонатором к взрыву в Поволжье стали чехи и словаки. А как там оказались братцы-славяне? Десятки тысяч чехов и словаков не желали воевать за лоскутную Австро-Венгерскую империю и впавшего в маразм императора Франца Иосифа I. И они порознь и скопом сдавались в плен и выражали желание сотрудничать с русскими властями. Нашим генералам и политикам не надо было мудрствовать лукаво, как использовать братушек-славян. Решение вроде бы очевидно – рассортировать добровольно сдавшихся пленных, из «военной косточки» сформировать чехословацкие батальоны и распределить их по одному в русские дивизии. Высококвалифицированных инженеров и рабочих отправить на военные заводы. А бравого солдата Швейка и сапера Водичку отправить в инженерный батальон.

Но масонское Временное правительство по наущению французских масонов в июле 1917 г. создало из военнопленных чехов и словаков дивизию, а в сентябре – корпус численностью 45 тыс. человек.

Неужели Керенскому, Некрасову и К° не приходило в голову, что создание ударного корпуса из иностранцев в условиях разложения национальной армии чревато большой бедой для России?

Прекрасно понимали, но желали использовать чехов и словаков в своих интересах. Так, чехи и словаки активно использовались при подавлении «аграрных беспорядков» на Украине летом и в начале осени 1917 г.

Чехословацкий корпус формально подчинялся Временному правительству, и его командиром был русский генерал-майор В.Н. Шокоров. А фактически корпус управлялся из Парижа Чехословацким национальным советом, которым, соответственно, управляли французы. Комиссаром и фактическим руководителем корпуса был заместитель

председателя российского филиала Чехословацкого национального совета А. Макса.

15 (28) января 1918 г. оный филиал объявил Чехословацкий корпус частью французской армии и потребовал отправки в Западную Европу.

Под предлогом предстоящей переброски во Францию части Чехословацкого корпуса отходили с Украины, самовольно захватывая железнодорожные эшелоны и станции, дезорганизуя действия советских войск, в том числе чехословацких красногвардейских отрядов.

20 марта 1918 г. Пензенский совет в связи с самочинными действиями Чехословацкого корпуса приостановил его продвижение на восток. 26 марта в целях быстрого вывода Чехословацкого корпуса с территории страны и во избежание международных осложнений советское правительство заключило с российским филиалом Чехословацкого национального совета соглашение об эвакуации Чехословацкого корпуса через Владивосток в качестве частных лиц при условии устранения контрреволюционного командования и сдачи основной части оружия.

И вот летом 1918 г. на Дальний Восток пошли десятки эшелонов с солдатами 45-тысячного Чехословацкого корпуса. А навстречу из сибирских и уральских лагерей шли эшелоны пленных немцев и австро-венгров, освобождаемых по Брестскому договору. Фактически обе стороны ехали на один и тот же фронт сражаться друг против друга!

14 мая 1918 г. на железнодорожном вокзале в Челябинске произошла большая драка между чехами и венграми. Вспомним, как храбрый солдат Швейк вместе с сапером Водичкой колошматили мадьяр. Местный совет обвинил во всем чехов, арестовали несколько человек. Им грозил расстрел. Эшелон взялся за оружие и угрозой силы освободил товарищей.

Троцкий считал это достаточным поводом для расправы с «контрой» и издал приказ: «Все Советы депутатов обязаны под страхом ответственности разоружить чехословаков. Каждый чехословак, найденный вооруженным на железнодорожной линии, должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный солдат, должен быть выгружен из вагонов и заключен в концлагерь...»

Возможно, на решение Льва Давидовича повлияли и требования немцев, поскольку тем вовсе не улыбалось увидеть на Западном фронте Чехословацкий корпус.

Льву Давидовичу задача разоружения Чехословацкого корпуса показалась довольно простой. 45-тысячный корпус был разбросан по эшелонам от станции Ртищево (близ Пензы) до Владивостока, то есть на расстоянии свыше 7 тысяч километров.

Наиболее крупные группировки находились в районах Пензы, Сызрани и Самары (8 тыс. человек под командованием поручика С. Чечека), Челябинска и Миасса (8,8 тыс. человек, полковник С.Н. Войцеховский), Новониколаевска и станции Тайга (4,5 тыс. человек, капитан Г. Гайда), во Владивостоке (около 14 тыс. человек, генерал М.К. Дитерихс), а также Петропавловска, Кургана, Омска (капитан Сыровой).

Чехи и словаки отказались разоружаться, взяли за оружие и попросту разогнали Советы и красногвардейские отряды вдоль железнодорожной линии.

25 мая капитан Гайда со своим эшелоном поднял мятеж в Сибири, захватив Новониколаевск, а 26 мая отряд полковника Войцеховского захватил Челябинск. 28 мая, после боя с местными большевиками, эшелоны поручика Чечека заняли Пензу и Сызрань. Наиболее опасными для советской власти теперь стали Пензенская (8 тыс. человек) и Челябинская (8750 человек) группы чехов и словаков, которые первоначально пытались продолжить движение на восток. 7 июня группа Войцеховского, преодолев сопротивление красных, заняла Омск и 10 июня соединилась с эшелоном Гайды. Пензенская группа направилась на Самару и после небольшого боестолкновения с красноармейцами заняла ее 8 июня.

К началу июня 1918 г. все силы чехов и словаков, а также местные белогвардейцы сосредоточились в четырех группах:

- первая под командованием Чечека (бывшая Пензенская) в составе 5 тыс. человек – в районе Сызрань – Самара;
- вторая под командованием Войцеховского в составе 8 тыс. человек – в районе Челябинска;
- третья под командованием Гайды (Сибирская) в составе 4 тыс. человек – в районе Омск – Новониколаевск;
- четвертая под командованием Дитерихса (Владивостокская) в составе 14 тыс. человек была разбросана к востоку от озера Байкал и двигалась на Владивосток.

Штаб Чехословацкого корпуса и Чехословацкий национальный совет обосновались в Омске.

В начале июня группа чехословацких войск генерала Дитерихса активизировалась и 6 июля захватила Владивосток, а 7 июля – Никольск-Уссурийский.

Мятеж Чехословацкого корпуса послужил поводом для резкого увеличения военного присутствия интервентов во Владивостоке.

6 июля 1918 г. правительство США приняло решение об участии своих войск в оккупации Дальневосточного края. Был разработан план

совместного вторжения союзных держав на Дальний Восток и в Сибирь. 2 августа в Николаевск-на-Амуре прибыло несколько японских транспортов с войсками в сопровождении четырех миноносцев. 3 августа во Владивостоке высадился английский 25-й Миддлсекский полк, 9 августа – французский батальон, 12 августа – 12-я японская пехотная дивизия (около 16 тыс. человек), 16 августа – американский экспедиционный корпус (около 9 тыс. человек). В конце августа часть оккупационных войск под командованием японского генерала Оой была направлена на Уссурийский фронт на помощь чехам и словакам.

Так, например, англичане в сентябре 1918 г. отправили отряд матросов с крейсера «Суффолк» с четырьмя 76-мм корабельными орудиями. Их установили на бронепоезде, который до конца ноября 1918 г. патрулировал Транссибирскую магистраль от Омска до Уфы.

1 сентября 1918 г. чехи и словаки и сторонники атамана Г.М. Семенова захватили Читу, 4 сентября калмыковцы и японские интервенты захватили Хабаровск, 18 сентября – Благовещенск. В сентябре японский десант высадился на Камчатке.

Осенью 1918 г. весь Дальний Восток находился под властью интервентов. К 1 октября 1918 г. только японских войск на Дальнем Востоке насчитывалось около 73 тысяч. Всего же с августа 1918 г. по октябрь 1919 г. Япония ввела для оккупации края 120 тыс. человек. Общая численность интервентов на Дальнем Востоке к началу 1919 г. превысила 150 тыс. человек.

25 июля 1918 г. чехи и словаки взяли Екатеринбург со стороны Челябинска. Большевики понимали, что не удержат город, и в ночь с 16 на 17 июля (по новому стилю) там были убиты Николай II, Александра и их пятеро детей в возрасте от 14 до 21 года. Поскольку либеральные историки и СМИ до предела гипертрофировали этот эпизод Гражданской войны, то о нем следует сказать несколько слов.

Начну с того, что большевики с самого начала прибегли к беспардонной лжи. 19 июня 1918 г. председатель ВЦИК Свердлов официально заявил, что «...был раскрыт новый заговор контрреволюционеров, имеющий целью вырвать из рук советской власти коронованного палача. Ввиду всех этих обстоятельств президиум Уральского Областного Совета постановил расстрелять Николая Романова, что было приведено в исполнение. Жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место...

...За последнее время предполагалось предать бывшего царя суду за все его преступления против народа, только развернувшиеся сейчас

события помешали осуществлению этого суда. Президиум, обсудив все обстоятельства, заставившие Уральский Областной Совет принять решение о расстреле Романова, постановил признать решение Уральского Областного Совета правильным».

После этого из руководителей большевиков о мотивах убийства царской семьи высказался только Троцкий. В его дневнике от 9 апреля 1935 г. есть запись: «Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

– Да, а где царь?

– Конечно, – ответил он, – расстрелян.

– А семья где?

– И семья с ним.

– Все? – спросил я, по-видимому, с оттенком удивления.

– Все! – ответил Свердлов. – А что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

– А кто решал? – спросил я.

– Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях.

Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. По существу, решение было не только целесообразно, но и необходимо. Суровость расправы показывала всем, что мы будем вести борьбу беспощадно, не останавливаясь ни перед чем. Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтобы запугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди полная победа или полная гибель».

Замечу, что еще раньше, в ночь с 12 на 13 июня (по новому стилю), был убит брат царя великий князь Михаил Александрович. А в ночь с 17 на 18 июля, то есть через день после убийства царя, в Алапаевске были убиты великий князь Сергей Михайлович, родная сестра императрицы Елизавета Федоровна и четверо князей императорской крови.

Все три групповых убийства имели совершенно одинаковый почерк. Акции проводились ночью в полнейшей тайне. Убивали не только членов семейства Романовых, но и врача, слуг, секретаря, монашку-келейницу, то есть всех свидетелей. Трупы старательно уничтожали. В официальной большевистской прессе сначала помалкивали, а затем безбожно врал, выдавая одну «дезу» за другой.

Риторический вопрос – можно ли предположить, что все эти убийства никак не связаны друг с другом? Неужели не ясно, что эта серия убийств исходила из единого центра, и уж конечно, не из Екатеринбурга. Думаю,

что Троцкий был прав: приказ был отдан из Москвы Лениным и Свердловым, но без совета с самим Львом Давидовичем они явно не обошлись.

Как известно, в 1929 г. Троцкий был в СССР предан анафеме. Но его аргументацию по данному вопросу постоянно использовали партийные лекторы на различных собраниях, семинарах, в учебных аудиториях перед студентами и т. п. Будучи студентом, автор лично слышал такие объяснения. Начиналось все с фразы, что здесь, мол, свой контингент слушателей, поэтому, мол, можно сказать... и далее следовали аргументы Троцкого. Кроме того, добавлялось, что захват белыми царской семьи привел бы к усилению Гражданской войны, к гибели новых сотен тысяч людей и т. п.

На мой взгляд, подобные утверждения верны лишь отчасти. Начну с вопроса: а кто такие белые? Для меня лично это только метка, обозначающая одну из сторон в Гражданской войне. И в самом деле, в названиях армий Корнилова, Деникина, Колчака и Юденича не было прилагательного «белая». Термин «белая армия» был придуман большевиками в пропагандистских целях и по дурости понравился кой-кому из антикоммунистов. Откуда вообще взялся термин «белые»? Так в 1789–1815 гг. во Франции называли сторонников короля (роялистов), поскольку французские Бурбоны имели белое знамя с лилиями. У «белых» армий в России не только не было белых знамен, но и монархисты в них составляли меньшинство. Ни одно движение или военное формирование в 1918–1921 гг. не выдвинуло лозунга возвращения на престол Николая II.

Основатели «белого движения» генерал Алексеев и адмирал Колчак в феврале 1917 г. в ультимативной форме требовали отречения Николая II, а в марте генерал Корнилов лично арестовал Николая с семьей в Царском Селе. Что могло ждать Колчака, Деникина или Врангеля, если кому-нибудь из них удалось бы въехать в Москву на белом коне? В этом случае «белый» вождь мог стать диктатором а-ля Кромвель или Бонапарт. Но пригласи он на царство Николая II, его ждал максимум пост военного министра, а через некоторое время – неизбежная опала. Характер Николая II все знали – он не терпел сильных личностей рядом с собой. Короткая записка царя, причем без объяснения причин отставки, и «спаситель России» отправился бы в свое имение на заслуженный отдых. Итак, если и была некоторая вероятность, что «белая армия, черный барон снова готовит нам царский трон», то уж трон готовился никак не для Николая или кого-либо из семейства Романовых.

Посему во всех белых армиях среди целей борьбы был назван

«принцип неопределенности», то есть государственный строй в России должен быть определен путем свободного волеизъявления всех граждан, но только после полной победы над большевиками. Таким образом, знаменем Николай II и его дети в ходе Гражданской войны стать не могли.

Но в международном плане царская семья представляла собой серьезную опасность для советской власти. Вспомним, как начиная с 1921 г. большая часть белогвардейцев в эмиграции сплотилась вокруг великих князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича, хотя в ходе Гражданской войны в белом стане о них давным-давно позабыли.

И не то чтобы императоры, но и вожди белого движения из обеих особ были, мягко говоря, никудышные. Николай Николаевич был очень стар и не имел детей, а Кирилл Владимирович в связи с вступлением в брак вопреки мнению царя был отстранен Николаем II от права наследования. Еще до отречения Николая II великий князь Кирилл привел свой Гвардейский флотский экипаж в Государственную думу и, нацепив красный бант, объявил себя революционером.

Появление Николая II и его детей в Западной Европе в 1921 г. немедленно бы объединило враждовавших между собой «кирилловцев» и «николаевцев». Не исключено, что ряд крупных держав признали бы царя или его детей в качестве русского правительства в изгнании.

А попади любой член царской семьи в руки японцев, его стопроцентно ожидала бы судьба юного китайского принца Пу-И, которого японцы сделали своей марионеткой – императором Манчжоу-Го. Только в варианте Романова это был бы «Дальний Восток-Го».

Но мы здорово, хотя и по делу, отвлеклись и теперь вернемся к восстанию Чехословацкого корпуса. До сих пор я говорил о сепаратистских движениях на окраинах империи – в Финляндии, Польше, Малороссии, на Кавказе и т. д. Но сепаратисты объявились и в самом центре Сибири. Сепаратистское движение, так называемые «сибирские областники», возникло еще в XIX в. Его руководители Г.К. Потанин, Н.М. Ядринцев и другие выступали под лозунгом «автономии» Сибири, а позже – ее полного отделения от России.

В октябре 1917 г. в Томске собрался Первый Сибирский съезд «областников». Любопытно, что 52 % его делегатов были членами партии эсеров. Съезд избрал Сибирский областной совет (33 человека), которому поручил в период между съездами осуществлять власть «в экономико-финансовой и политической» областях.

Чрезвычайный общесибирский областной съезд, собравшийся в Томске 6 (19) декабря 1917 г., принял «Положение о временных органах

Управления Сибири», в котором территория последней (включая Дальний Восток) объявлялась «автономной частью Российской Республики», советская власть не признавалась, выдвигалось требование созыва Сибирского учредительного собрания. Временно власть вручалась Сибирской областной думе и ответственному перед ней Сибирскому областному совету во главе с Потаниным.

В ночь на 26 января (8 февраля) 1918 г. Томский совет рабочих и солдатских депутатов распустил Сибирскую областную думу и образованные ею областные организации, арестовав часть ее членов.

После захвата Томска чехами и словаками «областники» вновь активизировались и 23 июня создали «Временное сибирское правительство» (ВСП) во главе с П.В. Вологодским. Это правительство отменило все декреты советской власти и объявило о создании Сибирской армии.

Численность Сибирской армии к концу июня 1918 г. составляла 7,6 тыс. человек при 19 пушках и 30 пулеметах. Армия быстро росла и к середине сентября того же года достигла 37,6 тыс. человек при 70 пушках и 184 пулеметах. В октябре 1918 г. в состав Сибирской армии входили: 1-й Среднесибирский корпус (1-я и 2-я Сибирские стрелковые дивизии), 2-й Степной Сибирский корпус (3-я, 4-я и 5-я Сибирские стрелковые дивизии), 3-й Уральский армейский корпус (7-я Уральская стрелковая дивизия, 2-й чешский полк, три Оренбургских казачьих полка), 4-й Восточно-Сибирский корпус и 5-й Приамурский корпус.

В сентябре—октябре 1918 г. Сибирская армия вела боевые действия против советских войск на северо-западе — на нижнесалдинском, нижнетагильском, кунгурском и красноуфимском направлениях, в Семирежье — в районах Лепсинска и Капала, на востоке — в районе реки Зeya, Амурской железной дороги и Троицкосавска. В районе Перми против 3-й Красной Армии действовала Екатеринбургская группа войск Сибирской армии (1-й Среднесибирский корпус и 2-я чешская дивизия), которая 29 ноября перешла в наступление и 21 декабря захватила Кунгур, а 24 декабря — Пермь.

Однако главную угрозу советской власти представляло не Сибирское правительство, а наступление чехов и словаков и белых вверх по Волге.

8 июня 1918 г. в Самаре после захвата города чехами и словаками был создан Комитет членов Учредительного собрания, он же Комуч, или «Самарская учредилка». Во главе Комуча стал эсер В.К. Вольский. С приходом чехословаков Комуч объявил себя до созыва Учредительного собрания «временной властью» («правительством»), соединяющей

законодательные, исполнительные, судебные и военные функции на территории Самарской губернии. С развитием временных военных успехов чехов Комуч стал претендовать на управление всей территорией, захваченной противниками советской власти, придавая своей власти «всероссийское» значение.

В начале августа 1918 г. в Комуче было 29 человек, в начале сентября – 71 человек, а в конце сентября – 96–97 человек. Законодательная власть, осуществляемая Комучем, отделялась от исполнительной, которая с конца августа 1918 г. была сосредоточена в «Совете управляющих ведомствами», который в основном состоял из эсеров под председательством Е.Ф. Роговского.

Комуч декларировал «восстановление демократических свобод», принял красный государственный флаг, формально установил 8-часовой рабочий день, на словах разрешил созыв рабочих конференций и крестьянских съездов. 30 августа был создан так называемый Совет рабочих депутатов, составленный из подставных лиц и лишенный какой-либо власти, а также сформирована Народная армия.

Одновременно Комуч отменил декреты советского правительства, возвратил бывшим владельцам национализированные советской властью промышленные предприятия, денационализировал банки, восстановил городские думы и земства, разрешил свободу частной торговли. Признавая на словах национализацию земли и формально не восстанавливая помещичьего землевладения, Комуч на деле предоставил возможность помещикам отбирать у крестьян переданную им землю, а также право снять урожай озимых 1917 года.

Народная армия Комуча первоначально состояла из двух рот пехоты, кавалерийского эскадрона и конной батареи. Армией вызвался командовать подполковник В.О. Каппель, до захвата чехами и словаками Самары служивший в штабе у красных. Кроме того, в разное время армией командовали полковник Н.А. Галкин и чех полковник С. Чечек.

Первоначально армия строилась на добровольной основе с трехмесячным сроком службы. 30 июня 1918 г. была проведена мобилизация мужчин 1897–1898 гг. рождения, что позволило увеличить численность армии с 10 тыс. человек до 30 тыс. В середине августа была объявлена мобилизация офицеров, которым к 1 августа не исполнилось 35 лет, а генералов и старших офицеров – независимо от возраста.

Как писал историк С.В. Волков: «Вследствие эсеровского характера Комуча армия имела соответствовавшие атрибуты: в ней существовало обращение „гражданин“, форма – без погон, с отличительным признаком в

виде георгиевской ленточки. Все это находилось в вопиющем противоречии с настроением, психологией и идеологией офицерства, которое терпело Комуч лишь как неизбежное зло, позволявшее, по крайней мере, вести борьбу с большевиками. Комуч, в свою очередь, крайне подозрительно относился к офицерству и старался противопоставить русским формированиям и русскому командованию чехов, создавая даже специальные чехо-русские части под началом чешских офицеров». ^[123]

Два мичмана, Г.А. Мейрер и А.А. Ершов, организовали «комучевскую» речную флотилию. Фраза историка «создана белая военная флотилия» ничего не говорит современным читателям. Поэтому я расскажу об этом эпизоде, чтобы показать колорит Гражданской войны.

Дело началось с назначения Мейрера комфлотом по его же просьбе. Вроде бы все шло гладко, недоставало только кораблей. И на следующее утро новоявленный комфлота в сопровождении чешского взвода начал поиски какого-нибудь парохода, на котором можно было бы отправиться за баржей с мукой.

Еще накануне занятия чехами Самары все находившиеся там пароходы отошли от пристаней и стали на якорь метрах в ста от берега. Таким образом капитаны пароходов решили соблюдать безопасный нейтралитет. Пароходы не подавали никаких признаков жизни, никто из их команд не высывался на палубу. Тогда Мейрер отыскал на берегу лодку, и чехи стали стаскивать ее на воду. В этот момент кто-то крикнул, что вверх по реке идет пароход.

Большинство волжских пароходов были колесными, и звук приближающегося парохода походил на шлепанье чего-то плоского по воде. Так прямо в руки комфлота «пришлепала» первая боевая единица Волжской флотилии. Капитан ошвартовал свой пароход к пристани, снял фуражку и по русскому обычаю перекрестился, благодаря Бога за благополучное путешествие. Лоцман и рулевой, стоявший в рулевой рубке, также, сняв шапки, перекрестились. Но в следующую минуту капитан пожалел, что ошвартовался в Самаре, так как появившийся на мостике Мейрер заявил, что теперь и он сам, и пароход, и вся команда реквизированы Народной армией. Немного поворчав, капитан сдался. Двум матросам из команды парохода все же удалось удрать, но и оставшихся было вполне достаточно.

Чехи погрузили на пароход три пулемета, погрузились сами, и около восьми часов утра пароход под командованием Мейрера отвалил от пристани и пошел в свой первый боевой поход.

Маленький пароходик быстро шел вниз по течению, а комфлота важно

расхаживал по мостику и обдумывал способы захвата баржи. Хорошо бы, чтоб баржа не охранялась и на ней находилась бы лишь маленькая команда «Ваняев» (так называли волжских матросов) с «Водоливом», то есть капитаном баржи. Тогда вся экспедиция свелась бы к буксировке баржи в Самару. А если баржа охраняется красными? Вот тогда положение становилось серьезным. Мука и другой сухой груз на Волге перевозились в деревянных ящиках с очень высоким надводным бортом, достигающим буксиру до мостика, а то и выше, в зависимости от загрузки. А у Мейрера буксир был совсем крохотный и мостик его, соответственно, низкий. Да и пулеметный и ружейный огонь с парохода вряд ли может нанести существенный вред шестидюймовым деревянным бортам баржи, в то время как за легкими надстройками пароходика и за его тонкими бортовыми листами укрыться от пуль было невозможно. Поэтому длительная перестрелка недопустима, тут будет явное преимущество красных. И Мейер рассудил, что единственно верное решение в этом случае – абордаж!

Вскоре показалась и баржа. Мичман Мейер приказал всем чехам спрятаться вниз, пароходику придать обычный мирный вид, а машинной команде развить полный ход и сначала пройти мимо баржи, а затем, сделав полный поворот, с полного же хода подойти к ее борту. В этот момент чехи уже выскочили наверх. Буксир, ударившись о борт баржи, сразу же отскочил метров на 10, однако Мейеру и нескольким чехам в момент удара удалось перескочить на баржу. Сопrotивления оказано не было, красный караул на барже был просто пьян и совершенно не понимал, что происходит. Комфлота даже несколько разочаровался – как просто прошла задуманная им гениальная операция.

Баржу взяли на буксир и привели в Самару. Накормили всех голодающих русских и чехов, а оставшуюся муку сложили в амбары.

Через несколько дней чешский штаб приказал перевести батальон пехоты к Ставрополю – следующему городу, расположенному вверх по Волге. Для этого перехода мичман Мейер, осмотрев все суда, стоявшие на якоре, выбрал два буксира и один пассажирский пароход. Буксир «Фельдмаршал Милютин» комфлота отобрал не зря. Это был один из самых больших и мощных пароходов на Волге. Другой буксир – «Вульф» – был несколько поменьше.

Появилась у белой флотилии и своя авиация. Еще 4 июня у железнодорожной станции Липяги (под Самарой) моряки гидродивизиона на своей базе «Фельдмаршал Суворов» пытались прорваться к красным, но чехи огнем с берега заставили «Суворова» выброситься на мель. Было

убито свыше ста матросов, лишь нескольким из них удалось прорваться в Симбирск на катере «Фрам». Самолеты гидродивизиона стали добычей чехов. Все офицеры дивизиона перешли на сторону белых.

Замечу, что на территории как красных, так и белых судовые команды, не говоря уж о капитанах и лоцманах, крайне неохотно шли воевать. Тут сказался и их относительный материальный достаток, и пропаганда эсеров и меньшевиков, которые еще весной 1918 г. предложили объявить Волгу нейтральной территорией, а речникам заниматься своими прямыми обязанностями и не участвовать в Гражданской войне.

Мичман Мейер писал: «На похороны [погибших в бою двух юнкеров] собралась довольно большая толпа сызранцев, к которым после погребения мичман М. обратился с призывом присоединиться к Народной Армии и общими усилиями сбросить с России красное иго. Недоверчиво смотрела на молодого офицера немая толпа. Тупые лица как будто хотели сказать: „Пой, пой, малец, но нас не проведешь! Еще неизвестно, чья сторона возьмет верх“. Когда толпа разошлась, подошли двое или трое из молодых и, оглядываясь и как будто стыдясь, попросились записаться в армию. Вот и все... Удивляться, что мы проиграли Гражданскую войну, не приходится. Наша покорность – вот что помогло большевикам.

Казалось бы, что простое чувство самосохранения должно было подсказать русскому офицерству и интеллигенции необходимость объединения для борьбы с красными. Ведь каждый из них знал о происходящих по всем углам России расстрелах, но какая-то пассивность охватила огромное большинство, в результате чего, поодиночке, уничтожались лучшие силы страны. Выработалась какая-то особая животная психология сидеть смирно – «авось до меня и не дойдет». А в то время, в начале Гражданской войны, когда красные еще не были организованы, одни офицеры, соединившись, могли бы свободно пройти поперек всей России и задушить «гидру» в Москве...».^[124]

По мнению же автора, Мейер наполовину прав: белые офицеры в идеальном варианте могли летом 1918 г. наскоком взять Москву, но выиграть Гражданскую войну – никогда.

После взятия Симбирска Народная Армия двинулась на Казань. Командовавший белыми полковник Каппель решился на смелую операцию, которая могла иметь успех лишь в Гражданскую войну. Все его сухопутные силы были погружены на пассажирские пароходы и баржи, и вся армада из 15 плавсредств под прикрытием Северного отряда военной флотилии, возглавляемого Мейером, 1 августа двинулась вверх по Волге от Симбирска к Казани.

К вечеру 1 августа в районе деревни Бадтымиры, южнее Тетюкий, три красных парохода Симбирского отряда – «Братство», «Лев» и «Ольга» – увидели идущие вверх белые суда. Красные после перестрелки на предельных дистанциях развернулись и быстро пошли к Казани.

Как писал Мейер: «Подойдя к Нижнему Услону, верстах в двенадцати от Казани, флотилия остановилась осмотреть пароходы и баржи, оставленные позади красными. Одна из барж была нагружена бакалейными товарами. Найденный шоколад был сейчас же разделен по судам, и проголодавшаяся команда буквально им объелась. По выработанному плану действий мичман М. должен был здесь ждать подхода армии для дальнейших совместных действий».

5 августа из Казани вышли пароходы красных «Братство», «Лев», «Ольга», № 3 «Бурлак» и № 4 «Белая акация».

Белые издали обратили внимание на то, что обычные волжские буксиры были окрашены в защитный («шаровой») цвет. Красные первыми открыли огонь. Мейер приказал идти вперед. Во время атаки флотилии сошлись так близко, что «Вульф», шедший головным, пулеметным огнем разогнал орудийную команду концевой красной парохода. С этого момента красная флотилия расстроилась, и каждый корабль стал удирать, как мог.

Пароходы «Бурлак» и «Белая акация» выбросились на берег в двух километрах выше Верхнего Услона, и команда разбежалась под орудийным и пулеметным огнем. Остальные пароходы красных со страху бежали мимо Казани вверх по течению. На следующий день «Ольга» и «Братство» были уже в Нижнем Новгороде. А командующий отрядом красных военных судов в Казани Трофимовский бежал на пароходе «Миссури» в Чебоксары.

Мичман Мейер семафором отдал распоряжение судам высадить десант на Верхний Услон. Мичман К. посадил свой корабль с полного хода на берег, и чехи стали карабкаться вверх по холму. Одновременно флотилия стреляла по батарее, расположенной на верхушке холма. После небольшой перестрелки холм оказался в руках чехов, а захваченные ими орудия красных были направлены на железную дорогу, ведущую из Казани на Свияжск, по левому берегу Волги.

Можно было наблюдать, насколько весь железнодорожный путь был забит тянувшимися из Казани поездами. Надо было подорвать пути и таким образом воспрепятствовать увозу золота из Казани. Для этой цели на левый берег была высажена подрывная команда, а десант с флотилии захватил пристани, необходимые для высадки армии. Казанские пристани находятся в семи верстах от города, и поэтому десант мог легко расположиться в

пустынной низине между городом и пристанями.

Часам к трем дня у Нижнего Услона появилась вся армада судов с десантом. Мейерер явился к полковнику Каппелю за дальнейшими инструкциями. Каппель разнес мичмана за безрассудное удалство. «Какая судьба постигла бы армию, – сказал он, – если бы флотилия оказалась разбита береговыми батареями? Ведь суда красных, преднамеренно отступая, могли завлечь вас на кинжальные батареи и тогда, уничтожив вас, забрать голыми руками всю нашу армию».

В продолжение всего разговора в глазах Каппеля таилась улыбка, и Мейерер понял, что если бы Каппель был на его месте, то поступил бы так же, как он.

Получив распоряжение стать на позиции и соединиться телефоном со штабом армии, Мейерер удалился с радостным чувством, так как видел, что его действия получили одобрение такого выдающегося начальника. Почему Каппель не произвел высадку у пристаней, было непонятно, но, очевидно, у него были свои соображения, а ошибался он редко. Баржу с шестидюймовками поставили на якорь, а на пароходах, уткнувшихся носами в берег, устроили на мачтах посты для наблюдателей и выставили дозоры в поле.

Каппель высадился в трехстах шагах вниз по реке и там установил свой временный штаб. «Вульф» соединился с ним полевым телефоном.

С 5 часов 7 августа началась бомбардировка Казани. Стреляли по Кремлю и по частям города, где были красные казармы. Вскоре с Верхнего Услона пришло донесение, что огромные толпы людей двигаются из Казани во все стороны, кроме южной, с которой подошли белые. Расстояние от пароходов до Казани было около восьми верст, так что трехдюймовки едва доставали. Разрывы были видны у южной окраины города. Шестидюймовая батарея палила безостановочно по Кремлю.

Ночью и утром происходила разгрузка транспортов. Без пристаней разгружать артиллерию и кавалерию было довольно трудным делом, но к рассвету все было на берегу. При начале наступления пришли донесения, что пристаням угрожают красные отряды. Пришлось убрать пристанский заслон, состоявший из 30 человек с десятью пулеметами – в то время пулеметов на флотилии хватало с избытком.

Мейерер писал: «К полудню разыгрался бой. Каппеля нигде не было видно. Полковник Шве́ц, командовавший чехами, давал указания о направлении огня флотилии. Кроме чехов, по-видимому, на фронте никого не было. После полудня чехи стали медленно отходить под напором красных. В это время на правом фланге Красной Армии произошел эпизод,

повернувший весь дальнейший ход событий.

Дело в том, что в Казани находились сербы, бывшие пленные в Австрии, впоследствии бежавшие с чехами на русскую сторону. Они организовали красную сербскую сотню и вошли в состав Красной Армии, оборонявшей Казань. Так вот эти сербы, в самый критический момент боя, вдруг с диким криком «на нож» кинулись с фланга на красноармейцев. Произошло это в пределах видимости флотилии, и с мачт можно было наблюдать, как красный фронт дрогнул и обратился в бегство. Чехи бросились преследовать.

Но самый пикантный момент был впереди. Когда красноармейцы примчались к городу, их встретили пулеметным огнем. Оказывается, Каппель со своим отрядом, идя всю ночь, обошел Казань и часов в одиннадцать на следующее утро вошел в город с северной стороны. Теперь стало понятно, почему он не хотел высаживаться у пристаней: силы были слишком неравные для лобовой атаки. В штабе потом говорили, что против 600 чехов и 400 каппельцев красные выставили девять тысяч и 10 тысяч солдат».

Когда часам к пяти «Вульф» подошел к пристаням, там было полно народу. Все махали руками и шляпами, приветствуя своих освободителей. На мостик «Вульфа» бросали букеты цветов, подъем был необычайным. Выставив два корабля в дозор по направлению к Свияжску, Мейерер приказал команде «песни петь и веселиться».

Мичман Мейерер с грустью отмечал: «...В Казани повторилось то же явление, что в Сызрани, в Симбирске и в других городах, – волонтеров в Народную Армию почти не было, а между тем, когда Каппель прибыл в Казань, все жители жаловались на красных, которые перед уходом расстреляли множество офицеров и интеллигенции. Красноречивым доказательством этого были 17 гробов, стоявших в соборе».

Захват Казани имел не только стратегическое, но и политическое и экономическое значение. Там белые и чехи и словаки захватили золотой запас России. Кроме золота там были платина, серебро, ценные бумаги и т. д.

В связи с отсутствием у большевиков учетной документации точная стоимость «золотого запаса», захваченного в Казани, неизвестна. Проведенной в мае 1919 г. по распоряжению Колчака проверкой общая номинальная стоимость ценностей исчислялась в 651 532 117 рублей 86 копеек.

Глава 7

Троцкий «спасает революцию»

В Москве взятие Казани вызвало настоящую панику. 11 августа ЦК партии большевиков обратился к трудящимся Советской России с призывом: «Волга должна быть Советской!»

В призыве говорилось: «50 миллионов пудов нефти, несколько миллионов пудов бензина, несколько десятков миллионов пудов хлеба, миллионы пудов астраханской рыбы – вот что загородили разбойники на своих затонах на Волге.

Рабочий и крестьянин России! Вот твой час!

Выплесни слезы, сердце кипит гневом против поработителей. Восстань и иди вперед, к победе!»

7 августа из Москвы в Казань вышел «секретный» поезд. В нем находились председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий, его штаб и многочисленная охрана. Уже в пути Лев Давидович узнал о падении Казани и приказал остановиться в Свияжске – на последней крупной железнодорожной станции перед Казанью.

Увиденное в Свияжске потрясло Троцкого. Позже он писал: «Армия под Свияжском состояла из отрядов, отступивших из-под Симбирска и Казани или прибывших на помощь с разных сторон. Каждый отряд жил своей жизнью. Общей всем им была только склонность к отступлению. Слишком велик был перевес организации и опыта у противника. Отдельные белые роты, состоявшие сплошь из офицеров, совершали чудеса. Сама почва была заражена паникой. Свежие красные отряды, приезжавшие в бодром настроении, немедленно же захватывались инерцией отступления. В крестьянстве пополз слух, что советам не жить».

[\[125\]](#)

«Нельзя строить армию без репрессий, – писал Лев Давидович. – Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армию и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади».

Под Свияжском Троцкий ввел первые заградительные отряды, позже успешно использованные Сталиным. Тогда же наркомвоенмор осуществил и первую децимацию – расстрел каждого десятого бойца вместе с

командирами. В ночь на 29 августа 1918 г.

2-й Нумерной Петроградский полк под превосходящими силами генерала Каппеля оставил позиции и бежал. Разъяренный Троцкий потребовал расстрелять комиссара полка Пантелеева и командира Гнеушева. В три приема расстреляли 41 человека. Вблизи Вязовых трупы расстрелянных побросали в воду и для верности поутюжили винтами катеров. А 30 августа утром жители Свияжска выловили несколько обезображенных тел. То были погибшие петроградские рабочие-полиграфисты, не обученные даже азам военного дела. Несчастных хоронили монахи на монастырском кладбище Успенского монастыря.

Почти одновременно с Троцким в Свияжск прибывает и Лариса Михайловна Рейснер, дочь профессора историка М.А. Рейснера, который был членом партии большевиков еще с 1905 г.

В 1933 г. бывший пулеметчик, а ныне член союза писателей Всеволод Вишневский сделает Ларису Рейснер прототипом своей героини в пьесе «Оптимистическая трагедия», ставшей классикой соцреализма.

Но, увы, реальная Рейснер не имела ничего общего с сорокалетней матерой коммунисткой в кожанке и с «маузером» за поясом. Ларисе было еще неполных 23 года, в партию она вступила в 1918 г. Никаких комиссарских кожанок никогда не носила, а одевалась очень дорого и элегантно, обожала меха и бриллианты. По ее указанию моряки флотилии грабили барские поместья и наиболее ценные женские вещи и украшения тащили в свой политотдел, где заведовала Рейснер. Начальник политотдела ни в чем себе не отказывала. А логика была такая: «Мы строим новое государство. Мы нужны людям. Наша деятельность созидательная, а потому было бы лицемерием отказывать себе в том, что всегда достается людям, стоящим у власти».

По некоторым данным, Лариса в Свияжске стала любовницей Льва Давидовича. Причем последний несколько раз публично называл Рейснер «античной богиней». Через месяц Лариса сошлась с новым командующим Волжской флотилией, Ф.Ф. Раскольниковым (вступил в командование 23 августа).

Из частей, находившихся под Свияжском, Троцкому в середине августа удалось сформировать боеспособную 5-ю армию. После падения Казани большевики впервые приступили к массовой мобилизации в Красную Армию. Для начала были мобилизованы рабочие 1896–1897 гг. рождения в Москве и Петрограде. Затем последовали повсеместные мобилизации рабочих не только этих возрастов, но и 1893–1895 гг. Под Свияжск были доставлены 20 самолетов и 34 летчика. 8 августа в Свияжск пришли

пароходы (канонерские лодки) «Ольга» и «Лев». А на следующий день комиссар Н.Г. Маркин привел из Нижнего канонерскую лодку № 5 «Ваня», катер (малый пароход) «Олень»^[126] и плавбатарю «Сережа». В начале августа в состав флотилии с Балтики прибыли шесть катеров-истребителей.

С 12 августа красная флотилия начала периодически обстреливать позиции белых. При появлении флотилии Мейрера красные отходили.

К этому времени в Нижнем Новгороде большевики устроили настоящую бойню по личному указанию Ильича. 9 августа Ленин отправил телеграмму нижегородскому Совету: «В Нижнем, явно, готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов... навести *тотчас* массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п. Ни минуты промедления... Надо действовать вовсю: массовые обыски. Расстрелы за хранение оружия. Массовый вывоз меньшевиков и ненадежных. Смена охраны при складах, поставить надежных».^[127]

В Нижнем Новгороде балтийские моряки с помощью сормовских рабочих переоборудовали в канонерские лодки и вооружили восемь камских речных буксиров. Еще 6 июня 1918 г. Ленин распорядился отправить из Петрограда на Волгу четыре миноносца. Миноносцы «Прыткий», «Прочный», «Ретивый» и «Поражающий» вышли из Петрограда 2 августа 1918 г. Первые три шли по Мариинке своим ходом, а «Поражающий» – на буксире. 24 августа четыре миноносца прибыли в Нижний Новгород, где на них установили по две 75/50-мм пушки.

В 7 ч. 30 мин. утра 27 августа к Свияжску подошли переброшенные с Балтики по Мариинской системе миноносцы «Прочный», «Прыткий» и «Ретивый». Троцкий немедленно поднял свой флаг на «Прочном», и уже в 16 ч. 30 мин. три миноносца пошли к деревне Моркваши.

Позже Троцкий так описал этот поход: «Надо было пройти мимо высоких услонов, на которых были укреплены батареи белых. За услонами река делала поворот и сразу расширялась. Там находилась флотилия противника. На противоположном берегу открывалась Казань. Предполагалось незаметно пройти во тьме мимо услонов, разгромить неприятельскую флотилию и береговые батареи и обстрелять город. Флотилия шла в кильватерной колонне, с потушенными огнями, как тать в ночи. Два старых волжских лоцмана, оба с жиденькими блеклыми бородками, стояли подле капитана. Они были взяты принудительно, смертельно боялись, ненавидели нас, проклинали свою жизнь, дрожали мелкой дрожью. Теперь все зависело от них. Капитан время от времени

напоминал им, что застрелит обоих на месте, если они посадят судно на мель... На другом берегу открылись огни Казани. За нашей спиной шла густая пальба, сверху и снизу. Вправо от нас, в двухстах шагах, не более, стояла под прикрытием гористого берега неприятельская флотилия. Суда виднелись неясной кучей. Раскольников скомандовал по судам огонь. Металлическое тело нашего миноносца завывало и взвизгнуло от первого удара собственной пушки. Мы шли толчками, железная утроба с болью и скрежетом рождала снаряды. Ночная тьма вдруг оголилась пламенем. Это наш снаряд зажег баржу, нагруженную нефтью. Неожиданный, непрошенный, но великолепный факел поднялся над Волгой. Теперь мы стреляли по пристани. Теперь на ней явственно видны были орудия, но они не отвечали. Артиллеристы, видимо, просто разбежались. Река была освещена во всю ширь. За нами никого не было. Мы были одни. Неприятельская артиллерия перерезала, очевидно, дорогу остальным судам флотилии. Наш миноносец торчал на освещенном плесе, как муха на яркой тарелке. Сейчас нас возьмут под перекрестный огонь, с пристани и с услона. Это было жутко. В довершение мы потеряли управление. Разорвалась штурвальная цепь, вероятно, еехватило снарядом. Попробовали управлять рулем вручную. Но вокруг руля намоталась оборвавшаяся цепь, руль был поврежден и не давал поворотов. Машины пришлось остановить. Нас тихо сносило к казанскому берегу, пока миноносец не уперся бортом в старую полузатонувшую баржу. Стрельба прекратилась совершенно. Было светло, как днем, тихо, как ночью. Мы сидели в мышеловке. Непонятно было только, почему нас не громят. Мы недооценивали опустошений и паники, причиненных нашим налетом. В конце концов молодыми командирами решено было оттолкнуться от баржи и, пуская в ход по очереди то левую, то правую машину, регулировать движение миноносца. Это удалось. Нефтяной факел пылал. Мы шли к услоу. Никто не стрелял. За услоном мы погрузились, наконец, во тьму. Из машинного отделения вынесли в обмороке матроса. Размещенная на горе батарея не дала ни одного выстрела. Очевидно, за нами не следили. Может быть, некому было больше следить. Мы были спасены. Это слово очень просто пишется: спасены. Появились огоньки папирос. Обуглившиеся остатки одной из наших импровизированных канонерок печально лежали на берегу. Мы застали на других судах несколько раненых. Теперь только мы заметили, что нос нашего миноносца аккуратно просверлен насквозь трехдюймовым снарядом. Стоял ранний предрассветный час. Все себя чувствовали, точно снова родились на свет».^[128]

15 августа был произведен первый групповой авианалет на Казань, в

котором участвовало 10 самолетов, сбросивших бомбы и обстреливавших войска противника в городе. 16 августа в налете принимало участие 20 самолетов, производивших бомбардирование и пулеметный обстрел белогвардейских войск с малых высот. 19 августа в авианалете на город принимало участие 6 самолетов под прикрытием четырех истребителей.

Всего за август и сентябрь 1918 г. 1-я сводная авиагруппа, действовавшая под Казанью, произвела 301 полет на разведку, бомбардирование и связь, налетав 325 часов и сбросив около 1600 кг бомб.

5 сентября 1918 г. советские 5-я и 2-я армии начали наступление на Казань. Главный удар с запада, вдоль правого и левого берегов Волги, наносили две группы войск 5-й армии: Правобережная (3,5 тыс. штыков и сабель, 16 орудий, 55 пулеметов) и Левобережная (4 тыс. штыков и сабель, 19 орудий, 58 пулеметов) при поддержке Волжской флотилии (17 судов, в том числе 3 миноносца). Вспомогательный удар с северо-востока, вдоль реки Казанки, возлагался на Арскую группу 2-й армии (3,5 тыс. штыков и сабель, 6 орудий, около 30 пулеметов). Действия войск поддерживали 16 самолетов.

Решительную роль в борьбе за Казань сыграла дальнобойная корабельная артиллерия красной флотилии. В то же время белая флотилия была отвлечена накрытие «золотого» каравана из пассажирских судов, на которые был доставлен золотой запас. Если верить тому же Мейеру, «...по окончании перевозки чиновники доложили, что все золото и прочие ценности были доставлены в Самару без малейшей пропажи».

В ночь на 10 сентября белые и чехи организованно покинули Казань. Вместе с ними покинуло город несколько десятков тысяч человек, в основном представителей интеллигенции, служащих, духовенства.

В Москву пошла телеграмма: «Казань пуста, ни одного монаха, попа, буржуя. Некого и расстрелять. Вынесено всего шесть приговоров». Зато после взятия Казани были расстреляны все монахи Зилантова монастыря, с территории которого велась стрельба по наступающим.

18 сентября красная Волжская флотилия была разделена на два отряда. 1-й отряд, в который вошла большая часть судов, под командованием Раскольниковца пошел вверх по Каме (зачем, я расскажу чуть позже). 2-й отряд в составе «Коновода», «Оленя» и «Сережи» под командованием Сабурова пошел вниз по Волге.

2-й отряд Волжской военной флотилии оказал большую помощь большевикам при взятии Симбирска. На Симбирск с запада наступала 1-я армия под командованием М.Н. Тухачевского. С 24 сентября в операции приняла участие и 5-я армия, подошедшая с севера.

Симбирская дивизия, действовавшая в составе 1-й армии, 11 сентября перерезала железную дорогу Симбирск – Казань и тракт Сызрань – Симбирск, и прижала симбирскую группировку противника к Волге.

12 сентября атакой с трех сторон красные войска взяли Симбирск, захватив при этом около тысячи пленных, три самолета и десять орудий.

Симбирская дивизия форсировала Волгу и после двухдневных боев к исходу 16 сентября продвинулась на 30–35 км на восток. 18 сентября белогвардейские отряды полковника В.О. Каппеля (3 тыс. штыков и сабель), подошедшие из-под Казани, контратаковали советские войска и отбросили Симбирскую дивизию за Волгу. 18–24 сентября советские войска в ожесточенных боях отразили попытки отряда Каппеля вернуть Симбирск.

С подходом Правобережной группы 5-й армии и Волжской военной флотилии советские войска снова форсировали Волгу и отбросили отряд Каппеля к Чердаклы, где он 28 сентября был окружен и разгромлен.

А теперь я расскажу, зачем основная часть кораблей Волжской флотилии вместе с ее командующим Ф.Ф. Раскольниковым отправилась вверх по Каме.

Для начала я процитирую энциклопедию «Гражданская война и военная интервенция в СССР»: «Ижевско-воткинский мятеж 1918 г., антисоветское выступление в августе – сентябре в Ижевске и Воткинске бывших офицеров, гимназистов, учащихся училища оружейных техников и др., подготовленное местной белогвардейско-эсеровской организацией „Союз фронтовиков“; участвовала в мятеже и часть подпавших под влияние эсеров рабочих».^[129]

Современному читателю это опять же ни о чем не говорит. Мало ли летом 1918 г. было городских восстаний против большевиков, например, в Ярославле, Муроме и т. д.

А на самом деле тут большевики получили чисто пролетарское восстание. Но начнем все по порядку. В Сарапульском уезде Вятской губернии расположены два старинных рабочих города – Ижевск и Воткинск. Расстояние между ними около 60 км.

В Ижевске было два казенных завода Военного ведомства – оружейный и сталелитейный. В 1917 г. Ижевский оружейный завод изготовил свыше полумиллиона винтовок Мосина и 1,3 миллиона стволов к ним, а также почти 100 тысяч стволов к пулеметам Максима. Завод производил и 76-мм гранаты, но выпуск их был прекращен в 1915 г., зато в 1917 г. было изготовлено около полумиллиона 76-мм шрапнелей.

В Воткинске крупные заводы тоже были казенными. На них

производились паровозы и пароходы.

Принципиально важным является сильное отличие в быте рабочих казенных заводов Прикамья и Урала от рабочих центральной России. На этих казенных заводах было установлено пенсионное обеспечение и выдавались оплачиваемые больничные листы, а главное, практически все рабочие имели большие приусадебные участки.

Ни большевики, ни эсеры до февраля 1917 г. не имели особого влияния в Ижевске и Воткинске. Соответственно в Советах, избираемых с марта 1917 г., в этих городах преобладали беспартийные рабочие. А после развала царской армии в Ижевске и Воткинске стал влиятельной силой «Союз фронтовиков». Формально эта организация не являлась политической и предназначалась для финансовой поддержки и адаптации фронтовиков к мирной жизни. Понятно, что верховодили в «Союзе» младшие офицеры и унтер-офицеры.

На очередных перевыборах в Ижевский Совет рабочих депутатов, проведенных в июне 1918 г., вновь было избрано большинство из беспартийных рабочих. Тогда местные большевики вызвали из Казани отряд из 1500 красногвардейцев, которые и разогнали Ижевский Совет. Власть в городе была узурпирована Исполнительным комитетом, состоявшим только из большевиков. Аналогичная ситуация сложилась и в Воткинске, куда был введен отряд из 800 красноармейцев.

Надо заметить, что по всем густонаселенным уездам Вятской, Уфимской и Пермской губерний были разосланы десятки красноармейских отрядов, посланных Москвой на реквизицию у крестьян хлеба и скота.

В Воткинске и Ижевске большевики начали всячески притеснять рабочих. В частности, они стали отбирать у рабочих приусадебные участки и покосы, запрещать рыбную ловлю и т. д. Логика комиссаров была проста – рабочий должен трудиться только у станка, а иначе он будет независим от новой власти. Многие рабочие имели большие дома и сдавали свою жилплощадь обывателям и пришлому элементу. Теперь же деньги, полученные от постояльцев, рабочие были обязаны сдавать в «коммунальное правление» тем же большевикам.

7 августа 1918 г. в Ижевск по телеграфу пришло известие о взятии чехами и белогвардейцами Казани. Казань расположена в 340 верстах от Ижевска и соединена с ним водным путем по судоходной реке Каме и железной дорогой.

В тот же день, с 3 часов утра, большевики заводским гудком созвали ижевских рабочих на митинг на Михайловской площади. Они зачитали приказ Совета Народных Комиссаров о мобилизации всех прибывших с

фронтов Первой мировой войны в ряды Красной Армии для действий против белогвардейцев в Казани. Фронтовики, уже заранее сговорившись, заявили большевикам, что они без оружия и обмундирования из Ижевска никуда не пойдут. Тогда члены исполкома ответили арестом членов «Союза фронтовиков» и нескольких из них расстреляли.

На следующий день, 8 августа, фронтовики сами заводским гудком собрали рабочих на митинг. Члены исполкома, сопровождаемые красногвардейцами, потребовали от рабочих разойтись и пригрозили открыть огонь. Рабочие побежали, но не по цехам, а в проверочную мастерскую, где находилось около 7 тысяч готовых винтовок. Там рабочие довооружились. Надо сказать, что, пользуясь слабостью власти, рабочие с лета 1917 г. уносили с завода винтовки как для собственного пользования, так и для продажи соседям. В итоге большевики в Ижевске в буквальном смысле этого слова оказались лицом к лицу с вооруженным народом.

Итогом стало бегство красногвардейцев и большевиков из города. Несколько десятков из них были изловлены и расстреляны рабочими.

Гражданская власть в городе теперь перешла в руки Ижевского Совета рабочих депутатов, разогнанного большевиками. Однако через пару дней ижевцы убедились, что такой громоздкий (250 человек) орган власти совершенно не способен к оперативному управлению. Поэтому вскоре был организован Комитет членов Учредительного собрания Прикамского края (В.И. Бузанов, Н.И. Евсеев, А.Д. Корякин), Комитет объявил свободу торговли, отменил твердые цены на сельхозпродукты.

Поскольку количество наличных денег в распоряжении Ижевской волости было ограничено, а сколь долго Ижевск будет находиться в изоляции, никто предположить не мог, Прикамский Комитет постановил: «Всем работающим на заводах, всем действовавшим против большевиков с оружием в руках и всем городским и заводским служащим без различия должностей и старшинства – платить всем одинаковое жалованье: 420 рублей в месяц».

Командующим восставшими ижевцами был выбран георгиевский кавалер полковник Д.И. Федичкин. Повстанцы объявили себя Ижевской народной армией.

9 августа повстанцы разоружили эшелон с 360 красноармейцами, шедший на Казань. 14 августа группировка красных численностью в 2500 человек двинулась по железной дороге к Ижевску. Однако в 6 км от Ижевска их поезд попал в засаду Народной армии и был обращен в бегство, несколько десятков красноармейцев попали в плен, 40 из них, ранее действовавших в Ижевске, были расстреляны.

В тот же день, 14 августа, отряд красных в 200 человек пехоты, 50 человек кавалерии при четырех пулеметах наступал от пристани Гольяны на Каме по Гольянскому шоссе на Ижевск. А в это время на Гольянском шоссе ижевских войск не было, но служащие Гольянской железной дороги сообщили по телеграфу о наступлении по этой дороге отряда красноармейцев на Ижевск.

Утром 17 августа рота ижевцев под командованием поручика Мельникова подошла к Воткинску со стороны Сапарульского тракта. Одновременно поднялись воткинские рабочие. Остатки красноармейцев бежали по тракту в направлении села Дебессы.

В первый же день изгнания красных из Воткинска была сформирована первая рабочая рота, а через несколько дней рабочие роты были сведены в «17 августа заводской полк».

В послеперестроечных источниках появились байки о том, что-де воткинцы и ижевцы ходили на красных в психические атаки с красными знаменами и под «Интернационал». Но это не более чем досужие вымыслы журналистов. А вот красные знамена действительно были, и когда позже остатки повстанческих сил соединились с армией Колчака, то белые генералы оказались в затруднительном положении, не зная, что делать со знаменами. В конце концов их заменили на гвардейские георгиевские знамена.

Среди рабочих-воткинцев, сражавшихся с красными, были и большевики, не отказавшиеся от своей идеологии. Они именовали себя «большевиками-мстителями», а советских большевиков – «комиссародержавцами».

Слабость повстанцев заключалась в отсутствии реальной власти. Комитет членов Учредительного собрания состоял из некомпетентных и трусливых болтунов. А ни бывшие царские офицеры, ни рабочие не сумели грамотно организовать оборону. Так, в мемуарах участников восстания говорится об отсутствии 76-мм снарядов, а их, как уже говорилось, серийно выпускали в Ижевске. По неясным причинам, имея такие мощные заводы и квалифицированную рабочую силу, не были созданы бронированные поезда и «бронепароходы». Хотя на создание одного такого изделия требовалось от 3 до 10 дней.

Тем не менее 31 августа отряд штабс-капитана Куракина захватил город Сарапул на Каме. Любопытно, что накануне в Сарапуле произошла стычка между городским советом и штабом 2-й Красной Армии из-за 24 миллионов рублей золотом купеческих денег, хранившихся в сарапульских отделениях банков. Эти деньги штаб 2-й армии забрал себе и удрал с ними

в Вятские Поляны, оставив в Сарапуле лишь незначительный отряд красноармейцев. Куракин объявил мобилизацию. Однако мобилизованные там 800 рабочих (малых заводиков и полукустарных мастерских) были действительно «голозадыми» пролетариями с совсем другим менталитетом, чем старинные династии ижевских и воткинских рабочих. Сарапульцы потребовали зачислить себя на все виды довольствия, но воевать с красными не пошли.

Еще более сложной оказалась ситуация в окрестных деревнях. Тут лишь незначительная часть крестьян присоединилась к повстанцам. Большая же часть крестьян купила, а точнее, обменяла на продукты, винтовки у ижевских рабочих. Эта прослойка активно уничтожала красных в районе своих деревень, но в Народную армию не шла.

Ижевско-воткинское восстание не на шутку испугало Москву. Советские газеты и иные средства пропаганды довольно оперативно информировали население о белогвардейских мятежах, высадках интервентов и о победах над оными Красной Армии. А вот все сведения о восстании рабочих были строго засекречены.

Председатель Реввоенсовета Троцкий издал приказ: «Стереть с лица земли Воткинский и Ижевский заводы, не оставить камня на камне на их местах и беспощадно уничтожить рабочих, изменивших пролетариату и советской власти...»

Повстанцы были окружены на пространстве в 250 км в длину и 150 км в ширину. С юга и запада на повстанцев двинулась 2-я армия (командарм В.И. Шорин, свыше 17 тыс. штыков и сабель, 55 орудий, 230 пулеметов, два бронепоезда). С северо-востока шла 3-я армия. Эмигрантские источники говорят и об участии в боях Красной 5-й армии, но советские источники о ней не упоминают. С 18 сентября в бой вступила Волжская военная флотилия (17 боевых и транспортных судов).

Большевики имели превосходство в численности войск на порядок, если не больше. Вечером 7 ноября 2-я Сводная дивизия (2-й армии) при поддержке бронепоезда «Свободная Россия» после ожесточенных боев овладела Ижевском. В ночь на 13 ноября пал Воткинск. Повстанцы построили понтонный мост через Каму в районе Воткинска, и 13–14 ноября части Народной армии переправились по этому мосту на левый берег.

А что же делала Волжская флотилия с ее 130/50-мм и 102/60-мм корабельными пушками? Почему она не воспрепятствовала переправе повстанцев? Она застряла примерно в 40 км ниже по течению Камы в районе села Гольяны. Там якобы была у белых 122-мм гаубичная батарея.

Почему якобы? Никаких попаданий в красные суда не зафиксировано. Правда, с берега велся интенсивный ружейный и пулеметный огонь. Он и смутил храбрых военморов, и они решили постоять у Гольян.

Замечу, что у флотилии хватало и других забот. С 22 октября суда флотилии начали высаживать многочисленные десанты с целью изъятия у местного населения хлеба, а также иного барахла, явно ему, населению, не нужного. 4 ноября начальник десантного отряда моряков Кузнецов взял да и ушел со своим отрядом неведомо куда. На всякий случай комфлота Раскольников отправил телеграмму в Казань, что если оный Кузнецов там объявится, изловить и расстрелять. Да и сам Раскольников уже собирал чемоданы, но на законном основании ехал с повышением на Балтику.

По разным данным, через мост ушло от 10 до 15 тысяч воткинцев. Кроме того, удалось переправить через Каму несколько тысяч винтовок – в подарок Колчаку.

Глава 8

Одиссея омского правителя

С 8 по 23 сентября 1918 г. в Уфе под председательством эсера Н.Д. Авксентьева проходило так называемое «Уфимское государственное совещание». Из 170 его членов около ста были эсеры. 23 сентября Совещание провозгласило «Временное Всероссийское правительство», председателем которого стал тот же Авксентьев, членами Н.И. Астров, генерал В.Г. Болдырев, П.В. Вологодский, В.М. Зензинов и др. Это «правительство» в народе получило название Уфимской директории.

9 октября Уфимская директория переехала из Уфы в Омск. Директория добилась упразднения всех областных, национальных и казачьих «правительств» и Сибирской областной думы. 3 ноября ей передало власть «Временное сибирское правительство». Комуч отказался от своих претензий на «всероссийскую» власть и был переименован в «Съезд членов Учредительного собрания».

Войска Уфимской директории действовали в конце октября – начале ноября против советских войск на линии восточнее Верхотурья, Кунгур, Оса, восточнее Сарапула, восточнее Мензелинска, восточнее Бугульмы, восточнее Бузулука, Чеганский, Шилина балка: Екатеринбургская группа генерала Р. Гайды (22 тыс. штыков и сабель), группа Люпова (около 10 тыс. штыков и сабель), остатки Поволжской «народной армии» генерала С. Чечека, в ноябре объединенные в группу генерала С.Н. Войцеховского (16 тыс. штыков и сабель), группа Бакича (около 5 тыс. штыков и сабель), уральские белоказаки (около 8 тыс. штыков и сабель). Главные силы оренбургского казачества (свыше 10 тыс. штыков и сабель) под командованием Дутова находились в районе Оренбург – Орск, действуя в направлении Актюбинска.

Состав Уфимской директории был неоднороден. Его левая часть (Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов) была связана с эсерами, правая часть (О.В. Вологодский, В.А. Виноградов) – с кадетами. Особняком стоял адмирал А.В. Колчак, назначенный 4 ноября военным и морским министром. Любопытно, что в Уфу, а позже в Омск пытался пробраться и беглый премьер А.Ф. Керенский. Однако ЦК партии эсеров решительно высказался против появления Керенского на Волге и в Сибири. Александр Федорович давно превратился в политический труп, не нужный ни Антанте, ни белым.

В ночь на 18 ноября офицерами и казачьими частями был произведен

государственный переворот. Уфимская директория была арестована. Переворот прошел почти бескровно – ранен лишь один солдат, да и то чех.

Днем 18 ноября из Омска по всей Сибири было передано срочное сообщение: «Ввиду тяжелого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту Верховной власти в одних руках, Совет Министров постановил передать временно осуществление Верховной Государственной власти адмиралу Колчаку, присвоив ему наименование Верховного Правителя».

А адмирал Колчак, со своей стороны, обратился к населению со следующим воззванием: «Всероссийское Временное правительство распалось. Совет Министров принял всю полноту власти и передал ее мне – адмиралу Александру Колчаку.

Приняв крест этой власти, в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройтва государственной жизни, – объявляю, что я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью вижу создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает и осуществит великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру.

Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, к труду и жертвам!»

Вся власть сосредоточилась в руках «верховного правителя Российского государства» адмирала А.В. Колчака. Реальная власть Колчака распространялась на Сибирь, Урал и часть Оренбургской губернии. 30 апреля 1919 г. власть «верховного правительства» признала «Временное правительство Северной области», обосновавшееся в Архангельске, а 12 июня 1919 г. аналогичное решение принял А.И. Деникин.

Под властью Колчака к концу 1918 г. оказались Сибирь, Урал, Оренбургская губерния и Уральская область.

Вопреки советской пропаганде адмирал Колчак не являлся марионеткой Антанты, но все же испытывал серьезное давление со стороны ее представителей в Сибири. 16 января 1919 г. было подписано соглашение о вступлении представителя Высшего межсоюзного командования французского генерала М. Жаннена в исполнение обязанностей главнокомандующего войсками союзных государств на востоке России и в Западной Сибири. Британский генерал Аймс Нокс назначался руководителем тыла и снабжения колчаковской армии. Колчак как главнокомандующий белогвардейской армией обязывался все

оперативные действия согласовывать с Жанненом.

США предоставили Колчаку кредит в 262 млн. долларов и в счет его направили в конце 1918 г. свыше 200 тыс. винтовок, пулеметы, орудия и боеприпасы. В первой половине 1919 г. США послали Колчаку 250 тыс. винтовок, несколько тысяч пулеметов и несколько сотен орудий, а в августе 1919 г. Колчак получил от США свыше 1800 пулеметов, более 92 млн. патронов к ним, 665 автоматических ружей, 15 тыс. револьверов и 2 млн. патронов к ним. Великобритания отправила 2 тыс. пулеметов, Япония – 30 орудий, 100 пулеметов, 70 тыс. винтовок, 42 млн. пулеметных и винтовочных патронов и обмундирование на 30 тыс. солдат. Всего Япония израсходовала на содержание белогвардейских формирований 160 млн. иен.

Япония согласилась признать власть Колчака и оказать ему помощь при условии выполнения им следующих требований: 1) объявить Владивосток свободным портом; 2) разрешить свободную торговлю и плавание по Сунгари и Амуру; 3) предоставить японцам контроль над Сибирской железной дорогой и передать Японии участок Чаньчунь – Харбин; 4) предоставить японцам права рыбной ловли на всем Дальнем Востоке; 5) продать Японии Северный Сахалин.

Колчак мялся: в тылу у него стоял мощный японский экспедиционный корпус, а, с другой стороны, принимать японские условия было как-то неудобно – он же как-никак «борец за единую и неделимую».

Японцы же позаботились и об альтернативе Колчаку. Двадцатисемилетний есаул Г.М. Семенов набрал в Харбине «Особый маньчжурский отряд» из офицеров, казаков и деклассированных элементов. 8 апреля 1918 г. Семенов вторгся в Забайкалье, а в мае на станции Борзя он объявил о создании «Временного Забайкальского правительства» во главе с самим собой. «Правительство» это только с весны до осени 1918 г. получило от Японии военной и финансовой помощи почти на 4,5 млн. руб. За этот же период Франция оказала помощь есаулу Семенову на сумму свыше 4 млн. руб.

Отношения адмирала и есаула явно не клеились. В середине ноября 1918 г. Семенов телеграфировал в Омск об отказе признать верховную власть адмирала Колчака и предлагал на эту высшую должность в русском белом движении свои кандидатуры – генералов Деникина, Хорвата или атамана Оренбургского казачьего войска Дутова. В телеграмме говорилось: «Если в течение 24 часов я не получу ответа о передаче власти одному из указанных мною кандидатов, я временно, впредь до создания на Западе [Сибири] приемлемой для всех власти, объявляю автономию Восточной

Сибири... Как только власть будет передана одному из указанных кандидатов, несомненно и безусловно ему подчинюсь».

От слов бравый есаул перешел к делу и прервал телеграфную связь между Омском и Дальним Востоком, а на Забайкальской железной дороге задержал поезда с военными грузами, отправленными Антантой Верховному правителю России для создаваемой колчаковской армии.

Верховный правитель Колчак в конце ноября 1918 г. издал приказ № 60, в котором есаул Семенов объявлялся изменником. 1 декабря Колчак, встав на путь конфликта с Японией, издал приказ № 61 о ликвидации «семеновского инцидента». Приказ этот гласил: «Командующий 5-м отдельным Приамурским корпусом полковник Семенов за неповиновение, разрушение телеграфной связи и сообщений в тылу армии, что является актом государственной измены, отрешается от командования 5-м корпусом и смещается со всех должностей, им занимаемых».

Но за Семенова горой встало командование японского экспедиционного корпуса. Японский генерал Юхи заявил, что «Япония не допустит никаких мер против Семенова, не останавливаясь для этого даже перед применением оружия...». Именно такую инструкцию получила дислоцированная в Забайкалье 3-я дивизия императорской армии.

Колчак сформировал в Омске правительство, председателем Совета министров которого стал П.В. Вологодский, военным министром – барон А. Будберг, морским министром – контр-адмирал М.И. Смирнов, министром иностранных дел – областник И.И. Сукин, министром внутренних дел – кадет В.Н. Пепеляев.

Колчаковское правительство признало все иностранные долги России – свыше 12 миллиардов золотых рублей. Страны Антанты получили ряд концессий в Сибири. Национализированные большевиками заводы и фабрики были переданы частным владельцам. Земли, захваченные крестьянами, также должны были быть возвращены.

Колчаковские войска 24 декабря 1918 г. взяли Пермь и нанесли тяжелое поражение 3-й и 2-й красным армиям. В Перми немедленно было начато формирование белой военной флотилии на реке Каме.

Командование флотилией принял контр-адмирал Смирнов. Артиллерией кораблей заведовал лейтенант В.С. Макаров, сын адмирала Степана Осиповича Макарова.

Камская речная флотилия должна была состоять из трех боевых дивизионов. 1-й и 3-й дивизионы вооружались в Перми, а 2-й дивизион – в Уфе. В 3-м дивизионе команды плавбатареи «Суффолк» и вооруженного буксира «Кент» состояли из матросов и офицеров британских крейсеров

«Кент» и «Суффолк».

Однако в целом участие войск «союзников» было чисто символическим. Те же чехи в 1919 г. мало участвовали в боевых действиях, зато крепко удерживали под своим контролем Транссибирскую магистраль.

Весной 1919 г. началось генеральное наступление войск Колчака. К этому времени у него под ружьем состояло до 300 тыс. человек, однако на фронт омский правитель сумел выставить лишь 140 тыс.

Согласно плану Колчака, войска были сгруппированы следующим образом: Сибирская армия – в районе Перми, Западная армия – в районе Златоуста, а левее – группа генерала Белова. Главный удар колчаковское командование намеревалось нанести из района Челябинск – Златоуст в направлении на Среднюю Волгу (Симбирск – Самара), где предполагало соединиться с армиями Деникина. Сибирская армия должна была нанести вспомогательный удар в направлении на Вятку – Котлас с целью соединения с войсками северной группы интервентов. 4 марта начала наступление Сибирская армия, а через два дня перешла в наступление и Западная армия.

К концу апреля линия фронта проходила от Оренбурга, западнее Бугуруслана, в 30–40 км восточнее устья Камы, затем шла вдоль реки Вятки, однако сам город Вятка находился в руках красных.

Руководство большевиков объявило, что колчаковское наступление представляет главную угрозу Советской республике, и двинуло на Восточный фронт лучшие части Красной Армии. 10 апреля в состав Южной группы, возглавляемой М.В. Фрунзе и В.В. Куйбышевым, были включены 4-я, 1-я, 5-я и Туркестанские армии.

Фрунзе разработал план разгрома Колчака. Он предложил создать в районе Бузулука мощный кулак и нанести контрудар в направлении на Уфу по недостаточно защищенному флангу противника. План Фрунзе предусматривал выход в глубокий тыл белых. Начало наступления намечалось на 28 апреля.

28 апреля 1919 г. советские войска перешли в решительное контрнаступление. Главным был выбран удар в направлении Бугуруслан – Уфа. Советское командование выбрало направление первого удара в стык 3-го и 6-го Уральских корпусов. Колчаковские войска начали отступление. Причем 9 мая часть 45-го Сибирского стрелкового полка – «Курень Шевченко» (несколько рот солдат-украинцев) – в 70 км восточнее Бугуруслана, у деревни Кузьминовской и станции Сарай-Гир, в полном составе перешла на сторону красных.

Советские войска повели наступление вдоль всего 450 км фронта

Западной армии. 4 мая красные захватили Бугуруслан, 6 мая – Бугульму, 17 мая – Белебей. С 28 апреля по 17 мая, разгромив 3-й и 6-й Уральские корпуса, красные части продвинулись на 12 км на восток и подошли к Уфе. Колчаковские войска повсеместно стали отходить на восток.

2-я Красная армия начала наступление 5 июля 1919 г. на части 1-го Средне-Сибирского корпуса и другие части Сибирской армии. 12 июля советские войска захватили Красноуфимск и к 12 июля вышли на дальние подступы к Екатеринбургу. 15 июля Екатеринбург пал, было взято свыше трех тысяч пленных. Остатки колчаковцев отступили в район Челябинска, а частично – в район Златоуста.

В тылу колчаковских войск повсеместно вспыхивали восстания. Партизанское движение к лету 1919 г. охватило значительную часть Алтайской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний. В тылу белых существовали пробольшевистские Степно-Баджейская и Тасеевская партизанские республики.

10 ноября 1919 г. колчаковское правительство выехало из Омска в Иркутск, а через четыре дня в Омск вошли красные. Чехословацкие части стали отказываться от сотрудничества с колчаковскими войсками.

А в Иркутске в канун падения Омска на нелегальном заседании представителей Всесибирского краевого комитета эсеров, Бюро сибирской организации меньшевиков, Центрального комитета объединений трудового крестьянства Сибири и Земского политического бюро был создан так называемый «Политцентр». В опубликованной им декларации колчаковский режим квалифицировался как режим военно-монархической реакции, режим насилия и террора, «перед которым бледнеют кошмары последних десятилетий царизма». Он довел государственную и экономическую жизнь Сибири до полного развала во всех сферах, привел ее к порабощению «иностранными силами», особенно Японией. Но теперь он обанкротился полностью и должен быть заменен новыми силами – властью «революционной демократии», руководящим ядром которой «Политцентр» объявил себя.

Руководители «Политцентра» заявили, что в отличие от колчаковской власти они решительно отвергают всякие претензии на «всероссийское правительство», поскольку это ведет лишь к углублению Гражданской войны и расширению иностранного вмешательства. Задача «Политцентра» – создание «местной», сибирской власти, которая будет стремиться к прекращению гражданской войны и «установлению договорных отношений с государственно-демократическими образованиями, возникшими на территории России». Таким образом, «Политцентр»

собирался создать некое независимое «демократическое Сибирское государство».

17 ноября 1919 г. сторонники «Политцентра» привлекли на свою сторону чехословацкого генерала Р. Гайду и попытались силой захватить Владивосток. Но союзники не только не поддержали путчистов, но и кое-где применили против них оружие. Путч провалился. Гайду выслали в Китай.

В ночь на 22 декабря 1919 г. сторонники «Политцентра», поддержанные местными большевиками, подняли восстание на окраине Иркутска, а 27 декабря ими был занят весь город.

К этому времени «верховный правитель России» вместе с конвоем и «золотым эшелоном» был задержан чехами в Нижне-Удинске.

3 января 1920 г. чехи захватили «золотой эшелон». В последующие двое суток разбежался и конвой Колчака. 15 января чехи привезли Колчака в Иркутск и вечером того же дня передали уполномоченным «Политцентра». Охраняли Колчака солдаты из немногочисленной Народно-революционной армии «Политцентра».

Власть в Иркутске постепенно переходила от «Политцентра» к пробольшевистскому Военно-революционному комитету (ВРК). 21 января «Политцентр» окончательно передал полномочия ВРК. 7 февраля 1920 г. по постановлению ВРК Колчак был расстрелян.

Еще перед арестом, 4 января 1920 г., Колчак передал Семенову всю полноту военной и государственной власти «на территории Российской восточной окраины», а 8 января Семенов создал «Правительство Российской восточной окраины».

К весне 1920 г. передовые части Красной Армии были приостановлены на рубеже озера Байкал. Это было связано не с сопротивлением белых, а по чисто политическим причинам. Советское правительство желало избежать конфликта с Японией. А, как говорил В.И. Ленин, «вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее».

Поэтому советское правительство решилось на оригинальный ход – создание буферной Дальневосточной республики (ДВР). 6 апреля в Верхне-Удинске (ныне Улан-Удэ) на Учредительном съезде полномочных представителей всего населения Забайкалья состоялось ее провозглашение. В республику организационно вошли Забайкальская, Амурская, Приморская, Камчатская области и Северный Сахалин. Ей же были переданы права России в отчужденной зоне КВЖД.

В январе прошло представительное Учредительное собрание, где руководящая роль принадлежала большевикам. На этом собрании были созданы: орган верховной власти (Правительство) во главе с А.М. Краснощековым и исполнительный орган – Совет министров под председательством коммуниста П.М. Никифорова. Советское правительство признало Дальневосточную республику как дружественное независимое государство.

Народно-революционная армия (НРА) Дальневосточной республики располагала 36 пехотными, 12 кавалерийскими и 17 артиллерийскими полками, 11 бронепоездами, 10 танками, 17 самолетами и 145 автомашинами.

Первоначально власть Временного правительства ДВР фактически распространялась на территорию Западного Забайкалья. В августе 1920 г. исполком Амурской области согласился подчиниться Временному правительству ДВР. Западную и восточную части республики разделяла «Читинская проблема» – район, занятый семеновско-каппелевскими частями и японскими войсками.

Общая численность белогвардейских войск к концу марта 1920 г. в районе Читы составляла около 20 тыс. штыков и сабель, 496 пулеметов и 78 орудий. Активные действия восточно-забайкальских партизан вынуждали белогвардейское командование держать в районах Сретенска и Нерчинска свыше половины своих сил. К западу от Читы и в самом городе белогвардейцы имели до 8,5 тыс. штыков и сабель, 31 орудие и 255 пулеметов. Японские войска (части 5-й пехотной дивизии) имели до 5,2 тыс. штыков и сабель при 18 орудиях.

К этому времени в состав НРА Дальневосточной республики (главнокомандующий Г.Х. Эйхе) входили 1-я Иркутская стрелковая дивизия, партизанские отряды П.П. Морозова, Н.Д. Зыкина, Н.А. Бурлова и другие. Кроме того, в стадии формирования находились Забайкальская стрелковая дивизия и Забайкальская кавалерийская бригада. Для наступления на Читу насчитывалось около 9,8 тыс. штыков и сабель при 24 орудиях и 72 пулеметах.

Первая Читинская операция проводилась 10–13 апреля 1920 г. Учитывая, что японские войска держали под своим контролем железную дорогу, войска НРА вели наступление с севера через перевалы Яблонового хребта. Было создано две колонны войск. Главные силы правой колонны (под командой Е.В. Лебедева; около 2,7 тыс. человек, 8 орудий, 22 пулемета) находились на железнодорожной магистрали, остальная часть наступала на город с юго-запада, стремясь отрезать белогвардейцам путь

отступления на юг. Левая колонна (командир В.И. Буров; свыше 6 тыс. человек; 16 орудий, 50 пулеметов) наносила главный удар через перевалы Яблонового хребта.

9 апреля японцы начали отход к Чите по железной дороге. Части правой колонны продвинулись за ними до станции Гонгота. Дальнейшее наступление частей НРА было остановлено белогвардейскими и японскими войсками.

Войска левой колонны к 12 апреля вышли к северной окраине Читы, но японские войска в ходе упорных боев вынудили их отойти к перевалам.

Основные причины неудачи наступления войск НРА – отсутствие достаточного превосходства в силах и особенно в технике и вооружении.

К началу второй Читинской операции (25 апреля – 5 мая 1920 г.) НРА была пополнена Забайкальской кавалерийской бригадой и Верхнеудинской стрелковой бригадой. Для координации действий партизанских отрядов был создан Амурский фронт (командующий Д.С. Шилов).

Японские войскаполнились пехотным полком и трехтысячным отрядом, переброшенным со станции Маньчжурия.

Командование НРА разделило свои войска на три колонны, которые наступали: первая (командир Кузнецов, около 5,5 тыс. человек, 6 орудий, 42 пулемета) – в обход Читы с юга; средняя (командир К.А. Нейман, около 2,5 тыс. человек, 3 орудия, 13 пулеметов) – с запада; левая (командир Буров, около 4,2 тыс. человек, 9 орудий, 37 пулеметов) – с севера и северо-востока. Главные удары наносились с юга и с севера. Партизанские отряды Амурского фронта (12–15 тыс. штыков, 7–8 тыс. сабель, 7 орудий, 100 пулеметов, 2 бронепоезда) должны были овладеть районами Сретенска и Нерчинска.

Осуществить в полной мере замысел операции не удалось, наступление вылилось в ряд разрозненных, несогласованных действий войск. 3 мая противник перешел в контрнаступление и вынудил части НРА к отступлению и переходу (5 мая) к обороне.

Летом 1920 г., несмотря на неудачи наступления НРА на Читу, положение ДВР значительно упрочилось. 17 июля японское командование вынуждено было подписать Гонготское соглашение о прекращении военных действий, а с 25 июля начать эвакуацию своих войск из Читы и Сретенска.

Третья Читинская операция проводилась 1—31 октября 1920 г. Действия регулярных войск НРА западнее Читы были связаны Гонготским соглашением. Поэтому центр тяжести борьбы НРА с белогвардейцами был перенесен в Восточное Забайкалье. Войска Амурского фронта

(командующий Д.С. Шилов, затем С.М. Серышев; около 30 тыс. штыков и сабель, 35 орудий, 2 танка, 2 бронепоезда) получили задачу ликвидировать «Читинскую пробку».

Общая численность белогвардейских войск составляла около 35 тыс. штыков и сабель при 40 орудиях и 18 бронепоездах. Главный удар наносился с северо-востока в полосе Нерчинск – станция Карымская. 1 октября начали активные боевые действия партизанские отряды севернее и южнее Читы. 15 октября в наступление перешли войска Амурского фронта и в ходе упорных боев 22 октября овладели станцией Карымская и Читой.

Попытка противника 23 октября перейти в контрнаступление успеха не имела. 30 октября части НРА захватили станции Бырка и Оловянная. Остатки белогвардейцев бежали в Маньчжурию.

В январе 1921 г. состоялись выборы в Учредительное собрание Дальневосточной республики, в результате которых в столице республики – Чите – было создано правительство, руководимое большевиками.

Одновременно с интервенцией на Дальнем Востоке японцы стремились захватить Внешнюю Монголию. Для этого они использовали русских белогвардейцев Семенова и барона Унгерна фон Штернберга фон Пилькау, а также маньчжурского милитариста^[130] Чжан Цзолина. Последний, будучи полновластным сатрапом Монголии, боролся за власть с пекинским правительством, сотрудничая с японцами.

Октябрьскую революцию 30-летний барон Унгерн встретил есаулом 3-го Верхнеудинского казачьего полка Забайкальского казачьего войска. Уже в конце 1917 г. он с помощью японцев собрал из всякого сброда отряд в несколько тысяч человек. В июне 1919 г. свое воинство барон переименовал в Туземный корпус, а затем – в Азиатскую конную дивизию. Себе же он присвоил чин генерал-лейтенанта. Выброшенная из России, Азиатская дивизия ворвалась в Монголию и 4 февраля 1921 г. выбила китайцев из столицы Монголии Урги (с 1924 г. Улан-Батор).

Очевидец Волков вспоминал: «Страшную картину представляла собой Урга после взятия ее Унгерном. Такими, наверное, должны были быть города, взятые Пугачевым. Разграбленные китайские лавки зияли разбитыми дверьми и окнами, трупы гамин-китайцев вперемешку с обезглавленными замученными евреями, их женами и детьми, пожирались дикими монгольскими собаками. Тела казненных не выдавались родственникам, а впоследствии выбрасывались на свалку на берегу речки Сельбы. Можно было видеть разжиревших собак, обгладывающих занесенную ими на улицы города руку или ногу казненного. В отдельных домах засели китайские солдаты и, не ожидая пощады, дорого продавали

свою жизнь. Пьяные, дикого вида казаки в шелковых халатах поверх изодранного полушубка или шинели брали приступом эти дома или сжигали их вместе с засевшими там китайцами».^[131]

В мае 1921 г. войска барона Унгерна (около 10,5 тысячи сабель, 200 штыков, 21 орудие, 37 пулеметов) вторглись в пределы Дальневосточной республики в районе Троицкосавска. Главный удар они наносили вдоль правого берега реки Селенга, вспомогательный – вдоль ее левого берега с целью перерезать Кругобайкальскую железную дорогу и изолировать Дальневосточную республику от РСФСР. В упорных оборонительных боях с 28 мая по 12 июня 1921 г. части Красной Армии отразили попытки белых прорваться к железной дороге по левому берегу Селенги. Войска барона Унгерна понесли большие потери и отступили в глубь Монголии за реку Иро.

В середине июня 1921 г. красные сформировали экспедиционный корпус 5-й армии под командованием К.А. Неймана в составе 7,6 тыс. штыков и 2,5 тыс. сабель. Корпус располагал 20 орудиями, 2 бронеавтомобилями и 4 самолетами. 27–28 июня части экспедиционного корпуса во взаимодействии с НРА ДВР и Монгольской Народно-революционной армией (МНРА) под командованием Сухэ-Батора начали наступление. 6 июля красные взяли Ургу.

22 августа Унгерн фон Штернберг был взят в плен, а 15 сентября расстрелян по приговору революционного трибунала. Любопытно, что на допросе барон заявил, что его родина Австрия. В какой-то мере это было справедливо, поскольку он родился в австрийском городе Граце во время путешествия его родителей по Европе.

11 июля 1921 г. было образовано Народное правительство Монголии, а 5 ноября подписан договор о сотрудничестве с РСФСР. Власть в Монголии (Внешней Монголии) сосредоточилась в руках революционных элементов, но до мая 1924 г., когда умер последний монгольский хан (богдо-гэгэн), Монголия формально являлась монархией.

12 января 1921 г. войска Дальневосточной республики нанесли поражение белогвардейцам при Волочаевке. 14 февраля был освобожден Хабаровск. Белогвардейские части, прикрываемые японскими войсками, отступили на юг. Народно-революционная армия ДВР успешно продвигалась по направлению к Никольск-Уссурийскому и Владивостоку. Большую помощь революционным войскам оказали партизаны.

Успехи, одержанные НРА и партизанами, с одной стороны, и резкое ухудшение внутреннего и международного положения Японии – с другой, вынудили японское правительство пойти на новые переговоры, на этот раз

уже не только с ДВР, но и с РСФСР. В начале сентября 1922 г. в Чаньчуне открылась конференция представителей Японии и объединенной делегации ДВР и РСФСР.

Еще до созыва конференции японцы объявили о выводе войск из Приморья к 1 ноября 1922 г. Делегация ДВР и РСФСР требовала вывода японских войск также и с Северного Сахалина, но японцы отвергли это требование. Чаньчунская конференция была прервана 26 сентября 1922 г.

В 2 часа дня 25 октября 1922 г. стоявшая в бухте Золотой Рог многочисленная японская эскадра с последними экспедиционными войсками на борту подняла якоря и стала выходить в открытое море. Японцы задержались ненадолго на острове Русском, но через несколько дней ушли и оттуда.

В тот же день, 25 октября, в 4 часа дня, войска НРА торжественно, без единого выстрела вступили в город Владивосток, население которого приветствовало своих освободителей от интервентов. Гражданская война на Дальнем Востоке завершилась.

Несколько слов стоит сказать о судьбе кораблей Сибирской флотилии. 23 октября 1922 г. командующий Сибирской военной флотилией адмирал Г.К. Старк увел русские корабли в корейский порт Гензан. Всего было уведено 30 кораблей, в том числе канонерская лодка «Манчжур», ледокол «Илья Муромец», вспомогательный крейсер «Лейтенант Дыдымов» (бывший крейсер пограничной стражи), транспорты, пароходы, минные заградители и т. д. На кораблях находилось около 9 тыс. человек. Адмирал Старк отобрал в Гензане лучшие суда и повел их в Шанхай. Во время шторма 4 декабря 1922 г. погиб крейсер «Лейтенант Дыдымов». В начале декабря 1922 г. флотилия Старка прибыла в Шанхай. Китайские власти встретили белогвардейцев крайне неприязненно и вскоре предложили покинуть порт. Старк вынужден был подчиниться и 10 января 1923 г. вновь вышел в море, предварительно высадив на берег всех белогвардейцев и гражданских беженцев. В Манилу вместе со Старком пошли только команды кораблей, и то в неполном составе. (Значительную часть их команд составляли офицеры.) Сделано это было умышленно. В Маниле Старк продал остатки флотилии и ряд пароходов Добровольного флота. Деньги господа офицеры поделили между собой. Сам адмирал Старк уехал в Париж, где безбедно прожил до 1950 г.

Глава 9

Деникин идет на Москву

Мы оставили Добровольческую армию генерала Корнилова 10 февраля 1918 г., когда она покинула Ростов и двинулась на Кубань. В армии было не более 3,5 тыс. бойцов и около тысячи беженцев – раненых, стариков и женщин. Первый кубанский поход длился 80 дней. Пройдя за это время расстояние в 1200 км, добровольцы, покинув Ростов 9 февраля, 30 апреля вернулись обратно на Дон в станицы Мечетинскую и Егорлыкскую. Длинной петлей они обогнули степную равнину Кубанской области, проникнув даже в горные аулы Северного Кавказа. В ходе похода добровольцы похоронили на Кубани до четырех сотен своих бойцов и вывезли более полутора тысяч раненых. Однако за счет пополнения армии кубанскими казаками ее численность достигла 5 тыс. человек. Первый кубанский поход фактически был рейдом крупного партизанского отряда по тылам противника.

31 марта (13 апреля) 1918 г. добровольцы попытались взять Екатеринодар и были разбиты, а сам Корнилов убит. Генерал Алексеев был ранен, и командование Доброй армией принял А.И. Деникин. Добровольцы отступили на Дон, у них оставалось только четыре 76-мм пушки.

Между тем полковник М.Г. Дроздовский еще в декабре 1917 г. собрал на Румынском фронте около тысячи офицеров. 11 марта 1918 г. отряд Дроздовского выступил из Ясс и с боями прошел через Каховку, Мелитополь, Бердянск, Мариуполь и Таганрог. 5 мая он вышел на Дон и соединился с войсками Деникина.

Летом на Дону сложилась довольно пикантная ситуация. Деникин и его воинство вроде бы по-прежнему находились в состоянии войны с Германией. Правда, немцы не предпринимали никаких враждебных действий по отношению к Доброй армии. Наоборот, немецкие и австрийские коменданты на железнодорожных станциях помогали русским офицерам пробираться на Дон. А вот атаман Войска Донского П.Н. Краснов летом 1918 г. решился на создание «Донско-Кавказского союза».

Атаман отправил письмо императору Вильгельму II не только от имени Войска Донского, но и от еще не существовавшего «Донско-Кавказского союза», образованного, как писал Краснов, из Донского, Кубанского, Терского и Астраханского войск, из калмыков Ставропольской губернии, а также из горных народов Северного Кавказа. Все эти области,

кроме Дона, были в руках большевиков.

Краснов просил в своем письме германского императора «содействовать к присоединению к войску (Донскому) по стратегическим соображениям городов Камышина и Царицына Саратовской губернии, и города Воронежа, и станции Лиски, и Поворина» и сообщал, что «всевеликое Войско Донское обязуется за услугу Вашего Императорского Величества соблюдать полный нейтралитет во время мировой борьбы народов и не допускать на свою территорию враждебные германскому народу вооруженные силы, на что дали свое согласие и атаман Астраханского войска князь Тундутов, и Кубанское правительство, а по присоединении остальные части Доно-Кавказского союза».

В послании Вильгельму была и такая фраза: «...тесный договор сулит взаимные выгоды, и дружба, спаянная кровью, пролитой на общих полях сражений воинственными народами германцев и казаков, станет могучей силой для борьбы со всеми нашими врагами».^[132]

Тут Антон Иванович оказался в положении гимназистки, равно желающий «и капитал приобрести, и невинность соблюсти». С одной стороны, он был «борцом за единую и неделимую», а с другой – немцы поставляли Краснову боеприпасы и амуницию, часть из которых атаман сплавлял в Добрармию. А германское командование смотрело на это сквозь пальцы. Да и вообще, немцы были рядом, в нескольких десятках километров, и могли без труда турнуть Добрармию из Донской области. В итоге Деникин немного поломался, а потом стал просить Краснова включить в состав Верховного Совета «Доно-Кавказского союза» представителей Добровольческой армии, а самого Деникина назначить командующим вооруженными силами «Доно-Кавказского союза», который уже стал германским протекторатом.

В ночь на 10 (23) июня 1918 г. Добровольческая армия отправилась с Дона во Второй кубанский поход. 3 (16) августа добровольцы выбили красных из Екатеринодара. На следующий день туда заявили представители Кубанского правительства и рады. Они вновь попытались создать на Кубани некое гособразование. 31 августа (по новому стилю) в Екатеринодаре было создано правительство – «Особое совещание». Позже оно трансформировалось в совещательный орган при главкоме Деникине.

К середине августа 1918 г. добровольцам удалось освободить от большевиков западную часть Кубанской области, занять Новороссийск и утвердиться на побережье Черного моря.

К началу ноября добровольцы полностью очистили от большевиков Кубанскую область, а к началу февраля 1919 г. – весь Северный Кавказ. В

ноябре 1918 г. Германия капитулировала, и началась эвакуация германских войск с территории бывшей Российской империи.

В такой ситуации Деникин решил оперативно связаться с представителями Антанты. Еще в апреле 1918 г. бывший командующий Румынским фронтом генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев, бежавший к румынам, был объявлен представителем Добровольческой армии при королевском дворе. В октябре 1918 г. Щербачев в Бухаресте вступил в переговоры с французским генералом А. Бертело, который был назначен главнокомандующим союзными силами в Румынии, Трансильвании и на юге России.

3 ноября 1918 г. Щербачев после переговоров с Бертело доложил Деникину, что результаты совещания превзошли все его ожидания. Он писал, что генерал Бертело, имеющий поддержку премьер-министра Франции Клемансо, уполномочен «проектировать и осуществлять все вопросы политические и военные, касающиеся юга России и спасения его от анархии». Генерал Щербачев сообщил о достигнутом между ним и генералом Бертело соглашении: «Для оккупации Юга России будет двинуто настолько быстро, насколько это возможно, 12 дивизий, из коих одна будет в Одессе на этих же днях.

Дивизии будут французские и греческие.

Я (генерал Щербачев) буду состоять по предложению союзников и генерала Бертело при последнем и буду участвовать в решении всех вопросов.

База союзников – Одесса; Севастополь будет занят также быстро.

Союзными войсками Юга России первое время будет командовать генерал д'Ансельм с главной квартирой в Одессе.

По прибытии союзных войск, кроме Одессы и Севастополя, которые будут, несомненно, заняты ко времени получения Вами этого письма, союзники займут быстро Киев и Харьков с Криворожским и Донецким бассейнами, Дон и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской армиям прочнее организовать и быть свободными для более широких активных операций.

В Одессу, как в главную базу союзников, придут огромное количество всякого рода военных средств, оружия, боевых огнестрельных запасов, танков, одежды, железнодорожных и дорожных средств, авиации, продовольствия и проч.

Богатые запасы бывшего Румынского фронта, Бессарабии и Малороссии, равно как и таковые Дона, можно отныне считать в полном вашем распоряжении...».^[133]

Генерал Деникин позже вспоминал: «Это письмо своей определенностью выводило нас, наконец, из области предположений. Широкая и конкретная постановка вопроса открывала перед нами новые, необычайно благоприятные перспективы, ставила новые задачи в борьбе с большевиками». [\[134\]](#)

24 ноября в Севастополь пришел британский легкий крейсер «Кентербери», посланный на разведку. А на следующий день заявила большая эскадра «тетушки Антанты». Как писал Оболенский, ставший главой губернского земского собрания: «Солнце грело, как весной, зеленовато-синее море ласково шумело легким прибоем у Приморского бульвара, с раннего утра наполнившегося густой толпой народа, с волнением ожидавшего приближения эскадры. Я тоже присоединился к этой толпе. Все напряженно смотрели в прозрачную синюю даль. Вдруг толпа заволновалась, кто-то из стоявших на скамейках крикнул – „вот они“, и действительно, на горизонте показалась полоска дыма, потом другая, третья... Суда шли в кильватерной колонне. Дредноуты, крейсера, миноносцы...». [\[135\]](#)

Впереди шли британские дредноуты «Суперб» и «Темерер», за ними – французский дредноут «Джастис» («Justice») и итальянский «Леонардо да Винчи», крейсера «Галатея», «Агордат» и девять эсминцев.

«Толпа кричала „Ура!“ и махала шапками. Наконец, свершилось то, чего мы ждали в течение четырех лет войны и двух лет разложения России». [\[136\]](#)

Как только дредноуты бросили якорь, к британскому флагману двинулись три катера: на одном находились деятели нового крымского правительства, на другом – губернского земского собрания, а на третьем – представители Добровольческой армии. Англичане быстро поставили почетную публику на место, как в переносном, так и в прямом смысле. Им пришлось постоять пару часов в помещении линкора, где не было мест для сидения. Затем их принял британский адмирал Колторн. Он выслушал гостей, но отказался вступать в какие-либо переговоры, сославшись на отсутствие инструкций от своего правительства.

На берег были высажены шестьсот британских морских пехотинцев и 1600 сенегальцев из 75-го французского полка. Англичане строго потребовали, чтобы на всех судах в Севастополе были спущены Андреевские флаги и подняты английские. Однако другие союзники потребовали и свою долю в разделе германских и русских судов.

Как писал советский военно-морской историк В. Лукин: «Англичане

споров не заводили, и когда французы пожелали поднять свои флаги на боевых германских подводных лодках, коих было четыре „UB-14“, „UB-42“, „UB-37“, „UB-23“, то англичане спустили на двух из них свои флаги, а французы подняли свои. На „Воле“ и миноносцах были подняты английские флаги и посажена английская команда (было оставлено всего три русских офицера), и суда эти отправились в Измид (залив и порт в Мраморном море). Германские подводные лодки англичане быстро снабдили командой, и через три дня суда стали опять действующими боевыми судами, но уже английского флота. Французы лодки только перекрасили, ими не воспользовались, и их две лодки пришли вскоре в полный беспорядок. Про весь происшедший разбор флота напрашивается такая заметка, если судить по имеемым письменным документам. Англичане желали все годное в боевом отношении забрать себе или сделать так, чтобы этих судов не было, т. к. всякий военный флот, кроме своего, им органически противен; французы желали взять флот для того, чтобы как трофеи привести его в свои порта; итальянцы были скромны и вели себя вежливо, греки зарились на коммерческие суда. Для русского офицерства приход союзников вместо ожидаемой радости принес много огорчений. Они не учли того, что Россия была дорога Антанте, как сильный союзник, с потерей же силы – Россия потеряла для них всякое значение. В политическом положении союзники не могли разобраться (и сами русские офицеры в этом путались). Становятся понятными все огорчения офицеров группы „Андреевского флага“, когда например, французы потребовали разоружения русских подводных лодок. Союзники желали обеспечить себя и только, и поэтому оставить лодки боеспособными было для них рискованно. Англичане так и сделали – они сразу увели суда в Измид – „подальше от греха“ как говорится. Им в местной политике белогвардейской России, конечно, было разбираться трудно: так например, когда командующим русскими морскими силами на Черном море был назначен адмирал Канин (назначение это было не то „Крымского“, не то „Уфимского“ правительства), добровольческая армия выдвинула своего адмирала Герасимова. К 27 ноября оказалось, что Канин – Коморси всего моря, а в портах, занятых добрармией – Герасимов; затем – Герасимов является морским советчиком при начальнике армии в Екатеринодаре, а позднее – идет целый ряд новых комбинаций». [\[137\]](#)

Лукин писал это в 1923 г., в пору относительной свободы слова в СССР. Однако уже в начале 1930-х годов советские историки создали миф о «походах Антанты», которая якобы хотела задушить молодую Советскую республику и восстановить в России власть капиталистов и помещиков.

Увы, реальное состояние дел в 1918–1919 гг. не только на Черном море, но и на Севере и на Дальнем Востоке ничего не имело общего с этим мифотворчеством. Союзники были совсем не против свержения советской власти, но они вовсе не жаждали увидеть во главе «единой и неделимой» России сильного диктатора типа Колчака или Деникина.

Союзники пришли не для участия в классовой борьбе, а за... «зипунами»! Да, да, они пришли грабить, а при хорошем раскладе и добиться иных политических целей. При этом на первом этапе их более заботили не большевики, а друзья-союзнички – как бы те не урвали более жирные куски. На Черном море англичане побаивались французов и итальянцев, а на Дальнем Востоке американцы – японцев и т. д. Соответственно, интервенты во всех регионах пытались балансировать между белыми армиями и самостийными правительствами.

«Тетушка Антанта» в ноябре—декабре 1918 г. высадила десанты не только в Крыму, но и в районах Одессы, Николаева, Херсона, а также в главных портах Кавказа. Основной контингент оккупантов составляли французы и греки. Наступать в глубь Украины союзники не имели ни сил, ни желания.

Между тем гетман Скоропадский оправдал свою фамилию и убежал из Киева, переодевшись раненым германским офицером (обмотав лицо и голову бинтами). Михаил Булгаков в знаменитой пьесе «Дни Турбиных» почти документально показал финал этой политической оперетты.

В начале 1919 г. Украина погрузилась в хаос. В центральной и восточной частях Украины действовали красные и петлюровцы, а главное – различные банды, в западной части существовали различные местные государственные формирования и банды поляков. За 1919 г. Киев переходил из рук в руки не менее шести раз.

В Крыму в январе—марте 1919 г. боевых действий не велось, но установилось многовластие. Оккупанты создали свой орган власти под руководством полковника Труссона, по-прежнему существовало и кадетско-эсерово-меньшевистское Краевое правительство. На полуострове была сформирована Крымская дивизия под командованием генерал-майора А.В. Корвич-Круковского, подчинявшаяся власти Деникина. В декабре дивизия была переформирована в Крымско-Азовский корпус, командующим которого стал генерал-майор А.А. Боровской. В степных районах власть принадлежала татарским националистам. Все эти четыре власти ненавидели друг друга, но не пытались силой нарушить хрупкий политический баланс на полуострове. Это было вызвано нехваткой сил у каждой из сторон, а главное, общей боязнью большевиков.

2 апреля 1919 г. в Севастополь прибыл перешедший на службу в Добрармию контр-адмирал М.П. Саблин. Деникин назначил его на пост «Главного командира судов и портов Черного моря». В инициативном порядке русские морские офицеры создали в Крыму флотилию из нескольких вооруженных мобилизованных гражданских судов и подводной лодки «Тюлень». В конце марта – начале апреля эта белая флотилия начала действовать на Азовском море и в Керченском проливе.

Любопытно, что и крымское Краевое правительство решило создать собственный флот. По его указанию мичман Г.М. Галафре начал восстановление миноносца «Живой».

В первые дни апреля 1919 г. 1-я Заднепровская Украинская советская дивизия прорвала оборону деникинцев на Перекопе и начала наступление в степном Крыму. 7 апреля Краевое правительство бежало из Симферополя в Севастополь под защиту союзного флота. Однако там они быстро поняли, что «тетушка» тоже начала собирать чемоданы.

10 апреля в середине дня члены Краевого правительства с семьями собрались на Графской пристани. Отсюда их перевезли на катерах на греческое судно «Трапезонд». Но отход судна был отложен из-за разногласий с главнокомандующим сухопутными войсками Антанты полковником Труссоном. Он категорически требовал, чтобы министры передали ему все деньги, взятые из Краевого банка и казначейства Севастополя. Сумма это достигала одиннадцати миллионов рублей. Члены Краевого правительства пытались объяснить, что часть денег уже потрачена на жалованье чиновникам, съехавшимся со всего полуострова, и на организацию эвакуации. Но эти объяснения для полковника были малоубедительны, и он пригрозил оставить Краевое правительство в Севастополе. В результате через два дня французам были переданы семь миллионов рублей и значительные ценности из банков Симферополя и Севастополя.^[138] Каково! Чем не разборки крутых парней?!

Драпануть «краевым» удалось только 15 апреля на греческом судне «Надежда». 16 апреля красные подошли к окраинам Севастополя. Союзное командование, не уверенное в своих солдатах, вступило в переговоры с большевиками. В конце концов было достигнуто какое-то соглашение. Я пишу «какое-то», поскольку его оригинальный текст так и не был опубликован официальными историками, как западными, так и советскими. И те, и другие предпочитают держать его в секретных фондах. Суть же соглашения ясна: союзники сдают Севастополь красным, а те не мешают им уничтожать корабли Черноморского флота и вывозить награбленное.

Под соглашением поставили свои подписи начальник штаба 1-й

Крымской дивизии Красной Армии Сергей Петриковский, комиссар дивизии Астахов и французский полковник Труссон.

Председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий счел это соглашение предательским и приказал передать дело Петриковского в ревтрибунал. Однако у последнего были какие-то связи с Дмитрием Ильичем Ульяновым, и тот быстренько накатал письмо брату. В результате Петриковский вышел сухим из воды.

Соглашение, подписанное Петриковским, дало возможность союзникам увести из Севастополя десятки боевых судов и транспортов. Так, самый сильный корабль Черноморского флота «Воля» был уведен англичанами в турецкий порт Измид, где он стал рядом с германским «Гебен».

У линейных кораблей дредноутного типа «Иоанн Златоуст», «Евстафий», «Борец за свободы» (бывший «Пантелеймон»), «Три Святителя», «Ростислав», «Синоп», а также крейсера «Память Меркурия» англичане взорвали машины и тем самым сделали невозможным их использование в течение всей Гражданской войны.

26 апреля англичане вывели в открытое море на буксире одиннадцать русских подводных лодок и затопили их, двенадцать подводных лодок типа «Карп» были затоплены в Северной бухте. Французы тем временем взорвали ряд фортов Севастопольской крепости, а также разгромили базу гидроавиации, уничтожив все самолеты. Лишь два гидросамолета французы погрузили на русский транспорт «Почин», который был уведен интервентами в Пирей.

Обратим внимание: по версии советских историков, союзники прибыли в Россию, чтобы помогать белым, но, несмотря на все мольбы командования Добрармии, интервенты категорически отказались передавать им боевые корабли Черноморского флота. Кстати, то же самое произошло и на Каспийском море, где англичане до осени 1919 г. не допустили создания белогвардейской флотилии, а затем, уходя, отдали самые ценные корабли царской Каспийской флотилии «Карс», «Ардаган» и другие... мусаватистам (азербайджанским националистам), а белым – лишь несколько вооруженных пароходов, которые ранее числились наливными шхунами. Это еще одна хорошая иллюстрация того, что Англии, да и Западу вообще, как кость в горле был императорский флот, и они не желали видеть любой русский флот – хоть советский, хоть деникинский.

Как уже говорилось, белым удалось в феврале – марте 1919 г. захватить подводную лодку «Тюлень» и несколько вооруженных пароходов. А в апреле к ним присоединился крейсер «Кагул» (бывший «Очаков»).

Крейсер был в прекрасном состоянии, в 1917 г. на нем завершился капитальный ремонт. Он получил новую артиллерию: четырнадцать 130/55-мм пушек, две 75/50-мм пушки Кане, переделанные для зенитной стрельбы, и два 40-мм зенитных автомата Виккерса. По непонятным причинам немцы в 1918 г. сделали крейсер «плавбазой» водолазной партии, работавшей по подъему линкора «Императрица Мария». Союзники же решили, что находившийся в затрапезном виде крейсер ни на что не годен, и оставили его в покое.

Этим воспользовались белые. «Капитан 2 ранга Потапьев начал набирать команду и готовить крейсер к походу. К моменту ухода из Севастополя команда крейсера состояла из 42 морских офицеров, 19 инженеров-механиков, двух врачей, 21 сухопутного офицера, нескольких унтер-офицеров и 120 охотников флота, включая три десятка присланных из Екатеринодара кубанских казаков, и это при нормальном составе в 570 человек».^[139]

Замечу, что «охотниками» в дореволюционной русской армии называли добровольцев. Увы, среди этих охотников не было ни одного профессионального моряка. В основном это были юнкера, гимназисты, семинаристы и т. д.

«Кагул» не был исключением, в 1919–1920 гг. белый флот на Черном море имел низкую боеспособность из-за отсутствия профессиональных матросов. Так, в конце апреля 1919 г. из-за недостатка кочегаров «Кагул» мог идти лишь со скоростью 6 узлов.

15—16 апреля белая флотилия в составе «Кагула», «Тюленя», посыльных судов «Буг» и № 7, а также нескольких буксиров и транспортов покинула Севастополь. Пароход «Дмитрий» вел на буксире подводные лодки «Утку» и «Буревестник», буксир «Бельбек» – миноносец «Жаркий», буксир «Доброволец» – миноносец «Живой», который с полпути пошел своим ходом. Кроме того, на буксирах шли эсминцы «Поспешный» и «Пылкий», миноносцы «Строгий» и «Свирепый», канонерская лодка «Терец», посыльное судно № 10 (бывший миноносец № 258) и транспорт «Рион». Белая флотилия направлялась в Новороссийск.

Помимо Севастополя корабли Антанты прибыли и в Одессу, Николаев, Феодосию и Новороссийск. Так, 23 ноября в Новороссийский порт вошла союзная эскадра в составе двух миноносцев и двух крейсеров – «Эрнст Ренан» и «Ливерпуль».

Деникин вспоминал: «Новороссийск, а затем Екатеринодар встречали союзников необыкновенно радушно, со всем пылом открытой русской души, со всей страстностью истомленного ожиданием, сомнениями и

надеждами сердца. Толпы народа загрозили улицы Екатеринодара, и их шумное ликование не могло не увлечь своей непосредственностью и искренностью западных гостей». ^[140]

Казалось бы, для союзников все стало ясно и просто – поддержать всеми силами Деникина и помочь ему свергнуть советскую власть по всей территории бывшей Российской империи. Однако никто из лидеров Антанты не собирався воссоздавать «единую и неделимую», хотя все желали искоренения большевизма. Часть западных политиков считала целесообразным расчленить Россию на несколько десятков государств. Вспомним, что в 1980-х годах академик Сахаров тоже мечтал расчленить СССР на три десятка государств.

Другие же, более реалистичные политики предлагали после разгрома большевиков превратить Россию в рыхлую конфедерацию полунезависимых регионов. Историк-эмигрант Дмитрий Лехович писал: «Черчилль утверждал, что политика расчленения России не может иметь успеха, она приведет лишь к бесконечным войнам, в результате которых возникнет враждебное Западу, воинствующее и милитаристское государство, будь то под властью большевиков или под флагом реакционеров. Он настаивал, чтобы все усилия Англии были направлены к созданию федеративной России, с обеспечением местной автономии, но без нарушения принципа единства страны.

Черчилль предвидел возможность реванша со стороны окрепшей со временем Германии и в борьбе с этой угрозой желал иметь в Восточной Европе (кроме Польши) не серию мелких и слабых государств, а сильную, единую и дружески расположенную к Англии Россию.

Премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж русской истории не знал и настолько плохо разбирался в современных русских событиях, что в одной из своих речей в Британском парламенте, перепутав названия городов с фамилиями генералов, говорил о военной помощи, которую Англия оказывала тогда генералу Деникину и... генералу Харьковцу! («Эпизод с генералом Харьковым, – писал Деникин, – служил долго предметом остроты южно-русских газет».)

Ллойд Джордж лавировал между помощью белому движению, желанием торговать с Советским правительством и стремлением поддерживать самостоятельность мелких государств, возникших на окраинах бывшей Российской империи. Он открыто высказывался за раздробление России.

Двойственность британской политики, расхождения во взглядах между Черчиллем и Ллойд Джорджем, с одной стороны – русофильство, с другой

– русофобство, отсутствие ясно продуманной программы действий – все это приводило Деникина в полное уныние. И однажды с присущей ему откровенностью он спросил англичан, «в каком качестве они пришли на Кавказ – в качестве ли друзей, или врагов»?». [\[141\]](#)

Антанта одновременно помогала новообразованным Прибалтийским республикам, Польше, Украинской Директории, Грузии и Азербайджанской республике. Правда, главным получателем помощи стал Деникин, хотя общая сумма помощи националистам существенно превышала средства, выделяемые Добрармии.

С марта по июнь 1919 г. Добрармия получила из Великобритании 100 тыс. винтовок, 2 тыс. пулеметов, 315 орудий, 200 самолетов, 12 танков. Во втором полугодии 1919 г. Великобритания предоставила Деникину 250 тыс. винтовок, 200 орудий, 30 танков, а также огромное количество боеприпасов и снаряжения. Из США деникинцы летом и осенью 1919 г. получили около 100 тыс. винтовок, свыше 140 тыс. пар обуви и значительное количество боеприпасов.

В мае 1919 г. деникинские войска начали большое наступление на всех фронтах. К этому времени Вооруженные Силы Юга России состояли из трех армий – Добровольческой, Донской и Кавказской – и из нескольких самостоятельных отрядов. Командующим Добрармией был назначен генерал Май-Маевский, командующим Донской армией – генерал Сидорин, командующим Кавказской армией – генерал Врангель.

В июне 1919 г. «добровольцы» овладели всем Крымом. При этом решающую роль сыграл небольшой десант, высаженный в Коктебеле с крейсера «Кагул», буксира «Дельфин» и британского эсминца. Командовал десантом генерал Я.А. Слащов.

Дмитрий Лехович писал: «Успех деникинских войск вдоль всего фронта развивался с невероятной быстротой. За первый месяц наступления, опрокидывая противника, Добровольческая армия продвинулась широким фронтом на 300 с лишним километров в глубь Украины. 10 июня генералом Кутеповым был взят Белгород, 11 июля добровольческие отряды захватили Харьков. 16 июня конные части генерала Шкуро ворвались в Екатеринослав и вскоре завладели всем нижним течением Днепра.

Тем временем Кавказская армия генерала Врангеля наступала на Царицын. Советская власть называла тогда будущий Сталинград «красным Верденом» и клялась никогда не сдать его противнику.

17 июня, прорвав красные укрепления, Кавказская армия ворвалась в Царицын...

В начале августа были заняты Херсон и Николаев, 10 августа захвачена Одесса; 17 августа – Киев; 7 сентября войска 1-го армейского корпуса, которым командовал генерал Кутепов, заняли Курск; 17 сентября конница генерала Шкуро закрепились в Воронеже; 30 сентября части генерала Кутепова заняли Орел. Радостный перезвон московских колоколов уже звучал в ушах белого командования». [\[142\]](#)

Увы, на самом деле это была бездарная авантюра. Осенью 2005 г. в связи с перезахоронением останков Деникина в российских СМИ была начата шумная кампания по возвеличиванию великого русского полководца А.И. Деникина, который двинулся на Москву спасти русский народ от злодеев-большевиков. Причем большевиков средства массовой информации представляли какими-то неземными пришельцами, прямо как марсиан у Герберта Уэлса. Не удивлюсь, если завтра какой-нибудь демократ напишет, что Ленин привез 10 миллионов большевиков в «пломбированном вагоне» из Германии.

На самом же деле Деникин был весьма заурядным генералом. Сути Гражданской войны он так и не понял, даже сидя за мемуарами в Париже. В Добрармии были прекрасные офицерские полки, и, сосредоточив их на одном направлении удара, понятно, на московском, грамотно используя танки и артиллерию, осенью 1919 г. вполне можно было взять Москву. Это была не Первая мировая, а Гражданская война, когда эскадрон мог быть сильнее дивизии, четыре бронепоезда могли разгромить целую армию (взятие Баку в апреле 1920 г.) и т. д. Другой вопрос, что со взятием Москвы Гражданская война не закончилась бы, а лишь затянулась.

Деникин же разбросал свою армию чуть ли не на 1500-километровом фронте от Киева до Царицына и был вдребезги разбит.

Первоначальные успехи Деникина объясняются, с одной стороны, рыхлостью красных частей, а с другой – желанием значительной массы обывателей поиграть в демократию, в эсеров, в меньшевиков, в анархистов. Характерный пример: в начале июня 1919 г. в занятом красными Севастополе было всего 100 коммунистов и от 400 до 500 сочувствующих. Многие еще не осознавали, что на дворе не 1917-й, а 1919 год, и есть только две партии – деникинцы и большевики. Тут генерал-лейтенант Деникин оказал огромную услугу товарищу Ленину, превратив в труху все партии болтунов-краснобаев – кадетов, эсеров, меньшевиков и др. Именно благодаря Деникину народ пошел к большевикам.

Болтовне СМИ о народной поддержке Деникина я противопоставлю мелкий, но типичный пример – выдержку из рапорта командира миноносца «Живой» за 14 (27) – 15 (28) апреля 1919 г. В рапорте говорится, что «в 4

часа 30 мин. миноносец вышел в море из Новороссийска восьмиузловым ходом. В 10 часов в кочегарке упустили воду, дали самый малый ход. В 11 часов застопорили машины, т. к. люди очень устали. В 12 часов дали ход. В 13 часов застопорили опять, ибо мало пару. В 15 часов в помощь кочегарам посланы люди с верхней палубы и все офицеры. В 16 часов дали малый ход. В 23 часа подошли к Туапсе, где держались малым ходом. В 4 часа 30 мин. вошли на рейд Туапсе, после чего миноносец около 2-х суток занимался переборкой механизмов для дальнейшего плавания. Непривычные к физическому труду люди быстро выдыхаются и делаются ни к чему непригодными»^[143] – так заканчивается донесение.

Хреново воевать без народа! А куда делись матросы – трюмные, кочегары и др.? Они были на бронепоездах и речных канонерках красных, а в крайнем случае носились на махновских тачанках по Северной Таврии.

Что мог дать Деникин русскому народу? Да он даже пообещать ничего не мог! Даже наврать! Идеологи белого движения были идейными импотентами. Они не могли дать ответа на самые животрепещущие вопросы: форма правления – республика, монархия или что? Кому будет принадлежать земля – крестьянам или помещикам? На все единый ответ: придет время – узнаете. Естественно, что народ не желал получать «кота в мешке».

А пока «по закону о сборе урожая 1919 года» (июль) 1/3 хлеба, 1/2 трав и 1/6 овощей, собранных крестьянами, безвозмездно поступали возвратившимся помещикам или арендаторам.

Для оказания помощи армии в подавлении любых выступлений населения против Деникина с июня 1919 г. началась организация бригад «государственной стражи». В сентябре было организовано 20 губернских, краевых и городских бригад численностью свыше 77 тыс. человек. Члены этих бригад считались состоящими на военной службе.

Единственный вопрос, на который идеологи Добрармии давали четкий ответ – целостность «единой и неделимой России». Это был фактически единственный козырь белой пропаганды. На бортах деникинских бронепоездов красовались гордые названия «Единая Россия», «Минин», «Пожарский» и т. д. Но, увы, на самом деле все вожди белого движения – Колчак, Деникин, Юденич, Миллер, Семенов и другие – находились в большой зависимости от государств Антанты. Мало того, эти вожди систематически заключали сделки, продавая русские земли многочисленным самостийным государственным образованиям, возникавшим в 1918–1920 гг. на территории бывшей Российской империи.

Естественно, возникает вопрос: можно ли было верить белым вождям

в вопросе территориальной неприкосновенности России? Я отвечаю цитатой: «Мне было ясно тогда, беспокойным летом двадцатого года, как ясно и сейчас, в спокойном тридцать третьем, что для достижения решающей победы над поляками Советское правительство сделало все, что обязано было бы сделать любое истинно народное правительство. Какой бы ни казалось иронией, что единство государства Российского приходится защищать участникам III Интернационала, фактом остается то, что с того самого дня Советы вынуждены проводить чисто национальную политику, которая есть не что иное, как многовековая политика, начатая Иваном Грозным, оформленная Петром Великим и достигшая вершины при Николае I: защищать рубежи государства любой ценой и шаг за шагом пробиваться к естественным границам на западе! Сейчас я уверен, что еще мои сыновья увидят тот день, когда придет конец не только нелепой независимости прибалтийских республик, но и Бессарабия с Польшей будут Россией отвоеваны, а картографам придется немало потрудиться над перечерчиванием границ на Дальнем Востоке». ^[144]

Любопытно, кто сие написал? Какой-нибудь сменовеховец или «красный граф» типа Алексея Толстого? Увы, эти строки принадлежат великому князю Александру Михайловичу, у которого большевики отняли все чины и поместья и даже расстреляли двух братьев.

Кроме большевиков, ни одно движение не смогло бы воссоздать в 1922 г. государство Российское. Пусть были и небольшие потери, но и их большевики вернули через 20–25 лет, согласно пророчеству великого князя.

Какую Единую Россию мог создать Деникин, если он даже у себя в тылу не мог создать нормально функционирующую управляющуюся структуру? Вот характерный пример. В Севастополе Деникин приказал распустить все старые органы самоуправления, и 15 сентября 1919 г. прошли перевыборы в городские думы и земские учреждения. Результаты этих выборов весьма любопытны. «Из 71 гласного 38 были представителями социал-демократов и социалистов-революционеров, 12 мест получил демократический блок, 21 член городской думы представлял интересы домовладельцев». ^[145] Сразу поставлю точки над «i». Такой результат говорит не о демократичности белых, а лишь об отсутствии у них убедительной политической платформы.

31 августа Деникин сформировал правительство Юга России, так называемое «Особое совещание», но он сам в мемуарах писал: «На территории, освобождаемой Добровольческой армией, самым ходом событий установилась диктатура в лице Главнокомандующего».

На самом деле у Деникина были армия, контрразведка и даже бюро пропаганды «ОСВАГ», но у Деникина не было и не могло быть партии, а главное, не было надежной опоры среди населения.

Лехович писал: «Разросшись к середине 1919 года количественно, она [Добровольческая армия] не приняла облика регулярной армии, в ней сохранились прежние принципы партизанства. По-прежнему большинство ее частей формировалось и вооружалось на ходу во время похода.

Большим злом, развращавшим армию и настраивавшим против нее местное население, было так называемое «самоснабжение», то есть реквизиция воинскими частями продовольствия и фуража по всей прифронтовой полосе».^[146]

Главкомандующий не мог не знать об этом. Деникин рассылал личные письма командующим армиями и предлагал принимать «строжайшие меры», но, увы, это было гласом вопиющего в пустыне.

«Одно из этих писем, отправленное им генералу Май-Маевскому, впоследствии попало в руки большевиков и было опубликовано. В нем Деникин обрушивался на командующего Добровольческой армией:

“Происходят грандиозные грабежи отбитого у большевиков государственного имущества, частного достояния мирного населения; грабят отдельные воинские чины, небольшие шайки, грабят целые воинские части, нередко при попустительстве и даже с соизволения лиц командного состава. Разграблено и увезено или продано на десятки миллионов рублей самого разнообразного имущества, начиная с интендантских вещевых складов и кончая дамским бельем. Расхищены кожевенные заводы, продовольственные и мануфактурные склады, десятки тысяч пудов угля, кокса, железа. На железнодорожных контрольных пунктах задерживаются представителями деникинской власти отправляемые под видом воинских грузов вагоны с громадным количеством сахара, чая, стеклом, канцелярскими принадлежностями, косметикой, мануфактурой. Задерживаются отправляемые домой захваченные у неприятеля лошади...”».^[147]

В горном и степном Крыму и на Северном Кавказе всюду орудовали «зеленые»... А на Черном море большой размах получило... пиратство. Вот небольшой пример: выдержки из рапорта командира Евпаторийского порта от 18 августа (1 сентября) 1919 г.: «...в порту у меня ничего нет; вывозится же из порта мука и соль на миллионы рублей, но я не могу даже прекратить грабежи парусников на рейде, так как нет ни одного катера, нет вооруженной команды, а не то чтобы учесть и взять в руки правительства

вывоз продуктов. В городе очень много большевиков».^[148]

Итак, белые власти не могут пресечь пиратство на рейде Евпатории... Вообразите себе, что происходило в открытом море!

На Украине как и на занятых деникинцами территориях, так и повсеместно орудовали сотни больших и малых банд. Особый размах приобрела «махновщина». Полубандит, полуанархист Нестор Махно собрал банду из нескольких тысяч человек еще в апреле 1918 г. в тылу германо-австрийских войск. Крестьяне охотно шли под знамена Махно. Он избавлял их от всех поборов со стороны немцев, белых и помещиков. Махно щедро делился с повстанцами «военной добычей» в захваченных городах, железнодорожных эшелонах и т. д.

Численность армии Махно была непостоянной. В периоды успехов его армия разрасталась. В ней появлялись полки, дивизии, корпуса с неопределенной структурой и численностью. При неудачах армия распылялась, а сам Махно с отдельными отрядами уходил от преследования. Части махновцев, состоявшие из конницы и пехоты, посаженной на тачанки с пулеметами, обладали большой подвижностью, они совершали переходы до 100 км в сутки.

Махновцы, пользуясь поддержкой населения, организовали надежно работающую разведывательную сеть.

Осенью 1919 г. численность махновской «Революционно-повстанческой армии Украины» достигла 30–35 тыс. человек. В конце сентября Махно совершил рейд по тылам белогвардейцев и захватил многие районные центры и города, в том числе Пологи, Гуляй-Поле, Бердянск, Никополь, Мелитополь, Екатеринослав, который удерживал более месяца.

Деникин был вынужден бросить на борьбу с Махно 2-й армейский корпус генерала Я.А. Слащова. Рассчитывать в такой ситуации на успех в борьбе с Красной Армией было безрассудно.

20 сентября Добровольческая армия захватила Курск и двинулась к Туле. Командование Красной Армии подтянуло резервы, в результате чего в составе Южного фронта к 15 октября оказалось 115,5 тыс. штыков и сабель, 1949 пулеметов и 500 орудий. Противостоявшие ему деникинские войска (Добровольческая армия и главные силы Донской армии) насчитывали к 15 октября около 74 тыс. штыков и сабель.

Тем временем Добровольческая армия продолжала наступление и к 9 октября вышла на рубеж Севск, Дмитровск, Петровское, угрожая Орлу. Белые потеснили 8-ю армию на востоке, и между нею и 13-й армией образовался разрыв в 130 км, в который устремился 3-й Кубанский корпус

и 6 октября захватил Воронеж. 3-й Донской корпус прорвался в тыл 8-й армии и занял Таловое. Разрыв между 8-й и 13-й армиями удалось закрыть соединениями, находившимися в стадии формирования.

Главное командование Красной Армии решило остановить противника путем перехода в контрнаступление. Для этого 7 октября Южному фронту был подчинен Конный корпус Буденного, а 9 октября – Ударная группа. Замысел советского командования был таков – вводом в сражение Ударной группы в районе Орла и Конного корпуса Буденного в районе Воронежа и переходом в наступление всех армий фронта нанести противнику решительное поражение и выйти на рубеж река Сейм, Курск, Касторное, Нижнедевицк. Задачей Ударной группы, 13-й и 14-й армий являлось нанести главный удар в направлении Кромы, Фатеж, Курск.

Завязались упорные встречные бои, длившиеся почти месяц. К 27 октября войска 13-й и 14-й армий в районе Кром нанесли решительное поражение противнику, а Конный корпус Буденного разбил конные корпуса белых и отбросил их к станции Касторное.

В ноябре советские войска освободили Курск, Ливны, Фатеж, Севск, Льгов, Дмитриев, Тим, Касторное, Чернигов, Бахмач и вышли на рубеж Лиски, Бобров.

Деникинская армия начала стремительно отступать на юг. Основная часть армии во главе с самим Деникиным двигалась на Кавказ, части генералов Шиллинга и Драгомирова – к Николаеву и Одессе. К Крыму же шел 3-й армейский корпус под командованием генерала Слащова. У него было в наличии 2200 штыков, 12 000 шашек и тридцать две 76-мм полевые пушки.

Позже генерал Слащов писал: «Фронт Северной Таврии тянулся полукругом около 400 верст, причем прорыв моего расположения в одном месте мог привести красных к перешейкам раньше остальных моих частей, которые, следовательно, вынуждены были бы в этом случае бежать назад вперегонки с красными и подвергнуться неминуемому поражению.

Поэтому я решил Северной Таврии не оборонять и до Крыма в бой с красными не вступать, а немедленно отбросить Махно от Кичкасского моста и отправить пехоту в Крым, прикрывая ее отход от красных конной завесой. Бригаду 34-й (пехотной) дивизии с обозами из Екатеринослава отправить по железной дороге на Николаев, где погрузить на суда и перевезти в Севастополь. Самому немедленно после переправы у Кичкасс ехать в Николаев – Севастополь и осмотреть оборонительное положение. План обороны Крыма в моей голове уже был намечен в общих чертах, так как Крым я знал по боям 1919 г., но окончательное решение я хотел

принять на месте». [\[149\]](#)

Деникин приказал Слащову оборонять Северную Таврию во что бы то ни стало. Яков Александрович ответил категорическим отказом.

27 декабря 1919 г. белые выбили Махно с позиций у Кичкасского моста, захватив 5 пушек. 5 января 1920 г. Слащов прибыл в Севастополь, а его части отступали в районе Мелитополя. Белые отходили столь быстро, что соприкосновение с частями красных было потеряно. Происходили лишь стычки кавалерийских дозоров.

Кроме 3-го корпуса Слащова в Крым хлынули толпы беглецов из различных частей Добровольческой армии. «Масса отдельных людей и отдельных частей в составе отдельных людей, в особенности хозяйственных частей, потекла в Крым, – вспоминал Слащов. – Единственным важным для меня приобретением среди беглецов были восемь, хотя и испорченных, бронепоездов и 6 танков (3 тяжелых и 3 легких).

Вся ватага беглецов буквально запрудила Крым, рассеялась по деревням, грабя их...

...Крым был наводнен шайками голодных людей, которые жили на средства населения и грабили его. Учета не было никакого, паника была полная. Каждый мечтал только о том, чтобы побольше награть и сесть на судно или раствориться среди незнакомого населения». [\[150\]](#)

До прибытия Слащова в Севастополь белое командование собиралось защищать Крым на Перекопском валу и Сальковском перешейке. Там было вырыто несколько окопов, натянута колючая проволока и поставлены четыре 152-мм тяжелых крепостных орудия. Слащов же посоветовал сдать красным оба перешейка вместе с крепостными орудиями. Красные должны были ворваться в Крым, а в районе Ишуня Слащов собирался нанести им решительный контрудар.

23 января 1920 г. на рассвете красные начали наступление на Перекоп. Стоявшие у вала четыре старые крепостные пушки открыли огонь, прикрывавший их Славянский полк (100 штыков) бежал. Красные заняли город Армянск и двинулись к Ишуню. Однако 24 января, согласно плану Слащова, красные были контратакованы и бежали за Перекоп.

Во время боя 24 января губернатор граф Н.А. Татищев буквально через каждые 5 минут звонил Слащову и спрашивал, как дела на фронте. Ведь в Севастополе и Ялте многие господа офицеры и почтенная публика начали грузиться на суда. Татищев «допек» Слащова: «И вот в самый разгар диктовки, перебивая мою мысль, является адъютант, сотник Фрост, человек

очень исполнительный, но мало думающий, и докладывает, что губернатор Татищев настоятельно просит сообщить о положении на фронте. Сознаюсь, я извелся – тут дело, а там продолжается паника – и резко отвечаю: „Что же, ты сам сказать ему не мог? Так передай, что вся тыловая сволочь может слезать с чемоданов“. А Фрост, по всегдашней своей исполнительности, так и передал. Что было!.. Паника улеглась, но на меня посыпались жалобы и выговоры, тем более что лента передачи досталась репортерам. Даже Деникин прислал мне выговор, но это выражение стало ходячим по Крыму». [\[151\]](#)

Слащова отличала отчаянная храбрость. 2 апреля 1920 г. он повел юнкеров в психологическую атаку во главе с оркестром. Причем не в чистом поле, а на узком Чонгарском мосту. (Как тут не вспомнить Аркольский мост!) Красные бросили окопы и тикали со всех ног.

7 февраля 1920 г. конная бригада Котовского ворвалась в Одессу. На следующий день город был окончательно очищен от белых. Часть «добровольцев» сумела морем уйти в Крым, а другая – отступила к Днестру, где вскоре сдалась в плен красным или была интернирована румынами.

Деникин не сумел ни защитить Новороссийск, ни организовать эвакуацию войск оттуда. 27 марта 1920 г. в районе Новороссийска капитулировало 22 тысячи белых. Некоторые белые части отошли к Сочи, где 2 мая капитулировало не менее 60 тысяч «добровольцев» и казаков.

Не помогли белым даже 343-мм пушки дредноута «Император Индии», огнем которых англичане пытались задержать красных, штурмовавших город. По завышенным данным белого командования, из Новороссийска было вывезено 35 тысяч «добровольцев» и 10 тысяч казаков.

Сам генерал Деникин заранее из Новороссийска перебрался в Феодосию.

Поражения Добровольческой армии привели к кризису в ее руководстве. Барон Врангель с лета 1919 г. интриговал против Деникина и стремился стать главнокомандующим. На эту должность претендовал и генерал Шиллинг.

Сам Деникин хотел сделать своим преемником генерал-лейтенанта И.П. Романовского, выпускника академии Генерального штаба. Он отличился в Первом ледовом походе в 1918 г., с февраля 1918 г. – начальник штаба Добровольческой армии, позже был помощником главкома Деникина. Однако влияние Деникина в начале 1920 г. столь упало, что Антон Иванович должен был отказаться от поддержки своего протеже.

Генерал Врангель прибыл в Севастополь на «Императоре Индии». На всякий случай барон решил не останавливаться на берегу, а занял каюту на крейсере «Генерал Корнилов».^[152]

Из всех претендентов на пост главнокомандующего был лишь один толковый военачальник – Слащов, но он был всего лишь генерал-майором, и его ненавидело большинство генералов.

20 марта 1920 г. генерал Деникин написал своему заместителю генералу А.М. Драгомирову: «Многоуважаемый Абрам Михайлович, три года Российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбой. Бог не благословил успехов войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и в ее историческое призвание не потеряна, но внутренняя связь между вождем и армией порвана. И я не в силах более вести ее. Предлагаю Военному Совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование.

Уважающий Вас А. Деникин».

Между тем британское правительство предъявило Деникину ультиматум с указанием о необходимости прекращения неравной и безнадежной борьбы с тем, чтобы правительство короля Великобритании обратилось с предложением к советскому правительству об амнистии населению и в частности войскам юга России. Причем в случае отказа генерала Деникина на это предложение британское правительство категорически отказывается оказывать ему впредь всякую свою поддержку и какую бы то ни было помощь.

Предложение, замечу, вполне разумное, поскольку советское правительство находилось в довольно сложной ситуации, связанной с экономическими проблемами (голодом, разрухой, тифом и др.), а также с войной в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Поэтому британское предложение скорее всего было бы принято. Разумеется, господам офицерам, а особенно старшим офицерам, пришлось бы отправиться в Константинополь и далее, поскольку они все равно бы не вписались в жизнь новой России. А вот низшие чины и часть младших офицеров могли бы остаться под британскую гарантию. Был шанс, что Россия пошла бы по несколько иному и существенно менее кровавому пути.

Но господам генералам было плевать и на Россию, и на Англию, они хотели воевать. Прочитирую самого Врангеля: «Все молчали. Наконец генерал Махров стал говорить о том, что как бы безвыходно ни казалось положение, борьбу следует продолжать: „пока у нас есть хоть один шанс из

ста, мы не можем сложить оружия“.

– Да, Петр Семенович, это так, – отвечал генерал Шатилов, – если бы этот шанс был... Но, по-моему, у противника не девяносто девять шансов, а девяносто девять и девять в периоде...

Генерал Махров не возражал».

22 марта 1920 г. в Севастополе на заседании старших начальников, выделенных из состава Военного Совета, главнокомандующим был избран генерал-лейтенант барон Врангель.

В тот же день Деникин издал приказ № 2899:

«1. Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России.

2. Всем, честно шедшим со мной в тяжелой борьбе, низкий поклон. Господи, дай победу армии, спаси Россию.

Генерал-лейтенант Деникин».

Глава 10

Барон фон Врангель – попытка реванша

29 марта 1920 г. Врангель издал приказ: «Объявляю положение об управлении областями, занимаемыми Вооруженными Силами на Юге России.

Правитель и Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России обнимает всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений. Земли казачьих войск независимы в отношении самоуправления, однако с полным подчинением казачьих вооруженных сил Главнокомандующему». ^[153]

Таким образом, Врангель установил в Крыму ничем не ограниченную диктатуру. Генерал-лейтенант Деникин убыл во Францию на французском миноносце. Генерала Шиллинга Врангель упек в отставку. Получил отставку и ряд других сухопутных и морских чинов.

Генерал-лейтенант Романовский был вынужден-таки покинуть армию. Он остановился вместе с Деникиным в помещении русского посольства в Константинополе. 5 апреля 1920 г. Романовский был застрелен неизвестным прямо в посольстве. В феврале 1936 г. в русской газете «Последние новости», издававшейся в Париже, появилась статья Романа Гуля. По данным Гуля, убийцей Романовского был Мстислав Алексеевич Харузин, служивший одно время в информационном отделении отдела пропаганды при русском посольстве в Константинополе. В годы Гражданской войны в чине поручика он устроился в контрразведку в армии генерала Деникина. После смерти Романовского Харузин еще месяц находился в Константинополе, но потом люди, замешанные с ним в преступлении, пожелали сплавить его с рук. Они устроили ему «командировку» в Анкару под предлогом установления связи с начавшимся там турецким национальным движением. Из «командировки» Харузин не вернулся, так как был убит по дороге.

В древнем Риме, разбирая преступления, прежде всего говорили: «Qui pzodest?» («Кому выгодно?»)

Большевикам убивать опального Романовского было ни к чему, их вполне устраивала грызня в лагере белых. Нетрудно догадаться, что это преступление было на руку лишь одному барону Врангелю.

Теперь у Врангеля остался один соперник – Слащов. Убить его было

трудно, генерала везде сопровождал верный ему конвой. Отправить же в отставку спасителя Крыма барону сразу не удалось.

Врангель писал о Слащове: «Хороший строевой офицер генерал Слащов, имея сборные случайные войска, отлично справляется со своей задачей. С горстью людей, среди общего развала, он отстоял Крым. Однако полная вне всякого контроля самостоятельность, сознание безнаказанности окончательно вскружили ему голову. Неуравновешенный от природы, слабохарактерный, легко поддающийся самой низкопробной лести, плохо разбирающийся в людях, к тому же подверженный болезненному пристрастию к наркотикам и вину, он в атмосфере общего развала окончательно запутался. Не довольствуясь уже ролью строевого начальника, он стремился влиять на общую политическую работу».^[154]

Про наркотики, а конкретно о потреблении кокаина, равно как и о различных чудачествах Слащова, Врангель будет писать и далее: «Слащов жил в своем вагоне на вокзале. В вагоне царил невероятный беспорядок. Стол, уставленный бутылками и закусками, на диванах – разбросанная одежда, карты, оружие. Среди этого беспорядка Слащов в фантастическом белом ментике, расшитом желтыми шнурами и отороченном мехом, окруженный всевозможными птицами. Тут были и журавль, и ворон, и ласточка, и скворец. Они прыгали по столу и дивану, вспархивали на плечи и на голову своего хозяина.

Я настоял на том, чтобы генерал Слащов дал осмотреть себя врачам. Последние определили сильнейшую форму неврастения, требующую самого серьезного лечения».^[155]

К большому сожалению, многие отечественные историки приняли мемуары Врангеля за святое писание и безоговорочно поверили в сильную наркотическую зависимость Слащова и в его сумасшествие. Определенную роль тут сыграла и пьеса М. Булгакова «Бег», где Слащов выведен под именем полусумасшедшего генерала Хлудова.

Вообще говоря, Слащов был столь неординарной и противоречивой личностью, что Михаил Булгаков в «Беге» не смог воплотить его в одном образе. Писатель сделал из него сразу двух героев – стратега генерала Хлудова и отчаянного рубаку генерала Чарноту, причем жена Слащова, числившаяся в армии как ординарец Нечволодов, стала у Булгакова Люськой, походной женой генерала Чарноты. Однако современная публика и даже театроведы, к сожалению, воспринимают Слащова лишь в образе генерала Хлудова, а генерал Чарнота стал каким-то собирательным образом белого генералитета.

Утверждая, что Слащов сумасшедший, барон нагло врал, стремясь очернить более талантливого соперника. Я не буду говорить, что различные чудачества свойственны великим полководцам, вспомним Суворова и Кутузова. Дело в другом: последующие поступки генерала Слащова говорят о его трезвом аналитическом уме. Осенью 1921 г. Слащов обратился к советскому правительству с просьбой разрешить ему вернуться на Родину. Он был амнистирован и назначен старшим преподавателем на курсах комсостава «Выстрел». В Москве он публикует несколько военно-исторических работ в военных журналах, пишет мемуары и монографию по вопросам военной стратегии. И все это делает законченный наркоман и неврастеник?!

Забавно, что в 1925 г. Слащова приглашают консультантом на съемки фильма «Врангель». Там он дебютировал и в качестве актера, играя самого себя.

11 января 1929 г. Слащов был убит евреем Колебергом, мстившим за брата, казненного по приказу генерала в 1920 г. В СМИ печатались различные инсинуации по поводу того, что убийство Якова Александровича было спецоперацией ОГПУ. Увы, это очередная «утка». Колеберг был осужден советским судом и действительно сидел, да и недавно раскрытые материалы этого дела не дают никаких оснований полагать, что к убийству причастны чекисты.

Итак, Врангель не смог сразу расправиться со Слащовым и даже попытался его задобрить, присвоив чин генерал-лейтенанта. Однако барон сделал все, чтобы Яков Александрович не мог влиять на политические дела в Крыму.

Весной 1920 г. власть Врангеля распространялась лишь на Крым. У барона было только два варианта дальнейших действий. Можно было по примеру 1918–1919 гг. создать независимую республику Крым и предложить мир большевикам. Советская республика располагала многочисленной Красной Армией и ресурсами большей части бывшей империи. Но у нее было много внутренних и внешних проблем. Врангель мог создать за полгода неприступную линию укреплений. Наконец, правительства стран Антанты уже убедились в полной неперспективности наступательных действий белых армий, но были крайне заинтересованы в создании небольших государств на окраинах бывшей Российской империи. Таким образом, у независимого Крыма были все шансы просуществовать хотя бы 10 лет.

Однако Врангель выбрал иной путь. Он в течение нескольких недель переформировал части Добровольческой армии, бежавшие в Крым, и

создал фактически новую армию. К началу июня 1920 г. она насчитывала до 32 тысяч штыков и 12 тысяч шашек, 1144 пулемета, 272 орудия, 14 бронепоездов, 16 автобронепоездов, один танковый и 11 авиаотрядов. (Сх. 25.)

Правительство стран Антанты оказало существенную помощь барону в восстановлении армии. Так, Англия предоставила ему заем на сумму 14,5 млн. фунтов стерлингов, Франция – на 150 млн. франков. Врангель получил значительное количество вооружения, боеприпасов и топлива. В числе прочего в Крым поставлялись вооружение и боеприпасы, захваченные немцами и турками у царской армии, а также германское вооружение.

В качестве «компенсации» за оказанную белым помощь интервенты вывезли с 1 февраля по 1 сентября 1920 г. с юга России 3 млн. пудов зерна, 830 тыс. пудов соли, 120 тыс. пудов льна, 120 тыс. пудов табака, 63 тыс. пудов шерсти и другие товары.

В итоге Врангель решил вновь вторгнуться на Кавказ и в южные районы Украины.

Врангель надеялся, что значительная часть советских войск будет направлена на польский фронт. Действительно, 25 апреля 1920 г. шесть польских армий начали массированное наступление по всему фронту от Литовской республики до границ Румынии. Маршал Пилсудский решил восстановить Речь Посполитую «от можа до можа», то есть от Балтики до Черного моря. В мае поляки взяли Киев и далеко отбросили советские войска.

Первый десант Врангель осуществил в Хорлах. Хорлы – небольшой приморский поселок с одной пристанью в мелководном заливе Черного моря, в 40 км к западу от Перекопа. В высадке приняли участие 1-й и 2-й Дроздовские полки с батареей четырех легких пушек, восемнадцатью верховыми лошадьми, радиостанцией, двумя автомобилями «Форд» и двумя мотоциклетами.

В Севастополе десант был погружен на транспорты «Цесаревич Георгий», «Веста», «Павел», «Россия», № 412 и на тральщик «Скиф».

Командовать десантом было приказано генерал-майору Витковскому. 2 апреля десант успешно высадился в тылу красных войск. Пройдя с боями более 60 км по красным тылам, дроздовцы разгромили всю инфраструктуру красных, готовившихся к атаке Перекопа.

Красное командование, сняв с Перекопа лучшие части, артиллерию и конницу, бросило их на дроздовцев. Окруженные со всех сторон многочисленным противником, дроздовцы медленно, но упорно

пробивались к Перекопу. Когда патроны подошли к концу, 1-й Дроздовский полк с оркестром впереди без единого выстрела пошел в психологическую атаку. Красные не выдержали и отступили. Это была последняя психологическая атака в Гражданской войне.

В ходе боев дроздовцы потеряли 575 человек убитыми и ранеными, причем ни один раненый не был брошен, некоторых выносили на руках. Из-за неразберихи в штабах белых, а может, и интриг Врангеля, части Крымского корпуса, подчиненные Слащову, ничего не знали о десанте. Они слышали оружейную стрельбу в тылу у красных, но не пришли на помощь дроздовцам. И когда дроздовцы вышли к Перекопу у деревни Преображенки, то лишь благодаря счастливой случайности они не были встречены огнем своих же орудий и пулеметов.

Одновременно с десантом дроздовцев в Хорлах 2 апреля 1920 г. в 8 часов утра в красном тылу у деревни Кирилловки на Азовском море был высажен десант под командованием капитана 1 ранга Н.Н. Машукова. Десантников доставили ледокол «Гайдамак», канонерка «Стража», две баржи и три буксирных парохода. Первым высадился отряд в 450 человек при одном орудии. В отряд входили 1-й Алексеевский и Самурский полки и сотня юнкеров Керченского Корниловского военного училища. Около сотни человек оставались на одной из барж, чтобы высадиться ближе к Геническу. Десантом командовал полковник М.А. Звягин.

Красноармейцы, занимавшие Кирилловку, сдались без боя. Соседнее селение Горелое также было занято белыми. Дальше десантники должны были дойти до Акимовки, разрушить там железную дорогу и через Геническ вернуться в Крым. А сводно-стрелковый полк под командованием полковника Г.К. Гравицкого, защищавший Арабатскую стрелку, должен был взять Геническ.

По железной дороге срочно были переброшены красные части – два конных полка Буденного, три латышских полка, один китайский полк, два полка из Геническа, несколько бронепоездов, артиллерийских батарей и сорок пулеметов, которые не дали белым десантникам выйти из прибрежной полосы. Десант, подойдя с тяжелыми боями к Геническу, узнал, что город в руках красных.

Десантники, теснимые со всех сторон красными, поддерживаемые огнем канонерских лодок «Терец», «Страж», «Георгий» и ледокола № 1, после кровопролитного боя вошли в Геническ. Два батальона сводно-стрелкового полка смогли сбить красные пулеметы, перешли мост и вошли в город с юга. Затем белые части вернулись в Крым. Из-за своей малочисленности десант не выполнил своей задачи, но зато выяснил

обстановку и возможности более крупного десанта.

Успех этих двух десантов и наступление поляков подвинули Врангеля к идее большого наступления в Северной Таврии. Причин для этого было много. На юге Украины барон хотел захватить продовольствие и лошадей, которых так не хватало в Крыму. Наконец, военные успехи и захват новых территорий должны были усилить поток помощи со стороны Антанты. Амбициозный барон 28 апреля (10 мая) отдал приказ переименовать остатки Добровольческой армии в Русскую армию. В конце мая Врангель решил начать большое наступление. Корпус генерала Слащова был снят с Перекопа, его там заменили части генерала Писарева.

21—23 мая (2—3 июля) корпус Слащова в порту Феодосия был погружен на транспортные суда. Всего погрузили 10 тысяч штыков и сабель, 2 тысячи лошадей, 50 полевых орудий, 2 броневика и 150 повозок обоза.

В состав отряда судов десанта вошли: вооруженные ледоколы № 1, «Гайдамак», «Всадник»; разведывательное судно «Мария»; канонерские лодки «Грозный», «Алтай», «Урал», «Страж»; транспорт «Россия»; десять пароходов; шесть буксирных катеров; девять барж и вооруженный буксир «Азовец» (бывший «Республиканец», захваченный у красных в Мариуполе 2 мая 1920 г.).

24 мая (5 июня) эскадра вышла из Феодосии и ночью прошла Керченский пролив в полутора километрах от Таманского берега. Однако красные не догадались или не сумели установить дальнобойные морские орудия на Таманском полуострове.

Высадка прошла с 25 по 28 июня (далее все даты по новому стилю) в чрезвычайно тяжелых условиях. На море был сильный шторм, шел дождь, сильный прибой переворачивал шлюпки, и войска высаживались по плечи в воду. При высадке погибли один вольноопределяющийся и две лошади.

Получив радиограмму об удачной высадке войск Слащова у Кирилловки, Врангель приказал начать наступление на перешейке. На рассвете 7 мая армия перешла на всем фронте в наступление. После короткой артиллерийской подготовки части генерала Писарева при поддержке танков и бронепоездов атаковали красных, а десант Слащова в это время занял деревни Ефремовку и Давыдовку и подходил к железной дороге. Красные отступили, почти не оказывая сопротивления. Геническ, станция Ново-Алексеевка и деревня Ново-Михайловка были заняты частями белого Сводного корпуса. Белые бронепоезда пошли на станцию Рыково. Красные части отходили на село Рождественское. Здесь белые взяли несколько сот пленных и два орудия.

В это время корпус Кутепова атаковал на перекопском участке главные силы советской 13-й армии. Танки и броневики двигались впереди белых цепей, прорывая проволочные заграждения. Красные отчаянно сопротивлялись, особой стойкостью отличались латышские части. Красные артиллеристы, установив орудия между домами в деревнях Преображенка и Первоконстантиновка, в упор расстреливали белые танки. Несколько танков было подбито, однако белая пехота овладела всей укрепленной позицией. По советским данным, только один 1-й легкий артиллерийский дивизион Латышской дивизии подбил два танка и четыре броневика. 7 июля наводчик 1-го орудия 2-й батареи 1-го легкого дивизиона 3-й стрелковой дивизии Константин Никулин прямой наводкой с расстояния 100 м подбил четвертой гранатой танк, носивший громкое название «Генерал Врангель».

Марковская дивизия^[156] выдвинулась на линию Первоконстантиновка – Спендиарово, а Корниловская дивизия – на линию Преображенка – Адамань. 2-я конная дивизия генерала Морозова начала преследование отступавших красных частей. Дроздовская и 1-я конная дивизии (пешая) оставались в резерве командира корпуса.

8 июня продолжались ожесточенные бои. Части Слацова к вечеру с боями вышли на железную дорогу между станциями Большой Устюг и Акимовка, при этом захватив несколько тысяч пленных из состава мелитопольского гарнизона. Белые бронепоезда выдвинулись к станции Сокологорное, где подбили красный бронепоезд.

Части сводного корпуса генерала Писарева продолжали наступать. Кубанская дивизия вышла на линию станция Юрицыно – село Рождественское, 3-я дивизия – на линию Отрада – Ново-Троицкое. В свою очередь, красная конная дивизия Блинова (до 2500 шашек), только что прибывшая с Кавказа, атаковала белых, охватывая фланг Сводного корпуса. Красные захватили деревню Ново-Михайловка, но к вечеру были выбиты оттуда противником. Дроздовская дивизия прочно заняла Первоконстантиновку. А красные части под прикрытием артиллерии отходили на Владимировку. С запада их преследовали дроздовцы, а с севера – 2-я конная дивизия генерала Морозова.

Около полудня дроздовцы захватили Владимировку. На участке между Владимировкой и Строгановкой красные были прижаты к Сивашу. После короткого боя и атаки белых аэропланов красные бросились врассыпную. Кто-то пытался спастись вплавь через Сиваш, но их расстреливали шрапнелью батареи белых. Переплывших же на южный берег задерживали белые сторожевые посты. Большая часть красных сдалась. Белые захватили

около полутора тысяч пленных, пять орудий и три броневика. У Спендиарово марковцы и корниловцы отбили в течение дня все атаки красных.

За два дня боев 1-й корпус белых захватил 3500 пленных, 25 орудий и шесть броневиков, но и в корпусе были значительные потери, особенно в офицерском составе. В 1-м Дроздовском полку все батальонные и ротные командиры были убиты или ранены.

В ночь с 8 на 9 июня красная дивизия Блинова, используя растянутое положение 3-й конной дивизии белых, лихим налетом заняла деревню Отрада и прорвалась в Ново-Михайловку, где захватила весь штаб 3-й конной дивизии во главе с начальником дивизии генералом Ревизиным.

К вечеру 9 июня части Слащова заняли Мелитополь. А части Сводного корпуса медленно продвигались вперед. Части 1-го армейского корпуса вышли на линию Аскания-Нова – Чаплинка – Колончак и продолжали преследовать красных. В Чаплинке белые захватили брошенные красными баллоны с удушливыми газами, а также лабораторию для производства газов и батарею газометов.

Конница генерала Морозова, разгромив красных под Строгановкой, 8 июня была переброшена на Чаплинку. К вечеру 9 июня генерал Морозов был уже в хуторе Бальтазаровском.

10 июля части Слащова заняли станцию Мелитополь и продолжали удерживать город.

Как видим, наступление белых было тактически удачно, но в стратегии барон был явно не силен. Как писал Слащов: «Таким образом, армия Врангеля, не имея достаточно ресурсов для пополнения, веерообразно расходилась по Северной Таврии в убеждении, что потери есть доказательство доблестного и заслуживающего награды боя.

Чего хотел достигнуть Врангель своим веерообразным расположением, какова была основная идея плана его операции, я понять не могу. Расположение войск веером одинаково не годилось ни для наступления, ни для обороны, ни для давления на противника с целью заключения мира.

На правом берегу Днепра происходит восстание кулаков, для подавления которого красным приходилось выделять войска. Восставшие целыми рядами занимали днепровские плавни и просили у Врангеля помощи.

Врангель ее не дал – чем он руководствовался? Остается предположить, что он начал какие-то секретные переговоры с поляками

или получил от своих хозяев-французов директиву не вступать в назначенную полякам Украину».^[157]

В результате белого наступления армия Врангеля ввязалась в тяжелые и совершенно бесперспективные бои в нижнем течении Днепра.

В июле 1920 г. Врангель попытался открыть еще один фронт против красных, высадившись на Кубани и желая поднять восстание кубанского казачества.

В Керчи и Феодосии в конце июля 1920 г. были сосредоточены основные силы десанта – 3400 штыков, 1100 сабель, 133 пулемета, 26 полевых пушек, несколько броневинов и восемь аэропланов. Эти силы были перевезены на тринадцати транспортах и шести десантных баржах при семи буксирах. Их прикрывали военные корабли Азовского отряда: канонерские лодки «Алтай», «Урал», «Салгир», «Страж» и «Грозный», а также вооруженные ледоколы «Гайдамак» и «Джигит».

В ночь с 12 на 13 августа десант вышел в море. На рассвете 14 августа авангард высадился на Ясенской косе в 14 км от станицы Приморско-Ахтарской. Береговые батареи красных были уничтожены дальнобойными орудиями белых судов, и десант высадился без потерь. Станица Ахтарская была взята авангардом, и там произошла высадка основных частей белых с лошадьми, орудиями и всей материальной частью.

Белая конная дивизия генерала Бабиева^[158] быстро продвигалась вперед, захватив станицы Тимашевскую, Поповичевскую и Брюховецкую. До Екатеринодара оставалось не более сорока верст. Но, несмотря на блестящие победы генералов Бабиева и Улагая,^[159] наступление белых захлебнулось. Красные спешно перебросили крупные силы и атаковали десант со всех сторон. Не оправдались надежды Врангеля и на всеобщее восстание казаков.

К 31 августа Врангель решил эвакуировать десант. В течение девяти дней производилась погрузка и вывоз в Крым всех частей, складов и беженцев. Несмотря на большие потери, десант увеличился на 10 тысяч человек. Это были кубанские казаки-добровольцы.

При эвакуации десанта на минах подорвались миноносец «Звонкий», канонерка «Алтай» и транспорт «Волга», однако все три судна удалось удержать на плаву.

4 августа генерал Слащов, возмущенный придирками Врангеля, подал в отставку. Барон отставку принял, но пытался «позолотить пилюлю», добавив в особом приказе к фамилии Слащова приставку «Крымский» по аналогии с Румянцевым-Задунайским, Потемкиным-Таврическим и др.

Врангель предложил Слащову поехать полечиться в Европу, и тому ничего не оставалось, как отправиться на отдых, но не в Европу, а в Ливадию.

Немецкий барон – борец «за единую и неделимую» летом и осенью 1920 г. отчаянно пытался найти себе союзников. Он послал несколько эмиссаров к Махно, но батька повел себя уклончиво, а позже встал на сторону красных. Более успешными стали переговоры с украинскими националистами. Так, в конце августа 1920 г. в Севастополь прибыла делегация от одного из крупнейших украинских повстанческих отрядов генерала М. Омеляновича-Павленко. А в конце сентября в Крым явилась делегация заграничного Украинского Национального Комитета в составе председателя С.К. Маркотуна, генерального секретаря Б.В. Цитовича и члена комитета П.М. Могилянского. Организация эта была создана в Париже в 1919 г., а ее отделения действовали в США, Константинополе и в некоторых славянских странах.

Велись Врангелем переговоры и с правительством Пилсудского. В Севастополь из Варшавы прибыл князь В.С. Любомирский. Князь заявил севастопольским журналистам: «Руководящие польские круги чрезвычайно сочувственно относятся к заключению союза с генералом Врангелем. Я убежден, что этот союз будет заключен в самом ближайшем будущем».

Однако 12 октября 1920 г. Советская Россия и Польша подписали перемирие. Теперь у Красной Армии в Европейской части страны остался один враг – Врангель.

Решающее сражение в Северной Таврии произошло в августе—октябре на левом берегу Днепра в районе села Большая Каховка. Каховский плацдарм был захвачен красными 7 августа. Белые предприняли серию контратак, чтобы сбросить противника в Днепр. Подробное описание этих боев выходит за рамки работы. Я же остановлюсь на отдельном эпизоде – борьбе с танками. В боях за Каховский плацдарм обе стороны использовали по 15 бронеавтомобилей, но у врангелевцев, кроме того, имелось еще 12 танков.

14 октября на рассвете 2-й корпус генерала В.К. Витковского перешел в наступление по всему фронту. В первом эшелоне двигалось 12 танков, за которыми шли пехота и пулеметчики. Фланги наступавших обеспечивались бронеавтомобилями. Наступление белых поддерживалось огнем 70 орудий и 10–12 самолетами.

В связи с комбинированной атакой белых красные не могли сосредоточить весь огонь артиллерии по танкам. Поэтому борьбу с танками вели только заблаговременно выделенные для этой цели отдельные орудия и взводы, которые своим огнем подбили три танка, прорвавшиеся через

первую линию обороны. Остальная артиллерия сосредоточила свой огонь по бронеавтомобилям и наступавшей пехоте.

Часть танков белых проникла в тыл основной оборонительной линии красных до расположения штабов полков и полковых резервов. Против этих танков командование выделило маневренные взводы и батареи, которые к 11 часам утра 14 октября подбили шесть танков.

Командир 10-го легкого артиллерийского дивизиона Орлов находился со своим штабом у хутора, когда поблизости появился танк «Ермак». Орлов приказал командиру 1-й батареи Опасову выдвинуть четыре орудия батареи ближе к танку и, когда он пройдет хутор, открыть огонь. Батарея выполнила маневр и дала залп. Танк развернулся и устремился на батарею. Последующими выстрелами у него была разбита гусеница, и он свалился в яму. Однако когда пехота 1-го полка огневой бригады попыталась его захватить, экипаж танка пулеметным огнем и гранатами отразил атаку. Тогда Орлов приказал командиру батареи выдвинуть одно орудие на расстояние ста шагов от танка и открыть по нему огонь. Благодаря меткой наводке командира огневого взвода Дубровина танк был разбит.

Командир кинжального взвода 2-й батареи 10-го легкого артиллерийского дивизиона Нестеров подбил танк «Скобелев». Стрельба велась с дистанции 300 м.

Командир 3-го легкого артиллерийского дивизиона 51-й дивизии Л.А. Говоров (впоследствии – участник Великой Отечественной войны, Маршал Советского Союза), дважды раненный, продолжал управлять огнем артиллерии Тернинского сектора до тех пор, пока артиллерия сектора не подбила прорвавшиеся танки противника – «Кутузов», «За Русь святую» и два безымянных.

В бою с этими танками отличился командир 1-й батареи 3-го дивизиона С.А. Крюков, который под сильным пулеметным огнем противника подбил танк «За Русь святую». Этот танк на другой день был исправлен, переименован в «Москвич-Пролетарский» и успешно использован в боях против белых.

15 октября красные перешли в решительное наступление. 30 октября был взят Мелитополь, белые с трудом ушли за Перекоп, потеряв в боях за Северную Таврию не менее 40 процентов своего личного состава.

Глава 11

«Великий исход»

Итак, Врангель с непостижимым упорством пытался вырваться из Крыма и начать поход на Москву. Что же касается укрепления позиций на перешейке, то тут работы шли спустя рукава. Врангель, осмотрев 30 октября 1920 г. Перекопские позиции, самодовольно заявил находившимся при нем иностранным представителям: «Многое сделано, многое предстоит еще сделать, но Крым и ныне уже для врага неприступен».

Увы, барон выдавал желаемое за действительное. Постройкой укреплений на Перекоп-Сивашской позиции руководил генерал Я.Д. Юзефович. Потом его сменил генерал Макеев, который был начальником работ по укреплению Перекопского перешейка. Еще в июле 1920 г. Макеев в рапорте на имя помощника Врангеля генерала П.Н. Шатилова докладывал, что чуть ли не все капитальные работы по укреплению Перекопа производятся в основном на бумаге, поскольку стройматериалы поступают «в аптекарских дозах». Ни землянок, ни блиндажей, где могли бы укрываться войска в осенне-зимний период, на перешейке практически не было.

Руководитель французской военной миссии генерал А. Бруссо, с 6 по 11 ноября осмотревший Чонгарские укрепления, в докладе военному министру Франции писал: «...программа позволила мне посетить расположение казачьей дивизии в Таганаше и трех батарей, расположенных у железнодорожного моста через Сиваш. Это следующие батареи:

- два 10-дюймовых орудия к востоку от железной дороги;
- два полевых орудия старого образца на самом берегу Сиваша;
- орудия калибром 152 мм Кане, немного позади от предыдущих.

Эти батареи показались мне очень хорошо обустроенными, но мало соответствующими, за исключением полевых орудий, роли, которую войска должны были сыграть в предстоящих боях. Батарея 10-дюймовок располагала бетонированными укрытиями и насчитывала не менее 15 офицеров среди личного состава. Ее огонь был хорошо подготовлен и мог бы достойно вписаться во всю организацию артиллерийского огня, в которой оборона позиций с близкой дистанции осуществлялась бы полевыми орудиями. Но именно этих орудий и не хватало! Так же слабо была организована огневая поддержка пехоты. На берегу Сиваша, вблизи

от каменной насыпи железной дороги, находилось примерно до роты личного состава; ближайшие воинские подразделения располагались в пяти верстах оттуда, в Таганаше. На сделанное мною замечание мне ответили, что недостаток оборудованных позиций вынудил отвести войска в места, где они могут получить укрытие от холода.

Следует согласиться, что температура оставалась очень низкой в начале декабря, что солдаты были очень плохо одеты, что не хватало дров в этом районе.

Рельеф местности в остальном облегчал оборону, несмотря на плохое расположение войск. С этой точки зрения Крым сообщается с континентом только посредством плотины и железнодорожного моста (мост взорван). Конечно, через Сиваш имеются броды, однако берег представляет собой глинистую гору с вершинами высотой от 10 до 20 метров, абсолютно непреодолимую.

В дивизии, которую я видел в Таганаше, не царила уверенность в победе. Главнокомандующий сказал мне, что казаки не годились для этой позиционной войны и что их лучше отвести в тыл и реорганизовать в более серьезные подразделения. Личный состав дивизии имел столько же бойцов в тылу, сколько и на переднем крае.

Тем временем я пересек три линии обороны, оборудованные в тылу Сиваша; первые две из них представляли собой ничтожную сеть укреплений, третья линия была немного более серьезной, но все они были расположены в одну линию, без фланговых позиций, на склонах, обращенных к противнику, или на самом гребне холма, слишком близко одна от другой (от 500 до 800 м) и не имели никаких окопов в глубине».

Советские военные историки значительно преувеличили мощь укреплений противника. Тем не менее я думаю, стоит привести и их мнение. Тем более что вопрос о возможностях обороны на перешейке очень важен, и не столько для Гражданской, сколько для Великой Отечественной войны.

«Основная линия обороны Перекопских позиций была создана на искусственно насыпанном старинном турецком валу, имевшем ширину у основания свыше 15 м и высоту 8 м и пересекавшем перешеек с юго-запада на северо-восток. Протяженность вала достигала 11 км. На валу были оборудованы прочные убежища, окопы, пулеметные гнезда, а также огневые позиции легких орудий для стрельбы прямой наводкой. Перед валом находился ров шириной 20–30 м и глубиной 10 м. На всем протяжении перед укрепленной позицией было установлено проволочное заграждение в 5–6 рядов кольев. Все подступы к проволочным

заграждениям и рву фланкировались пулеметным огнем.

Вторая линия укреплений на Перекопском перешейке проходила северо-западнее Ишуны, в 20–25 км юго-восточнее и южнее Турецкого вала. На этой позиции было построено 4–6 линий окопов с проволочными заграждениями и долговременными оборонительными сооружениями.

За Ишуньскими позициями располагалась дальнобойная артиллерия противника, способная держать под огнем всю глубину обороны. Плотность артиллерии на Перекопских позициях составляла 6–7 орудий на 1 км фронта. На Ишуньских позициях имелось около 170 орудий, которые усиливались огнем артиллерии 20 судов с моря.

Позиции Литовского полуострова полностью постройкой закончены не были. Они состояли из окопов и на отдельных участках имели проволочные заграждения.

Чонгарские укрепления были еще более неприступными, так как сам Чонгарский полуостров соединяется с Крымом узкой дамбой шириной в несколько метров, а Сивашский железнодорожный и Чонгарский шоссейный мосты были разрушены белыми.

На Таганашском полуострове противник создал две укрепленные полосы, а на Тюп-Джанкойском – шесть укрепленных рубежей. Все укрепленные рубежи состояли из системы окопов (на ряде участков, соединенных в сплошные траншеи), пулеметных гнезд и блиндажей для укрытия живой силы. На всех участках были построены проволочные заграждения. На Арабатской стрелке противник подготовил шесть укрепленных рубежей, пересекавших стрелку по фронту. Чонгарский перешеек и Арабатская стрелка имели незначительную ширину, что затрудняло маневр наступающих войск и создавало преимущества для оборонявшихся. Чонгарские позиции были усилены большим количеством артиллерии, бронепоездами и другой техникой». [\[160\]](#)

Действительно, белые бронепоезда сыграли важную роль в обороне Крыма. К 1914 г. в Крым вела только одна железнодорожная линия Сальково – Джанкой, проходившая через Чонгарский полуостров и Сиваш. В 1916 г. была введена в строй линия Сарабуз – Евпатория. А в 1920 г. белые достроили ветку Джанкой – Армянск, чтобы иметь возможность доставлять технику и войска к Перекопу. Понятно, что этого было мало. Следовало построить несколько рокадных железных дорог вблизи перешейка для переброски войск и действий бронепоездов.

Сколько точно имелось орудий на Перекопско-Сивашской позиции, данных нет ни в исторической литературе, не удалось мне найти их и в архивах. Правда, я нашел дело о снятии тяжелых орудий белых с

Перекопских позиций в конце 1924 г. Там речь шла о трех 203-мм английских гаубицах МК VI, восьми 152/45-мм пушках Кане, двух 152-мм крепостных пушках в 190 пудов^[161] и четырех 127-мм английских пушках.

Тем не менее в Севастополе имелись еще десятки крепостных и морских пушек и мортир калибра 305, 280, 254, 203, 152, 120 и 102 мм. Был и огромный запас снарядов. Сколько ни грабили немцы, а затем союзники, запасы Черноморского флота и Севастопольской крепости к 1917 г. были огромны.

В Крыму был мощный Севморзавод и несколько других металлообрабатывающих заводов, которые без проблем могли изготовить любое количество металлических устройств и элементов конструкций для фортификационных сооружений перешейка. На складах Черноморского флота имелись сотни тонн броневой стали, в батареях Севастопольской крепости были в большом количестве основания для орудий, броневые двери и прочее оборудование для мощных фортов. Но, увы, все это так и осталось невостребованным, хотя у Врангеля был почти год для обустройства Перекопских позиций.

Наконец, у белых был сравнительно сильный флот, а у красных флота не было, за исключением нескольких мобилизованных гражданских судов, составлявших Азовскую флотилию. Еще в январе 1920 г. два болиндера, вооруженные 152/45-мм пушками Кане, держали под обстрелом части красных впереди Ишуньских позиций.

В ходе наступления красных в ноябре 1920 г. в Каргинитский залив был введен отряд белых судов, но их было крайне мало.

Прочитую мнение красного военмора А.А. Соболева: «...если бы перешейки перекрывались огнем флота (что было бы, если бы белые располагали „Erebus’ами“), Крымский полуостров никогда бы не мог быть взят армией».^[162]

Соболев абсолютно прав. Тяжелая артиллерия могла сделать Крым неприступной крепостью. Но обязательно ли нужны были тут мониторы «Эребусы» с их 381-мм пушками? Вполне достаточно было собрать десятка два-три больших барж, тех же болиндеров,^[163] эльпидифоров,^[164] поставить на них 203-мм и 152-мм морские орудия, до предела разгрузить, сняв двигатели у самоходных барж, «дельные вещи», припасы и т. д., вплоть до тел орудий. К баржам подвести понтоны, которых в Севастополе было достаточно, довести осадку баржи до 0,5–0,8 м и с помощью катеров толкать их до предела к берегу в районе Ишуни и Перекопа. При такой осадке они, несмотря на мелководье, могли бы подойти к берегу на

расстояние до нескольких десятков метров. Далее понтоны убирались, и баржа садилась на дно. Затем устанавливались тела орудий, доставлялись боеприпасы и т. д. Одновременно вокруг баржи устанавливались каменные кладки, а вокруг орудий ставились броневые барбетты. Это долго описывать, но сделать можно было очень быстро, а все необходимое в избытке имелось в Севастополе.

Кстати, в одном случае белые так и поступили. В ноябре 1920 г. у мыса Еникале в Керченском проливе был посажен на грунт в 1200 м от берега броненосец «Ростислав», вооруженный четырьмя 254/45-мм и восемью 152/45-мм пушками.

Были у Врангеля и людские резервы. Сколько тысяч «бывших» сбежали в Крым, спасаясь от большевиков! Вспомним хотя бы булгаковский «Бег». Они ели, пили, интриговали и всячески мешали военным. Почему Врангель не приказал им взять в руки оружие или по крайней мере лопаты? Приват-доцента Голубкова, как человека образованного, поставить к дальномеру на батарее 6-дюймовых пушек Кане, а господину Корзухину с женой вместо «пушного товара» – в руки по лопате и на Перекоп на рытье окопов.

Сейчас СМИ называют беженцев в Крыму элитой русского общества, лучшими его представителями. Но вот вопрос: почему эта элита не пожелала не то что кровь проливать, а просто немного попотеть – жирок сбросить на Перекопских позициях? Издавна гражданское население Руси принимало участие в обороне городов, и в 1941 г. большая часть горожан вышли рыть окопы и противотанковые рвы на подступах к Москве и Ленинграду.

Но тут «образованная часть общества» и дородное купечество не пожелали спасать ни «Русь святую», ни самих себя. Менталитет не тот: пойти господам в Париже и Стамбуле в таксисты и половые в кабаках, а дамам – на панель? Да запросто! Но лопату в руки... Фи!

А Врангель и К° ни войска, ни элиту, ни местных жителей и не собирались привлекать. А ведь почти за год можно было создать систему укреплений почище, чем линии Мажино и Маннергейма.

Почему же это не было сделано? Именно из-за косности мышления русских генералов и адмиралов.

Шашки наголо! Кавалерийская лава, вперед! Пехота с музыкой на пулеметы – шагом марш! Вот это по-нашему! А формировать крепостные дивизии, строить теплые подземные казармы для личного состава... Такой глупостью наши господа офицеры свои головы забивать не изволили.

Я уж не говорю о том, что Врангель и не собирался драться за Крым, а

все внимание отдал подготовке к эвакуации.

Командующий Южным фронтом М.В. Фрунзе сосредоточил у перешейка 146 тысяч штыков, 40 тысяч сабель, 985 орудий, 57 бронеавтомобилей, 17 бронепоездов и 45 самолетов. У Врангеля, соответственно, было около 23 тысяч штыков, 12 тысяч сабель, 213 орудий, 45 танков и бронеавтомобилей, 14 бронепоездов и 42 самолета. Как видим, превосходство у красных было многократное. Но тяжелых орудий у красных практически не было, если не считать бронепоездов. Кроме того, не учтены морские силы, которых у красных попросту не было, если не считать нескольких вооруженных шаланд на Азовском море.

В ночь на 8 ноября в сложных погодных условиях – при сильном ветре и морозе в 11–12 градусов – ударная группа 6-й армии (153-я, 52-я и 15-я стрелковые дивизии) форсировала семикилометровую водную преграду – Сиваш. Днем 8 ноября 51-я дивизия, атаковавшая в лоб Турецкий вал, была отброшена с большими потерями.

На следующий день красные возобновили штурм Турецкого вала, и одновременно ударная группа 6-й армии овладела Литовским полуостровом. Оборона белых была окончательно прорвана.

В боях за Крым я хотел особо остановиться на действиях флота и бронепоездов. В Карпинитский залив был введен 3-й отряд Черноморского флота. В состав отряда входили: минный заградитель «Буг», на котором держал флаг командир отряда капитан 2 ранга В.В. Вилкен, канонерская лодка «Альма», посыльное судно «Атаман Каледин» (бывший буксир «Горгипия») и четыре плавбатареи.

Плавбатареи (бывшие баржи), вооруженные пятью 130—152-мм орудиями, заняли позиции у Кара-Казака для поддержки войск на Ишуньских позициях. Уже при первой попытке красных прорваться в Крым плавбатарея Б-4 своим беглым огнем способствовала отражению их атак. В ночь на 8 ноября 1920 г. красные части переправились через Сиваш и подошли к Ишуньским позициям. 9 и 10 ноября плавбатареи и канонерка «Альма», получая по телефону целеуказания и корректировку, вели интенсивный огонь по наступающему противнику. Передвижениям судов и отчасти стрельбе мешал северо-восточный шторм, а залив покрылся 12-сантиметровым слоем льда. Несмотря на неблагоприятные условия, огонь судов был действительным, и части красной 6-й армии несли потери от флангового обстрела из Карпинитского залива.

В ночь на 11 ноября Ишуньские позиции были оставлены белыми, но суда оставались на своих позициях и утром бомбардировали станцию Ишунь. Во второй половине дня 11 ноября отряд судов получил приказание

идти в Евпаторию, но из-за плотного льда плавбатарей уже не могли сняться со своих позиций.

На следующее утро, 12 ноября, отряд вошел в густой туман, и по ошибке в счислении в 9 ч. 40 мин. в четырех милях от Ак-Мечети минный заградитель «Буг» сел на мель. Стащить минзаг с мели с помощью буксиров не удалось, и в ночь на 13 ноября команда с него была снята, а само судно приведено в негодность.

Важную роль в борьбе за Крым сыграли бронепоезда. К октябрю 1920 г. красные у Перекопа имели 17 бронепоездов, но использовали лишь часть их. Бронепоезда курсировали в районе станции Сальково, благо мост через Сиваш был белыми взорван, а пути разобраны. Так что бронепоездам красных так и не удалось ворваться в Крым.

Тем не менее тяжелые бронепоезда красных оказали существенную поддержку частям, наступавшим на Чонгарском полуострове. Самым мощным бронепоездом красных был бронепоезд № 84, построенный в конце 1919 г. – начале 1920 г. в Сормово. В его состав входили две бронеплощадки с 203-мм корабельными пушками, созданные на базе 16-осной и 12-осной платформ. Активно действовал и бронепоезд № 4 «Коммунар», в составе которого было 4 бронеплощадки. На одной из них стояла 152-мм гаубица, а на других – по одной 107-мм пушке обр. 1910 г.

Гораздо активнее действовали белые бронепоезда. Легкий бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» (сформирован 27 июля 1919 г. в Екатеринодаре) с 12 по 26 октября 1920 г. находился на Ишуньской ветке (линия Джанкой – Армянск). Бронепоезд «Дмитрий Донской» прибыл 26 октября к Ишуньской позиции под командой полковника Подопригора и вел бой против наступавших красных совместно с частями Марковской и Дроздовской дивизий.

На рассвете 27 октября бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» отошел к Армянску, севернее Ишуни, уже занятому красными. Там он оказался среди наступающих частей красной кавалерии. Кавалеристы, поддержанные артиллерийским огнем и бронеавтомобилями, атаковали бронепоезд несколькими лавами и окружили его. Бронепоезд поражал наступавших артиллерийским и пулеметным огнем в упор. Красноармейцы несли большие потери, но не прекращали атак. Конный разъезд красных попытался взорвать железнодорожное полотно на пути отхода бронепоезда, но пулеметным огнем с бронепоезда был уничтожен. В это время «Святой Георгий Победоносец» попал под обстрел трехдюймовой советской батареи. В результате попадания снаряда был поврежден котел паровоза и контужены офицер и механик.

С затухающим паровозом бронепоезд медленно двигался назад, не прекращая боя с батареей и конницей красных. На северных стрелках разъезда подбитый паровоз затух. До наступления темноты бронепоезд, не имея возможности маневрировать, все-таки отбрасывал своим огнем нападавшего противника. Вечером подошел исправный паровоз и отвел боевой состав бронепоезда на станцию Ишунь.

Во время боя 27 октября на бронепоезде «Дмитрий Донской» было разбито головное орудие, ранен один офицер и убит один вольноопределяющийся.

28 октября бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» вышел на позицию с небронированным паровозом. Красные наступали большими силами, заняв две линии окопов и преследуя отступавшие белые части. Бронепоезд внезапно врезался в густые цепи красных и расстреливал их пулеметным и картечным огнем с дистанции до 50 шагов. Красные осыпали белый бронепоезд пулями и с небывалым упорством бросались на него в атаку, но, понеся огромные потери, начали отходить, а «Святой Георгий Победоносец» преследовал их. Это позволило пехоте белых перейти в контратаку.

Между тем продвинувшийся вперед бронепоезд был снова атакован свежими силами пехоты. Цепь красных залегла у железнодорожного полотна. На бронепоезде были ранены 4 солдата и механик и перебит единственный исправный на паровозе инжектор, в результате чего подача воды в котел прекратилась. Но бронепоезд все же отбросил своим огнем цепи красных, нанеся им большие потери. После прибытия белого бронееавтомобиля «Гундоровец» «Святому Георгию Победоносцу» удалось отойти с потухающим паровозом на станцию Ишунь.

Между тем командованию белых стало известно, что красные готовят вторжение в Крым других своих войск с северо-востока, вдоль главной линии железной дороги, проложенной по дамбе близ станции Сиваш. Тяжелый бронепоезд «Единая Россия» (новый, построенный в Крыму) находился 28 октября у Сивашского моста на участке 134-го пехотного Феодосийского полка и вел перестрелку с частями красных.

Легкий бронепоезд «Офицер» прибыл утром 28 октября на узловую станцию Джанкой. По приказанию начальника штаба 1-го корпуса он пошел оттуда на станцию Таганаш, примерно в 20 верстах от станции Джанкой, для участия в обороне Сивашских позиций.

29 октября в 9 часов утра «Офицер» вышел на Сивашскую дамбу в составе одной бронеплощадки с двумя 3-дюймовыми пушками, одной площадки с 75-мм пушкой и небронированного паровоза. Несмотря на

огонь стоявших в укрытии на противоположном берегу батарей красных, «Офицер» двинулся к мосту. Когда бронепоезд был в 320 м от моста, под его второй предохранительной площадкой взорвался фугас. Взрывом был вырван кусок рельса длиной около 60 см. По инерции через взорванное место прошли одна бронеплощадка и тендер паровоза. Остановившийся бронепоезд картечью и пулеметным огнем частью перебил, частью разогнал красных, находившихся у взорванного моста. Затем «Офицер» открыл огонь по позициям артиллерии красных, продолжавшей его обстреливать.

Несмотря на поврежденные пути, «Офицеру» удалось вернуться к своим окопам. Там он оставался до часу дня, маневрируя под огнем орудий противника. После этого по приказанию начальника группы бронепоездов полковника Лебедева «Офицер» отошел на станцию Таганаш.

В это время части красных прорвались по Чонгарскому полуострову и вели наступление с востока, в обход станции Таганаш. Бронепоезд «Офицер» обстреливал их колонны, наступавшие со стороны селения Абазкирк. Огнем белых бронепоездов (в том числе и тяжелого бронепоезда «Единая Россия»), а также позиционной и полевой артиллерии красные, атаковавшие большими силами, были к вечеру остановлены южнее селения Тюп-Джанкой. До темноты бронепоезд «Офицер» оставался на станции Таганаш.

Вечером 29 октября «Офицер» снова пошел на Сивашскую дамбу, но вскоре вернулся назад и встретился с бронепоездом «Единая Россия». Затем оба бронепоезда двинулись к дамбе. «Единая Россия» шел позади «Офицера» на расстоянии чуть более 200 м. Не доезжая метров 500 до линии передовых окопов белых, капитан Лабович остановил бронепоезд «Офицер», так как получил предупреждение от проходившего в это время по полотну железной дороги офицера Феодосийского полка, что красные, по-видимому, готовятся подорвать путь, так как были слышны удары кирки по рельсам. «Офицер» стал медленно отходить, чтобы обнаружить место подкопа.

Внезапно сзади раздался взрыв. Взрыв произошел под предохранительными площадками следовавшего сзади бронепоезда «Единая Россия». Две предохранительные площадки взлетели в воздух. «Единая Россия» был отброшен назад по рельсам на расстояние около полуверсты. В образовавшуюся от взрыва яму провалилась задняя площадка с 75-мм пушкой бронепоезда «Офицер», который не успел затормозить. «Офицер» остановился. Тогда при полной темноте красные открыли огонь из семи пулеметов, стоявших в основном с левой стороны

железнодорожного полотна.

Бронепоезд «Единая Россия» открыл ответный огонь. На бронепоезде «Офицер» два орудия не могли стрелять: задняя 75-мм пушка не могла стрелять из-за наклонного положения боевой площадки, провалившейся в яму, а у средней трехдюймовой пушки не было достаточного количества номеров расчета. Таким образом, «Офицер» открыл огонь только из одного головного трехдюймового орудия и всех пулеметов.

Через несколько минут красные, а это были бойцы 264-го полка 30-й дивизии, пошли в атаку на бронепоезда. С криками «ура» они стали забрасывать гранатами бронеплощадки «Офицера». Однако там команда уже бежала на бронепоезд «Единая Россия», который отправился в тыл на станцию Таганаш.

В тот же день, 29 октября, с 7 часов утра находившиеся на Ишуньской ветке бронепоезда «Дмитрий Донской» и «Святой Георгий Победоносец» вступили в бой с наступающими советскими частями и сдерживали продвижение противника со стороны Карповой Балки. Около полудня бронепоезд «Дмитрий Донской» был подбит. Его бронеплощадки получили настолько серьезные повреждения, что бронепоезд не мог продолжать бой и отошел в сторону узловой станции Джанкой.

Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» остался один. Однако ему удалось сдерживать наступление частей красных до тех пор, пока отступавшие войска белых не вышли на большую Симферопольскую дорогу. Затем «Святой Георгий Победоносец» отошел на станцию Ишунь и оттуда отражал атаки красной конницы, которая пыталась начать преследование белых частей.

При отходе бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» сошла с рельсов одна его предохранительная площадка. Поздно вечером примерно в двух верстах от узловой станции Джанкой произошло столкновение составов бронепоездов «Святой Георгий Победоносец» и «Дмитрий Донской». Бронеплощадки при этом не пострадали, а сошли с рельсов лишь вагон резерва бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и три вагона-мастерских, которые были прицеплены к бронепоезду «Дмитрий Донской».

Видимо, в ту же ночь бронепоезд «Иоанн Калита»^[165] прошел через станцию Джанкой на Керчь, имея задачей прикрывать отход в сторону Керчи частей Донского корпуса.

Утром 30 октября бронепоезд «Святой Георгий Победоносец», присоединив к себе одну боевую площадку бронепоезда «Единая Россия», двинулся вместе с резервом со станции Джанкой в сторону Симферополя.

Примерно в 5 верстах к югу от Джанкоя состав резерва бронепоезда был брошен, так как оказалось, что его паровоз не успел получить снабжения.

Бронепоезд «Единая Россия» оставил станцию Таганаш последним. Когда «Единая Россия» подошел к станции Джанкой, ему пришлось остановиться и ждать починки поврежденного пути. «Единая Россия» двинулся дальше, когда уже часть города Джанкой была занята красными. На разъезде к югу от станции Джанкой бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия» соединились и пошли дальше соединенным составом.

Около 2 часов дня 30 октября бронепоезда подошли к станции Курман-Кемельчи, что в 25 верстах к югу от станции Джанкой. В это время неожиданно появилась красная конница, которая шла со стороны Ишуньских позиций в обход отступающих войск белых. Соединенные белые бронепоезда открыли огонь по наступавшей коннице, отбросили ее и дали возможность частям белых в порядке отходить дальше.

При дальнейшем движении к Симферополю соединенным бронепоездам белых преградило путь препятствие из наваленных на рельсы камней и шпал. По бронепоездам открыла огонь четырехорудийная батарея красных, а их конница находилась в тысяче шагов от железнодорожного пути.

Красные кавалеристы двинулись в атаку на белые бронепоезда, но были отброшены с большими потерями. При дальнейшем отходе командам белых бронепоездов приходилось несколько раз расчищать путь от шпал и камней, которые красные успевали набрасывать, чтобы вызвать крушение. К ночи на станцию Симферополь прибыли бронепоезд «Дмитрий Донской» и состав резерва бронепоезда «Офицер». Позднее в Симферополь пришли соединенные бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия».

В 11 часов 31 октября бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» отошел со станции Симферополь последним. По прибытии на станцию Бахчисарай был спущен на ее северных стрелках паровоз. Затем по приказанию командующего 1-й армией генерала Кутепова был взорван железнодорожный мост через реку Альму и сожжен мост на шоссе. Ночью было получено приказание отходить в Севастополь для погрузки на суда.

На рассвете 31 октября бронепоезд «Дмитрий Донской» и состав резерва бронепоезда «Офицер» подошли к станции Севастополь и остановились близ первых пристаней. Дальше двигаться было нельзя, так как на повороте сошла с рельсов боевая площадка «Дмитрия Донского» и требовалась починка пути.

Между тем были получены сведения, что у соседней пристани уже производится погрузка войск на пароход «Саратов». На этот пароход была принята команда бронепоезда «Грозный», которая перед посадкой привела в негодность только что полученные из ремонта орудия и сбросила в море замки.

Около 9 часов утра 1 ноября бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия» дошли до Севастополя, в район Киленбухты. По пути была испорчена материальная часть на бронеплощадках. Около 10 часов было произведено крушение для того, чтобы составы бронепоездов не достались в целом виде красным. Боевые составы бронепоездов «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия» были пущены возможно быстрым ходом навстречу друг другу.

Команда бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» с шестью пулеметами погрузилась на пароход «Бештау». Команда бронепоезда «Единая Россия», прибывшая на боевой части, была также погружена на пароход «Бештау». Часть команды, находившаяся в составе резерва, погрузили раньше на пароход «Херсон».

Тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита» прибыл 1 ноября в Керчь, прикрывая шедшую в арьергарде Донского корпуса бригаду под командой генерала Фицхелаурова. Так как не было разрешено взорвать боевой состав бронепоезда, то его матчасть была приведена в негодность без взрыва. В ночь на 2 ноября команда бронепоезда «Иоанн Калита» была погружена на плавсредство «Маяк номер 5-й».

Бронепоезд «Дмитрий Донской» прибыл 2 ноября в Керчь, где уже находился легкий бронепоезд «Волк». Команды этих двух бронепоездов сняли замки с орудий и испортили матчасть на боевых площадках, после чего погрузились на суда.

11 ноября в Севастополь из Константинополя прибыл французский тяжелый крейсер «Вальдек Руссо» (водоизмещением 14 тыс. тонн, вооруженный четырнадцатью 194/50-мм орудиями) в сопровождении эсминца «Алжирец». На его борту находился временно командующий французской Средиземноморской эскадрой адмирал Дюменил. В ходе переговоров с французским адмиралом Врангель предложил передать Франции весь военный и коммерческий флот Черного моря в обмен на содействие в эвакуации белой армии. Сам барон позже писал: «Мы беседовали около двух часов, итоги нашей беседы были изложены в письме адмирала ко мне от 29 октября (11 ноября): "...Ваше Превосходительство, в случае если Франция не обеспечит перевозку армии на соединение с армией русско-польского фронта, в каком случае армия была бы готова

продолжать борьбу на этом театре, полагаете, что ваши войска прекратят играть роль воинской силы. Вы просите для них, как и для всех гражданских беженцев, помощи со стороны Франции, так как продовольствия, взятого с собой из Крыма, хватит лишь на десяток дней, громадное же большинство беженцев окажется без всяких средств к существованию.

Актив крымского правительства, могущий быть употребленным на расходы по эвакуации беженцев, их содержание и последующее устройство, составляет боевая эскадра и коммерческий флот.

На них не лежит никаких обязательств финансового характера, и Ваше Превосходительство предлагаете немедленно передать их Франции в залог»». [\[166\]](#)

Да простит меня читатель за столь длинную цитату, но, увы, наши демократы всячески замалчивают продажу русского военного и транспортного флота Франции. Вот забавный случай: в школе подмосковного города Королева старшеклассник на уроке истории ляпнул о продаже флота. Молодая учительница возмутилась: «Врангель не мог этого сделать!» «Почему?» Последовала небольшая пауза, а затем историчка менее уверенно сказала: «Врангель был народный герой». Ну что ж, барон фон Врангель – русский народный герой!

Послушаем дальше «народного героя»: «Я отдал директиву: войскам приказывалось, оторвавшись от противника, идти к портам для погрузки, 1-му и 2-му армейским корпусам – на Евпаторию; Севастополь, конному корпусу генерала Барбовича – на Ялту; кубанцам генерала Фостикова – на Феодосию; донцам и Терско-Астраханской бригаде во главе с генералом Абрамовым – на Керчь. Тяжести оставить. Пехоту посадить на повозки, коннице прикрывать отход». [\[167\]](#)

14 ноября 1920 г. в 14 ч. 50 мин. барон Врангель поднялся на борт крейсера «Генерал Корнилов». Крейсер поднял якоря и покинул Севастопольскую бухту. На борту крейсера находились штаб Главнокомандующего, штаб командующего флотом, особая часть штаба флота, Государственный банк, семьи офицеров и команды крейсера и пассажиры, всего 500 человек.

Порты Крыма покинула целая армада кораблей: один дредноут, один старый броненосец, два крейсера, десять эсминцев, четыре подводные лодки, двенадцать тральщиков, 119 транспортов и вспомогательных судов. На них были вывезены 145 693 человека (не считая судовых команд), из которых 116 758 человек были военными и 28 935 – гражданскими. [\[168\]](#)

По данным же специальной секретной сводки разведывательного отдела штаба французской Восточно-Средиземноморской эскадры от 20 ноября 1920 г., «прибыло 111 500 эвакуированных, из которых 25 200 – гражданских лиц и 86 300 – военнослужащих, среди которых 5500 – раненых; ожидается только прибытие из Керчи кораблей, которые, как говорят, должны доставить еще 40 000 беженцев». ^[169]

В ходе эвакуации пропал без вести эсминец «Живой», на котором погибло 257 человек, в основном офицеров Донского полка.

Команда тральщика «Язон», шедшего на буксире транспорта «Эльпидифор», ночью обрубил буксирный канат и увела судно к красным в Севастополь.

Любопытно, что мирное население эвакуировалось даже на подводных лодках. Так, с подводной лодки «Утка» в Севастополе перед отходом в Константинополь ушли 12 матросов, зато были приняты 17 женщин и двое детей.

По прибытии в Константинополь Врангель решил не расформировывать свою армию, а разместить ее за рубежом, по возможности поддерживая ее боевую готовность. Наиболее боеспособные части, входившие в 1-й армейский корпус (25 596 человек), были размещены на Галлиполийском полуострове в 50 км к западу от Константинополя в районе Чаталджи. Другие части были размещены на острове Лемнос, в Сербии и Болгарии.

21 ноября 1921 г. Черноморский флот был реорганизован в Русскую эскадру. Подавляющее же большинство коммерческих судов и вспомогательных судов Черноморского флота (131 вымпел!) Врангель оперативно продал частным владельцам. Тема о том, как нажились на продаже судов французские адмиралы и белые вожди, еще ждет своих исследователей. Боевые же русские корабли абсолютно не интересовали французов, которые были заняты послевоенным сокращением собственного флота. Поэтому французы позволили Врангелю сохранить боевые корабли и даже выделили стоянку для Русской эскадры – военноморскую базу в Бизерте (современный Тунис).

В Бизерту прибыли 33 вымпела: линкоры «Генерал Алексеев» и «Георгий Победоносец»; крейсера «Генерал Корнилов» и «Алмаз»; эсминцы «Беспокойный», «Гневный», «Дерзкий», «Пылкий», «Поспешный», «Цериго», «Зоркий», «Капитан Сакен», «Звонкий», «Жаркий»; подводные лодки «Буревестник», «Утка», «Тюлень», АГ-22; канонерские лодки «Страж», «Всадник», «Джигит», «Грозный», «Гайдамак»; тральщик «Китобой»; посыльное судно «Якут»; транспорты

«Дон», «Добыча»; буксир «Голланд»; ледокол «Илья Муромец»; учебная парусная баркентина «Моряк»; спасательное судно «Черномор»; плавучая мастерская «Кронштадт» и недостроенный танкер «Баку».

Новым командующим Русской флотилией стал контр-адмирал Михаил Андреевич Беренс. Он делал все от него зависящее, чтобы поддерживать дисциплину и хоть какую-то боеспособность кораблей. На кораблях по утрам поднимались Андреевские флаги. В Бизерте был создан Морской корпус и даже издавался журнал «Морской сборник» – главный военноморской журнал России, выпускавшийся с 1848 г. Параллельно в Петрограде с 1918 г. издавался советский «Морской сборник».

Русская эскадра в Бизерте просуществовала до ноября 1924 г. Но когда Франция официально признала СССР, белым пришлось спустить Андреевские флаги и покинуть корабли. Французы даже предложили Советскому Союзу вернуть «бизертскую» эскадру, но вопрос не был решен из-за спора о долгах царской России.

Сейчас ряд СМИ, а также самодеятельных историков флота пытаются представить офицеров бизерской эскадры эдакими рыцарями без страха и упрека, которые-де и на чужбине хранили боеготовность русского флота. Увы, им никто не задает очевидного вопроса – зачем?

Да и вообще, зачем Врангель несколько лет пытался держать под ружьем десятки тысяч бойцов белой армии? Неужели он и командующий эскадрой контр-адмирал Беренс не понимали, что сами по себе ни белые дивизии, ни корабли даже чисто технически не смогут добраться до границ Советского Союза?

Ясно, как дважды два – четыре, что белые эмигранты смогут воевать лишь в случае нападения на СССР какой-либо европейской страны или группы стран. И именно к этому готовились белоэмигранты.

Давайте рассмотрим ситуацию с точки зрения здравого смысла и международного права. Действуя в России, Добровольческая армия была воюющей стороной Гражданской войны, хорошей ли, плохой – это дело политических пристрастий. А вот оказавшись на чужбине и не разоружившись, «добрармейцы» стали наемниками, ищущими хозяина для нападения на собственную страну.

Международное право никогда не признавало таких наемников воюющей стороной. И в полном соответствии с международным правом советские власти могли рассматривать всех неразоруженных белых в качестве бандитов и соответствующе карать их.

Между тем у Врангеля был и другой путь. Он мог бы в Константинополе издать приказ об окончании войны, то есть признать де-

юре, что произошло де-факто, и распустить армию и флот.

Замечу, что не только казаки и солдаты, но даже старшие офицеры врангелевской армии в ноябре 1920 г. очень плохо владели информацией о том, что происходило в России и в Европе за три последних года. А вот Врангель и его штаб имели доступ к советской и зарубежной прессе, получали информацию от западных военных и гражданских представителей и даже от царских послов, которые к этому времени еще сидели в русских посольствах большинства стран Европы.

Так почему бы Врангелю не сказать всей правды людям, которых он вывез на чужбину? Шансов вернуться в Россию на белом коне нет на сто процентов. Есть небольшая вероятность вернуться в обозе вражеской армии в качестве переводчиков, личного состава карательных отрядов и т. п. Так пусть люди, мечтавшие вернуться в этом качестве, прямо и обращаются в иностранные разведки, не устраивая оперетту с «Русской армией» и «Русской эскадрой».

Те же, кто хочет легально вернуться в Советскую Россию, должны хорошо представлять экономическую и политическую ситуацию там, а также вероятность знакомства с ОГПУ. Поэтому большинство белых военнослужащих и беженцев должны как можно быстрее вписаться в жизнь Франции, Германии и других европейских стран и США. Иного пути нет! Но, увы, Врангель не сделал такого заявления и на много лет лишил нормальной жизни десятки тысяч эмигрантов.

Предвижу традиционный упрек – хорошо судить поступки людей, зная наперед последующие события. Но ведь иной альтернативы последующим событиям 1920—1930-х годов не было и быть не могло. Предположим совсем фантастический вариант – в Советской России в 1920-х годах случился бы военный переворот. К власти пришли бы какие-то красные командиры. Льва Давидовича, Склянского, Каменева, Зиновьева и др. поставили бы к стенке, разрешили бы свободную торговлю, и прочая, и прочая...

Но даже и при таком нереальном варианте врангелевская армия и флот никак не могли повлиять на события в России.

Риторический вопрос: зачем победившим в России военным заговорщикам потребовались бы через несколько месяцев после переворота дивизии Врангеля? Так что никакой альтернативы для белого движения после ноября 1920 г. не было. Оставался лишь один путь борьбы с советской властью – идти на службу к японцам, а позже к Гитлеру. Это пытались сделать многие белые генералы. Конец их хорошо известен.

Не имея никакой возможности реально навредить советской власти,

Врангель и К° оказали медвежью услугу белым офицерам, оставшимся в СССР.

В свое время, работая над книгой «Великий князь Александр Михайлович», я просмотрел в спецхране Ленинки подшивку за 1930–1933 гг. номеров белоэмигрантского военного журнала «Часовой». Впечатление такое, что этот журнал издавался не в Париже спустя 10–12 лет после окончания Гражданской войны, а где-нибудь в Северной Таврии в начале 1920 года. Вот-вот, мол, пойдем в новый поход, большевики падут со дня на день. В каждом номере письма «оттуда», причем в большинстве своем от красных командиров. Тем давно осточертели большевики, они составляют заговоры и лишь ждут сигнала «из-за бугра», чтобы начать всеобщее восстание. Нетрудно догадаться, что «Часовой» достаточно внимательно читали на Лубянке. Так что репрессии против командного состава Красной Армии в чем-то и на совести господ эмигрантов.

После эвакуации врангелевских войск в Крыму начались массовые расстрелы оставшихся белых офицеров. Цифры убитых существенно разнятся и доходят до 150 тысяч человек. Понятно, что даже цифра 50 тысяч является плодом воспаленного бреда. Каждый желающий может посчитать численность врангелевских войск к 30 октября 1920 г., вычесть число убитых в ходе боев и число эвакуированных. При этом следует помнить, что во врангелевской армии офицеры не составляли и половины личного состава.

Спору нет, жаль несчастных людей, погибших в мясорубке Гражданской войны как с той, так и с другой стороны. Но убийства в Крыму в конце 1920 г. – в 1921 г. принципиально отличались от убийств в 1917–1918 гг. Во втором случае это была вакханалия убийств, вызванная ненавистью к офицерству, а в первом случае – превентивная мера. Врангель обещал вернуться и хвалился, что его ждут в Крыму? Ну что ж, сделаем так, чтобы его никто не ждал. Примерно так рассуждали Троцкий, Склянский и их заместники в Крыму Бела Кун^[170] и Землячка.^[171] Любой военный историк не может не понять, что оставлять белых офицеров в Крыму было нельзя. Можно их вывезти и куда? В Поволжье? На Тамбовщину к Антонову? В Северную Таврию к Махно? А может, в Кронштадт и Питер?

Глава 12

Мифы о «Кронштадтском восстании»

Кронштадтский мятеж – явление оригинальное и очень важное для отечественной истории, хотя оно и стоит несколько особняком от остальных событий Гражданской войны и даже выносится некоторыми историками за ее рамки.

Налицо сравнительно редкое в истории событие, которое непримиримые противники используют в качестве козыря в своей идеологической борьбе. Коммунисты уже 86 лет воспевают мужество красноармейцев и рабочих, штурмом взявших Кронштадт. Здесь сложилась целая мифология: «Нас водила молодость в сабельный поход, нас бросала молодость на кронштадтский лед...», «Нет крепостей, которые бы не взяли большевики» и т. д.

А с другой стороны, 86 лет эмигрантские историки и 16 лет отечественные либералы славят матросов, поднявшихся на борьбу с тиранией коммунистов. Соответственно, и эта сторона создала свою мифологию.

Вот образец большевистской пропаганды: «Итак, кронштадтский мятеж был ликвидирован. Короткая, но ожесточенная борьба завершилась. Она потребовала от Советского государства огромного напряжения сил и стоила советскому народу новых больших жертв. Повреждения получили кронштадтские форты, порт и сооружения города-крепости, линкоры „Петропавловск“ и „Севастополь“. Были затрачены большие материальные ресурсы. Такова была цена за преступный, бессмысленный мятеж, поднятый кучкой авантюристов, сумевших демагогией и ложью увлечь за собой усталых и полуголодных матросов и солдат. Жестокая цена...

Советские войска захватили в плен 2444 мятежника, в том числе трех членов «ревкома» – Валька, Перепелкина, Павлова. Некоторые из активных руководителей мятежа, преимущественно бывшие офицеры, уже через несколько дней были непосредственно в Кронштадте преданы суду военного трибунала и по его приговору расстреляны. Это была суровая, но справедливая кара, предупреждение всем, кто попытается поколебать устои государства, власть в котором принадлежит рабочим и крестьянам».^[172]

А вот пример антисоветской пропаганды: «Кронштадтские моряки, солдаты гарнизона, тамошние рабочие, все граждане несчастного города-

крепости совершили совокупный подвиг для своей страны. Именно их выступление положило конец „военному коммунизму“, который был самым свирепым „коммунизмом“ среди всех последующих во всех концах планеты. Да, наделали мятежники ошибок, были половинчаты и нерешительны, не смогли выдвинуть из своей среды сильных руководителей, – так, но значение их трагического выступления исключительно велико. В 1929-м, во время второй вспышки „военного коммунизма“, своего „Кронштадта“, к сожалению, не нашлось. И они четко осознали, что Троцкий, Зиновьев и их еврейское ВЧК являются истинными врагами народа.

Сохраним же благодарную память обо всех участниках событий в мятежной крепости, хотя почти все имена их сгинули в безднах нашей темной истории. И посочувствуем их судьбе». [\[173\]](#)

Налицо типичная диаметрально противоположная оценка событий 1921 г. Тут же любопытно лишь авторство обеих цитат. Увы, обе гневные филиппики принадлежат одному и тому же лицу – Сергею Николаевичу Семанову, известному «историку, писателю и общественному деятелю», который, как и большинство наших политиков, деятелей культуры, СМИ и бизнеса, начал свою карьеру в комсомоле, отправившись в 1956 г. заведовать отделом пропаганды Петроградского райкома комсомола в Ленинграде.

Ну что ж, попробуем разобраться, что же произошло в Кронштадте в 1921 г.? Начнем с того, что такое Кронштадт. Кронштадт – это одновременно и город на острове Котлин, и крепость, прикрывавшая с моря столицу Российской империи. При этом большинство фортов крепости расположены не на самом острове Котлин, а на шестнадцати искусственных и естественных островах.

Северный мелкий фарватер прикрывали островные форты «Обручев», «Тотлебен» и номерные форты № 1–7. Южный основной фарватер прикрывали островные форты № 1, № 2, «Милютин», «Кроншлот» и «Константин», последний находился на узком мысе на южном побережье острова Котлин.

В 1908–1915 гг. на обоих берегах Финского залива были построены передовые форты «Красная Горка», «Ино» и «Серая Лошадь». Новые форты вошли в состав Кронштадтской крепости. Форт «Ино» на северном берегу залива был взорван в 1918 г. при попытке захвата его белофиннами.

На 15 февраля 1921 г. в состав крепости входили: штаб, специальные механические и вспомогательные части, 187-я отдельная стрелковая бригада, 21-й воздухоплавательный отряд и крепостная артиллерия. Всего

гарнизон составлял 16 468 человек, из которых 1078 командиров.

Самым сильным был внешний форт «Красная Горка»: восемь 305/52-мм, четыре 254/45-мм, шесть 152/45-мм пушек, одиннадцать 76-мм зенитных и полевых пушек, а также четыре 280-мм мортиры. 305-мм орудия «Красной Горки» доставали не только до Кронштадта, но и до финского берега.

Любопытный штрих Гражданской войны: весной 1918 г. финские катера и малые суда начали пиратствовать в заливе – захватывать русские торговые пароходы, в том числе в виду Кронштадта. Но Балтийский флот ничем им не мог помочь, так как по условиям Брестского мира советским военным кораблям на Балтике было запрещено выходить из баз. Тогда кто-то из старых военспецов надоумил большевиков, мол, форты Кронштадтской крепости принадлежали при царе Военному, а не Морскому министерству и действие статей Брестского мира на них не распространяется. И после каждого акта пиратства раздавался грохот 12-дюймовых пушек, посылавших 470-килограммовые снаряды на финские поселки на северном берегу залива. После нескольких обстрелов до финнов дошло, и нападения на гражданские суда прекратились.

Но вернемся к фортам Кронштадтской крепости. Форт «Серая Лошадь» был сравнительно слаб: три 152/45-мм и четыре 120/50-мм пушки.

Из остальных фортов «Риф» (на западной оконечности Котлина) и островные форты «Обручев» и «Тотлебен» имели на вооружении десять 254/45-мм пушек, а остальные форты были вооружены 152/45-мм и 120/50-мм пушками. Кроме того, в крепости имелись 280-мм и 229-мм пушки и мортиры обр. 1877 г., но они в основном утратили свое боевое значение.

Замечу, что в книгах Семанова, равно как и в иной советской и антисоветской литературе, посвященной Кронштадтскому мятежу, ничего не говорится о вооружении фортов – авторы чрезвычайно озабочены поливанием помоями своих политических противников, и им явно не до артиллерии Кронштадта.

Кронштадтская крепость с начала XIX в. была сильнейшей в мире береговой крепостью, и справиться с ней было не по зубам ни германскому, ни британскому флоту, ни всей Красной Армии. Даже германские войска, летом 1941 г. прошедшие победным маршем от границы, резко тормознули в районе расположения фортов «Красная Горка» и «Серая Лошадь», получивших у советских историков название «Ораниенбаумский пяточок», для конспирации, как говаривал Остап Бендер.

Так почему же мятеж кончился неудачей? Да потому что оба названия

– «Кронштадтский мятеж» и «Кронштадтское восстание», – мягко выражаясь, некорректны.

Мятеж был поднят матросами линкоров «Севастополь» и «Петропавловск» и ряда других судов. Позже к мятежникам присоединились гарнизоны нескольких фортов и отдельные обыватели из города. Если бы мятежников энергично поддерживали гарнизоны всех фортов, то исход операции был бы, без сомнения, совсем иной. Пока никому не приходит в голову называть восстание (или мятеж, кому как угодно) на броненосце «Потемкин» или на крейсере «Очаков» Одесским или Севастопольским восстанием. Так что куда корректнее именовать события марта 1921 г. мятежом команд линкоров «Севастополь» и «Петропавловск». Но, увы, такое название не соответствует мифологии обеих сторон.

Единственное, в чем согласны обе стороны, так это в том, что катализатором мятежа стали тяжелое экономическое положение в стране, продразверстка и восстания крестьян.

Но почему восстал именно Кронштадт, а не гарнизоны Москвы, Нижнего Новгорода, Казани, Киева?.. Ведь флот традиционно снабжался лучше, чем сухопутные части. Несмотря на все трудности, к началу 1921 г. на корабле матрос получал в день хлеба 1,5 фунта, крупы 0,2 фунта, мяса 0,3 фунта, рыбы 0,1 фунта, масла 0,7 фунта, сахара 0,1 фунта (1 фунт = 409,5 грамма).

Британские и иные спецслужбы тут тоже ни при чем. В Лондоне и Париже о мятеже узнали гораздо позже, чем в Петрограде и Москве. С некоторой натяжкой можно сказать, что Кронштадтский мятеж инспирировал... Николай II. Да, да, именно он еще в начале Первой мировой войны запретил выходить в море четырем балтийским линкорам-дредноутам без его личного разрешения. Морская война на Балтике носила скоротечный характер, и пока решат направить запрос царю на выход линкоров, пока зашифруют его в Петрограде, пока расшифруют в ставке в Могилеве, пока его величество соизволит прочесть запрос, посоветуется, а потом опять будут шифровки да расшифровки, тем временем германские корабли вернутся в свои базы. Два с половиной года экипажи находились в ожидании выхода в море, но, увы, линкоры-дредноуты так и не сделали ни одного боевого выстрела за всю войну. Нетрудно догадаться, как это сказалось на психологическом состоянии команд.

Получив весть о Февральской революции, матросы линкоров типа «Севастополь» устроили дикую расправу над своими офицерами в Гельсингфорсе, а позже учинили погромы обывателей в городе

Кронштадте. Это была первая в ходе революции массовая расправа над офицерами. Адмирал Исаков писал в своих воспоминаниях, что даже в 1920 г. на Каспии матросы-анархисты издевательски называли его «лейтенантом с “Петропавловска”». Это словосочетание стало синонимом матросского самосуда. По данным того же С.Н. Семанова,^[174] на линкорах «Петропавловск» и «Севастополь» новобранцы в 1918–1921 гг. составляли только 6,8 %, а, соответственно, 93,2 % (1904 человека) были участниками бузы в феврале 1917 г. Именно они ровно через три года подняли мятеж в Кронштадте.

В начале 1921 г. на ряде предприятий Петрограда началась волынка, то есть неорганизованные забастовки. Но куда большим злом стала дискуссия «о профсоюзах», навязанная коммунистической партии Л.Д. Троцким. Фактически это была попытка председателя Реввоенсовета захватить всю полноту власти в партии и стране. Льву Давидовичу были подчинены все Вооруженные силы Советской республики. Подавляющее большинство старших командиров Красной Армии были выдвиженцами Троцкого, многие были обязаны своей карьерой лишь личной преданности вождю.

Однако значительная часть населения страны ненавидела лично Троцкого и его авторитарный, диктаторский стиль работы, массовые расстрелы, да чего греха таить, и его национальность. Против Троцкого объединилась вся партийная верхушка от Зиновьева до Сталина. Одним из любимцев Троцкого был Ф.Ф. Раскольников, которого Троцкий в июне 1920 г. назначил командующим «Морскими Силами Балтийского моря» (то есть Балтийского флота). Новый 26-летний командующий не был ни Бонапартом, ни Нельсоном, а типичным авантюристом революционного времени. До Первой мировой войны Федор Ильин (такова была его настоящая фамилия) учился в Политехническом институте, бросил, писал статьи. В 1915 г. был призван во флот, но воевать ему не хотелось, и он нашел лазейку – пошел на курсы гардемарин. С началом революции бросил учебу и отправился в Кронштадт делать революцию, приняв новую фамилию – Раскольников. Он сблизился с Троцким и вместе с ним отправился в Свияжск воевать с белочехами. Троцкий назначил его командующим Волжской военной флотилией. Там же Раскольников знакомится с Ларисой Рейснер – метрессой Троцкого.

На Волге, на Каспии и в Кронштадте Раскольников и Лариса всегда занимали лучшие особняки, заводили прислугу. Нетрудно догадаться, как это влияло на простых матросов. Политотдел Балтийского флота распорядился создать театр имени Раскольникова. Раскольников забросил все служебные дела и занялся пропагандой во флоте идей Троцкого,

всячески дискредитировал партийных лидеров – оппонентов Льда Давидовича. В этом ему активно помогала Лариса Рейснер.

В такой обстановке 2 марта 1921 г. в Кронштадте начался мятеж. Власть оказалась в руках Ревкома во главе со старшим писарем линкора «Петропавловск» С.М. Петриченко. Ревком выпустил несколько программных документов. Все они представляли собой хорошие, но нереальные пожелания, главным из которых было «Советы без коммунистов». Кто будет брать власть, кто и как будет руководить страной, откуда взять продовольствие и т. д. – найти ответы в наивных и безответственных резолюциях и требованиях восставших невозможно.

Город Кронштадт и линкоры были захвачены мятежниками бескровно, около трехсот коммунистов арестованы, часть бежала по льду на южный и северный берега Финского залива, а часть коммунистов присоединилась к восставшим.

Поначалу главным оружием мятежников и большевиков была «большая ложь». Так, 3 марта вышел первый номер «Известий Временного революционного комитета», через всю полосу шел победный аншлаг: «В Петрограде всеобщее восстание». На самом деле в Петрограде волынка пошла на убыль, некоторые корабли, стоявшие в Петрограде, и часть гарнизона колебались и занимали нейтральную позицию, но подавляющее большинство солдат и матросов поддерживало советское правительство.

В свою очередь, глава петроградских большевиков Зиновьев заявил, что в Кронштадт проникли белогвардейские и британские агенты, которые швырялись золотом налево и направо. А мятеж поднял генерал Козловский. Действительно, генерал-майор А.Н. Козловский командовал кронштадтской артиллерией. Его несколько раз приглашали на заседание Ревкома, но никакой серьезной роли в боевых действиях он не сыграл.

Руководство большевиков прекрасно понимало, что через три – пять недель лед вскроется и мятежники получат продовольствие из-за рубежа. В этом случае даже без военной помощи извне крепость могла держаться много месяцев.

Между тем британский и французский флоты начали готовиться к походу на Балтику. На Балканах и в Бизерте зашевелились врангелевцы.

Все это заставило Ленина бросить значительные силы на подавление мятежа. При этом председатель Реввоенсовета был наделен чрезвычайными полномочиями. Фактически Троцкий стал диктатором не только в Петрограде, но и по всей стране. Энергии и опыта управления войсками Льву Давыдовичу было не занимать, и он воссоздает 7-ю армию, усиленную бронепоездами и авиаотрядами. На северном и южном берегах

Финского залива было сосредоточено свыше 45 тысяч штыков.

Тем не менее этих сил было явно недостаточно. Северная группа советских войск имела 34 орудия, а Южная группа – 103 орудия, не считая орудий двух броненосцев. Однако проку от них было мало. Так, Северная группа 7 марта выпустила 2435 снарядов, а 8 марта – 2824 снаряда. Вроде бы много. Но всего за два дня было сделано лишь 85 выстрелов из 152-мм гаубиц, а остальные выстрелы пришлось на 76-мм пушки. И 152-мм гаубицы, и 76-мм пушки с северного берега, даже от Лисьего носа, не доставали до острова Котлин, и пальба велась по северным фортам, которым 76-мм гранаты были не страшнее грецких орехов. Пальба красными велась в основном для поддержания собственного духа.

Эффективно действовать по фортам и линкорам могли только 305-мм и 254-мм пушки, однако красные военморы стреляли из рук вон плохо. Вот характерный пример. 7 марта форт «Красная Горка» целый день вел редкий огонь из 305-мм пушек по линкору «Севастополь» и форту «Константин». Особых повреждений ни линкор, ни форт не получили. «Константин» и «Севастополь» столь же лениво отстреливались, причем все их снаряды ложились западнее форта «Красная Горка».

Следует заметить, что скорострельность орудий линкора «Севастополь» была существенно ниже, чем линкора «Петропавловск», так как на «Севастополе» не работали электроприводы орудий, и зарядание шло на «холодной подаче», то есть вручную. Нормальная скорострельность с электроприводом – два выстрела в минуту, а на «холодной подаче» – один выстрел в 6–8 минут.

За время боев мощная артиллерия линкоров и фортов, контролируемых мятежниками, не нанесла особых потерь большевикам. Было повреждено несколько домов в Ораниенбауме, а на севере небольшие повреждения получила железная дорога в районе Лисьего носа и Сесторецкий оружейный завод.

Советская авиация практически не оказала никакого влияния на ход боевых действий. Так, 11 марта были сброшены четыре бомбы по 30 кг и две бомбы по 16 кг, 13 марта – четыре бомбы по 16 кг, три по 70 кг и десять однофунтовых зажигательных бомб.

На фортах и кораблях у мятежников имелось свыше 30 зенитных орудий. Но огонь их оказался неэффективным. Лишь 12 марта один из самолетов был подбит и совершил вынужденную посадку.

Решающий штурм Кронштадта начался в ночь на 17 марта. Около двух часов ночи, в полной темноте на лед Финского залива вышли передовые части пехоты, а за ними с различными интервалами двинулись войска

второго эшелона и резервные части.

Мятежники заметили атакующие советские части слишком поздно. Например, бойцы 32-й бригады без единого выстрела смогли подойти на расстояние одной версты до города. Однако бои в самом городе затянулись. Любопытно, что в середине дня красные вывели на лед кавалерийский полк 27-й дивизии. «Клёшники» явно не ожидали конницы на льду. В итоге кавалеристы ворвались в город через Петроградскую пристань. К утру 18 марта мятеж был повсеместно подавлен.

Руководство кронштадтского Ревкома во главе с Петриченко еще в 5 часов утра 17 марта на автомобиле уехало по льду в Финляндию. Вслед за ними кинулась толпа мятежников. Всего в Финляндию бежало около 8 тысяч человек. Большинство бежавших финны разместили в уцелевших казармах форта «Ино», а остальных – в лагерях под Выборгом и Териоки. В апреле—июне сотни из них бежали обратно в Советскую Россию.

В ходе боев за Кронштадт советские войска потеряли 527 человек убитыми и 3285 человек ранеными. Мятежники потеряли убитыми около тысячи человек, 4,5 тысячи (из них половина – раненые) были взяты в плен. Вопреки мнению историков, как красных, так и белых, обе стороны сражались более чем бездарно. Если их судить по школьной пятибалльной системе, то красным можно поставить тройку с минусом, а мятежникам – единицу!

Между тем еще за 10 дней до падения Кронштадта мятежникам, а заодно и их карателю Троцкому в Москве был нанесен смертельный удар. Ленин, выступая на X съезде партии, предложил ввести Новую экономическую политику. Любопытно, что кронштадтский Ревком регулярно публиковал в своих «Известиях» сообщения из Москвы, но о введении НЭПа не проронил ни слова.

Введение НЭПа автоматически отодвинуло диктатора Троцкого на второй план и полностью дискредитировало его планы милитаризации экономики страны. Март 1921 г. стал переломным моментом в нашей истории.

Глава 13

Химическое оружие в Гражданской войне

Гражданская война в России кардинально отличалась от Первой мировой войны. Сплошные фронты были редкостью, война в основном была маневренной. Силы противников действовали преимущественно вдоль железных дорог и рек. Поэтому решающей силой в войне стали бронепоезда и речные военные флотилии.

Тяжелая артиллерия, определявшая исход сражений на Западном фронте, в Гражданской войне не применялась. Исключение составили бои на Каховском плацдарме, где красные использовали 120-мм и 155-мм французские пушки обр. 1878 г. Крайне редко применялась и «траншейная артиллерия», сыгравшая огромную роль в позиционной войне 1915–1918 гг. как на Западном, так и на Восточном фронте. Речь идет о батальонных орудиях калибра 37–47 мм, а также различных системах минометов, гранатометов и бомбометов.

В Гражданской войне сбылись мечты царских генералов – 76-мм пушка обр. 1902 г. – знаменитая трехдюймовка – стала царицей поля боя. Важную роль сыграла и конная артиллерия. Замечу, что Семен Буденный очень много сделал для насыщения своих частей конной артиллерией, что в немалой степени обусловило успехи 1-й конной армии.

Русская армия к середине 1917 г. располагала примерно 300 броневедомолами. В 1918–1920 гг. для Красной Армии было произведено около 280 броневиков. Бронировались и вооружались они в основном на Путиловском и Ижорском заводах.

Танков в ходе Гражданской войны на отечественных заводах не производилось. Англия и Франция поставили белой армии около 150 танков, в том числе англичане передали Деникину и Врангелю 74 танка. Однако и броневики, и танки в силу своих конструктивных недостатков (в первую очередь плохой проходимости и малого запаса хода) применялись крайне ограниченно.

Стоит заметить, что об уникальной роли бронепоездов и речных военных флотилий и советские, и «демократические» историки практически не упоминают.

Зато с 1991 г. и историки, и журналисты пролили тонны крокодиловых слез о бедных тамбовских крестьянах, которых «кровавый маршал Тухачевский» подвергал массированным газовым атакам.

Обыватель в шоке. Ему представляются поля Тамбовщины, усеянные трупами повстанцев и мирных жителей, погибшая домашняя скотина, собаки и даже птички небесные. А по полям в автомобиле разъезжают чекисты во главе с «кровавым маршалом». Противогазы скрывают радостные улыбки на их лицах.

Нечто подобное я слышал в студенческие годы, общаясь с диссидентствующей публикой. А вот в начале 1980-х годов мне пришлось несколько раз беседовать со своей дальней родственницей бабой Нюрой. В свои 16 лет она оказалась в центре боевых действий – в деревне Стежки Тамбовской губернии. Баба Нюра подробно, в красках рассказывала о повстанцах и красных. Я несколько раз расспрашивал ее о применении химического оружия, но о нем она и слыхом не слыхивала.

Позже я узнал, что ряд историков проводили аналогичный опрос стариков – уроженцев Тамбовской губернии и также получили отрицательные ответы. С другой стороны, я достаточно хорошо знаю военно-техническую литературу 1920-х годов. Тогда никто не стеснялся применения химического оружия, и любой случай успешного использования отравляющих веществ был бы по косточкам разобран в военно-технической литературе, причем не обязательно в закрытой (повторяю, речь идет о 1920-х – начале 1930-х годов, позже началось полное засекречивание всего и вся, что связано с химическим оружием РККА). Но, увы, никаких сведений там о применении химического оружия в Гражданской войне я не нашел. Возникает резонный вопрос: а был ли мальчик?

Чтобы выяснить это, нам следует перенестись в середину XIX в. В 1854 г. известный английский химик и фабрикант Макинтош предложил для захвата Севастополя подвести к береговым укреплениям Севастополя специальные суда, которые извергли бы при помощи придуманных им приспособлений большое количество веществ, воспламеняющихся от соприкосновения с кислородом воздуха, «следствием чего будет, – как писал Макинтош, – образование густого черного, удушливого тумана или чада, который обнимает форт или батарею, проникая в амбразуры и казематы и прогоняя артиллеристов и всех находящихся внутри».

Английский адмирал Дендональд разрабатывал проект удушения русских войск, оборонявших Севастополь, газами, полученными от сжигания 2000 т угля и 500 т серы.

Однако из-за технических сложностей, а главное, из-за шапкозакидательских заявлений английских генералов и адмиралов – вот, мол, завтра-послезавтра возьмем Севастополь – британский кабинет не

пошел на применение отравляющих веществ (ОВ) под Севастополем.

Наши офицеры артиллеристы оказались не глупее англичан, и в конце 50-х годов XIX в. Артиллерийский комитет ГАУ предложил ввести в боекомплект единорогов бомбы, начиненных отравляющими веществами. Для однопудовых (196-мм) крепостных единорогов была изготовлена опытная серия бомб, снаряженных ОВ – цианистым какодилем (современное название – какодило-цианид).

Подрыв однопудовых бомб осуществлялся в открытом деревянном срубе типа большой русской избы без крыши. В сруб поместили дюжину кошек, защитив их от осколков снаряда. Через сутки после взрыва к сруб подошли члены специальной комиссии ГАУ. Все кошки неподвижно валялись на полу, глаза их сильно слезились, но, увы, ни одна не сдохла. По этому поводу генерал-адъютант А.А. Баранцев написал доклад Александру II, где категорически заявил, что применение артиллерийских снарядов с отравляющими веществами в настоящем и будущем полностью исключено.

Генерал Баранцев оправдал свою фамилию. Ведь не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что химический снаряд – не шрапнель. Он не должен обязательно убивать или тяжело ранить солдата противника. Достаточно его хотя бы на полчаса вывести из строя или просто заставить бросить позиции. Надо ли говорить, как пригодились бы нам химические снаряды под Плевной в 1877 г.!

22 апреля 1915 г. немцы шокировали весь мир, применив на Западном фронте в районе города Ипр в Бельгии химическое оружие. Погибло почти 5000 английских солдат, компактно размещенных в глубоких окопах. Обыватели всего мира вошли в транс и уверовали во всемогущество химического оружия.

Между тем ОВ, примененное немцами, было ненамного эффективнее какодило-цианида, которым у нас пытались отравить бедных кошек.

Обывателям, равно как и беспринципным политикам было неинтересно узнать, что немцы 22 апреля 1915 г. скрытно подвезли к позициям британских войск 5730 крупногабаритных баллонов с газом и выпустили свыше 180 тонн ОВ.

В русской 76-мм химической гранате, выпускаемой с 1915-го по 1930 г., содержалось менее 0,5 кг ОВ. Таким образом, если бы немцы применили в Ипре артиллерию вместо газовых баллонов, то им пришлось бы выпустить 360 тысяч (!) трехдюймовых снарядов.

Серийное производство 76-мм химических снарядов на русских заводах началось в конце 1915 г. В армию химические снаряды стали поступать в феврале 1916 г. Всего в действующую армию до ноября 1916 г.

было выслано 1040 тыс. химических снарядов.

Газовое облако при разрыве одного русского 76-мм химического снаряда охватывало площадь около 5 кв. м. Русская артиллерия использовала химические боеприпасы в основном для того, чтобы выгнать противника из окопов или сделать небоеспособной прислугу артиллерийских батарей. Случаи массового уничтожения немцев или австрийцев русскими химическими гранатами в специальной военной литературе не упомянуты.

Использовались химические боеприпасы и в отечественной авиации. В конце декабря 1915 г. 483 химические авиабомбы были отправлены в действующую армию. Там по 80 бомб получили 2-я и 4-я авиационные роты, 72 бомбы – 8-я авиационная рота, 100 бомб – эскадра воздушных кораблей «Илья Муромец», а 50 бомб отправили на Кавказский фронт. На том производство химических авиабомб в дореволюционной России и прекратилось.

Воздействие химических авиабомб на противника было явно невелико. Конкретных данных о потерях немцев нет. Но еще в ноябре 1915 г. на испытаниях химической 2-пудовой бомбы в отчете отмечалось, что бомба разорвалась на 3 куска, и получилось «белое облако паров хлора». Действие этих паров проверялось на белых мышах и морских свинках, клетки с которыми были расставлены на расстоянии от 2 до 15 метров от точки взрыва. Из нескольких десятков подопытных мышек и свинок через 2 часа умерли только две.

Первыми в Гражданской войне применили химические боеприпасы в 1918 г. английские интервенты, высадившиеся в Мурманске и Архангельске. Кстати, они же зимой 1918 г. и построили первые в России концентрационные лагеря. Впрочем, белофинны могут оспаривать пальму первенства в этом благородном почине.

Свидетельств применения красными отравляющих веществ осталось крайне мало, как в силу малой эффективности химического оружия при применении его в малых объемах, так и из-за последующей (уже в 1930-х годах) тотальной засекреченности всего, что связано с химическим оружием.

Так, например, химическое оружие применялось моряками Флотилии Верхнего Дона в мае 1918 г. 28 мая отряд красных судов в составе буксирного парохода «Воронеж», вооруженного одним пулеметом, баржи с двумя 3-дюймовыми (76-мм) полевыми пушками обр. 1900 г. и парового катера с двумя пулеметами вышел из Котояка и отправился вниз по Дону.

Отряд шел по реке и периодически постреливал по казачьим станицам

и отдельным группам казаков, которые, как предполагалось, принадлежали к повстанцам, поднявшим мятеж против советской власти. Применялись как фугасные, так и химические снаряды. Так, по хуторам Матюшенскому и Рубежному огонь велся исключительно химическими снарядами, как сказано в отчете, «с целью нащупать неприятельскую батарею». Увы, нащупать ее не удалось.

Командование Красной Армии прорабатывало планы применения химического оружия при штурме Перекопа и против кронштадтских мятежников. Однако обнаружить факты реального применения отравляющих веществ в этих операциях автору не удалось.

Восстание Антонова на Тамбовщине с 1990 г. описано во многих изданиях, и все авторы как попугаи твердят о применении отравляющих веществ по приказу Тухачевского. Даже откуда-то берут фразу из приказа Тухачевского: «Во всех операциях с применением удушливого газа надлежит провести исчерпывающие мероприятия по спасению находящегося в сфере действия газов скота».^[175] Откуда-то взялась цифра пятьдесят (!) 76-мм химических снарядов, выпущенных якобы по повстанцам какой-то учебной артиллерийской частью. Даже если предположить, что все это – правда, то применение химического оружия на Тамбовщине говорит лишь о полнейшей безграмотности и бездарности красного командарма Тухачевского. Даже если эти несчастные 50 химических снарядов были выпущены одновременно и по одному и тому же участку, занятому повстанцами, то там вероятность летальных исходов практически равна нулю. Поэтому «антоновцы» просто не заметили «варварство кровавого маршала».

Чтобы уничтожить более-менее крупную банду, требовалось не 50, а как минимум 5000 снарядов со слабыми ОВ времен Первой мировой.

Вопиющая техническая безграмотность М.Н. Тухачевского дорого обошлась Красной Армии, когда он стал замнаркома обороны по вооружению. Тухачевский попытался перевооружить артиллерию РККА безоткатными пушками Курчевского и уродливыми гибридами, полученными из полевых и зенитных пушек. Он с подачи В.И. Бекаури пытался создать армию телеуправляемых самолетов, танков, бронепоездов и даже подводных лодок. Зато РККА осталась без зенитных автоматов и артиллерии большой и особой мощности. Сорок тысяч танков с «картонной» броней, нашлепанные Тухачевским, горели как свечи на Халхин-Голе, в Финляндии и в первый период Великой Отечественной войны.

Идиотский приказ Тухачевского об использовании химического

оружия на Тамбовщине дал широкие возможности для спекуляций нашим малограмотным демократическим историкам. Правда, надо отдать им должное, наблюдая, как они «передергивают карты». Какая ловкость рук! Те же матросы с «Севастополя» и «Петропавловска» – звери и чудовища, когда они в марте 1917 г. убивают господ офицеров, а через 4 года они, устроив бузу в Кронштадте, становятся героями и бескорыстными борцами за свободу.

С пеной у рта «демократы» обличают преступления «кровавого маршала», и они же проливают слезы о невинно репрессированном гениальном стратеге М.Н. Тухачевском: «Ах, если бы душка Михаил Николаевич был бы жив в 1941-м, вот тогда...»

Заключение

Четыре гражданские войны, бушевавшие на территории России в течение первого тысячелетия ее истории, привели к огромным жертвам и разрушениям. С другой стороны, после каждой войны происходила если не смена формации, то, во всяком случае, кардинальные изменения в стране.

Замечу, что подобное происходило и в других государствах. Так, Великая французская революция 1789 года, а также последующие 20 лет республики и империи перенесли Францию из средневековья в наше время. Туристы, прибывшие во Францию, видят куда больше того, что возникло с 1789 по 1809 год, чем за 1500 лет правления королей – от Хлодвиги до Луи XVI. Флаг, гимн, административное деление страны, кодекс Наполеона вместо архаичного феодального права, вплоть до одежды и норм поведения между людьми – все это принесла Революция.

А самое главное – конгломерат больших провинций с собственным языком (провансальским, гасконским, бретонским и т. д.), своими законами, мерами веса и т. д., объединенных исключительно властью короля, стал единой и неделимой Францией!

Посмотрим на США – идеал наших демократов. Предположим, северяне не стали бы затевать гражданскую войну с южанами, и в Америке стали бы мирно сосуществовать два государства. Существовала бы сейчас там сверхдержава или было бы нечто типа Боливии и Колумбии?

А возьмем азиатскую сверхдержаву – Китай. Он почти 200 лет был полуколонией с малодеспособной центральной властью и лишь после кровавой гражданской войны и последующих суровых репрессий коммунистического руководства стал третьей в мире державой, запустившей человека в космос, и первой, сумевшей завалить весь мир своим ширпотребом.

Фраза «Россия исчерпала лимит революций», брошенная в конце 1990-х годов кем-то из «демократов», стала заезженным штампом. Ее постоянно повторяют политики и журналисты, не вдумываясь в смысл сказанного. Получается, что кто-то там на небесах или за океаном раздает разным странам лимиты или кредиты на революции.

Я уж не говорю о важных профессорах, раскрывающих публике тайны наших революций. Оказывается, революция 1905–1907 гг. была организована японцами и на японские деньги, ну а, соответственно, Октябрьскую революцию учинил Вильгельм II, отправив кучу денег

большевикам. Совсем забавно получается, мол, русские за деньги готовы любую революцию устроить. Шлите «бабки» – устроим красную, коричневую, оранжевую и прочая – по вкусу заказчика.

Увы, прогресс человечества неотвратим, хотя во все времена находились ученые холопы, доказывающие, что именно при этом правителе и при этом строе достигнута высшая точка развития человеческого общества.

Логика и здравый смысл в сочетании с революциями и войнами являются повивальными бабками истории. И когда у правителей не хватает логики и здравого смысла, начинаются революции и войны.

Каждый правитель должен давать что-то существенное народу и иметь с ним обратную связь через оппозицию, независимую печать, митинги, демонстрации и т. д.

К сожалению, у многих отечественных правителей появлялось желание управлять, исключительно опираясь на силу и надеясь на ученых холопов – специалистов по одурачиванию населения. Но еще Наполеон сказал, что «можно прийти к власти с помощью штыков, но сидеть на штыках нельзя». Президент Кеннеди добавил: «Можно постоянно обманывать часть народа, можно какое-то время обманывать весь народ, но постоянно это делать невозможно».

Страна застрахована от революций, лишь когда у оппозиции есть реальные рычаги влияния на власть. Пусть не лучшим, но все-таки неплохим примером нам служит Англия XVIII–XX вв. Там, слава Богу, обошлись 300 лет без революций, зато несколько десятков премьер-министров и даже королей были отстранены от власти мирным путем, как легально через парламентские дебаты, так и с помощью закулисных интриг.

Термин «оппозиция» произошел от английского слова *opposite* – противоположный, расположенный напротив, обратный. По большому англо-русскому словарю *opposition* переводится – *противоположность, сопротивление, противодействие, оппозиция*, есть и астрономическое значение – *противостояние*.

В стране же, где оппозицию делят на «непримиримую» и «конструктивную», в переводе на нормальный язык это господа, умильно лепечущие: «Чуть-чуть правее (левее), Ваше сиятельство» («Ваше превосходительство» в исполнении Никиты Михалкова), как раз и возникают предпосылки силового варианта смены власти.

Общим в четырех гражданских войнах на Руси было то, что все они носили личностный характер, то есть были вызваны действиями конкретных лиц. Любую из войн при желании главных действующих лиц

можно было предотвратить.

Выбирая между революцией и гражданской войной с одной стороны и вершущим переворотом с другой, пусть даже с убийством некомпетентных правителей, волей-неволей приходится отдавать предпочтение последнему варианту.

Революция и гражданская война – слишком дорогая цена выбора оптимального пути для государства. История не терпит сослагательного наклонения, но, я думаю, очевидно, что Софья Алексеевна, Анна Леопольдовна, Петр III и Павел I принесли бы России неисчислимые беды и, возможно, привели бы к гибели наше государство. И лишь решительные действия офицеров дали нам Петра Великого и Екатерину Великую, которые и создали нашу великую Россию.

У наших гвардейских офицеров в 1895–1904 гг. был шанс избавиться от Николая II и его семейства и привести к власти энергичных людей. Кого конкретно? Не знаю! Но на Руси, слава Богу, умных людей всегда хватало. Встречались они, правда, весьма редко даже среди генералов, например начальник ГАУ А.А. Маниковский или знакомый нам Я.А. Слащов. Был и достаточно умный претендент на трон – великий князь Александр Михайлович, кстати, муж родной сестры Николая II Ксении и отец пятерых сыновей.

Кардинал Мазарини сказал о Кромвеле: «Такие люди подобны молнии, о них узнаешь, когда они поражают». Вряд ли кто будет спорить, что лейтенант Бонапарт закончил карьеру в лучшем случае бы полковником, если бы не Революция. Кстати, он уже пытался устроиться на военную службу в Турцию или Россию. Главное, была бы ситуация 1792 года, а «наполеоны» найдутся.

А теперь остановимся на двух важных особенностях четырех русских гражданских войн – вмешательстве церкви, а также иностранных государств и сепаратистов.

К сожалению, православная церковь ни разу не сдержалась от вмешательства в гражданскую войну. А ведь подобные действия приносили церкви лишь временные дивиденды: пожертвования и привилегии, выдаваемые одной из сторон конфликта. В целом же участие в войнах компрометировало церковь. Канонизация Бориса и Глеба, анафемствование, а позже канонизация мощей Дмитрия Шемяки, канонизация царевича Дмитрия Углицкого, наконец, Николая II и его семьи не принесли пользы РПЦ. И они постоянно будут служить источником конфликтов между церковью и обществом, а также внутри церкви.

Все аргументы в пользу этих «политических» канонизаций, мягко говоря, несерьезны. Зададим несколько риторических вопросов.

Почему, например, не был канонизирован нашей церковью Государь и Великий князь Дмитрий Иванович (1483–1509 гг.), внук Ивана III, которого уморил в темнице его дядя Василий Иванович, незаконно узурпировавший престол? Напомню, что в 1498 г. Дмитрий Иванович был торжественно помазан на великое княжение своим дедом.

Зато канонизировали незаконного сына Ивана Грозного Димитрия. Ведь православная церковь тогда признавала только три брака, а тут – бастард от седьмой (!) жены, да и к тому же еще самоубийца.

Почему не канонизировали законного русского императора Ивана Антоновича, правнука царя Алексея Михайловича? Он всю жизнь, с младенчества, провел в острогах и казематах. Вот уж действительно безгрешный мученик!

А за что канонизировали Николая II? Его уничтожили, как уничтожают любое имущество, которое невозможно вывезти и которое может быть использовано врагом.

Ответ очевиден – канонизация и Дмитрия Углицкого, и Николая II была крайне необходима для компрометации политических оппонентов.

Опыт гражданских войн XVI века в Германии, Нидерландах, Франции и других странах показывает, что активное участие в них церкви стало пусть не единственным, но крайне важным фактором, приведшим к Реформации.

У нас этого не произошло, поскольку большевики не нуждались в государственной религии, и атеизм у населения служил одним из элементов лояльности новому строю. Соответственно, просоветски настроенное население не пошло к обновленцам. Не было у них опоры и на консервативную часть населения. Нетрудно догадаться, что если бы Сталин захотел занять государственную религию, то обновленцы, без сомнения, стали бы господствующей конфессией в СССР.

Само географическое положение России приводит к постоянному вмешательству иностранных государств в любой ее внутренний конфликт. Причем интервенции происходили как по просьбе одной из сторон, так и в инициативном порядке.

В ходе войны сыновей Владимира Красное Солнышко на Русь вторгались печенеги, поляки и варяги.

Вторая гражданская война была выиграна Василием II в значительной степени за счет помощи татар и литвы.

В третью гражданскую войну в Россию вторглись поляки, шведы,

запорожские и донские казаки. Собственно, войну и начали поляки, точнее, «частные армии» польских и литовских магнатов.

Четвертая гражданская война была развязана интервентами и сепаратистами. Кстати, советские историки признавали, что интервенты развязали гражданскую войну, но про сепаратистов скромно помалкивали. Зато в ходе самой войны основной упор они делали на борьбу красных и белых.

Я же рискну перенести начало гражданской войны на конец весны – лето 1917 (!) года. Первые месяцы в России имела место вялотекущая гражданская война. К 25 октября (7 ноября) 1917 г. армия и флот России стали небоеспособными. А на окраинах России были уже созданы незаконные бандформирования – польские, финские, эстонские, латвийские, литовские, румынские, украинские, грузинские, армянские, азербайджанские и т. п.

Предположим на секунду, что большевики в середине октября 1917 г. решили отказаться от захвата власти, а их вожди отправились бы обратно в Швейцарию, США, сибирскую ссылку и т. п. Неужели вожди сепаратистов отказались бы от своих планов и распустили бы свои бандформирования? Неужели германское командование отказалось бы от удара по развалившейся русской армии и не пошло бы на сговор с прибалтийскими и украинскими националистами?

Весной—летом 1918 г. неминуемо произошло бы германское вторжение. Союзники также высадились бы на Севере и на Дальнем Востоке России. Вялотекущая гражданская война перешла бы в тотальную гражданскую войну, но без участия большевиков.

Возникает вопрос – сумело бы никого не представлявшее Временное правительство во главе с Керенским выиграть эту войну? Ответ однозначный – нет! А кто бы победил? И думать об этом не хочу, а интересующихся отсылаю к авторам многочисленных «фэнтези», которые расскажут нам, что было бы, если бы Гитлер захватил Англию, взял Москву и прочая, и прочая...

Я же попробовал доказать, что гражданскую войну развязали не большевики и не белые, а интервенты и сепаратисты. Объем книги не дал мне возможности подробно рассказать о боевых действиях в Финляндии, Прибалтике, Беларуси, Молдавии, на Украине, Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Тех же, кого это интересует, я отсылаю к ранее вышедшим моим книгам. [\[176\]](#)

По данным советских военных сводок к середине февраля 1919 г., времени наибольшего продвижения белых армий, в их составе было около

350 тыс. солдат. Для сравнения: в Красной Армии на 20 апреля 1918 г. – около 200 тыс. человек. В июне 1918 г. в Советской России была введена обязательная воинская повинность, и к июлю 1919 г. численность Красной Армии была доведена до 1,63 млн. человек, а к 1 ноября 1920 г. – до 5,5 млн. человек. Из них 217 тыс. человек командного состава, из которых 66 % составляли рабочие и крестьяне, а 34 % – офицеры и генералы царской армии.

Возникает вполне резонный вопрос: как белые армии могли три года сражаться с Красной Армией при таком неравенстве сил? Дело все в том, что большая часть красных воевала с интервентами, а главное, с националистами.

Так, боевые действия Красной Армии с финнами велись четыре (!) года – с марта 1918 г. по март 1922 г. Боевые действия с поляками велись с марта 1919 г. до октября 1920 г. На Кавказе и в Средней Азии боевые действия закончились в 1921 г.

Сепаратисты сумели поставить под ружье в общем на порядок больше солдат, чем белогвардейцы. Белым генералам удалось собрать под свои знамена менее 15 % царских офицеров, часть юнкеров, студентов, гимназистов. Рабочие, крестьяне и городские обыватели шли к ним очень неохотно. Некоторое исключение представляли казаки и компактные группы населения, не выигравшего от прихода большевиков ни в материальном, ни в моральном отношении, как, например, рабочие Ижевска и Воткинска, рыбаки в дельте Волги и т. п.

А вот лидерам сепаратистов удалось собрать под свои знамена значительную часть инородцев. Лозунги их примитивны, но действенны: «Даешь независимость от Москвы в государственном, экономическом и конфессиональном отношении», «Москали зъили наше сало и понаихолы сюды. Геть москалей, а их добро станет нашим». Нечто подобное мы видели в 1991 г.

Потери Красной Армии в Гражданской войне до сих пор точно не определены. Да и вычленить потери в боях с сепаратистами и интервентами крайне сложно, тем более что они зачастую сражались с белыми бок о бок. Однако в любом случае суммарные потери красных в борьбе с националистами и интервентами выше, чем в боях с белыми.

Неизвестны и общие потери сепаратистов, но они значительно превосходят боевые потери белых. Так, только поляки (по польским данным) в 1918–1920 гг. в боях с красными потеряли свыше 100 тыс. человек убитыми и пропавшими без вести, 113 510 человек ранеными и 38 830 человек «без обозначения вида потерь».^[177]

Тот же Урланис пишет, что «потери белых на всех фронтах гражданской войны составили примерно 175 тыс. человек».^[178]

Итак, основным противником Красной Армии в Гражданской войне были не белые, а сепаратисты и интервенты. Этот факт долго пытались скрыть советские историки, а сейчас и «демократические». Спору нет, сепаратисты не собирались брать Москву, но в случае разгрома Красной Армии от России остался бы еще меньший обрубок, чем в 1991 г. Так, те же финны посягали на Кольский полуостров, Карелию, часть Архангельской и Вологодской губерний. Польские паны собирались возродить Речь Посполитую «от можа до можа», то есть от Балтики до Черного моря, претендуя на Смоленск, Киев и Одессу. Грузинские социал-сепаратисты претендовали на все Черноморское побережье Кавказа, петлюровцы – на Кубань, и т. п.

И если борьба с белыми была блестяще выиграна Красной Армией, то в борьбе с сепаратистами были достигнуты лишь локальные успехи. Россия лишилась Финляндии, Прибалтики, Привисленского края, Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, большей части Армении, включая города Карс и Ардаган.

Советские историки старательно обходили тот факт, что ни Ленин, ни другие большевики до революции и в первые месяцы правления советской власти не собирались создавать союз республик, а предпочитали в лучшем случае федерацию.

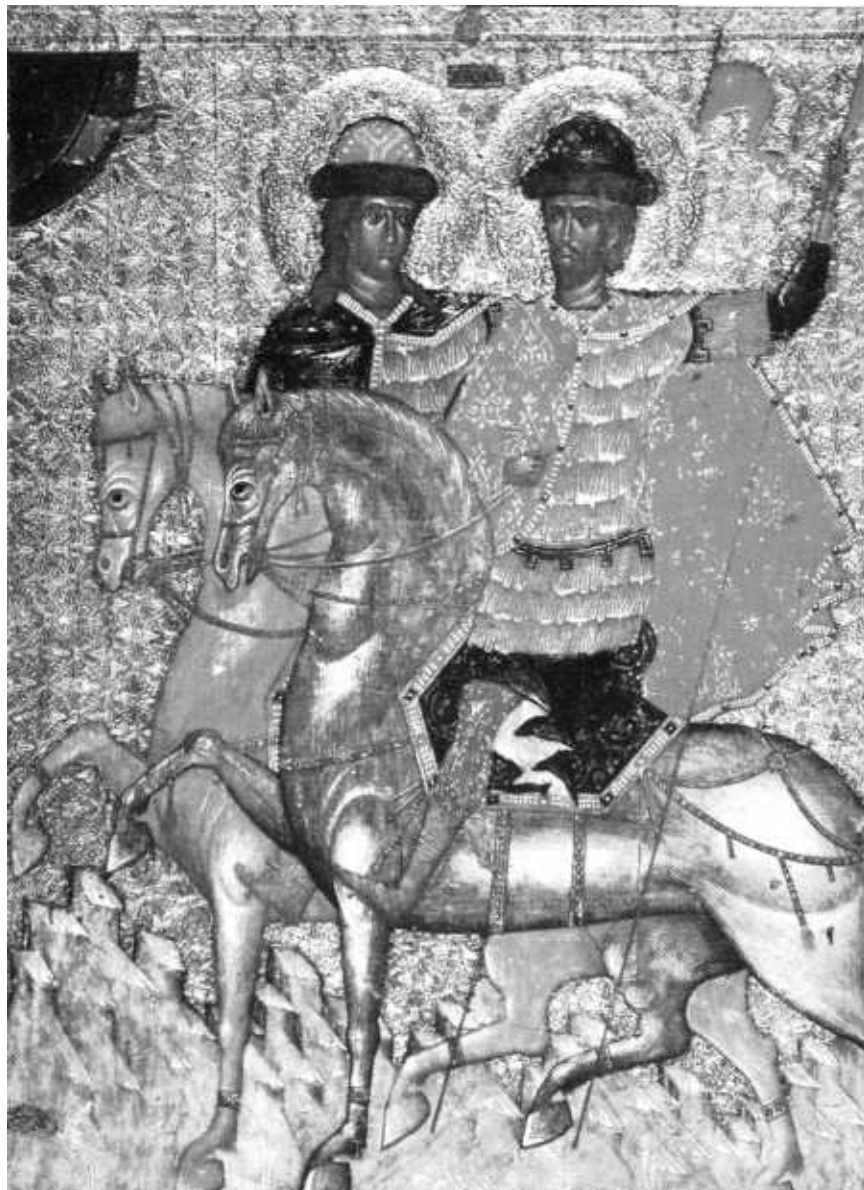
Создание советских республик в ходе Гражданской войны – это определенная уступка сепаратистам. Видимо, она была оправдана на том этапе. Другой вопрос, что после смерти Ленина большевики чрезвычайно увлеклись идеей создания союзных республик с внешними атрибутами независимых государств. У них была возможность разделить эти республики. Например, из Грузии сделать Карталию, Сванетию, Имеретию, Абхазию, Аджарию, Осетию и т. д. Так было бы обеспечено более свободное развитие культур всех больших и малых народов, а с другой стороны, предотвратило бы развал Российского государства в 1991 г.

Увы, история учит тому, что ничему не учит. Наши новые правители, пришедшие на волне борьбы «за гласность», «правовое государство» и т. п., сейчас все плотнее закрывают двери исторических архивов для независимых исследователей. А школьные и вузовские учебники по истории все более и более расходятся с историческими фактами. Что-то исключается ради борьбы с политическими оппонентами, что-то – ради политкорректности по отношению к церкви, к нацменьшинствам и т. д. В результате еще раз перелатывается старая царская мифология, уже

несколько раз перекроенная в советское время.

В 1970-х годах Александр Твардовский написал: «Кто прячет прошлое ревниво, то и с грядущим не в ладу». А от себя лишь добавлю – народ, не желающий знать свою историю без всяких сказок и прикрас, не достоин иметь будущего.

Приложение

Борис и Глеб на конях. Новгород. Около 1377 г.

Захват ладьи и убийство Глеба по приказу Святополка. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Ярослав Мудрый в последние годы жизни. Реконструкция М.М. Герасимова

Великий князь Василий I

Великий князь Василий II Темный

Царевич Димитрий. Парсуна XVIII века

Данилко Волохов убивает царевича Димитрия. Миниатюра из «Жития...». XIX век

Царь Борис Федорович Годунов

Царь Василий Шуйский у мощей царевича Димитрия. Миниатюра из «Жития...»

Юрий Мнишек. Гравюра Л. Килиана

Марина Мнишек. После 1606 г.

Лжедмитрий I. Неизвестный художник. XVII век

Лжедмитрий II (Тушинский вор). Польская гравюра конца XVII века

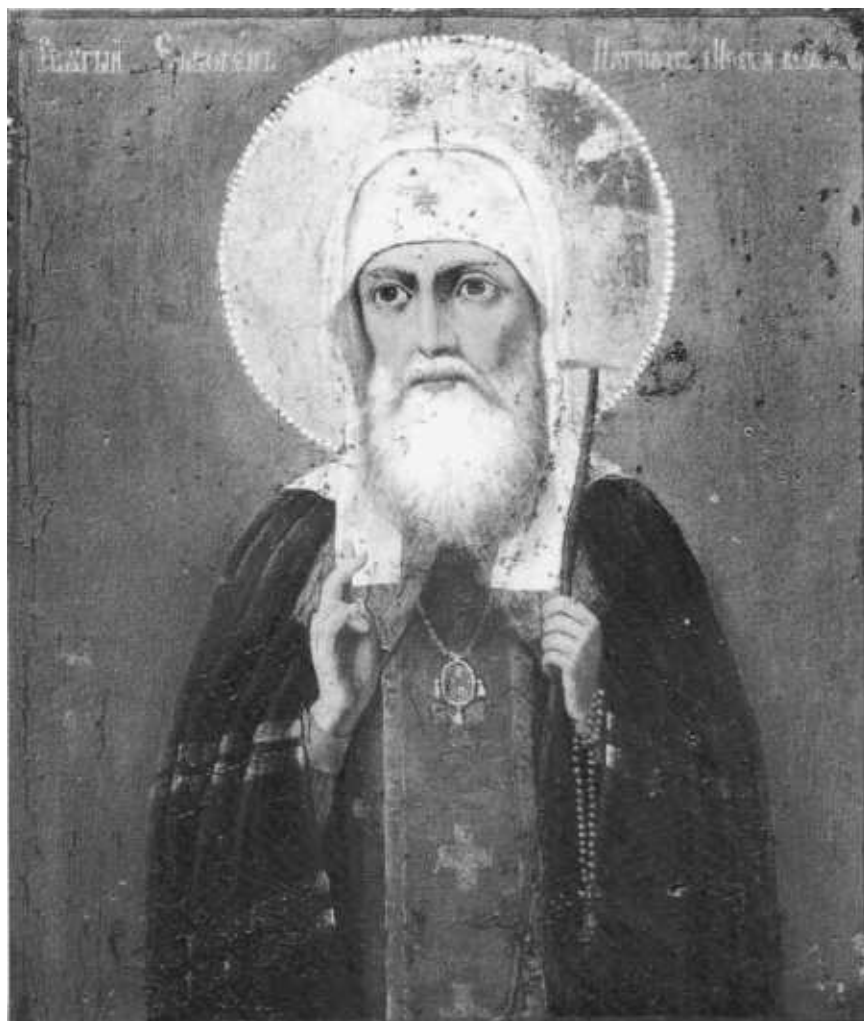
Венчание Марины Мнишек в Кремле

Второе венчание Марины Мнишек в Тушинском лагере

Осада Троице-Сергиева монастыря поляками. 1608 г.

Священномученик Гермоген, Патриарх Московский и всея Руси (1530–1613). Икона XIX века

Ратная икона «Благословение Преподобным Иринархом, Затворником Борисо-Глебским, Православного Русского Воинства, народных героев – вождей и спасителей Отечества – Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского в 1612 году»

Козьма Минин. Гравер Г. Афанасьев

Князь Пожарский ранен в битве с поляками. Художник И. Мочиллов

Князь Пожарский, освободитель Москвы. Художник П. Разумихин

Д.М. Пожарский. Художник Е. Павлов. 1812 г.

Владислав IV. Художник А. Бой. Около 1637 г.

Царь Михаил Федорович

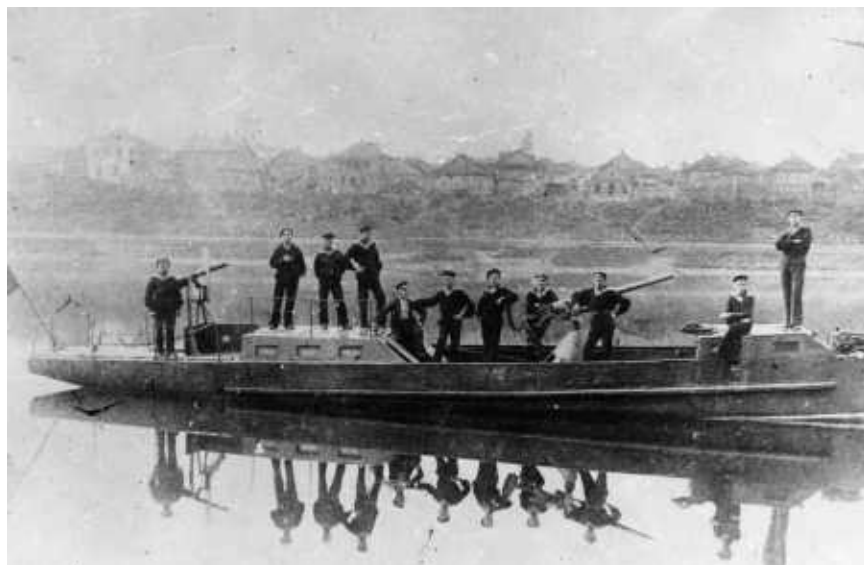
Памятник Дмитрию Пожарскому у стен Зарайского кремля

Бронепароходы на Каме. 1919 г.

Канонерки ГВМУ на Волге

Бронекатер Колчаковской флотилии

Танки 1-го танкового отряда ВСЮР в Царицыне. 1919 г.

Танки 4-го танкового отряда ВСЮР по пути на фронт. 1919 г.

С.И. Гусев, М.В. Фрунзе и Д.М. Карбышев (сидят) на танке «Сфинкс», захваченном в бою 5 сентября 1920 г. на Каховском плацдарме

Импровизированный красный бронепоезд. На первом плане – 3-дюймовая пушка обр. 1900 г.

Тяжелая бронеплощадка красного бронепоезда «Атаман Чуркин» со 152/45>мм орудиями Кане

Бронеавтомобиль Ижорского завода на шасси автомобиля «Руссо-Балт». Вес – 3,3 т; мощность двигателя – 24 л. с.; вооружение – 3 пулемета «Максим»; броня – 3–5 мм

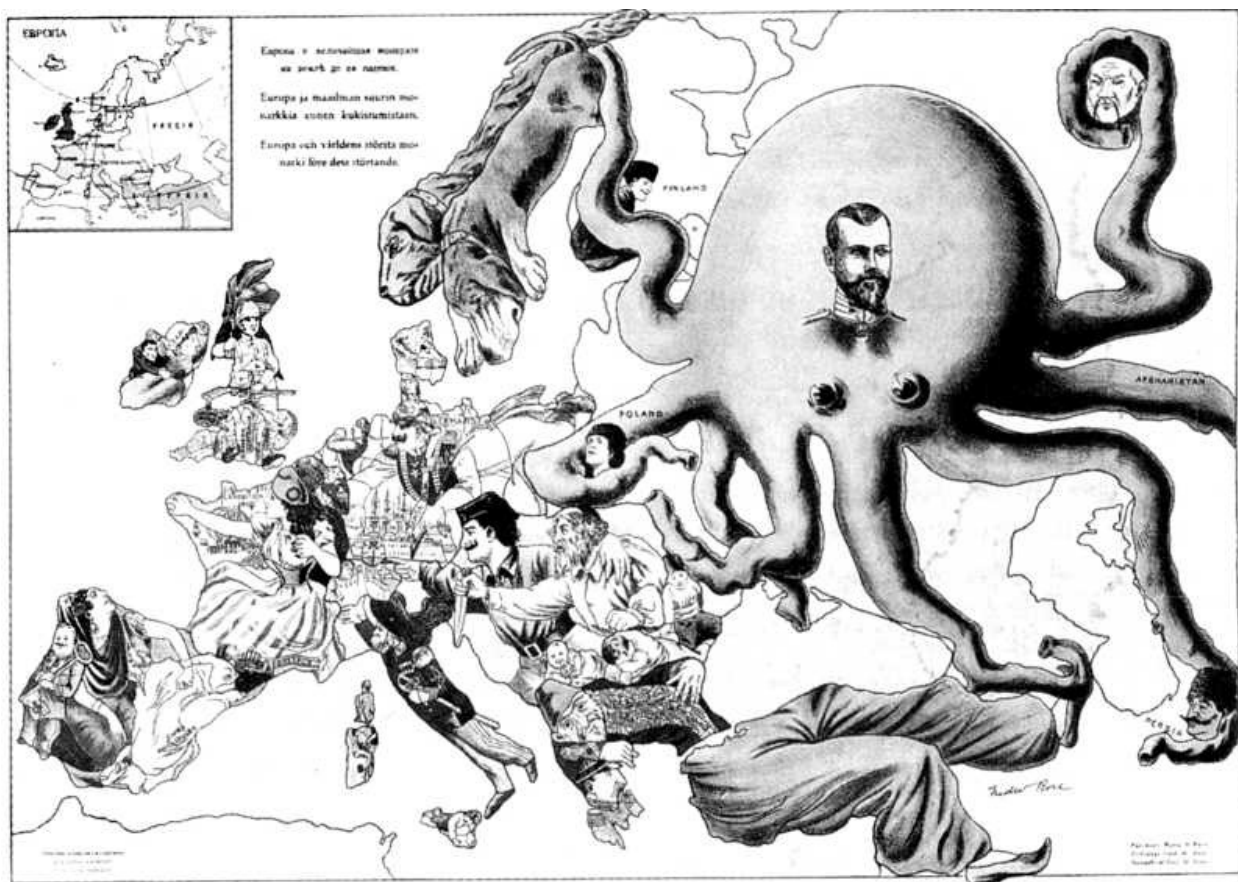

Советский истребитель «Ньюпор-24бис», захваченный поляками. Еще сохранились красные звезды, но ляхи уже намалевали панну в неглиже

Революционная волна породила шутливые идеи о разделе России на крошечные государства: на севере – великая Финляндия с Петербургом в ее составе, «самоварная республика» – вокруг Тулы, «Чеченская республика» и «Колониальные владения Крулевства Польского» – на Кавказе и... лишь

маленькое «Московское царство»

Первоисточник этой карикатуры английский, но затем она была напечатана во Франции. На Балканах кишат народы с кинжалами в руках, турок спит, Германия вооружает флот, француженка танцует с русским, а Дания производит масло

Fyren-s

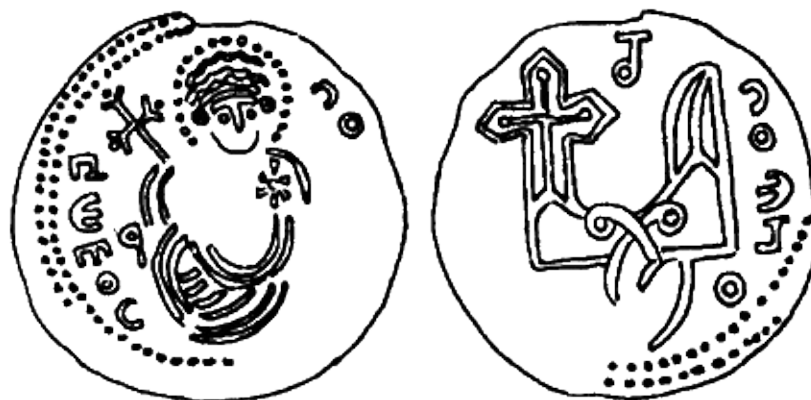
FRIHETS- & PINGST-Nr.

Из фригийского колпака Революции и Свободы, который протыкается штыком военной власти, вываливаются символы новых самостоятельных государств: лев Финляндии, польский орел, литовский всадник, украинская Богородица, эмблемы Казани и Грузии

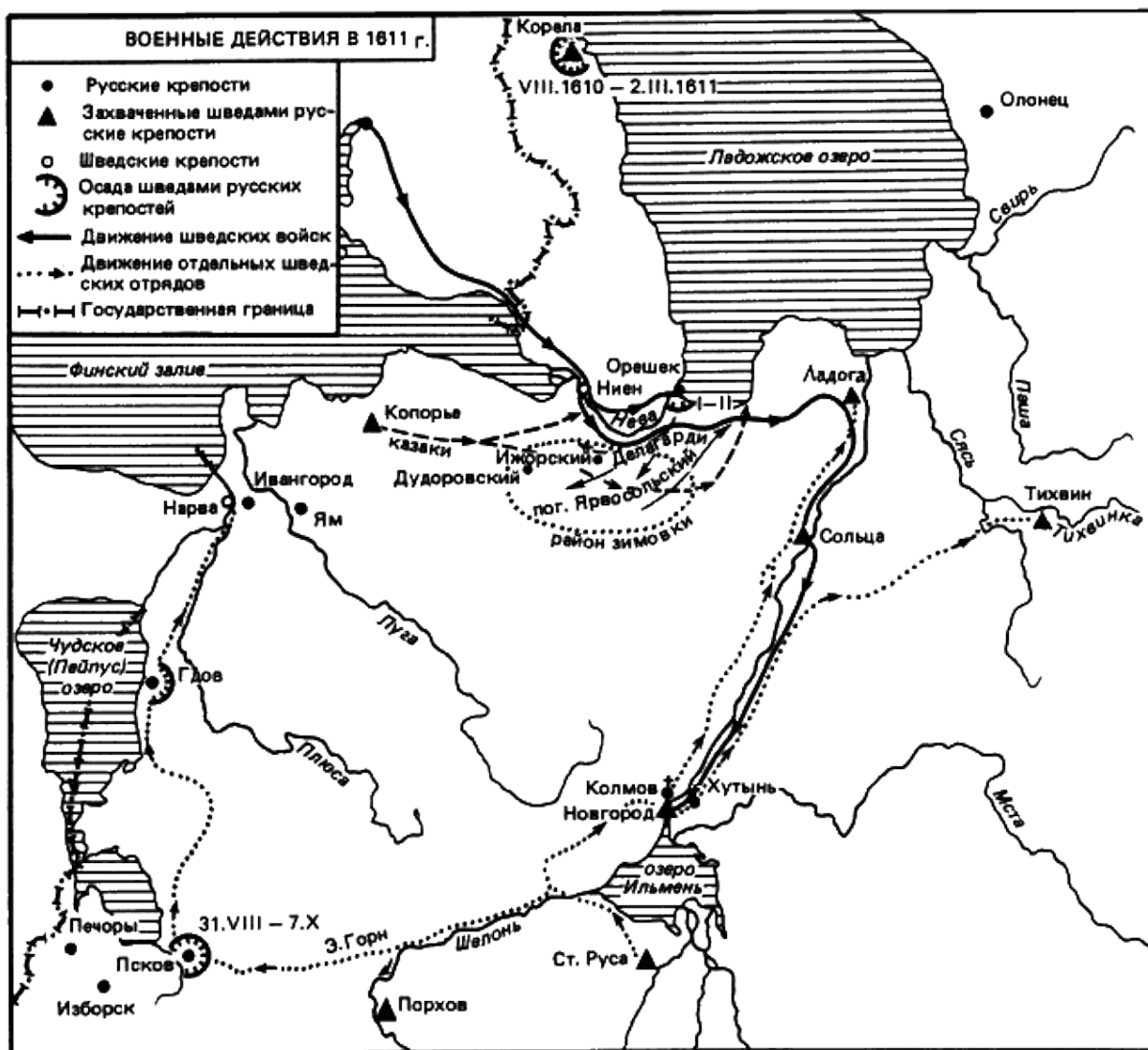
Печать Святополка. Аверс: портрет князя; реверс: апостол Петр

Сребреник Святополка. Аверс: апостол Петр; реверс: знак Святополка

«На! Вот тебе голова, господарь! Можешь ли ее узнать?»

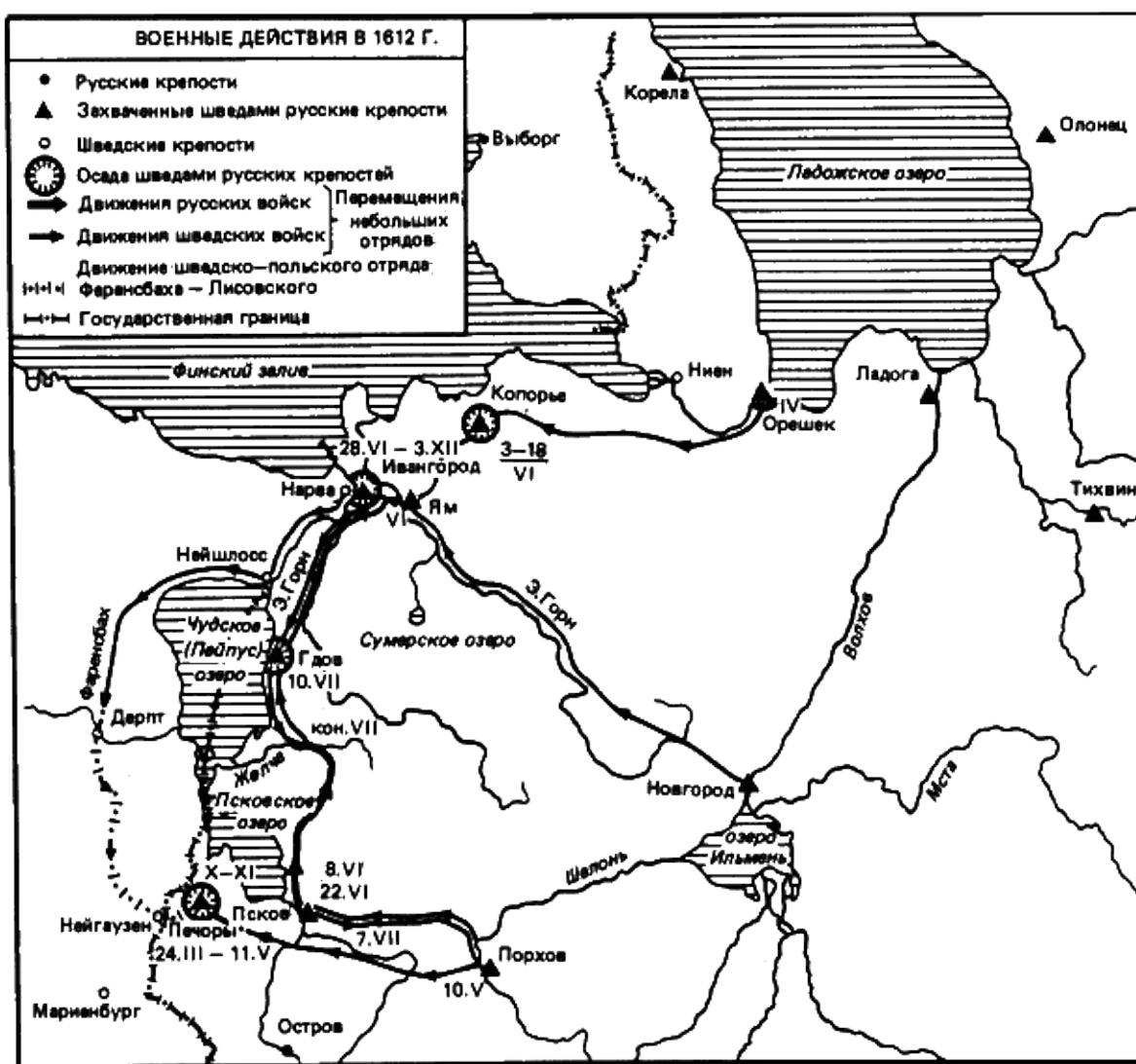

Шведская интервенция. Военные действия в 1611 г.

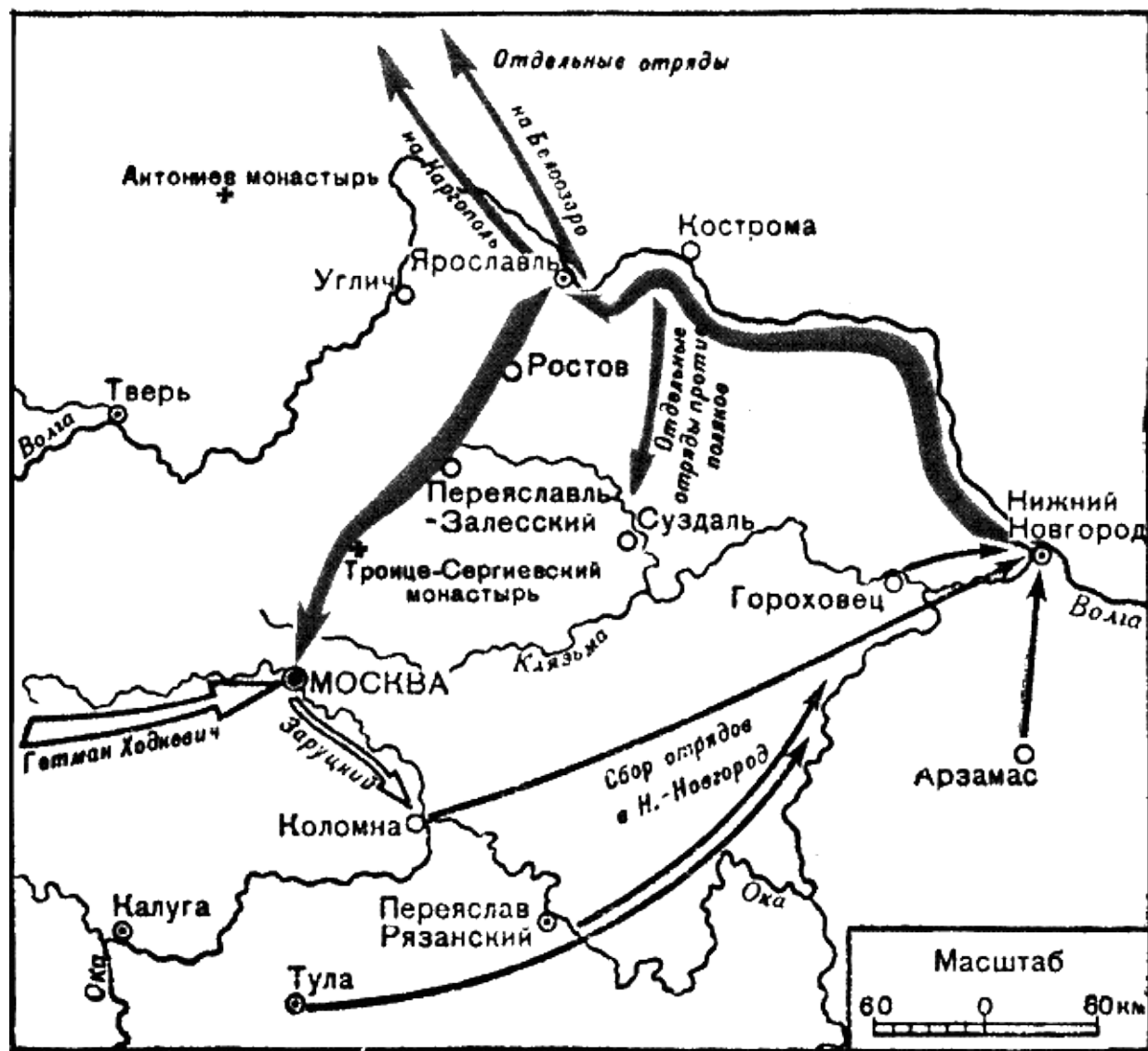

ни Дамірꙋ" гождско
рѣиѣ прилоѣи

Печать и подпись князя Д.М. Пожарского

Военные действия против шведов в 1612 г.

Сбор и путь движения ополчения Минина и Пожарского к Москве в 1612 г.

Обыватель:

– Эх, сколько наплодилось – одни поганки.

Рис. М. Андреева. (Карикатура 1917 г.)

Проект памятника главным деятелям русской революции. Рис. РеВми.
(Карикатура 1917 г.)

– И что это, право, у нас – правительство временное, законы

временные, всё временное...

– И не говорите, только одна война постоянна.

Рис. В. Лебедева. (Карикатура 1917 г.)

В недоумении:

– Как же это так? хозяин, – кажись, я, а они без меня землю делить стали.

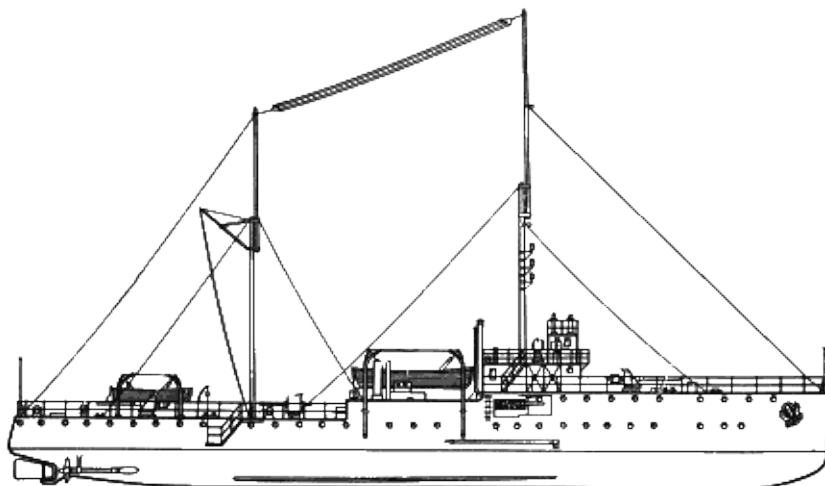
Рис. М. Андреева. (Карикатура 1917 г.)

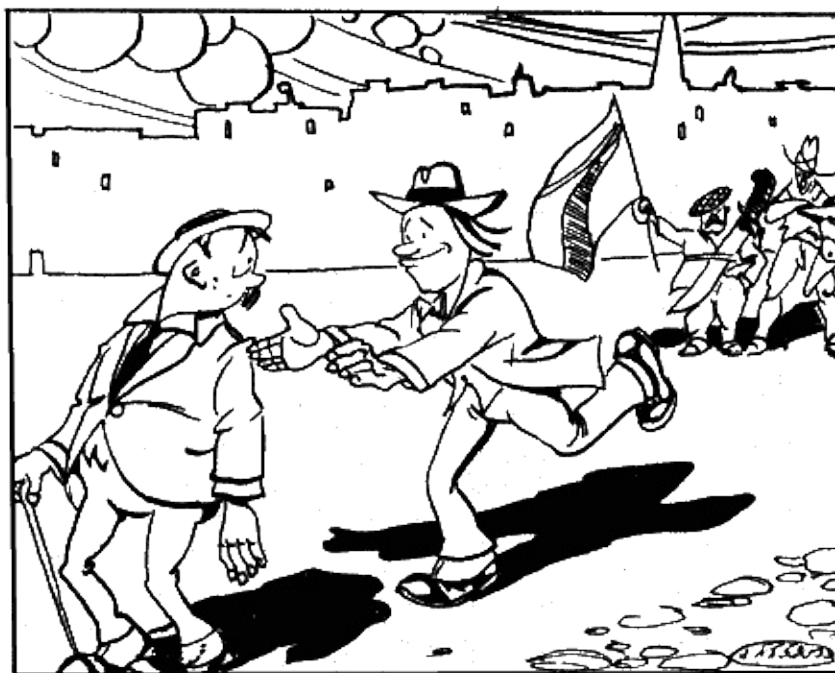
Заботливые автономисты: «Не плачь, Россия. По крайней мере так тебе ноги негде будет протянуть». Рис. А. Радакова. (Карикатура 1917 г.)

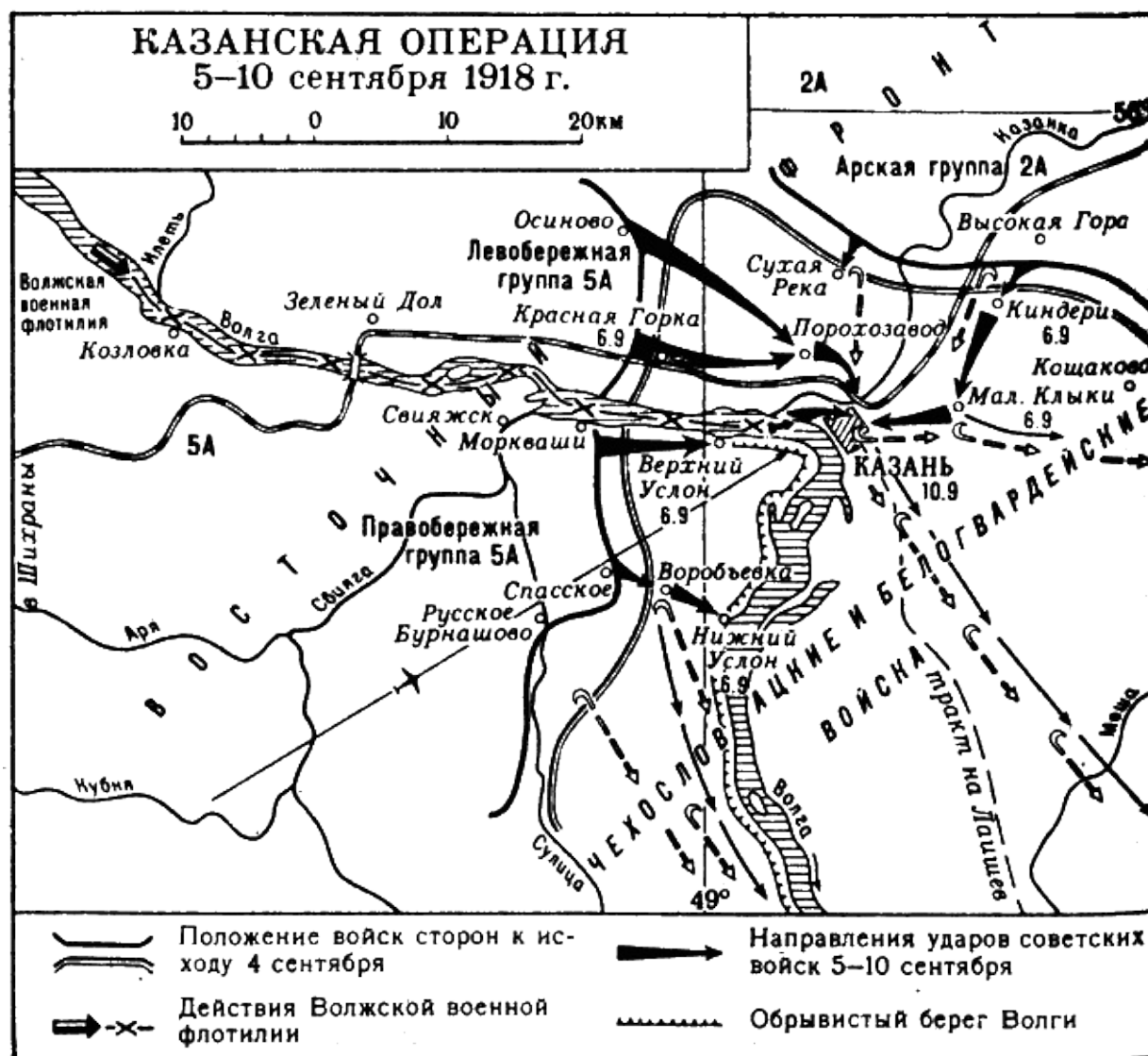
Не стреляет, не звонит и не царствует. Рис. Д. Мора. (Карикатура 1917 г.)

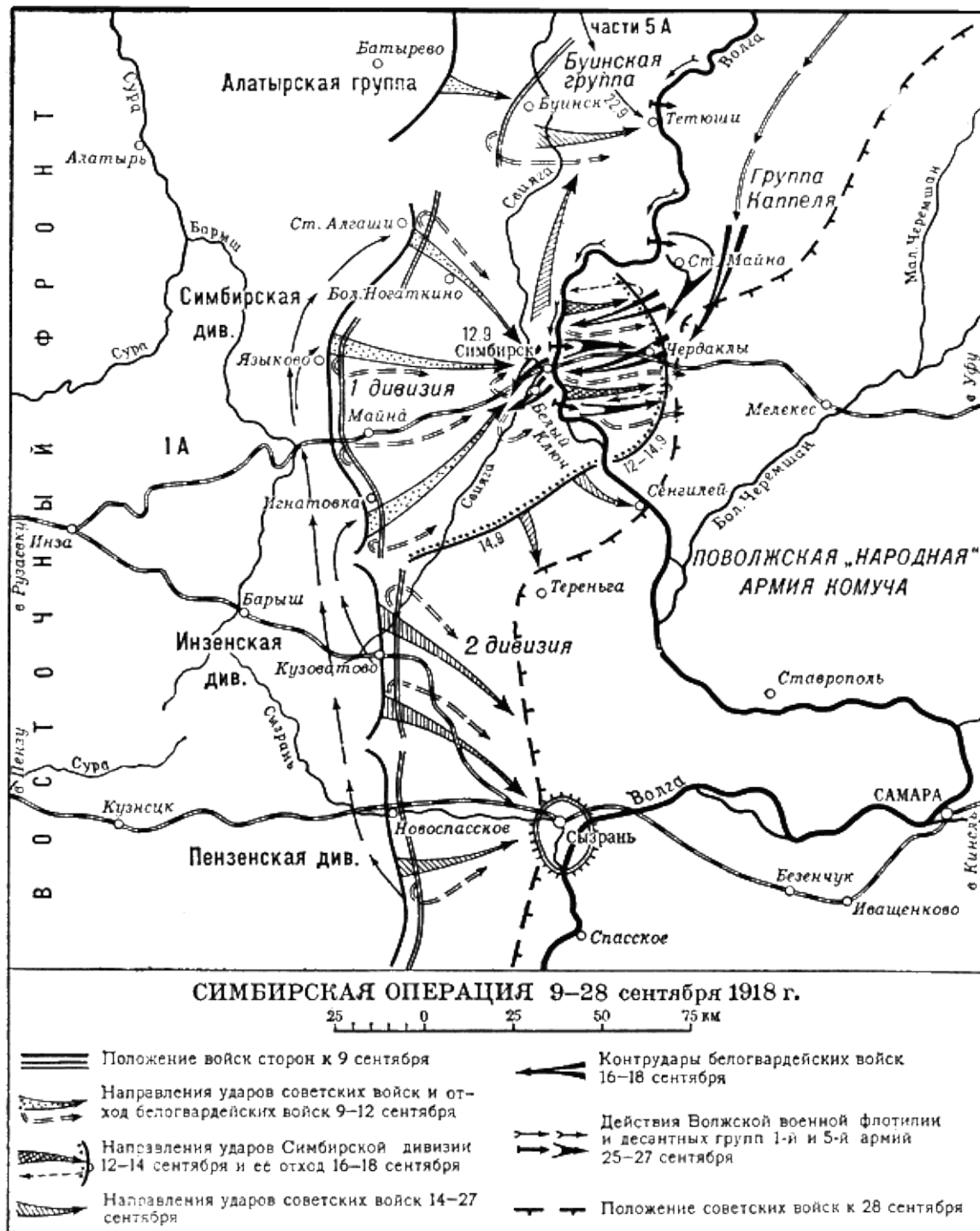
Канонерская лодка «Карс»

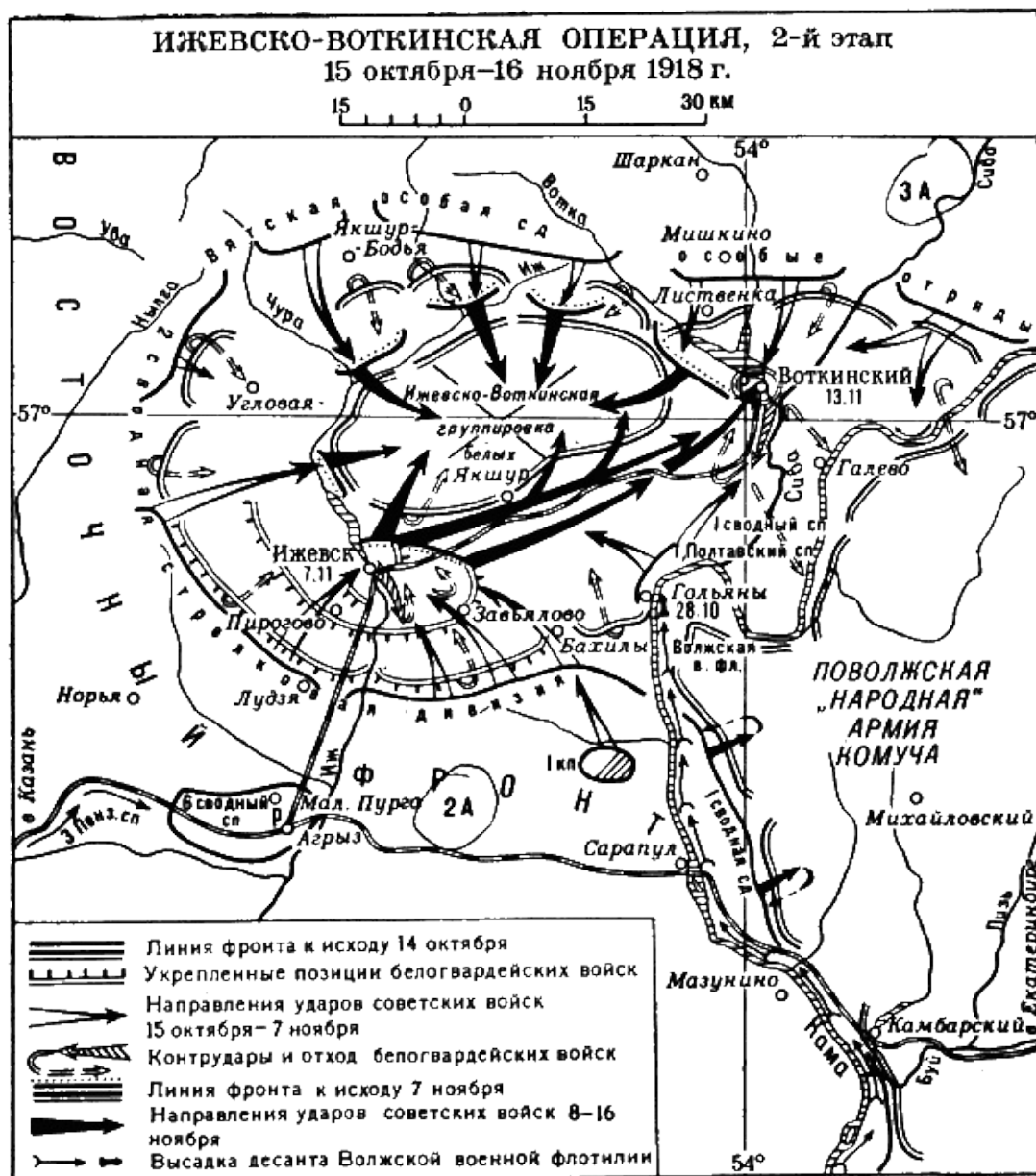
- Что вам от меня надо?
- Вас, именно вас! У нас не хватает одного человека для объявления самостоятельной республики!
- (Карикатура 1917 г.)

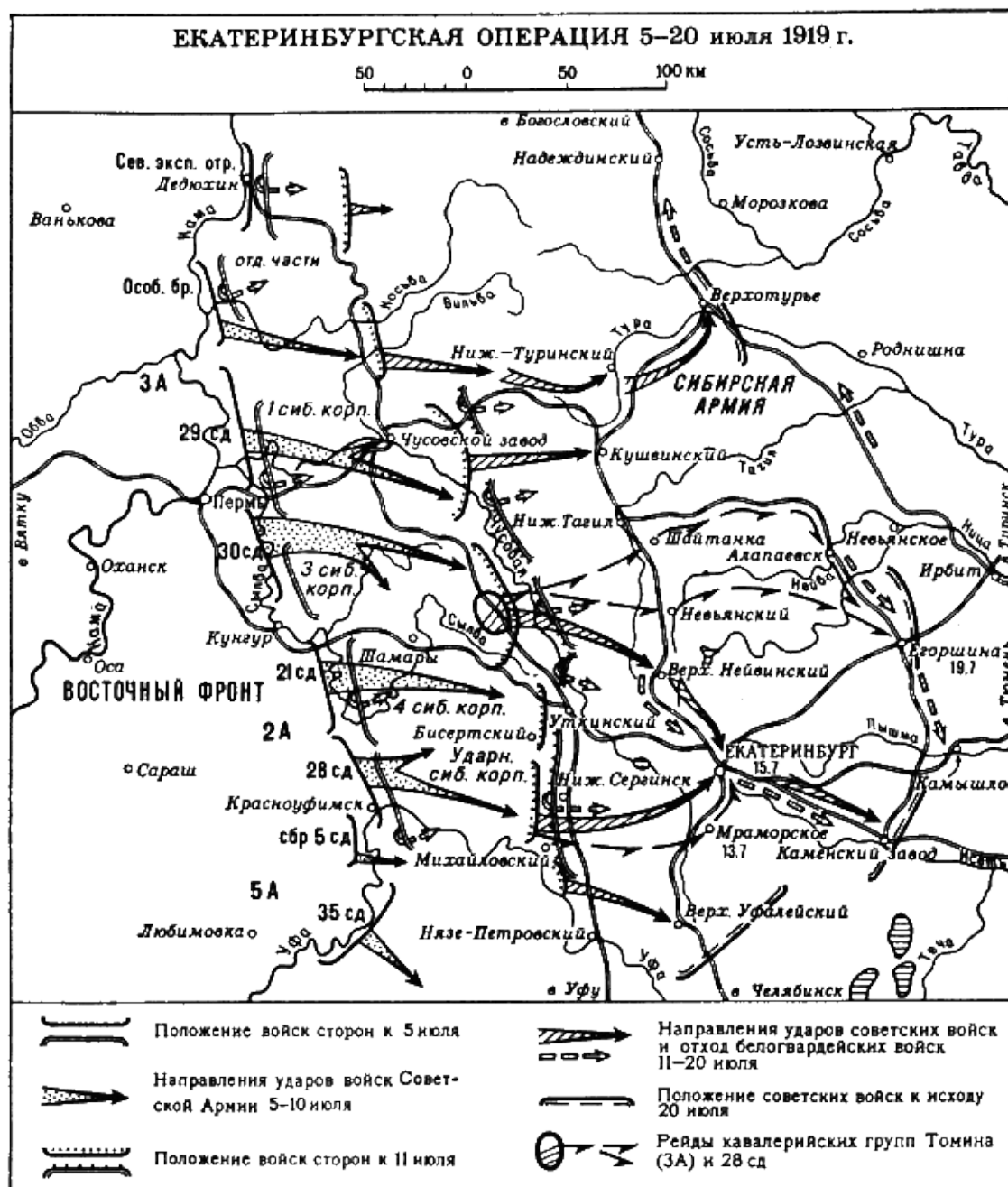
Казанская операция 5—10 сентября 1918 г.

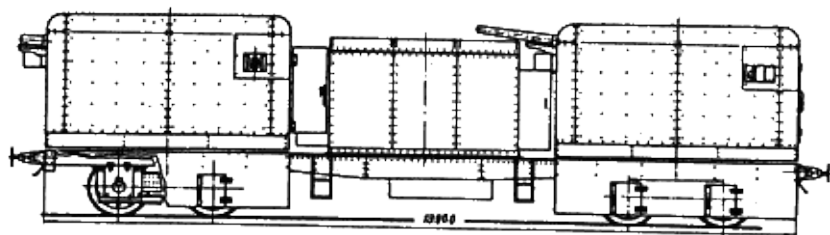
Симбирская операция 9—28 сентября 1918 г.

Ижевско-Воткинская операция. 2-й этап. 15 октября – 16 ноября 1918 г.

Екатеринбургская операция 5—20 июля 1919 г.

Бронеплощадка бронепоезда № 71 «Имени Володарского»

Первая Читинская операция 10–13 апреля 1920 г.

2-я ЧИТИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

25 апреля—5 мая 1920 г.

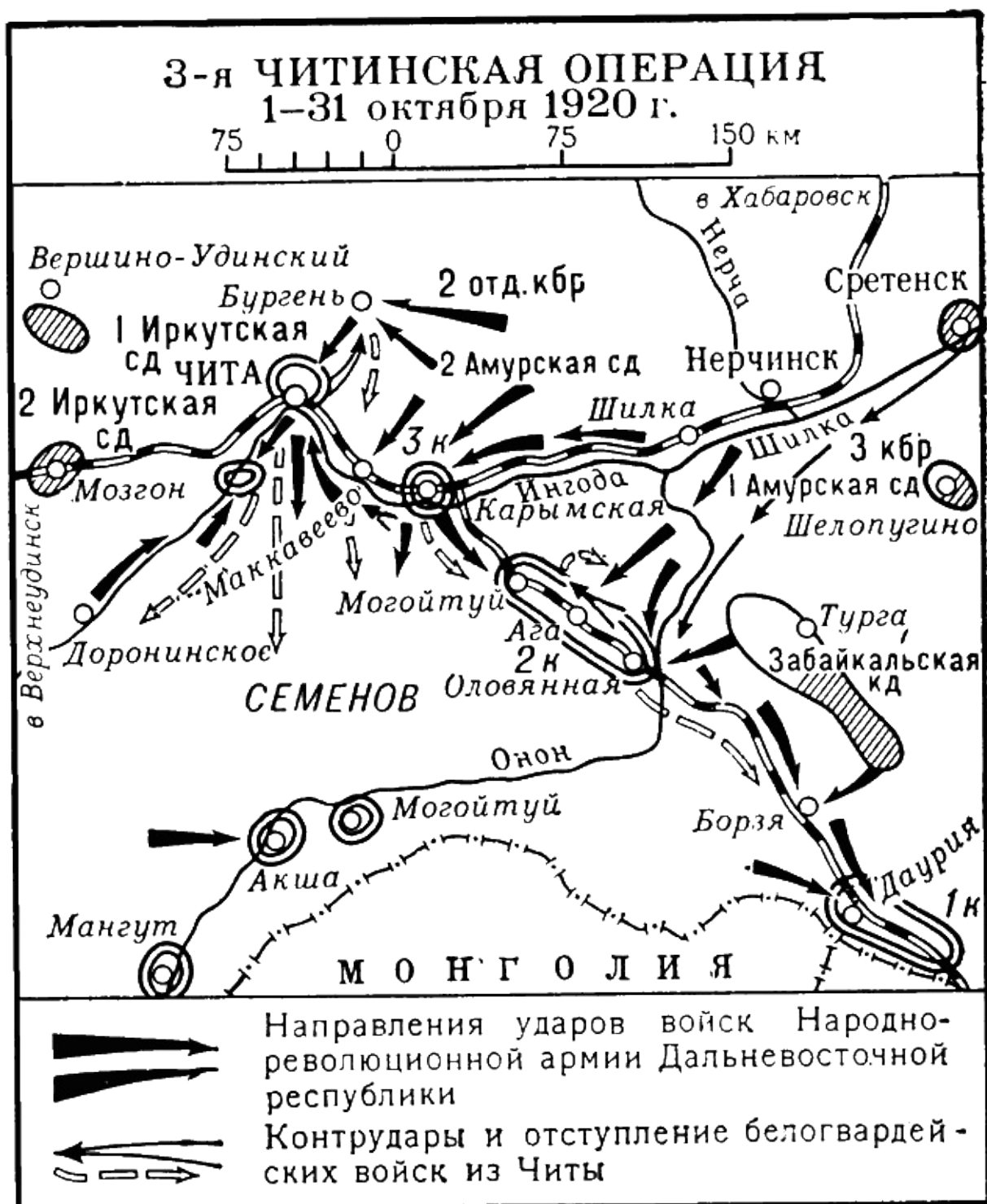
25 0 25 50 km

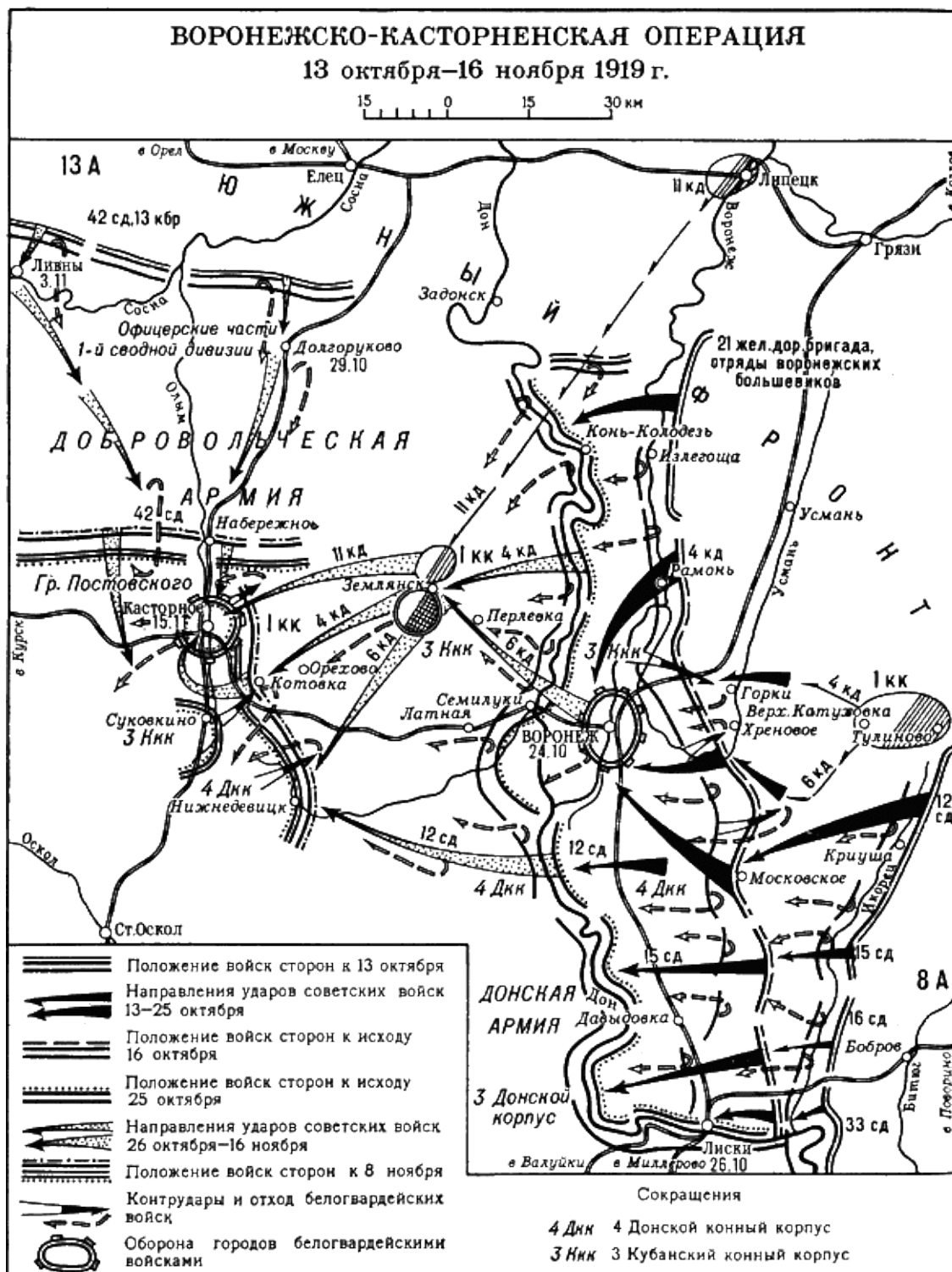
Направления ударов войск Народно-революционной армии Дальневосточной республики

Контрудары белогвардейских и японских войск

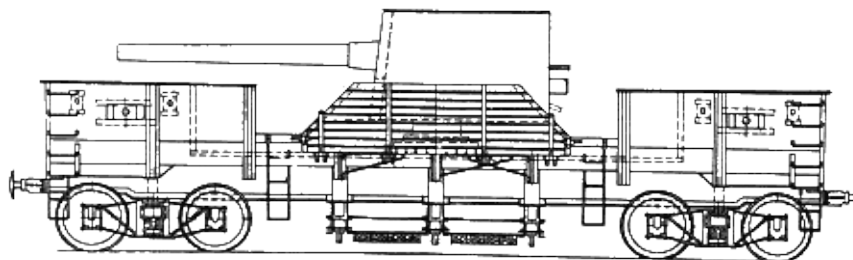
Вторая Читинская операция 25 апреля – 5 мая 1920 г.

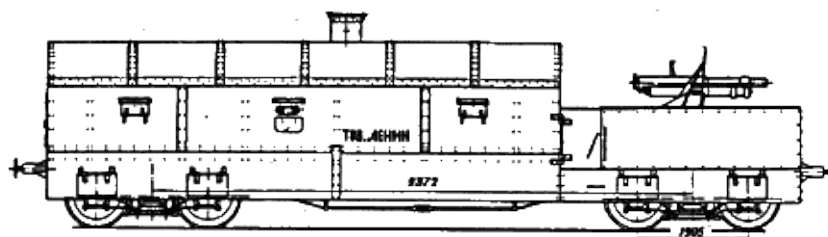
Третья Читинская операция 1—31 октября 1920 г.

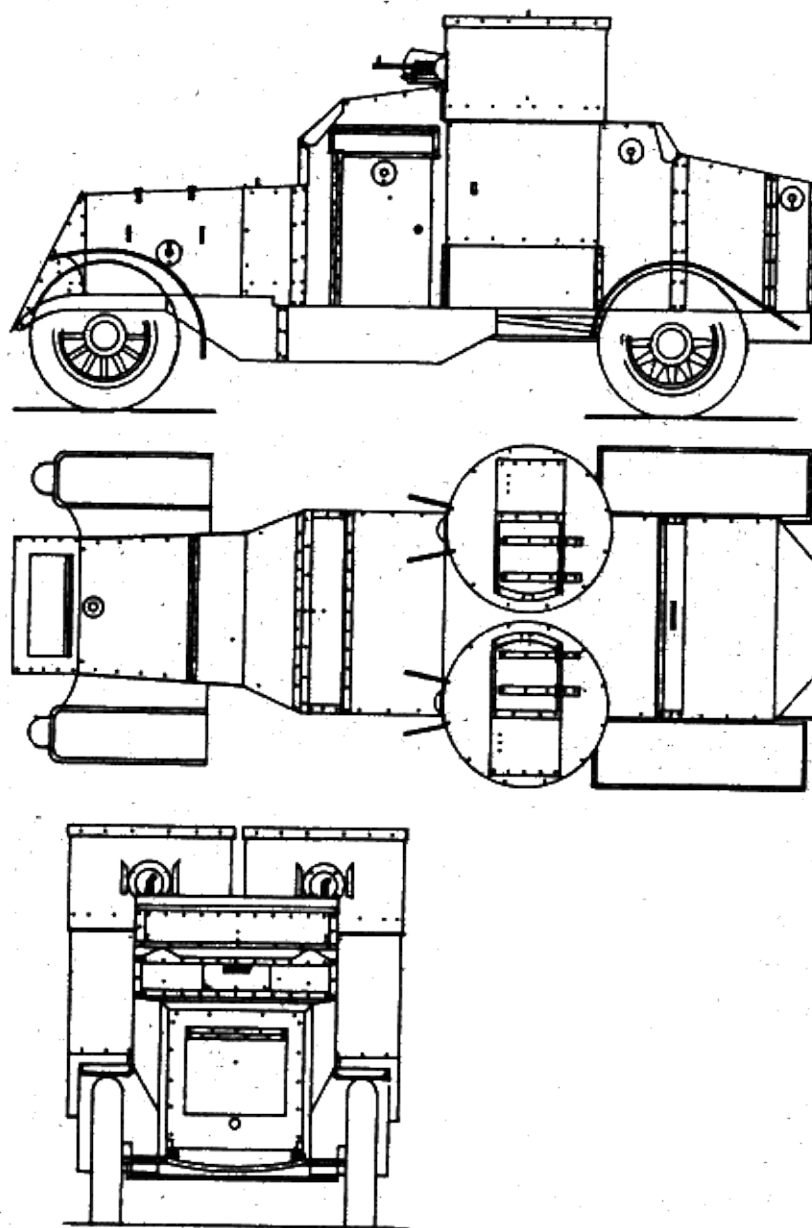
Воронежско-Касторненская операция 13 октября – 16 ноября 1919 г.

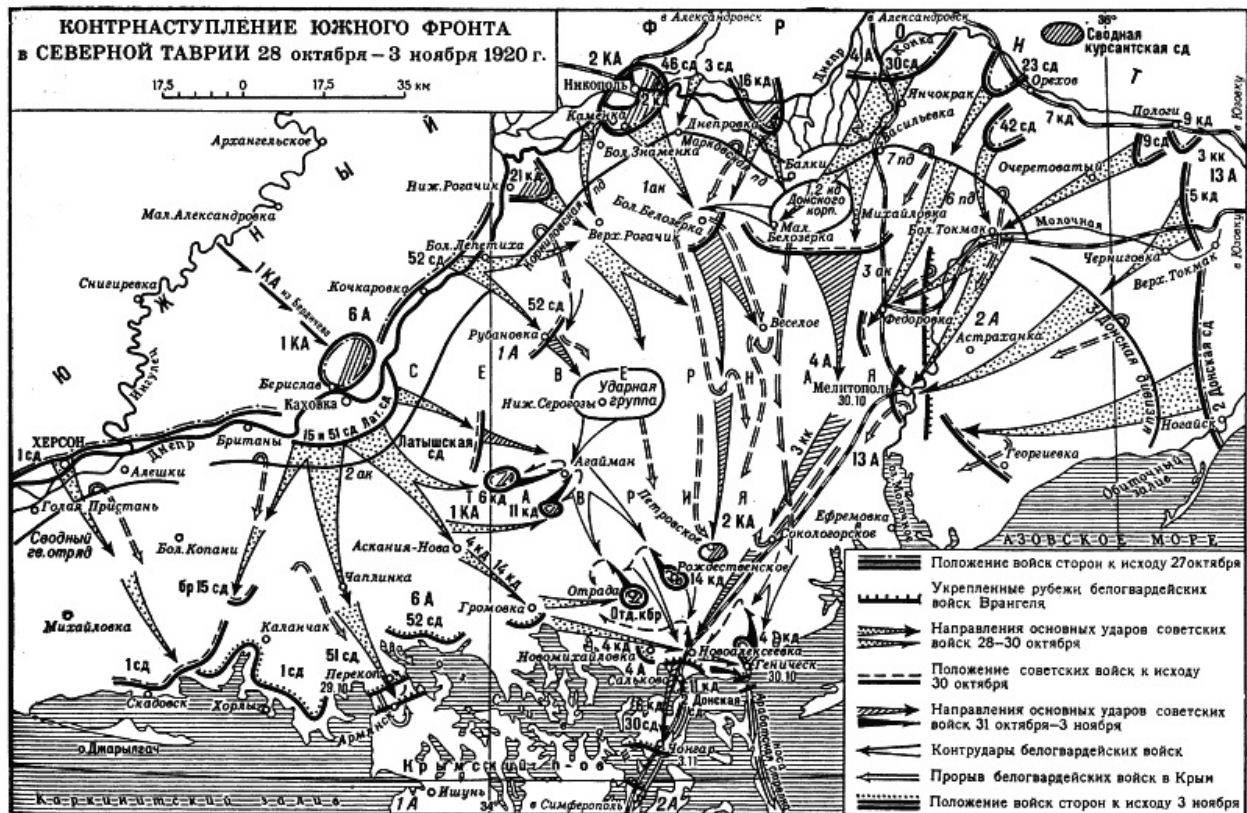
152Вмм морская пушка Кане на железнодорожной установке Севастопольского завода. Несколько установок такого типа воевали в 1919 г. в Добровольческой армии

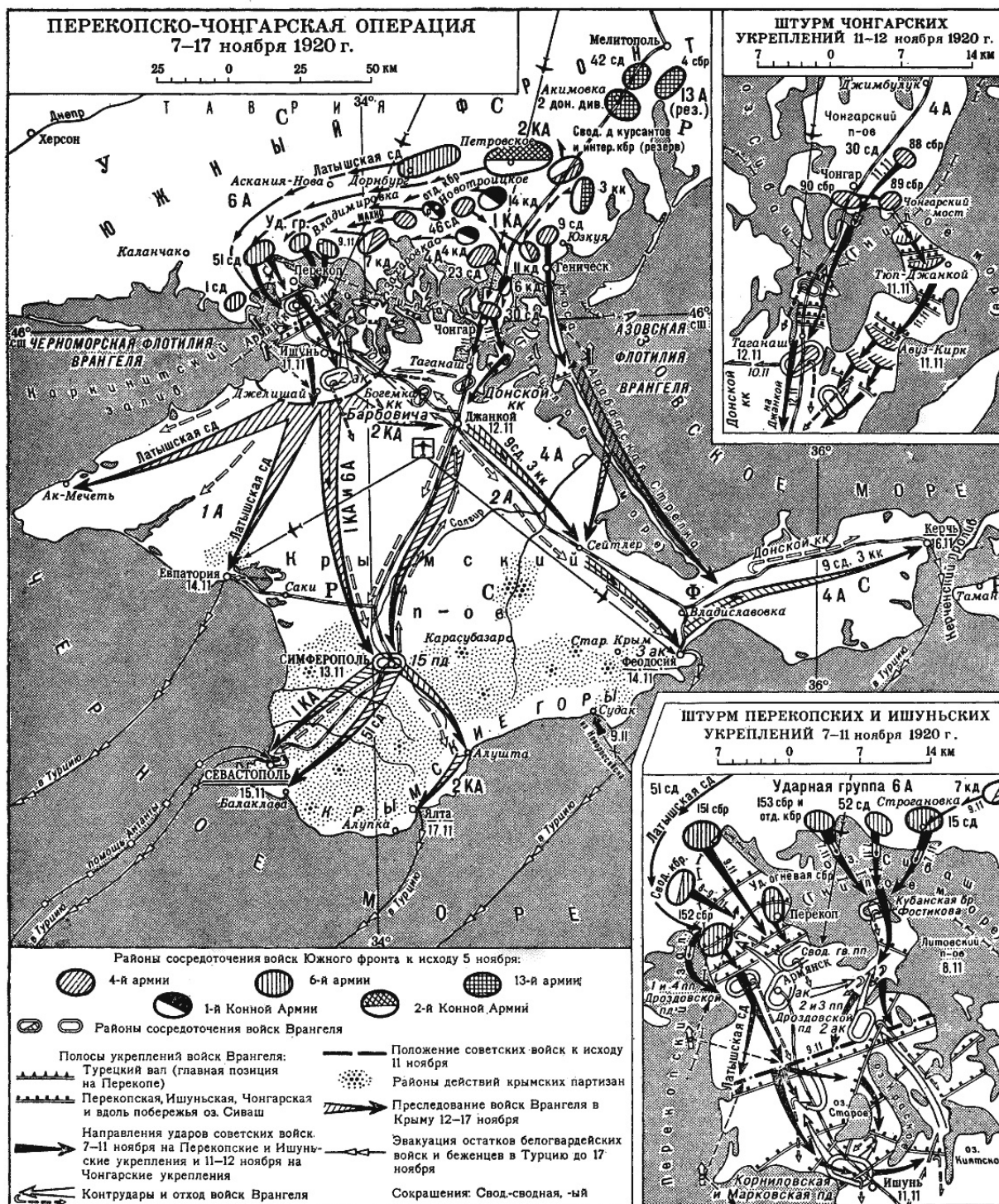
Бронеплощадка бронепоезда «Товарищ Ленин»

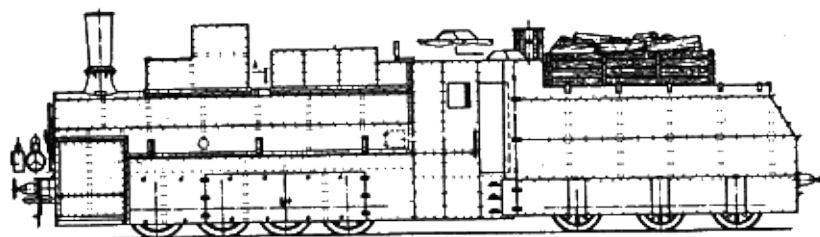
Бронеавтомобиль на шасси британского грузовика «Остин». Такие бронеавтомобили широко использовались как красными, так и белыми

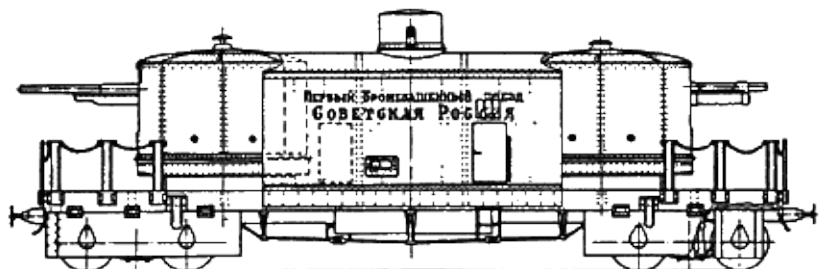
Контрнаступление Южного фронта в Северной Таврии 28 октября – 3 ноября 1920 г.

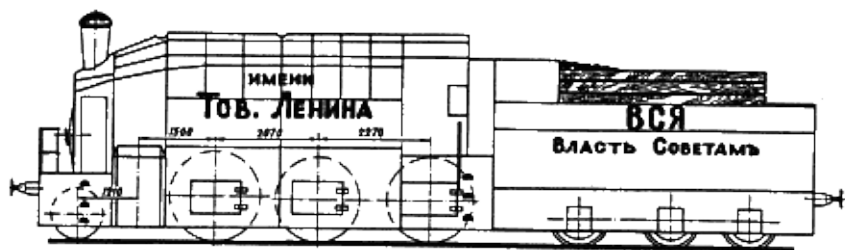
Перекопско-Чонгарская операция 7—17 ноября 1920 г.

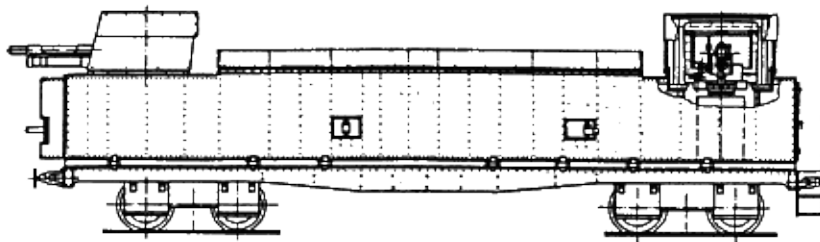
Бронепаровоз Сормовского завода

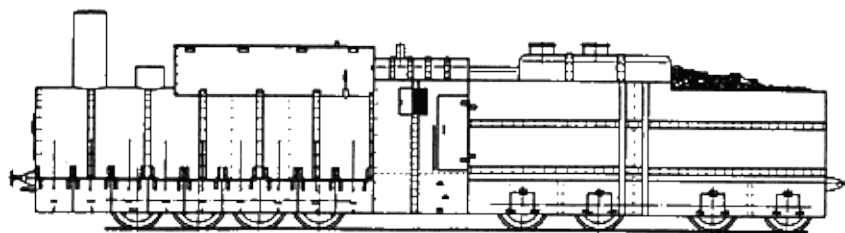
Бронеплощадка бронепоезда № 98 «Советская Россия»

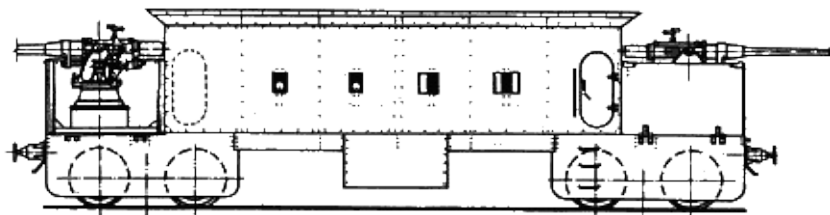
Бронепаровоз бронепоезда № 6 «Имени тов. Ленина»

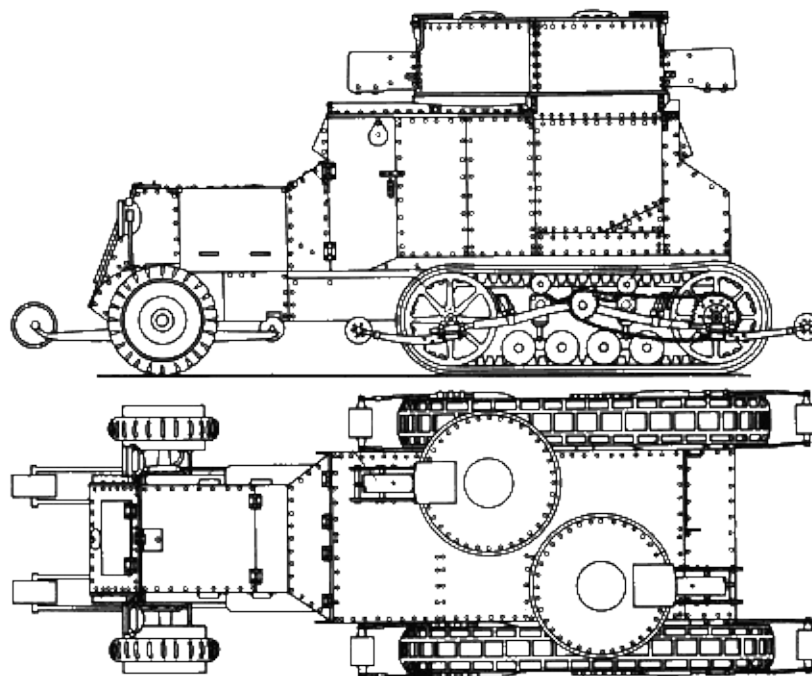
Бронеплощадка бронепоезда № 89 «Имени Троцкого»

Бронепаровоз бронепоезда № 36 «Товарищ Ленин»

Бронеплощадка с 75-мм пушкой бронепоезда «2-й Петроградский»

Бронеавтомобиль Путиловского завода на шасси автомобиля «Остин-Кегресс»

Список использованной литературы

Александр Невский. Сборник / Составитель Т.А. Соколова. М.: Новатор, 1998.

Алтабаева Е.Б. Смутное время: Севастополь в 1917–1920 годах. Севастополь: Телескоп, 2004.

Амирханов Л.И., Ткаченко В.Ф. Форты Кронштадта. М.: Остров, 2004.

Белые армии, черные генералы. Мемуары белогвардейцев / Сост. В.П. Федюк. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1991.

Боевой путь советских вооруженных сил / Под ред. В.Е. Зубакова. М.: Воениздат, 1960.

Болотин Д.Н. История советского стрелкового оружия и патронов. СПб.: Полигон, 1995.

Борисов Н.С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2003.

Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М.: Издательство Московского университета, 1986.

Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1976.

Бычков А.А., Низовский А.Ю., Черносвитов П.Б. Загадки Древней Руси. М.: Вече, 2000.

Валишевский К. Смутное время. М.: СП «Квадрат», 1993.

Валянский С.И., Калюжный Д.В. Другая история Руси. М.: Вече, 2001.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1977.

Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и

Международного научного семинара. Казань, 28–29 августа 2000 года. Казань: Мастер-Лайн, 2001.

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров, АСТ, 1999.

Величко С. Летопись событий в юго-западной России в XVII веке. В 4-х томах. Киев, 1848–1864.

Воинские повести древней Руси / Составитель Н.В. Понырков. Ленинград: Лениздат, 1985.

Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Волков С.В. Офицеры флота и Морского ведомства. М.: Русский путь, 2004.

Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М.: Товарищество русских художников, 1991.

Гончаренко О.Г. Три века императорской гвардии. М.: Вече, 2006.

Гордиенко Н.С. Православные святые: кто они? Ленинград: Лениздат, 1979.

Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2003.

Гражданская война в России: Борьба за Поволжье / Сост. А. Смирнов. М.: АСТ: Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2005.

Гражданская война в России: оборона Крыма. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1983.

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. III. Юго-запад / Под ред. А.А. Соболева, Ленинград, 1925.

Гримберг Ф. Рюриковичи, или Семисотлетие «вечных» вопросов. М.: Московский лицей, 1997.

Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891.

Губарев В.К. История Украины. Конспект лекций для студентов и преподавателей. Донецк: БАО, 2004.

Демидова Н., Морозова Л., Преображенский А. Первые Романовы на российском престоле. М., 1996.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М.: Ладомир, 1994.

Джаксон Т.Н. Четыре норвежских конунга на Руси. М.: Язык русской культуры, 2000.

Дмитрий Донской. Сборник / Автор и составитель Ю.М. Лощиц. М.: Новатор, 1996.

Дневники императора Николая II / Под ред. К.Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1991.

Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М.: Новости, 1992.

Дороговоз И.Г. Крепости на колесах. История бронепоездов. Минск: Харвест, 2002.

Древнерусская литература / Составитель О.В. Творогов. М.: Просвещение, 1995.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Москва, Ленинград, 1950.

Евдокимов Д. Воевода. М.: Армада, 1996.

Жизнеописания, факты и гипотезы, портреты и документы в книгах. Российские судьбы. Кузьма Минин. Дмитрий Пожарский / Издатель К. Кренов. М.: Новатор, 1997.

Зимин А.А. Витязь на распутье. М.: Мысль, 1991.

Ивакин Г.Ю. Киев в XII–XV вв. Киев, 1982.

Иванов В.Б. Тайны Севастополя. Кн. 1. Тайны земные. Севастополь: КИЦ «Севастополь», 2005.

Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси. М.: Художественная литература, 1969.

Иловайский Д.И. Собиратели Руси. М.: Чарли, 1996.

Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М.: Мысль, 1983.

История дипломатии / под ред. В.П. Потемкина. М. – Л-д: Государственное издательство политической литературы, 1945.

История отечественной артиллерии. Т. III. Артиллерия Советской Армии до Великой Отечественной войны (октябрь 1917 – июнь 1941 г.). Кн. 7. Советская артиллерия в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР (1917–1920 гг.), М. – Л-д: Воениздат, 1963.

Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918–1921. СПб.: Полигон, 2002.

Карпов Н.Д. Трагедия белого юга. М.: Вече, 2005.

Керенский А.Ф. Гатчина. 1922.

Кириков Б. Углич. Ленинград: Художник РСФСР, 1984.

Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994.

Князь Александр Невский и его эпоха / Под ред. Ю.К. Бегунова и А.Н. Кирпичникова. СПб: Издательство «Дмитрий Буланин», 1995.

Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995.

Коган В.М., Домбровский-Шалагин В.И. Князь Рюрик и его потомки. Историко-генеалогический свод. СПб.: Паритет, 2004.

Коган В.М. История дома Рюриковичей. СПб.: Издательский дом «Бельведер», 1993.

Кожин В.В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. М.: Чарли, Московский учебник-2000, 1997.

Коломиец М., Мощанский И., Ромадин С. Танки Гражданской войны. М.: М-Хобби, 1999.

Лаврентьев А.В. Царевич – царь – кесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2001.

Лавров Д. Святой страстотерпец, благоверный князь угличский царевич Димитрий, московский и всея России чудотворец. Сергиев Посад: Типография Св. – Тр. Сергиевой Лавры, 1912.

Ленин В.И. Военная переписка (1917–1920). М.: Воениздат, 1956.

Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М.: Воскресенье, 1992.

Масса И. Краткое сказание о Московии. 1601–1610 гг. Брюссель, 1866.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). Казань, 2002.

Михайлова И.Б. Служилые люди северо-восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2003.

Морозова Л.Е. Затворницы. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

Некрасов С. Предки царя Михаила Федоровича. Тверь, 1913.

Низовский А. Русские самозванцы. М.: Издательский дом «Прибой», 2000.

Никольский Н.М. История русской церкви. М.: Издательство политической литературы, 1983.

Окороков А.В. Русские добровольцы. М.: ООО «Авуар консалтинг», 2004.

Павлов А. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб.: Наука, 1992.

Пасхалова Т., Станюкович А. Усыпальница прародителей царского дома Романовых в московском ставропигиальном Новоспасском монастыре. М.: Новоспасский монастырь, 1997.

Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М.: Алгоритм, 2005.

Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М.: Памятники исторической мысли, 1995.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах: Вып. II. Войны и мирные договоры. Книга 3-я: Европа в 1-й половине XX в. Справочник. М.: Международные отношения, 1999.

Похлебкин В.В. Татары и Русь. М.: Международные отношения, 2000.

Прокофьев С. Тайна царевича Дмитрия. М.: Evidentis, 2001.

Пушкин А.С. Собрание сочинений. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957.

Пятницкий, П. Сказание о венчании на царство русских царей и императоров. М.: 1896.

Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича. СПб., 1901.

Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исслед. и подг. текстов Н.И. Милютенко. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006.

Симанов С.Н. Кронштадтский мятеж. М.: Алгоритм, 2003.

Симанов С.Н. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 года. М.: Наука, 1973.

Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. М.: Молодая гвардия, 1981.

Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1978.

Скрынников Р.Г. История Российская, IX–XVII вв. М.: Весь мир, 1997.

Скрынников Р.Г. Лихолетье. М.: Московский рабочий, 1988.

Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей. М.: Московский рабочий, 1986.

Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVI века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1990.

Скрынников Р.Г. Святители и власти. Ленинград: Лениздат, 1990.

Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Ленинград, 1985.

Слащов-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. М.: Наука, 1990.

Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606–1607. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959–1961.

Станиславский А.Л. Гражданская война в России в XVII в. М.: Мысль, 1990.

Титмар Мерзебургский. Хроника. М.: Русская панорама, 2005.

Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М.: Наука, 1973.

Ткаченко В.А. Московские великие и удельные князья и цари. М.: Поиск, 1992.

Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М.: Книга, 1990.

Тушинский вор. Личность, окружение, время. Документы и материалы / Сост. В.И. Кузнецов, И.П. Кулакова. М.: Издательство Московского университета, 2001.

Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. М.: Москва, 1998.

Урланис Б.Ц. История военных потерь. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1998.

Успенский Ф.И. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб, 1872.

Федотов Г.П. Святые древней Руси. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М.: Прогресс, 1989.

Филист Г.М. История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск: Беларусь, 1990.

Флот в белой борьбе / Состав. С.В. Волков. М.: ЗАО Центрполиграф, 2002.

Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М.: Издательство Московского университета, 1986.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: Инсан, 1991.

Широкоград А.Б. Дмитрий Пожарский против Михаила Романова. Загадка 4 ноября. М.: Вече, 2005.

Широкоград А.Б. Великая речная война. 1918–1920 годы. М.: Вече, 2006.

Широкоград А.Б. Дипломатия и войны русских князей. От Рюрика до Ивана Грозного. М.: Вече, 2006.

Широкоград А.Б. Куликовская битва и рождение Московской Руси. М.: Вече, 2005.

Широкоград А.Б. Путь к трону: Историческое исследование. М.: Астрель, АСТ, 2002.

Широкоград А.Б. Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество. М.: Вече, 2004.

Широкоград А.Б. Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны. М.: Вече, 2006.

Широкоград А.Б. Четыре трагедии Крыма. М.: Вече, 2006.

Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М.: Памятники исторической мысли, 2004.

Юзефович Л. Самодержец пустыни. М.: Эллис Лак, 1993.

Примечания

1

Вышгород – княжеское село недалеко от Киева.

Успенский Ф.И. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб., 1872. С. 257.

Альта – небольшая речка, приток Трубежа, левого притока Днепра.

Цит. по: *Филист Г.М.* История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск: Беларусь, 1990. С. 7.

Там же.

Цит. по: Древнерусская литература / Составитель О.В. Творогов. М.: Просвещение, 1995. С. 46–49.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 506.

Интересную мысль высказала историк Фанна Гимберг: все славянские имена оканчивались на – мир или – слав (Ярослейф – Ярослав, Вартилаф – Брячислав), и варяги автоматически удлиннили имя Борис – Борислав. Гимберг считает имя Борис не славянским, а тюркским. По мнению автора, могло быть и наоборот – в ходе гражданской войны Борис сам решил славянизировать свое имя и стал Бориславом. Кстати, христианские имена Бориса и Глеба – Роман и Давид.

Цит. по: *Филист Г.М.* История «преступлений» Святополка Окаянного. С. 56.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М.: Ладомир, 1994. С. 109.

Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 236.

Цит. по: *Филист Г.М.* История «преступлений» Святополка Окаянного. С. 64.

О походе войска Святополка Окаянного в земли древлян сведений нет ни в одном источнике.

Тут стоит отметить любопытную деталь: здесь и далее русские и поляки ругаются и мирятся, понимая друг друга без переводчиков, что служит достоверным доказательством крайней близости древних русского и польского языков.

Цит. по: Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 510.

Ряд историков, в том числе Г.М. Филист, говорят об осени 1018 г.

Цит. по: *Филист Г.М.* История «преступлений» Святополка Окаянного. С. 79.

Речка Судома в Порховском уезде Псковской губернии.

Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исслед. и подг. текстов Н.И. Милютенко. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006. С. 54.

Подробно об этом рассказано в моей книге «Куликовская битва и рождение Московской Руси» (М.: Вече, 2005. С. 65–69).

Дмитрий Донской. Сборник / Автор и составитель Ю.М. Лощиц. М.: Новатор, 1996. С. 121–122.

Там же. С. 23–24.

Зимин А.А. Витязь на распутье. М.: Мысль, 1991. С. 191–195.

Тверской князь Михаил Александрович был конкурентом великого князя Дмитрия в борьбе за ярлык на Владимирское княжество и уже 5 сентября 1382 г. отправился в Орду за ярлыком.

По крайней мере официально. Многие литовцы, хотя и крестились, в душе оставались язычниками.

Еще в 1385 г. в местечке Крево был подписан акт об унии – объединении Польши и Литвы. Уния была личной. Сын Ольгерда Ягайло (православное имя Яков) женился на Ядвиге, дочери польского короля Людовика, не имевшего сыновей. Таким образом, Ягайло, отрекшийся от православия и перешедший в католичество под именем Владислав, стал королем Польши.

Киевские князья были «подручниками» Великого княжества Московского.

Иловайский Д.И. Собиратели Руси. М.: Чарли, 1996. С. 163.

Морозова Л.Е. Затворницы. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. С. 84.

Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2003. С. 138–139.

Горский А.А. Москва и Орда. С. 141.

Наши историки пишут: «Василий II заключил соглашение... Василий II двинул войска...» и т. д., но насколько нелепо это по отношению к 10-летнему ребенку.

Зимин А.А. Витязь на распутье. С. 33.

Как не вспомнить фильм «Адмирал Ушаков», где английский посол в Петербурге спрашивает турецкого: «В вашем Трапезунде чума, а в Херсоне нет чумы?» «Нет». «А ведь могла быть».

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). Казань, 2002. С. 315.

Улу-Мухаммед действительно владел лишь Западной частью Золотой Орды.

Цит. по: *Зимин А.А.* Витязь на распутье. С. 57.

Зимин А.А. Витязь на распутье. С. 68.

Борисов Н.С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 48.

Цит. по: *Зимин А.А.* Витязь на распутье. С. 66.

Эта цифра приведена в хронике Быховца, что, видимо, преувеличение.

Зимин А.А. Витязь на распутье. С. 70.

Борисов Н.С. Иван III. С. 49–50.

Цит. по: *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 290.

Зимин А.А. Витязь на распутье. С. 74–75.

Формально Александр Брюхатый, единственный сын великого князя ярославского Федора Васильевича, был последним удельным ярославским князем, но фактически он был подручником Василия II. Юридически он уступил свои права на княжество Ивану III лишь в 1463 г.

Они вернутся в Белев лишь в конце 50-х годов XV в., но в 1459 г. признают себя вассалами великого князя литовского Казимира.

Цит. по: *Зимин А.А.* Витязь на распутье. С. 82.

Ряд авторов опровергают это утверждение и считают, что новая Казань была построена в 90-х годах XIV в.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: Инсан, 1991.
С. 26.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 308.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы. 1959–1961. Кн. II. С. 401–402.

Цит. по: *Борисов Н.С.* Иван III. С. 64–65.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Москва, Ленинград, 1950. С. 107.

Шемяка же предпочитал не платить ни одному хану. Любопытно, что по сему поводу Н.С. Борисов дюже возмущается: «Утаивание части ордынского „выхода“... все эти грешки Шемяки как-то не вяжутся с образом благородного рыцаря, борца за свободу, каким рисуют буйного Юрьевича некоторые историки» (*Борисов Н.С. Иван III. С. 71*). «Некоторые историки» – это, явно, про А.А. Зимина. А мнение же Борисова таково: раз платят «прогрессивные» московские правители, надо и всей Руси платить и пресмыкаться перед татарами.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 312.

Похлебкин В.В. Татары и Русь. М.: Международные отношения, 2000.
С. 83.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 144.

Ходили слухи, что Тверь будет одной из первых передана татарам.

Из выживших к 1447 г. сыновей.

Морозова Л.Е. Затворницы. С. 127.

Зимин А.А. Витязь на распутье. С. 130.

Зимин А.А. Витязь на распутье. С. 144.

Зимин А.А. Витязь на распутье. С. 146.

Видимо, р. Битюг, приток Дона, протекающая в Воронежской области по Окско-Донской долине.

Кокшенга – приток р. Устья, впадающей в Вагу.

Борисов Н.С. Иван III. С. 125.

Граф Якоб Делагарди – сын знаменитого шведского полководца Понтуса Делагарди и Софии Гюльденгельм, побочной дочери шведского короля Иоанна III.

Зимин А.А. Витязь на распутье. С. 158, 159.

Борисов Н.С. Иван III. С. 134.

Немцами тогда у нас называли не только собственно немцев, но и французов, и шотландцев, и др.

Маршалл По, профессор Гарвардского университета (США). «Выбор пути. Почему Москва не стала Европой» // Родина № 11/2003. С. 27.

Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М.: Новости, 1992. С. 87.

10 часов утра по современному времени, а по-тогдашнему – в четвертом часу дня.

Каменный собор постройки 1485 г. Позже был разломан, и рядом был возведен новый собор.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. С. 316–317.

В 1586 г. боярская группировка (Годуновы, вступившие в союз с Романовыми) добилась у царя Федора отправки в ссылку четверых князей Шуйских. Из них князь Андрей Иванович через полгода скончался в Каргополе при невыясненных обстоятельствах. Остальные к концу 1590 г. были возвращены в Москву, а в начале 1591 г. Василий и Дмитрий Ивановичи Шуйские уже заседают в Боярской думе.

Здесь и далее речь идет только о наследниках по мужской линии, поскольку наследования по женской линии на Руси просто не было до петровских времен.

Успенский собор служил местом венчания царей, в соборе хоронили московских митрополитов и патриархов.

Лавров Д. Святой страстотерпец, благоверный князь угличский царевич Димитрий, московский и всея России чудотворец. Сергиев Посад: Типография Св. – Тр. Сергиевой Лавры, 1912. С. 90.

Евдокимов Д. Воевода. М.: Армада, 1996. С. 53.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. С. 410.

Валишевский К. Смутное время. М.: СП «Квадрат», 1993. С. 111.

Все наши историки считают, что Димитрий всерьез собирался воевать с Османской империей. По мнению же автора, это было блефом, предназначенным для польского короля, римского папы, а также для внутреннего потребления.

В начале 1606 г., еще в царствование Димитрия, на Тереке появился новый самозванец – царевич Петр. На самом деле это был бродяга Илья, сын муромской проститутки Ульяны, которая ушла от мужа и прижила Илью от посадского человека Ивана Коровина. Подросший Илья поначалу торговал яблоками у нижегородского купца Грозильникова. Позже это занятие Илье надоело, и он подался в Казань на Волгу, а затем на Терек. На Тереке Илейке-Петру удалось собрать большой отряд гулящих казаков. Самозванец рассказал им фантастическую историю, будто Ирина Годунова, жена царя Федора Иоанновича, была беременна, но очень боялась своего брата, Бориса Годунова, который уже метил на царство. И вот, родив в 1592 г. сына, она подменила его девочкой, чтобы коварный Борис не извел младенца.

Имеются в виду не столько донские или запорожские казаки, сколько боевые холопы, крестьяне и посадские, ринувшиеся к Лжедмитрию II с целью поживы и именовавшие себя казаками.

Некоторые историки XIX в. отождествляли его с селом Троицко-Ильинское Ковровского уезда Владимирской губернии.

Русская четверть – это примерно четверть ведра, т. е. 3,075 литра.

23 марта 1611 г. в Иван-городе появился «вор» – дьякон Сидорка, назвавшийся царевичем Димитрием (Лжедмитрий III). Самозванец рассказал горожанам, что он якобы не был убит в Калуге, а «чудесно спасся» от смерти. 2 марта 1612 г. по предложению Ивана Плещеева первое ополчение присягнуло Псковскому вору. 12 апреля 1612 г. псковичи разоблачили Сидорку и взяли под стражу. 1 июля его повезли под Москву в стан первого ополчения, и по дороге он был убит.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. С. 671.

Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей. М.: Московский рабочий, 1986. С. 296–297.

Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей. С. 322.

Позднее дьяков из комиссии и ее руководителя князя Василия Шуйского обвинят в фальсификации, но, увы, доказательств подлогов так и не найдут.

Тогда они состояли из кофты, юбки и панталон.

Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М.: Товарищество русских художников, 1991. С. 147.

Там же. С. 146.

Ники – третий сын греческого короля Георга I. Георг I был сыном датского короля Кристиана IV и братом императрицы Марии Федоровны, а жена Георга Ольга Константиновна приходилась двоюродной сестрой Александру III. Так что греческий племянник Ники и по отцу, и по матери приходился родственником нашему Ники.

Дневники императора Николая II / Под ред. К.Ф. Шацillo. М.: Орбита, 1991. С. 38.

Дневники императора Николая II. С. 484–486.

Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М.: Алгоритм, 2005. С. 309–547.

Гончаренко О.Г. Три века императорской гвардии. М.: Вече, 2006. С. 151–152.

Болотин Д.Н. История советского стрелкового оружия и патронов.
СПб.: Полигон, 1995. С. 159.

Некоторое исключение представляли артиллерийские орудия. Часть из них была модернизирована в 1930 г., но и эта модернизация не вывела их на один уровень с современными орудиями Запада.

Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. С. 373.

Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. С. 471.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 7.

Цит. по: *Губарев В.К.* История Украины. Конспект лекций для студентов и преподавателей. Донецк: БАО, 2004. С. 186–187.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия.
М.: Советская энциклопедия, 1977.

Керенский А.Ф. Гатчина. 1922.

Там же.

Я специально ввел термин «плотно заселенный район», дабы исключить возможность оппонента говорить о проценте территории Российской империи, признавшей советскую власть. Дело в том, что в отдаленных районах Сибири и Дальнего Востока и в некоторых поселках не знали о свержении царизма даже в 1922–1925 гг.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия.
М.: Советская энциклопедия, 1977. С. 402.

Каледин Алексей Максимович (1861–1918), по происхождению из дворян, генерал от кавалерии. 17 (30) июня 1917 г. на Большом войсковом круге избран атаманом донских казаков.

Дутов Александр Ильич (1879–1921), по происхождению из дворян Оренбургского казачьего войска.

Царинный А. Украинское движение // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. М.: Москва, 1998. С. 196–197.

Здесь и далее я использую прилагательное «буржуазный» скорее не как указатель классовой принадлежности конкретной партии или организации, а как метку, помогающую читателю понять их политическую ориентацию.

Цит. по: *Алтабаева Е.Б.* Смутное время: Севастополь в 1917–1920 годах. Севастополь: Телескоп, 2004. С. 102.

Алтабаева Е.Б. Смутное время. С. 103.

Гидрокрейсер «Румыния» (база гидросамолетов) – бывший румынский пароход водоизмещением 4500 т. Скорость 16 уз. Вооружение: четыре 152/45-мм и одна 75/50-мм пушки.

Подробнее об этом рассказано в моей книге «Три войны „великой“ Финляндии» (М.: Вече, 2006).

Между прочим, после разгрома революционной организации «чайковцев» Чайковский в 1874 г. эмигрировал в Англию и только в 1906 г. вернулся в Россию.

В годы Первой мировой войны рубль потерял свое золотое содержание.

Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 354.

Мейер Г.А. Война на Волге // Флот в белой борьбе / Состав. С.В. Волков, М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. С. 414–416.

Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М.: Книга, 1990. С. 125.

7 октября 1918 г. переименован в «Борец за Свободу». Построен в 1896 г. Длина 24,8 м, ширина 5,0 м, осадка 1,8 м. Машина мощностью 240 л. с., скорость 7 уз. Вооружение: две 47-мм пушки Гочкиса на носу, одна 37-мм пушка на корме, 3 пулемета.

Ленин В.И. Военная переписка (1917–1920). М.: Воениздат, 1956. С. 59.

Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 134–136.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. С. 224.

В 20—30-е годы XX в. милитаристами в Китае называли генералов, контролировавших те или иные районы Китая и не подчинявшихся или почти не подчинявшихся центральному правительству.

Юзефович Л. Самодержец пустыни. М.: Эллис Лак, 1993. С. 115.

Цит. по: *Лехович Д.В.* Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М.: Воскресенье, 1992. С. 193–194.

Лехович Д.В. Белые против красных. С. 213.

Там же.

Цит. по: *Алтабаева Е.Б.* Смутное время: Севастополь в 1917–1920 годах. С. 177–178.

Там же. С. 178.

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. III. Юго-запад / Под ред. А.А. Соболева, Ленинград. 1925. С. 25.

Алтабаева Е.Б. Смутное время: Севастополь в 1917–1920 годах. С. 208.

Флот в Белой борьбе / Составит. С.В. Волков. С. 86.

Цит. по: *Лехович Д.В.* Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. С. 213.

Лехович Д.В. Белые против красных. С. 220.

Лехович Д.В. Белые против красных. С. 224–225.

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. III. Юго-запад. С. 59–60.

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров, АСТ, 1999. С. 408.

Алтабаева Е.Б. Смутное время: Севастополь в 1917–1920 годах. С. 239.

Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. С. 233.

Лехович Д.В. Белые против красных. С. 234.

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. III. С. 87.

Слащов-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. М.: Наука, 1990. С. 42.

Слащов-Крымский Я.А. Белый Крым. С. 43, 44.

Там же. С. 54–55.

Это версия Врангеля, а Слащов утверждал, что барон захватил пароход «Александр Михайлович» и сделал его своей резиденцией.

Цит. по: *Петр Врангель*. Оборона Крыма в 1920 г. / Гражданская война в России: оборона Крыма. М.: ООО «Издательство АСТ», СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 188.

Петр Врангель. Оборона Крыма в 1920 г. С. 179.

Там же. С. 327.

Марковская дивизия (Офицерская генерала Маркова дивизия) сформирована 14 октября 1919 г. на базе Марковских полков 1-й пехотной дивизии Вооруженных Сил Юга России (Деникинской армии). В середине января 1920 г. насчитывала 641 офицера и 1367 солдат. Дивизия названа в честь Маркова Сергея Леонидовича. Марков к 1917 г. генерал-лейтенант, начальник штаба Юго-Западного фронта. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Убит 12 июня 1918 г. у станции Шаблиевка.

Слащов-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. С. 100.

Бабиев Николай Гаврилович родился в 1887 г. в семье казачьего офицера. 18 июня 1919 г. получил звание генерал-лейтенанта. В русской армии начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии. Убит 30 сентября 1920 г. у села Шолохово.

Улагай Сергей Георгиевич родился в 1875 г. в семье офицера. С 12 ноября 1918 г. генерал-майор. С 1919 г. генерал-лейтенант. Умер 20 марта 1947 г. в Марселе.

История отечественной артиллерии. Т. III. Артиллерия Советской Армии до Великой Отечественной войны (октябрь 1917 – июнь 1941 гг.). Кн. 7. Советская артиллерия в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР (1917–1920 гг.), М. Л-д: Воениздат, 1963. С. 608–609.

В русской крепостной артиллерии были 152-мм пушки образца 1877 г. весом в 190 и 120 пудов, и их так официально именовали.

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. III. С. 220. (Курсив А.А. Соболева.)

Болиндер – самоходная баржа, вооруженная одним-двумя 152-мм орудиями. Название свое баржи получили из-за установленных на них шведских бензиновых двигателей «Болиндер».

Эльпидифор – мелкосидящее морское торговое судно с машиной в кормовой части. В годы Первой мировой войны мобилизованные и вновь построенные эльпидифоры использовались в качестве канонерских лодок и десантных судов.

Старый бронепоезд «Иоанн Калита» был брошен 12 марта 1920 г. На его базе был сформирован красный бронепоезд № 40. Новый бронепоезд «Иоанн Калита» был сформирован в начале лета 1920 г. в Крыму на базе 2-й батареи 1-го дивизиона тяжелой артиллерии.

Цит. по: *Петр Врангель*. Оборона Крыма в 1920 г. / Гражданская война в России: оборона Крыма. С. 441–443.

Там же. С. 443.

По данным Иванова В.Б. Тайны Севастополя. Кн. 1. Тайны земные. Севастополь: КИЦ «Севастополь», 2005. С. 173.

ЦХИДК. Ф. 211. Оп. 1. Д. 188.

Бела Кун – венгерский еврей, председатель венгерской компартии. В августе 1920 г. эмигрировал в Советскую Россию. В 1939 г. расстрелян по обвинению в шпионаже. В 50-х годах реабилитирован.

Землячка – Розалия Самойловна Залкинд (1876–1947), член РСДРП с 1906 г., с 1939 г. член ЦК ВКП(б).

Семанов С.Н. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 года. М.: Наука, 1973. С. 184.

Семанов С.Н. Кронштадтский мятеж. М.: Алгоритм, 2003. С. 253–254.

Семанов С.Н. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа
1921 г.

Газета «Труд». 21 октября 1990 г.

«Россия и Китай» (М.: Вече, 2004), «Три войны „великой“ Финляндии» (М.: Вече, 2006), «Давний спор славян» (М.: АСТ, 2006). Готовятся к изданию «Утерянные земли России. Отколовшиеся республики», «Украина и Россия. Когда заговорят пушки...».

Урланис Б.Ц. История военных потерь. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1998.
С. 185.

Там же. С. 188.